

Исторический очерк русского проповедничества епископ Иаков (Домский)

«Прошедшее живет в настоящем, но не может защищать себя. История выясняет теорию прошлого, и разумное оправдание ее – в фактах действительной жизни».

Введение. Общие сведения о проповедничестве

Значение исторического Очерка

Исторический очерк есть изображение существенных черт или явлений исторической жизни, в коих выражается ее дух и направление. Исторический очерк обыкновенно предшествует появлению специальной истории в каком-либо роде, и тем доказывает, что главные источники и материалы этой науки разработаны литературой, и выражаемый ими дух и направление жизни достаточно выяснены критикой. Поэтому, основательный очерк заменяет до поры специальную историю в своем роде; но и с появлением ее он не теряет вполне своего значения. Представляя в сжатом виде существенные черты исторической жизни, очерк служит пособием для специальной истории, содействуя к скорейшему уразумению ее задачи.

Предлагаемый очерк есть сокращение уроков, по истории проповедничества, читанных в одном учебном заведении. Он имеет общую научную цель: ознакомить читателей с историей русской проповеди и влиянием ее на нравственную и гражданскую жизнь народа, и частную – указать средства, на основании исторических исследований, к правильной постановке современной проповеди. Для достижения столь важных целей, могущих содействовать общественному благу, очерк составлен на основании всех источников и материалов русского проповедничества, разработанных учеными комиссиями и писателями, особенно с 20–30 годов XIX века. Источники и материалы эти будут указаны с возможною подробностью. Нельзя ожидать, чтобы предлагаемый очерк, как первый опыт в своем роде, был безукоризнен во всех отношениях; и это тем более верно, что не все еще библиотеки в России, общественные и частные, описаны, не все древние рукописи приведены в известность. Одна Софийская новгородская библиотека (в Петербургской академии) потребует много времени для своей окончательной разработки и ждет многих усердных деятелей. Тем не менее верно и то, что последующая разработка рукописей (за исключением патриаршего периода) не обещает особенно важных

материалов для уяснения характера русского проповедничества, так как в них большею частью повторяются уже известные материи, оцененные критикой. Поэтому и предлагаемый очерк, за недостатком лучшего руководства, обнимающего судьбу русской проповеди за 1600 лет, может принести некоторую пользу науке.

Источники русского проповедничества

Источниками русского проповедничества, особенно древнего, служат древние рукописные сборники, хранящиеся в монастырях, Сергиевой лавре, Чудовом монастыре, и других, а также в духовных академиях. К подобным сборникам надобно отнести Великие Четьи Миней м. Макария, Четьи Миней Димитрия ростовского и Пролог. Затем следуют: полное Собрание русских Летописей; Летописи русской литературы и древностей Тихонравова; Памятники старинной русской литературы и под. Акты исторические, экспедиции, и другие; Описание рукописей Царского, – Толстого, – Румянцевского музея и под.; Историческая хрестоматия Буслаева, Аристова, и другие; Примечания к Истории Карамзина. Но самым полным, богатым и драгоценным источником русского проповедничества служит: Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки (отдел II); в нем содержится описание наиболее известных, бывших в общем употреблении, проповеднических сборников. Что касается произведений позднейших проповедников – XVII–XIX века, то почти все они состоят на лицо, и особенно за последнее столетие составляют громадную массу печатного и рукописного материала, постоянно увеличивающуюся, при содействии учебных заведений. Материалы для уразумения духа и направления русских проповедников и проповедничества находятся в духовных журналах – Православном Собеседнике, Творениях св. отцов, Трудах киевской академии, Руководстве для сельских пастырей, Христианском Чтении, Духовном Вестнике, Православном Обозрении, Воскресном Чтении, Страннике, Духе Христианина, и особенно в Истории русской церкви пр. Макария, и в Обзоре русской духовной литературы; в светских сочинениях – в Истории русской Словесности Галахова, Порфирьева, Шевырева; в Известиях

Академии наук (отдел II), в Журнале министерства народного просвещения, Москвитянина и других. Из отдельных сочинений, брошюр и монографий заслуживают упоминание:

Русская Проповедь в XV и XVI веках – о. Николаевского, Юго-западное проповедничество – г. Терновского, Наука и Литература при Петре I-м – г. Пекарского, Придворные проповедники времени императрицы Елисаветы – г. Попова, Феофан Прокопович и Стефан Яворский – г. Самарина, Неизданные проповеди Стефана Яворского, Феофан Прокопович и его время, – г. Чистовича, Св. Димитрий ростовский – пр. Горского, и другие. Материалы для уразумения быта и состояния русского духовенства находятся в Церковной Истории г. Знаменского и в отдельной диссертации его – Приходское Духовенство со времени реформы Петра, и отчасти в сочинении г. Щапова – Русский Раскол Старообрядства. Богатые материалы для уразумения гражданского быта, нравственного состояния и вообще характера русского народа находятся в Истории России г. Соловьева, в Исторических Очерках русской народной словесности г. Буслаева, в Полном Собрании законов, и отчасти в сочинении г. Щапова – Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. О нравах русских есть много свидетельств у иностранных писателей, особенно в Путешествии Олеария (перев. 1870 г.). При всем старании указать все источники и материалы русского проповедничества, мы не можем исполнить этой задачи с идеальной точностью, по бесчисленности сочинений этого рода и статей, разбросанных в разнохарактерных изданиях.

Что же касается обобщения изложенных материалов и научного изложения русского проповедничества, то и в этом отношении сделана удовлетворительная попытка, которая пролагает путь более серьезному историческому труду. Мы разумеем книгу, под заглавием: «Русское Проповедничество». В этой книге в общих чертах указан характер русского проповедничества и намечены периоды развития его, за 1000 лет. Как сама книга, так и особенно рецензии, высказанные по поводу ее разными журналами, дают нам возможность с большою определенностью охарактеризовать русское проповедничество в предлагаемом «Очерке»¹.

Понятие о проповеди и проповедничестве вообще

Проповедью вообще называется речь о каком-либо предмете, произносимая в собрании народа. Проповедью в собственном смысле называется речь, имеющая предметом своим вероучение и произносимая в церковном собрании. Образцы церковной речи или проповеди находим в беседах Спасителя и в посланиях апостольских. Такова проповедь, сказанная в храме, в которой обличаются предрассудки, тщеславие и корыстолюбие фарисеев (Мф.23.). В послании ап. Иакова, после наставлений о терпении, обличается пренебрежение к бедным, сварливость и т. п. Сообразно с важностью предмета и места, проповедь подчиняется научным правилам относительно изложения мыслей и выражения их, в слове, логической форме и произношении. Образцы проповедей научных, или так называемых «слов», стали появляться с развитием риторических и гомилетических правил с IV–V века, и особенно с развитием диалектики и средневековой схоластики. Впрочем, проповедь, сообразно с требованиями нравственно-религиозной жизни, нередко излагается в виде экспромта, импровизации, с свободным течением мыслей, и произносится вне церкви.

В каком бы виде ни излагалась проповедь, она всегда по содержанию своему бывает: отвлеченная или догматическая, практическая и смешанная. Отвлеченною или догматическою называется та проповедь, которая излагает теоретическое учение: догматы или правила веры, нравственные предписания или правила деятельности, обрядовое учение, в котором наглядно выразились христианские догматы, – церковно-историческое, в котором осуществились правила христианской деятельности. Практическою называется та проповедь, которая имеет содержанием своим чисто практические вопросы, явления действительной жизни, состоящие в связи с предписаниями веры и подлежащие ее руководству. Проповедь смешанного содержания обыкновенно примешивает к догматическому учению некоторые практические мысли, в виде

советов и обличений, без надлежащего развития их, единства предмета и последовательности выводов.²

Проповедничеством вообще называется совокупность литературных произведений, относящихся к проповеди. Сюда относятся во-первых: проповеднические памятники известного направления, проповеди разных родов и видов, и теоретические пособия или правила к составлению их. Во-вторых: указание исторических причин, имевших влияние на дух и направление проповеди, как: условий гражданской жизни народа, на сколько она соприкасалась с учением веры, быта духовенства, как проповеднического сословия, и других обстоятельств.

Задача русского проповедничества

Общее понятие о проповедничестве выясняет задачу русского проповедничества, или истории его. Оно указывает те точки зрения, с которых необходимо начинать историю русского проповедничества, и назначает вопросы, которыми должна заниматься эта наука. История, или исторический очерк русского проповедничества должен изобразить, в главных чертах, судьбу отечественной проповеди, за все время ее существования. Для сего необходимо сообщить сведения, во-первых, о развитии проповеднического материала; а) самой проповеди, в ее своеобразном содержании и направлении. Сюда относятся: проповеднические сборники для церковного и домашнего употребления, отдельные издания произведений многочисленных проповедников, образцовые хрестоматии, проповеди рукописные и устные, произносимые в соборах и приходских церквях, в монастырях и учебных заведениях, а также миссионерские проповеди, б) проповеди в ее выражении со стороны слога или языка, формы логической и произношения. Сюда относятся теоретические пособия, руководящие в составлении проповедей: грамматики, риторики, гомилетики, указатели евангельских тем и библиография памятников проповедничества, проливающая на них исторический свет своею хронологией. Во-вторых, о причинах, имевших влияние на ход и направление проповеднического материала. Сюда относятся: гражданский быт русского народа, его характер, умственные и нравственные особенности, насколько все это соприкасалось с учением веры, и давало проповеди особое настроение. Переводы Св. Писания, церковное богослужение и богослужебные книги, как источник проповедничества и нравственного воспитания народа. Состояние школ, монастырей и просвещения народного, характер светской и духовной литературы, влияющей на общественную жизнь, нравственность и настроение умов. Влияние на народное настроение иноземного просвещения, иноземной литературы и проповеди, и пришлых деятелей,

проповедников, писателей, учителей, странников и паломников. Гражданский быт и нравственное состояние духовенства, белого и монашеского, как просветительного сословия. Общественное положение главных деятелей проповедничества и представителей его разнообразного направления. Административные распоряжения о процветании проповеди: школьные упражнения в проповедничестве; консисторские расписания срочных проповедей, деятельность миссионерская, состояние духовной цензуры. Состояние и требование литературной критики, служащей представителем общественного мнения, и отношение общества к современной проповеди, под влиянием указанных причин.

Характер русского проповедничества, и периоды его

Русское проповедничество в течение огромного пространства времени, именно целого тысячелетия, не отличалось самобытностью, не имело самостоятельного характера, и состояло под влиянием проповедничества иноземного. Состоя под влиянием иноземного проповедничества, оно заимствовало от него отвлеченный характер, как в содержании своем, так и в изложении, в логической форме. В этом подражательном, отвлеченном направлении русское проповедничество прошло два периода, различные по характеру своему, от которых оно заимствует особые названия. В первый период, с IX до половины XVII века (с 867 до 1664 года), русское проповедничество состояло под влиянием проповедничества греческого, и потому называется *греко-русским*. Во второй период, с половины XVII до половины XIX века (с 1664 до 1856 г.), русское проповедничество находилось под влиянием проповедничества латинского, и потому называется *латино-русским*. Проповедничество первого периода в продолжение почти 800 лет находилось под исключительным руководством Церкви, и в связи с ее судьбою подвергалось разным переменам в своем развитии. С 867 года и особенно с XI века до 1448 года русское проповедничество постепенно расширялось и обогащалось, при содействии образованных пастырей-греков, возводимых на русскую митрополию. С 1448 до 1664 года русское проповедничество приходило в упадок и наконец прекратилось, вследствие возведения на русскую митрополию природных пастырей, малообразованных. Проповедничество второго периода в продолжение почти 200 лет находилось под главным руководством школы, и в связи с ее жизнью испытало перемены в своем развитии. С 1664 до 1721 года, издание Регламента, русское проповедничество отличалось совершенно схоластическим направлением. С 1721 до 1856 года схоластика

русского проповедничества ограничена Регламентом, и содержание его несколько оживлено практическим элементом.

С окончания крымской войны начинается третий период русского проповедничества, который можно назвать самостоятельным. Если в 200 лет второго периода несравненно более сделано проповедниками для обогащения отечественной проповеди, чем в 800 лет первого периода: то в последние 20 лет несравненно более сделано для правильной постановки проповеди и применимости ее к жизни, чем в предыдущие 10-ть веков! И это объясняется просто, силою вещей и естественным ходом исторических причин. С пробуждением общественного мнения в России и духовной журналистики, выражающей его требования, обращено должное внимание и на церковную проповедь; ибо общество понимает, что проповедь есть сильнейшее средство к нравственному и гражданскому преспеянию народа, так как на него – и искусство слова, и высота учения, и божественный авторитет, для всех обязательный. Поэтому, видя односторонность и малоуспешность нашей проповеди, ее отвлеченный характер и малоприменимость к жизни, к современным требованиям христианской нравственности, общество хочет взять дело проповедничества под свой надзор. Это усилие проявляется, с одной стороны, во множестве сочинений о проповедничестве, а с другой стороны – в практическом применении взглядов, проводимых литературою, Эти взгляды усваиваются нашим духовенством, особенно на его съездах, и духовно-учебными заведениями, с нынешним преобразованием их.

Вывод из предыдущего

Изобразив судьбу русского подражательного проповедничества, в главных его чертах, предлагаемый очерк историческим путем выяснит его достоинства и недостатки, как в направлении содержания и внешнего выражения, так и в степени его влияния на жизнь, на нравственно-религиозное и гражданское преспеяние русского народа, в течение 1000 лет. А такое исследование, по самой важности и современности своего предмета, каковы бы ни были недостатки его изложения, принесет некоторую пользу науке и жизни. С одной стороны, на основании исторических данных, оно покажет, в чем состоят недостатки современной проповеди, в отношении ее содержания и выражения, и какие перемены необходимы ныне в ее составе; с другой стороны, правильной постановкой вопроса о приложимости проповеди к современным нуждам, оно может ускорить развитие народа, коснеющего в предрассудках. Таким образом предлагаемый «Очерк» может послужить прочным основанием самостоятельного русского проповедничества, при самом возникновении его, в начале третьего периода.

Направление предлагаемого сочинения

Ни в одной отрасли истории не заключается столько жизни, мысли, чувства и назидания, сколько в истории проповедничества. Здесь историческая жизнь выражается не в одних фактах, но в литературных произведениях, мыслях и чувствах, высказанных свободно, без всякого внешнего давления. Поэтому, задача историка проповедничества сложнее и тоньше задачи прочих историков. Он должен отличаться особым чутьем исторической жизни, способностью понимать дух времени, мысли и чувства, выраженные в литературе. Он не ограничивается разбором архивов, цитат и фактов, которые еще не дают жизни, но изображает духовные стремления народа, выраженные в литературе, и так сказать идеальную сторону истории. Поэтому, историк проповедничества должен быть чужд односторонности, партии, искажению правды. Он с недоверием относится к источникам, намеренно или ненамеренно искажающим истину, избегает преувеличений, прикрас, и т. под. Изображая жизнь такою, какова она есть, с недостатками, он не может «обмывать, как говорится, не замачивая». Здесь, по справедливости, не имеет места принятое правило: «смотреть на жизнь снисходительно и даже с похвалою, если она не совсем дурна или имеет хорошую сторону». Верный взгляд на жизнь, без жалости и гнева, полезнее искусственных взглядов, вводящих в заблуждение. Из чтения правдивой истории можно вынести заслуженное уважение к людям, или сострадание, и вместе с тем строгие правила для жизни, практическое применение к настоящим потребностям. Напротив, из примера древних государств мы убеждаемся, как подозрителен внешний лоск в истории, и как вредно действует на нравы, образование и совесть народа искусственная речь. Вот тот взгляд и направление, которым сочинитель искренно руководствовался при составлении предлагаемого «Очерка».

Часть I. Период первый (867–1664 гг.)

Проповедничество греческое

Для у разумения характера проповедничества греко-русского необходимо ознакомиться: а) с характером проповедничества греческого, от которого русское получило свое начало и направление; б) со способом проникновения его в Россию, и средствами, которыми оно поддерживалось в русской Церкви; в) с бытом и характером русского народа, на который влияла греко-русская проповедь, и от которого, в свою очередь, получала особое настроение; г) и наконец с проповедничеством русским, показав в составе его черты заимствованные, подражательные, и черты самостоятельные, служившие выражением русской национальности.

1) Характер проповедничества греческого

Проповедничество греческое по характеру своему отвлеченно, далеко от жизни действительной, ее тревог, запросов и недоразумений. В отношении содержания своего оно должно быть названо догматическим вообще, как совокупность правил веры и деятельности христианской. Направление этого содержания есть по преимуществу истолковательное, состоящее в изъяснении текста Св. Писания. Причина такого направления заключается в том, что греки первые из цивилизованных народов приняли христианство, и на них лежала обязанность изъяснить Св. Писание, как источник христианского вероучения. Проповедническая форма (или прием), при тогдашнем состоянии науки, была самым удобным средством для проведения богословских знаний в литературу и жизнь. Главным пособием истолковательного проповедничества служило сочинение Оригена: «Толкование на библию». В этом сочинении Ориген изъясняет текст писания трояким способом, – в смысле буквальном, нравственном и иносказательном. Он учит, что «во всех тех местах (Св. Писание), где есть смысл буквальный, надобно искать смысла таинственного». Сочинение Оригена имело значительное влияние, между прочим, и на развитие символизма в истолковательном проповедничестве. Проповедничество истолковательное в четвертом веке достигло полного своего развития и законченности, особенно в сочинениях Иоанна Златоуста. Св. Златоуст истолковал почти все Св. Писание, и до нас дошло более 800 его бесед, по преимуществу истолковательного содержания. Правда, и после Златоуста, до позднейших времен греческой империи, многие проповедники предлагали в своих беседах истолкование Св. Писания; но их толкования большею частью подражательного характера и не отличаются тою ясностью мысли и правильностью понимания, какие видим в беседах Златоуста. Так например блаж. Феодорит в своем толковании писания пользовался трудами прежних св. отцов и особенно – Златоуста. Экумений в своих толкованиях большею частью

ограничивался отеческими мыслями. Св. Нил объяснял писание в аллегорическом смысле. Максим исповедник от избытка аллегорий и гипербол в объяснении писания отличается темнотой мысли и изложения. Не распространяемся о Полихроние, Исихии, Исидоре Пелусиоте, Кирилле Александрийском, Фотие и других толкователях писания в собственном и подражательном тоне. «Св. Писание, со времен Оригена, служило неистощимым родником проповеднических материй. Из дошедших до нас проповедей от первых веков христианства три четверти, если не больше, посвящены толкованию Св. Писания. Вдохновение, какое получали здесь отцы церкви, объясняет изумительную плодovitость, какую поражает нынешнего читателя, идущая изо дня в день проповедь III – и V века. Представителям этой неустанной проповеди ненужно было долгих приготовлений для постановки и обсуждения вопросов речи. Их работу облегчала библия, части которой они проходили в церковном слове, страницу за страницей, текст за текстом, заимствуя здесь и материал для своих поучений, и главные доказательства к их раскрытию. От юности знакомые с писанием, они без труда раскрывали необъятный смысл его. И каждая объясненная страница библии давала им повод к нескончаемой импровизированной беседе о великих тайнах писания»³.

Следствием истолковательного направления греческого проповедничества было разделение его на две особые ветви: проповедничество полемико-догматическое и нравственно-аскетическое. Так как с изъяснением писания, предложенного народу в проповедях, начались религиозные споры и ереси; то это послужило поводом к точнейшему изъяснению догматов веры и правил деятельности христианской, и вместе с тем к опровержению ересей. А поскольку в то же время окончательно выяснялся идеал христианской жизни и высокого нравственного совершенства: то стремление многих к святости породило аскетическую проповедь. Таким образом явилось проповедничество *полемико-догматическое* и *нравственно-аскетическое*.

Полемико-догматическое. Христианское вероучение с самого появления своего вооружило против себя многих врагов, как со стороны иудеев и язычников, так особенно со стороны философских сект. Главная причина тому заключалась в превосходстве самого учения, недостижимой глубине его основных догматов и чистоте нравственных требований – торжества духа над плотью. Второстепенная причина заключалась в философском направлении эпохи и усилии философов и сектантов ввести христианские догматы в формы логического разума и согласить их с мнениями различных сект. Само собою понятно, что особенно частым и сильным нападением врагов подвергались коронные догматы христианства – о троичности Божества и особенно о лице Иисуса Христа, как наиболее непостижимые. Замечательнейшие из враждебных сект иудейских – евионеев, отвергавшая Божество Иисуса Христа, и николаитов, отвергавшая грех и нравственный закон. За ними следуют разные секты гностиков (из иудеев и язычников), допускавших в Божестве и в природе человека два начала, доброе и злое. Собственно ереси в христианстве обнаружались с особенною силою в IV и последующих веках. Причиною тому было, с одной стороны, водворение мира в греческой империи и усиление в школах риторики Квинтилиана и диалектики Аристотеля (особенно с VI века), а с другой стороны склонность греков к словопрению, особенно в догматах веры, которую Григорий Богослов называет «болезнью языка». В богословской литературе греков по преимуществу встречаем утонченные споры из-за одной иоты, напр: «Господь созда мя, ἔκτισε стяжал и ἔκτισε создал»⁴.

Понятно, что проповедники христианства, особенно пастыри IV века, знаменитые словом и жизнью, употребляли все усилие ума своего к опровержению ложных учений и ересей и к утверждению христианских догматов. Их ревность о славе Божией и спасении ближних была безгранична. И потому, при всяком удобном случае, они касались, в своих проповедях, заблуждений язычников и иудеев и учения еретиков; так они поступали, обыкновенно, при изъяснении Св. Писания. В изъяснительных беседах Златоуста всего более находим

обличений иудеям, язычникам и разным еретикам. Что же касается защиты основных догматов христианства о Троице, лице Иисуса Христа, и т. под.: то в этом отношении пастыри Церкви не ограничивались, так сказать, полумерами. Они написали множество проповедей догматического содержания, в которых подробно раскрыли основные догматы христианства и заблуждение еретиков относительно этих догматов. Так в огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского, составленных по символу веры, объясняющих главные догматы и обряды церковные, находим и обличение ересей. Напр. в 6-м оглашении св. Кирилл обличает допускавших два начала в Божеской природе; в 10–11 оглашении обличает арианское учение: «было время, когда не было (Сына)», и опровергает савелиан; в 11 – 12 оглашении обличает иудеев, отвергавших воплощение Сына Божия, и порицает гностиков, называя Матерь Божию Девою Богородицею; в 16 – 17 оглашении, говоря о Духе Святом, обличает Монтана, Манеса и Маркиона; в 18 оглашении обличает самарян, отвергавших воскресение мертвых. Самое подробное и точное раскрытие главных догматов христианства и в связи с ним опровержение ересей находим в словах Афанасия Великого и Григория Богослова. Св. Афанасий в четырех словах догматического содержания подробно раскрыл учение веры о лице Иисуса Христа и опроверг заблуждение ариан; в четвертом слове он коснулся заблуждения евсеев, Валентина и Павла Самосатского. Григорий Богослов в пяти словах «о богословии» подробно излагает учение о Св. Троице и опровергает заблуждение евномиан и македониан. В его словах догматическое учение достигает особенной тонкости в мыслях и точности в выражениях; и потому пять слов «о богословии» сделались образцом точного изложения учения о Троице, для последующих богословов. В полемико-догматическом отношении заслуживают внимание двенадцать слов Григория Нисского против Евномия; двадцать девять слов Кирилла Александрийского о праздновании пасхи и других догматах, с обличением иудеев, язычников, несториан; двадцать бесед против Нестория и слово об исходе души.

Нравственно-аскетическое. Вместе с изъяснением догматов веры, проповедники излагали в своих беседах и правила деятельности христианской, и если догматами они утверждали христиан в вере, то правилами христианскими возбуждали их нравственные стремления. Это возбуждение нравственных стремлений особенно усиливается с IV века, с развитием нравственно-аскетического проповедничества.

Нравственное учение с особенною полнотою и одушевлением изложили в своих беседах вселенские учителя, опытно прошедшие духовную жизнь. Более всех в этом отношении сделал св. Златоуст. Он самое Св. Писание объяснял не столько с научною, сколько с нравственною целью – исправить своих пасомых. Обыкновенно вторую половину своей беседы он посвящал нравственному учению. Посему издавна делали извлечение нравственных мыслей из бесед Златоуста (ἐκλόυοι). Василий Великий, при объяснении псалмов, шести дней творения и т. под., тоже делал нравственные приложения к слушателям, увещания, обличения и утешения. От Григория Богослова до нас дошло не более 50-ти проповедей, больше догматического содержания; но известно, что он своими словами, в два с небольшим года, исправил нравы константинопольцев. Кроме того, греческие проповедники, особенно Василий Великий и Иоанн Златоуст, написали много слов чисто нравственного содержания и аскетического, в которых слегка касаются и земных предметов. Таковы образцовые слова Златоуста, нравственного содержания, о статуях и обстоятельствах его жизни; аскетического содержания – постнические слова Василия Великого. В нравственном учении вселенских учителей положено прочное основание аскетическому проповедничеству. Их одушевленные наставления не ограничивались правилами обыкновенной деятельности христианской, но внушали потребность высших подвигов, аскетизма, которым были проникнуты сами. В беседах св. Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова ясно проведена мысль о самоотвержении христианском, смирении, пренебрежении к суетному миру, потребности покаяния, слез, молитвы, особенно ночной, поста и

умерщвления плоти. Даже в догматических словах Григория Богослова встречаем подобные мысли. Например: приготавливая своих слушателей к словам «о богословии» и обличая их страсть к религиозным спорам, он говорит: «что значит эта страсть к словопрениям? что значит эта болезнь языка? что это за новый недуг и жажда ненасытная? Нам нет дела до странноприимства, братолюбия, супружеской любви, девства, призрения бедных! Всенощное стояние, слезы, усмирение тела постом (тоже) не (относится) до нас» ... Изображая идеал христианского совершенства, вселенские учителя требуют полных добродетелей. «Как ты удостоишься быть вместе с Иовом, говорит Василий Великий, не имея его терпения? Как – с Авраамом и другими праведниками, не подражая их добродетелям?» Изображая, в своих беседах, идеал христианской нравственности теоретически, вселенские учителя подкрепляли его живыми примерами в похвальных словах подвижникам благочестия. По силе одушевления и убедительности особенного внимания заслуживают похвальные слова мученикам Василия Великого, например – св. Гордию.

Вообще, нравственное учение в проповедях вселенских учителей достигло высшего своего развития, и потому послужило основанием аскетической проповеди.

Этому содействовали и посторонние обстоятельства – строгая жизнь проповедников, их высокое положение в иерархии, полужыческие нравы греков и отсутствие гуманитарных наук, которые разграничивали бы обязанности мирян и иноков. Вследствие нравственного впечатления, произведенного на современников словом и авторитетом вселенских учителей, лучшие из учеников их стали стремиться к аскетизму и выразили свои стремления в аскетическом проповедничестве. Для примера достаточно указать на учеников св. Златоуста: Марка подвижника, Исидора Пелусиота, препод. Нила, Кассиана римлянина и других. Аскетические проповеди этих и последующих подвижников было бы слишком долго перечислять. Для нашей цели достаточно будет коснуться главных памятников аскетического проповедничества,

утвердивших навсегда монашескую жизнь и выражающую ее стремление аскетическую проповедь.

Самым прочным и существенным основанием аскетического проповедничества послужили покаянные проповеди Ефрема Сирина. Ефрем, образовывавшийся, по греческим сочинениям и благоговевший пред авторитетом Василия Великого, устроителя монашества (монашеские правила), всегда проповедовал о сокрушении сердца и покаянии, при чем часто плакал и воздыхал. Он нередко и начинал свои поучение словами скорби: «сокрушайся, душа моя!» «приидите, братие, будем сокрушаться сердцем и рыдать – день и ночь!» Частными темами его скорбного и покаянного проповедничества были; страх Божий, смерть, суд, вечные муки, как побуждение к исправлению жизни и покаянию; внимание к себе самому, удаление от страстей, суетных вещей, соблазнов и вообще невоздержания, как средства, избавляющие от гибели; добродетель, смирение, молитва, девство и вообще нравственное совершенство, ведущие в жизнь. И вообще, нет нравственного предмета, о котором не учил бы св. Ефрем, в чем удостоверят нас самые заглавия слов его. Например, слова о добродетелях и пороках, о любви, о терпении, о молитве, о посте, о безмолвии, о страстях и злоязычии, о низложении гордыни и честолюбии, о покаянии, сердечном сокрушении и умилении, слова о подвигах и совершенстве, о брани с диаволом во время искушения, о суете настоящей жизни и о том, что не должно дивиться временному, обольщаться приятностями жизни, о том, что должно плакать о себе, слова умилительные. Все эти темы изложены в проповедях св. Ефрема таким тоном, что вообще, как спасительное назидание, могут относиться, более или менее, и к каждому христианину. Но следующие темы раскрыты в совершенно аскетическом духе и назначены для иноков. «Увещательные слова (инокам)», «увещание аскетам», «о жизни духовной», «о совершенстве инока», и т. под. Аскетический тон замечен и в полемико-догматических словах Ефрема. Изложенные темы часто повторяются в проповедях Ефрема на разные лады, и, как любимые его идеи, нередко достигают, в своем изложении,

высокого одушевления. Таково, например, патетическое слово о страшном суде, в котором проповедник трогательно изображает прощение грешников, осужденных на вечные муки, с праведниками. Между темами отвлеченного свойства в проповедях Ефрема попадаются и такие, которые имеют некоторое отношение к жизни, например: «о том, чтобы не соблазнять ближнего», «о тех, которые прельщают сердца на нечистоту», и, что особенно важно, по тогдашним нравам, «о любви к бедным». Вообще же, по характеру своего слова св. Ефрем сходен со св. Златоустом, который богат нравственными мыслями и называется проповедником покаяния и любви к ближнему. Он сходен с ним и по объему проповеднических произведений. Патр. Фотий приписывает св. Ефрему более 1,000 поучений. Поэтому проповеди св. Ефрема и Златоуста могут служить богатым пособием для проповедников покаяния и любви к ближним. Остается заметить, что на покаянное настроение св. Ефрема имело влияние одно несчастное обстоятельство, по которому он в молодости своей подвергнут был заключению в темницу.

Если вселенские учителя своими проповедями и авторитетом подали повод к развитию аскетического проповедничества, а Ефрем Сирин положил ему основание, раскрыв начальную добродетель о покаянии: то св. Макарий Египетский с успехом продолжил это дело, став на вторую ступень в развитии аскетического проповедничества. В 50-ти беседах о духовной жизни он, с глубокомыслием философа-богослова, исследует ту силу, которая возрождает поврежденного грехом человека и возводит его к нравственному совершенству. Сила эта – благодать или помощь Божия. Изображая возрождение грешного человека, проповедник с удивительною ясностью разграничивает силы, действующие в душе; врожденный грех, дьявола, свободу, способную к добру, и благодать, ведущую к совершенству. Собственное убеждение в тайнах духовного возрождения, приобретенное 60-ти летними подвигами в пустыне, он сообщает и читателю. «Смотри, говорит проповедник, будь достоин и благоугоден, и на деле, самым чувством, постигнешь неизреченные утешения,

неизмеримые богатства Божества, блага небесные». Таким образом, в области аскетического проповедничества св. Макарий, названный за свои подвиги великим, становится на вторую ступень, или возводит, здание на положенном основании.

На этом проповедническом поприще св. Макарий имеет сотрудника, весьма сходного с ним и по образу жизни, и по характеру сочинений. Мы разумеем св. Исаака сирина, написавшего «монашеское правило», в 133-х поучениях. В этом правиле или поучениях проповедник изобразил духовную жизнь во всех ее состояниях, нередко едва уловимых. Изображая духовную жизнь, он признает в человеке два разума – естественный и духовный. Естественный разум по природе своей различает добро и зло; потерявший способность к этому различению есть человек, о котором сказано: «в чести сый не разуме». Духовный разум, полученный в крещении и внушаемый страхом Божиим, познает тайное, сверхъестественное; стремясь к Богу и многими опытами познав на себе его действие, он не заботится более о мире и себе самом. Раскрывая, в подобных чертах, духовную жизнь, проповедник описывает брань дьявола, опутывающего подвижника плотскими вожделениями. Это возвышенное учение, как плод многолетних подвигов, подробностью психологических наблюдений превосходит учение св. Макария. Как пустынный аскет, подобный Макарию, проповедник держится на одинаковой с ним высоте отвлеченных созерцаний, почти не касаясь мира земного. Макарий великий и Исаак Сирин расширили аскетическое проповедничество, показав действие благодати в кающемся грешнике; и потому их поучения составляют как-бы роскошное здание на основании, положенном Ефремом Сириным. Сравнивают эти сочинения с произведениями психологов. Бесспорно, в отношении плана и научного изложения они уступают место философским системам; но высоким содержанием и благотворным влиянием на душу далеко превосходят их.

Если предыдущие проповедники основали и возвысили аскетическое проповедничество, то Иоанн синайский завершил

его своими словами в «Лестнице». В 30-ти словах Лестницы (применительно к возрасту Спасителя) св. Иоанн возводит кающегося, по степеням добродетелей, к нравственному совершенству. Первою ступенью в этой лестнице духовного восхождение он поставляет отречение от мира, а последнюю – любовь к Богу. Нельзя требовать, чтобы этот план символический отвечал современной науке относительно основного положения и естественной последовательности в развитии его; нельзя признать безусловно верными и некоторые мысли, с точки научной. Например: «когда хвалители, или лучше льстецы, начнут хвалить нас, приведем себе на память беззакония наши, и найдем, что мы вовсе не стоим того, что нам приписывают». Но с точки аскетизма все, это имеет свою цену, как побуждение к подвигам благочестия. Что же касается изображения добродетелей, взятых с опыта: то совокупность и красота их воспламеняет подвижника рвением к совершенству, в меру возраста Христова, и обнадеживает успехом в достижении цели, ясно определенной. В этом отношении не только слова, но и отдельные наставления, поражая духовную зрелостью, воспламеняют душу к любви Божией. Особенную силу и убедительность придают словам Иоанна примеры из жизни синайских подвижников, добровольных мучеников. Подкрепляя теоретические наставления примерами крайнего самоотвержения, проповедник облегчает путь к главной цели своих слов – любви к Богу. Чтобы судить о духовной опытности проповедника в его руководстве к любви Божией, выражающей нравственную зрелость, приведем наставление о тщеславии, которое подобно червю портит монашеские подвиги. «Тщеславие выказывается при каждой добродетели. Я тщеславлюсь, когда пощусь; тщеславлюсь благоразумием; когда ем, чтобы скрыть пост от других. Говорить ли стану, попадаю во власть тщеславия; молчать ли захочу, опять предаюсь ему. Куда ни поверни это терние, оно всегда обернется спицами вверх... Кто превозносится природными дарованиями, счастливым умом, высокою образованностью, чтением, приятным произношением и другими подобными качествами, которые легко приобретаются: тот никогда не приобретет даров

сверхъестественных, потому что, кто в малом (был) неверен, тот и во многом будет неверным и тщеславным». Вообще, слова проповедника – прекрасное руководство к духовной жизни по силе вопросов, близких к цели нравственного совершенства, и опытному решению их. Поэтому «Лествица» признана у всех христианских народов лучшей монашескою книгою.

Указанные памятники считаются основой аскетического проповедничества, как по важности духовного содержания и некоторого единства в раскрытии его,

так и по взаимной связи и последовательности между ними. Это – естественная система аскетизма, дающая твердую опору монашеству. В доказательство ее влияния на монашескую жизнь скажем, что беседы св. Макария Великого и Исаака Сирина служат настольными книгами не только в монастырях, но и вообще у благочестивых людей. В видах науки не бесполезно заметить, что помянутые беседы составляют хорошее пособие в учении и о благодати, которое всего менее разработано в наших системах и проповеднической литературе. Поучение Ефрема Сирина и Иоанна Синайского не только служат настольными книгами в монастырях, но еще уставными чтениями в церкви. Устав этот соблюдается доселе в монастырях и даже в раскольничьих скитах (в посту), Поучение Ефрема Сирина еще при жизни его читались в сирской церкви наравне со свящ. писанием. Прибавим и то, что поучение сказанных подвижников переведены на древние языки: латинский, сирский (а обоих сиринов на греческий), арабский, армянский, и впоследствии на языки славянские и западноевропейские.

Последующие аскетические проповедники, руководясь указанными выше поучениями, раскрыли подробно духовную жизнь в своих беседах; но они не отличаются единством в изложении своего учения, и потому имеют второстепенное значение в области аскетического проповедничества. Поэтому достаточно поименовать главнейших из них. Диадок написал 100 глав или слов подвижнических. Авва Дорофей написал 30 слов или глав о подвижничестве. За ним следуют подобные проповедники: Максим Исповедник, Анастасий Синаит, Феодор

Студит, написавший 389 оглашений, Феодор Эдесский, Филофей Синайский, и в особенности Симеон Новый Богослов (XI в.). Последний всех более писал о духовной жизни, и, проходя звание игумена около 48 лет, весьма ревностно поучал братию и мирян. Он написал 363 «главы деятельные» т. е. наставления о духовной жизни, 25 глав созерцательных, 35 сокровищ или оглашений, 32 беседы (с мирянами и иноками) о вере и нравственности, 25 слов к инокам, 22 подвижнических увещаний, и много подобного. В этих поучениях Симеон главным образом излагает внутреннюю брань со страстями и греховными помыслами. Обилие поучений и общность заглавий их свидетельствуют об отсутствии единства в предметах. Это – сокровищница назидательных мыслей. Учение Симеона, как плод высокой жизни, строго, и не раз вооружало против него учеников его, между прочим и самую плодovitостью своею; но, с другой стороны, оно создало многих подвижников благочестия. «Некоторые говорят; быть не может, чтобы человек чист был от страстей и пороков и принял в себя Утешителя! Так говорят против собственного спасения, закрывают двери царствия для себя и других... Которые решились нести крест, идти тесным путем, готовы погубить душу свою для жизни вечной, те и очень многие видели Бога... Прежде скорби и слез не будем обманывать себя в успехе благочестия. Без слез не смягчится жестокое сердце, и мы не в силах сделаться смиренными; а кто не устроил себя так, тот не может соединиться со Св. духом.» – Назван Симеон «новым богословом» за глубокие подвижнические наставления.

Практический элемент в греческом проповедничестве. Припоминая общий характер греческого проповедничества, мы заранее можем предусматривать его скудость в практическом отношении, малоприложимость к современной жизни, ее тревогам, нуждам, запросам и недоразумениям. Особенно подкрепляет нас в этом соображении успешное развитие греческого проповедничества в его частном направлении – полемико-догматическом и нравственно-аскетическом. Известно, что такие направления слова не благоприятствуют практической проповеди. Внимание проповедников, всецело

поглощенное догматами веры, защитением их и аскетическими стремлениями, не охотно обращается к жизни, волнуемой суетою, страстями и грехом. Даже при искреннем желании услужить ей, они не имеют к тому достаточных средств, – досуга и привычки взяться за новое дело. Напротив, по самому аскетическому и так сказать небесному, идеальному настроению, они должны чуждаться земных предметов и вопросов. И действительно, все эти соображения до очевидности подтверждаются самым делом. Мы не находим в греческом проповедничестве достаточного количества практических проповедей, которые составили бы особый отдел, достойный исследования. Истины, возвещаемые греческим проповедничеством, имеют предметом своим вечную жизнь, и равно обязательны для христиан всех времен и стран. Даже в произведениях знаменитых отцов – Кирилла Иерусалимского, Афанасия Александрийского, Григория Богослова, Григория Нисского и Кирилла Александрийского мы не находим прямого отношения к жизни. Конечно, изъясняя догматы веры и опровергая заблуждение еретиков, они отвечали требованиям своего времени; но эти требования принадлежат к умственно-религиозной сфере, а не улучшению быта и нравов текущего времени. О произведениях менее известных проповедников: Феофила Антиохийского (написавшего прекрасные огласительные поучения), Прокла Константинопольского, Иоанна Дамаскина, написавших праздничные слова, патр. Фотия и других, излишне и распространяться: все они держатся в сфере догматического, отвлеченного проповедничества, и не возвышаются силою слова над своим временем.

Скудость практического элемента в греческом проповедничестве доказывается, во-первых, малозначительностью жизненных вопросов, раскрытых в нем, а во-вторых – способом раскрытия сих вопросов.

Жизненные вопросы, настоятельные потребности времени, вызывавшие указание и руководство веры, раскрыты преимущественно в проповедях Василия Великого и Иоанна Златоуста. Это – вопросы и потребности некоторых городов (Кесарии, Антиохии и Константинополя), но не византийской

империи. Да и эти вопросы более случайны, касаются некоторых моментов жизни, а не существенных потребностей сказанных городов. Таковы, например, пьянство кесарийцев и антиохийцев, конечно не всеобщее; пристрастие к зрелищам и роскоши константинопольцев; угнетение бедных богатыми, особенно в несчастные годы; соблазнительные нравы столичного духовенства и т. п. К этим же вопросам или темам необходимо отнести и отдельные несчастные случаи – разбитие царских статуй в Антиохии, падение евнуха Евтропия и т. под. Почему, однако же и эти вопросы раскрыты преимущественно в проповедях Василия Великого и Иоанна Златоуста? Эти великие проповедники, как мы видели, изъяснители Св. Писания, были в тоже время преимущественно проповедниками нравственности христианской и аскетизма. Проповедники же возвышенной нравственности всегда имеют дело со страстями и безобразием человеческих дел, и волею или неволею должны считаться с ними. Что же касается главных недугов империи, от которых зависели и частные неурядица ее, и которые могли быть облегчены проповедью: об них едва находим упоминание в греческих проповедях. Недуги эти, приведшие империю к гибели, были следующие: злоупотребление государственными законами и достоянием и нередкие убийства правителей государства, истощение народа поборами и насилием чиновников; вторжение варваров в беззащитную империю – готфов, аравитян, славян, крестоносцев, турок и проч.⁵

Жизненные или практические вопросы раскрывались в греческом проповедничестве не вполне удовлетворительно, и можно сказать, с догматической, богословской точки зрения. Василий Великий, говоря о пьянстве,

показывает гнусность этого порока, унижающего человека хуже скота; «ибо, потеряв сознание, пьяный видит вещи в превратном виде. Так например, встретив на пути ров, он принимает его за реку», и т. д. Св. Златоуст говорит о пьянстве в нескольких беседах к антиохийскому народу, в приложении к слушателям, хотя эти приложения часто не вытекают из предыдущей материи. Говоря о привычке антиохийцев к клятвам, дает нравственные наставления не клясться, и

приучил их говорить: «да, нет, поверь мне!» Василий Великий проповедовал еще о скупости, против богатых, ростовщиков, и о голоде, по случаю засухи. Сущность учения его о сих предметах заключается в следующих положениях: «просящему дай, не отказывай! В какой мере? Отдай лишнее, а необходимое оставь себе. Но если ты имеешь крепкую веру в Промысл, отдай все. Не спрашивай меня, как Бог вознаградит тебя? В Его руках богатства всего мира». Говоря о голоде, он доказывал, что земля засохла и не дает плода по причине скупости нашей и оскудения любви к ближним (житницы были закрыты для бедных). Св. Златоуст, говоря о зрелищах, между прочим, изображает расслабление сердца, причиняемое ими. «Театр, это – храмина сатаны, школа безнравственности, зала заразы. Не все ли здесь соединено для того, чтобы губить душу? и бесстыдство женщин, и соблазнительные песни, и страстная музыка! Смотри на все это, как ты можешь сказать, что не чувствуешь ничего человеческого? Разве тело твое – камень или железо?! После этого тебе не милы и жена твоя, и дети». Говоря несколько поучений, по случаю низвержения царских статуй, и казней, производимых судиями, изображает страшный суд и неумолимость его. Говоря о падении Евтропия, рассуждает о непостоянстве счастья, и начинает поучение словами: «суета сует и все суета!» Таким образом самые знаменитые греческие проповедники, возвышающиеся над веком силою мысли и слова, в своих практических поучениях едва касаются житейских нужд и вопросов. Они не рассматривают коренных причин и следствий зла, не дают пособий для избежания вреда, а относятся к нему более с теоретической, богословской точки зрения. Всего сильнее высказывается такой взгляд греческих проповедников при рассуждении о бедствиях империи и нашествии варваров. Причиною этих бедствий поставляется общий взгляд, библейский, заимствованный у пророков, особенно Исаии, Иеремии и Иезекииля, а именно, гнев Божий и наказание за грехи. Оно вообще верно; но можно бы указать и ближайшие причины гнева Божия, – злоупотребления администрацией, как это сказано выше. Для нас, впрочем, всего любопытнее два слова патр. Фотия, – по случаю нашествия

славян на Константинополь (εἰς τὸν εὐφρόν των Ρως). Первое слово начинается так: «что это такое? что за тяжкое и глубокое поражение и гнев? И откуда на нас (летят) эти громовые гиперборейские стрелы?» Второе: «я знаю, и вы все уверились в гневе Божиим на людей, как бы мало ни были способны сознавать это и как бы мало ни навывкли поучаться судам Божиим» ... Все сие показывает, что самые великие умы не могут отрешиться вполне от убеждений своего времени. Впрочем, для необыкновенных проповедников, каков Златоуст, неизбежны исключения. В тех случаях, где дело касалось сердца Златоуста, слово его расторгало преграды догматизма и изливалось, на подобие реки, в живительных струях. Таково, например слово, сказанное Златоустом, по случаю примирения его с врагом Северианом (епископом Гевальским). Но в высшей степени одушевленное слово сказано св. Златоустом в обличение соблазнительного поведения столичного духовенства. Слово это по изображению пороков константинопольского духовенства, по живости красок и чувства, в полном смысле практическое, и составляет перл греческого проповедничества. Видно, из всего, что дурные привычки подвелемого духовенства глубоко взволновали святителя, но за то выказали его талант в полном одушевлении и неподражаемом блеске⁶. Вообще, говоря о греческом проповедничестве, мы по преимуществу должны сосредоточивать благоговейное внимание на св. Златоусте, как выразителе его силы и орудии благодетельного Провидения.

В греческом проповедничестве есть отдел проповедей, который изображает действительную жизнь, растительную и животную, и сближением нравов животных с страстями людей, близко подходит к практической проповеди. Это так называемые «шестодневы». Лучший из них – Василия Великого. Объясняя в беседах дни творения, св. Василий изображает в них свойства растений и нравы животных, делая применение к нравам людей. Например, говоря о щуке, глотающей малых рыб, он уподобляет ей богачей, угнетающих бедных людей. Нечто подобное «Шестодневу» Василия составляют беседы Златоуста, в которых он рассматривает устройство

человеческого тела в сравнении с животными. «Природа, говорит он, произвела тебя слабым, сравнительно с животными, которым она дала рога, клыки, и прочее; но ты имеешь ум, посредством которого повелеваешь животными и возносишься к Творцу». До какой степени важно оживлять отвлеченное вероучение фактами действительной жизни, видно из следующих примеров: шестодневы заслужили наибольшие похвалы современников и потомства, и всегда были любимейшими книгами для чтения. Каталоги монастырских библиотек, как увидим, особенно богаты шестодневами. В шестодневах читатели находили удовлетворение всем способностям души, приобретая знание о природе и остроумное сближение ее с нравственными законами и потребностями человека. «Птица алкопост (зимородок), говорит св. Василий, высиживает птенцов на берегу Черного моря; я бурное море в это время утихает. Если Бог для малых птенцов удерживает столь великую машину, то каких чудес не сотворит он для твоего спасения!» Впрочем, сколь ни велико поэтическое впечатление, произведенное шестодневами, оно не произвело особого направления в греческом проповедничестве, и ограничилось слабыми подражаниями им немногих проповедников. Так, Амвросий Медиоланский в своих беседах часто буквально подражал «Шестодневу» Василия Великого.

Проповедничество греческое в его внешнем выражении – языке, форме логической и произношении.

Язык проповедничества греческого – плодovitый и фигуральный. Он богат красками слова, которые обыкновенно называют «цветами красноречия», и оживляет собою отвлеченное содержание догматических проповедей. Источником этой внешней роскоши проповедничества служат отчасти свойства греческого языка, его богатство и живость, а отчасти библейское содержание проповедей. Греческий язык бесспорно – богатейший в мире, как по количеству слов (которых насчитывают до 50,000) , так и по утонченным формам слово-выражения (в нем, напр., кроме обыкновенных прошедших и будущих времен, есть еще аористы и 3-е будущее, в 3-х залогах, и двойственные числа). Многие оттенки мыслей,

невозможные на других языках, на греческом имеют свое значение. Вообще, в греческом слово-выражении заметен избыток, как следствие богатства языка, не редко граничащий с тождесловием. Например: «слухом услышать, хотением хотеть». Особенно заметно это тождесловие в предложениях и отдельных мыслях, например: «он воскликнул сильным голосом, говоря» (вместо: закричал). «Он открыл уста свои, и отвечая говорил» (вместо отвечал). Вследствие богатства слов и гибкости форм, греческий язык отличается живостью и стремительностью слова, наклонен к преувеличениям предметов, фигуральным оборотам, восклицаниям, вопрошениям, олицетворению и т. п. И это бывает при обыкновенном течении мыслей, не заключающих в себе особенных свойств, движений духа. Но когда величественные предметы потрясают душу и возбуждают сильные чувства, тогда излишество греческого слово-выражения переходит в расточительность слов. В греческом языке нередко встречаются такие слова и обороты, порожденные сильным впечатлением: «самогласная труба, звучащая улица, трепещущая земля, ужасающееся небо». «К нареченному торжеству призываются все народы, и о радости восклицает вся вселенная». (В сильном восторге «Я упоен, я скачу! Спрашиваю вас: скажите, кто ныне не обрадован? О чем мне теперь говорить? и что сказать? О, если бы язык мой был трубою!» и проч. Это излишество и возбуждение речи относят к фигурам слов, выражающим движение чувства (преувеличение, восклицание, обращение, вопрошение, повторение и т. п. В греческой речи употребляется также образность или картинность, для пояснения духовного мира чертами вещественными. Образность речи складывается из сравнений, подобий, иносказаний, противоположений и т. под.) Картины обыкновенно берутся из окружающей природы и явлений повседневной жизни. Сравнивают, например, жизнь с волнующимся морем, Церковь с кораблем, мир с ясным небом, слово проповедника с семенем, слушателей с почвою доброю или каменистою и т. дал. Подобными образами Греция весьма богата. Эту образность и картинность речи относят к фигурам мыслей, выражающим действие воображения. Уже одно

богатство фигур в греческом языке предполагает поэтическую склонность этого народа, сильное развитие его чувства и воображение, под влиянием роскошной природы, и вместе с тем аналитический ум, вникающий во все тонкости слова и мысли ⁷. По этим свойствам творческого ума греки сделались руководителями Европы в области поэзии, искусств, философии и проповедничества.

Самою употребительною фигурою в греческом проповедничестве было подобие и сравнение, и как вид его – аллегория. Подобие сближает сходные предметы разного рода (слово и семя), сравнение – одного рода (почва – тучная и каменистая). Причиною господства этой фигуры служит наглядность ее и подручность; в явлениях природы сокрыт неисчерпаемый запас сравнений. Аллегория внесена в проповедничество содержанием библии, и особенно: пророческими книгами и апокалипсисом (Вавилон – символ темного царства), притчами Спасителя (разрушение Иерусалима – образ кончины мира), и посланиями ап. Павла, преимущественно к евреям (исход из Египта – образ духовной свободы). После Климента Александрийского и Оригена пристрастием к аллегориям отличался Кирилл Александрийский. «Будем, говорит он, преобразовывать повествование из образа и тени, ибо все должно возводить к тайне Христовой. И мы вправе просить прощения, если заблудимся при такой тонкости созерцаний». При такой склонности к аллегориям, проповедники не редко искажали ясный смысл писания. Напр.: «я недостойн развязать ремень сапога, – значит: не могу понять тайны воплощения». Некоторые греческие проповедники, излишне увлекаясь аллегорией, впали в крайний мистицизм; напр., колодцы Авраама считают прообразом духовных предметов. Другие из опасения мистических заблуждений, держались буквы писания.

Богатство, цветистость и фигуральность греческого языка, служа роскошною оболочкою мыслей, тем самым нередко прикрывают скудость содержания проповеди, привнося в нее сторонние понятия и оживляя отвлеченное содержание игрою слов, остроумными сближениями и образностью. Кроме того,

излишество в слове и неумеренность украшений нередко причиняли вред догматам веры, которые требуют особенной точности и осмотрительности в слове. Наиболее опасною в этом случае оказывается страсть к аллегориям, которая увлекает к мистицизму, извращению смысла писания и вследствие этого, не редко – к нравственным проступкам. Все это достаточно подтверждается историей греческого проповедничества, всеобщую и частною церковною историей.

Впрочем, эти невыгоды проповеднического слова имеют место только в приложении к некоторым, небогатым талантами проповедникам. Напротив, в руках сильных проповедников, богатых умом, греческое слово служило достойною оболочкою их мыслей, придавая необыкновенный блеск ораторским поучениям. Мы коснемся здесь только первоклассных проповедников, вселенских учителей, в проповедях которых красноречие достигло высокой степени.

Василий Великий оправдал своим проповедничеством ту истину, что «красноречие состоит в понимании предмета» и это потому, что он в особенности обладал рассудком и постижением нравственного закона. Лучшие произведения его, «Шестоднев» и «похвальные слова мученикам», не представляют особенных украшений слова, но убеждают мыслью и силою нравственною. Если по местам встречаются фигуры, восклицания и вопрошения: то он, как выражение истинного чувства, не заслоняют собою мысли.

Фигуральность речи достигает высшего напряжения в словах Григория Богослова. Особенно часты фигуры, выражающие чувство: преувеличение, обращение, восклицание, вопрошение. Эта особенность речи Григория Богослова ясно свидетельствует о преобладающем таланте его – чувстве. Чувство проповедника до того сильно, что в самых догматических словах его пробивается восклицанием, обращением, негодованием и под. «Евномiane учили: Бог родил Сына по воле, или против воли; если против воли, то потерпел принуждение; если по воле, то Сын есть сын хотения. А ты сам, который говоришь так необдуманно, произошел по желанию своего отца, или нет? Если нет, то отец твой потерпел

насилие. От кого же?» В прочих словах его, где есть простор чувству, фигуры усиливаются. Так, два обличительных слова против Юлиана суть «два столба, на которых неизгладимо записано для потомства нечестие Юлиана». В прощании с паствой проповедник беседует, между прочим, и с неодушевленными вещами: «прощайте любители моих слов, быстро и шумно стекавшие отовсюду! скорописцы тайные и явные! и эта решетка, так часто осаждаемая!» и проч. Слова Григория Богослова, исполненные разнообразных чувств, оправдывают положение риторики, что «ораторы, наделенные чувством, всего более исправляют обличениями, укоризнами, угрозами, любовью, мольбами и слезами».

В словах Златоуста цветистость греческого языка раскрывается в полной силе, всевозможные фигуры постоянно в ходу, даже при изложении обыкновенных мыслей. «Что мне сказать? о чем говорить? Я скачу, я в исступлении, но исступление мое умнее всякой мудрости! О чем говорить: о силе ли мучеников? о быстроте ли любви? о ревности ли императрицы? о стечении ли знаменитых? о безумии ли диавола?» и т. д. Но всего чаще расточаются фигуры мыслей, – подобие и сравнение, обличающие господствующую способность Златоуста – воображение. Подобия, употребляемые им, берутся обыкновенно от величественных и драгоценных предметов: моря, скал, золота, бисера, порфиры и т. под. Сравнение Златоуста для нас не всегда ясно, – например инок с царем и священника с иноком. Инок предпочитается царю, поскольку ни в чем не нуждается. От священника требуется более подвигов и совершенств, нежели от инок, так как ему удобнее соблазнить других. Вероятно, нравы тогдашнего духовенства требовали таких усиленных доводов. Но когда подобие и сравнение Златоуста изображают действительное одушевление предметов, тогда они блещут красками и услаждают душу. «Благословен Бог (3 слово при вступлении в столицу)! В каждое собрание вижу, как жатва растет, красивые поля цветут, гумно наполняется, хотя не много дней прошло, как мы бросили семена». Слова Златоуста в полном смысле оправдывают учение проповеднической

педагогики, что «ораторы, наделенные воображением, подобно ордам носятся над величественною природою, и, увлекаясь своею силою, склонны к идеализации предметов». Не смотря на силу воображения, увлекающую к злоупотреблению словом, Златоуст в изъяснительных беседах держится точного смысла писания и фигурными оборотами только выясняет его, не вдаваясь в мистицизм. В этом отношении заслуга его одинакова, не в пример обыкновенным проповедникам, с заслугою Василия Великого. А надо заметить, что по тогдашнему времени, когда увлекались аллегоризмом Оригена, подобная заслуга была не малым подвигом. Соображая все сказанное о языке греческого проповедничества, мы должны заключить эту статью следующими положениями. Греческое проповедничество, под влиянием богатства языка, библейского аллегоризма и талантов проповедников, привнесло в христианское учение много сторонних понятий и предметов из мира видимого. Но эти предметы послужили средством к объяснению отвлеченных истин вероучения. При чем картинность и фигуральность речи у лучших проповедников послужила роскошною оболочкою догматов, не подавляя собою их содержание; у посредственных – нередко вырождалась в мистицизм, искажение догматов, или прикрывала собою скудость содержания проповеди.

Рассматриваемое со стороны *формы, системы*, греческое проповедничество не отличается достоинствами. В греческом проповедничестве, весьма производительном в отношении содержания и выражения, не существовало строго определенных правил относительно расположения мыслей. Уже одно преобладание бесед над словами и весьма произвольно выводимые из них уроки очевидно свидетельствуют об отсутствии строгих логических законов. Вследствие этого в самых беседах допускается излишество слов и объяснений. Напр: «бревно есть большое дерево; сучец – малая ветка». «Гора есть возвышенное место» и т. п. Самые слова греческие, озаглавливаемые: λόγος, не включают в себе тех достоинств плана, какие мы обыкновенно соединяем с понятием о «слове». Это не более, как размышление, в которых зараз говорится о

нескольких предметах, совмещаются разные темы, определяемые нуждами Церкви. Не редко они начинаются общими возгласами, напр. «благословен Бог!» и оканчиваются славословием Троицы. Из этого правила не исключаются и пять слов «о богословии», которым древность придала значение всестороннего совершенства. Да притом, греческие проповеди часто озаглавливаются совершенно безразлично: «слова или беседы» и т. под. Под этими общими заглавиями в греческом проповедничестве есть много трактатов (напр. слова о священстве), посланий (Афанасия и Кирилла александрийских). И вообще, «греческие слова» и «беседы» по своей форме ничем не отличаются от так называемых «глав», «наставлений», а нередко – правил и писем. Во всех этих родах богословской литературы обыкновенно излагается нравственно-догматическое учение, в тоне увещания, обличения и назидания, с свободным течением мыслей, часто без предварительного плана и единства предмета. Мысли толпятся и сталкиваются, опережая друг друга; отсюда – уклонение, перерывы, возвращение, повторение и извинение. Речь тянется в бесконечность, и держится внешним сцеплением доказательств; она может быть прервана и переставлена, где и как угодно, без ущерба плану. У лучших проповедников заметна простая логика здравого смысла и доброго сердца, изощренная опытом, но не научная. По свидетельству лучшего критика древности, патриарха Фотия, сила доказательств и последовательности мыслей, из всех греческих проповедников, остается за Василием Великим. Большая часть его поучений (изъяснение на Св. Писание) до нас не дошла; ныне известные нравственные беседы и похвальные слова подтверждают отзывы Фотия. Но и в этих беседах видно соблюдение общих правил сочинения, но не частных, в отношении «слова». Слова и беседы Василия Великого составлены по правилам превращенной хрии, которые преподавались в учении о речах вообще (ученых и политических). В этих речах предложение ставится, большею частью, в конце сочинения, а для пояснения его в практике приводятся примеры, подобие и проч. В подтверждение этого достаточно прочесть похвальное слово

Гордию. По этим правилам и ныне составляются приветственные речи и похвальные слова. Относясь беспристрастно к форме и плану греческих поучений, должно заметить, что ни одно из них не выдерживает строгой критики в этом отношении. Этим недостатком плана и системы объясняется длиннота и растянутость греческих поучений, по которой, для своего произношение, они не редко требовали час и два времени. Укажем, для примера, на слово о священстве Григория Богослова.

Обвинять греческих проповедников в несовершенстве формы их поучений мы не имеем права. В школах византийской империи, до VI века, не существовало гомилетических руководств и правил, кроме общих риторических указаний о родах сочинений. Кроме того, богословие только что разбиралось в материале и разрабатывалось в своем содержании; но еще не было системы богословия, формального разграничения его отделов и частей. Слабая попытка к обобщению догматических истин сделана в первый раз Оригеном, а потом, более удачная, Иоанном Дамаскиным. Гомилетические же правила и схоластические системы, как увидим, в первый раз начали составлять на западе, в V–XII в., Августин, Григорий Двоеслов (гомилеты), Петр Ломбарт, Фома Аквинат и Дунс-Скотт (систематики). Западные, латинские проповедники не могли подражать греческим в одушевлении предметами веры, и, но свойственному римлянам практическому смыслу, думали заменить недостаток ораторского таланта системой, гомилетическими правилами. Таким образом греческому проповеднику неоткуда было позаимствоваться системой и логическими приемами в развитии мысли и раскрытии предмета поучений. Поэтому, в деле логического изложения проповеди каждый проповедник был предоставлен собственному вдохновению, или усмотрению. После сего не удивительно, что даже Златоуст нередко утомлял антиохийцев длинными вступлениями в слово, и исправился в этом недостатке после неоднократных замечаний, сделанных ему со стороны. По поводу этих замечаний он даже произнес слово о том, что «укоризны должно переносить великодушно».

Понятным становится и то явление в греческом проповедничестве, почему проповеди вселенских учителей запечатлены хотя общою научною формою, и вместе с тем цветущим слогом, а проповеди подвижников бесформенны и просты. Первые заимствовали общие правила о способах сочинения у риториков, а последние не слыхали ничего подобного в монастырях и пустынях.

Несистематичность греческого проповедничества и преобладание в нем беседовательной формы, имея свои выгоды, имела и невыгоды. Это замечание становится неопровержимым, когда припомним, что греческое проповедничество вместе с фигурами и риторическими украшениями наполнялось сторонними предметами, нередко уклонявшими слово от главной цели. Такой свободный строй проповеди имеет важные последствия и для нее самой, и для слушателей, и для потомства. Проповедь нестройная и обремененная излишествами, хотя бы и отличалась содержанием, не может равняться с проповедью позднейших времен, чуждою этих недостатков. Такая проповедь не сразу достигает и нравственного исправления слушателей. Сообщая им много посторонних, хотя и любопытных сведений, но обременяя их память несущественными предметами и опуская существенное, она тратит много усилий и дает мало пользы. Слушатели забывают слышанное и не умеют справиться с окружающими их соблазнами. Эту, так сказать, не специальность слушателей в богословии понимал св. Златоуст, и в одной из бесед обратился к ним с такою просьбою: «одной милости прошу у вас, чтобы зачало евангелие, которое буду объяснять в проповеди, каждый имел в руках своих, часто читал дома, испытывал и исследовал слова». Наконец, по тем же причинам, древняя проповедь теряет свою популярность. Не удовлетворяя требованиям критики и вкусу образованных людей, она делается малодоступною читателям и недостаточно влиятельною на их нравы. Но если бы проповедь древняя была проникнута единством в раскрытии вероучения, излагала существенно необходимое для спасения, в связи с нравственными и житейскими нуждами: тогда она стояла бы в

неразрывной связи с жизнью и имела бы на нее не престающее влияние. Этому содействовала бы самая сжатость формы и сосредоточенность доказательств, устраняющая все ненужное, обременительное для читателей и слушателей. Ныне же, при своем объеме, составляющем ее менее половины богословской греческой литературы, и при истолковательном направлении, древнегреческая проповедь более имеет связи с наукою, нежели с жизнью. Но, конечно, все хорошо и уместно в свое время и на своем месте.

История литературы не сохранила свидетельств о внешнем выражении греческой проповеди в произношении и о каких-либо талантах в этом роде. Между тем, история подробно упоминает о проповедниках других стран, искусных в произношении, и этим выражает свое уважение к декламации, свидетельствует о ее необходимости для успеха ораторского слова. Так, она упоминает о Массильоне, Ксаверие, Млодзяновском, Яворском, митр. Платоне и других отличных декламаторах. История проповеднической литературы тщательно подмечает удачные фразы, глубоко потрясшие слушателей, давая нам урок хорошего слова. «Один Бог велик!» сказал Массильон над гробом Людовика великого. «До чего мы дожили? ...» сказал Феофан над гробом Петра великого. «Давайте братие плакать», сказал преосвященный Иннокентий над плащаницею. Действие этих одушевленных фраз было до того потрясающее, что сами проповедники смущались и долго не могли продолжать слова, по причине слез и общих рыданий. «Доселе, сказал Бриден (миссионер из Индии, в парижском соборе), я проповедовал покаяние бедным детям природы, под соломенными кровами. Но в этом величественном собрании я вижу богачей, вельмож, притеснителей страждущего человечества. Здесь-то я буду греметь всеми карами и угрозами евангелия! ...» «Пшеница Божия, избранные! сказал Массильон, где вы? Отделитесь от сих плевел, обреченных на сожжение! ...» Впечатление, произведенное этими оборотами, было так сильно, что слушатели двинулись с места, – слышались вздохи и восклицания! Но этого мало. История подмечает самую наружность проповедников, рост, движения, физиономию, как

пособие дикции, – словом, все то, что гомилетика называет «телесным красноречием;» ибо и это красноречие, возвышая простые мысли, усиливает действие их на слушателей. Так, о Яворском (проповеднике схоластическом) известно, что он всегда мог заставить своих слушателей плакать, или смеяться. Митр. Платов всех чаровал своим произношением. Проповеди его не имеют литературных достоинств; но, за произношение, «все бывало ему в ноги, наперерыв добиваются принять его благословение и облобызать руку».

При такой внимательности истории к обстановке произношения, внешнему красноречию, молчание ее о произношении греческих проповедников вовсе не случайно; оно имеет разумные основания. Это тем более верно, что история сохранила свидетельства о великом ораторском таланте вселенских учителей, который не мог проявляться слабо извне, как и всякая сила «Кто желает быть отличным оратором гражданским, говорит патр. Фотий, не нужен ему Платон и Димосфен; пусть он изучает, как образец, слова Василия». «Дар слова приношу и Богу моему, говорит Григорий Богослов; это одно, что у меня осталось и чем я богат. Только словом владею я, ... я дорожу им, утешаюсь более, чем другие всеми сокровищами» (и он тщательно обрабатывал свои слова). Василий Великий и Иоанн Златоуст проходили звание адвоката, и, следовательно, знакомы были с правилами произношения и «внешнего красноречия». Правила эти подробно изложены в риторике Квинтилиана, и ими много занимались греческие учителя и софисты. Кроме того, дорожа, словом, вселенских учителей, история сохранила нам любопытные черты их внешнего вида и характера. Так, она изображает Василия Великого сановитым и важным, но больным и истощенным от подвигов; Григория Богослова смиренным и кротким, старцем, аскетом, простым в обращении и привычках, но сильным в слове, так что его слушали еретики, иудеи и язычники; Иоанна Златоуста мало-возрастным, с большою головою и слабым голосом. После это и о нам не достает только услышать произношение знаменитых проповедников, чтобы видеть их, так сказать, живыми, на церковной кафедре. Поэтому, показав

основание, но которым история умолчала о произношении греческих проповедников, мы постараемся найти свидетельства об этом предмете в самом проповедничестве и в характере знаменитых витий.

Если история умолчала о произношении греческих проповедников; то это явный знак, что проповедничество не выдавалось в этом отношении, как оно не выдавалось и в деле логической формы. И кто из греческих проповедников мог прославиться произношением? После вселенских учителей остаются известные проповедники – Кирилл иерусалимский, Афанасий и Кирилл александрийские, Григорий Нисский, Прокл, Дамаскин и патр. Фотий. Но самые проповеди их, незначительные количеством и по большей части полемико-догматического содержания, не предполагают особенного навыка и мастерства в ораторском слове, а тем более сильного одушевления и пафоса в произношении. Следовательно, об них нечего было и сказать. Иное дело вселенские учителя, украшенные талантами, ученостью и многолетнею практикою в слове. Но и для них, наравне с прочими проповедниками, была общая причина сдерживать выказность слова, раздражающую чувства и услаждающую мирской вкус. Это – дух евангельского самоотвержения, который сообщил проповедникам аскетам серьезность и строгую важность, и в частности, дух христианской проповеди, которая названа буйством. Этою важностью нрава и серьезным взглядом на проповедь преимущественно отличались вселенские учителя, усвоив себе дух писания, которое они так хорошо изъяснили. Могли ли такие светильники, обиталища Св. Духа, гоняться за эффектами произношения и дорожить «телесным красноречием»? Да этим они уронили бы свой авторитет, став в уровень с софистами и адвокатами, которые щеголяли декламацией и внешним красноречием. Для них достаточно было и слабого голоса, и изможденного вида, и скромной одежды, при силе слова и святости жизни. Если им и давалось произношение, в моменты сильного одушевления предметом: то важность лица и серьезность слова их, возвышаясь над всем прочим, делали

едва заметным внешнее очарование слуха. Иное дело католические проповедники, казнодзи!

Несмотря на указанные причины сдержанной декламации в греческом проповедничестве и отсутствие правил гомилетических, мы находим в нем патетические страницы, говорящие о сильном произношении; ибо неестественно чувству проявляться спокойно. Такие места мы находим в проповедях вселенских учителей. Независимо от этого предположения, мы имеем и ясные свидетельства о том, что вселенские учителя иногда трогали своих слушателей до слез, следовательно, не без участия голоса и внешнего вида, передающих движение сердца. И если проповедники других стран поражали слушателей удачными мыслями, искусно произнесенными; то одинаковость следствий в данных случаях заставляет предполагать и одни и те же причины.

В беседах Василия Великого встречаются фигуры, выражающие движение духа; но эти фигуры более выражают рассудительность и важность характера, нежели чувствительность. «Солнце заходит, говорит проповедник в одной беседе (в посту). Пора кончить слово и отпустить вас домой. Но знаю, что вы пойдете на площадь и станете играть в жребии. А там диавол разжигает страсти». Это место, выражающее игру голоса и чувства, без сомнения было произнесено с достоинством. Есть одно патетическое место в беседах Василия, выражающее сильные чувства. Это – изображение борьбы родительской любви с чувством голода, когда отец решается продать сына. «Если оставляю их при себе, умрут с голода. Продать ли старшего? но он первенец! Или младшего? но он невинен и выражает черты матери. Ах, какое затруднение!»! При этих словах, как бы они ни были произнесены, не обошлось без слез. Житницы были открыты для бедных.

В словах Григория Богослова много патетических мест и разнообразных фигур. Лучшею из них почитается «фигура обращения» в прощальном слове к константинопольской пастве. «Прощайте, любители слов моих, быстро и шумно стекавшиеся отовсюду! скорописцы тайные и явные! и эта

решетка, так часто осаждаемая по причине слова! Прощайте, сановники и дворцовые слуги! Верны ли вы царю, не знаю, а Богу большею частью неверны. Рукоплещите, расточайте острые слова, подымайте вашего оратора (насмешливой) похвалой! ибо умолк этот злой и говорливый язык. Но впрочем, я не стану молчать: я буду ратовать с вами (издалека) рукою и тростью»! ... Эта патетическая речь была произнесена по всем правилам ораторского искусства; и не потому, чтобы оратор этого хотел, а потому, что иначе не мог сделать, имея руководителем саму природу. Переполненный чувствами торжественной минуты, он пустил в ход все свое ораторское искусство, которое было знакомо ему еще в звании учителя. Впрочем, эта речь не имела особенных последствий ни для жизни, ни для нравов константинопольцев, кроме разве сожаления о разлуке с оратором.

Патетических мест особенно много в беседах Златоуста, и эти места ждут искусной руки, чтобы составить из них образцовый проповеднический сборник. Уже по одной речи, обличающей константинопольское духовенство, мы можем заключать о негодовании проповедника и одушевленном произношении слова. Мы можем представить несколько подобных бесед, полных чувства и ораторского одушевления. Например, обличая женские наряды, раскрашивание лица и завешивание лба волосами, Златоуст обращается к одной знаменитости с вопросом: «для чего ты украшаешь свое старое тело»? Понятно, что подобные стрелы пускаются с силою, или говоря просто: горячие слова вырываются с жаром. Но обращаемся к неподражаемому обличению ушедших на скачку, в великий пяток – и в театр – в субботу. Начало этого обличения проникнуто неудержимым одушевлением, которое прорывается в словах, взорах и движениях оратора. «Можно ли это стерпеть? Можно ли это снести? Жалуюсь вам самим на вас»! ... Затем проповедник грозил отлучить виновных, как зараженных овец, от Церкви. Действие речи было так могущественно, что народ пал духом, и потребовалось утешать его. «Сильно я тронул вас, говорил Златоуст, обличением за скачки и театр. Если одною беседою я поверг вас в такую

печаль, что вы падаете духом, то надеюсь исцелить вас двумя-тремя беседами». Излишне и доказывать, что такие вдохновенные беседы, полные огня и силы, были произнесены образцово, со властью, твердо и могущественно. В этом уверяет нас сам Златоуст, говоря: «сильно я тронул вас!» «я поверг вас в печаль», «надеюсь исцелить вас». В этом удостоверяют и его слушатели, которые пали духом от силы обличения, и три недели каялись, молились, искали утешения.

Итак, нет сомнения в том, что вселенские учителя обнаруживали иногда свой ораторский талант в полном блеске, не только силою мысли и слова, но и произношения и внешнего выражения; но это случалось в минуты возбуждения духа и одушевления предметом речи. Об этом свидетельствуют приведенные нами патетические места, полные движения духа, и потому проявляющиеся во вне с силою. Вообще же, при обыкновенном течении мыслей, и их речь не выходила из своего спокойного течения. После этого нам становятся понятными те взрывы рукоплесканий и одобрений, которыми слушатели осыпали проповедников, особенно Златоуста. Пристрастные, к слову, и к внешнему его выражению, слушатели не могли удержать своего восторга и удивления к таланту проповедника. Наэлектризованные жаром ораторского слова, при живости своей натуры, они выходили из границ приличия, уважения к месту и лицу, и разражались в церкви трагически, с театральным шумом, а иногда с воплями, ударами в грудь и терзанием лица. Понятны и смущение проповедников, не знавших, как утишить это взволнованное море чувств и сердечных движений. Не имея сил остановить эту великую машину, они и сами изнемогали чувством и плакали. «Зачем вы рукоплещите? не нужны мне ваши похвалы! Исправление вашей жизни – вот моя похвала!» говорил Златоуст антиохийцам. Но видя неудержимый шум одобрений, искреннюю любовь и удивление слушателей, и движущую ими благодать, он прекращал слово и сам плакал. Понятны и те шумные стечения к кафедре и осады решетки (отделявшей оратора от народа), о которых упоминает Григорий Богослов, и его признание, что он «утешается словом более, чем другие

всеми сокровищами мира». Без сомнения, подобные ему труженики слова находили единственное утешение в любви слушателей. И как естественны эти выражения: «прощайте любители моих слов! скорописцы явные и тайные, и эта решетка»! Упоминает и о рукоплесканиях и острых словах...

Заключение ясно. История умолчала о выражении греческого проповедничества в произношении; ибо не было достаточного повода говорить об этом предмете. О произношении, также как и об изложении проповеди, не существовало гомилетических правил, и проповедники предоставлены были в этом деле самим себе. Дух христианского смирения, аскетизм проповедников и самый догматизм поучений не давали простора декламации, которою злоупотребляли светские ораторы. Исключение из правила составляли вселенские учителя, обнаруживавшие свой проповеднический талант в полном блеске. Но это обнаружение проявлялось редко, в сильном возбуждении духа, и потому осталось незамеченным; при том же, это был пафос, а не фразы и холодная декламация, чтобы об них толковать особо.

Проповеднические сборники; переводы памятников проповедничества на разные языки и толкование на них

Для окончательной характеристики греческого проповедничества необходимо рассмотреть его и в компилятивных памятниках, разных сборниках, переводах и толкованиях. Это рассмотрение, хотя бы самое общее, окончательно выяснит дух и направление греческого проповедничества, его связь с наукою и жизнью. Греческое проповедничество, в своем отвлеченном направлении, особенно изъяснительном, достигло полного развития в IV веке, в поучениях вселенских учителей и преимущественно – Златоуста. И потому с IV в. памятники греческого проповедничества с одной стороны были переводимы на иностранные языки и подвергались толкованиям, а с другой стороны сокращались и переделывались, для удобнейшего приложения к нуждам и потребностям Церкви. Чаще всего подвергались переводам, на армянский, сирский, арабский, коптский, латинский и славянские языки, и толкованиям, поучения Григория Богослова и Иоанна синайского.

Это показывает, что христианские народы более всего нуждались в понимании основных догматов веры и руководстве к благочестивой жизни, к насаждению монашества. (Ио более всего подвергались переделкам, сокращениям, компиляциям и извлечениям беседы Златоуста, как самые доступные уму и богатые содержанием. Мы упомянем только о тех сборниках и переводах греческого проповедничества, которые имеют ближайшую связь с русским проповедничеством.

Извлечения (или эклоги) нравственных мыслей из поучений Златоуста, – одно из 48-ми статей, другое из 52-х. Собрание поучений на воскресные и праздничные дни, из св. Златоуста и других отцов, сделанное напр. Филофеем. Пандекты (поучения, размышления, наставления) инока Антиоха о разных добродетелях и пороках, в 130-ти отделениях или главах. Пандекты инока Никона черногорца, в 63-х словах, наставление

о добродетелях и пороках, особенно монашеских. Тактикон, его же, в 40 словах или посланиях, об обязанностях монашеских и обрядах церковных; есть и практические слова. Добротолюбие, – извлечение подвижнических наставлений из проповедников аскетических, о которых выше говорено, напр. Феодора студита, Симеона нового богослова и других. Все эти сборники греческого проповедничества – вообще нравственно-аскетического содержания.

Переводы памятников греческого проповедничества на болгарский язык: Златоструй, содержащий в себе 136 избранных слов Златоуста; Слова Константина (болгар. священника) на воскресные дни года, извлеченные из св. Златоуста и других отцов, с собственными прибавлениями; Благовестник (толкование на четвероевангелие) Феофилакта арх. болгарского, – или сокращение бесед Златоуста, с некоторыми прибавлениями из других отцов и от себя; Толкование на шестоднев Иоанна экзарха болгарского, по руководству Василия Великого; Слова Афанасия великого против ариан, переведенные еп. Константином; Сборник болгарского царя Симеона, содержащий поучение Василия Великого, Афанасия великого, Григория нисского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Феодорита, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, и некоторые риторические статьи. Переводы эти, как видим, вообще изъяснительного содержания и нравственно-догматического. Все эти сборники и переводы греческого проповедничества, о которых сейчас говорено, целиком перешли, как увидим, в русскую проповедническую литературу. О множестве второстепенных памятников, в том же роде, мы умолчали, а также о переводах сербских. Упомянем только о Лествице. По причине разнообразия ее списков в Сербии, в XIV в. предпринято исправление этой книги самим князем Георгием Бранковичем. Под его покровительством переведены и толкования на слова Григория богослова.

Отношение греческого проповедничества к жизни и науке

Рассмотрев, в общих чертах, характер греческого проповедничества, мы с первого раза видим, что оно, по своему направлению, более имеет отношение к богословской науке, нежели к действительной жизни. В самом деле, общее направление греческого проповедничества отвлеченное, истолковательное, и, в частности, полемико-догматическое и нравственно-аскетическое. Какое же отсюда следствие, или ближайшее приложение? Богословски-научное, имевшее в виду утверждение веры христианской. Проповедь истолковательная, с ее разветвлениями, дала богатый материал христианскому богословию. Полемико-догматическая проповедь разъяснила догматы веры, основы христианской деятельности; нравственно-аскетические правила деятельности христианской вообще и в частности монашеской, совершеннейшей. Все это вместе содействовало утверждению веры в умах и деятельности христианской в нравах людей. Правильность такого взгляда на дело, на научную заслугу греческой проповеди подтверждают опыты или те приложения, какие сделала из нее жизнь. Мы видели, что с IV века стали появляться проповеднические сборники нравственно-догматического содержания, в которых излагались существенные догматы и правила веры для руководства в жизни. Эти же пособия оказали великую услугу вере на вселенских и поместных соборах, в определении догматов и обрядов богослужения. С того же времени памятники греческого проповедничества переводятся на иностранные языки, при чем на догматические слова Григория богослова и «Лествицу» Иоанна синайского делают толкование и комментарии. Явный знак, что арабы, сирийцы, армяне, копты и другие христианские народы нуждались в разъяснении истин веры и правил деятельности христианской. Но эту непосредственную богословскую научность, простую и естественную, жизнь не ограничилась. При разработке научного материала,

обыкновенно, являются попытки привести его в систему, обобщить и разграничить дознанные истины по их родам и видам. Тоже самое повторилось и в отношении материала греческого проповедничества. Иоанн Дамаскин, отлично знакомый с греческою богословскою литературой и особенно с диалектикой Аристотеля, написал систему богословия. В самом трудном отделе богословия, – в учении о Боге, он почти буквально пользовался словами Григория богослова. Подобное явление повторялось в богословской литературе и других народов (например, у нас. В «Просветителе» жидовствующие обличаются словами Григория богослова). Патр. Фотий, в своей «Библиотеке», не только подводит итог памятникам греческого проповедничества, но и делает им критическую оценку (при чем, по свойственной грекам любви к слову, слишком много занимается слогом проповедей). Впрочем, услуга греческого проповедничества богословию и утверждению православия не ограничилась востоком, но простерлась и на запад.

С возрождением наук в Европе, греческие отцы, в их проповедническом слове, сделались руководителями в области богословских наук. С самого открытия парижского университета, в нем назначена особая кафедра для преподавания Св. Писания, по руководству св. отцов. Не смотря на успешное развитие в Европе, с XI века, просвещение вообще и богословия, греческие отцы и доселе остаются главными руководителями и истолкователями истин веры, а также обличителями ересей и заблуждений в вере. И это тем более верно, что многие ереси западной церкви, особенно о Божестве, не более, как повторение и перерождение древних ересей. Лучшим доказательством такого просветительного значения греческих отцов-проповедников служит капитальное богословское издание: «Cursus completus sacrae scripturae». В этом издании основными положениями при изъяснении истин веры служат толкование греческих отцов. Так, в обличение заблуждений католических и лютеранских (напр. о Св. Духе) приводятся слова Григория богослова, Афанасия великого и других отцов. В обличение западных христианских сект, отвергающих таинства и обряды богослужения, приводятся

свидетельства из огласительных поучений Кирилла иерусалимского; в этих поучениях находятся свидетельства об употреблении таинств и обрядов богослужения в древнейшей Церкви. Бесспорно, что в толкованиях Св. Писания католических и протестантских богословов более учености и анализа, нежели у греческих отцов (как и следует ожидать от развивающейся науки); но преимущество взгляда, постижение духа писания, чистота и непогрешимость учения вечно остаются за св. отцами. Где же этому причина? в чем секрет и тайна? В том, что св. отцы не насиловали текста, не подчиняли себе писание, а сами следовали за ним и в совершенстве постигли дух и букву писания. Особенно отличным толкователем в этом отношении, по суду библейской критики, оказывается св. Златоуст. Преимущество редкое, свидетельствующее не только о великом уме толкователей, но и святости жизни их и просвещении ума Св. Духом. До какой степени важно это преимущество в истолковании писания, доказательством тому служит лютеранство, дробящееся на секты, по причине неодинакового понимания писания⁸; следовательно дробление зависит от человеческих умствований и страстей, не имеющих благодатного духа и священного авторитета, и потому взаимно нетерпимых.

Наконец, проповеди знаменитых отцов, особенно IV века, оказали влияние на возбуждение слова современных им и последующих проповедников. И это влияние особенно заметно в IV веке, когда богословская мысль и религиозная жизнь достигли высшего напряжения. Так, Кирилл александрийский, подобно Афанасию великому, по определению никелевого Собора, рассылал по церквам пасхальные послания или слова нравственного содержания. Он сочинил много слов или бесед, которые предписано было повторять епископам всей Греции. В описании соборов и житиях святых встречаем указание, как знаменитые пастыри поручали малоизвестным епископам и даже священникам сказывать поучение в праздники. А св. Златоуст велел сказывать поучение даже на готфском языке. В третьем слове о брачных он говорит о содействии ему в слове одного епископа: «недавно мой товарищ щедро бросал семена

слова». Мы видели уже, что знаменитые пастыри, особенно Иоанн Златоуст оставили по себе учеников, искусных в проповеди. О влиянии знаменитых проповедников на современное им слово свидетельствуют и, так часто упоминаемые в древности, скорописцы, явные и тайные. О влиянии их на последующих проповедников христианского мира нет нужды распространяться здесь. Это мы увидим из истории русского проповедничества. Здесь достаточно упомянуть тот любопытный факт, что в истории проповедничества христианских народов насчитывают многих Григориев богословов и особенно Златоустых. В России напр. Григорию богослову уподобляют арх. Цамблака и митрополита московского Филарета; именем Златоуста почтены: архиепископ туровский Кирилл, протоиерей Лаванда и архиепископ Иннокентий. Уподобление эти основаны не столько на сходстве проповеднических талантов и произведений, сколько на очевидном влиянии проповедей греческих святителей на иноземных Григориев и Златоустов. Для примера мы укажем на проповеди архиепископа Иннокентия: лучшие из них запечатлены подражанием проповедям Златоуста. Так, живое слово Иннокентия против ушедших на зрелище, накануне Троицы, слишком напоминает подобное слово Златоуста, в котором он жалуется своим слушателям на них самих⁹.

Отношение греческого проповедничества к жизни действительной, по самому отвлеченному характеру его, не близкое, не прямое, не непосредственное. Разъясняя догматы и правила веры, греческое проповедничество тем самым освящало жизнь, исправляло общественные и частные недостатки, искореняло страсти и насаждало благочестие. Но это освящение жизни и улучшение нравов, предполагаемое в теории, а практике мало заметно и почти неуловимо. Опыт всех времен убеждает нас, что внушение возвышенных христианских правил возбуждает добрые чувства; но эти чувства, без применения к практике, без указания, как пользоваться ими в борьбе с тяжкими испытаниями, большею частью остаются бесплодными. Настроенный возвышенными чувствами уже воображает себя победителем страстей, укорененных годами, и

думает, что добро дается в руки без особенных усилий. Суровая жизнь и искушение утомляют неопытного разочарованиями, требуя постоянной борьбы с собою, нередко, как говорится, до кровавого пота. И потому справедливо замечает современная педагогика, что «отвлеченное проповедничество, обильное общими мыслями и наставлениями, но малоприложимое к нравственным потребностям слушателей, не вполне благотворно»¹⁰. По крайней мере нельзя фактически неопровержимо доказать, насколько самое богатое греческое проповедничество IV века исправило недостатки общественной и частной жизни греков, как нельзя дознать, вое ли семена, несомые произволом стихий, попадут на добрую почву и примутся на ней. А недостатки греческой жизни, хоть бы в IV веке, даже при таком правителе, каким был Константин великий, были очень значительны. Разумею нестроение общественной и частной жизни, а не споры религиозные, хотя и эти споры ослабляли расстроенную империю¹¹. Между тем мы видели уже, что практический элемент в греческом проповедничестве был не богат, не обнимал всех нужд общественной и частной жизни, а касался немногих беспорядков двух – трех городов империи, невольно кидавшихся в глаза. Нельзя было, например, не говорить о цирке, когда крики его долетали до храма; или о театре, когда он переполнен был в великую субботу; или о нищих, когда они кучами валялись на площади (в Антиохии); или о голоде, когда родители продавали детей своих, для поддержания жизни.

Кроме отвлеченного характера, греческое проповедничество не владело и необходимыми средствами для сближения с жизнью государства и народа, понимания и облегчения ее нужд. Излишне и распространяться о том, что вопрос о самостоятельном значении практической проповеди не был доступен древним, наравне с другими гомилетическими требованиями. Но кроме того, греческая проповедь не была повсеместным явлением, пищей городов и сел, а составляла как- бы некоторую роскошь и принадлежность столиц (Византии, Александрии, Антиохии и проч.). Да и в столичных городах проповедь была принадлежностью главным образом соборных

церквей, предстоятели которых были нередко образованные пастыри. А эти пастыри, как уже замечено, по своему аскетическому воспитанию далеки были от мирской жизни, близкого понимания и сочувствия ее интересам. Существенную услугу этим интересам могло оказать белое духовенство; но оно не отличалось достаточным образованием и средствами для приобретения дорогих пособий к проповедничеству. Казенных школ для духовенства в Греции не было. Общественные школы, процветавшие под покровительством Константина великого и его преемников, со времени Юстиниана пришли в упадок. Юстиниан прекратил жалованье публичным наставникам греческих школ, обратив эту сумму на построение церквей. С упадком школ в греческой империи и проповедь стала редким явлением в самых городах. Да и прежде Юстиниана, даже в столицах, проповедники были явлением необычным. Так, преемника св. Златоуста Арзака константинопольцы называли «лягушкой, черепахой, рыбой, старым пнем после цветущего дерева, бесплодным для себя и других (в даре слова)». А обильная проповедническая литература IV века не соответствовала всем нуждам и потребностям империи, до падения ее, на расстоянии более 1000 лет; да и не всем она была доступна. Таким образом, не говоря о скудости практической проповеди, даже отвлеченная проповедь, при кажущемся обилии ее, далеко не соответствовала нуждам греческой империи. Этот недостаток проповеди, особенно практической, исправляющей нравы, восполняло Провидение нашествием варваров и другими казнями. Явление – обычное в тех странах, где от неумения, или нерадения духовенства, нравственность народа распущена. И греческие проповедники, основываясь на учении пророков, верно, изъясняли бедствие, постигавшие империю, гневом Божиим. Правда, греческое проповедничество оказало влияние на жизнь духовную, аскетическую, а чрез нее посредственно и на мирскую; и это влияние было неизбежным следствием отвлеченно-богословского направления греческой проповеди.

Изъясняя Св. Писание, греческая проповедь изображала в особенности мир духовный и царство небесное. Излагая

догматы веры и правила деятельности, она указывала средства к достижению этого царства. Естественно ожидать, что такое направление проповеди окажет все свое влияние на людей с духовным призванием, недовольных миром и ищущих высшего блаженства. Действительно, как только явилась проповедь Спасителя о высшем совершенстве и самоотвержении, тотчас явились и подвижники христианские. Проповедь эта подробно изложена в 5–7 главах евангелия Матфея; особенно в 3–12 стихах 5 главы, где говорится о блаженствах; в 28–30 стихах – об отсечении вожделений; в 5–21 стихах 6 главы – о молитве, посте и сокровищах небесных, в 13–14 стихах 7 главы о тесном пути в царствие небесное. Предложенные правила подробно разъяснены в посланиях апостолов и особенно ап. Павла. Ап. Павел вообще требует «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, и обновиться духом, облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф.4:22). Это возвышенное учение о самоотвержении не вдруг сделалось известным греческому миру, и распространялось медленно, большею частью посредством устной проповеди. Но по мере распространения его в пределах империи, уже в I–III веках являлись аскеты. Они отказывались от удовольствий жизни и супружества, раздавали имущество свое бедным, спали на земле, проводили время в посте и молитве. В IV веке, как мы видели, вселенские учителя раскрыли нравственное учение с особенною силою, возбудили аскетизм и положили основание аскетическому проповедничеству. И тогда как догматическая проповедь, с IV века, стала клониться к упадку, аскетическая, вследствие умножения подвижников, процветала до самого падения греческой империи. Самые нестроения и бедствия империи, неблагоприятные для нравственности мирян, усиливали нравственность аскетов. Они видели в переворотах мира подтверждение слов Спасителя о суетности земных благ, и тем с большею любовью стремились к благам небесным, не развлекаясь мирскими заботами и привязанностями. Со времени развития аскетического проповедничества, жизнь монашеская приняла правильное устройство, с половины IV

века, и количество подвижников в греческой империи умножилось. Так, в понтийскую пустыню, в которой Василий великий подвизался с Григорием богословом, собралось столько подвижников, что они образовали многолюдный город. В Сирии, Месопотамии и Египте образовались целые полки иноков. В одних египетских пустынях к концу IV в. насчитывали иноков до 46,000, в том числе до 20,000 инокинь¹². На Афоне почти в каждое столетие насчитывали иноков до 10,000. С развитием монашеской жизни развивалась до тонкостей и аскетическая проповедь, определявшая внешнюю и внутреннюю деятельность инока и степени ее совершенства. Два-три слова из наставлений пустынных отцов сразу поясняют то безграничное самоотвержение, невероятное ограничение потребностей, которые предписывались монастырской дисциплиной. Св. Исаия (подвижник IV века), написавший 29 аскетических слов, говорит: «нет ничего полезнее для новонаначального монаха, как поругание; ибо поругание для нового монаха, который переносит его, тоже самое, что поливка для дерева». Причины столь удивительной поливки, необходимости поруганий, авва не объяснил, предполагая ее известною из ежедневного опыта; ибо такая высокая мудрость не может следовать из теории. Причина, конечно, заключается в том, что оскорбления сбивают гордость, принижают дух и вводят благодать, которая почивает в сердцах смиренных. Для ревностных подвижников недостаточно было и поруганий: и вот, некоторые из них проходили подвиг юродства, отказываясь, из любви к Богу, от разума, лучшего украшения человека. Иные предавали себя мучительным истязаниям за грехи (примеры в Лествице), терпели на столбах стужу и зной (Симеон столбник в Антиохии, Даниил столбник в Константинополе), заключались во гробы, постились по 40 дней и проч. Сам св. Златоуст, с чувством проповедовавший нравственно-аскетическое учение, провел 4 года между пустынниками, и еще 2 года в уединенной пещере, и вследствие подвигов расстроил навсегда свое здоровье (желудок). Что же касается неисправностей и опущений в монашеской жизни: то все они заранее предусмотрены, исчислены и строго преследовались

монастырской дисциплиной. Строгость взысканий монастырских за малые провинности невольно изумляет нас; а строгость дисциплины западного монашества превосходит всякое вероятие¹³.

Не станем утверждать, что все эти сотни тысяч иноков, появлявшихся в Греции с IV до XVI века, были истинные подвижники. Страсти, неотъемлемая принадлежность человеческой природы, находят дорогу и в пустыни, и в скиты, искусно скрываются в ангельском образе. Горе и нужда во все времена гонят в монастыри людей без призвания и способностей. Но что же из этого? Из-за исключений, неизбежных на всех поприщах общественной жизни, станем ли отрицать достоинство подвигов и высший идеал христианского совершенства? Пусть дело говорит само за себя.

Греческие иноки, воспитанные наставлениями великих авв (отцов), и подвизавшиеся во всех пределах византийской империи, имели благотворное влияние на народ, на нравы общественной и частной жизни, Удивляя всех высокою жизнью, полною лишений и подвигов благочестия, они привлекали к себе мирян своею святостью. Соприкасаясь с миром, по нравственным побуждениям, они действовали на него словом назидания и примером благочестивой жизни. Это назидание проникало в мир различными путями: церковной и домашней беседой, книгой и письмом, сношением по делам церковным и гражданским. Особенную помощь оказывали миру великие подвижники, украшенные прозорливостью и другими необыкновенными дарами. Нередко они отправлялись в столичные города, по приглашению царей и епископов, для разрешения трудных задач жизни, требовавших высшей помощи или же отвращали гнев Божий своими молитвами и испрашивали стране милости Царя небесного и земного¹⁴. Что же касается частных благодеяний, примирение вражды, укрощение страстей, разрешении недоумений, устройство домашнего счастья: то этому находим бесчисленные примеры и доказательства в истории Церкви. Вообще, монастыри, как школы нравственности, были врачевством общественных и частных недугов, сдерживали полуязыческие нравы греков, и,

может быть, продлили существование распадавшейся империи. Хотя и трудно показать степень влияния монашества на нравы греков, ибо это дело духовное; но некоторые внешние черты этого влияния представляются сами собою. Мы разумеем избрание монахов на высшие иерархические должности, с IV века, со времени утверждения монашества в греческой империи, и этот обычай вошел в церковную практику; а также перевод монастырей и лавр из пустынь в города, сближение их с архиерейскими кафедрами и мирянами. На соборе трульском постановлено: «епископу быть без жены». К концу империи византийской близ Константинополя было до 300 монастырей¹⁵. Иные признают такой факт доказательством общего упадка нравственности. Но нельзя не согласиться, что народ находил для себя полезным сближение с монастырями и давал им поддержку. Если же к концу империи наплыв в монастыри был непомерный, то это свидетельствует о тягостях мирской жизни, и общественных нестроениях.

Итак, отвлеченно-богословское направление греческого проповедничества, сообразно с своим характером, создав монашество, как идеал христианской жизни и нравственного совершенства, оказало благотворное влияние на нравственность общественную. Оно действовало освящающим образом на жизнь, посредством слова и примера подвижников, укрощая страсти и насаждая благочестие. И постоянное умножение монашества, и распространение монастырей в Греции, как школ высокой нравственности, соответствовало нуждам времени и пользе народной. Справедливость такого вывода подтверждается непреложным авторитетом, — прославлением многих греческих подвижников, за их плодотворную деятельность, дарами благодати. Но это влияние греческого проповедничества на общественную жизнь было не прямое, не непосредственное, а так сказать отраженное (рефлексивное).

Сообразив все сказанное об особенностях греческого проповедничества, о его характере и влиянии на общественную жизнь, мы можем предусматривать, как оно примется на исторической почве России, какие будет развивать начала и

какой – осуществлять идеал? Но предварительно нам необходимо изложить подготовительные сведения к этому вопросу, выясняющие дело всесторонне.

2) Способы проникновения греческого проповедничества в Россию, и средства, которыми оно поддерживалось в русской Церкви

Греческое проповедничество, говоря вообще, проникло в Россию из Греции, вместе с христианской верою. В частности, оно проникало в Россию постепенно, в течение 800 лет, двумя способами: живым устным словом и письменным. Живым словом греческая проповедь проникала в Россию двумя путями: из Греции и из Болгарии, которая заимствовала образование от греков в IX веке.

Устная проповедь, вместе с христианством началась в России в IX в., именно в 867 году. Правда, христианская вера проникала в наше отечество и прежде, но так сказать урывками, без особенных последствий. «По памятникам истории, как сказал некто, христиане были гостями в южной России, до IX в. Несколько лиц и семейств являлись в ней христианами в душе; но потом эти гости пожинались войною, или преследованием язычников, не оставив по себе следа, или заметного движения в массе народной». Но и с указанного времени греческая устная проповедь распространялась в России не с одинаковым успехом. С 867 до 988 года (крещение Владимира) она была частным делом в России; с 988 до 1448 года (прекращения в России греческих митрополитов) – делом официальным.

В 867 году греческий епископ (предполагают, что он знал славянский язык и вероятно послан из Болгарии) проповедал христианство в Киеве и для уверения слушателей в истине своих слов, положил евангелие в огонь. Как проповедью своею, так и чудом неврежденности евангелия, он обратил многих славян ко Христу. Об этом свидетельствует патриарх Фотий: «руссы переменили свою нечистую языческую веру на чистое христианство, и, приняв епископа, ведут себя как послушные дети». Это обращение славян в христианскую веру совершилось при Аскольде и Дире. При Олеге христианство распространилось в России до такой степени, что греки считали здесь особую епархию, подчиненную патриарху. При Игоре

построена в Киеве церковь пророка Илии. Особенно христианская вера распространялась при Ольге, которая утверждена в вере патриархом Полиевктом и крещена им. Таким образом христианство насаждалось в России, до св. Владимира, проповедью священников, а может быть и епископов, вероятно большею частью приходивших из Болгарии и знавших славянский язык. Так напр. св. Ольга имела при себе папу Григория, священника или епископа, руководителя в вере.

Официальное действие устной проповеди началось со времени обращения в христианство кн. Владимира греческим иноком, По повелению князя Владимира священники (прибывшие из Корсуня и из Константинополя с царевною Анною) ходили по улицам Киева и по домам, наставляя жителей в вере, и многих приготовили к крещению. Адемар утверждает, что в это время греческий епископ (митрополит Михаил) обратил в христианскую веру самую середину страны. Митрополит Михаил, с шестью епископами, насадил христианство и в новгородской области; потом, четырьмя епископами, – в ростовской области. По тому же повелению вместе с сыновьями великого князя отправлялись в уделы священники и даже епископы для проповеди; священники, как знающие славянскую речь, могли, по большей части, происходить из Болгарии¹⁶. Таким образом, в 28-летнее княжение св. Владимира, при содействии проповеди греческих и болгарских пастырей, вся земля русская обращена в христианство, что подтверждают русские летописи. Затем, до 1449 года, греки, возводимые на русскую митрополию, словом своим утверждали христианство в России. Многие из них русские летописцы называют искусными в слове и учительными. А о митрополите Иоанне II пр. Нестор говорит, что «подобного ему не было на Руси, да и не будет; что он был сведущ в книгах, искусен в учении, владел даром слова и утешал печальных своими беседами». Но более всех потрудились в устной проповеди митрополиты: Кирилл I, Кирилл II, Максим и Феогност. Они объезжали неустроенную Русь, наставляли всех в вере, и исправляли народные недостатки. Греки иногда были возводимы у нас и на епископские кафедры, напр. Иларион

ростовский, Мануил Смоленский, Антоний Черниговский, Николай Полоцкий. Но были ли они учительны и сильны в русском слове, не известно; по крайней мере известно, что епископы в то время мало посещали свои епархии. Кроме того, многие из русских людей отправлялись в Грецию, по делам службы и торговли, и там были обращаемы в христианскую веру.

Проповедь поименованных нами пастырей была вообще содержания нравственно-догматического, с одной стороны по необходимости наставляя пасомых в вере, а с другой стороны потому, что сами проповедники руководились учением Церкви и св. отцов. Так, епископ, положивший евангелие в огонь, проповедовал о божестве и чудесах Спасителя, вследствие чего слушатели возразили: «мы не уверуем, если не увидим подобного тому, что случилось с тремя отроками». Патриарх Полиевкт, наставляя княгиню Ольгу в вере, присоединил в тому аскетические внушения о целомудрии, посте, молитве и проч.¹⁷ Инок, обративший кн. Владимира в христианскую веру, говорил о страшном суде¹⁸. Поучения позднейших пастырей – проповедников, дошедшие до нас, запечатлены характером древнего греческого проповедничества, библейским направлением¹⁹.

Кроме устной проповеди греческих и болгарских пастырей, в первом периоде в Россию проникали и письменные памятники греческого проповедничества, в переводах болгарских и славянских. За недостатком исторических свидетельств нельзя представить полную библиографию этих переводов. Но по дошедшим до нас свидетельствам видно, что в XI в. Русь уже пользовалась многими отеческими поучениями. Так например пр. Нестор говорит о Феодосии печерском, что когда он сам не проповедовал, то заставлял других читать в церкви поучения, без сомнения св. отцов. В жизни Авраамия смоленского сказано, что он прилежно читал св. отцов, особенно св. Златоуста и Ефрема сирина. Основываясь на указаниях истории, мы перечислим немногие памятники греческого проповедничества в славянском переводе, и то лишь главные. После бесед св. Златоуста и Ефрема сирина Лествица или

слова Иоанна Синайского были в наибольшем употреблении у русских, и потому Лествица Иоанна почти в каждое столетие была вновь переводима на славянский язык, или вновь списываема. Так, известна Лествица в списках славянских XII века и во многих списках XIII, XIV и XV веков. Прочие памятники греческого проповедничества появлялись в славянском переводе, в Болгарии, или России, в следующем порядке: Сборник болгарского царя Симеона, содержащий поучения Василия Великого, Афанасия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Феодорита, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, и некоторые риторические статьи; переписан для кн. Святослава, 1073 г. Сборник Святослава 1076 г., отличный от первого, но также содержащий разные статьи из поучений св. отцов; сборник этот переписан и в 1403 г. Сборник слов (18) Златоуста, Василия великого (1) и проч., XI в. Пандекты (поучения, размышления, наставления) инока Антиоха о разных добродетелях и пороках, в 130 отделениях или главах, XI–XV в. (составлен в VII в). Златоструй из 136 избранных слов Златоуста, с некоторыми прибавлениями, составленный болгарским царем Симеоном, в списке XII в. Слова еп. Климента Словенского (4) , XII в. Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского, XII и XIII в. Слова или беседы Константина (болгар. священника) на воскресные дни года, извлеченные из св. Златоуста и других отцов, с собственными прибавлениями, XII–XIII в. Сборник поучений св. Златоуста, Василия великого, Ефрема сирина, Исидора Пелусиота и Антиоха – рукопись Троице-Сергиевой лавры, XII в. Толкование на шестоднев Иоанна экзарха болгарского, по руководству св. Василия, XIII и XV в. Шестоднев Василия великого и шестоднев Златоуста (об них упоминает митр. Киприан в XIV в.). Два сборника, содержащие толкование св. отцов на разные места Св. Писание, XIII–XV в. Толкование на евангелие Марка и Иоанна Феофилакта архиеп. болгарского, XV в. Благовестник (толкование на четвероевангелие) того же Феофилакта, или сокращение бесед Златоуста, с некоторыми прибавлениями из других отцов и от себя, XVI в., (но когда Благовестник в первый

раз явился в России, не известно). Слова против ариан Афанасия великого, XV в. Поучения Ефрема сирина (3 списка) XIII–XV в. Поучение Исаака сирина (несколько списков) XIV–XV в. Диоптра пустынника Филиппа, аскетические слова (5 списков) XIV–XV в. Постнические слова Василия великого, XV в. Поучение Феодора Студита в списках XIV–XV в. Подвижнические главы Максима исповедника, Феодора Эдесского и Нила, XIV–XV в. Св. Нила об 8 помыслах, XV в. Сочинение Симеона нового богослова и Петра Дамаскина, XV в. Различные слова Григория Синаита, XV в. Слова Григория богослова (16) , с толкованием Никиты Ираклийского (5 списков), XIV–XV в. Маргарит Златоуста, XV в. Собрание поучений на воскресные и праздничные дни, из св. Златоуста и других отцов, сделанное патр. Филофеем, XV в. Пандекты и Тактикон Никона Черногорца (сборник догматического, нравственно-аскетического, обрядового и канонического содержания, составленный в XI в.). – Пандекты в 63 словах, наставление о добродетелях и пороках, особенно монашеских, в 8 списках, XIII–XV в. Тактикон или типикон, в 40 словах или посланиях об обязанностях монашеских и обрядах церковных, с присоединением практических слов о церковных имуществвах и т. п.²⁰. В этом сборнике приведено бесчисленное множество мыслей и отрывков из сочинений греческих проповедников и писателей. Читая Пандекты и Тактикон, предки наши познакомились и с такими второстепенными писателями, сочинение которых не были переведены на славянский язык²¹. Наконец, в позднейшее время, был переведен аскетический сборник Добротолюбие (φιλοκαλία), о котором было говорено прежде. Из произведений западных, латинских проповедников, предки наши заимствовали весьма немного, конечно из предосторожности; напр. Беседы на евангельские чтения Григория Двоеслова, XIV в.

Не распространяемся о множестве списков Св. Писание, с толкованием св. отцов, бывших в домашнем употреблении у наших предков, напр. «Толкование на книги пророков, извлеченные из сочинений Феодорита и других учителей, XV в.»; а также о множестве сборников с житиями святых и поучениями,

напр. «Сборник, содержащий в себе египетский патерик, отрывки из других патериков, житие разных святых и поучения, XV в.», или: «Сборник, содержащий в себе Лествицу Иоанна синайского, разные статьи, повести, слова, краткие изречения, XV в.». Подобные сборники особенно умножились в XIV–XV в. Но и за всем тем мы далеко еще не исчислили памятников греческого проповедничества, переведенных на славянский язык. Так, в первом периоде было еще много проповеднических сборников, составленных в России, в которых наравне с словами св. отцов, особенно Златоуста и Ефрема, помещались слова русских проповедников. Подобные сборники начали умножаться с XIV в.

Обозревая исчисленные сборники, удовлетворявшие духовным нуждам наших предков, мы приходим к следующему естественному заключению. Сборники сии выдерживают общее направление греческого проповедничества – отвлеченно-богословское. В частном направлении, применительно к нуждам русских, они отличаются нравственно-аскетическим характером; изъяснительный элемент в них малозначителен. Сборники проповеднические умножаются с XIII до XVII века. Все это не случайно, основано на исторических причинах. Самый выбор статей в сборниках и появление известных сборников и слов в определенные времена обусловлены нуждами Церкви и времени. Так, например, знаменательно появление Диоптры в XV веке; в ней решался вопрос о кончине мира по истечении 7000 лет; или появление обличительных слов св. Афанасия против ариан в XV веке (ересь жидовствующих). Но особенно замечательны переводы Пандект и Тактикона, начавшиеся с XIII века. В этих сборниках содержатся указания и разъяснения важных вопросов об устройстве монашества, церковного благочиния, о царской власти, об отношении гражданской власти к духовной, о церковных имуществах и т. под. Коротко сказать: общий характер греческого проповедничества в переводах, как руководительного начала, предвещает нравственно-аскетическое направление русской проповеди. Особенности исторической жизни России, ее гражданские и церковные стремления, были тою почвою, на которой переродился

характер греческого проповедничества; вместо научного, истолковательного, он сделался нравственно-аскетическим, более близким к русской жизни...

Но прежде, нежели мы перейдем к этому вопросу, укажем на те средства, которыми поддерживалась в России отвлеченная греческая проповедь, не встречая препятствий своему направлению, в течение многих веков.

Главным средством к утверждению греческой проповеди в России была христианская вера, которая, как мы видели, создала эту проповедь. Христианское вероучение, в первые века получившее широкое развитие и разъяснение в греческом проповедничестве, сделалось навсегда неразрывным с ним, как зерно со скорлупой, или душа с телом. Проповедь, как сказано, при тогдашнем состоянии наук, была лучшим проводником богословских знаний в жизнь. К IX веку, ко времени проникновения христианства в Россию, оно окончательно развито греческим проповедничеством, не только в догматическом, нравственном и аскетическом отношениях, но и в обрядовом, каноническом и историческом. Особенно подробно опровергнуты все ереси, колебавшие христианство, не только древние (коих, по свидетельству Епифания, было 100, в том числе 20 предшествовавших христианству), но и новые – монофизитов, монофелитов и иконоборцев. Естественное дело, что при таком тесном сродстве христианства с греческою проповедью, последняя делалась неотъемлемой принадлежностью Церкви и веры, особенно в древней Руси, чуждой всякого просвещения, и нуждавшейся в руководителях. Понятно само собою, что греческое проповедничество было для России богословскою школою, и журналистикой, и светочем веры. Это тем более верно, что греческие проповеднические сборники переписывались у нас вольными писцами, и продавались свободно, делаясь достоянием народа без всяких препон²².

Монашество, перешедшее к нам из Греции, вместе с христианскою верою, в высшей степени содействовало распространению и утверждению греческой проповеди в России. Русское монашество находило в греческом проповедничестве

разъяснение нравственных правил, определяющих христианскую жизнь, а в аскетических поучениях – изображение высшего идеала или нравственного совершенства. По своему званию, оно обязано было руководиться греческим проповедничеством в общественной и частной жизни. В церковном богослужении оно выслушивало уставные чтения из поучений отцов, особенно Ефрема сирина, Иоанна синайского, Златоуста и других; недочитанное в церкви выслушивалось за трапезой. За трапезой, кроме житий святых, обыкновенно читались поучение Исаака сирина, Макария египетского, Феодора Студита и других отцов. Эти же поучения и особенно Добротолюбие, в котором, по выражению подвижников, «сложены капиталы духовных сокровищ», были настольными книгами в монастырях, для освящения жизни и нрава. Понятно, что при таком отношении русского монашества к греческому проповедничеству, оно сделалось постоянным распространителем его в новообращенной стране. Русские монастыри сделались настоящими школами проповедничества и богословия; в них постоянно списывали и переводили греческих проповедников, тем более что подобные занятия считались делом богоугодным. Доселе сохранились большие сборники, писанные подвижниками: Кириллом белозерским, Иосифом волоколамским и другими. И действительно, это дело было богоугодным в высшей степени. Извлеченные из греческих поучений правила проводились иноками в мир, посредством церковной и домашней беседы, посредством слова и письма. Таким образом нравственное добро далеко разносилось за пределы монастырские.

Окончательным средством к утверждению греческого проповедничества в России было подчинение русской митрополии константинопольскому патриарху. Это средство было временным, сравнительно с предыдущими, и невидимому малозначащим; но оно дало самое широкое развитие греческому проповедничеству в русской Церкви.

Подчинение русской митрополии константинопольскому патриарху сблизило Россию с Грецией духом, нравственно религиозными стремлениями, и таким образом дало у нас

полную свободу греческой проповеди, как руководительному началу в жизни. Митрополиты из греков, как представители христианской веры и аскетизма, проводили в жизнь убеждения, почерпнутые ими из св. отцов и подвижников. Под их нравственно-аскетическим руководством не только церковная, но и гражданская жизнь русских принимала религиозный характер, превращалась, некоторым образом, в церковную и монастырскую обрядность. В этом руководстве помощниками митрополитов были епископы, которые в свою очередь действовали на народ чрез священников и особенно монахов, строгих аскетов. Благодаря такому руководству, вся Россия оглашалась святоотеческими писаниями и нравственно-аскетическими беседами. Подобные наставления слышались с церковных кафедр, распространялись по России в пастырских посланиях, в речах при посещении епархий, в беседах иноков и священников. Самая обыкновенная речь духовных лиц подкреплялась текстами, изречениями отцов и молитвенным тоном. При рассуждении о самых обыкновенных вещах, даже в светском кругу, можно было слышать проповеднические сентенции, выражающие аскетический взгляд на жизнь, самоотвержение и полную преданность Промыслу. «Суета сует!» «Возненавидим плоть». «Блюда себе, чадо, и уповай на Бога», «Все в руце Божией, как Он восхощет», «Буди Его святая воля! ...»

Подчинение русской митрополии константинопольскому патриарху сблизило Россию с Грецией не только духом, но и словом. Оно заставило русских учиться греческому языку, для обмена идей и мыслей, и таким образом открыло им богатейшую греческую литературу и проповедничество. Греческие митрополиты и епископы, приезжавшие в Россию, привозили с собою и произведение греческих проповедников, а также ученых людей, помощников в слове. Особенно много рукописей привез митр. Киприан из Греции и Болгарии. Из ученых греков и болгар, или сербов, оказавших услугу русской литературе и проповедничеству, следует также упомянуть о Пахомии Логофете, Максиме Греке и Арсении Греке. Но пастыри греки были недовольно вразумительны для русских в своих

наставлениях и писаниях, так митр. Никифор писал поучение на греческом языке, которые сообщались слушателям в славянском переводе. Митр. Киприан писал весьма неправильно по-русски, и по причине темной речи был маловразумителен для современников. Митр. Фотий тоже отличался неясною речью. Эта неудовлетворительность речи пастырей греков, и просвещение, доставляемое ими в Россию, были ближайшим побуждением для русских знакомиться с греческим языком. Не говоря о русских переводчиках, мы знаем некоторых святителей из русских, которые вполне владели греческим языком; так, например митр. Алексей исправлял славянский перевод евангелие по греческому тексту. Необходимость почерпнуть знание из первоисточников греческой литературы заставляла и светских людей учиться греческому языку. Так, некоторые князья говорили по-гречески, напр. Михаил Юрьевич; держали при себе ученых греков, напр. Константин Всеволодович; приглашали греческих учителей и заводили училища, напр. Роман Ростиславич; заставляли переводить греческие книги, напр. Ярослав 1. Кроме того, вследствие духовной связи с Грецией, люди всякого звания отправлялись в Константинополь и на Афон, и, знакомясь с греческим языком, приобретали и списывали памятники греческой литературы и проповедничества²³.

Но особенною ревностью к изучению греческого языка отличались многие иноки, так как они выражали в своей жизни дух аскетического проповедничества и нуждались в его руководстве. По духовной связи с Грецией, они особенно часто путешествовали в Константинополь, на Афон, в Иерусалим и другие места. Там они жили по целым годам, учились подвижничеству и греческому языку, переводили и списывали памятники греческой литературы и проповедничества. Монастыри Студийский и св. Предтечи в Константинополе, Пантелеймонов и Хилендарский на Афоне, были постоянным пристанищем русских и местом списывания и перевода книг. Здесь же, особенно на Афоне, было много иноков из болгар и сербов, которые содействовали русским в переводе и списывании греческих книг. Так, в монастыре св. Предтечи жил

20 лет игумен Серпуховского монастыря Афанасий и приобрел здесь сборник отеческих сочинений. В студийском монастыре жил митр. Киприан и переводил на славянский язык греческий книги. Так, на Афоне жил Нил сорский, и там позаимствовал аскетические слова об восьми помыслах²⁴. Таким образом составились наши богатые древние библиотеки, из коих более замечательны: киево-софийская, новгородско-софийская, патриаршая, троицко-сергиевская, белозерская, соловецкая, волоколамская, и другие. При помощи греков, проживавших в России, и богатых монастырских библиотек многие иноки и в России успешно изучали греческий язык и отеческую письменность. Так, Стефан пермский поселился в ростовском монастыре Григория Богослова, богатом книгами. Здесь он изучил греческий язык в таком совершенстве, что не только читал и понимал греческие книги, но и говорил по-гречески.

Таким образом, сама христианская вера, монашество, служившее выразителем ее, и подчинение русской митрополии Константинополю, породнившее нас духом и словом с Грецией, были теми средствами, которые утвердили греческое проповедничество в России, на целые столетия. Надобно заметить, что русская Церковь тяготилась злоупотреблениями греческих царей и патриархов (назначавших нам иногда по два и по три митрополита), и старалась высвободиться из-под этой опеки; но эти неприятности вознаграждались духовным влиянием греков на нас. Лучшим доказательством тому служит прекращение проповеди в России с окончанием нашей зависимости от Греции. Как бы то ни было, но причины, утвердившие греческую проповедь в России, окончательно ручаются нам в ее господствующем нравственно-аскетическом направлении. Приступая к изложению этого направления, мы коснемся сперва быта и характера русского народа, дабы видеть нравственную почву, на которую пали семена греко-русского проповедничества, ее особенности и приемлемость.

3) Гражданский быт и характер русского народа

Русские медленно выходили из дикого состояния, устроялись общественным бытом и спланивались в великое русское государство. В продолжение многих веков они не имели твердой, правильно организованной власти. Это неудобство, вместе с другими подобными, о которых сейчас скажем, замедляло их гражданское развитие. В диком состоянии русские славяне находились под управлением отцов семейств, начальников родов и племен- следовательно управлялись патриархально. Семейные несогласия, раздоры племен и родов подчинили славян варягам, князьям Рюрикова дома. Разделив между собою Россию на уделы и подчиняясь старшему в роде, великому князю, удельные князья сохранили гражданское единство и целостность России; но спорами за наследство, переходами с одного стола (города) на другой, со смертью великого князя, ослабили ее могущество. Дружина, перемещавшаяся с своим князем и переходившая от одного князя к другому, усиливала общее расстройство и зло. При содействии талантливых князей и осмотрительнейшего из них Иоанна III, государственная власть сосредоточилась наконец в XVI веке, в руках цари Иоанна IV; но самый избыток власти, на первый раз не умеряемой законом, выразился в государстве разрушительною силою, и имя Грозного дано первому царю не в похвалу.

Медленное организацию власти, сопровождаемое войнами и разрушением, не благоприятствовало законодательству и государственной администрации. Действительно, в продолжение 700 лет древней русской истории сделано весьма немного для русского законодательства. Законы греческих царей, внесенные в Кормчую книгу, на первых порах заменяли для нас русское право или закон. Появившиеся затем «Русская правда» Ярослава, «Уложение» Иоанна III, «Судебник» Иоанна IV, и «Соборное Уложение» Алексея Михайловича, далеко не обнимали всех нужд государства, не разграничили с точностью

приказов, делопроизводства и даже сословий – военного и гражданского, не определили жалованья служащим, не оградили жизни, свободы, чести и имущества людей. Особенно важным недостатком древнего законодательства была крайняя неопределенность относительно сбора податей. Государственные подати собирались с домов, а не с числа душ, поэтому подати собирались крайне неисправно. При появлении сборщиков податей жители разбегались, и казна не могла покрывать самых необходимых государственных издержек. По этим причинам гражданский суд становился произвольным и запутанным; подати непомерно увеличивались, казнокрадство и правежи были обыкновенны; тяжёлые дела тянулись по несколько лет, и излагались в сотнях листов; московская волокита, ябеда и крючкотворство вошли в поговорку.

Вследствие слабости и злоупотреблений властей, неполноты и неопределенности законов, Русь долго не могла устроиться в своих сословных отношениях, и в продолжение почти 700 лет находилась в брожении, ослаблявшем ее. Переходили с места на место не одни князья и дружина. Переходили и крестьяне, каждую осень, от одного владельца к другому; отдавались в кабалу сильным людям, чтобы избавиться от податей и притеснений; бежали в Сибирь и за границу целыми деревнями и уездами, от поборов, правежей, воинских повинностей, насилия воевод и подьячих. При таком брожении сословий, грабежи и разбои были делом обыкновенным. Беглые крестьяне и солдаты целыми ватагами нападали на села и города, пытали и жгли жителей, забирая их пожитки.²⁵ Посланник Контарини говорит, что он, «выехав из Житомира, целый день ехал темным лесом, весьма опасным, по множеству бродяг». Многие владельцы, с своими людьми, делали наезды на деревни, разоряли их и давали у себя пристанище разбойникам²⁶. Много было в России странников, которые кормились па чужой счет, избегая податей и общественных повинностей. Эта разобщенность сословий, праздношатание, разбои и брожение были особенно вредны тем, что подавляли чувство долга и законности, и

препятствовали стремиться к общим целям совокупными силами.

Брожению государства содействовало климатическое и географическое положение страны, обрекавшее жителей ее на труды и бедность. Сравнивая роскошную природу западной Европы, благоприятную цивилизации, с природою восточной Европы, мы назовем первую матерью, а последнюю – мачехой. Россия – страна суровая, в которой от половины до двух третей года продолжается зима. В древности, по свидетельству путешественников, она была покрыта лесами и болотами, славилась морозами, глубокими снегами и вообще суровым климатом. Как страна суровая и земледельческая, она обрекала жителей своих на тяжелые труды, ради дневного пропитания. Как страна ровная, незащищенная камнем и горами, она открыта была для врагов и частых опустошений. В тоже время разобщенность с морями и промышленными народами не давала средств к обогащению торговлей, к сбыту продуктов, которыми изобиловала Россия, напр. леса и скота. К этим климатическим и географическим условиям страны прибавим обширность ее пространства, недостаток путей сообщения и малонаселенность. Европейская Россия занимает ныне 87,485 квадратных миль. Приняв во внимание, что Россия в древности владела Галицией, и с каждым веком расширялась в своих пределах (о Сибири не упоминаем), мы допустим, что она всегда простиралась на десятки тысяч квадратных миль. При такой обширности страны невозделанной, с слабыми путями сообщения, и населенность ее была незначительна. По первой ревизии, сделанной Петром в начале XVIII века, когда процент народонаселения с веками должен бы увеличиться, народонаселение России оказалось в 12.000,000 душ. Принимая во внимание политическое неустройство древней Руси, войны и эпидемии, истреблявшие народ, трудно допустить, чтобы населенность России, в самое спокойное княжение Иоанна III, могла превысить означенную цифру. Но много ли значило хоть бы десяти или двенадцатимиллионное население на каких-нибудь 50,000 квадратных миль! Конечно, столь слабому населению, разбросанному на огромном пространстве, не легко

было справиться с дикою и невозделанною природою; притом же, это население не владело научными пособиями и находилось в постоянной тревоге от нападения врагов. Таким образом климатические и географические условия древней Руси обрекали жителей ее на тяжелые труды, лишения, потери и бедность. Подтверждением этой истины служит народная подать, в первый раз определенная в 1577 году, в 1.430,000 руб., и во второй раз в 1710 году, в 3.051,796 руб., не покрывавшая расходов государства, хотя подать эта и ничтожна сама по себе, и особенно в сравнении с другими государствами. Общее мнение о России было как о государстве деревенском, бедном. «Лучше поддаться, говорили казаки, крымскому царю: московский царь станет водить нас в лаптях, а крымский – в атласе». Понятное дело, что при тягости труда и бедности, вечном опасении за свою жизнь, и пустынности страны, народонаселение не привязывалось к месту и искало облегчения своей участи в переходах с места на место. Этому значительно содействовали бессилие власти и закона, недостаток надзора и полиции.

Указанные неудобства гражданской жизни не благоприятствовали и просвещению русского народа. Нелегко учиться тому народу, который постоянно трудится для дневного пропитания и уплаты податей, удален от общения с торговыми странами, но привязан к месту и готов бежать от всяких насилий и неправосудия. Действительно, в продолжение 700 лет, русский народ не обнаружил склонности к просвещению, и богатая византийская литература не затронула его умственных способностей²⁷. Даже элементарные школы, изредка заводимые правительством, не ушли далее чтения, письма и пения, и скоро приходили в упадок. Стоглавый собор сильно хлопотал о том, как бы завести школы, в которых бы учили читать и писать. Русскому правительству только в конце XVII в. удалось завести школу, с высшими образовательными приемами, «видно, русские, говорит пр. Макарий, еще не чувствовали потребности в высшем образовании. Они спокойно продолжали идти тем же путем, каким шли их предки, довольствовались теми же первоначальными школами, какие существовали и прежде, и не

простирали в этом отношении своих желаний далее, как только чтобы уметь свободно читать и понимать божественные и свято-отеческие книги, на пользу собственных душ и для назидания ближних». Даже бояре и князья по большей части не знали грамоты (напр. Димитрий Донской и Василий Темный). И чем другие европейские народы были особенно сильны и славны, тем именно русские были бесславны и бессильны, даже в высших сословиях. «Думные бояре, говорит Кошихин, уставя брады свои, ничего не отвечают (царю), ибо царь жалуется многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие грамоте неучены». Кроме того, бояре смотрели на грамоту с пренебрежением, как и на всякую черную работу.

Да и надо сознаться, в оправдание наших предков, что древняя славянская грамота была слишком неприветлива и тяжела даже на взгляд. Она пугала простое воображение своею угловатостью (округлил русский шрифт, по образцу латинскому, Петр I), лишними буквами, ненужными придыханиями, со множеством ударений, кавык, паерков, камор, оксий и самарий, загадочных титл к подтитл (в видах сбережения бумаги) и произвольной пунктуацией. Даже и ныне нельзя без скорби смотреть на устрашительную грамоту славянских рукописей; а предки наши серьезно верили в ее вредное влияние на голову и боялись «изступить ума!» Одним словом, корень учения был слишком горек, и потому не приносил сладких плодов. К тому же, языческая вера в стихии, греческое суеверие, перешедшее к нам в палеях и хронографах, и болгарские апокрифы запугали и притупили умы простого народа. Не распространяемся о том обстоятельстве, что учение в старину шло об руку с мучением и розгами.

Правда, были в России образованные сословия, — подъячие, священники и монахи; но образованность этих сословий была слишком специальна и ограничена, чтобы оказать заметное влияние на развитие народа. Подъячие умели строчить для корысти и наживы. Священники, по большей части выходившие из престопа, умели читать, не всегда со смыслом, для получения прихода. О малограмотности священников засвидетельствовал митрополит Кирилл II в

поучении им, говоря: «не читайте ложных книг» (апокрифов). Митрополит Киприан назвал священников и диаконов невеждами, говоря, что они наполняют «сельские сборники баснями и суеверными рассказами». Памятником этой малограмотности служит наставление об отпусках, в служебнике. «На отпуске не говори: Христос истинный Бог наш молитвами честного и славного успения, или введения, и других праздников, помилует; ибо не введение или успение приводит на молитву» и проч. Священники занимались землепашеством, платили подати, бывали на караулах и правежах, и им было не до образования. Впрочем, в летописях и житиях святых упоминаются и священники учительные. Так, священник Потапий учил св. Юлианию добродетелям, молитве, посту и милостыне. На аскетическое настроение патриарха Никона, в его юности, имел влияние приходский священник. Священник Орловский, из крестьян, сделался проповедником – самоучкой. Упоминаются еще, как проповедники, прот. Сильвестр, Логгин и отчасти Г. Скриница. Но это были редкие исключения из общего правила. Монахов в древней Руси было много (по репорту 1724 года 14,534чел.); они имели более

средств к самообразованию» и более нравственного влияния на народ, нежели священники. Но и монашествующие, происходившие по большей части из простого народа, не были образованнее священников. Игумены напр. писали в своих грамотах: «милостию Господа нашего и боголепного его преображения, честного и славного успения» пр.²⁸. Даже архиереи были мало образованы. «Русские епископы, сказал митрополит Исидор, люди некнижные». В XIV–XV в. переведен на русский язык сборник поучений на воскресные и праздничные дни, в руководство именно архиереям. Учительные архиереи, настоятели и подвижники, самоучкой достигшие замечательного, по своему времени, образования, составляли незначительное меньшинство, на расстоянии 700–800 лет. Вообще, образование древней Руси ограничивалось умением читать божественные книги, которые все назывались боговдохновенными (в том числе палеи, хронографы и апокрифы), а наипаче псалтырь и часослов, и писать, да еще петь, по церковному. В особенном

уважении у предков были гадательные и суеверные книги: Громник, Молнияник, Колядник, Мартолог, Остролог, Звездочетец, Аристотелевы врата, Рафли, Лечебники и Травники, со множеством причитаний, заговоров, примет и чарований.

Внутренние и внешние бедствия народа

Разъединенный неурядицами, бессильный, бедный и невежественный, русский народ был предоставлен самому себе в бедах (которыми переполнена наша древняя история), являлся беззащитною жертвою внутренних и внешних неурядиц. Относительно внутренних неурядиц русские всего чаще страдали от грозных сил природы, с которыми не умели справиться, и во-первых – от огня. Незнакомые с правилами архитектуры и гигиены, русские строились кое-как, скучивая деревянные здания на тесных пространствах, небрежно обращаясь с печами и трубами, и потому часто подвергались опустошительным пожарам. В древней России часто выгорали не только села, но целые города. Самая столица не была исключением из общего правила, тем более что в ней и улицы застраивались лавками. Олеарий заметил, что в бытность его в Москве в разных местах вспыхивали пожары, и русские не тушили их, а ломали соседние дома. В Москве пожары чередовались с некоторою правильностью, так что на каждое семилетие приходилось по одному большому пожару, при чем гибло множество народа. Во время пожара, произведенного Девлет-Гиреем, сгорела вся Москва (кроме Кремля) в три часа времени. Столпившиеся у ворот, в тесных улицах, в три ряда шли по головам друг друга. Река не пронесла трупов. Народа и войска погибло до 800,000. В 1737 г. вся Москва сгорела от свечи.

Во-вторых, русские страдали от голода и атмосферических влияний суровой природы. Голод, как и пожар, чередовался в России с некоторою правильностью. Русским не были известны агрономические законы, по которым скудная почва истощается раз в 7–14 лет, а хорошая – в 24 года, и производит голодовку. К тому же, в стране, покрытой лесами и болотами, сильные холода сменялись проливными дождями и засухами, и все затоплялось, или горело; а пособий искусственных против сил природы не было. В 1601 году дождь лил непрестанно, в течение 10 недель, и 15 августа жестокий мороз побил на полях

хлеб. От наставшего голода пострадали и погибли миллионы людей, так как запасных магазинов в России не было.²⁹ В одной Москве умерло тогда 500,000 человек. Подобный голод опустошал Россию в 1230, 1309, 1419, 1421, 1429 годах³⁰.

В-третьих, русские страдали от эпидемий, которые обыкновенно следуют за голодом, войною и нарушением гигиенических условий жизни. В средние века народы европейские страдали от проказы, чумы, оспы и других эпидемий: но русские страдали более других народов: ибо они не имели понятия о медицинских пособиях, и общественное зло приписывали ведьмам (которых жгли) и наговорам. Впрочем, в больших городах лекаря были. Черная смерть, по одним чума, по другим тифозная болезнь, истребила $\frac{1}{3}$ население земного шара.³¹ Но нигде она не свирепствовала так долго, как в России с 1352 по 1448 год. О чуме упоминает летопись в 1308 году, 1318, 1341, 1348³²; но этим не все сказано. Возобновляясь в многолюдных городах – Новгороде, Пскове, и Москве, черная смерть ясно указывала на дурное состояние гигиены, обусловленное бедностью и невежеством страны. Даже летописец, не будучи философом, обратил внимание на этот замечательный факт. Он сказал, между прочим, что «люди с тех пор выродились и предки наши сделались слабее и тщедушнее».

В-четвертых, русские страдали от необузданной силы физической, проявлявшейся в княжеских раздорах и усобицах. Физическая сила и кулачное право, заменявшие в древности нравственный закон, проявлялись более разрушительно, нежели дикие силы природы. Последнее зло было временным, а первое постоянным; притом же, оно сопровождалось всеми видами разрушения – кровопролитием, пожаром, голодом, мором и проч. Усобицы князей средним числом повторялись через год; иногда продолжались сряду по 12–17 лет. Это зло особенно вредно действовало на общественные порядки и нравы, развивая эгоизм, зверские инстинкты, неуважение к чужим правам и долгу совести. Русские в своих нападениях и войнах не знали предела мщению, руководствуясь пословицей: «не раздавив пчел, не есть меду». Воевать по их понятию

значило все истреблять, жечь, бить и наносить неприятелю всевозможный вред. Эта жестокость русских ужасала европейцев даже в позднейшие времена. В конце XVII века, например, сделано было такое предложение при польском дворе: «надобно договориться с царем, чтобы москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не жгли, не били, не грабили»³³, Русские, по свидетельству летописцев, неистовствовали на войне хуже неверных и поганных; по свидетельству иностранных историков, они свирепствовали на войне «как дикие, турки, монголы и хищные звери»³⁴. Свирепость русских доходила до того, что они разбивали детей о камень и сажали их на кол. В бесчисленных междоусобиях князей обнаруживались самые черные пороки и склонности человеческой природы – хищность, злоба, коварство, гнусное насилие, вероломство, святотатство и т. подоб. Особенным неистовствам подвергался несчастный город, который, по тогдашнему выражению, брали на щит. В древней русской истории много подобных несчастий. В 1169 году войско Боголюбского, самого благочестивого князя, три дня грабило Киев, монастыри и церкви, не давая пощады никому и ничему. Подобное несчастье постигло г. Торжок. В 1372 году войско тверского князя Михаила сожгло Торжок, ограбило церкви, обобрало жен, девиц и инокинь донага; при этом большая часть жителей погибла; убитых, сгоревших и утопших наклали пять скудельниц. Летописец заметил по этому поводу, что и «поганные так не делают, и от поганных никогда не бывало такого зла». Новгородская область много терпела от походов Иоанна III, от мора, произведенного осадой, голода и кровопролития. Тверская и новгородская области опустошены походом Иоанна IV.

Кроме этих главных неурядиц, в древней России было множество внутренних неурядиц мелких, которые с веками усложнились и укоренились. Мы изложим их коротко, словами Крижанича, в том виде, как их застала реформа. «Всякое место в (России) наполнено кабаками, заставами, откупщиками, целовальниками, выемщиками, тайными доносчиками. Люди везде и отовсюду связаны, не могут ничего свободно делать,

пользоваться трудами своих рук. Все они должны делать тайком, торговать в молчанку, укрываться со страхом и трепетом от огромной толпы правителей или палачей. Сами же целовальники и притеснители народа, не получая достаточного жалованья, не могут, как следует, исполнять своих обязанностей; (поэтому) нужда заставляет их искать корысти и брать подарки от воров. Таким образом люди, привыкнув делать все тайком, со страхом и обманом, как воры, забывают всякую честь. Если они нуждаются в ком, то не знают меры своему унижению. Необходимо в этом государстве принять какие-нибудь средства против чиновников, для возвышения правосудия. О них-то говорит Исаия: «начальники твои сообщники воров».

Быв жертвою внутренних неустройств, русские еще более страдали от внешних неустройств, вследствие тех же причин, разъединенности сословий, общего бессилия, бедности и невежества.

Главным из внешних зол или неустройств России было частое нападение на ее границы хищных народов. В самой глубокой древности на Россию нападают обры или авары, казары, печенег, половцы, монголы, татары, поляки, литва, шведы. Нападения эти большею частью шли с востока; и если Азия, по выражению одного историка, «была в древности народо-вержущим вулканом», то заднепровская равнина была естественным проводником этого вулкана в Россию. Россия, незащищенная с востока горами и крепостями, при малом населении, делалась легкою добычею восточных варваров. Впрочем, она столь же беззащитною была и на юго-западных границах своих, и потому часто подвергалась нападениям западных врагов. Не говоря о мелких нападениях западных хищников, важнейших нападений половцев и Литвы на Россию, в древности, записано 45. Это главное зло или внешнее нестройство повлекло за собою частные внешние нестройства.

Первым из них было частое разорение городов и сел, истребление жилищ и пожитков, вообще богатства страны, плодов экономии, трудолюбие и просвещение, собранных

веками. Вторым частным злом было истребление жителей страны, с одной стороны мечем и огнем, с другой стороны отведением их в плен, на вечное рабство. Это зло было весьма чувствительным для страны обширной и пустынной, крайне нуждавшейся в людях и рабочих руках для своего процветания. Наконец, третьим самым чувствительным злом было истощение и унижение народа частыми поборами и жестокими казнями. Побо́ры или дань, платимая монголам, состояла в десятине от всего имущества; но сия дань чрезмерно увеличивалась, когда отдавалась на откуп азиатским купцам. Жадные купцы были настоящими кровопийцами, выжимавшими последнее достояние обнищавших жителей. Необузданный произвол монголов, выражавшийся в насилиях, необходимо сопровождался казнями, особенно при сборе податей. Монголы ввели в России телесную казнь (кнут, удары по пятам, правеж), пытку (вбивание под пятки деревянных гвоздей, отсечение и уродование членов). Для пояснения этих истин приведем несколько примеров из истории варварских нашествий на Россию и опустошений ее.

Посланник Карпини, посетивший Россию в 1245 г., говорит следующее о ее опустошении варварами: «мы прибыли в Киев, не смотря на многие опасности, ибо эту часть России тревожат литовцы постоянными набегами. Жителей везде мало; они истреблены монголами, или отведены в плен. В завоеванных землях начальники монгольские, баскаки, проливают кровь людей при малейшем неудовольствии³⁵. Гаяк и Батый прислали в Россию вельможу, чтобы он брал от двух сыновей третьего; но он нахватал множество людей, без разбора, и переписал всех жителей, обложив их данью»³⁶. «Киев после Батыева опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось 200 домов. Жители находились в страшном рабстве. По окрестностям бесчисленное множество черепов и костей человеческих». В 1382 году Тохтамыш опустошил Россию, ограбил имущество общественное и частное, жителей избил, а большую часть отвел в плен³⁷. В то время в Москве убито 24,000 человек, захвачена казна и частное достояние, при чем сожжено множество книг, отовсюду свезенных в Кремль для

хранения. Об истреблении книг, при нашествии варваров, часто упоминается в древней истории.

В 1445 г. татары Улу-Махмета опустошали Россию, взяли в плен великого князя Василия; при чем сгорела Москва, погибло множество казны и частных товаров, ибо в Москву собрались жители из разных городов.

В 1571 г. Девлет-Гирей увел из Москвы пленных до 150,000³⁸. В Тавриду часто отводилось бесчисленное множество русских пленных; там они были рабами для потехи и удовлетворения жестокости³⁹. Их делали кастратами, клеймили на лбу и щеках, связанных и скованных днем мучили на работе, а ночью – в темнице. Жизнь их поддерживали небольшим количеством дохлого мяса, покрытого червями, отвратительного и для собак. Эти пленники, испорченные нравом, нередко возвращались в Россию, ибо выкуп пленных был у нас делом государственным и делом частной благотворительности.

В 1611 г., с пресечением царской власти, Москва разорена поляками; в областях буйствовали казаки⁴⁰. До какой степени Россия была ослаблена рядом этих неустройств, видно из следующих свидетельств. Голландские послы на пути из Ревеля в Новгород нашли страну, совершенно опустошенную казаками⁴¹. Они обыкновенно ночевали в разрушенных деревнях. Остановившись на ночлег, сперва вытаскивали из избы трупы людей, убитых казаками; но отвратительный запах выгонял их на мороз. Флетчер на пути от Вологды до Ярославля насчитал более 50 обширных деревень, совершенно пустых⁴². Тысячи людей лишились средств к жизни. К Сергиевой лавре направились, с разных сторон, целые толпы страдальцев. Одни из них были изломаны, или обожжены, у других вырезаны из хребтов ремни, с головы содраны волосы, руки и ноги обсечены; многие умирали на дороге. Монастырь, деревни и дороги были наполнены умирающими и мертвыми. Таким образом, не говоря о мелких нападениях, на каждое столетие приходится по одному крупному нашествию врагов, крайне разорительному для России.

Эти внешние неустройства России, при множестве внутренних, неблагоприятно действовали на развитие

общественной жизни и нравственности народа. Истребляемое богатство и население страны нашествием варваров мешало развитию государственных сил. Оно останавливало торговлю и промышленность страны, успехи просвещения, и держало народ на низкой степени земледельческого быта, в бедности и невежестве. Но особенно неблагоприятно действовали подобные неурейства на нравственность народа. Притеснение всякого рода, поборы и казни развращали народ, подавляя в нем нравственные чувства и возбуждая низкие страсти. Притворство, ложь, обман и злоба – обыкновенные чувства угнетенного народа. Но особенно вредно действовала на нравственность телесная казнь. Унижая народ до скота, она крайне ожесточала его, делала способным на всякое преступление, и в свою очередь вызывала строгость законов против испорченной нравственности. Действительно, со времени господства монголов нравы русских становятся грубее и кара законов строже. Правда Ярослава ограничивалась в наказаниях денежным штрафом; телесное наказание, за важные проступки, допускалось только по повелению князя. В Уложении Иоанна III за важные преступления уже назначается кнут. Уложением Алексея Михайловича уголовные преступления казнились уродованием тела, клеймением лица, вырыванием ноздрей и отсечением членов; рук, ног, ушей, носа, языка. Со времени господства монголов и до Петра I, правед был постоянно в ходу, особенно при сборе податей. Жалобы крестьян, в 1658 г., гласят: «люди бегут, дворы брошены, пусты, нам нельзя платить, помираем на правед»⁴³. В 1679 г. воеводы пишут: «крестьяне стоят на правед, но и с правед денег не платят, за скудостью, неурожаем и проч.».

Вообще же ослабление государственной силы внешними неурействами и унижение народной нравственности, при других общественных невзгодах, подготавливало незаметно разложение государства и подчинение его иноземной власти. Все эти бедствия сокрушали национальный дух народа, его материальную, умственную и нравственную силу, и препятствовали его гражданскому развитию. Но из всех бедствий в народной памяти оставило самые глубокие следы

монгольское владычество, как наиболее оскорбительное для чести народа. Доселе живет в пословицах горькое воспоминание о татарских набегах, саблях, плетях, и том отвращении, какое пробуждало в народе появление татарина. «Не пора татарам идти на Русь». «Руби татарская сабля, не бей царская плеть». «Гость не в пору хуже татарина».

Эгоизм государственных сословий

Медленное организовывание власти и законодательства, сопровождаемое внутренними и внешними неустройствами, имело вредное влияние на дух и деятельность государственных сословий. Этому содействовало отчасти и увеличение потребностей бедного государства, возрастание всякого рода налогов и податей, напр. перевозки, мостовщины, мыты, банное, соляное и проч. Давимые нуждою, преследуемые насилием, сословие древней Руси проникались эгоизмом и своекорыстием, стараясь жить на чужой счет. Князья спорили между собою из-за городов и сел; бояре из-за крестьян и рабов. Богатые владельцы скупали рабов, напр. пленных, и обращая их в христианство, перепродавали язычникам, с выгодой для себя. Вообще же, господа обижали рабов своих, обременяли их тяжкими работами и скудно содержали. Дружина, перемещаясь с князем из одной волости в другую, привыкла смотреть на отправление судейской должности, как на кормление; не связанная ничем с волостью, она извлекала из нее всевозможную пользу. Судьи и воеводы, не получая жалованья от государства или не довольствуясь малым окладом в 30–700 р., истощали народ взятками и нередко официально называли свою службу кормлением. Крестьяне и посадские люди, обременяемые податями, стесняемые налогами в своих промыслах, дорого сбывали свои продукты. Купцы и люди промышленные, с трудом наживая копейку в деревенском государстве, прибегали к обманам и подлогам, ссужали в долг деньги под страшные проценты и залоги. Большие проценты обыкновенно свидетельствуют о плохом состоянии правосудия и опасении за свой капитал, за его возвращение к своему источнику. «Богачи, говорит Маржерет, брали проценты больше жидовских и мусульманских, притом под заклад, втрое превышавший ссуду, и сверх того брали, но 4 % в неделю; по прошествии срока заклад пропадал». Многие ремесленники и мастеровые, особенно монетчики, обогащались обманом. Казаки, привыкшие к набегам, при всяком замешательстве в

государстве грабили и разбойничали. Истинные и мнимые нищие, калеки, юродивые, странники, в том числе и монашествующие, бродя по России, питались подаянием. Патр. Иоасаф, обличая эти беспорядки, пишет: «ходят по церквам шпыни с бесстрашием, человек по десятку и больше. От них в церквах великая смута и мятеж. То они бранятся, то дерутся; иные, положив на блюда пелены и свечи, собирают на церковное строение. Иные притворяются малоумными, а потом их видят в своем разуме. Иные ходят в образе пустынников, в черных одеждах и веригах, растрепав волосы. Иные вовремя св. пения ползают в церквах, творят писк и возбуждают в простых людях большой соблазн». Наконец, в России бродили скоморохи, по 60–100 человек, грабили крестьян и по дорогам разбивали.

Законы вооружались против сословных злоупотреблений, против взяток, подлогов, мошенничества, грабежей, бродяжничества и проч. Законодательство с веками делалось строже, казни становились ужаснее. Уложением Иоанна III за уголовные преступления назначен кнут; уложением Алексея Михайловича – отсечение членов, рвание ноздрей и проч. Фальшивым монетчикам заливали горло оловом. При Алексие Михайловиче казнено смертью фальшивых монетчиков более 7000 человек, отсечением рук и ног, ссылкой и прочее – более 15,000 человек⁴⁴. Но зло общественное не прекращалось; ибо оно коренилось в устройствах государства, которых не могли устранить жестокие казни. Преступления, выражавшие эгоизм и корыстолюбие сословий, искусно прикрывались, не редко личиною благочестия. Так, например взятки привешивались к иконам, «яко бы от доброхотных дателей, или вручались с красным яйцом в пасху». И человек состоятельный всегда находился в страхе за свое имущество и спокойствие. Он всегда мог сделаться жертвою людей, умевших поживиться на чужой счет. Такие люди были не между одними казаками. Напр. из Москвы приезжали во Псков дворяне, боярские дети и торговые люди с ложными грамотами, требуя богатых горожан на суд; те отплачивались, чтобы избавиться от знаменитой московской волокиты⁴⁵. Для исправления глубоко

укоренившихся сословных недостатков, эгоизма и своекорыстия, для внушения уважения к чужим правам и чести требовалось перерождение государства, нравственное воспитание народа.

Домашний быт в древней Руси

Неблагоприятные условия государственного быта в древней России заставляют предполагать о неудовлетворительности и домашнего быта; ибо общественная жизнь тесно связана с семейною, и неурейства первой отражаются в последней. Действительно, древний русский мир, с его недостатками, отражался в семейном быту, как в капле воды, миниатюрно. Отличительные черты семейного быта в древней Руси – деспотизм, своекорыстие и криводушие, и эти черты хорошо изображены в Домострое, в наставлениях Сильвестра, как править домом.

Отец семейства был самоуправным господином, произволу которого подчинялись все, и которому, по выражению Сильвестра, необходимо было уноровить. Все в доме делалось с его ведома, о всяком обиходе жена у мужа спрашивалась, все строилось наказанием и грозою. Проступки домашних наказывались плетью. «Достойно по вине наказывать жену и детей и слуг, и раны возлагать и плетью постегать. Такое наказание и больно, и страшно, и здорово. Но не бить за всякую вину по уху, ни по виденью, ни под сердце кулаком, и ничем железным или деревянным; от этого бывает увечье». Здоровое наказание преимущественно назначалось для нежного возраста. «Казни сына своего от юности, и не ослабляй, бия младенца. Любя сына своего, учащай ему раны. Не смейся ему, не играй с ним, и не дай ему власти в юности, но сокруши ему ребра, пока растет». По принятому обычаю, жен подвергали наказанию за не рождение детей, или рождение одних девочек. Деспотизм семьянина создал затворничество русской женщины и особенно девицы. Св. Юлиания до замужества своего ни разу не была в церкви, не выучилась грамоте и не слышала, кто бы ей сказал или прочел божественное слово. Мудрено ли, что русские девицы, откармливаемые взаперти, только лелеяли свою красоту. Конечно, неблагонадежные нравы монгольского периода уполномочивали русских хозяев обрекать женский пол на вечное заключение и прозябательную жизнь. В более

мрачных чертах наши летописи изображают деспотизм мачех, свекровей и проч. Это были настоящие тираны своих семейств. При грубости мужей, безгласии и неразвитости жен, домашний быт часто отравлялся дракою, побоями и мучениями несчастных жен⁴⁶.

Своекорыстие русского семьянина всею тяжестью обрушивалось на домашних слуг. Не только простые люди, но и бояре и князья обижали слуг своих. Они обременяли их работами, побуждали к труду наказаниями, и в видах домашней экономии скудно содержали их. Вельможи дозволяли себе полное самоуправство в отношении рабов, так как рабы, по своей беззащитности, нередко были закабалены на веки. «Рабы, говорит Олеарий, не получают от своих господ пищи; в замен того они получают кормовые деньги, но в таком малом количестве, что едва могут поддерживать жизнь свою. От этого в Москве происходят частые воровства и убийства». В ожесточении рабы не редко совершали уголовные преступления и в дому своих господ. Так напр. раб св. Юлиании, повздорив, убил ее сына. Иногда рабы занимались грабежом в самой Москве, или бежали от своих господ и занимались разбоем в окрестностях ее⁴⁷. Так было в Москве, что же делалось подальше от нее?

Криводушие всего чаще обнаруживалось в свадебных делах. По древнему обычаю жених не мог видеть своей невесты до самой свадьбы; а во время венчания невест подменивали. Русский человек пользовался таинством, неразрывности брака, чтобы сбыть с рук неблаговидную дочь. До венца он покажет красивую дочь, а к венцу подставит безобразную. Котошихин засвидетельствовал, что во всем свете нет такого обмана относительно невест, как в московском государстве⁴⁸. Привычка к подобным обманам до того была сильна, что и для царей не делали исключения. Недобросовестность при заключении браков вела к другой подобной, – пострижению мужа при живой жене, и обратно; или же враждебная чета отделялась друг от друга отравой⁴⁹. Но обыкновенным следствием незаконных браков было расстройство семейного счастья. «Затворничество девиц у зажиточных людей, говорит Олеарий, и невозможность

видеть невесту до свадьбы, обманы и подстановка невест расстраивают супружеское счастье. Мужья с женами часто живут как кошки с собаками». Летописцы выставляют на вид и еще одну дурную черту домашнего быта. Многие жены именем религии обманывали своих мужей при смерти. Выпрашивая себе наследство, они обещали разделить его с своими детьми и постричься в монашество, чтобы молить Бога о душе усопшего; но потом выходили за муж, а детей пускали по миру: явный признак отсутствия домашней и супружеской любви. Вообще, много зла совершалось в домашнем быту от неясности взгляда, не выработки нравственных правил. Домострой позволяет ударить человека невинно, для прекращения спора хотя бы законного.

К сказанным недостаткам домашнего быта надобно присоединить и ранние браки в отроческом возрасте. И если семейный деспотизм, своекорыстие и криводушие были отражением общественной грубости нравов, то ранние браки были следствием общественного невежества. Предкам нашим не были известны физиологические законы счастливого брака, определяемого зрелостью возраста, ума и характера. Подобно диким народам, руководящимся инстинктом, они не возвышались в этом деле до благороднейших целей. Вступая в брак в раннем возрасте, без надлежащей подготовки и достаточных сил, они этим расстраивали домашнее счастье. «У молодого мужа, говорит пословица, молодая и мысль». Мальчик и девочка не могли управиться с собою и с своим хозяйством так, как этого требует домашнее благополучие. Ранним бракам отчасти содействовало и духовенство. Заботясь о чистоте нравов, оно ограждало их таинством брака. В древних поучениях относительно этого предмета встречаем такие наставления: «если отрок и отроковица, пришедшие в возраст, не захотят постричься: то они должны вступить в брак, ради телесного греха». Стоглавый собор определил и самый срок вступление в брак: «отроков венчать не ранее 15 лет, а девиц – 12». Впрочем, русские всех сословий вступали в брак гораздо ранее этого срока. Олеарий видел в России крестьянского мальчика, женатого па 12 году, и одиннадцатилетнюю замужнюю

девочку. Князья вступали в брак и ранее этого возраста. Верхуслава вышла замуж 8 л.; кн. Константин был женат 11 лет, Иоанн III – 12 лет. II вообще, князья и цари вступали в брак рано, что имело вредное влияние на их характер и долголетие, при сложных обязанностях. Великие правители Иоанн IV и Петр I вступили в брак на 17 году (по истории Соловьева Петр вступил в брак на 13 году), и при всей крепости здоровья были недолговечны, беспокойны, болезненно-раздражительны.

Следствия внутренних и внешних неурядиц

Непрерывным следствием внутренних и внешних бед, общественных и частных неурядиц в древней Руси было размножение несчастных людей. По всей России бродило множество нищих, вдов, больных, калек, сирот, пленных, погорелых, убитых горем, отчаянных, пьяных, помешанных, идиотов, лентяев, беглых рабов, воров, разбойников и вообще бездомных людей. Все они сплывались около богатых городов, монастырей, церквей, частных благодетелей, пользуясь подаянием, и составляя бремя в бедном государстве. Количество несчастных людей увеличивалось в страшной пропорции после пожаров, голода, мора, татарских погромов, походов Иоанна Грозного, нашествие поляков и других бед. Никто не считал их, ибо тогда не занимались статистикой; но если в одной Москве народ гибнул сотнями тысяч; то нищих, потерявших имущество и здоровье, были тысячи. Впрочем, о множестве нищих в древней России свидетельствуют жития святых и другие сказания отрывочные. В житии св. Юлиании читаем: однажды настал голод; святая распустила рабов своих и велела готовить хлебы из древесной коры и лебеды. Этим хлебом она питала нищих два года; а их бесчисленное множество. И когда соседи возражали: «что вы ходите к Юлиании? она сама умирает с голоду!» Нищие отвечали: «много сел мы обходим, а так в сладости не наедаемся, как у этой вдовы». И когда после голода настала моровая язва, а потом опять голод, и такой страшный, что люди ели друг друга, и зима однажды была столь лютая, что земля расседалась, бесчисленные толпы нищих просили у Юлиании хлеба, а дать было нечего. Монастыри Киево-Печерский, Троицкий, Волоколамский, Белозерский и другие были пристанищем для бедных во времена общественных бедствий.

Как действовали общественные бедствия на дух и характер разных людей, это видно из следующего примера. «Литовские люди, говорили новгородцы, наших крестьян мучат, жгут,

побивают на смерть на правеже. Иные изувечены до сих пор лежат, другие пометались в воду, иные повесились»⁵⁰.

Общественных больниц и приютов в древней Руси мы не видим, кроме скудных богаделен при некоторых церквях, напр. в Киеве, Новгороде, Москве и проч.; и там, как следует ожидать, совершались большие беспорядки. Об этом высказался стоглавый собор: «да повелит благочестивый царь описать, по всем городам, всех больных и престарелых, и устроить в каждом городе мужские и женские богадельни, в коих довольствоваться пищей и одеждою больных, престарелых и не имеющих куда голову приклонить; а боголюбцы пусть приносят им милостыню и все потребное. Смотреть, чтоб им не было насилья и обиды от стряпчих». В 1718 г. в Москве было 90 богаделен и в них 4,000 нищих; число женщин превышало число мужчин. Естественное дело, что пораженные общественными бедствиями погибали беспомощно, или обращались к благотворителям, в роде св. Юлиании, к монастырям, известным своею любовью и милосердием. Мы видели, какое множество несчастных устремилось в Сергиеву обитель, после погрома Москвы в 1611 году, что погнало их в такую даль? С одной стороны, гибель выгоревшей Москвы, при чем побито до 100,000 людей, с другой стороны – известная благотворительность сердобольного настоятеля Дионисия⁵¹. И бедные страдальцы, усеявшие поля трупами, не обманулись в своих чувствах. На вопрос братии: «кто государь архимандрит соберется с разумом в такой беде? невозможно промышлять никому, кроме единого Бога!» Дионисий заплакал и убедил всех приняться за подвиг сострадания⁵². И вот, монастырские люди ездят по полям и лесам, подбирают живых и мертвых; одним в монастыре шьют рубашки и саваны, другим строят дома; одних лечат, других напутствуют и т. д.

Окончательным следствием внутренних и внешних неурядиц в России было ослабление ее и разложение, предвещавшее скорую гибель. Постоянное умножение несчастных людей служило признаком опасного состояния государства. Как в больном теле развивающиеся паразиты предвещают разложение его, так в неурядице государства

размножение пролетариев свидетельствует о дурном состоянии нравственности и законодательства. То и другое неминуемо ведет к утрате национальности и подчиняет слабое государство более сильному. Таков закон борьбы и развитие национальностей, непреложный в истории мира; ибо сильное государство более способно осуществлять начала благоустройства, нежели слабое. Тот же закон торжества жизни, красоты и силы над слабостью и безобразием замечаем и в царстве животном и растительном. Разложение русского государства началось в несчастное время междоусобицы, с прекращением княжеской власти из дома Рюрика. Начавшееся междоусобице с смертью царя Феодора ясно показало отсутствие внутренней силы России, единства государственных сословий, и что все в ней держалось внешнею властью. Как скоро эта власть исчезла: эгоизм и своекорыстие сословий столкнулись, государство разделилось на враждебные партии. Польша и Швеция старались завладеть Россией. Особенно ясно свидетельствовали о разложении русского государства партии казачьего войска, под начальством Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Привыкнув жить грабежом и пользуясь исчезновением власти и закона, они пожирали Россию, как черви гниющий труп. При разъединенности сословий и внутренней слабости, Россия и ранее подверглась бы смерти, в случае пресечения царственной власти. Беспорядки государственные и самоуправство бояр во время малолетства Иоанна IV убеждают нас в этом.

Если Россия, испытанная тяжкими ударами, ослабленная внутренними и внешними неустройствами, разлагавшаяся и погибавшая устояла: то этим она обязана духовной силе, которая в критическую минуту скрепила распадавшееся царство, соединила враждовавшие сословия и неимоверным напряжением устремила их к одной цели – спасению России. Но об этом речь впереди.

Ограничение предмета – внутренних и внешних неустройств России

Участь древней России представляется нам совершенно безотрадною; но на самом деле это не так. Не надо воображать бедствие ее в преувеличенном виде, в непрерывной цепи, помня поговорку: «скоро дело сказывается, но не скоро делается». Мир наш не любит ярких красок, и идеалы совершенства и несовершенства допускает только в воображении, в области поэзии. Обыкновенно дела человеческие умеряются борьбой добра и зла и располагаются в пропорциях, которые статистика подмечает, на основании исторических причин. Эту ровность и мерность в судьбах миронаправления выразил общечеловеческий смысл знаменательной поговоркой: «нет худа без добра». Итак, как пропорция добра и зла колеблется в определенных степенях, взаимно пересиливая друг друга: то неудивительно, что самая великость опасности иногда служит средством избавления от бед. Нечто подобное совершилось и в истории России. Великость бедствий ее, как увидим, сделала ее верующею; монгольский деспотизм содействовал утверждению в России царской власти. Самые же неустройства России сопровождались благоприятными обстоятельствами, которые помогли ей восторжествовать над опасностями.

Наиболее благоприятным обстоятельством для России был огромный период времени (700 лет), в который она поражалась несчастьями. Великие несчастья и нестроения России, следовавшие преемственно в течение 700 лет, давали ей возможность собираться с силами, для перенесения новых ударов. Другим подобным обстоятельством была безграничность пустынной России, дававшая возможность укрываться от преследований. Не будь этих важных обстоятельств, Россия не устояла бы в тяжких испытаниях, как не устояли прочие славянские племена, доселе находящиеся в рабстве. Не менее важны, в своей совокупности, и частные обстоятельства, облегчавшие страдания России.

Пожары не были так губительны в древней России, как они губительны теперь, с одной стороны по дешевизне строевого материала, а с другой стороны по непривычке роскошно обзаводиться. Постоянные тревоги не позволяли привязываться к месту и корениться на нем. В неожиданных случаях русские легко расставались с своим незатейливым имуществом и также легко обзаводились им на другом месте. Жилища русских, по свидетельству иностранцев, не заключали в себе ничего, кроме лавок, скамей и икон. К тому же, в городах продавались готовые складные дома, по дешевой цене, и погоревшие тотчас могли устроиться жильем. Во время голода, засухи, проливных дождей, жестокого холода целые тысячи народа спасались бегством из России в благоустроенные страны, в Польшу, Австрию, Литву, в заднепровские степи и в Сибирь. Туда же многие спасались от разбоев и притеснений. В столице бедным давали вспоможение деньгами и хлебом; напр. Борис открыл в Москве все запасные житницы для нищих. Богатые монастыри, как мы видели, тоже служили пристанищем для бедных. Эпидемии, так часто упоминаемые в летописях, до половины XIV века поражали отдельные города и области: Киев, Новгород, Псков, Владимир, Тверь и проч. Чума, известная под именем черной смерти, опустошавшая Россию с половины XIV до половины XV века, являлась периодически, в значительные промежутки времени. При том же, многие зараженные выздоравливали, и после эпидемии процент рождающихся увеличивался; двойни и тройни были обыкновенным явлением. Природа так спешила вознаградить убыль населения, что у многих из нарождённого поколения не доставало коренных зубов. По прекращении черной смерти русские летописи не упоминают более о эпидемиях в России. Болезнь атмосферы земной, как думают физиологи, истощилась в черной смерти.

Междоусобия князей ослабевают с возвышением Москвы и царской власти, своеволие бояр и судей обуздывается тиранией Иоанна грозного и развивающимся законодательством в XVI–XVII веке. В самый разгар междоусобий князья сдерживают свою силу страхом Божиим, раскаиваются в преступлениях и ограничивают зло. Игорь северский признается, что, отдав город

Глебов на щит, он тяжко согрешил, и Бог отомстил ему чрез половцев. Самое великое зло – опустошение России монголами было не так страшно, как кажется. Не должно, говорит г. Соловьев, преувеличивать вреда, который Россия претерпела от татар. Надобно помнить, что власть монголов особенно тяготела в первые 25 лет, и в 1266 году она уже ослабела. В конце XIII века баскаки исчезают, и русские князья сами отсылают подать хану. До нашествия Тохтамыша, в продолжение 50 лет, северная Россия не слыхала о татарах. Кроме опустошительных нашествий Тохтамыша, Эдигея и Улу-Махмета, набеги татар касались границ России и особенно рязанского княжества.

Неустройство домашнего быта не было злом всеобщим, не допускавшим исключений. Многие семейства наслаждались миром и счастьем домашним. Муж св. Юлиании, приживший с нею 13 детей, никак не согласился отпустить ее в монастырь. В житиях русских святых встречаем похвалы их родителям, жившим в благочестии и любви (св. Сергия, Макария Желтоводск. и друг.). Самые рабы во многих домах пользовались счастьем. Св. Юлиания довольствовалась своих рабов пищею и одеждою и не обременяла их работою. Домострой предписывает хозяйке дома «заботиться о слугах». Особенно с XV века, когда поднят был вопрос о рабстве, многие бояре отпускали своих рабов на свободу и раздавали им свое имение. Так напр. поступил Зосима соловецкий, Антоний Сийский, Кирилл белозерский, Александр Свирский, Савва Вишерский, Корнилий вологодский и другие. Башкин говорил: «у меня были кабалы полные, я все изодрал. Держу людей у себя добровольно; хорошо ему, живет; не нравится, идет куда хочет». Сильвестр говорил: «я рабов своих всех наделил и освободил, иных выкупил из рабства. И слуги наши ныне все свободны, живут у нас по своей воле». Отпускали на волю рабов и злые господа, но обыкновенно при смерти, и так писали в завещании: «всем моим кабальным людям свобода; наделить их деньгами и хлебом. И буде чем сирот моих оскорбил и смерти предал, простите меня грешного⁵³».

Вообще, с фактами и цифрами надо обращаться весьма осторожно, дабы ложным сопоставлением и толкованием их не исказить историческую правду. При всем том, не смотря на сделанные оговорки, мы должны признать древний быт России суровым и мрачным. Много древняя Русь казнилась и искушалась в напастях, так что едва не погибла, при всех благоприятных обстоятельствах к ее возрождению. Печален и тяжел гражданский быт России, как ее серое небо, облегающее тучами мрачные леса. Повсюду слезы, вопли, казни, насилие! Не приветлив и ее домашний быт, как те трущобы, в которые редко заглянет солнечный луч и согреет холодный воздух. Везде крутой произвол, обида, нищета, лукавство, бессердечие. И вот та суровая жизнь, которая воспитала наших предков! та историческая почва, на которой вырос русский характер, в течение семи столетий. Можем ли ожидать от этого характера особенной мягкости и привлекательности, когда воспитавшая его история пугает воображение и давит чувство?

Характер русского народа

Все исторические народы, под руководством Промысла, решают сложную задачу цивилизации, многостороннего развития жизни человеческой, внешнего благоустройства и духовной усовершенности. И каждый из этих народов в общей задаче решает частный вопрос, служит представителем известной деятельности и преимущественного развития одной какой-либо способности. Русский народ, занимающий видное место в истории мира, всегда отличался более внешнею деятельностью, нежели духовною, преимущественным развитием внешних чувств на счет умственных способностей и потому он служит представителем не столько ума и творчества, сколько характера и воли. С этой стороны необходимо рассматривать его достоинства и недостатки, историческую деятельность и значение. К внешней деятельности и развитию воли русский народ призван самою природою северною, которая требует напряжение физических сил и мало оставляет досуга для высших стремлений. В связи с природою к той же цели направила его и суровая жизнь, история, заставив бороться за свое существование с бесчисленными препятствиями. Но этот характер непреклонный и воля, запаленная в напастях, служат орудием высоких целей, проводником нравственных начал в мире.

История застаёт русских славян в патриархальном быте, на свободе, без всяких уставов и правил жизни. Она находит в них природные достоинства и недостатки, которые развились с веками, видоизменились и усилились вследствие исторических причин. Славяне отличались простотою нрава, добротой сердца, честностью, ловкостью, гостеприимством и великодушием. Этими свойствами они удивляли иностранцев, особенно испорченных греков, и заслужили от них похвалы. Современники говорили, что «между славянами очень редко попадаются лукавые и злые⁵⁴». Хотя славяне не были пристрастны к войне, но на войне отличались смелостью, с свойственным им великодушием. Авары ставили славян

впереди своего войска, зная их неустрашимость. Воинственность славян развита последующею историей их. Представителем хороших свойств славян и особенно воинственности был Святослав. «Не посрамям земли русской, говорил он в опасности, но ляжем костями. Мертвые стыда не знают». Хорошие свойства славян, при благоприятных обстоятельствах, могли развиться до высокой степени и сделать этот народ единственным в свете. К несчастью, по несовершенству природы, в славянах были и худые свойства, и история благоприятствовала развитию их.

Естественным недостатком славян была чувственность, свойственная и другим народам; она проявлялась в многоженстве, пьянстве и пресыщении. Чувственность других народов имеет обычные пределы; чувственность славян, как выражение великой и необузданной силы, переступала эти пределы. «Наши, говорит Крижанич о русских, ни в чем не держат меры, не могут ходить средним путем, но блуждают по окраинам и пропастям». Они похищали себе жен и содержали их по несколько. Брачный обряд состоял в том, что жених и невеста ходили трижды вокруг озера или дерева. С течением времени многоженство выродилось в неестественный порок, которому удивлялись иностранцы. «Первый вопрос, с которым русские обращаются к незнакомцу, говорит тот же автор, есть ли у тебя жена? Нам должно учиться стыдливости у турок. Эти неверные не менее нас грешат противоестественно; но у них никто не промолвится об этом грехе, не станет хвастаться им и упрекать другого. У западных народов сожигают таких преступников. В России же это считают шуткой». Разврат особенно усилился в России со времени завоевания Казани и сближения с татарами. Иностранцы с удивлением говорили об отсутствии у русских стыдливости, о их обычае купаться при людях, мыться в общественных банях мужчинам и женщинам вместе, и даже монахам, и монахиням, впрочем, относительно разврата, равно как и государственного неустройства, история отдает преимущество полякам. «Во всем свете, говорит Крижанич, нет такого беспорядочного и распутного государства, как польское».

Ни в одном пороке история не упрекает русских так беспощадно, как в пьянстве. И если бы мы заподозрили в справедливости иностранные свидетельства относительно этого предмета; то имеем достаточно и своих. История не скрывает пьянства и других народов, например, немцев, но преимущество в этом пороке уступает русским. Многие объясняют эту слабость суровостью климата, трудами, однообразием жизни. Но мы видим других народов в подобной обстановке, например евреев и цыган, отличающихся трезвостью. Главную причину нетрезвости русских надобно признать природную страсть, усиленную историческими обстоятельствами. Славяне, поклоняясь душам умерших, часто совершали поминки и, при своей склонности к удовольствиям, приучались к пьянству. Зная эту слабость славян, неприятели нередко нападали на них во время пьяного пира⁵⁵. Затем причиной усиленного пьянства были государственные неурядицы, и наконец – множество праздников, с которыми неразвитый народ не умел справиться. «Для русских, заметил кн. Владимир, веселие – вино» (т. е. пьянство). «Немцы, говорит Крижанич, большие пьяницы; но нигде на свете не видно такого гнусного пьянства, как в русской державе. По улицам валяются в грязи мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают». «Нет страны в мире, говорит Олеарий, где бы пьянство было таким общим пороком, как в Московии. Все, какого бы ни были звания, возраста и пола, мужчины и женщины, молодые и старые, светские и духовные, пьют водку во всякий час, до обеда, после обеда и во время его. В первый день пасхи, после обеда, кабаки наполнились народом, мужчинами и женщинами, светскими и духовными. На улицах валялись пьяные; на другой день утром подобрали много мертвых». Контарини: «главнейший недостаток москвитян есть пьянство»⁵⁶. «Русские пьют с утра до вечера, пропивают с себя одежду, и если достанут денег, тотчас, бегут в кабак». «Люди, писал арх. Феодосий, постоянно гибнут в корчмах от пьянства, без покаяния, и проповеди против пьянства не имеют успеха». «Большая часть русских, писал Курбский, предается пьянству с горя и погибает в корчмах». Особенно в праздники, «на

масленицу и в пасху, стрельцы подбирали по улицам целые десятки опившихся»⁵⁷. В XVIII веке вошло в обычай и в поговорку: «пить штраф». Сколь ни тягостны эти и многие подобные обвинения, но их не должно принимать в обширном значении. Все приведенные свидетельства касаются больших городов, Москвы и Новгорода, где жители более имели средств удовлетворять своим страстям.

Что же касается деревенских жителей, то они скромнее, как показывает и нынешняя их жизнь, не далеко ушедшая от древней.

Любя пьянство, русские любили пресыщение и неумеренность в пище. Подобного рода слабость всего чаще сказывалась на пирах. Пир у русских, особенно знатных, были частые, обильные и продолжительные. Да это и естественное дело. Народ неразвитый, малознакомый с духовными наслаждениями, всегда подчиняется материальным стремлениям. В предании о пирах кн. Владимира с восторгом упоминается о множестве блюд. «Славяне, говорит Крижанич, расточительны и любят попировать. Расточительность и пьянство – наши главные природные свойства. Наши люди не умеют ни в чем меры держать». Олеарий называет русских людьми «грубыми, чрезмерно склонными к чувственным удовольствиям. Богатые, говорит он, часто дают большие пиры, на которых предлагается множество блюд и напитков. Воеводы в торговых городах отличаются подобным гостеприимством». Маржерет: «не буду говорить о неумеренном употреблении пищи и напитков. Все это как наводнение разлилось в высших и низших сословиях». Тоже говорит и другой иностранец, Буссов. Палицын: «впали мы в объедение и в пьянство великое и во всякие злые дела». Русские пользовались случаем попировать⁵⁸. Даже в церкви, совершив обряд венчания, они пировали, потом запевали песни и затевали пляску. Особенному разгулу и невозддержанию предавались люди простые, служивые, казаки и стрельцы. Не говоря о вельможах и боярах, даже у патриарха и царя за столом подавались по 50–100 блюд, самого тяжелого свойства. Обед у знатных продолжался иногда 3–4 часа, или с полудня до вечера⁵⁹. После

обеда делами не занимались. По причине тяжелых обедов русские предавались долгому послеобеденному сну, страдали ожирением и желудочными болезнями.

К внешним недостаткам русских надобно отнести нечистоту, неопрятность и неряшество, которые зависят от чувственных привычек, и возбуждали отвращение иностранцев. Еще греческие историки (Прокопий и Маврикий) засвидетельствовали о неопрятности славян, называя их грязными и нечистыми. Это же подтвердил и один арабский историк X века, Ахмет, говоря о нечистотах славян. В древности было мнение, что славяне моются трижды во всю жизнь свою: в день рождения, брака и смерти⁶⁰. «Кто много пьет, говорит Феодосий печерский, не может ходить; иные валяются в кале, и блюя хотят издохнуть». Крижанич называет русских нечистоплотными и лесовиками, за не расчесанные волосы и бороду; он говорит, что они едят нечисто и все пачкают (о Петре I заметили в Европе, что его не научили есть опрятно). Один датский король, после аудиенции, данной русским послам, сказал: «если эти люди еще ко мне придут, то я должен буду построить для них свиной хлев; потому что где они постоят, там от смрада никто не может жить полгода». Выходит, что русские в своем неуклюжем платье, за которое европейцы называли их варварами, носили особую атмосферу, обличавшую их чувственные привычки.

В дополнение к внешнему неряшеству, обличающему грубые чувственные привычки, русские также небрежны были и в содержании своих жилищ, планировке сел и городов. Низкие и темные здания, скученные на тесных пространствах, в грязи и нечистоте, были жилищем болезней, и неприятно поражали чувства. Достаточно взглянуть на план даже нынешней Москвы, с ее тесными и перепутанными улицами, чтобы убедиться в нездоровости ее, особенно в худые времена года. Подобные планы городов, без всякой вентиляции, совершенно гармонировали с безобразным и неудобным платьем старого покроя, во всем обличая неискусство русских. И как в политическом отношении Русь казнилась напастями, за свою умственную неподвижность и непроизводительность: так и в физическом отношении казнилась пожарами, эпидемиями и

болезнями, за свою грубость и неряшливость. В Москве напр. был убийственный воздух, особенно внутри города. В начале XVIII века генерал Волков писал из Москвы: «извольте вывести меня из этого пропастного места; истинно боюсь, чтоб не занемочь. Только два дня, как началась оттепель, но от известной вам здешней чистоты такая мгла и столь бальзамический дух, что нельзя выйти из дому».

Чувственность, с ее неряшеством, есть внешний аттестат народа, который свидетельствует о неустроенности его нрава и сильных страстях, о его, так сказать, дикости и животности. Прежде ознакомления с внутренними свойствами народа, как и человека, мы заключаем о его неразвитости внутренней по внешней распущенности, по выражению животных инстинктов. Внутренние недостатки славян, о которых намекает сама чувственность, это – величайший эгоизм и корыстолюбие. Эгоизм состоит в преувеличенном понятии о своих достоинствах и неуважении чужих прав; он бывает признаком великих сил и дарований, неуправляемых разумом, преобладание характера над умом.

Эгоизм славян и вообще русского народа выражался в самоуправстве, своеволии, склонности к спорам и разделением, одним словом – в сварливости. И если справедливо положение философии, что «род человеческий сварлив и всего более губит себя враждой»; то славянские племена служат представителями этой страсти. Это несчастное свойство славян вредит их способностям, национальному росту и вообще государственному развитию. Вследствие неукротимого эгоизма, самоуправления и разделений, славянские племена подчинены иноземной власти. «Болгары, сербы, хорваты, говорит Крижанич, уже давно сгубили свое государство, силу, язык и весь разум. Они не понимают, что такое народная честь, не думают о ней, и сами себе никак не могут помочь; нужна внешняя сила, чтобы поставить их на ноги и включить в число народов». Но лучшим доказательством этой истины служат поляки, самый даровитый и своенравный народ, где «что жбан, то пан!» и каждый шляхтич вредит государству тщеславным: «*liberum veto!*» Мы видели, что и Русь, вследствие разделений,

едва не погибла». Древние писатели свидетельствуют, что между славянами постоянно господствовали различные мнения, и что они ни в чем не были согласны между собою⁶¹. Если одни согласятся в чем-нибудь, то другие тотчас нарушают их определение; потому что все они питают друг к другу вражду, и ни один не хочет повиноваться другому». Такое разделение и сварливость славян проистекали, между прочим, из их свободного быта, разрозненности племен; они-то и заставили их призвать чужеземную власть. Лучшим выражением эгоизма, самоуправства и сварливости русских служит своеволие князей и бояр, особенно местничество, так много причинявшие зла России.

Самоуправство и сварливость неразлучны с забиячеством, ибо гнев, не сдерживаемый рассудком, прибегает к физической силе в решении спора. И русские всегда были склонны к забиячеству и драке. «Русская правда», при всей краткости своей, подробно разбирает вопрос о побоях; она и начинается положением о смертоубийстве. Домострой хорошо изобразил склонность русских к забиячеству, говоря: «не должно бить за всякую вину, по уху, ни по виденью, ни под сердце кулаком, ни пинком, не колоть посохом, не бить деревянным и железным (орудием)». Склонность к забиячеству высказывалась невольно в поединках, ссорах, наездах, играх и в религиозных спорах. Русские прибегали к поединкам в тяжбе и вообще в спорах, которых нельзя было распутать судебным порядком. Такой поединок назывался «полем» и «божией правдой». Тяжущиеся говорили судье: «даждь нам господине божию правду, да лезем в поле битися». Сила и ловкость, обнаруженные на поединке, считались помощью и судом неба, и одолеть противника в поле, — значило оправдаться. При неразвитости общества и законодательства вера в небесную помощь была естественною. Думали, что Бог, знающий невинного, поможет ему одолеть противника. И хотя обман торжествовал над правдою, по предрассудок держался привычкою. Его поддерживало и законодательство. В «Правде» Ярослава уже упоминается о суде Божиим. В 1228 г. судившиеся официально доказывали свою правду полем. В «Уложении» Иоанна III определен

порядок судебного поединка. Стоглав заметил, что ябедники убивают друг друга в поле. В 1700 г. государь приказал «всяких чинов людям не носить с собою остроконечных ножей, ибо многие люди в ссорах, драке и пьянстве ножами режут друг друга до смерти; а воры нарочно ходят с ножами, грабят и режут людей по ночам». С XVII века начались указы и воспрещение против скорой езды по улицам, и почти всегда оставались без действия. В указе 1730 г. сказано: «хотя прежде сего опубликовано в Москве, чтобы люди всех чинов ездили смирно в санях и верхами, днем и ночью, и никого не давили и не топтали лошаадьми; но ее величеству известно, что многие люди ездят в санях резво, и их верховые люди пред ними скачут необыкновенно, и наезжая на других, бьют (их) плетьюми и топчут лошаадьми⁶²». В древности игры, по праздникам, сопровождались битьем бочек, кулачными боями и дреколием, при чем не обходилось без убийства. Герберштейн свидетельствует, что на кулачных боях соперники старались ударить друг друга в самые чувствительные места, и их нередко уносили с площади мертвыми. Указ 1726 г. гласит: «ея импер. величеству стало известно, что в кулачных боях многие люди, вынув ножи, гоняются за другими бойцами, иные, положа в рукавицы ядра, камня и кистени, бьют многих без милости, до смерти; также бросают в глаза песком. И это убийство между подлыми (людьми) не вменяется в грех... Кто захочет биться для увеселения, те должны выбрать сотских и проч., и должны смотреть, чтобы у бойцов не было никакого оружия и инструментов, чтоб во время боя не было драк, и кто упадет, лежащего не бить»⁶³. Привычка к драке так укоренилась, что в начале преобразования России она сказывалась на пирах, в присутственных местах и в академии наук. «Если, говорит г. Соловьев, сановники и князья в своих родовых и личных ссорах позволяли себе публично позорить и бить друг друга, не понимая, какой вред наносят всем; то нечего удивляться, что промышленные люди еще более отягчали свое незавидное положение усобицами»⁶⁴. Не распространяясь о кровавых бунтах черни и стрельцов, заметим, что новгородцы более всех обесславили себя безрассудными драками. Следует вспомнить

и о духовных. В 1682 г. защитники старой веры двинулись в грановитую палату, с иконами, наложными, свечами и проч. Едва прот. В. начал читать обличение, как его заушили и хотели изорвать тетрадь. «Народи же, не терпяще сего (убеждения), хотяху изорвати тетради и довольно побиша его». На холмогорского епископа Афанасие бросился протоиерей Никита: «что ты, нога, ставишь выше головы?» его насилу оттащили. И это при царицах и патриархе, и после молебна!

Своеволие, выражавшееся в драках и забиячестве, сопровождалось руганью и сквернословием, и этим пороком русские превзошли всех людей. Мы увидим, как проповедники сильно вооружались против этого порока, но он держится на Руси по-старому; и порядочному человеку среди народа всегда нужно опасаться за свое нравственное чувство. Нестор говорит, что славяне «срамословили перед отцами и снохами». В памятниках древней литературы мы находим свидетельства о привычке русских браниться «позорною, скаречною бранью», «матерно» и т. п. Патриарх Иоасаф писал: «всякие беззаконные дела умножились, еллинские блядословия, кощунства; еще друг друга бранят позорною бранью, отца и мать блудным позором, и оскверняют свои языки и души всякою бесстыдною нечистотою». Иностранцы отзывались о русских с презрением, за их грубость и невежество, проявлявшиеся в слове и деле. Контарини называет москвичей «весьма грубыми и невежественными». Крижанич: «в русском народе расплодились премерзкие нравы; русские не умеют изъясняться и неучтивы в беседе». Олеарий жалуется на грубость русских, говоря, что «при особенной склонности к чувственным удовольствиям, разговоры их имеют содержанием грязные истории». Наши и иностранные писатели согласны в том, что брань русского народа отзывается крайнею грубостью и раздражительностью. Они объясняют эту страсть народа вековым гнетом, рабством и озлоблением против всего. Вы видели, что правительство русское настойчиво преследовало все пороки русских, даже невинные игры. Что же касается ругательства и сквернословия: то на этот порок обратил внимание только благочестивый Алексей Михайлович, который заботился о своем народе, как пастырь. По его

распоряжению переодетые полицейские (стрельцы) ходили в толпе народа и наказывали бранившихся скверными словами.

Корыстолюбие стоит в тесной связи с эгоизмом, и часто бывает следствием его. Кто по невежеству чрезмерно уважает себя, презирает и унижает других: тот считает все средства к обогащению позволенными, готов жить на счет ближнего. Корыстолюбие русских, вследствие вышеизложенных нами общих причин, было неудержимо, сопровождалось жадностью к захватам и склонностью ко всем беззакониям. Один проповедник весьма характерно выразился об этой жадности русских к наживе. «Когда, говорит, мы видим куны (деньги): то готовы издохнуть для них». Корыстолюбие русских всего чаще выражалось в воровстве, обманах, взяточничестве, подлогах и попрошайстве, как более легких средствах к наживе. Воровством и попрошайством особенно занимался простой народ, обманами – купцы, взяточничеством и подлогами – судьи и приказные. Еще древние славяне считали кражу делом дозволенным, впрочем, с хорошою целью – угостить странника. С течением времени воровство и всякое мошенничество в бедной стране усилилось, особенно со времени Годунова, когда власть и закон ослабели. Самые жестокие казни лотом не могли истребить этих недостатков, ибо они укоренились от времени. Недостатки эти так глубоко укоренились в народе, что заразили даже духовное сословие, которое служило представителем божественного учения и христианской нравственности. Белое и черное духовенство, наравне с чернью, не стыдилось публично просить милостыни и вдаваться в мелкие хитрости и обманы, под опасением наказания. И действительно, правительство преследовало всех этих обманщиков и попрошаек, с одной стороны строгими указами, а с другой стороны – штрафами. Например, в 1694 г. издан именной указ следующего содержания: «буде безместные чернецы или черницы в Кремле, Китае, земляном городе, и безместные же попы и дьяконы, также гуляющие люди, бесчинно и неискусно подвязав руки или ноги, а иные, завеса и зажмуря глаза, будто слепы и хромы, просят милостыни, на имя Христово, притворным лукавством, а по осмотру они всем здоровы тех чернецов и черниц, попов и

дьяконов имать и приводить в стрелецкий приказ, чтоб отнюдь по улицам нигде не бродили, и по кабакам не водились»⁶⁵. Подобное постановление издал собор 1681 г. «Которые чернецы не живут в послушании, бесчинствуют в городах и в Москве, ходят по кабакам и мирским домам, валяются по улицам: на таких бесчинников власти монастыря и проч⁶⁶. Женского пола, которые бесчинно постриглись и просят милостыни, на таких архиерей и проч ...»

Русский народ за свое корыстолюбие и обманы пользовался дурною славой, как дома, так и за границей, терял кредит, особенно у иностранцев, и не мог выйти из своего бедного положения. Иоанн грозный, лаская немцев, говорил: «мои русские все воры». «Если бы я не стал переписывать имущества (умершего патриарха), сказал Алексей Михайлович, то все раскрали бы». Петр I на просьбу голландских евреев заняться в России торговлей отвечал; «в России вы не разбогатеете, потому что один русский хитрее четырех жидов». Иностранцы (напр. Пуффендорф), отдавая справедливость уму и способностям русских, единогласно свидетельствуют о их безнравственности, лживости, склонности к обманам и вообще слабом развитии чувства чести. Этими недостатками они объясняют слабое развитие торговли в России, несостоятельность коммерческих предприятий, торговых обществ, компаний, частые банкротства и т. под. Олеарий отдает справедливость умственным способностям русских и их ловкости в делах; но жалуется на их лживость. Герберштейн тоже жалуется на хитрости жителей московского государства в торговле, на их страсть торговаться, тянуть дело; особенно обвиняет в этом москвичей; о псковичах говорит противное. Но более всех осуждал русских за эти пороки Пуффендорф. «Нет в свете парода, говорит он, хитрее русских в деле приобретение корысти, в обманах и лживости. Греки указывают на русское царство; если бы к той вере христианской да правда была турецкая, то с русскими людьми беседовали бы ангелы»⁶⁷. Даже татары пренебрегали нравственностью русских. «Когда в Крыму продают с аукциона русских пленников, говорит Михалон, то аукционер кричит, что это рабы самые простые, не хитрые,

только что привезенные из народа королевского, а не московского, ибо московское племя, как коварное и обманчивое, считается у них дешевым». Вообще, в Европе думали, что «москвитяне только по имени слывут христианами, а делом и обычаем хуже варваров»⁶⁸.

Если в характере образованного народа главную черту составляет ум, руководящий страстями: то в характере необразованного – чувственность, пересиливающая ум. Ум русских был подавлен чувственными стремлениями, и потому занимает невидное место в их характеристике, Русские не заявили себя в умственной деятельности никакими заслугами, в продолжение 700 лет! Эта умственная непроизводительность, косность мысли особенно бросается в глаза при сличении русских с западными народами и даже с греками, которые в немногое время сделали много для блага человечества. Ум русских даже доселе не сказался ни в науках, ни в искусствах, при всей поддержке правительства. Направление его чисто практическое, и оно выразилось в правилах житейской мудрости и в обрядовой нравственности. Представителем первой служит «Домострой», который в строгой программе обнял все дразги домашнего быта, предписал закон для каждого движения домашних, сосчитал все вещи домашней экономии. Представителем последней служит монастырский строй домашнего быта, который в древности возведен был в догмат. Введение европейского костюма, бородобритие и другие мелочи, изменявшие этот быт, считались «порухою спасения». На это направление ума имела влияние с одной стороны суровая природа страны, а с другой стороны – вера. Суровая природа, обрекая народ на тяжелые труды, не давала пищи воображению, изоощряла его практический смысл и ловкость в хозяйственных операциях. Вера, предписывая правила жизни и обряды, притом, как увидим, в чисто аскетическом настроении, покоряла ум, сдерживала его пытливость и порывы, подчиняла определенным убеждениям и действиям. «Церковно-византийское учение не имело своей задачей развивать интеллектуальные способности русского народа, разум и мысль, а исключительным назначением его было распространение и

укоренение в народе веры и нравственности, или воспитание нравственно-религиозного чувства»⁶⁹. Наводнение России странствующими греками, со времени падения Константинополя, содействовало некоторой неподвижности русской мысли. Прося милостыни, греки все же хотели казаться авторитетом в глазах русских, и отличались иногда выходками против науки. Исчислив злоупотребления, какие дозволяли себе греки, собиравшие милостыню, Крижанич отозвался о них так: «греки, осуждая всякую новизну, предлагают свои заблуждения под важным именем древности и восхваляют невежество; всякую науку считают еретическою».

Это направление ума и произведшие его причины дают возможность согласить противоречивые отзывы о способностях русских. Мы видели, как древние путешественники хвалили русских за их смышленость и ловкость в делах. Подобные отзывы можно встретить и ныне в русской и заграничной литературе. «Многие достоинства, говорит один современный писатель, отличают русский народ с выгодной стороны от многих других народов. Это – необыкновенная легкость все понимать и выучивать, удивительный талант переимчивости⁷⁰». Но также в древней и новой литературе попадаются неодобрительные отзывы об уме русских. «Русские, говорит Олеарий, нисколько не уподобляются древним грекам, хотя происхождением от них хвалятся, ибо они ничего не переняли от этого умного и образованного народа, ни в искусствах, ни в языке. Они не любят наук и искусств». Умы (русского) народа, говорит Крижанич, тупы и косны. Русский сам ничего не выдумает, если ему не укажут. Книг у него – никаких. Он ленив и непромышлен, сам себе не хочет добра, если не будет принужден (к тому) силою». Но для нас непреложный авторитет имеют отзывы творца русского народа Петра великого. «Наш народ, яко дети, неучения ради, никогда не примутся за азбуку, если не будут приневолены от мастера (учителя); им сперва (это) кажется досадным, но когда выучатся, благодарят. Это явно из всех нынешних дел. Не всель сделано неволею? Понеже у нас учение еще не гораздо укоренилось, також и в делах гражданских, а особливо экономических, почитай ничего

нет». «Неискусство наше – во всех делах». Все, хвалящие ум русских, поставляют его достоинство в переимчивости, внешней ловкости. Это и естественно. Упражняясь 700 лет в земледельческих работах, народ изощрил внешние чувства и внешний разум, – смысл и память зрения, слуха, осязания. В высших же знаниях, в которых не упражнялся, он – темный народ. Чтобы убедиться в этом, стоит только обратить внимание на коверкание иностранных слов русским народом. Этот народ, столь ловкий и переимчивый в наглядных делах, ремеслах, оказывается беспамятливым и непонятливым в усвоении напр. слов: «доктор, ректор, креатура, университет» и проч.; а о многосложных словах, в роде: «иллюминация, конференция», нечего и толковать, – народ не выговорит их. Древние бояре прилаживали чужеземные слова к русскому строю, наприм. «Стокгольм – Стеколья, граф Эссекс – Авксентий». И ныне народ выговаривает вместо «Робинзон-Крузе – Груздев» и т. д.

«Сколько народ привыкал чувствами к впечатлениям природы, столько же отчуждался от нее мыслью, не вникая в сущность явлений, особенно мира духовного. Так он жил в природе, в согласии с нею, целые века, работал в ней, можно сказать, одними внешними чувствами, физическими, мускулярными силами, а не мыслью и разумом»⁷¹. Эта острота чувств, при слабости мысли, подчинила русского человека суеверию и предрассудкам, сделала его упрямым и непоколебимым в раз принятых убеждениях.

Суеверие русского народа

Суеверие народа выражалось в обожании сил природы и вере в приметы, влиявшие на жизнь, в ворожбу и гадание, в чарование или волхование. Эта напрасная вера в страхом перед таинственными силами природы и желанием отворотить причиняемый ими вред. Она поддерживалась с одной стороны невежеством народа, а с другой стороны – бедствиями, окружавшими его отовсюду.

Русские славяне верили в светила, молнию, огонь, воду, дерево, камень, души умерших, русалки, кикиморы и другие божества; они обращались к ним с жертвами, молитвами, заклинаниями и заговорами. С течением времени вера во многие божества исчезла, под влиянием христианской проповеди. К XVII веку уцелело верование в Коляду, Купалу и Ярилу, которым доселе празднуют в России, по местам. Празднование этим божествам сопровождалось разными религиозными обрядами. Упомянем о важнейших из них, часто обличаемых в русском проповедничестве. В честь умерших совершались поминки, плач на могилах и проч., в честь Коляды пели песни; в честь Купалы предавались веселию и купались; в честь Ярилы боролись и дрались. Вообще же, празднования языческим богам сопровождалось играми, переряживанием, скоморошеством, пляской, песнями, музыкой, борьбой, кулачным боем, пьянством, бесчинством, соблазнами всякого рода и даже убийством. В христианстве, под влиянием апокрифов, перешедших к нам из Болгарии, частью из Греции, а частью составленных в России, суеверие русских умножилось: они верили в разные вымышленные существа и предметы, и чествовали их религиозными обрядами. Упомянем о важнейших существах, бывших предметом особенного почитания. Русские верили в св. пятницу, и делали ее предметом самого грубого суеверного почитания; обыкновенно же в пятницу не занимались делами. Русские верили еще в 12 пятниц, будто бы замечательных в библейском отношении, напр. первая пятница, 6 марта, памятная изгнанием Адама из рая и проч. Эти пятницы

чествовались постом, молитвою, целомудрием, милостынею и воздержанием от дел. «Не подобает ничтоже творити (в сии дни), ни путешествовать ни садити, ни купити, ни продати... Сделанное не будет на пользу... Рожденное в те дни будет нездорово, криво, хромо, слепо». В награду за почитание 12 пятниц обещается избавление от нищеты, внезапной смерти, вечной муки и т. п. С другими верованиями, напр. в пасхальную неделю, яко бы состоявшую из одного дня, с хождением ап. Павла по мукам и сферам небесным и т. д. мы познакомимся в русском проповедничестве. Очевидно, что и христианское суеверие развилось под влиянием страха пред таинственными небесными силами, и надежды на их помощь в житейских напастях.

Приметы состоят в приписывании чудесной силы вещам, которой они не имеют. Приметы обыкновенно соединялись с ворожбой, гаданием, заговорами, заклинаниями и чародейством. Примет у русских было столько же, сколько в жизни бед и опасений за свое счастье, следовательно – бесчисленное множество. Большею частью они наследованы от язычества, а частью составились под влиянием христианства. Не умея помочь себе в бесчисленных бедах, в страхе и трепете пред высшими силами, предки думали оградить себя от напастей чарующею силою примет, заговоров и т. под. Они обращались в горе, с своими чувствами, молитвами и слезами, к бесчисленным предметам мира видимого и невидимого, прося их помощи, стараясь по ним разгадать свою судьбу. Эта потребность увлекала их к смешению христианства с язычеством, к обожанию природы при вере в истинного Бога, к переделыванию молитв в заговоры, и наоборот. За такое смешение понятий и верований предки наши заслужили от проповедников название двоеверов. Главными приметами у предков служили: встреча с духовными, от которой ограждались заклинаниями и некоторыми обрядами, следы животных, полет и пение птиц. О других приметах могут дать понятие следующие поговорки: «огнь бучит, храм трещит, воронограй, куроклик, сорока стрекочет, утица кричет, гусь гогочет, мышь грызет, кошка мяукает, пес воет, ухозвон, окомиг, очи или длани свербят,

страшный сон». Средствами для ворожбы и гадания служили: жребии, зерна, карты, зеркало, олово, воск, св. вода, просфора, тексты библии и особенно стихи псалтыри. К первым векам христианства в России относятся приметы и чарования чисто языческие. Предки верили, например, что худая погода, вредящая плодородию, зависит от непогребения утопленников, и для отвращения зла погребали их; верили, что причиной неурожая и дурной погоды было погребение умерших насильственной смертью, и потому откапывали их; верили еще, что причиной голода, чумы и общественных бедствий были чародеи и ведьмы (знахари и знахарки), и потому сжигали их. Против этих примет, вредно влиявших на жизнь, проповедники вооружались особенно сильно. В XVI веке усилилась астрология, вера во влияние звезд на судьбу человека, причем излагалось учение о счастливых днях луны, добрых и злых часах каждого дня недели. Напр. «третий день луны зол и лют (в тот дель родился Каин) осужденного ради Каина; от всего надо беречься, не должно покупать, ни продавать, ни сеять, ни садить, ни свадьбу делать (скоро разлучатся). В четырнадцатый день луны языки смешались, зиждуще столб. Добро (в тот день) чинить глиняные сосуды, строить печи; кровь пускай весь день; кто родится (в тот день), будет язычен; образен в беседе и многолетен». В учении о часах сказано: «1–2 часы воскресения добры, 3 и 6 злы, 4 час средствен» и т. д. Астрологическое учение перешло в Россию с запада, распространялось жидовствующими, и, как увидим, особенно сильно обличалось Максимом греком. Впрочем, при вере в светила, русские всегда смущались появлением комет, северного сияние, затмением солнца и т. под. Русские летописи наполнены изображениями подобных ужасов. Напр. «явися звезда образом странным; от видения сия звезды страх обья вся человеки и ужась»⁷². Или: «погибе все солнце; о, велик страх!»⁷³ С ослаблением веры в силы природы, явились приметы другого рода, зависевшие от неправильного понимания христианства. Русские стали веровать в чудодейственную силу христианских праздников, св. вещей и т. п., и применять к ним свои действие. Напр: «в

сретенев день на дорогу никуда не выходить, ни дому, никаких хоромов не ставить».

Чарование или волхование обыкновенно проявлялось в употреблении таинственных вещей, ношении талисманов, амулетов и т. под. Средствами для этого служили обыкновенные вещи – листья, кости и проч., но большею частью священные предметы: крест, богоявленская вода, ладан, частицы просфоры, молитвы, писанные на бумажках и слова на яблоках, которые ставились на престоле, хранились в домах и носились на шее. «Если идешь на поле биться, бороться, на суд, или к великим людям, то надо взять с березы ветку (мелею) и держать ее в правом сапоге тот человек не боится ничего». Для развода хмелю «начертить крест, да став на кресте говорить: тебе от меня отходу нет».

Заговоры, которые употреблялись при ворожбе, волхвовании и других видах суеверия, большею частью соединялись с христианскими молитвами; при этом иногда имена языческих богов переносились на ангелов и святых. Сближая заговор с молитвою, и переводя мифологические лица и события на христианские, знахарь или чародей дает своим словам такой оборот: «есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет св. Николай, отворяет глубину морскую, поднимает ворота железные, а залучает от раба божие имя-рек, усови аду в челюсти». Вот прекрасный заговор для охранения от врагов и столкновений в обществе. «Святой государь Спас и святой государь архистратиг Михаил! помилуй Господи меня грешного имярек! Освети Господи меня, ими-рек, князям и боярам, и властям и тиунам, недельщикам и их дворянам, и гостям, и мужам и женам, и всему православному христианству, что нареклось на сем свете, и на всяк час и на всяко время, и на всякое сердце и на всякие очи, моему сердцу имя-рек, от всякого зла и от злых очей, закрой, государь Михаил архангел, своею ризою нетленную, раба божия имярек»⁷⁴. А входя во двор, вступить левою ногою, опереться правым плечом в ворота, перекреститься и молвить всю молитву». Заговоры преимущественно употреблялись на поединках.

Предрассудок состоит в принятии чужого мнения за истину, без рассуждения и проверки. Русские, при своем невежестве, руководились предрассудками относительно предметов недоступных им, особенно в науке и религии. Так напр. они верили, что есть птица феникс, которая носит на голове венец и на ногах сапоги; что на земли есть рай; что земля стоит на трех китах; что с окончанием мира все сосуды церковные и вещи вознесутся на небо. Многие из этих предрассудков, не ограничиваясь омрачением смысла, имели вредное влияние на жизнь и нравственность. Так, у русских были предубеждения относительно табака, бороды и старых рукописей, за которые они дорого заплатились. Табак в древности признавали травой бесовскою, богомерзкою и проклятою, и потому запрещали сеять и продавать его (1661 г.) и жестоко наказывали курителей. Олеарий говорит, что он «видел в Москве, как за табак резали носы мужчинам и женщинам». Бороду предки наши признавали не только украшением, но и образом Божиим; и потому брадобритие считали ересью и смертным грехом». Взирайте, говорит один проповедник, на икону страшного пришествия, и видите праведные в десней стране имущие бороды; на шуй же стоящие бесермены и еретики, моторы ц поляки, имущие едины усы, яко имут кошки и псы, иже творят грех смертный, образ мужеский тляще»⁷⁵. В реформу этот предрассудок стоил нашим предкам дорого. Русские имели особенное уважение к старым рукописям, иконам, обрядам, буквам и словам, и избегали печатных книг, как опасной новизны. Вследствие этого они заблуждались в вере и создали раскол. Раскольники и ныне почерпают из темных рукописей нелепые мнения, наприм. о сахаре, кофе, чае и т. под. «А кто пьет чай, говорят они, тот отчаянный». Еще они читают беседу трех святителей (вселенских). Полагая, что эти святители были русские, раскольники заставляют их объяснять греческие слова и буквы.

Для нашей цели особенно важен предрассудок русских относительно проповеди. Упадок устной проповеди с половины XV века благоприятствовал мнению о бесполезности ее и даже вреде. Думали, что совершенно достаточно, для назидания верующих, уставных отеческих чтений. И потому все

нововведения относительно проповеди, начавшиеся в половине XVII века, сопровождались ропотом и гонением. На живую проповедь предки смотрели как на ересь. Когда муромские священники стали сказывать проповеди своего сочинения, по примеру прот. Логгина: то им воспретили это нововведение. Орловского священника за сказывание проповедей едва не убили; ему ставили на вид это нововведение как ересь, и говорили, что «для спасение души довольно и отеческих писаний». Московский священник Прокопий говорил другому священнику: «заводите вы, ханжи новую ересь, учите людей в церкви, а мы прежде сего не учивали людей в церкви. Беса вы имеете в себе, и все (вы) ханжи».

Суеверие и предрассудки отравляли жизнь русских, и без того печальную, скорбную чувствами, и останавливали ее развитие. Надобно представить себе жизнь предка, всюду подозревающего таинственную силу, всего боящегося, опутанного верою в химерические существа, в приметы, в ворожбу и чарование: сколько отсюда тревог, напрасных опасений, ложных надежд и помехи в делах! С самого утра он уже возмущен духом от суеверных опасений. Чихнув, наприм. во время обувания, он снова ложится в постель, для отвращения мнимого несчастья; споткнувшись при выходе из дому, он снова возвращается назад, для избежания неудачи в делах; попадает на пути камень, он топчет его ногами, боясь потерять дружбу. Идет ли предок наш в суд, к вельможе, на поединок: он прячет в сапог мелею, в ворота вступает левою ногою, читает заговор и проч. На всякий предмет, на всякое дело в хозяйстве он знает заговор, исполняет суеверный обряд; он думает, что этим оградит от зла своих домашних, свои стада, нивы и все имущество. Отправляясь к другу или врагу, в лавку, на охоту и т. под., он заговаривает друга и врага, одежду, монету, ружье, пулю. Настанет спешное дело в торговле или земледелии, а тут подвернется св. пятница, или которая либо из 12, или худой день луны, или злой час дня, или все вместе, и воспрепятствуют делу. Одним словом: русскому человеку отовсюду было тесно. И эту темную дань суеверию платили все сословия, не исключая самых умных и образованных людей. Особенно

часто предки обращались к колдунам и ворожеям, не смотря на жестокие казни за волшебство. В XVII веке встречаем процессы, что знахари испортили таких-то людей, и те начали скорбеть, икать и кликать. И действительно, в XVII веке было великое множество кликуш, и они-то составляли главное безобразие святых мест и церковного служения. Иван грозный, усвоивший книжную мудрость на славянском языке, верил в таинственную силу драгоценных камней; он объяснял другим, какое влияние имеют эти камни на душу и тело⁷⁶. Годунов, замышлявший преобразование России, обращался к кудесникам за советами и предсказаниями. Между прочим, ему принесена присяга в такой суеверной форме: «не учинить над царем и царицею и их детьми никакого лиха, в еде, питье, платье, и ни в чем другом, и не испортить; не давать лихого зелья и коренья; не добывать ведунов и ведуньей на государево лихо; следу не вынимать, лиха по ветру ведовством не посылать» и проч. Голицын, удивлявший иностранцев своим образованием, гадал по звездам о дерзких планах царевны Софии; он же брал у волхва коренья для снискание любви ее.

Всеобщая склонность к суеверию породила на Руси мечтательность, ложные озарение и мистицизм. Следствием этого было умножение духовных сект и еретиков, выдававших себя за необыкновенные существа. История свидетельствует, что самое духовенство поддавалось обольщениям, видениям и ложным пророчествам⁷⁷. Самые печальные доказательства этого обнаружили в расследовании по делу патр. Никона и царевича Алексея⁷⁸.

Предраассудки тормозили ум русского человека, содействовали застою гражданской и религиозной жизни. Изменить в чем-либо установившиеся формы жизни, освященные верою, казалось преступлением, ересью, гибелью спасения. Представителями этой жизни служат до сих пор единоверцы, которые не могут возвыситься до понимания духа религии. У них до сих пор вместо проповеди читаются отеческие писания т. д. Этот застой умственной и религиозной жизни наших предков, подавленных предрассудками, выразился в славянских букварях любопытную

фразой; «аще кто изменят се на оно, а оно на се, тот вносит ереси, хулы и развращение».

Преобладание чувства над мыслью, подчинявшее русских суеверию и предрассудкам, показывает крайнее невежество их в отношении законов природы и религии. И мы находим относительно этого предмета ясные свидетельства в истории. Иностранцы, бывшие в России, отзывались о ней, как стране самого темного невежества. Кобенцель в 1576 г. между прочим заметил, что во всей Московии нет школ. Маржерет, подтверждая слова Кобенцеля, что «москвитяне не знают школ», прибавляет: «люди московского государства до того невежественны, что между ними не найдется и одной трети, которые бы знали Отче наш и Верую». Подобным образом отзывался о русских арх. Геннадий, называя их простыми людьми, живущими верою и призыванием имени Божия.

Односторонность ума, омраченного суеверием и предрассудками, несведущего в законах природы и религии, объясняет нам особенность и своеобразность русского благочестия. Особенность эта состоит в том, что народ усвоил веру более со стороны внешней, нежели внутренней, более со стороны буквы и обряда, нежели со стороны духа и нравственности. Отсюда это смешение в вере существенного с изменяемым, боязнь за каждый аз и упорство в защите его. «В сем аз, говорили они, великая сила». «Не дай Бог погрешить вам не только в вере, но и в частице церковных песней или канонов». «Православным должно умереть за один аз». Самые ошибки и вставки грамотеев, ереси и бессмыслицы в книгах, освященные древностью, становились в глазах предков догматом. «До нас положено так, лежи оно так во веки веков». Памятником этой привязанности к азам и умственной неподвижности доселе остается темный и упрямый раскол. Этим же невежеством объясняется раздвоенность русской жизни, противоречие в слове и деле, которыми так поражались иностранцы, и против которых восставал Максим грек. Предки с благоговением исполняли обряды благочестия: как обращаться с св. вещами, водой, просфорой, как брать просфору в рот и жевать ее, как целовать крест, икону, мощи, как совершать

земные и поясные поклоны и складывать руки и ноги, сколько чего пропеть и вычитать, и пренебрегали духом религии, нравственностью христианской, ибо она менее доступна грубому смыслу и более трудна в исполнении.

Итак, ум русских, как господствующая сила характера, является небогатым и неразвитым. Он проявлялся в низших способностях и будничных делах, но не в творчестве мысли и особенных стремлениях духа. Не особенно сильный по природе и не имея поддержки в науках, он подчинился страстям, суеверию и предрассудкам, и отнесся к вере машинально, не управляя склонностями, противными ее духу. Впрочем, этот недостаток народа исправим, и потому он не может служить преградой к нравственному воспитанию его и, следовательно, призванию в христианство; напротив, в подобном уме более покорности и нравственной восприимлемости, нежели в выперенных умах, неподчиняющихся авторитетам.

Способность русских к нравственному усовершенствию

Взвешивая характер русских, их способности и недостатки, в связи с верою, приходим к следующему выводу и заключению. В русском народе преобладала плоть над духом, чувство над разумом, и потому он был жертвою страстей, суеверие и предрассудков. Но эти недостатки были следствием простой и суровой жизни, а не роскоши, образования и прихоти нрава. Народу, выходявшему из язычества, гнетомому бедствиями и невежеством, естественно, поддаться невозддержанию, пьянству, разврату, эгоизму и корыстолюбию, суеверию и предрассудкам. Но эти недостатки, при хороших свойствах ума и особенно сердца, при сильной природе, выносливой и способной к подвигам, не так важны, как кажется с первого раза. И это тем более верно, что недостатки эти, как следствие самой жизни, усиливались в несчастные времена, ослабевали при благоприятных обстоятельствах, и могли быть подавлены образованием. Одним оловом: все сказанные недостатки не укоренились в народе настолько, чтобы совершенно испортить его нрав, не подавили окончательно его хороших свойств, и потому не лишили его способности нравственно усовершеншаться, под руководством веры. Эта способность русских к христианскому усовершенствию всего более очевидна из сравнения их с другими христианскими народами. Русские, по своему характеру, не вдавались в споры и сомнения о вере, приняли ее всем сердцем, исполняли ее требования охотно, с самоотвержением; хотя, по простоте нрава, понимали ее более с внешней, обрядовой стороны, нежели внутренней.

Греки по своей природе оказались способными принять христианство более в теоретическом, нежели практическом смысле, более умом, нежели сердцем. Почти вся история христианской Греции есть история богословской работы, развитие догматов, обрядов, возвышенных христианских идей и созерцаний. Крайность теоретического направления в вере образовала в Греции множество религиозных сект и вовлекла

ее в нескончаемые споры и раздоры. Насколько разработанное учение прилагалось к жизни, видно из того обстоятельства, что лучшие люди Греции бежали в пустыню от общественных нравов. Римляне еще менее оказались способными к усвоению высоких догматов и строгих правил христианства. Почти вся история христианского запада есть борьба разума с евангелием, искажение веры мирскою властью пап, реформацией и множеством философских сект. Наклонность запада к умственному своеволию в вере дошла до того, что уже к XVI веку искажены были главные догматы христианства, и толкование их нередко проникнуто богохульством⁷⁹. Например: не все то грех, что обличается законом; некоторые его предписания, наприм.: не пожелай... вовсе не касаются нас. Какая же нужда много заботиться о благочестии, по руководству Св. Писания? Только смертные грехи заслуживают вечное осуждение. Не смущайтесь, однако, если придется впасть в какой-нибудь из них; не все они смертные. Блуд позволителен, прелюбодейство – легкий грех, многоженство не противно естественному и божественному праву». Во многих странах и обществах современного нам запада совершенно разбросаны религиозные преграды или правила, христианские законы не признаются, и всяк предоставлен своей свободе. Чего же ожидать в жизни, при таких правилах и убеждениях?

Наружность есть наглядное выражение характера, внешняя черта его. Во внешнем виде народа и человека выражается внутренняя жизнь его. В лице, фигуре и одежде народа отражаются его способности, склонности, состояние, прошедшая и настоящая жизнь. Особенно важное значение в этом отношении имеют черты лица и взор, в которых выражается дух и ум народа, или человека. По изображению греческих писателей (Прокопия и Маврикия), древние славяне вообще отличались здоровым телом и приятною наружностью, вследствие простых нравов и жизни, близкой к при роде. Они были высоки ростом, стройны собою, красноваты лицом, русые, и походили друг на друга, как все дикие народы. Патриархальная жизнь, чуждая сложных забот и разнообразных стремлений, уравнивает характеры и физиономии. Под властью

воинственных князей русские развили богатырскую силу и героизм, выражали своим видом мужество, легко переносили труды, голод, холод и зной. С XIV века, вследствие политических невзгод, лишений и болезней, особенно после чумы (черной смерти), русские утратили богатырскую силу. «Предки наши с тех пор, по слову летописца, выродились, сделались слабее и тщедушнее». Если они после чумы рождались с такою поспешностью, что оставались навсегда без коренных зубов: то явное дело, что их физические и духовные силы потерпели ущерб (коренные зубы – признак мудрости, у слабых людей они растут до 50 лет, у идиотов совсем не выходят). С XIV века тип русского народа остается одинаков до сего дня, вследствие одних и тех же условий жизни. Тип этот составляют – узкое лицо с выдвинутыми скулами, не широкий лоб, прикрытый волосами в скобку, и длинная борода. Борода составляет главное украшение лица, по понятию русских, наследованному от греков. «Бог, говорит патр. Адриан, мужу яко начальнику, благолепие браду израсти; жене же яко несовершенней, но подначальной, оного благолепия не даде». Такими изображаются русские в древней живописи (в рисунках истор. очерков Буслаева). Судя по отзыву Крижанича, иностранцы совсем иначе смотрели на это украшение. К довершению портрета, надобно прибавить углубленные глаза и взор унылый, рассеянный. Этот тип не обещает умственных дарований и особенного нравственного развития; скорее он обнаруживает рабочую силу и крепкие мускулы. Впрочем, о наружности горожан иностранцы отзывались выгодно. «Москвитяне, говорит Контарини, как мужчины, так и женщины, вообще красивы собою».

Русские ходили в длинном, широком платье, в армяках, кафтанах, и подпоясывались поясом. Бояре сверх кафтана (ферязь) надевали еще шубу и высокую шапку. Иностранцы называли этот костюм некрасивым и неудобным. И вообще, весь облик русского, с его физиономией и одеждой, производил не благоприятное впечатление на европейца, ибо он отражал азиатские привычки и умственную неподвижность. Особенно противною казалась европейцу азиатская привычка стричь и

брить головы, – привычка, не имеющая в холодном климате разумного основания. «Иностранцы, говорит Крижанич, русских презирают. В покрое платья высказывается ум народа. Русское платье некрасиво и неудобно; по причине его иностранцы зовут нас варварами. Особенно не расчесанные волосы и борода и остриженная голова делают нас мерзкими, смешными, какими-то лесовиками».

Общее заключение

Вот гражданский быт и характер русского народа, достоинства и недостатки того и другого! О достоинствах мы сказали коротко, ибо они стоят в зависимости от христианской веры и развивались под влиянием ее; недостатки же составляют естественную принадлежность испорченной природы. Вот та историческая почва, на которую должна пасть плодотворным семенем христианская проповедь. Мы вправе ожидать, что это святое семя преобразит русскую жизнь и нравы. Мы должны надеяться, что христианская проповедь не ограничится учением вечным, одинаково приложимым ко всем временам и народам, но коснется недостатков общественного и семейного быта, характера народа, исправит и истребит их силою слова и авторитетом божественным. Одним словом, умственное и нравственное состояние русского народа таково, что оно не могло удовлетвориться одностороннею, отвлеченною проповедью. Оно требовало, с одной стороны, проповеди догматической, разъясняющей правила веры и деятельности христианской, для достижения царства небесного; а с другой стороны – практической, устрояющей земную жизнь по духу веры. Такова сила вещей и требование жизни. Но иное дело требование, а иное – исполнение его. Все условливается историческими причинами и неотразимым ходом дел, совершившихся событий. Переменять их нельзя; им должно подчиняться. Мы знаем уже отвлеченный характер греческой проповеди, давшей направление русскому проповедничеству; и потому трудно предположить особенное уклонение подражательной проповеди от своего образца, оригинала. Конечно, при особенных условиях русской жизни, непохожей на греческую, и проповедь отвлеченная должна измениться на новой для нее почве; но при рабском подражании русского проповедничества греческому, перемена эта не могла быть коренною. Она коснулась частных, отдельных сторон греческой проповеди или разветвлении ее, но не главного направления. Нравственная и аскетическая проповедь,

составлявшая в греческом проповедничестве отдельную часть или ветвь, под влиянием русской жизни и взлелеянного ею идеала, приняла господствующее направление. Чтобы убедиться в том, или иначе, чтобы видеть, какое направление приняла русская проповедь, под влиянием греческого проповедничества и русской жизни, необходимо рассмотреть характер ее. Исследование характера русской проповеди покажет нам и то влияние, какое она имела на жизнь народа.

Впрочем, поскольку в греческой проповеди, при всей ее отвлеченности, заметен и практический элемент, хотя скудный; то и в подражательной русской проповеди надобно ожидать проявление его. А так как нравственная и аскетическая проповедь по самому содержанию своему ближе к жизни, к ее настроениям, нежели изъяснительная и полемико-догматическая, и, кроме того, жизнь русская представляла более нестроений, нежели греческая; то надобно ожидать усиление практического элемента в русской проповеди, сравнительно с греческою. Но разумеется, что как в греческой проповеди практический элемент не составлял отдельной части, а смешивался с догматическими истинами, в виде нравственных приложений; то и в русской проповеди надобно ожидать повторение того же приема. Этого мало. Так как русские проповедники, по большей части самоучки, еще менее знакомы были с правилами изложения мыслей, нежели греческие, или лучше сказать, не знали никаких правил: то в поучениях их еще более разбросанности и беспорядка в мыслях, нежели в греческих. Здесь практические истины перемешаны с нравственным учением совершенно произвольно, как попало, без всякого искусства и научного распределения.

Как бы, Впрочем, ни были разбросаны практические истины в русском проповедничестве, дело историка собрать их, с возможною внимательностью, наравне с нравственными истинами, упорядочить и показать прямое отношение их к жизни, к тем нуждам и запросам времени, которыми вызваны подобные наставления. При том плане, какой начертан в сем «Очерке», распределение истин практических, равно как и

нравственных, не представляет затруднений; это распределение может быть соблюдено с совершенною правильностью и непринужденностью. В самом деле, в предварительных сведениях к русскому проповедничеству первого периода обстоятельно изложены недостатки русской жизни, гражданского и домашнего быта, характера народа и отдельных сословий его. Следовательно, после изложения нравственно-аскетического проповедничества остается изложить практические истины, в сказанном порядке. Нужно будет применять практические наставления к недостаткам и достоинствам гражданского быта, домашнего характера народа и сословий его.

Оправдание недостатков русской жизни и характера народа

Изложив недостатки русской жизни для связи с историей проповедничества, мы должны установить правильный взгляд на этот предмет, в видах исторического беспристрастия. Изложенные недостатки общественной жизни и характера народа представляются современному взгляду слишком важными и унижительными для человечества. Но мы должны судить предков с их точки зрения. Обогащенные опытами истории, мы не имеем права прилагать свои воззрения к отдаленной древности. А в таком случае недостатки предков окажутся естественными, как следствие исторических обстоятельств. Предки, вышедшие из язычества и дикости, не обладали сокровищами цивилизации и благоустроенной общественной и частной жизни. Они должны были взять эти блага кровью и потом, вековыми усилиями к одолению внешних и внутренних неурядиц. Самая нравственность предков, не знавшая в начале никаких ограничений, не могла вдруг переродиться в духе христианства, сделаться из чувственной духовною. Выходя из этой точки зрения, мы обязаны смотреть снисходительно на неопытность и неурядица предков, на их грехи и темные деяния.

Обращая внимания на труды и усилия предков в одолении препон к гражданской жизни, на кровь и пот, пролитые ими за веру и государство, мы обязаны дорожить их памятью и благодарить их за оставленное нам наследство. Они вышли из исторических бед с честью, выдержали огненную переплавку и оказались способными к гражданскому и религиозному развитию, при всех своих недостатках. Еще не было народа совершенного, без недостатков, и мы не можем думать, что на месте предков оказались бы способнее их к испытанию.

Покоряясь историческому закону – видеть достоинство и совершенство неразлучным с недостатками, мы найдем, если не гражданский быт, то по крайней мере нравственность предков лучше других народов. Сравнивая нравственность

предков с нравственностью современных им образованных народов, мы находим приговоры истории не в пользу последних; что же касается необразованных народов, то они, по своей испорченности, не идут в сравнения. Нравственную испорченность высших классов Греции (XII в.) история признает «возмутительною, и бесстыдство в пороке до того наглым, что оно поражает даже в ту эпоху полного нравственного растления»⁸⁰. О нравственности западных христиан (X в.) слышим приговор еще строже. «В Италии того времени учение и заповеди религии лишились значения, нравы – чистоты, порок – стыда. Если бы добродетель и религия не лежали вне круга тех предметов, которые может уничтожить человек, то они совершенно исчезли бы тогда»⁸¹. Приговор о других народах, напр. Франках, до того возмутителен для нравственности, что мы ограничимся относительно его цитатом⁸². Но мы доселе, по требованию предмета, занимались почти исключительно недостатками предков, оборотную сторону медали. Теперь ознакомимся и с добродетелями их, воспитанными христианскою проповедью; оборотим медаль лицевой стороной. И если на темной, оборотной стороне заметны были проблески добра, умственных и нравственных достоинств; то на светлой стороне мы увидим много блестящих свойств, которыми предки наши, при всех недостатках, возвысились над прочими народами. Рассматривая светлые черты ума и нрава предков, усвоившие им названия верующих, православных христиан, мы убедимся, что самые невзгоды благоприятствовали их вере и аскетическому настроению; что эти обстоятельства были делом провидения, все направляющего ко благу, и служили хорошим пособием или средством для нравственно-аскетического настроения проповеди. Этот период, с его грубыми недостатками, с его невежеством и недостатками, и в тоже время с глубокою верою и аскетическою нравственностью, не повторяем в историческом развитии народа, как не повторяемы фазисы в развитии векового дерева. И он-то дает глубоко-знаменательный урок потомству, что скорбный путь, в известные моменты, более благоприятен вере и спасению, нежели широкий путь, – с свободой мысли и знания. И если в новейшее

время просвещение неизбежно: то из этого еще не следует превосходство нашего времени, по крайней мере в вере и нравственности, над стариною.

Проповедничество греко-русское

Характер и развитие проповедничества греко-русского

Приступая к изложению древнего проповедничества, скудного по содержанию, а еще более по внешнему выражению, невольно припоминаем слова одного проповедника (св. Златоуста при вступлении на паству): «большая скудость на трапезе нашей, однако ж не скроем ее. Мало и бедно все, что есть у нас; и однако ж предложим вам».

Характер русского, как и греческого и всякого проповедничества, выражается в содержании его, слово-выражении, форме логической и произношении; и потому должен быть рассматриваем с этих сторон⁸³.

а) Русское проповедничество в его содержании

Русское проповедничество, получившее свое начало от греческого, было отвлеченного характера, или догматического, в обширном смысле этого слова. В частности, применительно к нуждам русской жизни, русское проповедничество приняло другое направление, отличное от греческого. В новообращенной России проповедничество не могло быть самостоятельным, напр. изъяснительным, или полемико-догматическим. Как подражательное, оно избрало для себя легчайший путь, простейшее направление, но вместе такое, которое наиболее соответствовало духовным потребностям страны. Направление – это нравственно-аскетическое. Важные и неотразимые исторические причины дали такое, а не другое направления русской проповеди.

Первою из них было нравственно-аскетическое содержание проповеднических сборников, переведенных на славянский язык, частью в Болгарии, а частью в России. И, – что особенно важно, – преобладание в переводной литературе поучений Иоанна златоуста, Ефрема сирина, Василия великого, Иоанна синайского, Григория богослова и других нравственно-аскетических проповедников. Поучения этих проповедников и особенно первых двух, богатых нравственно-аскетическим учением, перешли, как увидим, почти целиком в русские сборники, составленные в России, и сделались главным основанием всего русского проповедничества. «Большая часть переводных творений принадлежит к аскетической литературе. Высокое достоинство творений древних подвижников, распространение образования преимущественно из монастырей, и общее уважения к иноческой жизни, как высшему проявлению христианского совершенства, были причиною, что более переводились творения иноческие. Но искреннее благочестие могло находить в них достаточно уроков и для общего назидания»⁸⁴.

Второю причиною было нравственно-аскетическое призвание русских проповедников. Все они были

монашествующие, как греки, так и русские, строго благочестивые подвижники, и некоторые из них святые. Краткие биографические сведения русских проповедников удостоверяют нас в этом. Св. Лука Жидята, с 1034 г. еписк. новгородский, оклеветан и пострадал (ум. 1060 г.). Св. Иларион, с 1050 г. митр. киевский; быв священником, подвизался в пещере. Св. Феодосий, игумен киево-печерский (1074 г.). Никифор, митр. Киевский, грек (1104–1120). Св. Кирилл, еписк. Туровский прежде 1171 г., подвизался в столбе. Кирилл I митр. Киевский, грек (1223–1233). Кирилл еписк. Ростовский с 1231 г., по летописи – блаженный (1262). Кирилл II митр. Киевский (1243–1280). Св. Серапион, с 1274 г. еписк. Владимирский (1275). Св. Петр, митр. Московский (1308–1326). Св. Алексий, митр. Московский (1354–1377). Павел высокий, старец нижегородского монастыря (1382). Св. Фотий, митр. Московский, грек, ученик строгого подвижника Акакия (1410–1431). Григорий Цамблак, с 1416 г. митр. Киевский, серб. Св. Иона, митр. Московский (1448–1461). Пустынник преп. Нил Сорский (–1508). Даниил, митр. Московский (1522–1539), подвижник волоколамского монастыря, в котором скончался. Преп. Максим Грек (1518–1556). О большей части подобных проповедников мы умолчали, так как поучения их не дошли до нас, хотя летописи упоминают о них. Эти проповедники-аскеты обыкновенно возвещали те истины и правила, которыми сами руководились в жизни, правила самоотвержения и подвигов, ради Христа.

Третьей причиной было монашеское настроение общества, развитое не только нравственно-аскетическою проповедью и аскетизмом проповедников, но и вообще церковным бытом древней Руси. Этот быт внушал обществу чисто монашеские стремления. «Патерики синайский и свитский, проникнутые самою восторженною поэзией отшельнической жизни, были любимым чтением предков от XI и до XVII века включительно. История о Варлааме и царевиче Иоасафе, вся основанная на идеализации пустынночества, пользовалась такою популярностью в древней Руси, что даже отразилась в народной поэзии. Эти аскетические книги, отрывками внесенные в прологи, имели громадное влияние на древнюю русскую

литературу. В ежедневном чтении пролога они заучивались наизусть и нечувствительно входили в воззрения и убеждения наших предков, отражались в их деятельности учреждением пустынножительства в захолустьях русской земли»⁸⁵. Идеал аскетизма, развиваемый патериками и отеческою литературой, подкреплялся на деле бесчисленными примерами. Вся Россия была наполнена монастырями. С XI до XIV века возникло 90 монастырей и пустынь; в XIV–XV в. 150; в XVI в. 100; в XVII в. 220. Не только русские монахи приносили с востока, и особенно с Афона, правила полного отрешения от мира, но и греческие приходили к нам и распространяли тоже учение. Не говоря уже о странниках, восхвалявших подвижничество, виденное ими на востоке, и множестве греков, собиравших на Руси милостыню, многие подвижники греческие поселились у нас. Таковы напр. Феодосий, поселившийся на мурманском острове; Лазарь, Елеазар, Назарий, Пахомий серб, и другие. Школою самоотвержения была и самая церковь, с ежедневным богослужением. Здесь предки часто слышали учения о будущей жизни, суеде мира, смерти, суде, аде и рае. Особенно в канонах, которые читались и на дому, восхвалялась подвижническая жизнь. В них восхвалялись пустынножители, которые постом, бдением, молитвою и слезами достигли ангельского бесстрастия, собеседования и сожительства. В канонах церковных особенно много аскетических наставлений, в роде следующего: «подобает нам братие презирати плоть, преходить бо, прилежати же о душе, вещи бессмертной».

Четвертою причиною было гражданское неустройство Руси. Отсутствие всяких житейских идеалов давало полную власть над умами монашескому учению. Свежее общество, не развлекаемое наукою, искусствами, коммерцией и промышленностью, не слишком привязанное к языческой вере, крайне неразвитой (не было систем вероучения, жрецов и храмов), всецело предавалось аскетическому идеалу. Самые напасти, неразлучные с гражданским неустройством, как нельзя более благоприятствовали утверждению аскетической проповеди. Повсюду враги, притеснения, потери и скорби: вот лучшее побуждение презирать непостоянство счастья и

стремиться в тот мир, где нет печалей, но вечная радость и неизменный порядок. И действительно, все сословия Руси, даже княжеское, глубоко постигали этот урок времени. Все они «попреизлиха любили чернеческий чин», устроили домашнюю жизнь по монастырскому чину, а князья хоть перед смертью старались принять ангельский образ. Из-за этого, между прочим, белое духовенство оставалось в тени и бедности.

Пятою причиною была умственная неразвитость или малоразвитость проповедников-самоучек и их пасомых и нравственное состояния последних. Могли ли наши проповедники пускаться в какую-либо область богословия, требующую самостоятельного исследования? Уж, конечно, не им было равняться с греческими проповедниками, в чем бы то ни было, а наипаче в исследовании догматов. Между тем нравственное учение, не требующее перемен и новых взглядов, как самое доступное для ума, было наиболее подручно нашим проповедникам; а некоторым и это учение едва было под силу. Да оно же обильно раскрыто в отеческих поучениях, особенно Златоуста и Ефрема сирина. И мы увидим, что главную часть древнего проповедничества составляют переделанные слова св. отцов, особенно Златоуста. И в наставлениях нравственно-аскетических древние проповедники не стеснялись гуманностью и приноровлениями к жизни. Они возлагали на мирян, как увидим, всю тягость аскетизма, и где требовалось, для излечения, отнять палец, там отрубали руку по плечо. Напр. за не достоинство некоторых вдовцов воспрещено богослужение всем вдовым священникам. Равно и пасомые, по простоте смысла, всего легче могли понять нравственное учение. Да они же, по своему нравственному состоянию, всего более нуждались в подобном учении. Мы видели, в каком состоянии была нравственность предков. Физическая сила и чувство брали верх над умом и совестью; мысль была омрачена суеверием, предрассудками и невежеством; отсюда – низкие страсти и грубые пороки, расстраивавшие общественную и частную жизнь. Привыкнув к современному благоустройству, мы не можем представить всех ужасов того времени. Повсюду господствовали насилия и неправда, и грубые наслаждения

ценились тем выше, чем меньше, были ослаблены тогда физические силы людей. Для обуздания этой грубой и порочной силы нужна была крепкая духовная власть, каковою и была нравственно-аскетическая проповедь. Практические убеждения не подействовали бы на людей чувства, не привыкших обсуждать свои дела; они имели силу только при высоком нравственном учении. И мы убедимся, что аскетическое настроение проповеди, как сильное лекарство против застарелой болезни, было устроением Промысла. Промысл, устроивший господство и славу России, противопоставил ее физической силе нравственную силу, грубым нравам народа высокие правила веры и авторитет проповедников-подвижников.

Частные черты нравственно-аскетического проповедничества, и мнения о том писателей

Впрочем, не должно думать, что нравственно-аскетическое проповедничество раскрыто в единстве предметов и последовательности мыслей; напротив, оно представляет смесь всевозможных истин – догматических, нравственных, аскетических, церковно-исторических и практических. Эта смесь богословских истин и отсутствие научной связи в мыслях до того поражает читателя, что он в начале ее знает, на чем остановиться в проповеднической письменности. Но, пересматривая внимательно древнее проповедничество во всем его объеме, он замечает одно господствующее направление мыслей – нравственно-аскетическое, так что прочие мысли и доказательства служат подкреплением и разъяснением его. В этом направлении проповеди видна с одной стороны естественная потребность проповедников высказать свои аскетические убеждения, а с другой стороны – та сила обстоятельств и исторических причин, о которых сказано выше. Таким образом, при всем недостатке научного единства в развитии проповедничества, открывается внутренняя связь его с жизнью, настроением общества, и, так сказать, психическое единство предметов, вечно повторяемых на один лад.

Вникая в направление второстепенных истин и доказательств нравственно-аскетического проповедничества, замечаем тот же внутренний порядок, условленный жизнью и простым здравым смыслом самоучек проповедников. Нравственная проповедь сильно проникается аскетизмом в начале христианства, при неустроенной гражданской и духовной жизни. С течением времени и устройством общества, чисто аскетическое учение постепенно отделяется от мирской проповеди и сосредотачивается в поучениях и посланиях инокам, предсмертных завещаниях и в монастырских уставах. После нравственно-аскетического отдела поучений следует обширный отдел церковно-исторический или похвальные слова святым. Этот отдел составляет одно целое с предыдущим в

разъяснении аскетического идеала или нравственного совершенства; только первый – раскрывает этот идеал с точки теоретической, а второй – с практической, в живых примерах аскетической жизни. Догматические истины или правила веры едва заметны в древнем проповедничестве. Они обыкновенно перемешиваются с нравственными истинами или правилами деятельности, без развития, и как будто случайно. Но при внимательном изучении догматов, проводимых в русском проповедничестве, замечаем повторения одних и тех же истин, имеющих связь с нравственно-аскетической проповедью. В древнем проповедничестве всего чаще проводятся догматы о страшном суде, будущей жизни, вечной муке и вечном блаженстве, т. е. такие истины, которые служили опорой аскетизма и побуждениям к нравственным подвигам. Эти же истины служат основой нравственного учения в греческом проповедничестве, особенно в словах, св. Златоуста и Ефрема сирина. Повторению этих догматов, кроме общественных бедствий, содействовало одно историческое обстоятельство, – верование в близкий конец света, с окончанием седьмой тысячи лет, в 1492 году⁸⁶. Это верование перешло к нам из Греции, и произвело страшное смущения в народе. Все уверены были в близком конце света; не считали нужным исполнять гражданские обязанности, платить подати, заключать браки. Многие шли в монастыри и постригались в монашество; другие с отчаяния предавались пьянству, грабежу, и даже налагали на себя руки⁸⁷. В посланиях пастырей в разные города и области часто раскрывается необходимость таинств, особенно покаяния, причащения и брака; это объясняется уклонением новообращенных христиан от таинств, силы и обязательности которых они не понимали. Основные догматы христианства о Троице и лице Иисуса Христа всего реже упоминаются в проповедях, и то без всякого развития. Обыкновенно проповедники внушают верить в Бога Отца и пр.

Как ни отвлечена нравственно-аскетическая проповедь в своем содержании, все же она удовлетворяла нравственным потребностям общества и стояла в тесной связи с жизнью, с аскетическим настроением века. Но есть еще отдел древних

проповедей, весьма незначительный по объему, который стоит особняком в древней литературе, без отношения к жизни. Этот отдел, обнимающий поучения Кирилла Туровского и Григория Цамблака, да еще слово «о законе и благодати» митр. Илариона, чисто риторический, византийского характера. Византийская литература (529–1453 г) далека от действительной жизни, искусственна в выражении мыслей, изобилует фигурами, символизмом и диалогами. Изъяснительных поучений в древнем проповедничестве очень мало. Составляя компиляцию отеческих бесед, или же одну перефразировку древнего евангелия, они тоже не гармонируют с общим направлением русской проповеди. Не имея особого значения, какое имела изъяснительная беседа в греческом проповедничестве, эти поучения составляют нечто оторванное, не оправдываемое настоятельной нуждой и очевидною пользою. Впрочем, предки наши имели в употреблении все книги Св. Писания, с толкованиями на них из св. отцов.

Практический элемент в древнем проповедничестве, по близкой связи последнего с жизнью, довольно значителен. Но он не составляет богатого отдела, который отвечал бы всем потребностям времени, касался всех недостатков общественной и домашней жизни, характера народа и отдельных сословий его. Трудно даже найти два-три десятка проповедей, которые вполне выдерживали бы характер практический. Проповеди чисто практического характера имеют предметом своим суеверия и пьянство и отчасти корыстолюбие. Коротко сказать: все древнее проповедничество написано в преобладающем нравственно-аскетическом направлении. И хотя при недостатке научной формы и правильного изложения все истины вероучения в нем перемешаны; при всем том можно примечать некоторую естественную группировку в распределении главных однородных предметов, истин, или частные черты проповедничества. Показанные нами частные черты древнего проповедничества послужат гранями или отделами при подобном изложении содержания его.

Писатели, касавшиеся древнего проповедничества, вообще признают его подражательным греческому, отвлеченным и

нравственно-догматическим. А те, которые основали свои суждения на некотором изучении памятников русского проповедничества, признают его нравственно-поучительным, и нравственно-религиозным, и вообще аскетическим. Восточно-византийские учителя имели огромное влияние на развитие и укоренение в древней России нравственно-воспитательного начала. И нужно сказать, что при первобытной грубости нравов русского народа, во времена страшного господства дикого произвола и грубой физической силы, нравственно-христианское учение и воспитание составляло первую историческую задачу. В церковных поучениях главным образом предлагались нравственно-обрядовые наставления, напр. о посте вообще и в частности о Филипповом, Петровом, Успенском и Великом; о покаянии, исповеди и епитимиях; о неделе и благопристойном праздновании праздников; о хождении в церковь и благопристойном поведении в ней. Или же обличались грубые пороки времени под общим заглавием: «слово еже како жити христианом», «слово о спасении души», «слово душеполезно», «слово о ленивых» и т. п. Мысль русская вполне жила верою и не требовала никаких доказательств и истинности догматов. Поэтому умы русские, вполне воспитанные в правилах веры и смиренномудрии, вовсе не любили посвящать мысль другим предметам, кроме веры и нравоучения. Всякое своемыслие, всякое учение разума строго запрещалось»⁸⁸.

«В то время, когда Россия подчинилась влиянию Византии, господство религиозных идей достигло там полного апогея, и монастыри давали направления обществу. Отсюда распространилось влияние византийской образованности на Россию, и потому она вполне может назваться монастырскою. Результатом переводной деятельности у южных славян, в Византии и отчасти в России было значительное количество переводов отцов церкви, религиозно-нравственных сочинений и византийских сборников, которые сообщили русской жизни исключительно религиозное направление. Преобладание аскетических идеалов в литературе содействовало развитию монастырской жизни в России, и монастыри в свою очередь

занимают здесь такое образовательное положение, как и там (в Греции); отчего аскетические идеи приобретают исключительное господство в обществе⁸⁹.

Аскетический идеал, развитый древним проповедничеством

Сущность учения, раскрытого в древнем проповедничестве, такова: «православный христианин прилежит чтению божественных книг, для спасения души. Он ходит в церковь, ежедневно, к утрени, обедне и вечерне. Неграмотному полагается правило: «за кафизму 300 поклонов, за полунощницу 600, за утреню 1500, за часы 1500, за вечерню 600». Он соблюдает праздники, чтит святых, иконы и крест, утром и вечером совершает домашние молитвы и встает ночью на поклоны и славословие. Он соблюдает четыре поста, а также – в среду и пяток; пост держит до вечера, по крайней мере до полудня; ибо какой в этом труд? Он говеет в четыре поста, и по крайней мере раз в год, всегда воздерживается от объедения и пьянства, особенно раннего, а также блуда и всякого невоздержания. Он почитает властей, наипаче отца духовного, часто кается, исповедует ему грехи свои по вся дни, и жертвует на поминование себя в церкви. Живет со всеми в мире и любви, воздерживается от обиды и неправедного стяжания, подает милостыни монастырям, церквам, отцу духовному и нищим, посещает больных и заключенных, милует рабов своих. Он воздерживается от лжи, осуждения и гнева, любит молчание, переносит обиды, терпит скорби и терпеливо несет крест свой. Наипаче же христианин, в чувстве своей виновности, неисправимости и ответственности, часто кается пред Богом, плачет о грехах своих, помнит смерть, суд, вечные муки, царство небесное, и яко осужденный смиряется пред всеми. Он не стыдится честнейшим себе главу преклонить, стоять пред старшими (в честь Богу), и, имея взор потупленный, мыслью возносится на небо. А паче всего благоговейный христианин, не взирая на свои труды, покаяние и смирение, имеет страх Божий; ибо страх есть основание всех добродетелей и ограждения от всех бед. «О братия! говорит один проповедник, первее имейте страх Божий, тем бо можете оградиться от всякого зла». «Бойтесь, братия, грозы, говорит другой проповедник, и страха

суда Божие! Внезапу страшный той день найдет; аще не уготовимся добродетельми, то нагие и странные в негасимый огонь осудимся. О братия! живите в страхе Божиим, время бо жития сего мало есть, яко дым исчезает, и много нам беды за грехи прилучается и скорбь не малая»⁹⁰. Одним словом: общая идея проповедничества – покаяние и приготовление к царству небесному; частная – обличение нестроений земных, препятствующих спасению.

Эти аскетические правила усилены в некоторых проповедях до того, что невольно смущают дух. Напр. «если ты имеешь все добродетели, но не имеешь смирения, или любви, или веры, или воздержания в слове, похоти и прочее, или предан тщеславию, гневу и подобным страстям; то напрасны твои дела, суетно благочестие». «Если ты постишься и говеешь, но не престаешь от зла, не воздерживаешь чувств, не примиришься с врагами, не благотворишь нищим; то напрасен твой пост и говение». «Если ты утаишь пред отцом духовным хотя один грех, считая его не важным; то этот грех будет тяжелее всех, и ты примешь осуждение». Приводятся и причины таких объяснений. Напр.: «в сердце гордого почиет диавол, и слово Божие к нему не пристаёт». «На постящегося немилостивого вопиют обиженные и подвизают Бога на гнев». «Птица, запутавшись в силке и одним ногтем, погибает». Есть и такие толкования заповедей, что молитва и другие добродетели, совершаемые недостойно, подвергают большему осуждению. Одним словом: печальна жизнь, начертанная древним проповедничеством, тем более что и в гражданском отношении она не представляла ничего отрадного. А тут еще постоянные подвиги, самоотвержения, покаяния, вечный страх и опасения за свою душу. Необыкновенна такая жизнь, и без особенного призвания Божия не выполняема. Но предки наши бодро и не колеблясь, с верою и упованием на Бога, подклонились под его иго. И вера их не посрамилась. Бог укрепил их в подвигах благочестия, совершил силу свою в немощи, в назидание потомству.

б) *Русское проповедничество в его внешнем выражении, в слове*

Русское проповедничество, строгое по характеру и небогатое содержанием, просто и бедно по выражению своему в слове. Это легко доказать свойствами славянского языка, послужившего оболочкой древней проповеди, проследив его развитие. Славянский язык один из самых древних языков в свете. Древность его, наравне с санскритским и греческим языками, доказывается двойственными числами. Не смотря на то, славянский язык не обогатился понятиями, по причине простой жизни и неразвитости славян. Он не имеет особенно цветистых слов и выражений, ибо сложился в северной природе, которая давит заботами и почти не дает места поэзии. Он беден формами, прозаичен и необделан, ибо долгое время не имел литературы и грамматики. «Выражая первые мысли и потребности необразованных людей, рожденных в суровом климате, он казался диким в сравнении с языком греческим, смягченным гражданскою жизнью, удовольствиями роскоши и приятными искусстваами⁹¹. Греки находили его весьма грубым (Прокопий называет его «варварским»). С X века славянский язык обогатился словами и оборотами, выражающими духовный мир, область веры и науки. Обогащение это совершилось при помощи болгарской, сербской и греческой литературы. Болгарский язык схож во многом с церковно-славянским; с сербского языка взяты местоимения: «егов, тогов» и подоб. С греческого – целые тысячи слов и понятий; таковы слова, означающие обрядность и богослужения (епитимия, панихида, кафизма); науки и искусства (философия, арифметика, стратагема); имена святых (святцы) и житейские предметы (грамота, анафема, трапеза, монарх, фонарь). С греческими словами перешли в славянский язык многие еврейские (аллилуия, осанна), сирские (авва), латинские (кустодия), обоюдные в греческом и латинском языке (спира, спекулятор). Латинские слова в излишестве стали вторгаться в славянскую речь с XVII века (имитация, мемория, предика). Вместе со словами вошли в славянскую речь, с иностранных языков, и грамматические обороты. С греческого: «хотением хотеть, страхом убояться, вложить в уста слово хваления». Отсюда и подражательные многосложные речения: «воздух аэрный,

лукавственное коварство, кликать клич, упиваться пьянственным питием, чинить всякие способы и производить в действо, пламень жупельный горячего огня», и т. под. С еврейского: «небеса небес», и проч.

Обогащение славянского языка разноречными словами и оборотами сообщило ему пестроту и неясность, а в XV–XVII веке, от избытка риторизма и латыни, напыщенность. Темнота церковно-славянского языка с каждым веком усиливалась, с одной стороны вследствие разобщенности его с живым языком, который постоянно обновлялся в формах, а с другой стороны вследствие обычая проповедников писать книжным, необделанным, церковным языком. Вместе с усилением темноты церковно-славянского языка возникли на нее протесты и приняты меры к уяснению речи. Так митр. Кирилл в 1274 г. назвал переводы отеческих писаний помраченным облаком еллинского языка. В XVI в. ученики инока Зиновия говорили тоже самое, что книги писаны закрыто, темно. Стоглавый собор также заметил, что они темны по языку. С XIII века появляются и словари для уяснения темной церковной речи. Так в новгородской кормчей 1282 г. помещен краткий словарь, объясняющий иностранные слова, особенно еврейские. В списке сочинений Иоанна синайского 1431 г. есть словарь, объясняющий славяно-русские слова. В XVI–XVII в. составлены пространные словари Зизанием и Берындю. Не смотря на эти пособия, церковно-славянский язык совсем разошелся с живым языком, так что в XVII веке он казался для простых слушателей иностранным. Поэтому, напр. священник орловский излагал беседы Златоуста простейшим разговорным языком, потому что славянский перевод этих бесед был непонятен его слушателям. Подобные взгляды на недостатки церковно-славянского языка высказаны и другими писателями. «До Петра, говорит Устрялов, русское слово развивалось медленно, сколько от недостатка идей, столько и еще более от заботливости наших грамотеев не уклоняться от того образа изложения, которому следовали отцы и деды; они считали красотою слога строгое соблюдение старинных форм, введенных за несколько веков первыми памятниками нашей словесности. Народ давно оставил эти

обветшалые формы и создал свой язык живой, выразительный; люди грамотные не хотели знать его, усердно держались старины и составили свой язык, разделявшийся на книжный и приказный. Первый употреблялся везде, где хотели блеснуть красноречием, преимущественно в духовных сочинениях. И тот и другой отличался затейливостью форм, нередко неправильностью оборота, темнотою выражения»⁹².

Итак, недостатки церковно-славянского языка, доказанные его историей, следующие: простота и бедность, условленные жизнью народа и отсутствием литературы до X века; пестрота и напыщенность, развитые влиянием иноземной литературы; темнота и неправильность, зависевшие от разобщенности языка с жизнью, от разноязычных идиотизмов, и вообще от недостатка научной постановки дела. Впрочем, и разговорный славянский язык, при застое общественной жизни, не много развился в 700 лет. И потому отзывы о нем европейцев столь же неблагоприятны, как и отзывы древних греков. «Язык (русского народа), говорит Крижанич, беден, беднее всех главных европейских языков; поэтому неудивительно, что и разум у народа косны и тупы. Чего (мы) не можем сказать словом, того не можем замыслить и думою»⁹³.

Очевидно, что при таких недостатках языка, древняя проповедь не могла быть изящною и богатою в слове. Она не могла позаимствоваться от церковно-славянского языка внешним блеском, грамматическою правильностью, искусными риторическими оборотами и чертами действительной жизни. Правда, русские проповедники, заимствуя мысли у греческих отцов, иногда как будто одушевлялись в слове, говорят фигурами. Но эти фигуры, взятые с чужого языка, не производят впечатления на душу, так как они взяты из жизни не сродной нам, и лишены непосредственного одушевления. Особенною вялостью поражает фигура разделения, столь обычная в греческом проповедничестве, разбирающая слушателей по сословиям; ибо сословия в древности не определились сполна. «Приидите старцы и юноши, богатые и убогие, рабы и свободные, воины и земледельцы, знатные и безвестные», и т. д. Восклицания и вопрошения не совсем приличествовали

прозаическому народу, чуждому эстетических наслаждений и ощущений. Иногда же вопрошения и восклицания русских проповедников означали их смущения и неумение справиться с предметом. «Сознавая свое бессилие, говорит один писатель, древне-русское проповедничество более и более умолкало. Оно отличалось высокими задачами и скудными средствами. Стремясь к небу, проповедники не знали, что говорить, и их выражения: что реву, что возглаголю? – были не только фигурой, но и действительным затруднением»⁹⁴. Тем более древняя проповедь не могла искупить слабого содержания блестящим слогом, как это водится в греческом проповедничестве. Напротив, самая энергическая мысль в древнем проповедничестве нередко слабеет под тяжестью слога. Вот подобная мысль из патриаршей грамоты: «зверским весьма образом и стремлением уловляше овцы во снесь своего зверообразного глоснения, сиречь безмерного мздоимания»⁹⁵. Тяжелый и запутанный слог усилился в русском проповедничестве преимущественно с XV века, под влиянием византийской, напыщенной литературы, и много повредил проповеди, без того уже падавшей. Неопределенность выражений, странное сочетания слов, многословие и растянутость составляли обычную принадлежность проповеди, как и вообще духовной литературы. Напр.: «блудное воровство», «благотщательное мудрохрабство», «песнию петь вопиюще и глоголюще». К этому присоединялись обветшалые формы, напоминающие первобытный состав языка, так называемые двойственные числа: «наю хощева», «ваю просита», и грубость оборотов: «отрыгнуть слово», «наблевать прелестью», «блядословить» и подоб. Такая тяжесть и неблагозвучие слога подавляли содержание проповеди. Если при всем том церковно-славянский язык остался принадлежностью древней проповеди, то именно из уважения к его древности. Инок Зиновий прямо утверждал, что проповедь должна быть возвещаема на славянском священном языке. Так некогда католики учили, что слово Божие должно быть возвещаемо только на трех древних языках. Но что славянский язык неспособен к выражению идей науки и жизни,

доказательством тому служит светская литература, отвергшая его со времени реформы.

Справедливость требует сказать, что при всех недостатках славянского языка, в нем есть и величественные обороты, богатые идиотизмы, непереводаемые на русский язык. И как вообще формы славянского языка, привычного из детства, кажутся нам естественными, так и тем более величественные обороты его, освященные Церковью, составляют прелесть слова и украшение проповеди. Заменить эти обороты современным словом значило бы испортить дело и унижить проповедь. Таковы напр. величественные слова, приводящие знатоков в удивление: «буди тебе по глаголу твоему!» или: «рече Бог: да будет свет! и бысть!» Переведенные на современный язык, эти изречения лишаются своей торжественности и становятся обыденными, будничного характера. Напр.: «пусть будет по-вашему!» Или: «сказал Бог: «да явится свет, или: чтобы произошел свет; и явился свет, или: «и это исполнилось». Но подобные речения не выражают всемогущества творческого слова. Впрочем, все эти тонкости могут ценить специалисты славянского слова; для простых слушателей они не существуют.

в) Русское проповедничество в его логической форме

Скудное содержанием, а еще более выражением в слове, древнее проповедничество лишено всяких достоинств в отношении формы и логического изложения мыслей. Русские проповедники не были знакомы с формальными науками, риторикой, логикой и гомилетикой, а равно с системой в области богословия, и потому не умели излагать свои мысли в порядке. Они и сами сознавались простосердечно в незнании наук и даже в пренебрежении к ним. Напр.: «братия, не высокоумствуйте, но в смирении пребывайте, посему же и прочее разумевайте. Аще кто ти речет: веси ли всю философию? и ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни риторских астрономов не читаш, ши с мудрыми философы не бываш. Учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно, моя грешная душа очистити от грех»⁹⁶. Или: «философию ниже очима видех, и не учихся у философов»⁹⁷. Главным

руководством для наших проповедников служили греческие поучения и особенно аскетические; но мы видели уже, что и греческие поучения, особенно аскетические, чужды логического порядка и единства в мыслях. Пособием для проповедников служили еще священные и богослужебные книги, из коих они нередко заимствовали мысли и целые отрывки; но эти книги, чуждые школьного искусства, тоже приучали наших проповедников к непринужденности мысли. При недостатке учебных пособий к правильному изложению мыслей, тем более нельзя искать в древних поучениях какой-нибудь системы или распорядка предметов, хотя бы в роде катехизических проповедей. Предметы поучений, как показывают проповеднические сборники, определялись дневными евангелиями; но это расположения поучений не ведет ни к какой системе. А поскольку и практика у наших проповедников была довольно незначительная: то они не могли приобрести и той сноровки в слове, которая дается опытом, и которую мы замечали у многих греческих проповедников. Одним словом: непринужденность мысли у русских проповедников и безыскусственность изложения полные. Они говорят зараз о многих предметах, без должной последовательности в мыслях и доказательности. Мысли выражают неправильно, в длинных периодах и растянутых предложениях, нередко оканчивают речь славословием Троицы, а начинают словами: «евлогисон патер». Для выражения этой безыскусственности и непоследовательности в мыслях недостаточно и того замечания, какое сделано уже о форме и изложении греческого проповедничества. «Мысли у проповедников толпятся и сталкиваются, опережая друг друга; отсюда эти отклонения от предмета, перерывы речи, скачки, возвращения к началу и частое повторение сказанного. Речь тянется в бесконечность, держится внешним сцеплением доказательств, и почти всегда может быть прервана и переставлена, где и как угодно, без ущерба предложению». В греческих поучениях, особенно аскетических, напр. Симеона нового богослова, Ефрема сирина и других, эта игривость мысли и непоследовательность изложения вознаграждается одушевлением проповедника.

Видно, что он взволнован любимым предметом, останавливается вниманием на каждой черте его, и не может наговориться о деле важном, хорошо известном ему. В русских поучениях не видно одушевления. Проповедник обыкновенно высказывает чужое, прочитанное у св. отцов, и холодно подбирает мысли, соединяя их частицами: а, и, паки, или ссылками на святых, у коих заимствует доказательства. «Одни писатели, говорит пр. Макарий, были люди только что грамотные, с самыми ограниченными понятиями и сведениями, и без всякого навыка излагать свои мысли правильно и в порядке. В других если заметны значительная начитанность и довольно разнообразные познания, то большею частью поверхностные, сбивчивые, плохо усвоенные и не проникнутые самостоятельностью, какие бывают у людей, не приготовленных научным образованием к усвоению прочитанного. Как мало отчетливы и бессвязны были познания у них в голове, также неясно и непоследовательно выражались на бумаге»⁹⁸.

Поэтому поучения русские большею частью озаглавливаются общо и безразлично: «слово, учение, наказание, поучение, послание, грамота, правило», и т. под.; при чем редко указывается предмет поучения, содержание его, напр.: «поучение о нерадивых христианах зело ужасное». Большею частью, как и самая материя слова требует, оно озаглавляется общими понятиями, напр. «поучение избранно от всех книг»; «поучение всем православным христианам о пользе душевной, и зело полезно». Или же в заглавии исчислялись разные предметы слова, напр. «послание (слово) митр. Даниила о смирении и о соединении, и о согласии, и о любви, и о соблюдении православной веры и закона, учение и наказание всем купно».

При недостатке связи и последовательности в мыслях, как показывают самые заглавия слов, слова эти большею частью отличаются длиннотою, общностью нравственных наставлений, выписками из Св. Писания и писаний отеческих, обременяют память, не дают определенных понятий о предмете и должного назидания. Все эти недостатки изложения наиболее заметны в поучениях митр. Даниила, величайшего начетчика древности, и

инока Зиновия. Так, в поименованном послании митр. Даниила, наполненном выписками из Св. Писания и писаний отцов, очень длинном по объему, связь мыслей скрепляется такими словами: «сего ради речено есть», «и паки глаголет Господь», «апостол наказует, глаголя», «понеже писано есть», «якоже рече св. Ефрем», «якоже глаголет св. Григорий», – «Василий Великий» и т. д.⁹⁹. В похвальном слове преп. Савватия инока Зиновия, к сказанным недостаткам древнего проповедничества присоединена византийская напыщенность. Первые шесть листов слова, изложенного на сорока двух страницах, наполнены восклицаниями в таком роде: «что моего Савватия рачителя доброты первее похвалю, или исповем? откуда начну и где остановлюся?»¹⁰⁰. Обилие фигур и тяжелый слог подавляют содержание слова; периоды в 20–30 и 44 строки! Слово того же инока на перенесение мощей св. Зосимы и Савватия написано в виде акафиста, с повторением: «радуйтесь!»¹⁰¹. Эта форма слова, выражающая благочестивые чувства, нередко повторяется в древних поучениях, особенно в похвальных словах. Вообще, русские поучения своею длинною превосходят греческие. Слово патриарха Никона по случаю чумы занимает 52 страницы.

Впрочем, в некоторых поучениях и посланиях заметна естественная логика здравого смысла и порядок мыслей, определяемый самими предметами слова. Так, в похвальном слове св. Зосиме, того же инока, можно примечать три отдела: описание весны, изображение пасхи и похвалы святому. Заслуга, по тому времени, не маловажная! Некоторый порядок в мыслях замечен в поучениях митр. Цамблака, Фотия, и особенно – Максима Грека, которые образовались за границей, вне России.

После церковного слова в древности самую употребительною формою поучения было послание окружное и к частным лицам. Такого рода поучения или послания вызывались обстоятельствами древней жизни. При малонаселенности тогдашней России, дальности пространств, неудобстве сообщения и трудности содержать на пути архиерейскую свиту (на последнюю причину указывают жалобы

богатого Новгорода и Пскова), пастырям трудно было посещать свои епархии исправно. К этому надобно присоединить гражданские неурядицы и политические препятствия, зависевшие от разделения митрополии, а также старость и болезнь архипастырей, как это видно из посланий митр. Фотия, Киприана и других¹⁰². И вот те причины, которые заставляли пастырей заменять церковное слово окружным посланием. Окружное послание обыкновенно рассыпалось по городам, читалось при богослужении в слух народа, потом списывалось в нескольких экземплярах и разносилось по приходским церквам, а подлинник возвращался архипастырю. Что же касается посланий к частным лицам, то они вынуждались особыми причинами. При глубоком благоговении предков к пастырям Церкви, они обращались к ним с вопросами в духовных нуждах, нередко письменно, и просили разрешения в своих недоумениях. Так, митр. Даниил в посланиях к некоторым лицам дает вразумления относительно плотской страсти, нечистоты и проч. Патр. Никон жаловался государю, что в келье его пересмотрены письма, а в них много тайн государевых, которых никому из мирских людей не следует знать; также много писем от других людей, которые требовали у него разрешения в грехах. «Ты захотел видеть грехи и тайны того, кто был пастырем всего мира»¹⁰³.

Мы не будем касаться посланий к частным лицам, имеющих характер письма и изображающих домашние обстоятельства, а также посланий в форме трактатов, обличающих латинство. Но не опустим из виду посланий к частным лицам, написанных в виде проповеди, и имеющих характер общественного назидания.

Но чаще всего древняя проповедь употреблялась в виде экспромта, или простой беседы, дома, на исповеди, и особенно в миссионерском служении. Не владея научными достоинствами, она уклонялась под кров домашний, чуждый всякой торжественности. Здесь, наедине, в знакомой обстановке, простые проповедники чувствовали себя легко и давали полную свободу слову. Здесь они не видели над собою контроля и незаметно одушевлялись темами, которые

предлагала им сама жизнь. Касаясь жизненных предметов, непринужденным словом, проповедники нередко достигали занимательности и убедительности в слове и производили благое впечатление на слушателей. Такое впечатление особенно часто производили подвижники, к которым миряне обращались за советом и поддержкой в трудных обстоятельствах. И мы увидим, сколь важное влияние имели слова подвижников на жизнь частную и общественную. Поскольку же древняя проповедь являлась одинаково простою в церковном слове, послании, беседе и экспромте, и таким образом влияла на общественную и частную жизнь; то она должна быть исследована во всех своих видах или формах.

г) Русское проповедничество в его произношении

История не сохранила свидетельств о таланте и искусстве русских проповедников в деле произношения; и это служит доказательством, что подобных талантов у нас не было. Еще относительно формы слова лучшие проповедники могли заимствоваться правилами из грамматики и диалектики Дамаскина, которые помещались в сборниках и рукописях; хотя заметим мимоходом, что самые главы о родах и видах, количестве и качестве, сходстве и различии и проч. изложены без всякой связи и последовательности, и при этом попадаются замечания в роде следующего: «истина не требует пестрых умышлений». Но откуда бы предки могли позаимствоваться гомилетикой и правилами произношения, когда подобных правил не существовало в самой Греции? Относительно запада, где подобные правила господствовали с XI века, предки, остерегаемые греками, были на стороже. И до XV века, сколько известно, в духовной литературе было в употреблении почти одно латинское слово; «кустодия». Принимая во внимания нравственно-аскетическое направление русской проповеди и строгую важность проповедников-аскетов, мы совершенно убеждаемся в несуществовании талантов и искусства произношения. Аскеты, по свойственному им настроению, отвергли бы подобное украшение речи, так как «истина не требует пестрых умышлений». Аскетизм требует скромного голоса, взора и вида, и тихой речи.

Что же касается худого произношения в древности, то оно подтверждается разными доказательствами. Для архиереев, как мы видели, составлен был сборник поучений на праздничные дни. При такой малограмотности и не искусстве в проповеди, им прежде всего следовало позаботиться о безошибочном чтении на кафедре. И мы знаем, что это чтение не всегда было удовлетворительно. «Патр. Иоаким, говорит арх. Иосиф, не без преувеличения, мало и грамоте умеет. На соборе только и говорит нижегородский митрополит, да я; а патриарх ничего не знает... А поучение станет читать, только гноит, и слушать нечего»¹⁰⁴. Для самых опытных проповедников, знакомых с диалектикой, в роде инок Зиновия, древние поучения трудны были к произношению, по причине общности содержания их и тяжёлого изложения. Впрочем, в русских поучениях, как и в греческих, попадаются, хотя редко, одушевленные страницы, полные жизни и чувства, дающие повод заключать об искусстве проповедников и даре произношения. Поучения Кирилла туровского, оживленные поэтическими картинками и драматическими речами, свидетельствуют о больших дарованиях и опытности проповедника; но чуждые истинного одушевления, они могли быть продекламированы, как и всякое холодное, риторическое произведение. Вот самое драматическое место в поучениях св. Кирилла: «хощеши ли цел быти? – Ей, Господи, но не имам человека... Что глоголеши: человека не имам? Аз тебе ради человек бых... Тебе ради бесплотен сый обложился плотью... И говоришь ты: человека не имам... Аз бых человек, да сотворю человека Богом... Тебе я сотворил на работу всю тварь; для тебя солнце служит; да тебя облака напояют землю; для тебя текут реки, и пустыня питает зверей, и ты говоришь: человека не имам!» и т. д.

В поучениях митр. Даниила особенно часто попадаются страницы, полные житейской правды и наблюдательности, и потому требующие живого голоса и произношения. Изобличая недостатки современников, с едкостью сатирика, он восклицает: «откуда губительные расходы и долги? не от гордости ли и безумных протор? А на жену и детей кабалы, поруки, сиротство, рыдания и слезы! Всегда наслаждения и угощения, пиры и

позорища, бани и лежание, всегда нечистые помыслы, праздность и безумное шатание!» Или: «сбегаются повара, расставляют жаровню, остряют ножи, готовят кушанья, и все это для насыщения чрева, для поддержки внешней жизни. Сколько труда и забот! сколько золота и серебра! сколько пота, работы и болезней! Если так заботимся о вещественных брашнах, то тем более должны заботиться о духовных». Кто говорит хорошо, с тонким пониманием предмета и сочувствием ему; тот выражает свои чувства в голосе, взоре и движениях. История сохранила нам черты митр. Даниила, свидетельствующие о его даре слова. Она изображает его представительным по виду, с живым характером, и общительным в слове.

Хотя поучения патр. Никона не дошли до нас, за немногими исключениями; но история сохранила свидетельство о его увлекательном слове и даре произношения. По словам Шушерина, «бе свящ. митрополит украшен беседою, и глас его благоприятен, яко в та времена равного ему архиерея не обреталось. Начать литургию совершати и народ учением сладостно учить, и на таковое его сладкое учение от дальних приходов к литургии приходяще, поучение его все желанием послушающе». По праздникам он всегда сказывал поучения, которые стекались слушать из дальних мест, и часто слушали со слезами¹⁰⁵. Судя по внешним чертам патр. Никона, силе характера его и энергии мыслей или отрывков, дошедших до нас, надобно думать, что произношение его отличалось громогласием и смелостью. Следующий отрывок довольно ясно подтверждает нашу мысль. «Ленив я был учить вас; не стало меня на это! От лени я окоростовел и вы окоростовели от меня. От сего времени я вам не патриарх; и если помыслю быть патриархом, то буду анафема!»

Вообще, по самому характеру русского проповедничества, в его содержании и внешнем выражении, видно, что русские проповедники находились в роли учеников по отношению к греческим, и притом несильно переимчивых. Из богатой и разнообразной греческой проповеднической литературы они усвоили, применительно к своей жизни, простейшую, нравственную область; и в продолжение почти 700 лет не

подвинули ее вперед ни в содержании, ни во внешнем выражении. Русские проповедники довольствовались переводами, переделыванием и повторением греческих аскетических поучений. Следуя рабски содержанию греческой проповеди, они ничего не усвоили из внешнего выражения ее, ни фигуральной речи (кроме надутого византийского слога), ни простой формы слова, в виде хрии и размышления, ни одушевленного произношения. Одним словом, оказавшись надежными к усвоению нравственной проповеди, они ничего не переняли относительно выражения ее. При дальнейшем исследовании русского проповедничества, в его историческом развитии, мы еще более убедимся в несостоятельности русских проповедников, их робкой подражательности грекам. Мы увидим, что церковная, нравственно-аскетическая проповедь держалась помощью митрополитов греков; с прекращением же зависимости русской митрополии от Константинополя, церковная, официальная проповедь в России упала. И в продолжение 700 лет у нас не было ни одного сильного таланта, который обновил бы русскую проповедь, дал ей более жизненное направление, или по крайней мере оказался плодовитым в отвлеченном направлении проповеди. Только Кирилл туровский написал 10 поучений, с проблесками дарования, мало приложимого к жизни; прочие проповедники писали мало, и то списывали и повторяли чужое.

Историческое развитие русского проповедничества

Проповедничество первого периода, нравственно-аскетическое в содержании своем и безыскусственное во внешнем выражении, существовало от 800 до 700 лет. Во все это время проповедничество не улучшалось ни в содержании, ни в выражении своем, а испытывало чисто внешние перемены. В некоторые столетия оно расширялось в своем объеме, количестве устных и письменных произведений, в иные сокращалось, под влиянием исторических причин. Поэтому, развитие проповедничества первого периода, выражаясь точно, следует назвать судьбою историческою. В смысле такого развития проповедничество русское распадается на два отдела, различные по характеру своему. Первый отдел обнимает пространство времени с 867 года и особенно с XI века, до 1448 года; второй отдел с 1448 до 1664 года. В первый промежуток времени преобладает проповедь церковная над так называемыми посланиями и миссионерской беседой. Во второй промежуток времени господствует, так сказать, проповедь домашнего характера, в виде посланий окружных и к частным лицам и – миссионерской беседы; недостаток устной церковной проповеди восполняется проповедническими сборниками и устными чтениями. Такое развитие проповедничества первого периода или судьба его определена историческими причинами, о которых следует речь.

С 867 года и особенно с XI века церковную проповедь поддерживали в России греческие и болгарские епископы и митрополиты, присылаемые из Греции. Как пастыри образованные, многие из них проповедовали устно и письменно, при богослужении и посещении епархий, а также в домашних обстоятельствах, по случаю вражды князей и городов. И хотя от этих пастырей до нас дошло немного поучений, но мы увидим, что летописи восхваляют их за проповедническую деятельность и дар слова. Особенно полезны были своею проповедническою деятельностью митрополиты: св. Михаил, Кирилл I, Максим, Феогност и

Киприан, при частом посещении ими неустроенной России. Некоторые из митрополитов поддерживали церковную проповедь не одним примером своим, но и административными распоряжениями о проповеди. Особенно важны в этом отношении распоряжения митр. Киприана. Он не только внушал священникам поучать пасомых, но и требовал налагать на них епитимии. А для большего успеха проповеди самых священников учил благонравию. «Священство, которое вы приняли от Св. Духа, соблюдайте чисто и непорочно, и как люди Божии ходите по мятежному сему миру. Кто хочет учить, прежде внимай себе. Всяк говорящий и учащий, но не творящий, как звенящая медь. Блажен, кто учит и творит. Кому надобно ставиться во священство и диаконство, тому следует быть чистым, как от чрева матерного». Вдовым священникам он советовал поступать в монастырь. Кроме того, пастыри-греки поддерживали духовную связь России с Грецией, обогащали ее греческою литературою, и тем укрепляли церковное слово. В это время, особенно с начала периода и до XV в., нравственно-аскетическая проповедь достигает высшего развития; от простых мирян проповедники нередко требуют чисто монашеской нравственности и великих подвигов. Противоположные стремления жизни языческой, чувственной, и духовной, аскетической, на подобие двух поездов, столкнулись с неодолимою силою. Следствия этого столкновения обнаружились постепенным торжеством духовной силы над материальною. Практическая проповедь, под влиянием аскетизма, развивалась небогато и довольно слабо. Она выражалась или проявлялась, по большей части, отрывочными мыслями в нравственно – аскетических поучениях и преследовала по преимуществу главные недостатки общества: суеверия, пьянство, корыстолюбие и раздоры. И в этом виде практическая проповедь поддерживалась главным образом русскими проповедниками, знавшими родную жизнь и желавшими ей добра; замечательнейшие из них: Феодосий печерский и Серапион епископ Владимирский. Чисто практических слов, выдерживающих свой характер от начала до конца, написано не много; лучшее из них слово св. Кирилла

философа «о высокоумном хмеле и худоумных пьяницах». Слово это имело в древности громадный успех, и было списано бесчисленное множество раз.

С 1448 года проповедь осталась на попечении митрополитов, природных русских, не получивших школьного образования. Следствием этого было ослабление и наконец упадок русской проповеди. Действительно, до 1664 года только три лица заявили способность к проповеднической деятельности: митр. Даниил, патриарх Никон и отчасти митр. Макарий; и этим успехом они обязаны были сколько природным дарованиям, столько же и обширному знакомству с отеческими писаниями. Прочие пастыри не оказались достаточно сильными к поддержанию церковной проповеди и не могли в этом отношении заменить собою митрополитов греков. Упадок проповеди начался с первого же русского митрополита св. Ионы. Известно, что митр. Иона, равно как и другие московские митрополиты – Феодосий, Макарий, действовали на пасомых посланиями окружными и к частным лицам. Им подражали, в этом роде, многие архиереи, особенно новгородские. Правда, и митрополиты русские подобно грекам, делали административные распоряжения о поддержании церковной проповеди. Некоторые из них побуждали священников к проповеди соборными определениями, посланиями и грамотами. Наиболее замечательна в этом отношении «наказная грамота» или послания митр. Макария; грамота эта составляет извлечения из постановлений стоглавого собора. В ней митрополит внушает священникам, обычным аскетическим тоном, учить народ христианской жизни. Священники и диаконы, говорит митрополит, «також (должны) и детей своих духовных, православных христиан, учить закону и страху, и исправляти по священным правилам, чтоб жили в чистоте, и в покаянии, и в прочих добродетелях, в посте и молитве, и в братолюбии, мирно, и любовь между собою имущи, и приходящие святые посты честно имели, со всяким воздержанием, и по вся дни ко святым Божиим церквам и ко всякому соборному пению приходили, и стояли бы на молитве со благоговением и со страхом Божиим.»

Все подобные грамоты и послания, которые мы рассмотрим в своем месте, не могли иметь такого действия, какое оказывали грамоты митрополитов греков; и это по той причине, что они не подкреплялись примером, или проповеднической деятельностью самих митрополитов. Последовавшее в XV веке разделение русской митрополии не благоприятствовало пастырям исправно посещать свои епархии и назидать пасомых проповедью. К тому же и священники, которым поручалось духовное врачевство, сами нуждались в исцелении. Так, в «наказной грамоте» одно правило изобличает все не достоинство тогдашнего священства. «Протопопом, говорит митр. Макарий, таковых (священников) соборне наказывати, чтобы не упивались в пьянство, и к церквам Божиим ходили, и на божественном правиле стояли со всяцем духовным вниманием, а не бились и не сквернословили, и в церковь бы и во святой алтарь не входили, и до кровопролития не бились». И вообще с XIV–XV века, со времени появления ересей и до реформы, как видно из слов свят. Димитрия, жалобы на священников и их неспособность к проповеди усиливаются.

При такой ненадежности русского духовенства к живой проповеди, с XV века усиливается в России письменная проповедь в так называемых сборниках. Одни из этих сборников заключали в себе проповеди св. отцов. Действительно, как видно из предыдущих показаний, самая большая часть переводов аскетических проповедей падает на XV век. Другие сборники, составленные в России, заключали в себе проповеди русских пастырей, в смеси с проповедями св. отцов. И эти сборники умножаются с XIV до XVII века. В XIV–XV веке, как мы видели, переведен на русский язык сборник поучений на воскресные и праздничные дни, в руководство нашим архиереям.

В это время упадка русской проповеди нельзя было ожидать перерождения ее духа, смелых взглядов, развития новых начал и нового направления. Действительно, в пастырских посланиях и поучениях того времени господствует обычный нравственно-аскетический тон, внушаются те же добродетели и подвиги, какие внушались и прежде. И в

практических мыслях и увещаниях не произошло особенной перемены; обличаются известные пороки: суеверия, кулачные бои и поединки, пьянство, разврат и корыстолюбие. Наравне с важными недостатками, по-прежнему, обличаются и мелкие: игры, песни, музыка, пляска, скоморошество, переряживание, скакания на досках, качели. К этому присоединилось слабое обличение «люторских и кальвинских злоглагольств» и наравне с ними «пития, табаку и брадобрития», как еретических обычаев. Возвышение великокняжеской и царской власти, начатое прежними поучениями, утверждено, в лице московского князя, посланиями митр. Ионы. Вообще, ослабевающая проповедь держалась издавна заведенного направления, прилаженного к церковной и монашеской жизни предков, чуждой перемен. Только вследствие самого ослабления своего она крепче прежнего держалась отеческих писаний, и наконец уступила им место, была заменена уставными чтениями. «По 19 правилу шестого собора, писал митр. Даниил в послании к одному епископу, церковным настоятелем надлежит во всякий день, особенно недельный, поучать народ и при чтении благочестивыми беседами, и не иначе, как поучали церковные светила и учителя. На все, что ты проповедуешь, имей свидетельство от святых писаний, или отеческого обычая»¹⁰⁶. Впрочем, в патриаршество старые обычаи начали колебаться от западных идей, и с тем вместе подымались на кафедре новые вопросы. Напр. кроме «люторских злоглагольств», и прочего тому подобного, поднято обличение насильственных браков, бывших в старину источником неисчислимых бедствий. Патр. Адриан воспрещал «супружествовать не любящихся между собою. Житие тех мужа и жены бывает бедно и друг друга наветно; и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно». Такая новость церковного слова порождена тронувшеюся жизнью народа, перед реформой.

Отзывы писателей о характере русской проповеди

Вообще, не смотря на значительную перемену во внешней судьбе проповеди, порожденную независимостью русской митрополии, характер ее не изменился. Она шла исстари проторенным путем, как и самая жизнь предков. С этим согласны все писатели, сколько-нибудь знакомые с древнею проповеднической литературою. Некоторые мнения их об этом предмете по своей меткости заслуживают внимания. «Перед нами народ и духовенство, которое употребляет все усилия, чтобы развивать его в духе христианском. Разбирая дела по фактам, не находим никакого развития; видим, что в течение 600 лет духовные лица указывают на одни и те же языческие нравы, на одни и те же пороки; словом, один повторяет другого, и наконец стоглавый собор признает в народе общий нравственный упадок, исчисляя те же языческие наклонности, против которых восставали и прежде... Немногие личности были проникнуты христианскими идеями и передавали их в проповедях, поучениях и посланиях; но в течение шести веков они повторяли одно. За ними честь сохранения православного учения, как оно принято от греков. Они так похожи друг на друга, что нельзя составить понятия об отдельной личности. Развития в их идеях никакого; чем начал один в XI веке, тем кончил двадцатый в XVI веке¹⁰⁷.

«Содержание их произведений (проповедников) по преимуществу догматическое и поучительное заставляло их обращаться к византийским пособиям; и они заимствовали из этих пособий не только мысль, ее развития и применения, но и форму и выражения. Произведения русских проповедников стали высокопарным подражанием византийским образцам; и Кирилл Туровский в этом смысле дошел до изысканности, которая была бы очень хороша, если бы была понятна тогдашней массе. Наши писатели не умели освободиться от рамки, данной им образцами, но умели найти для своих произведений формы, более согласной с домашними

условиями, потребностями и степенью понимания своих читателей и слушателей¹⁰⁸.

«Догматическое и нравственное учение утверждалось на вечных непреложных истинах, не допускающих перемен и разнообразия... Возвышаясь над временными и местными интересами, (проповедь) постоянно обращала внимание на то, что одинаково для всех стран и веков. Национальное (в ней) подчинялось христианскому, как общему для всех национальностей. Эта строго исключительная деятельность имела в виду одну религиозную жизнь народа»¹⁰⁹.

«Сознавая свое бессилие, проповедничество более и более умолкало, и в половине XVII века сменилось западным проповедничеством. Оно отличалось высокими задачами и скудными средствами. Выписывая из отцов целыми паремиями, что идет и не идет к делу, проповедники не умели найти мысли в самом предмете. Широковещательность слов и скудость мыслей шли об руку. Не соответствуя силам проповедников, оно не соответствовало характеру слушателей, степени понимания и потребностям (их)¹¹⁰.

Источники русского проповедничества

Показав внешнюю судьбу проповедничества первого периода, влиявшую на развитие его содержания и формы, остается изложить самое развитие проповеди и ее внутреннее значение. В этом общем вопросе следует раскрыть, историческим путем, следующие частные положения: а) русское проповедничество, в своем главном, нравственно-аскетическом направлении, каким отвечало духовным нуждам и потребностям народа? б) В своем частном, практическом направлении каким отвечало нуждам и потребностям народа земным? Насколько оно облегчало внутренние и внешние, общественные и частные, неурядицы и исправляло недостатки народа? в) Какое влияния оказало проповедничество на жизнь народа? Насколько оно развило в нем религиозные стремления и нравственный идеал или христианский характер? И насколько возвысило гражданский идеал, содействовало утверждению земного благополучия? Тогда вопрос об историческом развитии русского проповедничества первого периода будет вполне закончен. Но для обстоятельного решения этих важных вопросов необходимо ознакомиться: во-первых, с источниками русского проповедничества, на которые часто будем ссылаться; во-вторых, с количеством проповеднических произведений, обнимающих все предложенные вопросы. Это тем более необходимо, что источники, образовавшиеся в течение 700 лет, весьма обширны по объему и разнохарактерны по составу своему, и потому требуют изучения; а количество проповеднических произведений самою цифрою докажет, насколько оно удовлетворяло нравственным потребностям времени и места, и какие решало вопросы.

Источники русского проповедничества по содержанию своему разделяются на два класса: нравственно-аскетические и церковно-исторические.

Источники первого рода суть древние проповеднические сборники, составленные в России. Преобладающее содержание их нравственное, с примесью аскетических правил и

практических наставлений. Некоторые поучения в этих сборниках чисто аскетического содержания; таковы поучения и послания к инокам и монастырские уставы, состоящие из отдельных слов и глав. Впрочем, из монастырских уставов, как строго проповеднический сборник, заслуживает внимания «устав Нила Сорского», доставляющий и ныне высокое назидание. Прочие уставы, Иосифа Волоколамского, Корнилия Комельского и других, хотя заключают в себе аскетические правила, но в большей части глав содержат хозяйственные наставления о пище, одежде и т. под. В сборниках есть еще особый род поучений риторического характера. Это – поучения известных русских проповедников, отличавшихся византийским образованием. Несмотря на общность содержания и напыщенность изложения, древность так дорожила этого рода поучениями, что приравняла их к отеческим произведениям. Так, некоторые поучения Кирилла Туровского в рукописях названы поучениями Златоуста и Кирилла философа. Поучения митр. Цамблака приравнены к поучениям Григория Богослова. Несколько поучений о вечной жизни, сходных по характеру с таковым же поучением митр. Илариона, приписаны Илариону святому, Великому, и пр. Но самую большую часть проповеднических сборников составляют поучения анонимные, неизвестных русских проповедников. Эти поучения, нравственно-аскетического содержания, часто озаглавленные именами св. отцов, особенно Златоуста, отличаются совершенною безыскусственностью и частыми намеками на русские нравы. При обозрении этого рода поучений, наиболее характеризующих проповедничество первого периода, по необходимости придется говорить и о тех поучениях св. Златоуста и других отцов, которые хоть сколько-нибудь изменены в своем составе русскими проповедниками.

Источники второго рода суть четьи-минеи, прологи и патерики, в которых содержатся похвальные слова святым, особенно русским. Похвальные слова служат наглядным фактическим осуществлением нравственно-аскетических правил, изложенных в проповеднических сборниках, и окончательным побуждением к аскетической жизни. Все эти

слова более или менее однообразны по своему содержанию, как и жизнь аскетов и жития их. А с XIV–XV века, со времени митр. Киприана и патриарха Логофета, похвальные слова святым, как и жития их, искажаются риторикой и теряют свою простоту и естественность. Поэтому нет надобности рассматривать всю обширную область церковно-исторического проповедничества. Для истории проповедничества достаточно обозреть те похвальные слова, которые служат выражением современного вкуса и направления литературы и особенно те, которые имеют связь с жизнью, с ее пороками и недостатками. Такие слова появляются в житиях святых в XV–XVI веке, когда, с возвышением гражданской власти, духовенство стало терять свою представительность и смелость слова. Чего нельзя было сказать открыто, в обличение сильных людей, то высказывалось прикровенно в похвале святому. Так напр., проповедники хвалили празднуемого святого за нестяжательность, намекая на современное взяточничество; хвалили за собранность нрава и благочестие, намекая на своеволие бояр и князей; хвалили за пренебрежение славы и доброе воспитание детей, намекая на гордость вельмож и беспорядки детства Иоаннова. В заключение слова проповедники просили слушателей подражать добродетелям празднуемого святого, в ожидании награды на небесах¹¹¹. Таким образом указание на современные недостатки общества или лица, делаясь понятным для слушателей, избавляло проповедника от ответственности.

Проповеднические сборники, составленные в России

Проповеднические сборники в древности заменяли всю нашу проповедническую литературу. Они составлялись медленно, под указанием церковной практики; и лучшие сборники, содержащие поучения на весь год, как драгоценность, составляли принадлежность духовных лиц, особенно архиереев. До XIV века были в употреблении проповеди знаменитых пастырей на известные праздники и дни года; с XIV века составляются сборники, содержащие поучения на весь годичный круг праздников, и затем на все дни года. Проповеднические сборники по своему назначению и составу разделялись на два класса: одни для церковного употребления, с распределением поучений применительно к праздникам, другие для домашнего употребления, с распределением предметов применительно к нуждам житейским. Составленные таким образом сборники тщательно переписывались и вплоть до XVIII столетия расходились во множестве экземпляров, доказывая тем свою пользу и огромное влияния на нравы, какую ныне оказывает духовная и светская литература. И это тем более справедливо, что в начале сборников вообще встречаем предисловие в таком роде: «все сии поучения на утверждения верных», «во спасения душ», и т. под. Кроме того, на проповеднических сборниках встречаем надписи, свидетельствующие о принадлежности их не только духовным, но и светским людям, о перепродаже их в разные руки, и, по всей вероятности, о том нравственном влиянии, какое оказывали эти сборники на своих владельцев (напр. одна надпись гласит так: «государю моему батюшке, Пахому Герасимовичу, сынишко твое Якушка, пад на землю со слезами»). При каждой новой переписке или редакции сборников происходила значительная перемена в составе их, выборе и распределении новых слов.

Говоря о сборнике «Златоустник», о. протоиерей. Горский замечает: «сперва составлен был ряд поучений на дни великого

поста, с неделями приговорительными, начиная с недели мытаря; другой ряд поучений на недели, начиная с Пасхи, до недели всех святых. В первом ряду слов видно явное указание на время обращения страны в христианство; второй ряд слов представляет нам собственные слова Кирилла Туровского. Со временем круг великопостных поучений расширился назначением кратких слов и на предшествующие дни недель до великого поста и на прочие дни великого поста. Потом сделаны дополнения и к словам пасхальным, собраны поучения на каждый день недели. Затем выбраны поучения и на прочие воскресные дни, после недели всех святых, до недели мытаря. И таким образом составилась полный годичный круг проповедей». Говоря о сборнике «Измарагд», о. протоиерей замечает: «в расположении слов его не видно приспособления к церковному порядку; вероятно, главное назначение сборника было домашнее чтения для мирян; и потому в начале и конце книги есть наставления, как читать книги (эти) с пользою душевною. Имея в виду мирян, составитель кроме общих христианских обязанностей, поместил в сборнике много слов, касающихся семейной жизни и житейских обстоятельств».

Не смотря на значительные утраты памятников древней литературы от времени и нашествий татарских, проповеднические сборники дошли до нас в значительном количестве экземпляров. Мы займемся описанием важнейших сборников, в коих преимущественно выразился дух русского проповедничества. Главным пособием в этом деле служит «описание рукописей синодальной библиотеки (отдел II).

Из древних сборников наиболеею полнотою слов неизвестных русских проповедников отличаются: «Измарагд» (Изумруд), содержащий в себе 164 поучения, № 230, и «Златоуст» (Златоустник), содержащий 112 поучений, № 231. «Изумруд» дошел до нас в нескольких экземплярах, не одинаковых по своему составу. Список «Изумруда» XIV века разнится выбором и расположением слов от списка синодального. Список синодальный в том и другом отношении согласен со списком московской академии, XVI века. Два списка библиотеки Царского разнятся порядком слов и различными

приложениями. В синодальном списке «Изумруда» около 70 слов надписаны именем Златоуста и около 40 слов – именем св. отцов; прочие слова имеют частные надписания. В соловецкой библиотеке есть два списка «Изумруда», № 270 и 272, XV–XVI века, сходные с предыдущими. Но вообще, в подписаниях слов «Изумруда» нельзя искать строгой точности. В словах имени Златоуста часто можно находить только некоторые мысли, взятые у него. В словах, неозаглавленных именами отцов, проповедник говорит от себя, основываясь, впрочем, на учении св. отцов. «Златоустник», назначенный для церковного употребления, дошел до нас в четырех редакциях XVII века. Во всех редакциях или экземплярах этого сборника довольно разнообразия в выборе и расположении дополнительных поучений. Поучения этих обширных сборников, приписываемые св. отцам, по большей части не принадлежат им, и составлены русскими проповедниками. Неизвестные русские проповедники, пользуясь словами св. отцов, особенно Златоуста и Ефрема Сирина, а в других сборниках словами Иоанна Синайского, Василия Великого и других, переделывали их сообразно потребностям своего времени, причем изображали тогдашние нравы и обычаи, а также складом языка обличали свое время. Доморощенные проповедники по разным причинам озаглавливали свои поучения именами св. отцов, и главным образом потому, что они пользовались их мыслями и выражениями. Чувствуя бессилие своего слова и желая придать ему вес, проповедники подкрепляли свои умствования целыми тирадами из св. отцов. Для этого они брали целые отеческие поучения, или в отрывках, и предлагали их слушателям со своими вставками, указаниями на современную жизнь, размышлениями, дополнениями, сокращениями и другими переменами.

«Изумруд» и «Златоустник», как самые полные проповеднические сборники, один для домашнего, а другой для церковного чтения, пользовались в древности обширным употреблением; это видно из того, что многие слова этих сборников часто встречаются в различных второстепенных сборниках. Прочие проповеднические сборники синодальной

библиотеки, составленные в России, числом более десяти, и все XVI в., преимущественно состоят из поучений св. отцов, особенно Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Синайского, Макария Великого, Исаака Сирина, Василия Великого и других. Преобладающее содержание этих сборников нравственно-аскетическое, и главная мысль их: необходимость отрешения от мира, покаяния и добродетелей, как средства ко спасению. На тему о покаянии всего чаще приводятся слова Ефрема Сирина. Один из этих сборников, № 321, чисто аскетического содержания и назначен для иноков. В нем более 90 статей, преимущественно слов. Русских слов в упомянутых сборниках, или таких, кои с вероятностью могут быть признаны русскими, не много. Все эти слова мы приведем в своем месте.

Замечательный сборник по обилию слов аскетического и практического содержания «Златая цепь». Этот сборник составлен в XIV веке, по образцу греческих и латинских «Золотых цепей». Он состоит из статей переводных – избранных отеческих поучений и толкований Св. Писания, и статей русских. «Златая цепь» отличается от прочих древних сборников чистотою речи; она написана живым народным языком. Списки «Золотой цепи» разнятся между собою составом и содержанием. Другой сборник, замечательный обилием практических слов – «Паисиев» XIV в. «Златая цепь» и особенно «Паисиев сборник» содержат в себе любопытные подробности о нравах наших предков и их языческом суеверии.

«Мерило праведное», сборник юридический, дошел до нас в списках XIV и XV века. Этот сборник заключает в себе несколько слов об обязанностях судей и обличает их злоупотребления...

К проповедническим сборникам, составленным в России, относится славянский «Пролог». В нем есть поучения нравственно-аскетического содержания, вероятно составленные русским сочинителем. В греческих и болгарских прологах обыкновенно помещаются краткие жития святых, без поучений и похвальных слов. Славянские прологи появляются в нашей литературе с XII–XIII века.

Рассмотренные сборники содержат в себе изображения христианского идеала главным образом с теоретической стороны (в нравственных предписаниях).

«Торжественники», содержащие в себе похвальные слова святым, иногда с житиями их, и на праздники господские и богородичные, поясняют этот идеал примерами. Они показывают, как высокие правила христианства осуществились в жизни святых вообще, и в жизни святых русских, и в разных церковно-исторических событиях. В «Торжественниках» содержатся и поучения св. отцов, особенно Златоуста, Василия Великого и св. Афанасия. Списки этих сборников неодинаковы по своему составу ¹¹².

В заключение обзора проповеднических сборников укажем на один сборник, нравственно-аскетического содержания, который образовался позже других, под влиянием древнего греческого и русского проповедничества. Разделенный на главы, в виде поучений, он и формой своею похож на проповеднические сборники. Мы разумеем «Зерцало духовное», появившееся около половины XVII в. (1652 и 1658 г.). «Зерцало духовное» составляет итог или сокращение древней аскетической проповеди, и как в зеркале отражает в себе нравственного человека, со всеми его достоинствами и недостатками. Доказательством этого служит, между прочим, приложенный к нему каталог славянских аскетических книг, по коим сосчитано «349 грехов и 234 добродетели, их же всякий христианин должен соблюсти». В числе грехов и страстей, между прочим, полагается: «жизнелюбие, мирская радость, высокогласное пение, банное мытье, брадобритье и табака семя бесовское». Этот сборник своим появлением в конце первого периода русского проповедничества и подробным исчислением нравственных предметов, раскрытых древнею проповедью, а равно и самим названием своим, ясно свидетельствует о влиянии древней проповеди на жизнь, и, как сокращение этой проповеди, усиливал ее впечатление на умы и сердца. В самом деле, 583 нравственных вопроса (грехи и добродетели), которые христианин должен наблюдать, невольно заставляют подумать о своем назначении. А если вспомнить об

обстоятельствах жизни, которые разнообразят грехи и добродетели до бесконечности, а вместе с тем и приложения правил: то нравственная задача жизни становится не только внушительною, но и устрашающей. Вообще, «Зерцало» свидетельствует о внимании предков к нравственно-аскетической проповеди, ее влиянию на жизнь и аскетическому настроению умов.

Объем древнего проповедничества

Рассмотрение источников древнего проповедничества невольно приводит к убеждению в его скудости. В самом деле, две три сотни анонимных проповедей в русских сборниках, несколько десятков проповедей известных пастырей и несколько десятков учительных посланий, с которыми еще познакомимся, много ли это значит для семисотлетнего периода? и при том для государства, раскинутого на неизмеримых пространствах? В наше время можно найти таких проповедников, кои в свою жизнь написали, по-видимому, более поучений, чем сколько произвела их вся русская древность (Митр. Платон написал, в 20 томах, до 500 слов, не считая произнесенных им экспромтов и катехизических поучений). «Три-четыре десятка житий, говорит преподобный Макарий о литературе монгольского периода, не многим больше церковных слов, бесед, поучений, почти столько же посланий и грамот, вот все, что дошло до нас от того периода. В наши дни, если бы все эти большею частью мелкие и очень краткие сочинения вылились из-под пера одного писателя, его отнюдь нельзя было бы назвать плодовитым. И если известно, что не все писания того времени сохранились до ныне, то имеем ли мы право слишком преувеличивать число недошедших? Да и заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства?»¹¹³. Но скудость письменных памятников древности еще не служит доказательством совершенной скудости древнего проповедничества. Напротив, мы имеем доказательства значительной распространенности проповеди в древней России; только эта проповедь, по причине своей простоты и безыскусственности, проявлялась более домашним, нежели официальным порядком. Кроме того, при дороговизне древнего письма и непривычке к этой работе, немногим приходила охота излагать свои поучения на бумаге, или вести запись о деятельности разных проповедников. То простое время не походит своими умственными привычками на наш много пишущий и книжный век. Да к тому же, много письменных

памятников древности истреблено временем и нашествием татар, как об этом сказано прежде. Одним словом, если ограничиться дошедшими до нас поучениями первого периода русского проповедничества, то пришлось бы ложно судить о заслугах древних проповедников, и мы бы не оценили той общественной пользы и нравственного влияния на жизнь, какие они оказали своим словом.

В древних сборниках есть много указаний на то обстоятельство, что проповедники часто и ежедневно поучали своих пасомых. В «Изумруде»: «возлюбленные! я во все дни говорю вам поучения, чтобы вы жили добродетельно...» «Любезные! я отдаю свой долг (учением) на всяк день...» «Духовное семя я уже много раз всеял в ваши души...» В «Златоустнике»: «вы братия слышали о святой неделе...» «Братия мои! я вам часто говорил...» «Приидите, да обычное сотворю вам поучение...» Подобные указания есть в «Златой цепи» и других сборниках. И самое распределение поучений в сборниках на все недели и даже дни года в «Златоусте учительном», на дни великого поста в «Златоусте постном», и на разные праздники, свидетельствует о частой и ежедневной проповеди в древней Церкви. В летописях, кроме того, сохранились отзывы и свидетельства о талантах и проповеднической деятельности многих пастырей, поучения которых до нас не дошли, или дошли в малом количестве. Так напр. до нас не дошли многие поучения Феодосия Печерского, поучения Серапиона, епископа Владимирского, сказанные им по случаю поветрия, поучения Филофея, епископа Пермского, о коих упоминает митр. Симон, и многих других проповедников.

Свидетельство

Свидетельство летописей о деятельности русских проповедников

По отзыву летописцев, многие русские митрополиты, епископы и инок были сильны в слове и славны своим учением,

а) Митрополиты. «Кирилл I был весьма учителен, искусен и хитер в учении от божественных книг». «Иоанн II был столь учителен, что на Руси не было такого и впредь не будет». «Ефрем муж весьма ученый и весьма рачительный о Церкви, часто поучал людей». «Кирилл II, Максим и Феогност ездили по своим епархиям, во время общественных неурядиц, и назидали народ своею проповедью». «Свят. Петр, приняв русскую паству, учил ее деятельно, переезжая по городам и селам; в учении и правлении своем обнаруживал труд, кротость и смирение, помня слова: «в сердце кротких почиет Бог». «Св. Киприан муж добродетельный, благочестивый, исполненный любомудрия и божественного разума, непрестанно учил слову Божию». «Св. Фотий постоянно утешал народ, бояр, князей и наставлял их». «Св. Иона принял учительный дар и слово пространное паче естества; многих научил, обратил на покаяние, и многие его поучением спаслись». «Феодосий был пастырь ревностный, много заботившийся о назидании народа; увещевал священников исправить свою жизнь, чтобы успешнее заняться поучением народа». Геронтий известен был даже за границу, и о нем отзывались с похвалою, «за его ревность и мужество в проповедовании слова Божия». Иосиф был «пастырь премудрый, непрестанно предлагавший народу поучения, и своею ревностно ожививший сердца многих людей, близких к отчаянью». Макарий был «велегласный проповедник добродетелей, ревнитель догматов, ходатай за обидимых, укрощавший врагов Церкви». Св. Филипп был «премудрый наставник православия и провозвестник истины». Об учительстве патриарха Никона отзыв приведен выше. О Клименте Смолятиче замечено, что он был «книжник и философ», какого не бывало в русской земле. Конечно, ученый

митрополит не заслужил бы такого отзыва, если бы, по долгу сана своего, не делал употребления из своей учености. «Вообще, русские митрополиты древней Руси были весьма достойные люди по своему высокому званию, и можно думать, что все они приносили пользу своим словом, хотя не все заслужили похвалу современников. Эта догадка несколько подтверждается исключительным отзывом летописца о митр. Иоанне скопце, который назван «простым и неученым». И если из греков вышел один неудачный митрополит, в отношении слова, то кстати уж заметить, что и из русских вышел один митрополит Зосима, совсем негожий «и в слове и в деле»¹¹⁴.

б) Епископы и иноки. «Св. Моисей арх. Новгородский хорошо пас свое стадо, содержал многих писцов, и много списал книг, и многих утвердил учением своим, и многие приходили к нему и поучались от него день и ночь». Архиепископы новгородские Симеон и Феодосий тоже оставили по себе память даром слова и учительства. Епископы ростовские: Лука «утешал печальных словом и делом, пас словесных овец как добрый пастырь, бодрствуя над ними и оберегая их день и ночь». Пахомий «был истинный пастырь, а не наемник, обличал грабителей и лихоимцев, исполнен книжного учения, всеми способами утешал печальных». Кирилл II ничем не отстал от прежних епископов ростовских, св. Леонтия, Исаии и Нестора, следуя их нравам и ученью; «не только учил словом, но и делом подавал пример, печальных утешал. И все приходящие дивились ему, все из окрестных мест спешили в город, чтобы послушать учение его от св. книг». Григорий и Вассиан были учительны и оставили о себе память в истории, Св. Симон, епископ Владимирский, был «учителен и милостив». Симеон, епископ Тверской, «был силен в книгах, слово христово правил истинно, всем творившим неправду был страшен». «Авраамий Смоленский с великою ревностью делал выписки из книг, и дана была ему благодать объяснять прочитанное невеждам, так что в божественных писаниях от него ничего не утаилось, и он не переставал учить всех». «Павел Высокий, нижегородский монах, весьма книжный и философ великий, в поучениях и беседах весьма рассудителен

и полезен, слово его растворено божественною солью, писал многие учительные книги и посылал к епископам». Перечислить все отзывы летописцев о многих проповедниках нет возможности; но судя по множеству отзывов легко можем заключать о проповедническом настроении древнего монашества и множестве неизвестных нам проповедников.

Но особенную похвалу на проповедь история воздает подвижникам, св. игуменам и отшельникам. В житиях русских святых постоянно встречаем известия о том, что к ним приходили люди всех званий за наставлением, и наставление это было тем сильнее, что нередко подкреплялось вещественным и духовным пособием, подаянием и исцелением. А если припомним, что эти подвижники часто были духовниками князей и бояр, и действовали на них епитимией и посланиями, а на народ церковною проповедью, которая заведена была монастырским уставом¹¹⁵; то поймем всю благодетельность их святого и неустанного слова. Известия о проповеди подвижников и благодетельном влиянии ее на народ излагаются в житиях, обыкновенно в таком роде: «преп. Феодосий Печерский заботился не только о монахах, но и о мирских людях, как бы спасти их. Особенно заботился о детях (духовных), наставляя и утешая приходящих к нему; иногда же и в дома их ходил, и подавал им благословение. Поучаемые им приносили плоды Богу, иной в шестьдесят, иной во сто крат». «К преп. Варлааму Хутынскому приходили князья и бояре, иноки и простолюдины, и он поучал всех». «Слышав добрую жизнь преп. Александра Свирского, многие из далеких мест приходили к нему исповедовать грехи свои, или получить благословение, или спросить о недоумениях. И все он разрешал и объяснял, и всех благословлял; и все отходили с великою пользою». «Многие приходили к преп. Павлу Обнорскому, ради назидания. И он был доступен всем и учителен; всех учил полезному, подкрепляя слова свои благим примером. И всякий, получивший от него наставление, чувствовал облегчение страстей, утешение в печали, и оказывал большие успехи в добре».

Проповедническая деятельность древних миссионеров

Но самое обширное употребление в древности имела проповедь миссионерская. Она поддерживалась, на окраинах России, бесчисленными проповедниками, преимущественно иноками. О церковном проповедничестве священников история умолчала, так как священники, за немногими исключениями, не были способны к проповеди. Обращая внимание на определение соборов и грамоты архипастырей, обязывавшие их к проповедничеству и к наложению епитимий, можно думать, что многие священники, по крайней мере на исповеди, утверждали народ в вере и добре. Но в отношении миссионерской проповеди видим весьма многих священников, усердно действующих по требованию епархиального начальства. Впрочем, миссионерская проповедь, которую в древности не записывали, для нас остается неизвестною, за исключением немногих отрывков. Равно из бесчисленного множества миссионеров-проповедников в истории сохранились немногие имена. Но мы сообщим и немногие уцелевшие сведения о миссионерском проповедничестве, так как оно имело огромное влияние на колонизацию страны и усиление государственного могущества России. Сведения о миссионерском проповедничестве особенно скудны до XIV века. Известно только, что в северной России христианство насаждено в глубокой древности. Без сомнения, насадителями его были отшельники, которые из любви к Богу жертвовали собою для спасения ближних. Это мнение подтверждается отзывами иностранцев о миссионерской деятельности иноков, на севере России, как заслуге для Церкви и государства. «Иноки русские, говорит Герберштейн, особенно заботятся о том, чтобы обращать всех людей в свою веру. Еще в древности отшельники монахи обратили в христианство значительную часть идолопоклонников, долго и усердно проповедуя им слово Божие. И ныне (в XVI в.) они отправляются в северные и восточные страны, с великим трудом и опасностью жизни и

честь. В этом (подвиге) они не ищут и не надеются никакой выгоды. У них в виду одна (цель) – сделать угодное Богу и наставить на путь истины многих заблудших и привести их ко Христу». Это же подтверждается и немногими историческими фактами, относительно миссионерства, начиная с XI века.

На севере, в ростовской области, епископ св. Леонтий обратил многих язычников в христианскую веру, и около 1070 г. замучен ими. Преемник его св. Исаия проповедовал христианство по всей ростовской и суздальской стране. После него архимандрит св. Авраамий долго учил народ истинной вере, молился за него и истребил в Ростове идолопоклонство. Св. Кукша в XII веке обратил в христианство вятичей и убит ими, вместе с учеником своим Пименом. Препод. Герасим в XII веке обратил в христианство жителей вологодской страны, проповедуя им веру в продолжение 30 лет. Псковские священники в XIII веке и валаамские иноки в XIV веке обратили в христианство финское племя кареллу. Преп. Кирилл в XIII веке обратил в христианство финское племя чудь, подвизаясь в проповеди 52 года; обращение чуди продолжал в XVI веке преп. Корнилий. В XIII веке иноки Кубенского озера обращали в христианство чудь и кареллу. В XIV веке св. Лазарь обращал в христианство чудь и лопарей. В XV веке св. Савватий, Герман и особенно Зосима обращали в христианство финнов, кареллу, лопарей, норвежцев, и многих из них постригли в монахи. В XVI веке новгородские священники Илия и Никифор, по распоряжению архиепископов Макария и Феодосия II, обращали в христианство финнов, а Илия, кроме того, чудь, кареллу и ижору; причем оба архиепископа посылали грамоты, с обличением языческого суеверия, угрозою церковного суда и повелением разорять капища. В XVI веке преп. Феодорит и св. Трифон с большим успехом обращали в христианство лопарей, причем Феодорит в один день обратил их до 2,000. Вследствие постоянного обращения дикарей архангельской губернии в христианство, в том числе и самоедов, в XVII веке открыта была холмогорская епархия. В XV веке неизвестный священник и епископ св. Иона обратили в христианство многих жителей

рязанской области. В XVII веке рязанский епископ Мисаил обратил в христианство более четырех тысяч татар и мордвы.

На востоке, в XIV веке, св. Стефан проповедовал христианство зырянам и пермянам. Преемники его Исаак и Питирим, со многими иноками, продолжали это дело. В XV веке епископ Иона, в продолжение 9 лет, обратил многих пермян ко Христу. В XV–XVI веке иноки четырех монастырей, около Вычегды, обращали пермян в христианство. В XVI веке св. Трифон (Вятский) обратил многих остяков и вогулов. Не смотря на эти труды миссионеров, в XVI веке, по свидетельству Герберштейна, «в пермских лесах оставалось много идолопоклонников; но отшельники русские не переставали обращать их ко Христу». Св. Макарий Желтоводский обращал в христианство мордву, чуваш, черемисс и татар. Особенно много татар обращено ко Христу трудами епископов казанских, св. Гурия, Варсонофия и Германа. Эти святители руководствовались царскою инструкцией, которая внушала проповедовать христианскую веру каждое воскресение и новообращенных учить страху Божию. Св. Гурий в 9 лет обратил ко Христу многие тысячи магометан и язычников. Весьма успешным в проповеди был и св. Варсонофий, знавший в совершенстве татарский язык и заблуждения магометан. В XVI веке игумен Кирилл обратил многих татар в Астрахани, учил их грамоте и закону Божию. В XVI веке русские священники восстанавливали христианскую веру на Кавказе. Обращение монголов в христианство русскими проповедниками началось с XIII века. Римские послы (в 1246 и 1253 году) видели при дворе ханов русских проповедников. С открытием епархии в Сарае (1261 г.) многие татары обращались в христианскую веру, о чем свидетельствовал епископ Феогност (1301 г.). Многие лица княжеского и даже ханского рода обращались в христианство¹¹⁶. Особенно замечательно обращение племянника Берки Петра епископом Ростовским Кириллом. В Сибири, по распоряжению патриарха Никона, проповедовали многие священники и монахи. В 1620 году многие язычники обращены в христианство архимандритом Киприаном. Вообще, в XVII веке, при содействии миссионеров, христианство утвердилось в Иркутске,

Якутске, Киренске, и других городах, и отсюда постепенно распространялось по Азии. Часовни, церкви и монастыри, основанные миссионерами, в европейской России и в Азии, становились центрами, около которых сосредоточилось население, и училищами, из которых распространялась вера повсюду. Так составились, на окраинах России, обширные епархии, с церковным благоустройством и руководством в вере населения, обращенного миссионерами. Неизвестно, сколько инородцев просвещено миссионерами в течении 700 лет; по крайней мере несомненно, что к концу XVIII века их оставалось в России до 4.000,000.

От обширной проповеднической деятельности миссионерской до нас дошло несколько поучений; по ним мы можем судить о духе и характере древней миссионерской проповеди. В главных и общих чертах древняя миссионерская проповедь походит на наши катехизические поучения, в которых предлагаются существенные истины христианского вероучения. Такое поучение находим в житии преп. Трифона. «Начал проц. Трифон беседовать с лопарями о купле и обличал их заблуждения. Потом говорил о Троице, создании мира, потопе, рассеянии языков, о пророках, воплощении Сына Божия, Его смерти, воскресении и вознесении. Наконец – о общем воскресении, царстве небесном и вечной муке¹¹⁷. В дальнейшем развитии своем миссионерская проповедь принимала обычный характер нравственно-аскетического поучения. Миссионеры сообщали новообращенным те же нравственные убеждения, которыми были проникнуты сами, и которые заимствовали из отеческих писаний. Вследствие этого усерднейшие из новообращенных христиан украшались великими добродетелями, нередко достигали церковных степеней и даже принимали пострижение, ангельский образ. Пример подвижников миссионеров еще более укреплял их в вере, добродетели и аскетизме¹¹⁸.

Проповедничество нравственно-аскетическое вообще, и части его или отделы

Показав источники и объем древнего проповедничества, – те формы, в каких оно проявлялось, остается изложить содержание его, дабы убедиться опытом в его преобладающем аскетическом направлении. Древнее проповедничество весьма разнообразно в своем содержании: но в этом разнообразии есть господствующее направление, которое объединяет все разности; есть главная идея, которая связывает в одно целое различные части или отделы проповедничества. Господствующее направление древней проповеди, как сказано в характеристике ее, есть нравственно-аскетическое, проникающее, в различной степени, все отделы ее. Наибольшее количество древних проповедей написано именно в этом духе, с тою особенностью, что аскетические правила постепенно выделялись из мирской проповеди и сосредоточились, наконец, в поучениях и посланиях монахам и в монастырских уставах. Поэтому, это главный и первый, самый обширный отдел, древнего проповедничества, по характеру – отвлеченный, нравственно-аскетический, или теоретический. Второй отдел церковно-исторический, заключающий в себе похвальные слова святым и слова на праздники церковные. Правила деятельности, предписанные в нравственно-аскетическом проповедничестве, в церковно-историческом представлены наглядно, осуществленными в живых примерах и фактах. Высокие подвиги святых, изображенные в похвальных словах им, и мир небесный, как награда за подвиги, изображенный в праздничных словах, служили подтверждением теоретической проповеди и окончательным побуждением к добродетели и аскетизму. Третий отдел – изъяснительный или истолковательный, заключающий в себе объяснение некоторых евангельских чтений, событий, правил веры и деятельности христианской. Этот отдел, строго говоря, составляет отрывочное явление в древней проповеди, как по незначительному количеству проповедей, так и по недостатку между ними какой-

либо связи и единства. Но так как изъяснение – чтений, событий, некоторых правил веры и деятельности, нередко проникнутое аскетизмом, расширяет взгляд на нравственность христианина, то и его можно отнести к нравственно-аскетическому проповедничеству. Кроме того, заключая в себе разъяснение многих догматов, правил веры, этот отдел представляет немало оснований для нравственных истин, изложенных в предыдущих отделах. Бессвязность этих разъяснений значительно восполнялась толковыми евангелиями, апостолами и пророками, бывшими в постоянном употреблении у предков. Четвертый отдел практический, заключающий в себе облачения умственных и нравственных недостатков народа, противных христианскому учению. Составляя контраст или противоположность нравственному христианскому совершенству, этот отдел находится в такой же связи с нравственно-аскетическим проповедничеством, в какой тьма со светом, и это же проповедничество, как увидим, составляет главное содержание и направление его.

Проповедничество нравственно-аскетическое, в тесном смысле

Пересматривая проповеднические сборники, находим в них много поучений в виде инструкций, совмещающих в себе, в сжатом виде, всю христианскую нравственность. Видно, что в таких поучениях, как кратких руководствах, особенно нуждались русские, обращенные в христианство. Замечательнейшее в этом отношении «слово св. отец, как жить христианам». Это слово, с бесчисленными вариациями, чаще всего попадает в древних сборниках. В «Изумруде» оно встречается под следующими номерами: 121, 129, 137, 147. В «Изумрудах» соловецкой библиотеки оно находится под следующими заглавиями: «слово св. отец» ... и «поучение избранное из всех книг о том, чтобы всякому христианину иметь страх Божий». Это слово, относимое к XIII веку, вполне выражает характер древних поучений, как по содержанию своему, так и по выражению. По содержанию это слово нравственно-аскетическое. Оно включает в себе более ста мыслей, и в том числе несколько десятков правил или нравственных предписаний. Одни из этих правил внушают обязанности или добродетели, так сказать, обыкновенные, свойственные всем христианам; другие – свойственные монахам, подвижникам или аскетам. Первого рода обязанности: любовь к Богу, хождение в церковь, молитва, церковные приношения, поминовения, исповедь, причастие, исполнение епитимии; любовь к ближним, почитание родителей, иереев, монахов, отцов духовных, старших; милосердие к слугам, сиротам, нищим, больным, калекам, безродным, странным и заключенным; воздержание от гордости, гнева, ласкательства, зависти, осуждения, лжи, клеветы и т. под. Второго рода обязанности следующие. Умерщвление тела. «Утруждай тело, которым ты согрешил; ибо всякий грех входит сластью, а прогоняется горестью, и пахотные страсти умерщвляются алканием, если не трудимся телом, которым согрешили, то нам невозможно спастись». Молитва постоянная. «Вставши от сна, помолись Богу. Прежде всего сотвори эти дела, чтобы Господь

благословил тебя, даровал мирную жизнь и царство небесное. А когда ложишься спать, то не пропусти ни одной ночи без поклонов, и сколько можешь, молись Богу; ибо тем поклонением человек побеждает диавола и избавляется от грехов, сделанных днем. Встань ночью на молитву, хотя бы краткую, ибо ночь разделена на двое, на покой телу и душе на спасение». «Никогда не ленись на правило молитвенное. Что ни делает каждый из вас, ешь, пьешь, стоишь, сидишь, ходишь, непрестанно произноси в уме: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя; ибо Господь сказал: «молитесь на всякое время», и апостол: «непрестанно молитесь и всегда благодарите»¹¹⁹. «Если ты грамотен, каждый день отправляй ночные и дневные часы, вечерню, утреню и обедню (вероятно обедницу); если не грамотен, ходи каждый день в церковь, к службам; ибо кто исполняет это (правило), тот получит от Бога великую награду». «Будь прибежен к церкви, ибо она есть очищение от грехов. В церкви стой со страхом, скорбя о грехах своих, и ни с кем не беседуй». Пост. «Никогда не упускай ни одного поста; ибо пост равняет человека ангелам. Соблюдай честно среду и пяток, кроме великих праздников; пусть на всякую неделю твой пост идет к Богу. Удержись от раннего ядения и питья, лишнее ядение и питье – телу немощь и душе гибель». Целомудрие. «Не твори блуда, но женись. А сели жена хочет воздержаться, пусть советуется с мужем; ибо если он палим помыслом, то какой успех твоего воздержания? Хотящим девствовать необходимо удерживаться от зрения и бесед женских, необходимо удержать от греха тело и мысли. Кто удержит себя, тот велик и равен ангелам; а кто в мыслях согрешает, пусть лучше женится». Смирение и покаяние. «Имей смирение мытаря, бойся гордости и величания в уме и сердце, и многоглаголения; ибо Бог призывает на смиренного и молчаливого. Не стыдись подклонять главу старейшим тебя, в честь Богу. Если ты печален, ищи утешения в келии и неси инокам все необходимое. Когда делаешь пир, зови убогих. А паче всего имей в сердце страх Божий, держи смерть на уме, слушай отца духовного, часто приходи к нему и исповедай грехи свои». Хозяину дома внушает заботу о спасении домашних и

называет его игуменом своего дома. За грехи грозит гневом Божиим и мукою вечною; за добро обещает царство небесное. «Молю вас, любимые, заключает проповедник, заботьтесь о спасении своем, пока живы и имеете время. Скоро житие наше проходит, и все в нем временно и мечтательно». «Но если все это исполнишь, если молишься, благотворишь монастырю, приносишь в церковь жертвы, но не оставляешь гнева, злобы, лжи, клеветы, клятвы, не слушаешь отца духовного, утаишь хоть один грех на исповеди, недостойно причащаешься и т. под., не можешь спастись, погибнешь, подобно птице, пойманной в силки за один ноготь».

В этом слове есть и практические наставления, обличение недостатков, общественных и частных, противных нравственности христианина, особенно аскета. Проповедник обличает следующие грехи: объедение и пьянство, которое служит причиною ссор, драки и плотской похоти; блуд, который сводит многие души в погибель; срамословие, глумление, драку и убийство. Между прочим, запрещает бить беременную жену и рабу, чтобы они не извергли плода. Обличает корыстолюбие, незаконные проценты и воровство, называя любостяжание идолопоклонником. Но особенно восстает против ложной присяги и притеснения слуг, – порока частного, домашнего. «Хуже всего, говорит проповедник, нарушить крестное целование, или несправедливо целовать (икону) Богородицы, или иного святого. Не клянитесь именем Божиим, ни головою своею, да не погибнете. Не бесчестуйте слуг и содержите их в довольстве, чтобы они не крали и не разбивали. Не томите их голодом, наготою, чрезмерною работою «наказанием, чтобы они не убежали к язычникам, не утомились и не удавились». Вследствие аскетического воззрения на жизнь, проповедник с одинаковою строгостью обличает маловажные проступки. «Удаляйтесь от зрелищ, игр, музыки, сатанинских песней и пляски, радующих диавола и прогоняющих ангела». Наконец, дает наставление о повиновении властям и князю. «Кто противится властям, противится божию повелению. Наипаче имей приязнь своему князю и не желай ему зла». В «Изумруде» синодальном прибавлено обличение суеверия. Болезни лечат

волшебством, чарами и амулетами. Пища на яблоке (заклинательные) слова, кладут его на престоле, и тем отгоняют беса трясавицу. Господь велит лечить (болезни) не чарами и амулетами, не верю во встречу, чихание и след животных; это – скверное дело. Поэтому, за наши неправды, Бог посылает нам многие казни»¹²⁰. Затем обличает (вероятно, святитель) священников и градоначальников, что они не обращают внимания на такое нарушение церковных правил.

Что касается слово выражения, то оно представляет все недостатки церковно-славянского языка, скудного понятиями, не разработанного научно, темного и запутанного. Многие слова и обороты поражают слух своею шероховатостью и неправильностью, напр. «опитемя, комкание, хабить, колико мога, упиваться в пьянство», и т. под. Такая неискusstная речь не только не возвышает простых мыслей, но и высокие умалает и портит картинные места в слове. Напр. «а еже отец заповесть, того не творите, то сему подобни есте, яко на рати устрелять человека и стрела в нем ся приломит, и егда к нему врача приведут, тогда разрезав язву, измет железо, ащели зелия не приложит, исцелити не может, ащели зелия немощен будет терпети, то по малу прилагати, дабы исцелити» и т. д. В этом слове, как и вообще в русском проповедничестве, часто встречаются преувеличения в мыслях и неточность в словах, – недостаток, свойственный и греческому проповедничеству. Напр. «осуждаяй брата своего согрешша есть антихрист»; «неправедная милостыня подобна тому, как если бы отец видел сына закалаема»; «резоимство идолослужителю подобно», и т. д.

Относительно формы логической слово не представляет никаких достоинств; нет в нем ни главной идеи, ни развития и последовательности в мыслях, ни вывода и заключения. Различные заглавия слова не соответствуют содержанию его. Одно из них: «как жить христианам», отличается общностью; другое: «чтобы иметь страх божий», – частностью; Мысли излагаются отрывочно, как попало, и связываются механически, частицами или ссылками на Св. Писание. Напр. «старейшим повинися, а иже о питии и ядении апостол глаголет» ... Или:

«реззоимство идолослужителю подобно; паки же, аще умеешь книги, по вся дни прави часы» ... При таком беспорядке в мыслях и механическом сочетании их, слово растянуто на 14 страниц, и могло быть продолжено в бесконечность.

Научного понятия о правильном выражении мыслей, о построении периода и предложения, о составе речи и правописании тоже не видно. Несомненно одно, что проповедник хотел дать мирянам наставление к доброй жизни; но сильно растворил его аскетизмом, выписывая у св. отцов, что попало. Конечно, он имел в виду страх Божий, грозу гнева Божия, и смягчение этого гнева покаянием, добродетелями; но не умел разграничить и отличить добродетелей обыкновенных от аскетизма. Поэтому, главною заботою христианина поставил изнурение тела (которым согрешили) разными подвигами, не видя иного средства ко спасению. Бесспорно, что это слово, и подобные ему, заслуживают полное одобрение за свою благонамеренность и строгий аскетизм. И если справедливо, что это слово принадлежит Павлу Высокому¹²¹, который, по летописи, был «философ великий»; то оно одно дает нам возможность оценить подобных философов и их мудрость. Мудрость доморощенных философов состояла в усвоении Св. Писания, св. отцов, и бесхитростной перефразировке их, с намеками на нравственные недостатки времени, или обличением этих недостатков. Но в древности, при недостатке образования, и эта мудрость, которую наши писатели называют «широковещательностью» и «обширным разглагольствием», казалась великою. Некоторые нравственно-аскетические поучения, в роде рассмотренного нами слова, принадлежат известным проповедникам. Таково напр. «поучение к братии» епископа Новгородского Луки Жидяты. В своем поучении, кроме общих наставлений, проповедник излагает догмат о св. Троице, без всякого развития. «Первее всего братие вот какую заповедь все мы христиане должны содержать несомненно: веровать во единого Бога, в Троице славимого, во Отца, Сына и Св. Духа». В отношении ближних проповедник запрещает осуждение и в мыслях. «Не осуди брата даже мыслью, поминая грехи свои». Можно думать, что это поучение послужило образцом для

подобных последующих, тем более что оно записано в «Сборнице разных св. отец». Таково же по общности мысли, и «послание к некоему брату, св. Иосифа Волоколамского, о сохранении всех заповедей ради царствия небесного»¹²².

Прочие, анонимные поучения, раскрывают по частям те мысли или темы, которые собраны в «слове св. отец» и подобных ему. Следуя аскетическому убеждению, что необходимо изнурять тело для спасения души, неизвестные проповедники всего чаще говорили: о необходимости поста, молитвы, посещения церкви и соблюдения праздников, о сокрушении сердца и покаянии; о исповеди и причастии, и наконец о чтении книг, как средстве духовного обучения.

1. О посте

Говоря о посте, проповедники доказывали необходимость его для укрощения страстей и греха, и удовлетворения правде божией; причем требовали не одного телесного поста, но и духовного, воздержания от страстей и злых дел. Впрочем, они более распространялись о телесном, нежели о духовном посте, более говорили об обрядовой стороне дела, нежели о сущности его, менее доступной разумению, особенно простому. И нигде не высказывается строгость нравственных требований, в чисто монастырском духе, с такою силою, как в рассуждении о посте, да еще о молитве и о церкви. Вот сущность учения о посте, извлеченная из нижепоименованных источников.

«Апостолы установили три говения (поста), на пользу нам и очищение грехов: Христово, Филиппово и Петрово. Как начали мы Великий пост, так и кончим его; ибо многие предпочитают первую неделю, а о прочих не радят. Великий пост есть царь, семь недель – семь дочерей его, коих надобно равно почитать. Всю страстную неделю проводите чисто. В субботу отговевши, мало вкусить хлеба и всю ночь пребыть в молитвах; утром воскресения причаститься со смирением. Затем немного сесть и выпить, и заснуть, ибо так поступают истинные постники. А светлую неделю провести всю в духовном веселии и воздержании и чистоте, ибо она за один день, так как солнце не заходило восемь дней. И Христос воскрес не ради питания и объядения не для того, чтобы мы праздновали ту неделю

объядением и пьянством, до беспамятства. В ту неделю, ради воскресения, верные молятся, ходят со крестами, и с женами не творят блуда. Если кто по болезни не проведет (четыредесятницу) все эти дни в посте, тот пусть постится в среду и пяток, тем более что в эти два дня заповедано поститься во весь год; и что может быть легче, как поститься до полудня? А постясь, воздержись не только от хлеба, но и от питания. В прочие дни кушать однажды, а в субботу и неделю дважды. И все недельные дня так чтите, не поститесь в те дни, но дважды кушайте. И Филиппов пост проведем в пощении, да сподобимся достигнуть рождества Господня; – а также и Петров. И эти два говенья не есть рыбы в понедельник, среду и пяток, но хлеб с овощами, и притом однажды в день; а в прочие дни кушать рыбу, по дважды. Да и всегда нужно воздерживаться от безвременного ядения и питания. А главное: Великий пост содержите со всею крепостью и страхом, и часто кланяйтесь в землю. В Великий пост, кроме обычных поклонов, произнося: «Господи помилуй,» полагать по 60 поклонов (земных) на утрени, 50 на обедни и 50 на вечерни. В Филиппов и Петров пост полагать в день по 300 поклонов земных. Нездоровые полагают количество поклонов по указанию духовного отца. А нам, братия, поминая грехи свои, и кроме говений всегда следовало бы поступать так. Нам не следовало бы и главы восклонять, бия челом, и очей не осушать, проливая слезы, стена и скорбя перед творцем. О братия, отцы, матери и сестры, как нам не бояться Господа, не трепетать слов его, и не творить волю его! ибо сам говорит в «Пчеле»¹²³: почему человеке ты не умеешь почитать меня? Я твой Бог, царь, дед, отец, брат и друг. Как же ты не знаешь, как почитать меня и не боишься меня? А мы, когда придет пост, представляем его тяжким, печалимся и скорбим, и думаем, как-бы миновать его? И бегаем к иереям спрашивать: что нам есть и пить? и какие творить поклоны? и говорим: это весьма тяжело! не можем вынести этого...»

«А чтобы пост твой был истинный и не пропал труд твой, воздержись от злых дел и твори добрые дела. Злые дела, Богу ненавистные, и святыми прокляты: гордость, зависть, злоба,

осуждение, ссоры, клеветы, воровство, разбои, грабительство, объядение, пьянство, прелюбодеяние и пр. Добрые дела, оправдывающие душу: покаяние, пост, молитва, поклоны, бдение, хождение в церковь, слушание поучений, смирение, слезы, братолюбие, невнимание процента, одеяние нагих, погребение мертвых и пр. Если ты был пьяница, будь ныне постник, если блудник, – воздержись; если обижал и грабил, раздавай ныне свое. Особенно воздержись от насилия, от богатства, собранного с проклятием, или награбленного в пожаре, от обиды сирот и вдовиц, от процентов и ложной клятвы, чтобы не поразил гнев Божий. Обижающему твори добро, гнева не имей и злом за зло не воздавай. Вот истинное покаяние! Слышаще это потщимся братие и сестры пройти в чистоте постные дни, покаемся во всех неправдах своих, да получим от Бога совершенную награду, и чего попросим, да даст нам Господь. Да услышит Бог и меня грешного, отца вашего, молящегося за вас, если поживете в послушании. А если я молюсь за вас, а вы творите злое, какой плод молитвы (моей)? Успех молитвы (тогда), когда вы, молясь Богу, успеваете в добре; ибо вы мой венец, моя похвала, мои слава, стадо Христово. Если поживете в повелении Господни, то спасете и меня убогого. А если я всегда учу вас, а вы не делаете того, то строго осудитесь».

«Изумруд»: слово 122 Златоуста (глубокой древности) о страхе Божиим и покаянии; говорит о трех постах: Великом, Филипповом и Петровом, а также о пощении в среду и пяток. – 124 Златоуста; это слово, равно как 22 и 125 – о трех постах. – 126 слово св. отец, как жить христианам? содержит наставления о страхе Божиим и соблюдении постов Филиппова и Апостольского. – 151 о Филипповом говеньи, о воздержании и посте.

«Златоустник»: слово 9 Златоуста о посте (написано нескладно). – 11 Златоуста о посте в среду и пяток, – 15 Златоуста о пользе поста – подобное есть и в «Златой цепи». 24 поучение некоего старца детям (о постящихся в среду и пяток). – 34 собрано от Св. Писаний, как надобно жить христианам? – наставление о соблюдении постов Филиппова и Апостольского.

– 36 Златоуста; проповедник пользовался словом о посте Василия Великого; оно есть и в «Златой цепи». – 103 св. отец о посте Великом, Петрове и Филиппове.

«Златая цепь» и «Соборник» (серб. лавры); поучения на недели Великого поста, с недели мытаря (глубокой древности). В «Соборнике» есть «поучение на сбор», приписываемое св. Кириллу: «истинный пост требует прощения обид и долгов», раскрывает поучение.

Православный собеседник 1858, генв. 1859 дек. («Изумруд» соловец.): слово св. отец о посте и востании церковного чину. Слово св. апостол и св. отец о Великом посте, Петрове и Филиппове. Слово о Филиппове посте, что пред рождеством Христовым. Кроме того: слово в неделю православия о посте, митрополита Фотия. О внутреннем посте и о посте (к госпоже) Максима Грека. Увещание патриарха Адриана к разным сословиям; в 21 увещании внушает всем говеть четыре раза в году (четвертый Успенский пост). Окружное послание митрополита Фотия к русскому духовенству содержит подробные наставления о постах. Оно внушает свято проводить все четыре поста, установленные апостолами. Во все дни Великого поста надобно хранить сухоядение; в субботы и воскресения, цветную неделю и благовещение разрешается рыба. Сухоядение должно соблюдать в среды и пятки всего года, иногда и в понедельник кроме недель по воскресении, рождестве, сошествии Св. Духа и недели, пред мясопустом. На преполовение, введение – пост; на воздвижение и усекновение – сухоядение¹²⁴.

2. О молитве, посещении церкви и соблюдении праздников

Вместе с постом проповедники предписывали частую молитву и посещение церкви, особенно в праздники, не только для умиловления Бога, но и для испрошения его помощи на врагов. Сущность учения о молитве состоит в следующем. «Должно молиться Богу утром и вечером, потому что в это время наши ангелы идут к Богу на поклонение, дают отчет в наших делах ночных и дневных и жалуются на наши грехи. Повели им, Господи, говорит ангел хранитель, да не буду с злым грешником; ибо только имя твое носит, а угождает плоти, и

ни одной молитвы не творит ни днем, ни ночью. Вместе с ангелами и природа, покорная воле Божией, жалуется на грешников, нарушителей его законов. Солнце многожды молится Богу, говоря: доколе Господи терпишь неправды людей и многие беззакония? повели мае сжечь их. Месяц и звезды говорят: доколе мы будем освещать блудные дела, давление детей, воровство и разбои? Море и реки говорят: дозвожь нам, Господи, потопить плавающих грешников! И земля говорит: я более всех тварей осуждена терпеть бесчисленные грехи людей: позволь мне, Господи, уморить их голодом. Но Бог отвечает всем, что Он ждет покаяния грешных. И потому на всяк час будем благодарить Бога, не только днем, но и ночью. И ни одной ночи не пропустим без молитвы и поклонов, по силе нашей; а если не проснемся в полночь, то по крайней мере перед светом. Встань муж, разбуди жену и детей своих, преклоните колена воздыхая о грехах, и пусть дом ваш будет церковью. Ночными молитвами особенно умилоствуется Бог, и скоро подает милость свою, ибо ночью не развлекают нас помыслы и мирской шум. Кроме того, необходимо совершать непрестанно, за всяким делом, Иисусову молитву в уме. Если мы ленимся молиться, то хотя бы и милостыню подавали, не можем спастись. Кроме домашних молитв необходимо каждый день ходить к церковным службам, или совершать их дома. Неграмотному полагается правило: за кафизму 300 поклонов, за полунощницу 600, за утреню 1,500, за часы 1,500, за вечерню 600¹²⁵; ибо если человек исполняет правило относительно домашней молитвы и церковной службы, то он получит от Бога великую награду».

«В церковь ходи поспешно, к утрени, обедне и вечерне, особенно в воскресенье и в праздники; ибо церковь есть просвещение душ. В воскресенье надобно оставить все домашние дела, и только ходить по церквам и молиться Богу. Не говори: отпоем дома; ибо домашняя молитва не имеет той силы. Ходя по церквам, не мысли зла, не занимайся пустяками, но богомыслием; ибо сколько человек днем или ночью обойдет церквей, столько почтен будет от ангелов. В церкви стой со страхом и молчанием, скорбя о грехах своих, а чужими грехами

не занимайся. Слушай божественное чтение и пение и услаждай ими свое сердце. Слушая учение пророков и апостолов, жития и мучения святых и отеческие поучения, просвещай ими душу свою и вооружайся на диавола силою Божию. Ходи также в монастырь и носи все потребное инокам; а если услышишь шум скоморохов и игры, – из дому не выходи». Предписывая подобные наставления, проповедники нередко обличают слушателей за несоблюдение их, – холодность к молитве, уклонение от церкви и богослужения, даже в праздники. «Зачем вы затворили церкви! Если бы это возбранили печенег, то вам следовало бы оставить все имение, и итти в церковь. Вы не всегда приходите к началу пения». «Слабо живут ныне, не слушая божественных словес. Идти в церковь, мы чешемся и потягиваемся, дремлем и говорим: то дождь, то холодно, то что-либо другое; и ленимся идти на поучение¹²⁶» «Я надеялся в каждое воскресение собирать в церковь поболее людей, а ныне приходит их менее. Умоляю вас, если кто имеет соседа, или родственников, или жену, или детей, зовите их в церковь поучаться»¹²⁷.

Православный собеседник 1858 г. авг. («Изумруд» соловец.): два слова о денно-нощной молитве. – 1859 г. апр. два поучения о праздновании воскресного дня и житии христианском. Поучение в неделю православия о посте и молитве митрополита Фотия.

«Изумруд»: слово 71 о не встающих к утрени. – 123 св. отец о духовном праздновании Божиих праздников. – 150 св. отец – увещание ходить в церковь и вести себя по-христиански (подобных поучений много).

«Златоустник» слово 58 Златоуста, как праздновать светлый праздник. – 85 Златоуста, увещание ходить в церковь и в праздники с крестами. – 88 св. Евсевия о неделе. – 89 о том, что в воскресный день следует упражняться в молитве... Поучение о молитве митрополита Макария; – таковое же архимандрита Новгородского Симеона.

«Пролог»: 12 кратких поучении на разные праздники; в них проповедник увещевает ново обращенных христиан ходить в церковь день и ночи, собираться на вечерню, утреню и

литургию, воздерживаться от пороков, совершать добродетели, и поститься¹²⁸.

3. О сокрушении сердца и покаянии

Предписывая пост, денно-нощную молитву и хождение в церковь, главным образом для изнурения тела и страстей, проповедники требовали еще сокрушения сердца и покаяния, для очищения души, возвращения добродетелей и вообще приготовления к будущей жизни. Побуждением внутренним к тому служили: память о грехах и смерти, ожидание страшного суда и воздаяния, и вообще страх Божий. При чем, для действительного очищения совести и примирения с Богом, проповедники внушают необходимость частой исповеди и причастия. И ни одна истина нравоучения не повторяется так часто в древнем проповедничестве, как необходимость страха Божия, сокрушения сердца и покаяния. Не только неизвестные, но и все известные и лучшие наши проповедники преимущественно говорят о страхе Божиим, сокрушении сердца и покаянии (равно как в практической проповеди – преимущественно о милостыне). Главным внешним побуждением к тому служили общественные бедствия, о коих сказано выше. При аскетическом настроении проповедников и библейском взгляде их на жизнь, бедствия России служили для них постоянною темою о гнев Божием, страхе, смирении, сокрушении и покаянии. Эта тема подкреплялась и общею верою в близкий конец света, с окончанием седьмой тысячи лет. Необходимость страха Божия, смирения, сокрушения и покаяния всего чаще проводится в поучениях св. Серапиона, митр. Фотия и Даниила. Сущность учения о сих предметах заключается в следующих положениях:

«Кроме указанных добродетелей, необходимо иметь страх божий, который есть основание всех добродетелей и ограждение от всех бед. Мы должны бояться Бога, с трепетом ходить пред Ним, чтобы угодить ему и избавиться от временных и вечных наказаний; должны на всякое время помнить смерть, суд, вечные муки и царство небесное, чтобы приготовиться к добродетели и достойно перейти в жизнь вечную. Мы и здесь не можем перенести грозы, бури и грома; то, как перенесем страх

суда Божия и вечной муки? Особенно ныне должны страшиться суда Божия, когда гнев его так часто поражает нас за грехи». «Какую выгоду наследовали мы, оставив божественные правила? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли наши города? Не пали ли наши сильные князья от острия меча? Не отведены ли в плен наши чада? Не запустели ли св. божии церкви? Не томимся ли мы каждый день от безбожных и нечистых язычников? Все это за то, что мы не храним правил св. отец (Кирилл II)». «Они (св. отцы) непрестанно учат нас, а мы держимся одних беззаконий. Вот за это и наказывает нас Бог знамениями, землетрясением... Всячески наказав нас, Бог не отучил нас от злых привычек, и потому ныне колеблет землю, хочет стрясти многие грехи и беззакония, как листья с дерева... Но что потом было у нас, – не глад ли, не мор ли неоднократный? не частые ли войны? Однако мы не покаялись, пока не пришел народ немилостивый, опустошил нашу землю, пленил города, разорял церкви, избил отцов и братьев, поругался над нашими матерями и сестрами... Умоляю вас, убойтесь Бога, сотворившего нас, вострепещите страшного суда его! К кому идем и приближаемся, отходя от сей жизни? что скажем, какой дадим ответ? Страшно, дети, подпасть гневу Божию (Серапион)»! «Когда я слышал о страшных прещении владыки, обнаружившихся здесь лютыми болезнями и мором, то один Бог ведает, как я изливался слезами... И мы должны знать, что значат постигающие нас бедствия... Войдем в свою совесть и испытаем себя, не уклонились ли мы от правого пути и не сделали ли непотребными по своим грехам и нечестию? За это-то и постигают нас праведные прещения. Постараемся возвратиться на путь правый, да увидим Владыку пременяющегося от гнева и ярости на милость (Фотий)». Ревностный пастырь особенно распространяется о голоде и черной смерти, говоря, что такой бедственной казни никогда не бывало, что мертвые христиане валяются по всюду, съедаемые зверями и птицами.

«Со страхом Божиим надобно соединять всегдашнее сокрушение сердца и покаяние. Нам необходимо вникать во все свои дела, слова и помышления, которыми оскорбляем Бога,

жалеть и плакать о них день и ночь, и заглаждать их исправлением, покаянием и добрыми делами». «Христос очистил тебя крещением и омыл твои скверны, а ты опять осквернился грехами. Прослезись же, восплачи горько, воздохни, потерпи на земли всякое страдание, бдение, неядение, покажи крепкую молитву и милостыню (митр. Никифор)». «Особенно ныне, в последнее время, необходимо спешить покаянием, чтобы не потерять вечной жизни».

«О братие, убоимся, ибо все написанное приходит к концу, и предсказанные знамения сбываются, и уже мало остается нашей жизни и века. Итак, кто хочет спастись, подвизайся ныне в смирении, воздержании и милостыне» (Сл. XIII в. о кончине мира). «Постарайтесь обратиться от всякого заблуждения, плотских и духовных скверн, и во всем обновить себя покаянием и исповеданием. Вот, приближается конец летам человеческой жизни, как проходящей тени и приспевает последний день. Если и под конец не обратимся целомудренным покаянием во всем, то будем отвечать грозному и страшному Судии, проведши жизнь во зле и небрежении (Фотий)».

«Дли очищения грехов необходимо часто исповедоваться и причащаться. Если христианин не причащается три раза в году, то он живет по-скотски. Не причащенные св. таин подобны неверным и армянам, которые не заботятся о своем спасении. На исповеди открыть духовнику, как самому Богу, все грехи, совершенные делом, словом и мыслью, начиная с первого и оканчивая последним. Не должно стыдиться открывать свои грехи, а особенно скрывать худые помыслы. За совершенные грехи необходимо понести епитимью, какую назначит духовник; ибо кто не потрудится о своих грехах, тот не может спастись. Невспаханная нива раздает терние и осоку; так и человек, не радящий о епитимии, бесплоден пред Богом. Поэтому необходимо избрать себе духовника учительного и внимательного к делу, а равно избегать неуча и поблажчика, не дающего епитимии. Такой духовник расслабляет грешника и уготовляет вечную муку себе и ему. Некоторые невежды учат, что с переменою духовника нет нужды открывать первых грехов

своих. Что ты, говорит, открыл первому отцу, того не открывай мне. Такие учителя – враги божии и попиратели закона. Новому духовнику необходимо открыть все грехи, сделанные от юности, не утаивая ничего. Многие также распространяют ересь, что кающийся при смерти подобен волу, стоящему под секирою; проклят священник, который лишает покаяния умирающего. После исповеди приступай к причастию со страхом и трепетом, ибо при св. тайнах присутствуют с благоговением небесные силы, дивясь владычней любви к нам. Св. тайны даются святым, и если ты свят, –приступи. Но если ты и великий грешник–убийца, блудник и т. под., да будешь при смерти и исповедаешь грехи свои пред Богом, то удостоишься причастия в жизнь вечную. Обновившись покаянием, постарайся удержаться от всякого небрежения, заблуждения, лукавства, и злобы, плотских и духовных скверн, за которые грядет на нас Божий гнев».

Сборник XVI в. № 321. Слово о покаянии ко всем христианам. Поучение правая веры о душевной пользе и о покаянии (древнее). Правосл. собеседник 1860 г. J, правило (поучение) о покаянии. – 1861 г. I, слово божественное о покаянии и исповедании грехов. – 1858 г. июль: слово св. Ефрема о кончине мира. «Златоустник»: слово Иоанна Златоуста о покаянии; оно есть и в «Златой цепи». – 21 Златоуста, о св. причащении; сходно с 90 словом «Изумруда». – 54 Златоуста, о св. причащении (пользовался Златоустым). «Изумруд»: слово 37 Златоуста, о кротости и гордости. «Лучше искать кротости, нежели мудрости». – 77 св. отец о покаянии (чтобы не повторять грехов); –78 св. отец о запрещении покаяния; – 79 св. отец о наказании (мы и скота не оставляем в калу), –90 Златоуста о св. причастии (не всегда приходите в церковь к началу пения, и потому лишаетесь причастия); сходно с 21 словом «Златоустника». – 138 блаж. Евсевия о причащении; сходно отчасти со словами 88 и 89 «Златоустника», Слово о страхе господнем – сборник № 321. Слово 119 св. отца Кирилла о страхе Божиим (назидательное слово, как и 114) ; оно и в Правосл. собеседнике 1859 г. февр. «Злат. Цепь»: поучение о смирении, Златоуста. Максима Грека

два слова о покаянии. Послание митрополита Фотия в киевский монастырь, – призывает всех к покаянию, по случаю казней Божиих. «Златая цепь»: слово отца к сыну – внушает смирение и человеколюбие. «Будь понижен главою и высок умом; устремляй глаза в землю, очи на небо; имей сомкнутые уста и сердце, вопиющее к Богу. Не стыдись преклонять главу свою пред каждым созданным по образу Божию». – Поучение правой веры – исчисляет духовные подвиги, необходимые для спасения: смирение, кротость, послушание, немногословие, безгневие, легкосердие, любовь, покаяние, пост, бодрость, неспание, молитву и милостыню». Слово о божественных тайнах. митрополит Цамблака (причащающийся должен испытать на себя). Поучение митрополита Никифора в неделю сыропустную: о посте, покаянии, исповеди и подвигах.¹²⁹

4. О чтении книг, как средстве духовного обучения

Предписывая пост, молитву, богослужение, сокрушение сердца и покаяние, проповедники рекомендовали чтение книг, которое составляло подвиг монашеский и утверждало в добродетелях. Монашество было представителем христианского совершенства и просветителем народа; поэтому оно обязывалось уставом к чтению и даже списыванию книг¹³⁰. В книгах оно находило поощрение к духовным подвигам, нравственную силу и поддержку. И в древних поучениях находим множество наставлений инокам о чтении книг. Все эти наставления вращаются около одной идеи, что «книги – божественная глубина мудрости, врачевство против страстей, источник благочестия и спасения. И как корабль не строится без гвоздей, так и инок не достигает праведности без чтения книг». Это же требование относительно чтения книг проповедники прилагали и к мирянам, для их обучения и утверждения в добре; при этом опровергали общественное убеждение о пригодности учения одним монахам. «Прибегайте к божественному писанию, говорил св. Серапион. О, если бы мне возможно было всю внутренность и сердце каждого из вас наполнить божественным ведением! Я не устану учить, вразумлять и наставлять вас!» «Не говори, сказано в одном поучении, что чтение книг есть монашеское дело; а я имею жену

и детей, строю дом, занимаюсь ремеслом, содержу власть. О человек! что ты говоришь? Монахи, удалившись мирской суеты, живут в тишине и имеют многое утверждение. А мы живем в великом мятеже, в бурях этого мира, и творим много греха; поэтому нам необходимо часто читать св. книги, и этим отгонять печали и искать пути ко спасению. Ибо как капля долбит камень, так и книги, часто прочитываемые, разрешают греховные узы и наводят на истинный путь»¹³¹. «Неведение писания есть великая стремнина, глубокая пропасть и погибель спасения; оно породило ереси, ввело растленные правы и небесное сделало земным»¹³². Внушая мирянам охоту к чтению книг, пастыри проповедники часто внушали ее и священникам. «Если властители, утружденные житейскими делами, нуждаются в прилежном чтении книг, то тем более нам необходимо чтение»¹³³. «Упражняйтесь дети в чтении св. книг и в учении день и ночь. Если сами будете творить добрые дела, то в состоянии будете научить и своих духовных детей»¹³⁴. «Внимай учению св. книг, да будешь наставник миру, соль земли, проповедник Божия слова»¹³⁵. О необходимости чтения книг более всех проповедников писал митр. Даниил. В своих поучениях он вполне развил правило, изложенное в «завете монахам»: «взирай на будущее и утверждайся чтением книг; принимая пищу телесную, корми и душу божественными словами». «Он убеждал, говорит пр. Макарий, чтобы не только пастыри и иноки, но и миряне, как можно чаще читали божественные писания, и не просто читали, но испытывали их, упражняясь в них с великим любомудрием. Объяснял, что чтение божественных писаний не только доставляет нам познание о всем, относящемся к нашей вере и благочестию, но и вообще просвещает ум, направляет волю, успокаивает и веселит сердце, укрощает страсти, возбуждает к добродетели, и что все зло между нами, все заблуждения, все суеверия и пороки зависят главным образом от незнания божественных писаний.» Он сам был начитанным и ученым богословом, за что получил от Максима Грека название «доктора закона Христова,» и другим внушал заниматься чтением книг. И бесполезны были все эти наставления о чтении книг; 164

слово св. Геннадия, в «Изумруде», направлено против чтущих много книг.

Наставлениям проповедников о чтении книг много помогал устав, или способ чтения, придуманный составителями сборников. В начале сборников, назначенных для домашнего чтения, помещались в виде предисловия, притча о сеятеле, с толкованием ее; в толковании объяснялось, что чтение книг приносит пользу людям кротким, повинующимся писанию. За притчею следовала молитва о просвещении ума, и правила чтения. В некоторых книгах, напр. псалтири, помещались две молитвы – пред чтением и после оногo. «Читая книги, сказано, внимай написанному всем сердцем, да вменится тебе прочитанное во спасение души, а не в осуждение и муку вечную. Поэтому читай прилежно и не спеши переворачивать листы. Если ты не понимаешь чего, то прочитай трудное место или главу дважды, трижды и несколько раз; если и тогда не поймешь, пойдй к учителю, или к тому, кто умнее тебя. И когда Бог увидит твое усердие, то не презрит тебя, откроет сокровенное, хотя бы и человек не мог объяснить его.» Наконец, самые поучения о чтении книг помещались в начале сборников, и сборники иногда снабжались «правилом св. апостол и отец о книгах, их же подобает чести и внимати, – и не подобает.» Любимым чтением наших предков, после Св. Писания, и особенно псалтыри и патериков, были аскетические поучения, и особенно Златоуста. «Великая польза, сказано в одном поучении, слушать учение св. Василия, Иоанна Златоуста, Ефрема, Кирилла философа и иных святых.¹³⁶» Сообразно с правилами о разумном чтении книг, книги наиболее употреблявшиеся разделялись на главы или отделы, для каждого дня. Напр. лествица Иоанна Синайского, бывшая в особенном употреблении у предков, разделялась на несколько отделов по дням и часам великого поста¹³⁷. В монастырях вычитывали за трапезой поучения Василия Великого, Златоуста, Ефрема, Дорофея, не прочитанные на утрени.

Древнее проповедничество, письменное, мало производительное и скудное содержанием, усиливало свое значение тем обстоятельством, что оно побуждало всех к

чтению книг. Чего оно не досказывало, да и не могло сказать, то было сказано в отеческих писаниях и заключалось в сборниках. В древних сборниках излагались всевозможные богословские знания, в нравственно-аскетическом духе, и в проповеднической, всем доступной, форме. Представляя чтение богоугодным и душеспасительным подвигом, и отсылая всех к отеческим писаниям, проповедничество заставляло слушателей довершать свое образование самообразованием, и таким образом окончательно утверждало их в нравственно-аскетическом настроении. И хотя древняя литература была доступна немногим лицам, преимущественно духовного звания; но важно то, что эти лица глубоко проникались аскетическими убеждениями, почерпаемыми в книгах, и обязаны были действовать на других словом и примером. Действуя на слушателей по убеждению и пастырской обязанности, они были солью земли, светочем мира, проводя в него высокие нравственные убеждения. В древности, как и ныне, грамотный человек действовал на неграмотных тысячью неуловимых путей, часто незаметных для него самого. Слово начитанного человека и писанная строка всегда западают семенем в душу слушателей, и приносят обильные плоды по роду своему. Или, как говорит старинное поучение, «книги подобны глубине морской, в нюже ныряюще, износим бисер драгий.» И даже образованный человек после беседы с ученым и благочестивым лицом, как говорится, невольно чувствует праздник на душе. С этой стороны древнее русское проповедничество весьма плодотворно, тем более что и само оно заключалось в отеческих сборниках, и постоянно приносило пользу читателям и слушателям, дома и в церкви.

«Изумруд» соловец., о чтении книг: слово 1 св. Григория папы рим. – 2 ап. Павла, истолковано Златоустом и Василием Вел. – 3 Иоанна Златоуста – не лениться читать книги. – 4 Св. Ефрема – как слушать книги? В некоторых рукописях все эти четыре поучения соединяются в одно, под заглавием: «Слово св. отец о чтении книжном». «Изумруд» синод: 1 наставление о чтении книг, на утверждение верных; объяснена притча о сеятеле. – 2 Григория папы Рим. о пользе чтения книг для

верующих. – 4 Златоуста о вреде нечтения (многие заблудились и погибли). – Св. Ефрема о чтении книг, как средстве против лукавых помыслов. «Златоустник»: слово 108 Златоуста о помыслах (худых); врачевство – чтение св. книг... Слово некоего калугера о чтении книг; изв. akad. X, 426. Правосл. собеседник 1858 г. июнь, о чтении книг.

Проповедничество аскетическое, в собственном смысле

Нравственно-аскетическое¹³⁸ проповедничество, при всей своей напряженности, более обуздывало тело или плоть, нежели возвышало дух, давало перевес внешним подвигам над внутренними, занималось не столько созерцанием и высшими совершенствами духа, сколько ограничением страстей и пороков. Одним словом: приготавливая грубый народ к духовной жизни, оно усиливалось отрешить его от земных привязанностей. Аскетическое проповедничество довершило задачу христианской нравственности и высшего иноческого совершенства. Действуя на подвижников, удалявшихся страстей, оно предписывало им чисто духовную жизнь, свойственную бесплотным существам. Жизнь эта состояла в постоянном бодрствовании ума над помыслами и страстями и отсечении своей воли, и стремлении к святости и вечности. Проповедничество аскетическое развивалось под влиянием аскетических произведений греческих отцов, и подобно этим произведениям отличается, с одной стороны, строгостью характера, высотой нравственного учения, а с другой стороны отсутствием формы и последовательности в мыслях; по объему и количеству произведений очень скудно. Собственно проповедническая аскетическая литература заключается в нескольких поучениях инокам Феодосия печерского и посланиях пастырей. Началом и основным положением аскетического проповедничества должно признать «поучение о пользе душевной», приписываемое митр. Илариону, которое обращено ко всем вообще христианам. В этом поучении митрополит убеждает христиан бежать от удовольствий временной жизни, как от ядовитой змеи, и даже не прикасаться к ним; а вместо того усиленно заботиться о вечной жизни. Побуждением к тому ставит кратковременность жизни, неизвестность (неизбежность)

смерти, вечные муки грешников и нескончаемое блаженство праведников. Это поучение сходно с другими, приписываемыми Илариону святому, преподобному и великому; например: «поучение о отвержении мира», «наказание к отрекшимся мира», «поучение о безмолвии»¹³⁹. Иларион в священстве написал витиеватое слово для великого князя: а как подвижник, в сане митрополита, мог говорить просто народу о вечной жизни¹⁴⁰. В поучении Илариона Великого проводится мысль, что покой, лень и довольство во всем ведут к вечной муке; а труды, воздержание, пост, молитва и терпение – к вечному блаженству.

Феодосий Печерский в десяти кратких поучениях, составленных под влиянием поучений Феодора Студита, внушает те же подвиги и добродетели, о коих говорено выше, – пост, молитву, бдение, покаяние и проч. Внушения св. Феодосия, выраженные мягко и со слезами, весьма строги и не заключают в себе поблажки, или снисходительности человеческой природе, так как они обращены к инокам, а не мирянам. Внушая подвиги, направленные главным образом к изнурению тела и страстей, проповедник говорит и о чтении книг, смирении и терпении, питающих и укрепляющих душу. Вместе с тем, он касается и внутренней причины грехов – худых мыслей, внушаемых диаволом. Все эти предметы изложены отрывочно, без плана и последовательности в мыслях. Предписывая строгое подвижничество, полное лишений и скорбей, проповедник утешает иноков будущими наградами. «Пойдем путем господним, взыщем Бога рыданием и слезами, постом и бдением, покорностью и послушанием, возненавидим мир сей. Покаяние есть путь, вводящий в живот. Шествие по сему пути ныне прискорбно, но конец его радостен. Скорби настоящей жизни, воздыхания и труды – ничто в сравнении с будущей славою»¹⁴¹. С этими поучениями сходны общностью аскетических наставлений два сочинения Максима Грека. В «поучении инокам и исправлении иноческого жития» проповедник учит самоотвержению, обузданью страстей и добродетелям. «Вы избрали узкий и прискорбный путь ко спасенью, а потому должны обуздывать свои внешние чувства,

очи, уши, язык и прочие, умерщвлять свои страсти и удалиться от всякого зла; должны украшать свой ум частыми поучениями в слове божием, трезвенными молитвами и богоугодными бдениями, – ходить достойно своих обетов, со всякою чистотою, смиренномудрием и братолюбием». В «послании к инокам» предписывает не только внешние подвиги – воздержание от пищи, долгие молитвы и бдение, но и внутренние – безмолвие, смиренномудрие, любовь, и особенно нестяжательность и милосердие к бедным¹⁴².

Два сочинения Кирилла Туровского («о черноризстем чину» и «притча о белоризце»), в виде посланий к инокам, содержат общие наставления и размышления о монашестве¹⁴³. Например «ты как одежда, знай себя до тех пор, пока тебя не возьмут в руки; а потом не заботься, если тебя разорвут и на тряпки». «Спящий не победит (врагов), и ленивый не может спастись». Оба сочинения темны от излишнего символизма. Два послания митр. Фотия в Киево-Печерский монастырь¹⁴⁴ содержат не только общие наставления о монашестве, но и обличение нетрезвости и вражды, и призывание к покаянию¹⁴⁵. Равным образом, и поучения митрополита Даниила инокам содержат не только общие наставления о монашестве, но и обличения их недостатков. В «поучении о иноческом законе» проповедник внушает общие наставления и особенно нестяжательность, и обличает корысть, отдачу денег за проценты. В двух посланиях: «о целомудренном и благоговейном житии» и «о целомудрии и чистоте»¹⁴⁶, кроме общих наставлений о монашестве, предостерегает относительно скверных помыслов, воззрения на красивые лица жен и отроков, беседы и смешения с ними; предписывает не вспоминать об них, хотя бы они казались благочестивыми. В послании к иноку Даниил внушает безропотно переносить скорби и молиться за врагов¹⁴⁷. Таким образом, собственно аскетическая проповедническая литература состоит из отрывочных наставлений о монашестве, без главной, ясно выраженной идеи, определенного плана и последовательности в доказательствах. Только митр. Даниил в послании «о различии иноческого жительствова» (см. сл. 5) стал выяснять это жительство несколько научным порядком. Он

изображает три степени подвижничества: монастырскую жизнь или общежитие, скитскую жизнь с двумя-тремя братьями, и уединенную в пустыне, при чем показывает удобства и неудобства каждой степени.

Говоря об общежитии, порицает бесчинных и своевольных монахов; скитскую жизнь называет средним или царским путем. Показав трудности уединенной жизни, проповедник осуждает легкомысленных пустынников, которые спорили с общежительными иноками, навязывая им свои законы и считая себя великими. Эта скудость и неразвитость аскетической проповеди, общность и отрывочность ее положений, были причиною того, что аскетическое учение нередко предлагалось безразлично инокам и мирянам. Этот порядок или беспорядок особенно заметен в начале христианства и России, при неустроенной гражданской и духовной жизни, при недостаточном разграничении сословий и их обязанностей (Подобный факт мы указали и в гражданской жизни Греции). Напр. аскетическое поучение XI века «о пользе душевной» обращено ко всем христианам; поучение митр. Никифора в неделю сыропустную обращено к игуменам и мирским людям. Св. Феодосий Печерский, по свидетельству препод. Нестора, предлагал поучения свои братии и народу. Подобных примеров в древнем проповедничестве немало.

Развитие аскетического учения и вместе с тем разграничение подвигов монашеских и обыкновенных добродетелей совершалось постепенно, в связи с развитием гражданской и духовной жизни России, и выразилось главным образом в монастырских уставах. Это совершилось преимущественно в XIV–XV веках, когда народ, воспитываемый нравственно-аскетическою проповедью, оказался неисправимым в чувственных наклонностях и неспособным к совершенному аскетизму, а иночество, под влиянием выработавшихся аскетических правил и уставов, просияло великими подвижниками и достигло наибольшего процветания. Наши уставы сложились под влиянием аскетических поучений греческих отцов, и подобно им разделены на главы, наставления, слова, в проповедническом тоне, а также – под

влиянием «Типика», выработанного в восточных монастырях (в обители св. Саввы).¹⁴⁸ Сообразно с таким характером, монастырские уставы нередко именовались грамотами (Дионисия Суздальского), преданием (Нила Сорского), завещанием (завет молодым инокам) и посланием (Корнилия Комельского). Иногда высказывается и цель устава – общее назидание. «Все это, пишет в конце своего устава преподобный Корнилий, написал я, чтобы это предание соблюдали и часто читали, для напоминания, к пользе душевной». И действительно, как показывает аскетическая письменность, иноки и особенно настоятели обыкновенно пользовались монастырскими уставами в своих наставлениях. Они избирали известную главу устава для церковного поучения, руководствовались мыслями устава в устной беседе с иноками и мирянами и в письменных ответах им. Многие настоятели часто учили братию и народ, в строго аскетическом духе, и в житиях их, как отчасти видно из приведенных примеров, сохранились самые поучения. Вообще же о содержании уставов, определяющих подвижническую жизнь, должно сказать, что они занимаются более обрядовым, нежели внутренним благочестием, малодоступным разумению, и повторяют одни и те же аскетические правила. Напр. устав преп. Корнилия, разделенный на 15 глав, содержит следующие наставления: глава 1 о церковном благочинии; 2, 3, 4 и 9 о трапезе, пище и питии; 13 о хмельных напитках; 5, 6, 7, 8, 12 и 14 об одежде, собственности и подаянии (нестяжательности); 11 и 15 о посещениях и выходе из обители (удалении от людей и мира); 10 о работе с молчанием и молитвою. Устав Иосифа Волоколамского¹⁴⁹, состоящий из 14 глав, в 10 главе изображает иноческую жизнь, в 11 предписывает настоятелю обязанность учить других (тоже внушает и устав Феодосия Печерского). В сборниках XIV–XV в. есть много поучений и посланий об иночестве, а в житиях святых – несколько монастырских уставов¹⁵⁰.

Наставления о внутреннем благочестии довольно подробно изложены в «Завете юным монахам». Напр. «Не живи по плотскому хотенью, но Богу, заботясь о вечной жизни... Дело

монаха – хранение ума от худых мыслей, молитва и пение... Всегда произноси молитву (краткую); надобно молиться на всякий час... Ум всегда имей горе, взирай на будущее, утверждайся чтением книг. Принимая пищу телесную, корми и душу божественными словами... Одежда тебе – простая свита, из самодельного сукна... Сну предавайся только тогда, когда почувствуешь великую нужду; весь будь оком... Не навывай ходить из келии в другую, разве для духовной потребности... Не прижимайся к брату и не обнимайся... Беги всякого смертного яда, да не войдет смерть пятью чувствами... Не допускай никого смотреть на твое лицо, и сам всячески берегись смотреть на лицо человека молодого» ...¹⁵¹ Но особенною силою и глубиною в изображении благочестия, – духовной жизни и подвижничества отличается устав Нила Сорского состоящий из 11 слов или глав. В этом уставе св. Нил показывает необходимость духовной жизни или подвижничества, состоящую в борьбе со грехом, для истребления его и торжества над ним. При этом он касается самих начал или семян греха, показывает степени развития их и средства к истреблению их. Читая это высокое учение о духовной жизни, исполняешься благоговением к подвижнику, который уразумел тайны, недоступные самым глубоким психологам. Один недостаток в уставе, свойственный, впрочем, всей древней литературе, – отсутствие ясного плана и последовательности в развитии предметов, чем ослабляется его определительность, доказательность и назидание. Вот содержание 11 слов устава в возможно кратком и стройном виде.

Грех начинается с худых помыслов, которые не в нашей власти и внушаются злыми духами. «Многие подвижники хотели уничтожить в себе худые помыслы, вооружались против них уединением, долговременным постом, молитвами и слезами; но несколько не успели в том». «Худой помысл, возрастая постепенно, или восходя по степеням, делается страстью. Первая степень – прилог: объявление уму худой мысли; вторая – сочетание: ответ ума, принятие худого домысла; третья – сложение: преклонение души к помыслу, сочувствие ему; четвертая – пленение: продолжительное соединение с

помыслом, расстраивающее душу; пятая – страсть, одолевающая душу. Помыслов и страстей много, но главных – восемь. Первый помысл – невоздержания, с которого началось падение Адама. Второй – сладострастия, нападает особенно перед причастием, ибо враг старается осквернить совесть. Сложение с этим помыслом есть любодейство в сердце и нравственное падение. Третий – сребролюбия; когда укрепится в душе, бывает злее всех страстей. Четвертый – гнева; «можно оскорблять ближнего не только делом, но и словом и взглядом. Молитва гневливого неприятна, хотя бы он воскресил мертвого». Пятый – печали или скорби; он «делает душу пустою, слабою, ленивою к молитве и чтению. Немал подвиг в борьбе с скорбным духом, потому что он приводит душу к отчаянью и гибели». Шестой – уныния; «в унынии подвижник кажется, что Бог не печется о нем и ему одному отказывает в своей помощи; тогда все благое представляется ему мерзким. Борьба с унынием, особенно пребывающим в безмолвии, весьма трудна, ибо оно приводит безмолвного в отчаяние». Седьмой – тщеславия, которое ведет к гордости, источнику всякого зла. Восьмой – гордости. Гордый мерзок пред Богом; «Бог оставляет его, и он колеблется как лист, как прах».

Средства против главных помыслов и страстей суть следующие. Помысл надобно отсекасть в самом начале, ибо «дознано, что за благими помыслами являются лукавые, страстные: при этом удерживать частое дыхание и творить Иисусову молитву. Когда от частого призывания Господа изнеможет ум и заболит тело, – перейти к пенью». Говоря о невоздержании, св. Нил излагает учение о родах пищи, мере и времени употребления ее. Можно «вкушать от всех брашен, и сладких, но умеренно. Если ты имеешь крепкое тело, утомляй его; если немощное, покой его, хотя мало. При воздержании – входят все добродетели». Относительно прочих помыслов проповедник говорит следующее. «Человек, чистый от скверных мыслей, особенно любезен Богу, Избегающему гнева обещано усыновление Божие. Скорбь надобно переносить благодушно и молиться за оскорбивших; что кажется бесполезным теперь, то может быть полезным после». Относительно гордости. «Люби

молчание, удаляйся споров, не высься в беседах. Встречаясь с людьми, кланяйся им первый; в собрании избирай последнее место. Носи самые худые ризы, люби черные и низкие работы»¹⁵². Вообще, уставы в высшей степени развивают учение об отсечении своей воли и пристрастий, о жизни духовной и самоотвержении.

Нравственное значение аскетической проповеди и приложимость ее к жизни

Нравственное христианское учение достигает высшего развития и напряженности в аскетическом проповедничестве и особенно в поучениях Нила Сорского. В этих поучениях решаются основные вопросы нравственности о жизни и действиях души, ее поврежденности, вменимости и ответственности самых сокровенных мыслей и движений, и средствах к исправлению ее. Уже по самой важности и отвлеченности этих вопросов можно заключать, что решение их не под силу нашим проповедникам, не знавшим другого образования, кроме односторонней начитанности отеческих писаний, беспорядочно изложенных в толстых сборниках. Действительно, как в нравственно-аскетическом проповедничестве русские проповедники пользовались св. отцами, особенно Златоустым, Ефремом и Василием, и прикрывались их именами, так и в чисто аскетической проповеди они пользовались учением греческих подвижников. Все уставы и определения монашеской жизни в России сделаны по указанию Василия Великого, Ефрема, Феодора Студита, Иоанна Синайского и других¹⁵³. И самое основное учение нравственности о помыслах и внутренних состояниях души заимствовано св. Нилом у аскетических проповедников: Макария Египетского, Ефрема и Исаака Сирина, особенно Нила и Иоанна Синайского, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова и других, как показывают его ссылки на св. отцов. Это же учение находится в аскетическом сборнике «Добротолюбии». Аскетическое учение, как врачевство нравственности, указывающее средства против зародышей греха, требует подробного исследования, так как от него зависит правильное устройство жизни. Большая или меньшая

правильность изложения малодоступного учения о зарождении греха и средствах против помыслов и страстей обуславливает большую или меньшую приложимость этого учения к нравственным поступкам. К сожалению, мы не находим последовательного разъяснения этих важных вопросов не только у русских, но и у греческих проповедников аскетизма, и у Нила Синайского – об осьми помыслах. И в самом начале невидно из их учения, каким образом установилась связь между помыслами и злыми духами? и по какому праву они возмущают душу, подвергая ее ответственности? Следя развитие страстей, не видим причины числа основных греховных помыслов, а также взаимной между ними причинности и внутренней связи. Связь эта разъясняется только отчасти, напр. «мысленная борьба начинается с помысла невоздержания, ибо от этого пал Адам» ... Большая же часть подобных вопросов предоставляется решению читателя. Таким образом, это высокое и благодетельное учение не производит того естественного, неодолимого впечатления на душу, какое неразлучно бывает с последовательным развитием нравственных истин. Напр. за невоздержанием следует сладострастие, удовлетворяющее чувствам; далее – сребролюбие, дающее средства к подобным удовлетворениям, и т. д. Но откуда наконец вырождается гордость? она есть усилие униженной страстями природы скрыть свои недостатки под мнимыми достоинствами. По причине этой лживости, нравственного высокомерия при внутреннем расстройстве, гордость ненавистна людям и особенно мерзка пред Богом, Существом совершенным.

При таком научном взгляде на зарождение страстей, и врачевства против них перестают быть отрывочными правилами, и поражают свою связью с грехом, болезнями души. Напр. «кланяйся первый, люби молчание, избирай последнее место, носи худые ризы, исполняй черные работы»; понятно почему, чтобы избавиться от лживости и нравственного высокомерия. Одним словом: аскетическое учение высокое, отвлеченное и трудное к уразумению, при отрывочном изложении становится малопонятным и мало убедительным.

Поэтому, между прочим, во все времена оно подвергалось нареканиям и искажениям, как естественное и противное бренной природе человека. Особенно же во времена материализма, при полном обнаружении чувственности, аскетизм подвергается возражениям относительно его приложимости к жизни. Не слишком ли, говорят, идеальна нравственность, проповедуемая аскетами, и вместо ожидаемой пользы не причиняет ли она вреда обществу? При последовательном же и строго научном изложении, это высокое и малодоступное учение обнаруживает всю свою убедительность, важность и нравственное значение. Оно показывает глубокую порчу души в самых ее помышлениях, невольных ощущениях и зависимость от злых духов, по силе греха, и необходимость горького врачевства, трудных подвигов для коренного уврачевания ее. При этом не только падают возражения относительно приложимости аскетизма к жизни, но становится очевидною необходимость врачевать им материалистические нравы, унижающие природу человека. Но если древние проповедники не владели научными пособиями к точному и последовательному изложению аскетического учения, то они имели другое средство, более убедительно поясняющее это учение и его приложимость к жизни. Мы разумеем церковно-историческую литературу, наполненную житиями святых, и самую живую отрасль ее – предсмертные завещания, похвальные слова святым и – на праздники церковные. Недосказанное в теории пояснялось примерами и подвигами святых, в завещаниях, похвальных словах им, и проч. И для простой мысли предков, руководившихся верою и чувством, пример был убедительнее всякой теории.

Проповедничество церковно-историческое

Мы познакомились с содержанием нравственно-аскетической проповеди, ее высокими правилами, которые ее легко можно было согласить с чувственными нравами предков. Но кроме общих причин, развивавших аскетизм в древней Руси, утверждению его ближайшим образом содействовало проповедничество церковно-историческое. Оно состояло из прощальных грамот пастырей, духовных завещаний подвижников, надгробных слов им, похвальных слов святым, и слов на церковные праздники. Грамоты и завещания имеют характер церковных поучений или слов (при обычной тогдашней безыскусственности изложения и отсутствии в мыслях формы логической), и окончательно характеризуют монашеское настроение древней Руси. «Словами» их называют лучшие историки наши¹⁵⁴. Опустить из виду столь важную отрасль древнего проповедничества, наравне с монастырскими уставами, значило бы сделать невознаградимую потерю для уразумения духа и характера той эпохи. Все этого рода поучения, особенно грамоты и завещания, касаясь жизни подвижников, показывали достоинство веры и правил, которыми они руководились, суетность земных благ, и изображали вечные блага, как награду за подвиги и лишения земной жизни. Они содержали в себе церковно-исторические сведения, и не редко трогательные увещания ко всем христианам, духовенству и судиям, жить благочестиво, в покаянии, и исполнять дела своего звания. Некоторые поучения, особенно грамоты и завещания содержат в себе мудрые практические советы и редкие исторические сведения. Торжественность поминовения и смерти и печальные обряды погребения придавали особенную силу, наглядность и убедительность всем этим поучениям. Смертный одр и катафалк, останки почившего или день памяти его, его прощание и последние наставления, как бы из загробного мира, тысячи народа стекшегося на погребение и поминовение, последнее целование, слезы молящихся, пение и

величественный образ схимы, в которую облакались многие умирающие пастыри, производили глубокое и потрясающее впечатление. И это впечатление не было мимо-текущим; ибо прощальные слова, как исполненные особенной силы и торжественности, заносились в сборники, и наравне с патериками и житиями святых составляли любимое чтение предков. Не даром же летописцы отзываются с восторгом о прощальных грамотах; а грамоту св. Киприана летописец назвал «чудною, исполненною истинного смирения и любомудрия». Таким образом, этого рода поучения, проникнутые аскетизмом, своею обстановкой, наглядностью и убедительностью придавали особенную силу и твердость отвлеченным правилам нравственно-аскетического проповедничества, и примиряли чувственные нравы предков с трудностями христианской жизни и строгостью аскетического идеала.

Прощальные грамоты, духовные завещания и похвальные слова святым

Прощальные грамоты. Прощальные грамоты введены у нас митр. Киприаном, в начале XV в., в эпоху самого сильного развития монашества. Образцом для подобной грамоты могли послужить духовные завещания греческих подвижников, которыми наполнены четьи-минеи. Побуждением личным к написанию грамоты или прощального слова была, конечно, превратность жизни св. Киприана. Он с большими усилиями и неправдами добился русской митрополии; но исправился, при особенностях своих дарований и чувстве неизбежности смерти, все истребляющей¹⁵⁵. И с какою горечью отзывается в его грамоте это чувство превратности земной! Исповедав веру, святитель прощается со всеми; благословляет тех, кто помиловал его в трудных путях, в землях различных, и заканчивает речь трогательным размышлением о суете жизни. «Увы страсти, увy мне! Наг вышел я, наг отойду. Что тружусь и смущаюсь напрасно, зная конец жизни, видя, как все мы идем с плачем во гроб? Начало и конец – плач! Что же в середине? Сон, тень, мечтание! Во многом сплетении жизни все проходит, как цвет, как прах, как тень» ...¹⁵⁶. При чтении этой грамоты успенский собор огласился рыданием. И с тех пор (1406 г.)

вошло в обыкновение читать прощальные грамоты при погребении святителей. Этот новый род поучений, вполне отвечавший монашескому настроению древней Руси, пришелся по вкусу нашим предкам. Они видели в прощальных грамотах выражение нравственной зрелости почившего, его духовной мудрости и как бы выражение воли небесной. Поэтому, отвечая духу времени, стали писать грамоты и завещания не только митрополиты и патриархи, но и епископы, игумены, а наконец светские лица, князья и цари. В этих грамотах завещатели главным образом изображали суетность жизни, необходимость добродетели и благ вечных. И таким образом вся Россия, в разные времена, оглашалась покаянным тоном прощальных грамот, призыванием к добродетели и жизни вечной. И тысячи народа, стекавшиеся на погребение благочестивых завещателей, или имевшие возможность читать их грамоты и завещания в сборниках, получали духовное назидание, аскетический взгляд на жизнь, и готовились к будущему веку. Были примеры, особенно в монашестве, как видим в житиях свитых, что впечатлительные люди, выслушав предсмертное завещание, и проникшись сознанием суеты земной, совершенно изменяли образ жизни, уединялись для строгих подвигов, и сами писали завещания, действуя на других словом и примером. Чтение прощальных грамот было в полном употреблении на Руси более 300 лет, вплоть до реформы, и даже до царствования Елисаветы; а с тех пор, вероятно вследствие влияния европейского просвещения и ослабления монашества, это благочестивое обыкновение стало ослабевать. Разбор прощальных грамот, духовных и светских лиц, как выражения аскетического духа Росси, и полезных исторических фактов, за огромный период времени, ждет еще своего историка.

Известные прощальные грамоты: митрополита Фотия, – отчет в тревогах по управлению паствою. «Прощальная грамота» митрополита Московского Симона. «Прощальная грамота» митрополита Киевского Иосифа. «Духовное завещание» митрополита Макария, весьма умильное.

«Послание умирающего ко всем христианам» Феодосия архиепископа Новгородского¹⁵⁷.

Мы укажем на одну грамоту, или завещание, более других замечательную в проповедническом и историческом отношении, и самую обильную содержанием. Это «завещание свят. Митрофана» Воронежского (в 11 листов). Кроме обычного исповедания веры, увещания духовенству, судиям, правителям и всем христианам проходить свое звание честно и свято, святитель дает в завещании практические советы, почерпнутые из долговременного опыта. «Употреби труд и храни умеренность, – богат будешь. Пей воздержно и ешь мало, – будешь здоров. Твори благое, избегай зла, – будешь спасен.» Эти изречения, как близкие к жизни и благу каждого, пользуются известностью. Завещание свят. Митрофана содержит в себе редкие сведения о его жизни и поясняет, с одной стороны, обстановку, которой сопровождалось чтение подобных поучений, и с другой стороны обширное назидание, внушаемое ими. Умирающий святитель просит облечь его в великий схимонашеский образ, по примеру св. греческих архиереев и патриарха Иоакима, «оп бо заповеда о себе, и нам образ предал»; а также совершать по нем поминовение во всей епархии полгода, а в соборе год. Сколько при этом было молящихся!.. При погребении же святителя присутствовали многие тысячи, и Петр I, с чинами.¹⁵⁸ Из грамот, написанных светскими лицами, заслуживает особенного внимания, по своей обширности и назидательности, грамота Ивана Грозного¹⁵⁹.

Духовные завещания. Духовными завещаниями назывались предсмертные наставления подвижников-настоятелей братии. Эти наставления были подражанием таким же наставлениям греческих подвижников, как видно из житий святых. В сущности, они были сокращением монастырских уставов, кратким напоминанием тех правил, которыми определялась монашеская жизнь, и, следовательно, окончательным утверждением их. В предсмертных завещаниях св. настоятели умоляли братию твердо хранить заведенные ими правила, пребывать в послушании, трудах, бдении, посте и молитвах, и в награду за это обещали испросить у Бога обилие духовных и земных благ.

Вообще, все эти духовные завещания, помещенные в житиях святых, служат повторением, часто буквальным, одной и той же материи, и при всем том они имели большое влияние на утверждение в Росси монашеского духа. Как прощальные грамоты святителей утверждали в народе высокие правила нравственно-аскетической проповеди, так духовные завещания или предсмертные наставления настоятелей утверждали в монашествующих правила чистого аскетизма. Торжественность кончины подвижников, прощание с братией, нередко совершаемые при этом молитвы, каждение и другие обряды, придавали завещаниям их особенную назидательность и убедительность. Эту убедительность возвышало проявление благодати и особенных знамений, нередко освящавших кончину праведника и свидетельствовавших о богоугодности жизни его. Следствием этого было точное и неуклонное соблюдение строгих уставов, особенно в знаменитых обителях. «Как сам Кирилл (Белозерский), говорит Иосиф Волоколамский, имел постоянно попечение о монастырском благочинии, таковы же были после него и ученики... Многие имели такое попечение об иноческом житии и постничестве, и до того преуспевали в божественной любви, что никогда не занимались земным, но всегда возносили ум к божественному свету.» За неуклонное соблюдение завещаний св. настоятелей иноки подвергались даже гонениям. «Имея предания его (Кирилла) в своих сердцах, продолжает св. Иосиф, они никак не допускали бесчинным людям (нарушать их). Об этом они всегда заботились, не только по отношению к инокам, но и настоятелям». Некоторые настоятели пренебрегали постановления св. Кирилла, а обличавших их иноков часто подвергали тяжким побоям¹⁶⁰. Следствия столь высокого благочестия иноков и нравственное влияние их на мирян, как увидим, были весьма велики.

Образцом духовных завещаний, утверждавших монастырские правила и жизнь аскетическую, можно признать самое древнее и полное завещание св. Антония Римлянина (1148 г.), помещенное в житии его; а самое житие изображает и трогательную обстановку предсмертного завещания. Св. Антоний призвал к себе братию и сделал ей такое наставление.

«Вот, я отхожу от жизни сей к Господу. Молитесь, да избегну воздушных мытарств, ибо я грешен. Изберите себе игумена, отца и учителя, и будьте у него (в послушании), в трудах, во бдении, в молитвах, посте и слезах. О своем (призвании) и спасении не нерадите. Милостыни и страннолюбия не забывают... И да ничто же оставится от монастырских законов, св. апостол и пророк, и вселенских соборов; и весь чин монастыря сего, и обычаи, уставленные нашим смирением (соблюдайте). Хотя я и отхожу телом, но духом всегда пребуду с вами. И если обращу благодать у Бога, то обитель сия умножится братией и всяким обилием, духовным и телесным». И наставив их довольно, каждого целовал лобзанием духовным и благословил. Потом усердно молился, говоря: «Господи, избавь меня от князя воздушного, да не обрящет оклеветать меня! И тако да явлюся пред тобою чист и непорочен, и сподоби мя восприяти благая, егда приидеши воздати комуждо по делом его». И велел покадить себя и петь отходную; всех знаменовал крестом, перекрестил лицо свое и сказал: «мир всем!» И возлег на одр, отъиде к Богу, в вечный покой. Братия же плакали великим рыданием и говорили с умилением; «добрый наш пастырю и учителю! к кому ныне прибегнем? от кого насладимся медоточивых словес учений? и кто попечется о душах наших? Ты в тленном житии имел попечение о нашем смирении, не остави нас, угодниче Спасов, и по твоём отшествии»¹⁶¹.

Подобные завещания излагались в житиях святых и вместе с ними, как и прощальные грамоты святителей, составляли любимое чтение предков, особенно монахов. Духовные завещания особенно процветали в XV–XVI веках, когда устанавливались правила монашества и возникали великие подвижники, с любовью руководившие других к нравственному совершенству. Таковы Кирилл Белозерский, Сергей и Павел обнорские, Александр и Евфимий куштские, Савва Вишерский, Макарий Унженский, и многие другие. С XVII века проповедничество этого рода ослабевает, конечно вследствие установки правил монашеских и чисто формального отношения между настоятелями и их подчиненными.

Самые замечательные завещания по своему аскетическому духу и влиянию на нравы следующие. – «Завещание духовное» св. Кирилла Белозерского (1427 г); «Завещание» (и общежительный устав) св. Евфросина Псковского (1481 г.); «Завещание братии» Иннокентия, ученика Нила Сорского; «Завещание или духовная грамота» св. Александра Свирского; «Завещание» пр. Феодосия Тотемского; и таковое же преп. Трифона Печенгского; и особенно «Завещание» св. Нила Сорского. Св. Нил в своем предсмертном завещании между прочим говорит ученикам: «мое старание, сколько силы есть, было в том, чтобы ни в жизни, ни по смерти, не удостоиться никакой чести и славы века сего». И потому он велел «тело свое, много согрешившее Богу, с бесчестьем закопать в яму, или бросить его в пустыне, на съедение зверям». Преп. Трифон тоже дает уроки полного отрешения от мира. «Любите Бога всем сердцем своим и друг друга. Иночество храните честно... Стремитесь туда, где нет смерти и тьмы, но вечный свет. Не любите мира, и того, что в нем. Окаянный мир волнуется ветрами нечестивых духов; всюду простирает плач и пагубу, и наконец все осуждает смертью». В заключение преподобный со слезами предсказал нападение на обитель немцев и избиение братии, что вскоре сбылось, при Феодоре Иоанновиче¹⁶².

В духовных завещаниях настоятелей нередко содержатся домашние распоряжения и исторические сведения о монастырях и их настоятелях. Так, в завещании св. Антония находятся сведения о способе избрания в древности игуменов, о монастырской земле, угодьях, и средствах, какими приобретал их св. Антоний. Не распространяемся о том, что подобные завещания подвижников стоят в связи с их житиями; и потому они, наравне с прощальными грамотами, отнесены к церковно-историческому отделу.

Похвальные слова святым, и надгробные. Грамоты и завещания служили сокращением и как бы заключением нравственно-аскетической проповеди; торжественностью своего тона, в виде последнего приговора, они одобряли и утверждали достоинство ее правил. Похвальные и надгробные слова, представляя отвлеченные правила аскетизма в наглядных

примерах, придавали им увлекательность и жизнь, и тем окончательно возвышали их нравственное значение, убедительность и обязательность.

Похвальные слова, изображая нравственно-аскетическое учение в примерах и фактах действительной жизни, отражают в себе дух времени и стремлений народа; и хотя они составляют подражание похвальным словам греческим, но проникнуты и особым направлением, выражающим духовную жизнь русского народа. В греческом проповедничестве, под влиянием исторических причин, наибольшее количество похвальных слов написано мученикам, и лучшие из них – Василия Великого (наиболее одушевленное – св. Гордию). В русском проповедничестве, под влиянием аскетизма, наибольшее количество похвальных слов написано св. подвижникам, особенно XV века, времени высшего развития монашества. В похвальных словах русским святым можно примечать и частные исторические черты. Подвижники первых веков, – начала христианства в России, и XIV–XV веков, – распространения его на севере, восхваляются и за миссионерскую проповедь, просвещение язычников. Наиболее древние похвальные слова отличаются простотою изложения, сравнительно о позднейшими. Слова XV–XVI веков отличаются напыщенностью и византийским слогом, введенным у нас митр. Киприаном, Фотием и Цамблаком. И вообще, риторика преобладает в похвальных словах, при чем особенным употреблением пользуются две фигуры или общие места. Фигура *обращения* изобретена Цицероном; она состоит в призывании людей отсутствующих и умерших и даже неодушевленных предметов, для оживления речи. Фигура **разделения** состоит в перечислении частей целого, или видов какого-либо рода; призываются напр. к радости люди всех состояний, богатые и убогие, воины и земледельцы, рабы и свободные, и. т. д. Эти фигуры, вместе с уподоблением и аллегорией, в большом употреблении и в греческом проповедничестве. В похвальных словах также встречаются обороты речи, обличающие подражание церковным песням, в виде акафиста, с частым повторением: «радуйся!» Отсутствие плана и логического

порядка особенно заметно в похвальных словах, при наглядности мыслей и картинности изложения. Похвальные слова даже не всегда выдерживают свою форму. Нередко они содержат в себе нравственно-аскетические наставления и обличения пороков, или изображают жизнь святых и чудеса их, или соединяются с житиями.

Похвальные слова русским святым

Первое похвальное слово написано св. Иларионом св. Владимиру, в котором прославляет его за обращение Руси в христианство. Слово написано по византийским образцам, и потому отличается не столько внутренним развитием предмета, сколько внешним блеском, фигурами. В конце слова фигура обращения занимает целую страницу. «Встань от гроба, честная глава... Отряси сон, возведи очи!.. Встань, посмотри на сына своего!..» и т. д.¹⁶³. Слово это имело влияние на русских писателей и служило образцом для подражания, другое похвальное слово св. Леонтию, епископу ростовскому, (сказано около 1164 г.); оно прославляет святого за его миссионерские подвиги, но более содержит в себе наставлений и обличений пороков, написано фигурами, «Поистине это есть вода живая (проповедь), которую этот святой, преславный наш учитель источил, и напоил всю нашу страну, и всех соделал христианами, малых и великих, рабов и свободных, юношей и старцев, богатых и убогих»¹⁶⁴. В самых житиях русских святых нередко находим похвалы им за миссионерские подвиги. Так, в житии св. Авраамия Ростовского восхваляется его апостольская ревность к просвещению язычников. «Радуйся отче, которым мы познали свет (веры) и избавились от тьмы (греховной). Ты взорал землю сердец неверных людей св. крещением и насеял (их) св. книгами, поучением божественных словес», и т. д.¹⁶⁵

Похвальное слово инока Зиновия изображает жизнь св. Зосимы Соловецкого, и его аскетические подвиги, во вкусе XV века. Слово это служит образцом подобного рода сочинений относительно искусственного одушевления предметом и подробного, растянутого изложения его. В нем картинно и напыщенно представлены, с одной стороны, внутренние подвиги святого – пост, молитва, бдение, а с другой стороны –

борьба с грозною природой и бесами в виде зверей. Нравственное мужество подвижника, его полное самоотвержение и стойкость в опасностях свидетельствуют о силе благодати, красоте добродетелей, и возбуждают чувство покаяния¹⁶⁶. Другое похвальное слово инок Зиновия – св. Савватию Соловецкому¹⁶⁷. Это слово служит образцом тех сочинений, в которых вместе с житием и чудесами святого соединена похвала его аскетическим подвигам. Оба слова написаны около 1566 г., в византийском вкусе. Речь испещрена всевозможными фигурами, уподоблениями, аллегориями, и крайне растянута. Похвальное слово на перенесение мощей Зосимы и Савватия¹⁶⁸ написано в виде акафиста, с частым повторением: «радуйтесь отцы!» начинается словами: «благослови отче!» оканчивается славословием Троицы. Подобною же витиеватостью отличаются следующие похвальные слова: «Плач пермской» инок Епифания¹⁶⁹, в котором прославляются миссионерские подвиги свят. Стефана. «Похвальное слово преп. Сергию»¹⁷⁰ того же автора («что же много глаголю, и глаголя не престаю, умножаю речь, распростирая глаголы, и продолжая слово, не могый – похвалити достойно»). «Похвала преп. Димитрию Прилуцкому» вместе с житием его и чудесами, – игумена Макария, написана в форме акафиста, с частым повторением: «радуйся!»

Достойны упоминания в историческом отношении следующие слова: слово в день Бориса и Глеба (похвальное)¹⁷¹. Похвальное слово о. Андрея кн. Михаилу и боярину Феодору; изображает их мучение...¹⁷² Похвальное слово митр. Киприану, Цамблака... Похвальное слово Савве Вишерскому, Геласия... Похвальные слова Пахомия Логофета (1471 г.): преп. Варлааму, в котором обличает иудеев, митр. Петру; на обретение мощей митр. Петра и Ионы... Похвальное – Дионисию Глушицкому, Иринарха (1492 г.).

Похвальные слова русским святым значительно умножились с XV века, с одной стороны вследствие особенного процветания монашества, а с другой стороны вследствие начавшейся централизации русского государства. С сосредоточением государственной власти в лице московского

князя стали объединяться не только политические, но и религиозные вопросы отдельных областей. Поэтому святые новгородские, пермские, вологодские и т. д. стали прославляться во всей России, особенно с XVI века (стоглавый собор, великие четьи-минеи). Жития святых, с похвальными словами, читались во дни памяти их, и таким образом постепенно приобретали всеобщую известность в России. И чем более жизнь святого соприкасалась не только с нуждами Церкви, но и с интересами устраивавшегося государства, тем более она возбуждала сочувствия в народе, вызывала большее число панегиристов, и расходилась во множестве экземпляров. Жития таких святых, с похвальными им словами, развивали не только господствовавший в России аскетический идеал, но и патриотизм, чувства удивления, любви и благодарности. Поэтому напр. житие св. Стефана, окрестившего Пермь, имело несколько списков, и похвала ему названа знаменательными словами: «плач пермских людей». А жития Зосимы и (Авватия соловецких, с похвальными словами им, имели наибольшее количество списков¹⁷³). И неудивительно, ибо они окрестили север России и насадили там монашество. «Многие народы (ижора, чудь, лопари), говорит житие, которые жили подобно зверям, в пустынях, трудами святых обратились в православную веру. И многие из них, приходя в обитель преподобных, «остризаху власы главы своея, бывающе мниси». Конечно, неумеренная витиеватость, с особенною силою сказавшаяся в похвальных словах, много вредит их ясности и убедительности. Но это замечание верно только по отношению к образованному взгляду; а на взгляд простых предков более нравилось «плетение словес и удобрение», и они нарочно удобряли простые сочинения. Так, житие соловецких святых, написанное Досифеем «неухищренно, ниже добрословесием», митр. Спиридон, по усиленной просьбе многих, «исправил, удобрил и добрословием украсил»¹⁷⁴. Похвальные слова, вместе с надгробными, хотя вообще составляют скудную отрасль в русском проповедничестве, но все же они посвящены в большем количестве русским святым, нежели иноземным. Причина тому понятна: жизнь последних, представляя

нравственно-аскетическое назидание, не имеет национального интереса. Поэтому в похвальных словах последнего рода еще более заметны фигуры и риторические обороты, скрывающие недостаток мысли и одушевления предметом. Вообще, слова эти отличаются бесцветностью содержания и утомительным многословием. Самая обыкновенная мысль, проводимая в них, – призывание к радости праздника; и по этому поводу расточаются восклицания и вопрошения.

Похвальные слова вообще святым, иноземным

Похвальное слово Клименту Римскому¹⁷⁵ содержит исторические сведения о нем и бессвязные восклицания. Напр. «тобою русские князья хвалятся, святители ликуют, иереи веселятся, иноки радуются, люди добродушествуют... Да возвеселится ныне старейший между князьями!.. Да возрадуется старейшинствующий между святителями!.. Да ликуют граждане!.. Да празднует светло клир!..» и проч. Следуют в хронологическом порядке: похвальное слово свят. Николаю¹⁷⁶, с кратким житием его. – «Вот, братие, настало светлое празднество! подвинемся на добрые дела ...»¹⁷⁷. Похвала угодникам, исполнившим заповеди... Похвальное слово ап. Петру и Павлу, митр. Феодосия¹⁷⁸. Похвальные слова митр. Цамблака различным святым не редко проникнуты строгим аскетизмом, и некоторые из них написаны в Сербии. Относительно изложения, все вообще слова проповедника отличаются риторизмом и выражают вполне характер византийской словесности. Похвальное слово отцам, просиявшим в посте, состоит из сравнений. Похвальные слова пророку Илии, ап. Петру и Павлу, патриарху Евфимию, великомученику Димитрию и Георгию и 40 мученикам имеют предметом своим жизнь и подвиги святых. Последнее слово составляет подражание такому же слову Василия Великого; предпоследнее проникнуто особенной энергией. Вот несколько строк заключения: «будем подражать и мы страстотерпцу!.. Живописуем страдания мученика в душе: то лежащего на сковородах, то простертого на углях, то биемого палицами и жилами, то вверженного в ров, то обувенного в железные

сапоги, то привязанного к дереву, и разнообразием сей живописи поставим обиталище небесному царю...»¹⁷⁹.

Надгробные слова по характеру своему сходны с похвальными, по объему охватывают более широкий круг предметов; они произносились вообще над людьми благочестивыми, не всегда святыми. Дошедшие до нас надгробные слова, в малом количестве, свидетельствуют о древнем обыкновении чтить память умерших похвалами. Известнейшие из них: слово о представлении св. Игнатия Ростовского; надгробное слово Иосифу Волоколамскому – Досифею; слово об усопших, митр. Цамблака.

Слова на праздники церковные

Похвальные и надгробные слова придавали силу и убедительность отвлеченной нравственно-аскетической проповеди, поясняя ее фактами, представляя ее правила осуществленными в примерах христианского самоотвержения и высокой подвижнической жизни. Ту же цель оправдывали слова на праздники церковные, но несравненно в высшей степени. Эти слова окончательно утверждали спасительность и непреложность нравственно-аскетического учения, и побуждали к исполнению его следующими чертами или доводами.

а) Праздничные слова, наравне с похвальными, нередко изображают подвиги святых и мучения, понесенные ими за веру. И особенную важность придает им то обстоятельство, что они изображают подвиги верховных апостолов и пророков, Матери Божией и самого основателя веры Иисуса Христа. За подвигами величайших ходатаев человеческого спасения обыкновенно следует прославление их, награда на небесах. Все слова на праздники, особенно господские, более или менее выясняют этот предмет, и указывая в примерах высокую цель подвижничества и самоотвержения, окончательно убеждают в непреложности нравственно-аскетического учения и побуждают к исполнению его. Мы тогда только оценим все нравственное значение праздничных слов, когда взвесим трудность подвигов веры, не прекращаемых и не вознаграждаемых на земле, и немощь природы, нуждающейся в поддержке и строго определенных целях, при нравственном направлении.

Устранение этих целей произвело бы нравственную колеблемость в самых избранных людях. Без поощрения небесными наградами, как показывает история язычества, христианская добродетель исчезла бы.

б) Искусственное изложение, которым проникнуты праздничные слова, придавало им новую выразительность и убедительность. Праздничные слова преимущественно написаны Кириллом Туровским, митр. Цамблаком и Фотием; а эти проповедники усвоили себе тон византийской словесности, и потому имели особенное влияние на слушателей. Фигуральность и символизм, подозрительные рассудку, как ничего не доказывающие и нередко запутывающие предмет натянутыми сближениями, благотворно действуют на чувство простых слушателей. Затрагивая область чудесного, фигуры и символы придают простым мыслям поэтический колорит, и тем обольщают неразвитых слушателей. Это доказывается древнею славою проповедников риторов, которой они лишены по суду современной науки, требующей внутреннего развития предмета и непринужденности мыслей. Кирилла Туровского древность почтила именем «златословесного учителя, возсиявшего в России паче всех проповедников»; Цамблака – именем «Григория архиепископа российского». Кирилла, приверженного к символизму, более уважал образованный класс (Андрей Боголюбский списал его поучения); Цамблака, не злоупотреблявшего этим украшением речи, любил весь народ. И что особенно важно: Цамблак хвалил своих слушателей за то, что они с радостью принимали его наставления и исполняли их на деле; тогда как Кирилл иногда жаловался на невнимательность своих слушателей. Что же касается анонимных поучений на праздники, церковно-исторического содержания, то и они, при всей простоте изложения, не чужды поэтической занимательности. Эта занимательность состоит в обилии апокрифических преданий и вымыслов, в роде того, что солнце не заходило на пасхальную неделю, и т. д. Подобные поэтические вымыслы, оживлявшие простой рассказ евангелий, поражали предков своею чудесностью и возбуждали в них глубокие религиозные чувства.

Слова церковно-исторического содержания

Слов на праздники, церковно-исторического содержания, немного; но и в тех немногих характер исторический не выдержан вполне. Почти во всех словах этого рода находятся в смеси различные богословские истины, – догматические, обличительные, истолковательные и т. д. Нередко целая часть слова выражает характер притчи, изъяснения, обличения, похвалы и т. под. Но все такие отклонения от общего исторического характера слов составляют не более, как исключение. Что же касается нравственно-аскетического учения, которым проникнуто все древнее проповедничество, то в исторических словах оно встречается всего менее; в них мало и обыкновенных нравственных приложений. Слова митр. Фотия проникнуты духом покаяния и сокрушения.

Слова из древних сборников

Слово о воскресении Господа¹⁸⁰ частью взято у Евсевия Александрийского; «по воскресении – день продолжался целую неделю» ... Слово о погребении Иисуса Христа¹⁸¹ и плаче Богородицы, в диалогической форме; речи Богородицы сходны с ее плачем в каноне великого пятка. Несомый Спаситель сказал Иосифу: «почему несешь меня молча?» велел петь «св. Боже». С этим словом сходно поучение Кирилла Туровского на мироносиц. Слово св. Иакова о вере и любви¹⁸² излагает историю семи вселенских соборов, утвердивших православие. Слово о посещении России ап. Андреем¹⁸³. «Радуйся апостоле, благословивый нашу землю». Слово на покров Богородицы¹⁸⁴, – рассказ о чуде и просьба о помиловании и спасении.

Слова Кирилла Туровского: в неделю ваий, на пасху, в неделю Фомы, о мироносицах, о расслабленном, о слепом, на вознесение и на собор 318 св. отцов... «В каждом слове обыкновенно изъясняется предмет праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемого события, его значение и следствия, или излагается притча. При изъяснении подробностей события или притчи проповедник почти везде старается показать их переносный, таинственный смысл, иногда верно, иногда произвольно. Краткие евангельские сказания большей частью распространяет; некоторые несложные события

представляет в драматической форме, и в уста действующих лиц влагает длинные речи... Все слова оканчиваются кратким назиданием, или повторением прежде сказанного, или молитвою к Богу, или похвалою угодникам»¹⁸⁵ ... Слово св. отца Кирилла¹⁸⁶ о первозданном – краткий рассказ о падении и искуплении человека.

Слова митр. Цамблака: в неделю ваий, в великий четверток, в великий пяток, на вознесение, на рождество и на успение Богородицы. В них раскрываются известные исторические события, приличные каждому упомянутому празднику. Характер слов запечатлен подражательностью св. отцам, особенно Златоусту; и потому слова эти не имеют близкого отношения к жизни. В слове на великий четверток, говоря о причащении, проповедник обличает латинян за опресноки. Изложение слов чисто риторическое, и почти каждая мысли выражена фигурально. «Креститель ныне рождается, и кто не возрадуется? Предтеча является, и кто не возвеселится? Воин грядет, и кто не притечет? Глас слова вопиет, и кто не услышит? Все встречаем, все радуемся, все празднуем» ... и т. д.

Слова митр. Фотия на благовещение, сретение и неделю православия. В первом слове изложен рассказ о чуде, по случаю которого составлен акафист Богоматери, и явлении креста Константину Великому. Во втором – о событии праздника и восхваляет св. Симеона. «Он как бы выше ангелов, потому что удостоился видеть невидимого и принять на руки свои» ... В третьем – краткая история иконоборства и торжества православия. Эти слова содержат в себе и нравственно-аскетические наставления о посте, молитве, хождении в церковь, покаянии, сокрушении сердца, исповеди, и побуждениях к тому: кончине века, смерти, суде, вечных мучениях. Изложение предметов протяжное, риторическое¹⁸⁷. Напр. «сие отроча упразднило смерть, посрамило диавола, разрушило клятву, утолило скорбь, сокрушило змия, разрушило средостение, раздрало рукописание», и т. д. Фотий часто проповедовал, как сам говорит: «часто изношу слово любви

вашей». Приведенные слова уясняют нам характер его проповедничества.

Проповедничество истолковательное

Отвлеченное нравственно-аскетическое учение, как видно из предыдущего, было господствующим в древнем проповедничестве; оно пояснялось фактами и примерами церковно-исторической проповеди, тоже проникнутой аскетизмом. Но все это нравственное учение, удовлетворявшее духовным нуждам простых предков, излагалось просто, в беспорядке, нередко с примесью лжи и суеверия, без надлежащих оснований и богословской доказательности. Если бы предки наши и не требовали догматических оснований своим верованиям и нравственным убеждениям, то сама жизнь историческая своим развитием вызывала их на подобные вопросы. С одной стороны, влияние византийской литературы, с преобладающим истолковательным направлением, неотразимо действовало на предков, выясняя им истины вероучения, хотя в беспорядке, отрывочно. Обыкновенным проводником такого знания были русские проповедники, многое заимствовавшие из бесед св. отцов, особенно Златоуста. Под руководством их в России умножались переводы не только аскетического, но и истолковательного проповедничества. С самой глубокой древности, особенно в XIII–XV веках, в России умножались переводы книг Св. Писания, с толкованиями св. отцов¹⁸⁸; причем толковые апостолы, евангелия и пророки назначались для домашнего употребления. Если бы предки и не были внимательны к этой литературе изъяснительного характера, то религиозные споры, поднятые богомилами, русскими еретиками, католицизмом и лютеранством, поневоле обращали их мысль к основе религии, догматам веры. И так как все⁷ ереси, появлявшиеся к России с XI века, главным образом подрывали церковную обрядность, на которую опиралось благочестие предков; то понятно, что проповедь должна была выяснять догматы, относящиеся к этому предмету, напр. о монашестве, о почитании храма, икон, креста и т. под. Кроме того, некоторые предметы обрядового богослужения тесно связаны были с гражданской жизнью предков, пользовались особым

благоговением их, и требовали основательного разъяснения. Таким благоговением пользовались – храм, икона и крест. Все эти предметы олицетворялись предками, в виде живой благодетельной силы, охранявшей их от бед. Храм был школою благочестия для предков, прибежищем в напастях, охраною имущества в государственных смутах, местом общественных сделок при торжественном стечении народа, и покоем предков, святителей и князей. Особенною знаменитостью в этом отношении пользовались соборные храмы Новгорода, Киева, Владимира и Пскова. И потому предки жертвовали жизнью за храм, призывали его в молитвах, во имя св. Софии решались на войну и всякие подвиги. Летописцы часто приписывают успех дела милости храма¹⁸⁹. Икона, особенно Богоматери, заступницы христиан, пользовалась чрезвычайным благоговением предков. Богоматерь часто избавляла беззащитную Русь от сильных врагов и завоевателей, и множеством чудотворных икон оказала свое всемогущее покровительство над Россией. Поэтому предки усердно чтили и праздники чудотворных икон Божией Матери, носили иконы ее по домам и улицам, особенно в общественных бедствиях, и брали их с собою на войну. Большим также уважением пользовалась икона свят. Николая, которого чудотворные иконы распространены по всей России¹⁹⁰. Кроме того, разные области особенно почитали иконы местных святых, Сергия, Варлаама, Стефана, Зосимы и других, как это делается и ныне. Но особенным благоговением предков пользовался св. крест. При неразвитости законов и гражданственности, при грубых нравах и насилии, религия была оградою общественной жизни, и крест, символ самоотвержения и честности, – крепкою уздою, сдерживающею необузданный произвол. Сила креста много значила в нашей истории¹⁹¹. «Крест, по понятию предков, хранит того, кто верен крестному целованию, прогоняет врагов, карает нарушающих клятву». Присяга и целование креста и иконы восполняли силу гражданского закона, утверждали общественные дела и ручались за благонадежный исход их. Хотя грубая сила нередко разрывала и эту сдержку, но все же она покаялась ее авторитету. Враждующие князья часто

упрекали друг друга целованием креста; проповедники тоже ставили на вид нарушение клятвы. (Единственный пример сознательного неуважения креста оказал Владимирко Галицкий. Нарушив клятву, данную Изяславу, он отвечал послам его: «что мне сделает этот крестик?»). Понятно само собою, что предки особенно нуждались в разъяснении учения и догматов, относящихся к этим предметам. Проповедники со своей стороны оказывали особенное сочувствие, любовь, благоговение и доказательность в учении о кресте, иконе и т. под. В развитии проповедничества истолковательного замечаем хотя некоторый порядок, условленный духовными нуждами предков.

а) Наибольшую часть истолковательного проповедничества составляет объяснение евангельских чтений и событий; причем нередко излагаются похвалы праведникам, за их подвиги. Есть и литургические объяснения, касающиеся обрядов богослужения. Хотя эти изъяснения отрывочны, но в связи с толковыми апостолами, евангелиями и пророками составляли достаточную систему изъяснения Св. Писания. Поучения этого рода только по форме своей принадлежат к истолковательному отделу, а по содержанию они составляют, по большей части, продолжение церковно-исторического проповедничества. В приводимых проповедниками примерах можно усматривать намеки на современные нравы. Изложение предметов часто картинно и усиливает впечатление и назидание.

Златая цепь (серг. лавры). В неделю мытаря: притча изъяснена подобиями. «Мытарь и фарисей – два конника. Фарисей запряг два коня, да постигнет жизнь вечную; один – молитвы, поста и милостыни, а другой – гордости, величия и осуждения. Гордость запнула добродетели, законная колесница разбилась, и погиб самолюбивый всадник». В неделю блудного: притча объяснена просто: «два сына – праведники и грешники; отец их – Бог. Голод – удаление от причастия. Праведники дивятся благодати божией и не завидуют спасенью грешных». В неделю мясопустную изъяснено чтение о страшном суде. Во вторую неделю великого поста проповедник называет этот пост десятиной года, посвящено Богу; перечисляет праведников,

приобретших постом духовные блага, и грешников, погибших от невоздержания. В конце этого, равно как и первого слова, кратко обличает клеветы, ссоры и другие страсти. В пятую неделю поста разъяснено чтение об Иакове и Иоанне, просивших первенства, и предложены нравственные наставления, понятно, но неискусно. Эти слова близки к началу христианства в России и ложно усвоены Златоусту¹⁹².

Златоустник. В неделю блудного, слово второе; притча объяснена по греческим схолиям. Подобное слово есть в Златой цепи. И пятую неделю великого поста – слово 43 – разъяснено дневное евангелие: не причащающиеся уподобляются неверным и армянам. Подобное слово – в Златой цепи. В неделю самаряныни – 68 Златоуста (некоторые мысли как будто взяты у него). Слово 28 Григория Богослова о божественной службе; исполнено странных мыслей. «Ангелы присутствуют на литургии, осеняют алтарь, участвуют в совершении таинства» и т. под. Тоже слово и в Златой цепи. Ангелова повесть св. Василия; отрывок из объяснения литургии, с нравственным приложением¹⁹³. 73 Златоуста, о сошествии Св. Духа, составлено из разных выписок. Слово истолковано: «Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас»; пространно изъяснено каждое слово молитвы¹⁹⁴. Слово Ефрема о книжном учении¹⁹⁵; объясняет, в чем состоит правая вера, из каких писаний следует черпать истинные знания и перечисляет еретические книги. «Господь учил учеников своих, как молиться»; толкование молитвы господней...¹⁹⁶

Изъяснение евангельских чтений, митр. Цамблака: на преображение, в котором обличает Акиндина; на рождество Иоанна Предтечи, в котором и похвала ему; на усекновение обличает пляску. Изъяснение притчи о блудном сыне, митр. Фотия, в котором говорит о кончине мира, современных бедствиях, и призывает всех к покаянию. «Вот, приближается конец живота человеческого и приспевает последний день». «Что будем отвечать Судии, проведши жизнь во зле и не внимая никаким наказаниям Божиим?» Поучение ко всей пастве митр. Алексия (окружное послание), в котором, подобно Фотию, объясняя притчи, вводит нравственно-аскетические

наставления и излагает некоторые догматы веры. Изъяснив притчу о семени и о винограде, проповедник учит о страхе Божиим, покаянии, любви, милостыне, уважении к пастырям, хождении в церковь и вообще добродетели. «Имейте в уме своем смерть, воскресение, суд и воздаяние каждому по делам... Приходите к иерею с покаянием и слезами. Отвергните всякие злые дела. А сколько есть сил, исполняйте закон Божий... К церковной службе будьте поспешны. Домашняя молитва не может иметь успеха без церковной... Входя в церковь, вострепещи душою и телом... не смейте прогневлиять Бога разговорами»¹⁹⁷.

Слово о слепце и хромце, или притча о теле и душе, и воскресении мертвых, Кирилла Туровского. Некоторый господин сделал стражами виноградника слепого и хромого и казнил их за кражу. «Вы крали вместе; пусть сядет хромец на слепца». Хромой – тело человека, слепой – душа, сад – мир: оплот – закон. Тело и душа осуждены на смерть за преступление закона и т. д. В слове между прочим показана польза чтения св. книг. Замысловатые объяснения нравственных и догматических истин, в форме символов, проникнутых сказочным и анекдотическим характером, особенно нравились предкам. Эта притча издавна была сокращаема для произнесения в церкви, и помещена в прологе XIII–XIV в.

б) Слова догматические, служившие некоторою основою нравственно-аскетического учения. Слово о законе и благодати митр. Илариона, в котором раскрыто превосходство евангелия пред законом Моисея, под образами Сарры и Агари, и учение о Христе... Слово св. отца Кирилла о небесных силах. – Учение о сотворении ангелов, падении бесов (яко песок просунушася с небеси) и их влияния на человека, о сотворении человека для восполнения от падшего десятого чина ангелов. Последняя мысль нередко встречается в древнем проповедничестве¹⁹⁸. Слово в неделю мясопустную, о страшном суде, митр. Фотия. В слове проповедник изображает различие второго пришествия от первого, овец от козлищ, и призывает всех к покаянию... Слово на рождество Богородицы, митр. Феодосия, состоит из славословий. Слово на рождество пресвятой Богородицы, митр.

Цамблака; в слове проповедник излагает прообразы и пророчества о Богоматери... Слово о почитании Божией Матери, Максима Грека. Слово о хулящих Божию Матерь, его же. Изображая величие Божией Матери, проповедник сводит пророчества, относящиеся к ее славе, исчисляет ее добродетели и высокие подвиги. Поучение в неделю всех святых¹⁹⁹ восхваляет начальных русских святых. Слово о почитании святых и икон, Максима Грека. Слово о почитании икон против Лютера, его же... Слово пред воздвижением и слово на воздвижение честного креста, о спасительных действиях его...²⁰⁰. Слово Златоуста на поклонение животворящему кресту (мысли не его)²⁰¹. Тоже слово и в Златой Цепи... Слово в день Воздвижения честного креста, митр. Цамблака, одно из самых одушевленных, в смысле риторическом; находится во многих древних сборниках. Проповедник доказывает силу креста спасительными действиями его и прообразами во всей природе. «О чудо! там дерево, и здесь. Одно посреди рая, другое посреди земли. Одно зелено, листьем украшено, плодом угождено, привлекающим зрение и разжигающим желание; но исходатайствовало смерть и принесло клятву. А это не влажное, сухое, сделанное, но принесло благословение, даровало бессмертие, исправило преслушание ...²⁰² Вселенная описуется четырьмя концами, человеческое естество составляется четырьмя стихиями, круг лета венчается четырьмя временами, вселенная прохлаждается четырьмя ветрами» и проч. Но лучшее слово о кресте, проникнутое сердечным одушевлением, принадлежит неизвестному проповеднику²⁰³. «Возлюбленные! не будем врагами креста Христова. Не станем попираť ногами крестного знамения, ибо на пути часто лежит на крест деревцо или другая вещь. Правила отеческие строго запрещают, чтобы не ходить по крестному знамению, или не сидеть на том, на чем нашиты кресты; не делать в виде креста никаких вещей, напр. на дверях, или на чем бы то ни было; ничего не взять на крест и не бросать с проста на землю. А если увидите, что на пути лежит на крест деревцо или иная вещь: то вы, православные христиане, постарайтесь исправить это. Если

какая-нибудь вещь оставила на земле след креста: то это место загладить. Если что случайно лежит на крест: то эту вещь разрозни, и не смейте пройти мимо, не исправив вещи, лежащей на крест, чтобы крестное знамение не сделалось в поправление неразумным людям и в поругание скоту²⁰⁴. Знаете ли, братие, что бесы трепещут крестного знамения и отбегают такого места опасно». Что же касается учения о почитании храма и благоговения к церкви, то подобные наставления разбросаны во множестве поучений, и большею частью отрывочно, в чем легко удостовериться из предыдущих примеров, напр. поучения митр. Алексия. Оканчивая разбор древних поучений, мы должны упомянуть еще о двух источниках проповедничества, требующих исследования: о безыменном Сборнике Царского, в котором заключается несколько поучений, и малоизвестных и неизвестных памятниках²⁰⁵.

Вывод из предыдущего

Вникая в частное направление мыслей изъяснительного проповедничества, по-видимому, неуправляемое никаким особенным побуждением, мы, однако ж находим это побуждение, по крайней мере в немногих поучениях. Так напр. при изъяснении евангельских чтений, проповедники обращали особенное внимание на изъяснение обрядов литургии, и поучения подобного рода встречаются чаще других. А еще чаще встречается объяснение молитвы Господней и краткой Иисусовой молитвы, каждое слово которой названо догматом. Очевидно, что предки нуждались в разъяснении этих предметов, как наиболее приложимых к духовной жизни. И это тем более справедливо, что простой народ знал немного молитв, или почти не знал их, как свидетельствует об этом Геннадий, и требовал удовлетворения своему религиозному чувству. «Прости людие поселяне, на Господа Бога возлагающе надежду и на пресвятую Богородицу, тайно простирающе ум горе, со воздыханием сердца. Прости человецы, мужи и жены, и инии людие, всяк возраст, последующе сему тайно (в себе), молящиеся глаголют, елико кто что умеюще»²⁰⁶. В догматических словах всего чаще встречается учение о благодати, о Св. Духе, о кресте и иконе, о страшном суде и вечной жизни; словом, почти все те же предметы, которые проводятся и в нравственно-аскетической проповеди; но там эти предметы излагаются отрывочно, в виде наставлений, а здесь с некоторою последовательностью. Что же касается основных догматов богословия о Божестве и т. под., то они, как и во всем древнем проповедничестве, едва затрагиваются. А такие догматы и истины, как напр. о молитве и литургии, о благодати, Св. Духа, кресте, страшном суде и вечной жизни, как нельзя более согласовались с аскетическим настроением древней Руси, и служили довольно прочною основою нравственно-аскетического проповедничества. Эта истина подтверждается еще и тем доказательством, что в сборниках, особенно «Златоустнике» и «Изумруде», всего чаще встречаются

настоящие слова Златоуста, Ефрема и других отцов о подобных же предметах, о молитве, богослужении, покаянии, страшном суде, вечной жизни и т. под. Эти же предметы, как увидим, всего чаще повторяются и в отделе практического проповедничества. Таким образом истолковательное проповедничество, незначительное по объему и несвязанное определенной идеей, строго говоря, составляет отрывочное явление в древнем нравственно-аскетическом проповедничестве; и оно, если так выразиться, играло роль совершенно противоположную истолковательному проповедничеству греческой Церкви. Но принимая во внимание связь этого проповедничества с толковыми евангелиями, апостолами и пророками, бывшими в употреблении у предков, и содержащими разъяснение евангельских событий, нравственных и догматических истин, находим, что оно служило достаточною основой нравственно-аскетического проповедничества. Но кроме общего отношения, истолковательное проповедничество имеет и более тесную связь с нравственно-аскетическою проповедью. Оно, как мы видели, содержит в себе по преимуществу разъяснение тех догматов и нравственных истин, которые имели наибольшее приложение к религиозной жизни предков и служили прочною основой нравственно-аскетического проповедничества.

Отношение нравственно-аскетического проповедничества к жизни

Мы видели, что нравственно-аскетическое проповедничество, введенное аскетами, провозглашало строгие истины христианской нравственности, и особенно в начале периода, – в чисто монашеском духе. Монашеское или подвижническое направление проповеди, в древней Руси было приспособлено к ее нравственным нуждам, как нельзя более. И это приспособление проповеди к жизни было тем естественнее и благотворнее, что оно вытекало из исторических причин, как сказано выше, а не из расчета и принудительных мер правительства. В самом деле, проповедничество доказывало необходимость поста, молитвы, хождения в церковь и в монастырь, соблюдения праздников, покаяния, исповеди и причастия, страха божия, и побуждений к нему: памяти смерти, суда, вечной муки и вечного блаженства; следовательно – необходимость добродетелей монашеских. Это доказывается и целью, к которой направлены исчисленные подвиги: утруждение тела и умерщвление страстей. «Утруждай тело, которым ты согрешил; ибо всякий грех входит сластью, а прогоняется горестью, и похотные страсти умерщвляются алканием. Если (же мы) не труждаемся телом, которым согрешили, то нам невозможно спастись». Но все эти добродетели были спасительным врачевством коренных недугов русского народа, его жизни и нравственности.

Проповедничество нравственно-аскетическое в основание всех добродетелей поставляло пост, и распространялось о нем при всяком случае, кстати и некстати. Почти в каждом древнем поучении есть наставления о посте, его пользе и спасительных плодах. «Пост, говорят проповедники, есть основание всех добродетелей, того ради сияет в мире яко солнце». «Пост очищает тело и душу, возводит на небо, и равным ангелам сотворяет». «Рать в нас многа, плоть противится духови и дух плоти. Поистине потребно есть постное (травное) былие, то бо кротит телесные страсти, удерживает противные стремления, и

духови дает телесное покорение». Притом, как мы видели, проповедники предписывали четыре поста в году, и в каждую неделю посты, что в совокупности составит полгода постного. Правило это простиралось на все годы жизни, без исключения. Предлагая подобное учение, проповедники не углублялись в причины народной безнравственности, а говорили, что вынесли из практики монастырской и опытов духовной жизни. Но это строгое учение о посте, развитое монастырскою жизнью, оказалось благотворным для русского народа, его нрава и поведения. Народ чувственный, управляемый животными побуждениями, всего более нуждался в укрощении страстей и возвышении духа. Он тем более нуждался в этом укрощении, чем крепче была его физическая природа, неослабленная недугами предков, и чем живее и неукротимее были его страсти. А чувственные страсти народа, как доказывает его характеристика, были вполне богатырские. Эти страсти особенно ярко выказывались в богатырях, представителях народной силы и жизни. Известнейшие из них: Микула, Алеша, Добрыня, Илья Муромец и подобные. Эти богатыри полагали свое счастье и славу в пирах, пресыщении и удалстве. Даже при Владимире Великом они собирались в Киев состязаться в силе, удалстве, и пресыщаться на пирах. Идеал богатырской силы и удалства выражается и в древних песнях русского народа, в похождениях Садко, Буслаева, Соловья Будимировича и подобных героев.

После подвигов поста, проповедничество внушало частую молитву, особенно ночную, с поклонами, хождение в церковь и в монастырь, и соблюдение праздников. Частая молитва предписывалась для испрошения помощи в делах и умиловления Бога. «Вставши от сна, говорят проповедники, помолись Богу. Прежде всего сотвори эти дела, чтобы Господь благословил тебя, даровал мирную жизнь и царство небесное». «Грамотным прилично на всяк день петь у себя утреню, часы, вечерню, повечерие и полунощницу, ничего не упуская и не оставляя неотправленным. Неграмотный должен петь псалом: «помилуй мя Боже»; если и того не знает, пусть поклонится пред Богом, по силе, и произнесет 300 раз: «Господи помилуй».

И это ему петь вместо утрени, и часов, и вечерни, и повечерия. И так поступать во все дни», «Ночными молитвами особенно умиловывается Бог, и скоро подает милость свою». «Не пропусти ни одной ночи без поклонов, и сколько можешь, молись Богу, ибо этим поклонением человек побеждает диавола и избавляется от грехов, содеянных днем»²⁰⁷. Кроме этих срочных молитв, проповедники предписывали и постоянную молитву: «будем благодарить Бога на всяк час, не только днем, но и ночью». «На всякое время произноси краткую молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного». Столь усиленная молитва, вместе с строгим постом, ослабляла физическую силу народа. Физиология доказывает, что аскетические подвиги, особенно пост, истощают жизненную силу и вырождают сословия подвижников. Но если пост и молитва ослабляли физическую силу народа, то вместе с тем укрепляли его дух в добродетели. Пост, утончая тело, охлаждает страсти и привязанности мирские; молитва, открывая взору духовный мир, порождает высшие стремления к добродетели и вечной жизни. И главным образом молитва одушевляла тем, что постоянно наполняла дух высшими помыслами и отрывала его от земных забот.

Храм был почти единственною школою для народа, в которой он приобретал познания о вере и духовной жизни. Учение о небе, возвещаемое в храме, пояснялось изображениями святых и торжественностью службы, особенно в праздники. Конечно, эта школа действовала на народ не столько отвлеченным вероучением, малодоступным ему, сколько внешнею обстановкой, поражающей чувства. «Видящие превеликое создание церкви и много чудную подпись, всяк возраст дивился, воистину мнящаяся, яко на небеси стояти»²⁰⁸. Поэтому предки любили строить и украшать храмы, и посещать их, особенно в праздники, а также посылать в храм своих детей. Торжество праздника, крестные ходы, особенно с чудотворными иконами, привлекали народ издалека, сближали его в религиозном чувстве и житейских делах, смягчали злобу и страсти. При живом чувстве и детской вере в святость храма и праздников, предки считали их живыми существами,

исполненными благодатной силы. Храму приписывали победу над врагами, доверяли выбор епископов по жребию, охрану своего имущества и жизни в несчастиях. Благословением праздников укрепляли свое слово и утверждали свои действия. «Кто преступит крест, говорили предки, тот проклят двенадцатью церковными праздниками». Поэтому частое посещение храма, особенно в праздники, укрепляло молитвенное настроение предков, их заботы о духовной жизни, и ослабляло земные привязанности. Таким образом строгий и продолжительный пост, денно-нощная молитва с поклонами, хождение в церковь и соблюдение праздников, ослабляя крепость телесную, живость страстей и привязанностей земных, возвышало дух народа, способность к добру и нравственной усовершенности. «Аще кто прибегнет к святым церквам, говорит летописец, велику пользу примет души и телу». И проповедники справедливо называли церковь «просвещением души».

Покаяние, сопровождаемое говением и сокрушением духа, казалось страшным подвигом для грубой природы и необузданных страстей; но оно облегчалось постом, молитвою и богослужением, возвышавшими дух над плотью, и утверждалось влиянием монастырей. Монастыри, которые, по внушению проповеди, посещались наравне с церковью, назидали предков примерами покаяния и самоотвержения. Здесь грубые предки видели строгую жизнь иноков, полную лишений, борьбы со страстями, ради нравственной чистоты и спасения души; здесь они видели благодать нетления, прославляющую праведных, и невольно покорялись нравственному духу евангелия. Проникнутые сознанием своего недостойнства и чувством покаяния, предки стремились к монашеству и устроили жизнь свою по монастырскому уставу. Это святое чувство покаяния, покорявшее плоть духу, отлично выражено во многих народных песнях и в похождениях богатырей, представителей физической силы и удалства. Многие из этих богатырей, проведшие жизнь в разбоях и пресыщении, под конец жизни отправлялись на богомолье ко святым местам. Так, богатырь Василий Буслаев отправляется ко святым местам и говорит: «с молоду – много бито и

граблено, под конец надобно душу спасти». Чувством покаяния и преклонения физической силы пред нравственным величием монашества проникались и позднейшие русские богатыри. Разин ходил в Соловки, на поклонение. Пугачев, пред казнью, раскланиваясь на все стороны, просил прощения у всех православных христиан. Частая исповедь, причастие и епитимии, введенные по монастырскому образцу, окончательно утверждали в народе сознание греховности и необходимость покаяния; и об этих мерах нравственного воспитания проповедники аскеты особенно много заботились. «Для очищения грехов, твердили проповедники, необходимо часто исповедоваться и причащаться; необходимо понести епитимию, ибо кто не потрудится о своих грехах, тот не может спастись». Таким образом, частое вникание в дела совести и наказание за грехи обуздывали чувственную природу и постепенно возводили ее к нравственной зрелости. Совершенствуясь, с годами, в чувстве покаяния, под конец жизни люди всех сословий стремились к монашеству. «Увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, (предки) сохраняли при этом силу не мириться со злом, сохраняли способность покаяния. Против сильной болезни выставлялось и сильное лекарство; подле богатыря, представителя материальной силы, общество выставляло монаха, подвижника духовного, представителя нравственной силы. Богатырь и монах – два господствующие образа средних веков, и оба они часто соединяются в один; под мантией инок подмечаем кольчугу богатыря. Неудивительно видеть в русских князьях и богатырях стремление к монашеству, желание постригаться хоть перед смертью»²⁰⁹.

При нравственной чуткости, воспитанной постом, молитвою и покаянием, учение о страхе Божиим, смерти, суде и воздаянии, было внушительным средством к обузданию пороков. Это тем более верно, что проповедники всего чаще говорили о страхе Божиим и доказывали необходимость его общественными бедствиями, как следствием беззаконий. Поэтому они называли «страх Божий ограждением от всех бед». При необузданности материальной силы, слабо сдерживаемой законом, страх суда Божия остепенял грубых людей. Когда

самоуправство, несмягченное наукою и боязнию суда человеческого, расстраивало общественный связи, сеяло повсюду раздоры, злобу, коварство и мщение, страх суда Божия заменял несознанный закон. Буйный произвол народа, нагло попиравший чужие права в достижении корыстных целей, трепетал пред высшим судом, видя следы его в земных наказаниях. Поэтому древний писатель глубокомысленно заметил: «большая нужда и злая скорбь устрашает и приводит человека к вере». Страх и трепет божественного суда выражен народной пословицей: «гром не грянет, мужик не перекрестится». Этот страх небесного суда, часто гремевшего над полуязыческою Русью, оправдывается убедительными фактами. Самые естественные явления на небе, в роде дуги, огородившей солнце, приводили в трепет, грубых людей. Они припоминали себе потоп, страшный суд, и прощались друг с другом, в ожидании конца света. А когда наступали действительные бедствия: война, разорение, голод, эпидемия и смерть, тогда предки наши повергались в прах пред Богом. В чувстве сознания своего недостойнства они давали обеты Богу, строили церкви, совершали посты, молебны, крестные ходы, и с плачем взывали о помиловании. При нашествии Тамерлана на Россию, тысячи народа, сопровождая икону Богородицы, громко взывали: «пощади, Госпоже царице». И не было зрителя, который бы не тронулся общим сокрушением и плачем народа. Самые жестокосердые люди, владельцы, ростовщики, крамольники и грабители, видя в общем покаянии порицание своих действий, смягчались и умилялись духом. Пред лицом смерти и суда Божия они распускали рабов, раздавали награбленное, каялись в грехах, исповедовались, и отходили в жизнь вечную с надеждою на помилование.

Таким образом нравственно-аскетическое проповедничество, внушая народу пост, молитву, хождение в церковь, соблюдение праздников, покаяние и страх Божий, обуздывало его чувственные наклонности и возвышало нрав. Исходя из убеждения, что должно удручать грешное тело, для умерщвления страстей, оно не дало народу закоснеть во зле, приучило его к нравственной борьбе и преспеянию в

благочестии. Правда, проповедничество более обращало внимание на внешние подвиги, понятные грубому народу, нежели на внутренние, для которых он не созрел; и приучило его более к механическому благочестию, нежели нравственному самообладанию. Да этому самообладанию и нельзя научиться скоро. Но и во внешнем благочестии на народ возложена трудная задача; от него требовались монашеские подвиги, не совместимые с мирскою жизнью. Ни одна история в мире по представляет такого угнетения народа аскетизмом, как история русская. Чувственная природа его совершенно подавлялась нравственными требованиями, и силы духовные необыкновенно напрягались: и только богатырские силы древнего человека могли вынести такое бремя. Основую же нравственно-аскетического проповедничества и возбудителем благочестия было чисто аскетическое проповедничество. Оно-то своими словами, уставами, грамотами и завещаниями, а также похвальными словами, воспитало строгих подвижников, которые проводили аскетические убеждения в мир, и подкрепляли свое слово делом. Слово сурового аскета, закаленного в монастырских подвигах, не расходилось с жизнью, как это случается с образованными проповедниками; и потому, при всей своей простоте, оно возбуждало полное доверие и одушевляло простые сердца к самоотвержению.

Возвышая духовную жизнь народа, в монашеском направлении, нравственно-аскетическое проповедничество тем самым укрепляло его гражданскую жизнь. Чувство нравственного долга, подвижнического настроения и религиозного одушевления объединяло крепкий народ в одну православную семью, освящало религией все его установления и делалось основой русской народности. Это высокое чувство не допускало нравственного разложения, отчаяния в бедах и подчинения русского народа чужой национальности. Оно скрепляло слабые гражданские отношения и именем религии вызывало народ на всякие пожертвования для отечества. При обыкновенном течении дел религиозная восторженность народа казалась скрытою силою и допускала обнаруживаться общественным нестроениям. Но в крайней опасности,

угрожавшей бытию народа, религиозное одушевление являлось спасительною силою, исцелявшею общественные недуги и нестроения. Народ, без чувства совести и нравственного одушевления, не способен к подвигам, героизму и великим делам, и недостоин национальной самобытности. И мы увидим, что аскетическое настроение народа, его способность к религиозному одушевлению и самоотвержению спасли Россию от разложения, которому она подверглась, вследствие вековых неурядиц.

Таково общее отношение нравственно-аскетического проповедничества к жизни народа, религиозной и гражданской. Нравственно-аскетическое проповедничество, обуздывая чувственную жизнь и силу народа, давало ей высшее направление, религиозно-аскетическое; а религиозное одушевление народа укрепляло его гражданскую жизнь и спасло его национальность. Частное отношение проповедничества к жизни, по которому оно должно быть зеркалом и отражением ее, односторонне и неудовлетворительно. И в этом отношении русское проповедничество, нравственно-аскетическое, имеет общую участь с проповедничеством других народов. Проповедничество всякого народа, имея задачею своею утверждение веры в народе, мало занимается жизнью, ее нуждами и явлениями. Кроме того, преследуя главную свою задачу, проповедничество всегда относится к жизни более или менее односторонне, порицает ее недостатки и умалчивает о достоинствах. Притом оно изображает грехи более обыкновенные, выдающиеся, свойственные всему человечеству, нежели национальные, домашние, скрывающиеся от наблюдения. Если же по духу времени и вкусу народа проповедничество проникается напыщенностью и риторизмом, то оно вдается в преувеличения и фальшь. Образцом риторического характера служит греческое проповедничество, особенно византийского периода, с V века. Оно, как мы видели, имело влияние и на русскую проповедь и литературу, особенно в XV веке. Риторические преувеличения казались тогда делом естественным. «Таков убо бысть сей истовый велеумный правитель, вседоблий наказатель, истинный

кормчий, изящный предстатель, молитвенник крепок, чистоты рачитель, целомудрия образ, терпения столп, князем и боярам, и всем людям о благочестии твердый поборник, архиереям и всему освященному собору благоразумный соглагольник». ²¹⁰ Подобным образом служит и латинское проповедничество, особенно схоластического периода, заимствовавшее фигуры и символизм от греческого проповедничества. Даже в лучших произведениях современного французского проповедничества читатель поражается диалектикой, отступлениями, обилием фигур и механическим делением темы на две части.

Ссылаемся на лучший сборник проповедей: *Dictionnaire des predicateurs, ou choix de sermons entiers prononces par les auteurs les plus celebres, reunis et classes par ordre alphabetique de matieres par une societe d' ecclesiastiques dictingues sous la direction d' un ancien vicaire general de Besancon*».

«Проповеди церковных учителей, говорит один историк, по самой природе своей служат односторонним источником в деле изучения нравов данного времени; ибо они имеют задачу своею осуждать и карать беззаконие, призывать грешников к покаянию; но не имеют целью хвалить благочестие. Проповедники изображают обыкновенные пороки, при чем вдаются в риторику, и преувеличивают их ²¹¹». Нравственно-аскетическое проповедничество, отвечавшее потребностям русской жизни, строгое по характеру и простое в изложении, по видимому, менее всего подвержено указанным недостаткам. Оно более греческого проповедничества занималось современными правами и менее латинского проповедничества подчинялось риторизму. Но самая строгость его направления делала его односторонним. Осуждая нравственные заблуждения, противные аскетическому идеалу, оно не могло довольствоваться наличными достоинствами, всегда далекими от строгого идеала. Только в похвальных словах святым проповедничество выставляло образцы для подражания; но оно украшало их «добрословесием» и опускало из виду жизнь, борьбу нравственную и падения. Эти замечания о частном отношении к жизни древнего проповедничества, или односторонности его приложения, весьма важны. Они

предохраняют нас от излишнего доверия проповедям в изображении нравов эпохи, и дают возможность с большей точностью и обширностью взгляда определять влияние проповеди на жизнь. Не стесняясь порицаний проповедников, мы можем открывать достоинства среди недостатков, при помощи истории, и выносить отрадные убеждения о природе человека и его стремлениях к добру.

Проповедничество практическое

Характер проповедничества практического

Нравственно-аскетическое проповедничество, рассматриваемое само в себе, независимо от практического элемента, которым оно проникнуто, весьма важно по своему духовному настроению и влиянию на жизнь. Духовное значение его еще более возвысится, когда будем рассматривать его в связи с чисто аскетическим проповедничеством, дающим ему опору. Нравственный идеал, начертанный этого рода проповедничеством, безграничен; он возбуждает все силы человека в стремлении его к добру. При всем своем духовном значении, нравственно-аскетическое проповедничество не имеет особенного веса в историческом отношении. В этом отношении оно уступает место практическому проповедничеству, даже самому несовершенному. И это потому, что нравственный идеал действует возбuditельно не столько на всех, сколько на лучших людей с крепкими силами; а слабых людей он угнетает и нередко сокрушает; а главным образом – по причине своей отрешенности от мира земного, его запросов, стремлений и недоумений. В самом деле, аскетическое проповедничество направлено к цели небесной, устройению жизни духовной; в этом отношении русское аскетическое проповедничество имеет много общего с аскетическим проповедничеством восточного и западного христианства. Практическое проповедничество направлено к устройению и улучшению жизни земной, но духу евангелия, и в этом отношении оно дает полезные уроки к возвышению русской жизни и гражданственности. Поэтому главный интерес русского проповедничества первого периода заключается в практическом отделе его и требует от историка особенно тщательного исследования.

К сожалению, в этом отделе мы не найдем проповедей практических в собственном смысле, по крайней мере в значительном количестве. Русское проповедничество, подражательное греческому отвлеченному, более или менее выдерживает его характер и в практическом отношении. Русские

проповедники, подобно греческим, проникнутые аскетизмом, как бы неохотно говорили о земных делах. Привыкнув к созерцаниям мира духовного и нравственно-аскетического идеала, они настолько касались земных нестроений, насколько последние мешали осуществлению этого идеала. Кроме того, в древней Руси не существовало гомилетических правил и научного распределения проповеднических предметов; а потому естественно видеть в древних поучениях смесь разного рода истин. Обыкновенно в них смешиваются истины нравственные и житейские, и первые преобладают над последними. Чисто практических проповедей в древнем проповедничестве, как уже сказано, весьма мало. Не находя в древнем проповедничестве достаточного количества практических поучений, мы имеем основание довольствоваться полу практическими, смешанного содержания. Основание это заключается в самом свойстве или характере древнего проповедничества. Нравственно-аскетическое проповедничество, руководя жизнью народа, само по себе составляло нарек на его недостатки, умственные и нравственные заблуждения; примесь к такого рода поучениям житейских истин, обличений и наставлений, придавала им, в значительной степени, практический характер. Конечно, практические истины содержатся в нравственно-аскетических поучениях не в одинаковой мере. В большей мере они содержатся в поучениях наставительных, направленных против умственных и нравственных заблуждений, и в меньшей – в поучениях, сказанных по случаю общественных бедствий. Образцом практического слова в древнем духе, относительно содержания, слововыражения и расположения мыслей, служит «слово о мытарствах».

Но предварительно выясним, с надлежащею точностью, объем и значение практической проповеди, о которой сообщено, во введении, краткое понятие, так как относительно этого предмета в нашей литературе существуют произвольные мнения. Точное определение практической проповеди весьма важно в научном отношении. Оно установит правильный взгляд на обширную область русского проповедничества, разграничит его виды или составные части, устранит произвольные мнения

об этом предмете, и пояснит характер древней проповеди, своеобразной, неподходящей под наши определения и системы.

Мнения писателей о практической проповеди и проповедниках

Решению вопроса о практической проповеди предположим мнения писателей об этом предмете, нечуждые противоречий, так как они много способствуют к уяснению данного вопроса. За неимением истории проповедничества и строго научных определений практической проповеди, открывается широкое поле недоразумениям и произвольным мнениям об этом предмете. Недоразумения писателей достигают высшей степени, когда к ним примешиваются сторонние побуждения, которым наука не дает особенной цены. Побуждения эти: личное расположение к проповеднику, уважение к его сану, таланту и проч. Все эти личные побуждения настраивают писателя к панегиризму, преувеличению достоинств сочинения, порождают в читателях благоговение к проповеднику, и производят в литературе большую путаницу, особенно, когда суждение о проповедях произносится докторально, тоном самоуверенным. Таких произвольных суждений, разных цветов и оттенков, в нашей проповеднической литературе весьма много. В своем развитии и разнообразии они необходимо доходят до крайностей и впадают в противоречия, нередко странные и несообразные с существом рассматриваемого дела. Приведем более резкие из этих мнений, способствующие уяснению нашей задачи.

Сколько нам известно из опыта, наибольшая часть проповедников и мыслящих людей придают самое обширное, и, можно сказать, преувеличенное значение практической проповеди. По их мнению, всякая проповедь практична, потому что направлена к нравственной цели – исправлению жизни, утверждению веры и благочестия. Руководясь подобным взглядом, мы не нашли бы в области проповедничества и богословия ни одной истины непрактичной, так как все они направлены к благим целям. Поэтому и катехизические поучения, раскрывающие символ веры, да, пожалуй, и самый катехизис пришлось бы назвать практической проповедью. С

этим, конечно, нельзя согласиться. Подобный взгляд выразил печатно некоторый сочинитель, по поводу разбора проповедей м. Филарета. «Раскрытие в проповеди отвлеченных тем, говорит он, надобно полагать, еще не лишает ее практического смысла, не отнимает у нее современного жизненного значения... Почитаем проповедников золотого века. Мы наталкиваемся здесь на темы самого отвлеченного содержания. Проповедники доказывают троичность Лиц Божества, единосущие Сына с Отцом и под. Неужели поэтому их проповеди чужды жизненности, современного значения? Эти вопросы были вопросами времени, жизни, внимание общества было поглощено ими²¹²». В таком случае нам, пришлось бы назвать практическими проповедями Огласительные Поучения Кирилла Иерусалимского, Катехизис Григория Нисского, слова против ариан Афанасия Александрийского и Григория Богослова о Троице. Но где же мерило для разграничения родов проповеди? И что станет с отвлеченною, абстрактною проповедью, – как отличить ее от конкретной, полной жизни, современных интересов, деяний человеческих?

Другой сочинитель высказывает подобную мысль, с ограничением. Он не желает отделять проповедь нравственного содержания, по его понятию – однозначущую с практической, от догматической. «Догмат и нравственность в христианстве неразрывно связаны между собою. Христианская нравственность основывается на догмате, из него вытекает, как его жизненный, практический итог... И проповеди истины догматические и нравственные большею частью являются в своей отдельности, от чего происходит, что ни догмат не имеет влияния на жизнь, ни нравственность не входит в жизнь, не управляет ею²¹³. Мы увидим, что проповедь нравственную, а тем более догматическую, ни в каком случае нельзя смешивать с практической.

Неудивительно, что при таких недоразумениях и произвольных взглядах на практическую проповедь, в нашей литературе укореняется неосновательная оценка проповеднических трудов; что самые утонченные схоластики и догматисты незаслуженно возводятся на степень практических

проповедников. Не говоря о многом, укажем на более разительные примеры. М. Стефан Яворский, первоклассный схоластик в истории русского проповедничества признан практическим проповедником²¹⁴. Известно, что его догматические проповеди о вере и добрых делах, о церковном предании, о почитании святых, воскресении мертвых и проч. направлены были против заблуждений протестантов. Эта практическая цель ввела в заблуждение писателей, рассуждавших о значении проповедей м. Яворского. М. Филарет, самый утонченный догматист и отвлеченный экзегет, которого по таланту сравнивают с Григорием Богословом, признан в литературе глубоко-практичным проповедником. Сказав об отвлеченных темах проповедников золотого века, вышеприведенный нами сочинитель спрашивает: «не таковы ли и темы проповедей м. Филарета? ... И мы утверждаем, что проповеди Филарета, при всей отвлеченности их содержания, являются проповедями в высшей степени современными, жизненными... Они глубоко практичны²¹⁵». Отвлеченные темы проповедей м. Филарета и такое же содержание были направлены на нравственные недостатки и умственные заблуждения москвичей. Но практическая цель проповедей еще не ручается за таковое же содержание их. Цель практическая сама по себе, а догматизм проповеди сам по себе- одно другому не мешает.

Каковы бы ни были мнения наших писателей о практической проповеди, они важны для науки в том смысле, что порождают спор и вызывают деятелей на поприще возникающей у нас истории проповедничества. К заслуге наших писателей надобно отнести и их скромность, литераторскую сдержанность, по которой они выдают свои убеждения за личные мнения, не более. Высказывая эти мнения, они вообще говорят проблематически: «по нашему мнению», «мы думаем», «нам кажется», и редко аподиктически: «мы утверждаем.» Независимо от мнений скромных писателей, возводящих догматическую проповедь и отвлеченных проповедников в практические, у нас найдутся, для блага науки, и более зрелые авторитеты, смотрящие на дело без предубеждений. Мы

разумеем писателей, заявивших здравые суждения о практической проповеди в лучших духовных журналах²¹⁶. Мы укажем только на один журнал – Руководство для сельских пастырей, постоянно проводящий верные взгляды и суждения о практической проповеди. В статье: «учительное евангелие Транквиллиона» предстояло искушение возвеличить сего проповедника практическим. – Он написал поучения в защиту таинств, против лютеран и т. под. Между тем и в этой статье правильно разграничено содержание проповедей, и истины практические строго отделены от нравственных и догматических²¹⁷.

Проповедь практическая в тесном смысле, и отличие ее от догматической

При существующем разногласии относительно содержания практической проповеди, требуется особенная точность в определении ее. Вопрос труден и нов. Что же такое, в самом деле, практическая проповедь, в тесном смысле, и в чем состоит отличие ее от догматической? Изложенное об этом предмете и учение во введении очерка не устраняет споров, потому что не разъясняет подробностей дела и частных данного вопроса. В этом, так сказать, критическом положении мы поищем твердой почвы, на которой незыблемо утвердятся наши определения. Такою почвою, по-нашему мнению, послужит филология или филологическое доказательство. Πράξις значит: поступок, дело. В то слово противопоставляется слову: Θεωρία, созерцание, теоретическое знание. Итак, по словопроизводству, практика обнимает явления жизни, поступки и дела людей, в отличие от теории, имеющей предметом своим отвлеченные представления, идеи, предметы созерцаемые умом. Слово: Θεωρία, в смысле отвлеченного знания, сходно со словом: δόγμα. Δόγμα в обширном смысле значит непреложное учение, богословское и философское, в тесном – правило веры, собственно догмат. Из этого намека, или филологического довода, естественно вытекает различие между проповедью практическою – жизненною, и отвлеченною – догматическою. Для окончательного уяснения нашего вопроса мы утвердим на данной основе, или филологическом доводе, доказательства опытные и богословские.

По принятому правилу, как отчасти видно из прежних доводов, и в жизни, и в науке вообще практическою называют ту проповедь, которая раскрывает явления действительной, современной жизни; а таковыми бывают нравственные нестроения данного времени. Конечно, и ереси, умственные заблуждения в вере, тоже явления жизни. Но ереси, как извращение догматов, суть продукт умственно-религиозной жизни, и потому они составляют предмет отвлеченной

проповеди. Ереси в том только случае дают практическое содержание церковной проповеди, когда они сопровождаются последствиями для действительной жизни, прямыми, или косвенными. Прямое следствие ересей – извращение нравов. Так, искажение догмата о таинстве брака ведет к нечистой жизни, многоженству, гражданскому браку и под. Не прямое следствие – волнение общества, напр. разделение, произведенное арианством, гонение – иконоборством и т. п. Эти следствия случайны; они могут быть и не быть, подобно диспуту, оконченному миром, или ссорой, раздражением; они не вытекают из ересей неизбежно.

Догматическая проповедь в богословской науке определяется точно, и строго отделяется от практической. Догматическим учением в обширном смысле, по мнению отцов, называются все истины веры, в том числе и церковно-исторические. В тесном смысле – правила веры (напр. Бог троичен), отличные от правил деятельности²¹⁸. Итак, правила веры, истины экзегетические, деятельные, обрядовые, канонические и церковно-исторические составляют предмет догматической, отвлеченной проповеди, не сходной содержанием с практической. Здесь само собою возникает недоумение относительно церковно-исторических истин, составляющих явление действительной жизни, а не теорию. По-видимому, библейские и церковно-исторические истины относятся к практической проповеди. Но в них не достает, для этого, существенного признака, – современности, или отношения к действительной жизни. Кроме того, сделавшись в богослови общими доказательствами, поясняющими отвлеченные догматы, они, по справедливости, относятся к отвлеченному, догматическому учению, а не практическому.

Коротко сказать: практическою в тесном смысле называется проповедь, раскрывающая явления современной жизни, умственные и нравственные заблуждения, под руководством веры. Догматическою – та проповедь, которая содержит отвлеченное богословское учение, или догмат в обширном смысле. При этом умственные заблуждения в вере или ереси под тем условием дают практическое содержание, если они

раскрываются в связи с явлениями современной жизни, – прямыми и косвенными следствиями их; а доколе они вращаются в сфере отвлеченных, догматических споров, – составляют теоретическое учение, не имеющее отношения к жизни действительной.

Теперь понятно, под какие формы и определения необходимо подвести разнохарактерные проповеди, вводящие в заблуждение писателей и критиков своим содержанием. Проповеди отвлеченные, в значительной степени проникнутые практическим элементом, очевидно смешаны по содержанию своему. Проповеди, скудные практическим элементом, такими и должны быть названы. Проповеди отвлеченные, но направленные на известные недостатки времени, с целью обличения их догматическим путем или способом, – практичны по своей цели, не более. Проповеди догматические, обличающие и оспаривающие ереси, без отношения к интересам действительной жизни, как продукт отвлеченных умствований, – полемико-догматические; такими проповедями богат золотой век византийской литературы. Переставлять эти определения без научных оснований, значило бы впадать в смешение понятий и подвергать себя нареканию.

Конечно, и скудная жизненным содержанием проповедь может быть признана практичною, по недоумению и разным сторонним побуждениям, как это и делается в литературе. Но подобные отзывы, основанные на произволе, не имеют научного значения, а потому и не заслуживают уважения. И при нынешних требованиях науки и выясняемых взглядах на проповедничество нет основания и повода снисходить подобным вольностям. Иное дело, древнее наше проповедничество, возраставшее на свободе, не связанное точными гомилетическими правилами: оно не подчиняется нашим современным требованиям и правилам. Впрочем, обстоятельное учение о практической проповеди пояснит нам и своеобразный характер древнего русского проповедничества, уклоняющегося от системы и научных определений. Оно даст нам возможность смотреть снисходительно на недостатки древней практической проповеди, и признать ее таковою, если

не по содержанию, не выдерживающему критики и не заслуживающему вполне этого названия, то ради интересов науки, – более, удобного изучения и разграничения проповеднических предметов.

Для большего уяснения этого предмета отделу практического проповедничества предпосылается слово о мытарствах, выражающее всю своеобразность древней практической проповеди.

Слово о мытарствах, как образец древней практической проповеди²¹⁹

Слово о мытарствах приписано Кириллу философу, неизвестно какому; но оно подвергалось на Руси разным переделкам, записано во многих сборниках, и с самой глубокой древности доставляло предкам искреннее назидание. В слове этом находятся почти все главные истины и догматы нравственно-аскетического проповедничества, которые раскрыты и в церковно- исторической литературе, особенно в житиях святых. Так, в нем говорится о необходимости добродетелей для спасения души, а именно: поста, молитвы, покаяния, исповеди, епитимии, и вообще нравственных подвигов; ибо живущих без подвигов, в покое и довольстве, говорит слово, ждет гнев Божий. Излагаются догматы, служащие основой и побуждением к сим добродетелям и подвигам, а именно: учение о смерти, влиянии на человека ангелов и бесов, о суде, воскресении, вечной муке и вечном блаженстве. Здесь же в первый раз высказывается учение о близком разрушении мира (с окончанием семи тысячелетия) и пришествии антихриста. «И вот уже видим приближающийся конец миру и скончавшийся урок житию. Уже бо мало (остается) нашего живота и века». Но главным образом в слове раскрыто учение о мытарствах. Это учение имеет сходство с хождением ап. Павла по мукам; оно же находится в житиях Василия Нового, Антония Римлянина и Авраамия Смоленского. В этом же слове находятся почти все истины практические, входящие в состав древнего проповедничества. Так, в нем говорится об умственных заблуждениях и недостатках народа: суеверии, чародействе, страсти к ворожбе, гаданию по приметам, ношению талисманов, и ересях; о нравственных недостатках: пьянстве, объедении, блуде, страсти к пиршествам, играм, музыке, пляске, корыстолюбию, отдаче денег на проценты, взяточничестве, воровстве, грабительстве, драчливости, сквернословии, лжи, клевете и подобных страстях. Особенно обличается немилосердие к нищим и рабам, обременение

последних работою и неудовлетворение их пищей и одеждою. Все эти заблуждения и пороки обличаются бесами на 20-ти мытарствах и уготовляют душе вечную муку в огненном озере. «Если душа исполнила все заповеди Божии, но была немилостива к нищим и рабам, то все же будет истязана от воздушных бесов». Изложение слова отличается недостатками, свойственными церковно-славянскому языку, простотою, тождеством, многословием, темнотою и вообще неправильным построением речи. Напр. «да нельзе се их запрети (оспорить грехи)»... «Язык молчанием затворится»... «Да тем (грешным) явится им ярость Божия, полна гнева и яру, беду отмщения носящи»... В расположении мыслей, по обычаю древних слов, господствует беспорядок, повторение и растянутость, от которых зависит длинна слова.

Виды практического проповедничества

При всем смешении в древнем проповедничестве разнородных истин, в нем можно наблюдать некоторое разветвление практических вопросов, или виды практических поучений. а) В основании практического проповедничества лежит обличение умственных заблуждений и недостатков народа, от которых зависят и нравственные нестроения его. А именно: в начале периода преобладает обличение идолопоклонства, в конце – обличение ересей, и в продолжении всего периода – обличение суеверия, порожденного язычеством, астрологией и неправильным пониманием христианства. б) За умственными заблуждениями и недостатками выступают нравственные, как следствие своих причин. И в продолжение всего периода – обличается чувственность народа, эгоизм, корыстолюбие и буйство. в) За обличением нравственных недостатков и заблуждений следует утешение и увещание в бедствиях, порожденных грехами людей, нечестивою жизнью. В этом отношении проповедники действуют двояко: с одной стороны, для отвращения общественных бедствий, призывают народ к исправлению и покаянию, а с другой стороны, для облегчения их, принимают самые действительные практические меры. г) Вообще же для исправления народа и возвышения его нравственности, пастыри проповедники постоянно заботились о действии и распространении проповеди. Для сей цели они часто внушали духовенству учить народ христианской вере и добродетелям, при чем указывали на недостатки самого духовенства и народа; и, кроме того, содействовали успеху проповедничества административными распоряжениями, определениями соборов, пособием гражданской власти и т. под.

Доселе мы вообще рассматривали отдельно жизнь и нравы предков, а также характер греческого и русского проповедничества. При этом мы заметили, с одной стороны, большие неурейства в общественной и частной жизни народа и недостатки в его характере, а с другой стороны,

необыкновенную высоту и напряженность нравственного учения греческого и русского проповедничества. Рассматривая отдельно эти важные предметы, мы не видели между ними тесного, взаимного отношения. А судя по свойству этих предметов, – чувственной жизни предков и строгости нравственно-аскетической проповеди, кажется в праве отрицать между ними всякое отношение. Теперь, применяясь к намеченным пунктам практического проповедничества, мы рассмотрим эти разнохарактерные предметы в связи и увидим, насколько они согласовались между собою, взаимодействуя и ограничивая друг друга. Увидим, насколько жизнь предков, при всех ее недостатках, как бы нравственных терниях, оказалась удобною почвою к принятию нравственно-аскетического учения? Насколько и это учение оказалось плодотворным семенем к исправлению жизни предков и украшению ее добродетелями? Тогда для нас выяснится вполне задача греко-русского проповедничества и влияние его на жизнь древней Руси, религиозную и гражданскую.

Глава первая. Обличение умственных заблуждений в вере

Характеристика русского народа ознакомила нас между прочим, с его умственными недостатками и заблуждениями. Недостатки эти состояли главным образом, в преобладании чувства над умом и вытекающей отсюда склонности к суеверию и предрассудкам. Суеверие русского народа весьма сложно в своем существе, и до того укоренилось в его нравах, что дало ему название двоеверного. При таком умственном складе русский народ всего менее способен был к религиозным спорам, сознательным, так сказать, заблуждениям и ересям. Действительно, ереси не находили себе столь удобной почвы в России, какую они находили в Греции и Риме. Русский народ, вследствие умственной неразвитости, неподвижности и, можно сказать, безотчетной веры, мало увлекался религиозными спорами и не сочувствовал ересям. При всем том, он не избег некоторых заблуждений в вере, вследствие иноземного влияния и учения еретиков; таже умственная косность и неподвижность в некоторой степени подчиняла его авторитету иноземцев, еретиков и их учения. Все эти умственные заблуждения народа, противные христианству, заключавшиеся в суеверии и ересях, и связанные с жизнью, подвергались строгому обличению проповедников. Поэтому, для уразумения тона и содержания обличительных проповедей, необходимо изложить, хотя в общих чертах, историю суеверия и ересей в России. История умственных заблуждений в вере тем более необходима, что эти заблуждения стоят в связи с нравственными недостатками народа, служили для них опорою или основанием, и имели огромное влияние на жизнь общественную и частную. Кроме того, знакомство с историей умственных заблуждений выяснит нам вполне характер обличительного проповедничества, его достоинства и недостатки, степень соответствия запросам времени и нуждам церкви, и благотворного влияния на жизнь.

А) История суеверия славян

Суеверие русских славян самое закоренелое и, так сказать, самое жизненное. Оно доказало свою живучесть тысячелетним существованием. А потому, для полноты исторического исследования, необходимо показать: а) основные причины русского суеверия и способ возникновения его, б) источники, из которых оно развивалось в особые виды, в) влияние суеверия на жизнь народа, и г) последнюю судьбу его.

а) Причины суеверия и происхождение его

Суеверие славян, как и всех диких народов, возникло из страха и благоговения пред могуществом природы, и состояло в обожании ее сил. Природа всегда поражала людей своим устройством и разумностью своих целей. Предусмотрительность и могущество, выражающиеся в законах природы, всегда вели к идолопоклонству, олицетворению и обожанию ее сил. По понятию русских славян, вся природа, с ее явлениями и стихиями, оживлена божескою силою и наполнена духами. В частности, они признавали божескою силою, живыми существами, наделенными чувством и волею, и просто богами, стихии и вообще различные части и явления природы: небо с его светилами и метеорами, светом и теплом; огонь, с молнией и громом, как силу родственную со светом; воздух, с его атмосферными явлениями, грозой и дождем; воду, в ееместилищах: озерах, реках и колодцах; землю с ее произведениями, каковы: камни, деревья, овин – хранилище растений, «жита, пшеницы и всякой пашницы». Небо и земля представлялись в брачном союзе: небо доселе народ почитает батюшкою, а землю матушкою, кормилицею. Души умерших, как высшее осуществление сил природы; они почитались покровителями дома и семьи. Каждая стихия, сообразно со своими явлениями, имела многих частных богов. В глубокой древности первоначально обожались самые предметы и явления природы; но по мере развития сознания народного, создавались духи, представители сил и явлений природы. С утверждением христианства все эти темные духи обращены в нечистую силу – чертей. Все эти боги, сообразно с характером явлений природы, полезных и вредных, разделялись на два класса: добрых и злых. Даже и добрые боги (Перун, Сварог и проч.) нередко делали вред и зло, для обнаружения своей силы, каприза. Ко всем этим существам народ обращался с молитвою о помощи и заклятиями. Духи, по понятию славян, жили каждый в своей стихии и в своем месте. Так напр. в воде живет водяной дух, в лесу – леший, в доме – домовый, и проч.

Из предметов природы особенная таинственная сила приписывалась светилам, поражавшим своими благодетельными свойствами. Верование в светила и их влияние на судьбу людей, особенно новорожденных, произвело особую науку – астрологию. Со введением христианства в России, боязливое чувство суеверного народа олицетворило многие священные предметы, приписав им благодетельную таинственную силу. Таково напр. олицетворение праздников, вера в живую силу церковных вещей: освященной воды, ладана, и т. под. Эти верования, составлявшие чисто христианское суеверие, заключались в апокрифической литературе. Сообразно с верою в природу и духовные существа, славяне ввели многие праздники для умилостивления этих существ, – обряды и заклинания для ограждения своей жизни и домашнего счастья. Из способа возникновения русского суеверия и причин, произведших его, сами собою открываются источники и виды его²²⁰.

б) Источники суеверия и виды его

Источниками русского суеверия, как видно из предыдущего, служили; идолопоклонство или обожание природы; астрология или учение о влиянии светил на судьбу человека; апокрифическая литература, заключавшая в себе преимущественно суеверие христианское. Сообразно с источниками, из коих развивалось русское суеверие, оно разделяется на три главные вида: языческое, астрологическое и христианское.

Суеверие языческое

Язычество, выражавшееся в обожании природы, было не только первым, но и главным источником суеверия на Руси; от него в значительной степени заимствовали свою силу астрология и апокрифическая литература. Язычество поддерживало веру в многочисленных богов, представителей сил и явлений природы, и обрядность, состоящую в жертвах и праздниках богам. Подробных сведений о божествах славян мы не имеем, так как мифология их не была подробно записана, приведена в систему, и, как думают историки, самые божества славян вырождались. «С течением времени, говорит г. Соловьев, начальные черты верований могли искажаться. Одно и тоже божество у разных племен носило разные названия, могли явиться различными божествами». Летописцы и проповедники сообщают отрывочные сведения о языческих богах и обрядах. «Наши древние писатели, говорит некто, отвращались с омерзением от народного язычества, как от дьявольского обольщения. Только немногие обличители касались его в своих поучениях, и то отчасти. Даже у новейших исследователей все в этом отношении ограничивается перечнем, с большею или меньшею полнотою, языческих богов и обрядов, почти без всякого научного объяснения и соотношения их с христианством в истории. Специального исследования о русском язычестве наша богословская литература доселе еще не представляет. В светской литературе разрабатывается языческая старина, с той или другой стороны. Особенно замечательны «Поэтические воззрения славян на природу», Афанасьева. Само собою разумеется, что светские ученые рассматривают наше язычество со своей точки зрения». Тем паче нельзя было ожидать обстоятельных сведений о язычестве от древних проповедников самоучек. Они обращали внимание на важнейшие заблуждения язычества, вредно влиявшие на жизнь, или поражавшие своею обстановкой, торжественными обрядами.

Важнейшие божества славян, упоминаемые в летописях и проповедях, были представителями света, огня, воды и воздуха, оживляющих природу. Главный бог – Перун, управлявший молнией и грозой; его звали и Сварогом. Второстепенные боги: Сварожичи – представители солнца и огня; Дажбог, Хорс, Лад, Тур, Волос (покровитель скота), – представители солнца; Купало – бог света, Ярило – бог весны. Купалу и Ярилу некоторые смешивают. Коляда, Таусень, Авсень (ясень, ясный) – вероятно бог солнца; Сим и Релг – боги огня; Мокошь – Астарта; Стрибог – бог ветров. Далее следуют домашние боги: домовые, лешие, кикиморы; упырь, навье – мертвецы; Чур, Род – отец семейства, имеющий многих жен (покровитель дома); Рожаница – родильница; Берегиня – богиня судьбы; души умерших родителей – покровители семьи; Русалки – души умерших детей, – они жили в реках и озерах²²¹. Народ доселе верит, что русалки – души детей, умерших некрещенными. Нежить – нечистая вражеская сила, бес; Вил – вавилонский бог; Вилы – русалки. При обожании природы славяне олицетворяли и животных, и в своей мифологии дали им видное место. Конь, вол, собака, ворон и другие животные одарены предчувствием, и принимают в делах людских живое участие. С принятием христианства народ не забыл прежних верований, сблизивших его с природою; он наделял животных умом и волею и допустил их в свои легендарные сказания. Библия давала к этому достаточно поводов (Медведь доселе признается бывшим когда-то человеком).

Важнейшие праздники и обряды в честь богов

При неразвитости языческой религии, в смысле системы, и множестве домашних богов, при отсутствии храмов и жрецов, которых заменяли волхвы, религия славян не отличалась парадностью и внешней обстановкой. Нехитрые обряды, жертвы и молитвы домашним богам совершались отцами семейств, очага, дома. И только немногие праздники, в честь главных богов, отличались торжественными обрядами, выказностью и разгулом. Судя по характеру главных богов, представителей солнца и света, легко понять, в какие времена и с какими обрядами будут совершаться эти праздники. Они тесно связаны

с поворотами солнца и временами года. Усиление света и тепла возбуждает жизнь, желания и страсти; следовательно летние праздники должны совершаться открыто и сопровождаться играми, разгулом и всякими излишествами. Все эти соображения подтверждаются фактами. Самый шумный, продолжительный и беспутный праздник совершался в честь Купалы и Ярилы, 23 – 24 июня, когда солнце достигает высшей точки, свет и теплота – высшего напряжения, и возбуждают жизнь природы. Обряды праздника состояли в зажигании костров, прыганий через огонь, купании в реках и чувственных наслаждениях до восхода солнца. Все это делалось в надежде очищения и укрепления чудодейственной силою стихий; в это время собирали травы, приписывая им чудесную силу (И ныне в день 23 июня – ищут цветов папоротника) Думают, что в эту же ночь совершался обряд похищения девиц, заменявший брак. Второй праздник, в честь Коляды, совершался в конце декабря, когда свет солнца усиливается и дни увеличиваются. Обряд праздника состоял в хождении славить божество и собирании подаяний для жертвы. Третий праздник весны, совпадающий с масленицей. Масленица – праздник весеннего света и поминовения умерших предков. В это время живые здоровались с мертвыми на могилах, плакали и веселились. Четвертый праздник – Семик, проводы русалок в могилы, в конце весны. Семик – приятель масленицы; на лубочных картинках он принимает и величает ее. По вере славян, в начале весны мертвые оживали, в конце весны уходили в могилы.

Эта вера в различных богов, с ее праздниками и обрядами, говоря вообще, действовала более на ум и убеждения славян, нежели на их нравы и жизнь. Некоторые же обряды, вытекавшие из языческих верований, имели ближайшее отношение к жизни и преимущественно влияли на нравы славян. Обряды эти следующие: похищение девиц. На сходбищах, особенно в масленицу, молодые люди похищали девиц, обводили их трижды около озера, или дуба, и таким пустым обрядом утверждали важный договор супружеской жизни. Этот обычай в некоторых местностях существовал до наших времен (в витеб.

губернии). Тризна по умершим. Тризна, производимая от слова: трунить, сопровождалась веселием в честь умерших, пьяным пиром и борьбою²²². Сжигание волхвов и ведьм или знахарей. Подозревая в волхвах чародейство и способность повелевать стихиями, славяне приписывали им общественные бедствия, и потому сжигали их. Выкапывание из земли насильственно умерших и погребение утопленников. Древняя Русь, вследствие неводеланности почвы и обилия лесов, подвергалась резким переменам погоды, вредившим плодородию; а вследствие гражданских неурядиц теряла много людей от насильственной смерти. Славяне, веруя в души умерших и их влияние на жизнь, находили отношение между непогодой и погребением насильственно умерших. Для отвращения непогоды, сырости и холода, вредивших плодам, они выкапывали из земли насильственно умерших и зарывали в землю утопленников. Но главною причиною этих обрядов была вера славян в землю, как живое существо, в ее божескую власть и карательную силу. К земле, как ближайшей своей стихии и кормилице, народ особенно часто обращался с молитвами и просьбами; даже в христианстве называл ее святою, как ныне называет матерью. Древний человек, поэтому, видел страшную беду в том обстоятельстве, если по смерти «мать сыра земля» не принимала его тела. Недостойные погребения мертвецы, насильственно умершие, могли вызывать гнев земли; другие, напротив, требовали скорейшего погребения, удаления от света, воздуха и воды. Судебные поединки, называемые полем. Поединки основывались на вере в божество, карающее преступления. При неумении вести процессы законным порядком, предки полагались на небесную помощь. Они думали, что на поединке совесть обличит виновного, отымет у него смелость и дух. Поэтому, поражение противника в поле считалось знаком суда Божия и достаточным оправданием. Но обвиняемый, надеясь на свою ловкость и помощь волхвов, тоже оправдывался поединком. Он говорил в свою защиту: «требую суда божия, поля и единоборства». Поединки, свидетельствуя о неразвитости закона, были тем более вредны, что ограждались Уложением Иоанна III и Судебником Иоанна IV. Наконец к

вредным обрядам язычества надобно отнести праздничные игры, скоморошество, борьбу, кулачные бои, битье бочек и т. под. Эти игры часто совпадали с христианскими праздниками, и тем более оказывали вредное влияние на нравы. Так напр. Радуница праздновалась в Фомину неделю. Игры русальные обыкновенно отправлялись в церковные праздники, с музыкой, пляской и глумлением. «И мнози, оставивше церковь, на позор течаху»²²³. Русальной называлась неделя от святых отец до праздника Троицы. В 23 вопросе Стоглава сказано: «на русальной неделе, в троицкую субботу, по селам и погостам сходились мужи и жены на жальниках (кладбищах) и с великим криком плакали на гробах; и егда начнут скоморохи и гудцы и прегудницы играти, они же, преставше от плача, начнут скакати и плясати и в ладони бити». В 24 вопросе: «Русалии о Иоаннове дне, в навечерии Рождества и Крещения, сходятся мужи, жены и девицы на ночное плещевание, бесчинный говор, плясание и скакание, богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение, девам растление. Егда ночь мимоходит, отходят к реце с великим криком, аки беснии, умываются водою. И егда начнут звонити заутреню, тогда отходят в дома своя, падают аки мертвии». «В праздники, говорит патр. Иоасаф, вместо духовного веселия, затевают бесовские игры... Сходятся многие люди, молодые и старые, стают в толпу, и начинают великие кулачные бои, до смерти; в этих играх многие пропадают без покаяния»²²⁴. Не распространяемся об обрядах второстепенных, менее вредных, напр. о молитвах и жертвах тварям, о ворожбе, заговорах и т. под.

Закоренелость языческого суеверия

Из всех видов суеверия, омрачавшего древнюю Русь, язычество, с его богами, праздниками и обрядами, наиболее укоренилось в народе. Не смотря на противодействие христианства, законодательства, церковной проповеди и просвещения, оно, под разными видами и формами, просуществовало тысячу лет. Причины укорененности язычества на Руси, в разных его видах и формах, различны. Главная из них – сложность языческой религии. Как обоготворение сил природы, языческая религия заключалась в бесчисленных

преданиях, положениях, правилах, праздниках и обрядах, которые требовали специального изучения и опровержения. А подобные задачи решаются не скоро, веками. Языческая религия, кроме того, видоизменялась по народностям древней Руси. Язычество славян выражалось в более тонких и так сказать приличных формах идолослужения или обожания природы, и оно держалось в центральной России, с заметным упорством до XIV века. С ослаблением язычества славян, появилось или открылось язычество более грубое, на окраинах России. Оно открыто миссионерами, крестившими северо-восточных народов, в XIV–XV веке. Язычество северо-восточных народов выражалось в самых грубых формах, унижающих человека до крайности, и тем более усложнялось, что оно состояло в частой перемене богов. Народы пермской и вятской области, Карелии и северного Поморья, обожали ползающих животных, гадов, и нетопырей, ели всякую скверну, и жили подобно диким зверям»²²⁵. В похвальном слове соловецким чудотворцам оказано: «обитатели лесов почитают богом мясо, чем утоляют голод, то и считают богом. Они боготворят стрелу, палку и камень, посредством которых достают добычу; и таким образом всегда переменяют богов»²²⁶.

Укорененность языческой религии объясняется и замкнутостью ее или домашним характером. Как поклонение силам природы, окружавшим домашний быт, религия эта мало нуждалась в торжественности и парадной обстановке. Жертвы и молитвы богам, окружавшим домашний очаг, совершали отцы семейств. Они обращались к богам с благодарностью, за их благодеяния, с просьбою и заговорами, для отвращения ожидаемого вреда. Только в важнейших праздниках богам света Купале, Коляде и Яриле религия языческая заявляла себя открыто, на площади, в торжественных играх. Но здесь она строго преследовалась гражданскою и духовною властью, как оскорбление христианства, освящавшего нравы и проникавшего народную жизнь. За то тем с большею ревностью религия эта пряталась в четырех стенах, около семейного очага, куда с трудом проникала гражданская и духовная власть. Проходили века, поучения пастырей и определения соборов громили

язычество, его игрища и торжественные обряды; но мало задевали коренные предрассудки домашнего служения. Лучшим доказательством этой истины служит то обстоятельство, что в проповедях чаще обличаются открытые языческие праздники, совершавшиеся преимущественно летом.

Укорененности язычества способствовал дух его учения, не противоречивший греховной природе и поблажавший ее страстям; а равно высокий дух христианства, с которым не вдруг освоились чувственные люди. Эта истина очевидна и не требует доказательств. Кроме того, язычество упорно поддерживали волхвы и скоморохи, о которых часто упоминают летописи и проповеди. Волхвы были истолкователями воли богов, распорядителями празднеств и совершителями религиозных обрядов. Они находили несовместными свою власть и влияние на народ с господством христианства и духовенства. Поддерживая в народе суеверие, они нередко вооружали его против христиан. Скоморохи были помощниками волхвов в выполнении языческой обрядности (гудцы и прегудницы). Они заведовали праздничными играми, хороводами, музыкой, пляской, и вообще гаерством, для потехи толпы. С целью потешать толпу разными играми и этим поддерживать свое существование, скоморохи странствовали по России, на подобие актеров. Для них тоже невыгодно было господство христианской веры, осуждавшей игры и народные представления. Враждебное отношение скоморохов к христианству видно из того, что они поддерживали свое ремесло до XVIII века, и занимались грабежом и разбоем. «По дальним странам, говорит Стоглав, ходят скоморохи, совокупясь ватагами, до 60 – 100 человек; по деревням насильно едят и пьют, из клетей грабят и по дорогам разбивают людей». Против волхвов и скоморохов вооружались Стоглав и указы Алексея Михайловича.

Перерождение язычества – сближение его с христианством

Вот, сколь сложными средствами поддерживалось язычество на Руси, в разных его формах, вопреки учению христианской веры. Понятно само собою, что столь сложная

вера языческая, укорененная в простых умах веками, не могла вдруг исчезнуть, уступить свое место христианству. Медленно и постепенно одна вера вытесняет другую, но человек преимущественно консервативен в вере. Обыкновенно старая и новая вера вступают в сделку, уживаются вместе, взаимно проникаются, и после долгих испытаний одна берет перевес над другой. Совершенного разрыва между ними не бывает. Обыкновенно изменяются имена богов, дни праздников и форма обрядов, а сущность учения остается та же. Язычество сквозит повсюду в делах и жизни христиан. Как бы ни сильно расшатался религиозный обряд, он все же пользуется уважением в народе. Как окаменелый остаток старых верований, он невольно передается из рода в род, и не исполнить его требований почитается делом греховным и вредным. Действительно, языческое суеверие, со всеми его разветвлениями, упорно противилось христианству до позднейшего времени. Слабея с веками, под влиянием проповеди, оно доказало свою живучесть тем, что постепенно перерождалось и отчасти слилось с праздниками и обрядами христианскими, с именами святых и ангелов. Напр. важнейшие языческие праздники в честь солнца соединились с христианскими, совпадающими с ними по времени, а имена важнейших богов – с более известными святыми. Так, праздник Купалы, когда свет достигает высшего напряжения и оживляет всю природу, совпал с днем Иоанна Предтечи. Праздник Коляды, сопровождаемый песнями и собиранием подаяний для жертвы, совпал с Рождеством, когда дни начинают увеличиваться. Некоторые праздники, льстящие чувственности, с необыкновенным упорством держались до конца XVII века; таков напр. праздник весны, совпадающий с масленицей. Один иностранец сильными чертами изобразил языческий разгул масленицы на Руси, в конце XVII века. «Масленица, говорит он, начинается за восемь дней до Великого поста. В то время, когда всякий (христианин) должен приготавливаться, с сердечным раскаянием, к созерцанию страстей Христовых, эти заблудшие люди отдают свою душу дьяволу. День и ночь во всю масленицу продолжается обжорство, пьянство, игра, разврат и

убийство, так что страшно об этом и слышать. В это время пекут на масле и на яйцах калачи, пирожки и т. п.; зазывают к себе гостей, упиваются до бесчувственности водкой, медом и пивом. Во все это время только и слышно: того убили, а того бросили в воду. В бытность мою у русских на этой неделе насчитали убитых более ста человек. Нынешний патриарх давно хотел уничтожить этот бесовский праздник, но не успел; по крайней мере он сократил его на восемь дней; тогда как прежде (праздник масленицы) продолжался четырнадцать дней»²²⁷. Что же касается имен богов, то, напр. Волос соединен с Власием, покровителем скота; Иоанн Предтеча – с Сварожичем, богом солнца и огня; Перун с прор. Илиею; Хорс переделан в Нахора; св. Георгий заменил богатыря Святогора и т. д. Святые и ангелы заменили в народных верованиях языческих богов и героев, и в свою очередь стали покровителями стихий, произрастителями плодов, охранителями домашнего хозяйства, победителями демонов, леших, домовых, кикимор, и всей вражьей силы. Совпадение праздничных дней, сходство имен и должностей, и особенно борьба с христианством, давали повод к таким сближениям и взаимным уступкам. Таким образом составились особенные народные святцы, определявшие обязанности святых, применительно к языческим взглядам. И христианство, вытесняя языческое суеверие, потерпело в свою очередь давление и окрасилось цветом мифологии. Вообще же говоря, языческое суеверие заметно ослабевает с XIV века, и большая часть его обрядов и праздников смешивается с народными забавами, играми и переряживанием. Религиозное значение язычества пропадало с утверждением христианства, и для позднейших родов уцелела оболочка его, лишенная смысла обрядность. Но проповедники, как увидим, преследовали языческое суеверие, нередко в мельчайших проявлениях его, до XVIII века. По старой вражде к язычеству они не спускали повинным играм и забавам, видя во всем этом остатки идолослужения и бесовского ухищрения. Они, например, запрещали плескание рук, гудьбу, качели и вообще зрелища, может быть, нелишние для предохранения народа от более грубых развлечений.

Суеверие астрологическое

Вторым источником суеверия, после язычества, была астрология. Славяне обожали светила, и потому были внимательны к явлениям небесным и влиянию их на природу. Развитию этого нового суеверия способствовала притом астрология, проникавшая в Россию с востока и запада. Астрология излагала систематически учение о влиянии светил на судьбу мира и людей. И хотя христианство противодействовало астрологии, как противодействовало язычеству и апокрифической литературе; но оно же, невольным образом, укрепляло веру в знамения небесные. В самом деле, в Библии есть подтверждения того мнения, что знамения небесные служат выразителями воли Божией, и особенно гнева Божия на грешников. Особенно замечательное место в этом отношении есть у пророка Иоиля. Пророк говорит, что в последние дни, вместе с дарованием Св. Духа, будут знамения на небе, предвещающие кончину мира (Иоил.2:28–32; Мф.24:29–30). Подобные места часто встречаются и в евангелии (Лк. 21:25; Мк.13:24–25). При сильном благоговении предков к словам библии, и вера их в знамения небесные была непоколебимою. Это подтверждается, между прочим, свидетельствами летописцев. Русские летописцы были весьма наблюдательны к знамениям небесным и давали им толкование библейское. Записывая подробно солнечные и лунные затмения, явление комет и северное сияние, они признавали эти знамения вестниками гнева Божия и приводили тексты, особенно из евангелия, о кончине мира. Народ, принимая это учение с полною верою, приходил в ужас при появлении на небе знамений. При такой чуткости предков к звездному миру и благоговении к небесным знамениям, астрология легко и естественно привилась к ним; предрассудки, внушаемые этою наукою, нашли самую удобную почву в русской жизни. Астрология в глубокой древности возникла на востоке, в Вавилонии. Пример влияния ее на умы видим в повествовании о волхвах, пришедших в Вифлеем. «Мы, говорили волхвы,

видели звезду Его на востоке, и пришли поклониться Ему». Немощному человеку, поставленному среди необъятных сил природы, естественно возблагодарить пред отдаленными светилами, все оживляющими, и приписать им таинственную силу, влияющую на судьбу людей. Это тем более справедливо, что многие положения астрологи оправдываются современной наукою и опытными наблюдениями. Не пускаясь в излишние подробности астрономических и физиологических наблюдений, заметам только, что темпераменты людей, особенно выдающихся своею деятельностью и талантами, находятся в связи с днями рождения их, в известные времена года (холерики вообще рождаются летом, напр. в июле, времени высшего напряжения электричества и теплоты; флегматики зимою, напр. в декабре). Сочинения по астрологии стали проникать в Россию с начала христианства, из Греции и Болгарии. Замечательнейшие из их: Астрология, Астролог и Звездочетец; в них излагалось учение о влиянии звезд на судьбу людей. В некоторой связи с этим учением стояла пасхалия, перешедшая к нам от греков. Расчисление ее в Греции не простиралось далее седьмой тысячи лет; и к нам, вместе с пасхалией, перешло из Греции верование в кончину мира, с окончанием седьмой тысячи лет. Исаак Аргирот писал 1373 года: «по господствующему мнению» кончина мира последует с исходом седьмой тысячи лет, и по этой причине нет нужды исправлять месяцеслов». В одной из греческих пасхалий, за роковым годом седьмого тысячелетия, кто-то написал: «горе тем, которые доживут до конца веков»²²⁸! В дополнение к астрологическим произведениям восточной редакции, с XV века в Россию стали проникать подобные сочинения с запада. Астрология, с хиромантией, физиономикой и подобными науками, разработана средневековыми мистиками, и посредством альманахов особенно распространилась в Италии и Франции, в XV веке. В этих сочинениях, на подобие наших календарей, и особенно Брюса, излагалось учение о влиянии светил на судьбу людей и царств; в них, между прочим, с расписанием добрых и злых дней и часов, предлагались наставления, когда и что делать и предпринимать, для вящего

успеха. В народе особенным вниманием пользовалось «Колесо фортуны», с изображением звезд и планет, дающих людям различные жребии. В связи с астрологией в Россию проникали сочинения по естественным наукам, наполненные суеверием. Замечательнейшие из них, перешедшие к нам из Греции и Болгарии, следующие: Чаровник, предлагавший средства легко обращать людей в животных; Волховник, содержащий учение о разных приметах; Путник – о встречах; Сонник – о снах. Из сочинений западных в этом роде замечательны: Стрелки, Топорки, Рафли – гадательные тетради, Аристотелевы врата – главы, и особенно Люцидарий. Люцидарий – энциклопедия средневековых званий, поверий и гаданий. «В сей книге собрано все то, что в других писаниях изложено пространно», говорит предисловие.

Суеверие христианское, порожденное апокрифами

Третьим источником суеверия, после язычества и астрологи, была апокрифическая литература, проникавшая в Россию сперва из Греции и Болгарии, а потом с запада. Она искажала Библию вымыслами, легендами. Суеверие, насаждаемое апокрифическою литературою, было более тонкое и духовное, – но за то более глубокое и укорененное. Оно утверждалось в понятиях народа незыблемо, так сказать непреложным авторитетом веры, откровением высшего, небесного мира. Апокрифы или запрещенные книги переходили в Россию из Греции и Болгарии с самого начала христианства. Так, в летописи Нестора есть заимствования из Палеи, заключающей в себе вымышленные сказания и дополнения к библейской истории. Более замечательные апокрифы своим любопытным содержанием, составляющим поэтическую прикрасу библейских сказаний, следующие: Завет адамов, Молитва симова, Энох, Лествица Иакова, Имена ангелам, Завет двенадцати патриархов, Завет Моисея, Древо крестное, Послание и Евангелие Варнавы, Евангелие Фомы. Самыми распространенными апокрифами на Руси были те, которые изображали загробный мир, с его блаженством и муками, или предлагали полезные средства для блага земной жизни. Таковы напр.: Хождение Богородицы по мукам, Хождение ап. Павла по мукам (и сферам небесным), Заклинательные Молитвы п. Иеремии против лихорадок, Сказания о св. Пятнице, а также о двенадцати пятницах, и т. под. «Греки, говорит Крижанич, по своей врожденной болтливости, легкости и изменчивости, наполнили Россию многими баснословными вымыслами, рассеянными в печатных книгах. Они этим внесли в народ наш больше вреда и соблазнов, чем это сделали самые опустошения скифов, во все прежнее и новое время».

Легендарные жития

Хорошим дополнением исчисленных апокрифов служили жития святых, в некоторых своих повествованиях, отвергнутых Церковью. О житиях Метафраста, известных в числе 661, из коих им самим написано 122, еще в древности произнесен критикой справедливый суд. Пселл, почти современник Метафраста (X в.), сказал о составителях житий святых, что «они часто писали несправедливое, и потому повествования их нередко подвергались насмешкам»²²⁹. Монфокон, отличный критик и знаток греческой литературы, сверявший древние списки житий, заметил, что «жизнеописания святых наполнены баснями (*nugis, fabulis ac portentosis narrationibus*)». История или судьба житий святых вполне подтверждают точный приговор основательного критика. Не вдаваясь в подробности, заметим, что житие напр. св. Параскевы, составленное слишком неискусно, по определению п. Николая, было сожжено. По этому общему характеру житий и Великой Чети-Минеи м. Макария не чужды легендарных сказаний. В этих сказаниях историческая истина нередко украшена вымыслами фантазии. Сам митрополит сознается в этом: «буде где посреде св. книг написано ложное и отреченное слово, а мы не возмогохом исправити, о том от Господа Бога прошу прощения». Жития святых, сокращенные Димитрием Ростовским, даже в настоящем своем виде не чужды народных преданий и поэтических прикрас. Указав на жития святых, как на источники истории русской Церкви, пр. Макарий замечает: «в числе этих житий, некоторые, подобно позднейшим нашим летописям, не мало искажены многословием, преувеличениями, даже историческими несообразностями и противоречиями»²³⁰. Жития святых имели сильное влияние на убеждения и нравы предков, особенно изображением загробной жизни, с ее блаженством и муками. Доказательством этого служит учение о мытарствах, заимствованное из жизни Василия Нового; оно повторяется в житии Антония Римлянина, Авраамия Смоленского, и в проповеднических сборниках. Но вместе с истинными

сказаниями о духовных предметах, заимствованными из житий святых, народ усваивал и суеверные предания. Это доказывается духовными стихами и церковною живописью. Большая часть духовных стихов XIV – XVII века имеет своим содержанием аскетические чувства и предметы, взятые из житий святых, о начале и конце мира, о страшном суде и т. под. В этих же стихах изображается «плач Адамов», «плач земли», «прощание души с телом» и т. под. Из церковной живописи достаточно указать на картины страшного суда, на которых пламень, выходящий из уст змия, составляет обыкновенное явление. Достойно замечания также адское древо, на котором висят грешники, зацепленные крючьями, и т. под.²³¹.

Происхождение национальных апокрифов

Суеверие, возникшее из разных источников, развивавшееся сложными путями и утвержденное историческими условиями, имело сильное влияние на жизнь народа и судьбу России. Для выяснения этого влияния необходимо проследить совместное, и постепенное развитие всех родов суеверия и общее слияние их в национальной апокрифической литературе. В самом деле, все роды суеверия, поддержанные преданием, увековечены литературой. Изменяясь в своем характере, применительно к условиям жизни, они окончательно сложились и определились в национальной апокрифической литературе. И национальные апокрифы, приспособленные к жизни народа, имели обширную практику и оказали самое могущественное влияние на нравы. В обширной национальной апокрифической литературе, в ее легендах, обрядовых правилах, молитвах, заклинаниях, причитаниях, заговорах выразилось смешение христианства с язычеством и астрологией, их взаимодействие и перерождение, – те правила воспитания, которые отмечены характерным словом: «двоеверия». Поэтому исследование национальных апокрифов требует особенного внимания. Но подробное исследование этого вопроса составляет задачу истории проповедничества. В «Очерке» предложены общие сведения о видах древнего суеверия. Относительно развития национальной апокрифической литературы и слияния в ней всех родов древнего суеверия «Очерк» не может дать и скудных сведений, по недостатку источников. Немного их сообщит и прагматическая история русского проповедничества первого периода, по той же причине.

Состав национальных апокрифов, и влияние их на жизнь

Под влиянием апокрифов, восточной и западной редакции, в России распространились сборники собственного изделия, национальные апокрифы, «худые номоканунцы». Сборники эти совмещали в себе суеверие всякого рода: языческое, астрологическое, христианское, и вообще натуральное. В них заключались статьи «волшебные, гадательные, еретические, насеянные от беса». В них так соединились иноземные поверья с национальными, что трудно и даже невозможно различить их. Памятником смешанного языческого и христианского суеверия в русской апокрифической литературе служит: «муромское сказание о Петре и Февронии»; в этом сказании изображены битва князя Петра с змием оборотнем и вещий характер Февронии. Памятником чисто христианского суеверия служит послание арх. Василия о рае, виденном новгородцами. Оно составлено под влиянием «Плача адамова» и «Трех мнихов, находивших Макария у рая». Памятником астрологического и натурального суеверия, наиболее распространенного в письменности древней Руси, служили Лечебники, Травники, Зелейники и т. под. В них заключено богатое собрание гаданий, примет, чарований, заговоров, причитаний, молитв и предрассудков. В этом отношении особенно замечательны два синодальные лечебника, XVII века, № 480 и 481. Вся эта масса национальных апокрифов распространяла в народе суеверие посредством устной передачи, выписок, закликательных листков, тетрадей, разносимых странниками по земле, волшебных молитв, и в свою очередь пополнялась ими. Грамотный народ постоянно переделывал апокрифы применительно к местным потребностям: сокращал, пополнял и размножал их списки. Этим «ложным книгам, насеянными от беса, на пагубу душ христианских», предстоял в древней литературе огромный и неодолимый успех. Своим сказочным направлением и поэтическим содержанием, на все отвечавшим, они, как нельзя лучше, приходились к понятиям

необразованного и доверчивого народа. В этих книгах старинные читатели находили любопытные ответы на сокровенные вопросы о судьбе мира и человека, о будущей жизни, о силах природы, о влиянии ее на повседневную жизнь. Здесь же они почерпали и практические советы против нужд жизни, злой судьбы, несчастий, болезней, разных неудач, и т. под. Поэтому, не только грамотный человек, одержимый нуждами, при неустройствах общественной и частной жизни, обращался за помощью к апокрифам, как надежному пристанищу, к ним влекло его и простое любопытство. Кирик говорит, что он читал тетрадку, в которой объяснялось рождение дитяти под пятницу. Это объяснение взято из апокрифического сочинения о двенадцати пятницах. Кирик читал еще книгу, содержащую любопытные объяснения относительно литургии²³². В ней сказано, что десять литургий покрывают или заглаждают грехи, совершенные в четыре месяца; двадцать литургий заглаждают грехи восьми месяцев; тридцать литургий – двенадцати месяцев. Апокрифы, затрагивавшие любопытство предков, не только поэтическими вымыслами, но и практической пользою, размножались таким образом с каждым веком. К XIV веку они разрослись уже до такой степени, что обратили на себя строгое внимание духовной власти. М. Киприан в статье «о книгах истинных и ложных» упомянул о толстых сборниках, бывших в употреблении у духовенства, как источниках суеверия и баснословия. Действительно, апокрифы, национального изделия, были главным источником народного суеверия; они совмещали в себе предания язычества, астрологии и заблуждения христианские. Влияние апокрифов на жизнь было так глубоко, что сказывается и ныне в преданиях народа и раскольников.

Размножение апокрифов к концу рассматриваемого периода было причиною возрождения и усиления суеверия в XVI–XVII веке. К XVII веку суеверие до того усилилось на Руси, что казалось вновь ожившим и обновившимся. Об усилении суеверия в XVII веке свидетельствуют сборники и летописи того времени, наполненные невероятными сказаниями и приключениями. В них изображаются каменные дожди, гласы

животных и тому подобные чудеса. Особенного внимания в этом отношении заслуживает Густынская летопись 1670 г.; она наполнена рассказами о дивных явлениях, небывалых приключениях, и более других летописей нуждается в строгой критике²³³. Об усилении суеверия в ту эпоху свидетельствуют частые процессы о волшебниках, а также протесты и обличения соборов московских 1551 и 1667 года. Усилению суеверия в рассматриваемую эпоху содействовали исторические обстоятельства: гражданские сношения с татарами, особенно по завоевании Казани (татары, особенно пленные, расселились по городам, поступали в услужение русским, и даже служили в войске), закрытие школ элементарных, особенно с XV века, водворившееся повсюду невежество, и наконец свободная продажа рукописей невежественными писцами, без предварительной цензуры. Люди, промышлявшие списыванием рукописей, до того размножились и укоренились на Руси, что даже в позднейшие времена возбуждали удивление иностранцев. Несмотря на введение книгопечатания в Москве, в половине XVI века, скорописцы, промышлявшие продажей рукописей, держались у нас почти до XIX века. Академик Коль, в 1725 году, удивлялся множеству людей в России, промышлявших перепиской книг, не только рукописных, но и печатных. У раскольников это ремесло процветает до ныне. Для переписчиков невыгодно было книгопечатание, полагавшее предел, между прочим, искажению истины и усилению суеверия. За то и рукописи, которые м. Макарий в XVI веке назвал «растленными от невежд переписчиков», оставались такими до XIX века; они много повредили и печатным книгам. Что же касается книжной цензуры, то она не мыслима была на Руси до XVIII века, по недостатку школьного и систематического образования. опыты доморощенной критики, начавшейся в XVII веке, при столкновении московских начетчиков с киевскими учеными, до очевидности подтверждают это. До нельзя узкие взгляды и мелкие возражения московских критиков убивали всякую мысль и движение ума. Доказательством этого служит сожжение в Москве «учительного евангелия» Транквиллиона; или хоть следующее замечание п. Филарета. Книгу протоп.

Зизания «Оглашение» патриарх озаглавил: «Беседословие», на том основании, что Оглашением названы беседы Кирилла Иерусалимского; «а под одним именем многим книгам быть нелепо»²³⁴.

в) Влияние суеверия на жизнь народа

История русского суеверия показала чрезвычайную сложность его и тесную связь с жизнью народа, с его убеждениями и действиями. При таких свойствах суеверие не могло быть благоприятным для жизни народа; напротив, оно оказывало самое вредное и гнетущее влияние на его жизнь и нравы. Вредное влияние суеверия обнаруживалось в том, что оно замедляло умственное и нравственное развитие народа, и таким образом расстраивало его домашнюю и общественную жизнь.

а) Суеверие замедляло умственное развитие народа

Русское суеверие, по своему характеру грозное и карательное, отлично от суеверия других народов, и в особенности – греческого. Греческое суеверие, тоже состоявшее в обожании природы, отличалось, так сказать, миролюбивым характером. Оно, как самая природа страны, ласкало человека, и потому благоприятствовало развитию его мысли и поддерживало пылкость ума. Греческие боги вообще были дружны с людьми, принимали живое участие в их делах и помогали им в беде. Русское суеверие, отражавшее в себе грозный характер северной природы, напротив, сковывало мысль и подавляло стремления ума. Внушая страх к бесчисленным божествам и умиловительные обряды, суеверие изощряло чувство народа, и таким образом обрекало его на умственный застой и неподвижность. Чем более суеверие создавало богов, влиявших на судьбу народа, тем более развивало в нем сознание своей слабости, зависимости и духовного рабства. И эта зависимость была тем тяжелее, что давала себя чувствовать на каждом шагу. Боги или авторитеты, созданные суеверием, были представителями сил грозной природы; и влияние их, как самой природы, было неизбежно повсюду. Все в жизни народа, начиная от мыслей и желаний, и оканчивая предприятиями и действиями его, подавлялось и ограничивалось высшим авторитетом, вмешательством невидимой силы. Древнему человеку грозили бедой домовые и лешие, небесные светила, злые месяцы, дни и часы, двенадцать пятниц, святая пятница, и бесчисленные приметы по полету птиц, следу животных, и т. д. И чем мрачнее было воображение народа, наблюдавшее следы таинственной силы, тем тяжелее был деспотизм ее и печальнее обстановка жизни. Рай и ад прежде всего в уме и сердце человека, или народа, в его убеждениях и ощущениях, а затем – в делах и стремлениях.

Под давлением и влиянием бесчисленных богов, или сил природы, никто не смел возвыситься над ними, вооружиться

мыслью и знанием против слепой судьбы. «Общий страх непостижимых сил природы, говорит один писатель, которые неотразимо действовали на чувство, жизнь, здоровье, хозяйство и благосостояние народа, проникал все ощущения и представления его, и составлял основную идею языческого воззрения на природу. Этот страх господствовал и в христианские времена, когда, по свидетельству летописей и актов, при всяком необычайном физическом явлении, страх и ужас обнимал всех, все зело обстрашились, и сами летописцы восклицали: о ужас! о страх! И этот суеверный страх природы, наследованный от язычества, при неразвитости мысли, был новым препятствием к развитию смелого пытливого взгляда на природу, испытания ее, размышления о ее силах и явлениях. Вследствие векового преобладания страха природы и чувства веры над разумом и мышлением, в народе укоренилось недоверие к испытательному уму и вообще к естествознанию»²³⁵. Бесчисленные обряды и заговоры, по видимому, ограничивавшие зло и бедствия жизни, еще более усыпляли мысль народа и останавливали его развитие. В непрерывных бедствиях неустроенного государства народ охотно полагался на машинальные средства, избавлявшие его от головоломного труда, изучения законов природы, – неизбежного отношения между причинами и их следствиями. Обряд и заговор казались надежными средствами против всех бед.

Следствием преобладания чувства над разумом было развитие в народе особенных психических свойств, окончательно вредивших его умственному развитию. Свойства эти: склонность к чудесному, духовная мечтательность, и подозрительность к науке, недоверие к ее опытам, противление всякому прогрессу и знанию.

При неразвитости разума и вере в сверхъестественные силы природы, народ принимал за истину всякие вымыслы, сказочные повести, извращавшие естественные законы. Подобными вымыслами и повестями наполнялись сборники, книги, летописи и поучения, ко вреду народа. Напр. «в лето 1269 являхуся великие дивы. Людие видяху на небе войска в

сбруях, разделены на два полка, едны с другими бияхуся» ...²³⁶. «В лето 1277 уловиша в озере диво бесовское, страшное, иже имеяше главу козию, с рогами, а очи аки свещи светяхуся. Сие диво побеже под лед рычащи» ... «Того же лета 1406, бысть буря велика в Нижнем Новгороде; и вихорь взял человека, с колесницею, понес. На другой же день обретоша колесницу его на древе висоце, на другой стороне Волги» ...²³⁷. «1447 года 3 января, бысть облак тученосен, с дождем, и паде пшеница и рожь, на поле и на лесе, до реки Мсты, на 15 верст. Граждане стекошася видети сие преславное чудо, откуда и како бысть?»²³⁸. Особенно странными вымыслами наполнены описания русских путешественников. Наши странники простосердечно записывали все небылицы, сообщаемые им проводниками. Напр. Стефан Новгородец, описывая Царьград, говорит о жабе, которая ходила по городу и глотала людей, о метлах, которые сами собою мели улицы и пр. Эта чудесность, проникающая древнюю литературу, свидетельствует, с одной стороны, о возбуждении чувства, всюду подозревающего таинственные силы, а с другой стороны – о бессилии разума, не сведущего в законах природы.

При возбужденности чувства и настроенности к чудесному, народ естественно впадал и в мечтательность и визионерство. Невежественному разуму, подавленному верою в таинственные силы природы, казались естественными и неизбежными разные озарения и иллюзии. Он принимал собственные мечты и желания за внушение свыше. Непонимание преемственности причин в законах природы и преувеличенное понятие о ее могуществе заставляли подчиняться и рабствовать ей. Притом же, говорит один писатель, изучивший славянскую мифологию, «для непросвещенной детской фантазии народа всегда понятнее и увлекательнее мифический мир язычества. Без знания законов природы и истории, совершенно беспомощный, неразвитый человек постоянно чувствует себя под влиянием таинственных сил и свою зависимость от них, и во всем окружающем ищет силы, на которую хочет опереться в своем бессилии». За неимением собственной силы в знании и опыте, приходилось опираться на воображаемую силу, химерические

существа. Напр. «кто почитает 5 и 6 пятницу, тот избавится от скудости и всякого недостатка»²³⁹. Против 12-ти трясавиц, дочерей Ирода, следовало призвать на помощь Сихаила и Аноса²⁴⁰. И народ слепо веровало в подобные химеры, обращаясь к ним за помощью». В 1590 г. тавренские крестьяне положили заповедь на три года: «в пятницу ни толочь, ни молоть, камня не жечь, проводить ее с чистотою... Кто станет яйца бить, на том взыскать 8 алтын»²⁴¹. При общей наклонности к иллюзиям и мечтательности, являлись целые толпы обманщиков, которые злоупотребляли верою народа и еще более утверждали его в суеверии. «По селам, говорит Стоглав, ходят ложные пророки, босые и нагие, с распущенными волосами. Они трясутся и убиваются, говорят, что им является св. пятница и Анастасия; что эти святые воспрещают христианам заниматься работою в среду и пятницу. Они внушают дела богомерзские, противные закону»²⁴². О тех же злоупотреблениях свидетельствует патр. Иоасаф в XVII веке. «Во время пения по церкви ходят шпыни, человек десять и больше, бранятся и дерутся; другие с блюдами и свечами собирают на церковное строение. Иные юродствуют, иные ходят в образе пустынников, в черных одеждах, растрепав власы. А иные во время пения ползают по церкви, творят писк и проч.». В доказательство наклонности народа к иллюзиям следует упомянуть о чудесных снах и откровениях, которыми сопровождались в древней Руси общественные бедствия. И хотя нельзя отвергать чудесных снов, но многие из них, как видно из дела, были плодом обольщения, фанатизма, суеверия и злонамеренности.

Наклонность к озарениям и мечтательность, усиленная ложными пророками, достигли высшего напряжения и развития в секте людей божиих, или христовщин. Мистическая секта людей божиих явилась в начале царствования Алексея Михайловича. По ее учению, люди божии суть органы небесных откровений и носители божества. Разными способами богоугождения они могут привлечь Св. Духа и сделаться сынами божиими. Сыны божии, по примеру Христа, безгрешны, всеведущи, всемогущи, и могут творить чудеса. Воля их есть

вместе и воля Божия. Не распространяемся о подобных сектах и разных мечтателях XVII века.

При наклонности к чудесному и духовной мечтательности, русский народ был подозрителен к науке и относился враждебно ко всякому виду просвещения. Привыкнув водиться чувством и предрассудками, он подозревал в науке чародейство и преследовал учение и ученых людей. «Всем страстям, говорили русские, мати мнение». «Мнение – второе падение». Курбский говорит, «что самые учителя народа предостерегали его против книг». «Не читайте многих книг. Онсица зашелся в книгах, изступил ума; а Онсица впал в ересь». Книги, поступавшие из Киева в Москву, подвергались запрещению. Невежественный народ особенно преследовал естествоиспытателей, которые наглядными опытами доказывали власть ума над природою, и таким образом будили народ от умственного усыпления, ставили его на почву труда и исследования вещей. Об этом свидетельствует Олеарий. «Русским, говорит он, чужды естественные науки. И если что удастся им перенять у иностранцев, то особенно подпадает их грубому и неразумному суждению. Так напр. камеру-обскуру русские признают волшебством, анатомию колдовством; так, астрономию они считают волшебною наукою. Предугадывание движения какой-нибудь планеты, предсказание солнечного и лунного затмения – считают делом неестественным. Поэтому, когда стало известным в Москве, что великий князь определил меня своим астрономом, то в народе пошла молва, что волшебник, состоящий при голштинском посольстве, скоро прибудет в Москву и будет предсказывать будущее. Некоторые начали питать ко мне отвращение. Это отвращение ко мне, вместе с другими причинами, заставило меня отказаться от этой должности». Владетелей каких-либо медикаментов, трав и книг народ преследовал за чернокнижие; самые предметы естествознания и орудия науки немилосердно истреблял. В этих предметах народ видел еретические изобретения, противные вере. Подобные преследования науки начались главным образом с XV века, времени сближения России с Европою и ознакомления с ее идеями. В XVI веке, например, народ

истребил типографию, заведенную в Москве, и разогнал типографщиков, обвинив их в ереси. С усилением в России европейских идей в XVII веке усилилось и гонение против образования. Власти гражданские и духовные брали всевозможные предосторожности против европейцев, виновников просвещения, их называли «погаными, зловерными, безбожными». Правительство, по словам Котошихина, воспрещало русским выезд за границу, дабы они не заразились иностранными обычаями и не отменили своей веры. Делались распоряжения о невпусчении в Россию иностранных купцов и их товаров, напр. хмелю, табаку и проч.²⁴³. Особенно сильно ратовали духовные власти против европейских идей и нововведений. Афанасий холмогорский писал в окружном послании. «Видим некие, ходящие в чужестранные обычаи, паче же прелести еретические, и сообщающиеся им, кроне закона, и заповедания, и предания. В нашу православную Церковь вкрадываются тайно нововводимые чужестранные обычаи, от еретических латын, Лютеров и Кальвинов, и их учение всякое». Духовенство воспротивилось желанию Годунова завести в России обучение иностранным языкам, дабы с разноязычием не вкралось в Церковь разноеверие. Патр. Никон отнимал у бояр и истреблял немецкие органы, картины, ливреи и проч. Он крайне остерегался благословлять немцев, «дабы не повреди святыни псам». Патр. Иоаким в своем завещании умолял правительство «не допускать русских сближаться с еретиками, и не вводить иноземных обычаев». Патр. Адриан еще далее простер свою ревность в противлении всему иноземному. Он требовал, чтобы все, но старому обычаю, учились у духовных отцов, и брандобритие признавал великою ересью. Как последний представитель старины, в патриаршем сане, Адриан встретился с представителем реформ и услышал от него небывалую новость. Петр, нападая на косность ума и религиозную замкнутость русских, писал патриарху о новых началах образования, о необходимости завести учение гражданское, военное, строительное и медицинское, кроме церковного. Раскольничья литература тоже вооружала народ против нововведений; она сетовала, «что Русь позавидовала

иностранным обычаям, стала перенимать у еретиков взоры, хождения, одежды и всякую пеструю прелесть». Раздался голос и с Афона. Инок Вишневский писал ко всем православным: «язык славянский плодоноснейший и любимейший Богу. Ибо, без поганских руководств и хитростей, каковы грамматика, риторика, диалектика и прочие тщеславные диавольские коварства, без всякого ухищрения приводит к Богу. Охраняйте детей своих от этой отравы. Теперь вы явно пострадали, когда разлакомились на мирскую и латинскую мудрость. Разве не лучше изучить Часослов, Псалтырь, Октоих, Апостол и Евангелие, с другими церковными книгами, быть простым богоугодником и жизнь вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, называться в сей жизни мудрым философом и отойти в геенну?»

Народ, руководимый властями и писателями, с удвоенным вниманием преследовал новшества. Некоторые преследования его в этом роде обнаруживают чисто ребяческий страх и смысл. Напр.: одного дьячка подвергли ссылке за найденные у него гадательные тетради. Некоторого тобольского протоиерея судили за найденные у него три корня, белый комок и багровую траву. Образованного боярина Матвеева обвинили в колдовстве и сослали в Пустозерск за то, что он читал черную книгу (лечебник)²⁴⁴. Иностранных врачей народ беспощадно гнал и резал; первого из них – венецианского врача Леона Иоанн III казнил смертью. Во время одного московского пожара чуть не сожгли живописца, за то, что нашли у него череп. Не понимая назначения черепа, видели в употреблении его, как и других непонятных вещей, умыслы чародейства. Поэтому знаменитый Олеарий, как мы видели, не вступил в русскую службу, не смотря на лестные предложения царя. Вообще, протест народа против всякого рода новшеств, к концу XVII века, достиг последних размеров и принял опасные размеры в борьбе с иноземным просвещением. Особенно опасно было допускать малейшие изменения в области веры, вводить, например поправки в тексте, непривычное для слуха пение, троеперстие, и т. д. Все это дело, как небывалое в Церкви и непривычное религиозному чувству, сильно смущало суеверный народ и

подвергалось неумолимому суду. Исправление ошибок в тексте, бессмыслиц и даже ересей казалось оскорблением древней святыни, разрушением веры и спасения души. Продолжительный застой, говорит один современный историк, не мог дать русскому человеку силы твердо, спокойно встретиться с цивилизацией и овладеть ею. Застой производил духовную слабость, которая обнаруживалась в двух видах. Или человек (народ) со страшным упорством отвращал взоры от всего чужого, нового, потому что не имел силы и мужества взглянуть на него прямо, померяться с ним. Он трепетал перед ним в суеверном страхе, как ребенок, которого ни лакомства, ни розги не заставят подойти к новой няньке. Но если он побеждал страх, то уже вполне подчинялся всему новому, чужому». «Особенность России, говорит другой писатель, заключалась в полноте выражения христианского учения; но в этом таилась и главная опасность для ее развития. Чистота выражения так сливалась с выражаемым духом, что легко было смешать их значение, – наружную форму уважать наравне с ее содержанием. Уважение к преданию, которым стояла Россия, нечувствительно перешло в уважение более наружных форм его, чем оживляющего духа. В XVI веке это уже становится видимым. Отсюда произошла та односторонность русской образованности, последствием которой был Грозный. Спустя век, она была причиною раскола, и в мыслящих людях произвела другую односторонность – стремление к чужим формам (жизни) и в чужом духу». Действительно, люди передовые, отличавшиеся умом и образованием, гнушались русским невежеством и нравами. Не уживаясь на Руси, некоторые из них бежали за границу. Посланные за границу молодые люди, при Годунове, там и остались, и приняли католическую веру. Образованный боярин Нащокин бежал во Францию. Князь Хворостинин тоже собирался бежать из России, где, по словам его, «жил народ глупый».

Преобладание чувства над разумом, склонность к чудесному, мечтательность и подозрительность к науке сузили ум народа до крайности, сделали его непроизводительным и неподвижным. Привычка жить чувством и полагаться во всем на

воображаемую, химерическую силу, привела в запущение разум и мыслительную способность. Ограниченность и скудость русского ума всего яснее сказывалась в общественных бедствиях, против которых он не находил средств и защиты. Привычка полагаться на химерическую помощь заставляла народ прибегать к нелепым обрядам и средствам, нередко увеличивавшим зло. Таково, например выкапывание из земли насильственно умерших, для исправления погоды, сожжение чародеев для отвращения эпидемий и т. под. От такого скудного ума, задавленного предрассудками и суеверием, конечно, нельзя было ожидать особенной деятельности и творчества. Ум русского народа не обнаружился ни в чем, «продолжение семисотлетнего периода. Он не был производительным ни в науках, ни в искусствах, ни в ремеслах. «Русские, говорит Олеарий, не любят ни наук, ни свободных искусств». Самое обыкновенное ремесло в жизни – арифметическое счисление не было известно русским. Все арифметические выкладки в конторах и присутственных местах делались на счетах, – изобретении чисто национальном. По свидетельству Перри, даже «в XVIII в. весьма немногие русские знали арифметику». «Умы народа тупы и косны, говорит Крижанич. Нет никакого умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве; русские купцы не учатся даже арифметике. Истории русский человек не знает, никаких политических разговоров вести не может, и потому иностранцы презирают его». За что ни брался народ, сколько-нибудь выходящее из ряда обыкновенных дел, он всегда и во всем оказывался неискusным и нуждался в посторонней помощи²⁴⁵. В XV веке, например, Москва не могла достроить Успенского собора, без помощи иностранного архитектора. Непродуктивность русского народа становится особенно заметною при сличении его с другими народами, жившими разумом и знанием. Какая разница в гражданском отношении между древнею Русью и Англией, достигшей в XVI веке высокого просвещения и могущества! Русские послы, бояре и путешественники не находили слов для описания богатства и просвещения средневековой Италии и Германии. «Город Дерпт, говорит спутник митр. Исидора, каменный,

палаты в нем чудные; мы таких не видали и дивились». Нюрнберг показался хитрее всех городов; «сказать нельзя и недомысленно». «Во Флоренске, говорит посол 1559 г., объявились палаты, а в палатах море; а на облаках сидят люди. И многие предивные молодцы и девицы выходят в золоте из занавеси»²⁴⁶.

Бессильный умом и знанием, народ заявлял в умственной жизни почти одни заблуждения и нелепости, на подобие вредных, болотных испарений, и находился в опасности потерять свою национальность. Всякое улучшение в жизни и религии он клеймил латинскою ересью, чародейством и учением антихриста. Смешивая существенное с несущественным, не умея отличить содержания от формы предмета, он крепко держался за свои обряды, боялся потерять национальность и спасение души с переменою буквы. «Аще кто, говорили предки, изменит се на оно, а оно на се, тот вносит ереси, хулы и развращение». «Заводите в новую ересь, учите людей в церкви, а мы прежде сего не учивали людей. Беса вы имеете в себе». «Не дай Бог погрешит нам не только в вере, но и в малейшей частице церковных песней и канонов». «До нас положено так, лежи оно так во веки веков». «Православным нужно умереть за один раз». Когда преп. Максим грек исправил ошибку в отпусе троицкой вечерни: то писец его, инок Михаил пришел в ужас; он думал, что Максим «загладил премудрый догмат». Умы волновались пустыми вопросами, как петь: «Осподи помилуй! или: о, Господи помилуй!». Таким образом ревниво оберегаясь от всяких новшеств, отбиваясь от иностранцев и их изобретений, народ погибал для умственной жизни и гражданского развития. Своею умственною робостью, неподвижностью и как бы окаменением народ обрекал себя на политическую смерть и нравственную гибель. Он стал в опасное, критическое положение, из которого мог выйти с тяжкими жертвами, посредством крутой и насильственной реформы. А она в это время стучалась, как говорится, во все двери и окна русского государства. Несмотря на запрещения и протесты против иностранцев, Русь сама призывала их, со времени Иоанна III, для обучения военному и строительному

делу. Таким образом сама история давала чувствовать народу, что он не должен быть замкнутым, жить исключительно религиозною жизнью, если желает избежать печальных следствий умственного застоя; ибо народ, отстающий от своих соседей в гражданственности, выносить тяжкие урны преобразования, или теряет свою национальность, подчиняясь иноземной власти. Действительно, следствия долгого застоя в умственной жизни русского народа, при столкновении его с реформой, были весьма печальны. И гражданском отношении это был протест нововведениям Петра, как делу антихриста: в религиозном отношении это был раскол, который процветает доныне. Тот и другой, как увидим, дорого обошелся русскому государству.

Само христианство со своим благодетельным учением о промысле и аскетическим взглядом на жизнь не могло рассеять густой тьмы предрассудков и предотвратить печальных последствий умственного застоя. Народ в продолжение семисот лет жил чувством, и потому неспособен был к обсуждению своих верований, двоился в убеждениях языческих и христианских. В корыстных побуждениях и ожидании выгоды он нередко отдавал преимущество суеверию и язычеству пред христианством. Неоспоримое доказательство подобного двоеверия русского народа оставил нам Стоглавый собор. Перечислив суеверные книги, бывшие в употреблении народном: Шестокрыл, Воронограй, Острономей, Зодей, Альманах и иные составы еретической мудрости, он как бы с сожалением говорит о тех следствиях, к которым приводят подобные верования. «В нашем православном государстве некоторые люди заводят тяжбу, бьются в поле и проливают кровь. Надеясь на чарования волхвов, тяжущиеся не хотят мириться, хотя и целуют крест. А те (волхвы) смотрят в Аристотелевы врата и Рафли, гадают по звездам, наблюдают дни и часы (добрые и злые), и такими дьявольскими действиями прельщают народ». Спутанный в мыслях, забитый предрассудками, народ не мог иметь ясного понятия о христианстве и развиваться правильно, в духе его предписания

и догматов. Он вращался в противоречиях, и почти до XVIII века заслуживает от проповедников название двоеверного.

б) Суеверие замедляло и нравственное развитие русского народа

Внушая нелепые понятия о богах, силах природы и служении им, суеверие извращали нравственность народа, давало ей неправильное и вредное настроение. Под влиянием доверия нравственность народа часто проявлялась в химерической деятельности, пустой обрядности, не ведущей ни к чему доброму, кроме траты времени и увлечения всякими беспорядками. Главными из этих беспорядков были пьянство, буйство и пресыщение, которыми обыкновенно сопровождались языческие праздники. Подрывая доверие к науке и знанию, суеверие отнимало лучшую опору народной нравственности – просвещение. Просвещение, возвышая ум, исправляет волю, облагораживает стремления и действия людей. Опыт и знание определяют высшие цели жизни и назначают лучшие средства к достижению их. Лишенный пособий науки, народ коснел целые столетия в темных предрассудках и погрязал в чувственной жизни, грубых стремлениях и пороках. Под влиянием суеверия, извращавшего нравственную природу, народ по необходимости жил низшею жизнью, развивал в себе животные инстинкты на счет высших целей и стремлений. Но главным образом суеверие вредило нравственности народа своим противодействием христианству. При недостатке научного образования в древней Руси, христианство было единственною школою, облагораживавшею дух народа. Проводя высокое учение о нравственности человека и вечном призвании его, христианство возвышало дух над плотью, отрывало его от земли и устремляло к небу. Суеверие, укореняя в народе грубые убеждения и чувственные привычки, ослабляло благотворное влияние христианства на душу. Оно возвышало плоть над духом, сводило дух народа с неба на землю. Спутанный противоречивыми требованиями веры христианской и языческой, народ двоился в своих поступках; он был двоеверным не только в мыслях и правилах, но и в действиях, служил Богу и идолам, добродетели и пороку. Он удивлял

наблюдателей противоречием своих убеждений и поступков, и, к сожалению, разрушал одною рукою то, что созидал другою. Так напр. после подвигов поста и молитвы, особенно в праздники, народ отправлялся на игрища, поблажавшие всем страстям чувственной природы. Противодействие суеверия христианству и двоеверный характер народа всего яснее сказались в празднике Купалы, в день Иоанна Предтечи. Праздник этот даже в XVI веке сопровождался языческими обрядами, диким разгулом и сценами разврата. Самые представители народа – власти, осуждавшие суеверие, платили дань ему. Иоанн Грозный, который рассуждал на соборе об искоренении язычества, проводил святки по древнему обычаю. Он с опричниками переряживался и предавался разным потехам. Таким образом, жизнь народа, исполненная крайностей и противоречий, была следствием его умственной и нравственной забитости, векового давления суеверия. Этот факт оправдывает положение науки, что нрав человека и народа определяется его знанием. Каков ум, такова и воля.

в) суеверие расстроило частную и общественную жизнь русского народа

Наполнив ум химерическими богами и обрядами, суеверие стеснило дух народа в его действиях, мыслях и чувствах, и таким образом расстроило, во-первых, его домашнюю жизнь. Связанный страхом темных сил, народ не мог быть спокойным в домашней жизни, не мог действовать свободно, правильно относиться к людям и вещам. Все в его действиях отзывалось подчинением неразумной силе, угнетением духа и вытекающими отсюда неустройствами. Подчиняясь многочисленным божествам, народ спутывался в мыслях и делах, и от этого терпел в домашней жизни разные бедствия. Главным из них было смущение духа, потеря спокойствия и мира душевного.

Под влиянием веры в темных богов, народ приписывал все домашние несчастья их действию; и потому соображал свои действия с их волею, разгадывал их определения в бесчисленных приметах, ограждался от бед разными заговорами и обрядами. Таким образом дух его всегда смущался тревогами, волновался напрасными надеждами и опасениями. Примеры подобных опасений указаны в характеристике русского народа. Особенно русский народ боялся колдовства, наговора и порчи. Все классы древней Руси были заражены этим страхом и принимали меры к ограждению семейств от порчи. В XVI – XVII веке поднято по этому делу множество процессов, самых нелепых. 1648 года, например, судили придворную мастерицу за то, что она продевала царское полотенце сквозь кольцо. Или: князь Голицын подверг пытке Бунакова, вынимавшего его след. В Астрахани пытали и сожгли знахарей, подозреваемых в порче царевича Гирея. Между прочим, их повесили за руки, и, вложив в рот конские удила, били по стене²⁴⁷. До какой степени страх волшебства был всеобщим и глубоким, видно, между прочим, из Уложения. Уложение назначало жестокие казни за волшебство – кнут и сожжение на костре. Не смотря на то, волхвы не переводились

в древней Руси, и к ним обращались все сословия за помощью. К волхвам обращались мужья и жены для выведывания тайн, ремесленники и преступники для успеха в делах. К ним обращались князь Василий и Соломония за помощью против неплодства. Сам Иван Грозный спрашивал волхвов о дне своей смерти.

Смущение и угнетение духа сопровождалось неустройством в делах, влекло за собою ущерб домашнего благоустройства и порядка в хозяйстве. Забитый народ, подчиняясь суеверным обрядам, тратил свое имущество на прогулы, подарки волхвам, лечебные средства, талисманы и проч. По свидетельству Владимирского Собора народ собирался в субботние вечера на бесстыдные игры и скверные деяния, но примеру Дионисова праздника. Особенный ущерб его состоянию причиняла вера в добрые и злые месяцы, недели, дни и часы, в св. пятницу, среду, двенадцать пятниц и т. под. Все эти химерические существа, на подобие шляхты, не разбирая ничего, заявляли непреклонное «veto» в жизни убогого народа, воспрещали ему занятия и разоряли его. Мы видели, как древние крестьяне зарекались хранить среды и пятницы и ничего не делать. Эти зареки, при множестве языческих праздников и неразлучных с ними прогулов, кроме ущерба имения, приучали народ к лени, трате времени, и нерасчетливости. Склонность к прогулам и нерасчетливость доселе составляют главную черту русского народа, отличающую его от иностранцев.

Смущение духа и расстройство состояния нередко вели к нарушению семейных отношений. Страшливость и подозрительность, внушаемая суеверием, праздничные прогулы и скудость состояния, грубость привычек, выносимых из языческих праздников, – все это ослабляло семейные узы, вносило в дом раздоры, недовольство и грубый деспотизм. Особенно вредны были в этом отношении праздник Купалы, Русалы и праздник языческий на Крещение. В эти дни открыто нарушались семейные связи и нравственные чувства. Вместе с играми, пляской и бесстыдными песнями народ предавался разврату. Тут, по слову Панфила, «было отрокам и девам растление». Привычный к пьянству и разврату народ

обнаруживал животные инстинкты и в домашней жизни. И над кем же он мог выказать свою необузданную силу, как не над слабой женщиной? В наше время гласные суды выводят на свет чудовищные примеры семейного деспотизма и насилия. Что же сказать о том темном времени, когда самые браки заключались не по любви и нередко сопровождались обманом? Мы не имеем статистических свидетельств семейного неурядиства и деспотизма в древней Руси. Только изредка попадаются в истории такие указания: «жалоба мира на посадского человека Короба, что он безобразно пьет и бражничает, играет в зернь и в карты, бьет и мучит свою жену не по закону»²⁴⁸. Но для нас сохранен историей суровый взгляд старины на женщину, и этот взгляд свидетельствует о ее крайнем унижении. Обличительная проповедническая литература наполнена бранью и оскорблением древней женщины. Это вообще слова о злых женах, ложно приписанные св. Златоусту; а также унижительные пословицы, сохранившиеся в Пчелах. «Жена злая есть коза неистовая», «гостиница жидовская». «Лучше жить со зверями, нежели с злою женою», и т. д. Подобный взгляд всего яснее проводит Заточник в своем «слове». «Что есть злая жена? Неусыпаемая гостиница, бесовская купница, начальница всякой злобе, ослепление уму, мирской мятеж» и проч. Вообще, женщина трактовалась в древней литературе, как существо нечистое и соблазнительное. Подобные взгляды и отзывы, свидетельствуя о раздражительности древней женщины, показывают ее невыгодное положение в семье. Этой невыгоде семейного положения – наиболее помогало суеверие, с его разгульными обрядами и праздниками.

Конечно, не все одинаково страдали от влияния суеверия на жизнь домашнюю. Степень страдания всегда условлена восприимчивостью, умственным и нравственным развитием человека. Кроме того, со времени возвышения власти царей и ознакомления с европейскими идеями, в Москве завелись либералы, которые пренебрегали и самую христианскую веру. Но, вообще говоря, все, сословия России платили дань суеверию, как показывают приведенные нами примеры. Следовательно, все более или менее, терпели невыгодные

следствия его. А совершенных жертв суеверия, погибших от душевных болезней, умственных и нравственных заблуждений, семейного деспотизма и злобы фанатиков, было всегда много. Подобных несчастливцев и ныне много; а в темные времена древности им не было числа. Общим последствием суеверия была замкнутость и бесцветность домашней жизни. Угнетенный предрассудками и суеверием русский человек неспособен был к удовольствиям, какими цивилизация облагораживает семейную жизнь. Всякая перемена домашних обычаев его робкому уму казалась ересью, и тем более страшною, что в древней Руси все было освящено верою, носило печать монастырского устава. Самозванца русские признали еретиком за то, что он изменил русские обычаи, окружил себя иноверцами и хвалил все чужое. Он явился на Руси ранее надлежащего целым столетием. Люди, не соблазнившиеся его поведением, составляли исключение, незначительное меньшинство.

Во-вторых, суеверие расстроило общественную жизнь. Притупив ум и исказив нрав народа, суеверие показало недостатки его на деле, в приложении к общественной жизни. Как в частной жизни суеверие обнаруживало свои следы нарушением домашнего мира, семейным деспотизмом и расстройством хозяйственных дел, так и в общественной жизни оно показало свое влияние несравненно в большей степени. Причина тому понятна. Жизнь общественная сложнее жизни семейной в своих отправлениях, и недостатки всего народа в общей сложности, в приложении к законам гражданственности, ведут к более опасным следствиям, нежели недостатки семьи, изображение всех следствий суеверия в отношении к жизни есть труд обширный и весьма поучительный, ибо суеверие русское отличалось необыкновенною живучестью, и глубоко проникло в общественные нравы. Большею частью оно заимствовало свою силу и освящение от веры, при помощи апокрифов и ложного толкования Библии. Поэтому русское суеверие имело огромное влияние на общественную жизнь и далеко превосходит в этом отношении суеверие прочих европейских народов, насколько это можно видеть из сравнительного описания народных нравов. Оно уступает в

силе только браминскому фанатизму и магометанскому фатализму, которые притупляют ум, извращают нравы, и нередко делают из людей нравственных чудовищ. Но всестороннее изображение следствий суеверия для жизни общественной составляет задачу истории проповедничества. В историческом Очерке достаточно показать главные черты этого важного предмета, выяснить существенные его стороны.

Суеверие не благоприятствовало гражданственности и общественной жизни, по причине развития в народе мистицизма и излишнего уважения к старине. Утвердив веру в химерические существа, чувство страха и зависимости от них, суеверие поставило вековую преграду умственной жизни народа и его цивилизации. Оно направило его деятельность в таинственную область чувства, в идеальный мир богов, и таким образом отвлекло от действительного мира и жизненных интересов. Это идеальное, так сказать мистическое, направление тем более оказалось неблагоприятным для гражданственности, что оно нашло себе поддержку в аскетизме, господствовавшем в древней Руси. Аскетизм тоже внушал – пренебрежение к земле, отрешение от всего чувственного, и, кроме того, смирение, неподвижность ума. «Учися держати ум, говорит древняя проповедь. Высочайши себе не ищи, высочайши бо – небесное измерение, высокопаривая мысль, ее же невозможно постигнуть. Учися грамоте, учися и держати ум; высочайшего не ищи, глубочайшего не испытай, но елико ти предано, си содержи»²⁴⁹. Кроме того, аскетическая проповедь, как мы видели, в основу нравственности полагала страх Божий и безусловную веру. «Главизна доброты и начало премудрости страх Господень; лепо бо Жиждителя, властвующа животом и смертью, имущего силу миловати же и мучити, – боятися и трепетати и говети»²⁵⁰. Всякое свободомыслие воспрещалось. Таким образом под влиянием мистического настроения, укорененного веками, при содействии аскетизма, народ жил верою, чувством и страхом, угнетающими мысль и цивилизацию. «Вследствие векового преобладания страха природы, говорят один писатель, страха Божия и чувства веры над разумом и мышлением, в народе укоренилось недоверие к

естествоиспытательному уму и вообще к естествознанию. Начало веры, нравоучения и страха Божия воспреобладало над разумом и мыслью. Вследствие такого умонастроения народ хотя и наталкивался на познание природы физическими работами; но мыслью не углублялся в сущность ее, причинную связь явлений и соотношение их. Он даже боялся подобного исследования природы, и испытание тайн и воли Божией считал грехом, даже волшебством²⁵¹. «Противление природе и ее разрушительным действиям народ считал опасным искушением, «продерзким усилием противиться гневу Божию». В некоторых местах считается за грех гасить пожары, происшедшие от грозы. В этом видят противление воли Божией²⁵². Утвердившись в мистическом направлении, в жизни верою, чувством и страхом, народ не признавал других идеалов общественной жизни, к которым он не привык и не имел расположения. Он даже упорно отвергал высшие формы гражданственности и европейской цивилизации, для которых не был способен и не имел достаточной подготовки. Напротив, видя вторгающуюся с запада цивилизацию, народ пятился от нее, возвращался к старине, тосковал об идеале древней русской жизни, по причине весьма естественной. Старина была представительницею идеального, мистического направления: и чем глубже древность, тем крепче вера, живее чувство, невозмутимее мысль. Цивилизация будила древнюю Русь от умственного покоя и огорчала новизною вопросов, критикой и кризисом, все разрушающими. С появлением ересей, в XIV веке, начинается тряска общественной жизни и вместе с тем печаль по старине. Стоглавый собор видит причину всех неурядиц в забвении древних нравов и преданий, в уклонении от благочестивой старины. Фанатики староверы героически лезли на костры из-за «древнего благочестия», о котором собор 1667 года отозвался, как «о простоте и невежестве». Патриархи увещевали посланиями «избегать всякой новизны и хранить старые обычаи». У русских образовались наконец пословицы, выражавшие безусловное благоговение их к старине, как высшему идеалу общественной мудрости и благоустройства. «Что старина, то и деянье, добрым

людям на послушанье, а молодым на перениманье». «Которая земля переставляет свои обычаи, и та не долго стоит». Вообще Русь тяготела к старине, к древним идеалам жизни, потому что новый идеал грозил бедою, требовал перемены вековых обычаев. Кризисы государственные всегда сопровождаются жертвами и переживаются с трудом. И нет ничего тяжелее, как переменить свои привычки, становиться выше себя и своей природы, хотя бы на время, в видах улучшения собственного быта.

Идеальное, мистическое направление древней Руси, как мы это сейчас показали, было существенным злом для ее гражданственности. Это общее зло, по связи исторических причин, в свою очередь, породило частные неурейства в государстве. Главными из них были: непроизводительность страны в отношении материальных благ и в отношении духовных даров, вредная боязнь волшебства и знамений небесных, потрясение реформы гражданской и церковной.

Непроизводительность России в отношении материальных благ. Природа древней Руси отличалась необыкновенною производительностью, богатством сил и естественных даров. Она поражала иностранцев своим величием, могуществом и разнообразием произведений. Даже нынешняя природа страны, сильно истощенная промышленностью, удивляет, по местам, плодородием почвы, остатками прежних лесов, вод и минеральных богатств. Русь особенно богата была сокровищами горной природы, и, по выражению Генина, была как бы ограждена золотом, серебром, медью и железом. При всем том, народ, вследствие духовного, мистического настроения, оставался невнимательным к дарам природы, не мог и подумать о каком-нибудь улучшении своего быта. «Детский славянский ум не мог возвыситься до научного обобщения идей. Для него невозможны были никакие естественно-научные теории. Предки наши не могли и помыслить ни о физиологии хлебных растений, ни о земледельческой химии, ни о теории агрономии»²⁵³. Крижанич жаловался на непроизводительность русского народа. «У нас нет никаких книг о земледелии и иных промыслах. Книги

подробно раскрывают все произведения природы, показывают все части тех вещей, что полезно и выгодно из них, как и в какое время всего того смотреть, приобретать, сохранять и употреблять. В нашем народе несчетны домовые хозяева, которые состареваются и умирают в хозяйстве, однако же не знают приобретения и употребления многих полезных произведений». Этого мало. Мы видели, что суеверный народ, оберегаясь от всяких новшеств, устранял готовые средства к обогащению, предлагаемые западной цивилизацией. Он прогонял от себя иностранцев, воспрещал ввоз иностранных товаров, резал носы за употребление «бесовской табаки». По свидетельству Коллинса «ни один человек с дарованиями не имел возможности быть в России, потому что русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев. Он совершенно предан невежеству, и видя в науках чудовища, боится их как огня.» Руководясь преданием старины, народ только и знал, как составлять «списки посевные, ужинные и умолотные». Таким образом древняя Русь, несмотря на богатство естественных произведений, оставалась убогою и непроизводительною, вследствие предрассудков и умственной забитости. Она была переполнена богатствами всех царств природы, но без иноземной помощи не могла достать их и употребить в свою пользу. Русь была огорожена золотом и серебром, посредством богатых гор, например уральских, а ходила в лаптях, употребляла скудную пищу и не знала каменных построек. «Россию, говорит Соловьев, угнетала страшная бедность»²⁵⁴. Даже в XVIII веке, в самой Москве дома крыли соломою, что благоприятствовало пожарам и разорению. Материальная скудость имела в свою очередь неблагоприятное влияние на духовную жизнь народа, его умственную непроизводительность; ибо довольство материальное и промышленность служат основой просвещения, богатства и довольства умственного. Но о подобной матери у нас не могло быть и речи, до самой реформы. Просуществовай Россия еще столетия, без крутой реформы она не вышла бы из своего умственного оцепенения, нищеты физической и духовной. Под гнетом суеверия и предрассудков она на всегда осталась бы в

нищете и невежестве. Началась реформа, и выборный человек России Ломоносов заговорил о необходимости народного богатства и просвещения. Он призывал народ устремить «очи рассуждения» на физическую природу, требовал изучения явлений и неразлучного с ним материального обогащения. «Блаженства человеческие могут быть увеличены и приведены в высшее достоинство только яснейшим и подробнейшим познанием натуры, источник коего – натуральная философия, общеназываемая физика»²⁵⁵.

Непроизводительность России в отношении духовных даров. Мистическое, или лучше сказать, мечтательное направление древней Руси не благоприятствовало развитию и духовных даров ее. Древняя Русь, не смотря на огромное расстояние веков, мало родила государственных талантов, и то своеобразных, односторонних. Что же касается великих людей, благодетелей человечества по разным отраслям знания, то таких почти не встречаем в древней истории. Вера в судьбу, волшебство, влияние природы и химерических сил, подавляла дух народа, стесняла его стремление и деятельность. Эта слепая вера находила себе поддержку в господствовавшем аскетизме, который также принижал дух народа, в смысле житейском. Аскетизм внушал строгое самоотвержение, смирение ума, и вообще неуважение к грешной природе. При таких убеждениях и правилах воспитания, народу не могла прийти мысль – искать опоры благополучия в самом себе, в развитии собственных сил и дарований. Таланты, которые в изобилии возникают в образованных нациях, руководствующихся наукою и знанием, в древней, верующей Руси оставались неразвитыми и незаметными. Если и появлялись в государстве необыкновенные личности, то они не находили в окружающей среде достаточной опоры для своего развития, той почвы и нравственных соков, которые питают и укрепляют гениев. Не было этой опоры и почвы в народе, который под гнетом суеверия не задавался гражданскими идеями и не возбуждал соревнования умов; не было и в политической экономии, богатстве страны, дающих средства к воспитанию талантов; не было – и в соревновании иноземному

образованию, которого чуждались, как заразы. Вообще, древняя жизнь своим однообразным строем и направлением уравнивала всех и не благоприствовала возникновению разнообразных государственных деятелей. Для этого не доставало ей надлежащего развития государственных учреждений и сословий. Только всестороннее развитие государственных учреждений и сословий вносит в общественную жизнь разнообразие взглядов, мнений, вкусов, способностей, характеров и талантов. В древней Руси преобладал над всеми один класс, который давал направление общественной жизни, как мы это видели. Если же, при всем том, и выдвигались немногие личности, с большими силами: то, под влиянием суеверия и мистицизма, они принимали своеобразное направление и одностороннее развитие. Таланты древней Руси носили на себе отпечаток века и одностороннего настроения общества. Это были вообще люди характера, богатыри, одушевляемые верою и суеверием. В этом одушевлении заключалась их сила и бессилие, величие и слабость. В минуты критические эти богатыри исполняются одушевлением, и решаются на великие дела. Не имея опоры в образовании и саморазвитии, они до тех пор сильны, пока находят поддержку в внешних обстоятельствах, покровительстве властей, одушевлении народа и т. под. С переменою счастливых обстоятельств и они теряют успех. Таковы эти герои: Сильвестры, Аввакумы, Никоны, Минины, совершители государственных переворотов силою веры и одушевления, сочувствия народа и властей. С переменою счастья и потерей внешней поддержки все они сошли с исторической сцены и сделались незаметными.

Исключение из общего правила составляют герои князя и цари. Они до конца жизни выдерживали свою роль, потому что находили поддержку своим подвигам в общественных неурядицах и войнах. Таковы русские герои: Мономах, Боголюбский, Александр Невский, Димитрий Донской, Иван Грозный, Годунов и другие. Это вообще люди характера, необыкновенной силы физической и силы воли. Своими аскетическими стремлениями они обнаружили ту силу, которая

одушевляла их на подвиги; это – сила веры. Но эта же вера в неразвитых людях под час легко сливалась с суеверием, особенно в опасностях, подавляющих душевные силы. Грозный, наблюдавший монастырские уставы, Годунов, ходивший по церквам на богомолье, в трудных обстоятельствах искали поддержки у волхвов. Истинно великих людей древней России, влиявших своими заслугами и на потомство, находим немногих. История выставляет их единицами на разных поприщах государственной деятельности. Таковы на поприще политики Иоанн III, собиратель русской земли, митрополиты Алексей и Иона, укрепившие верховную власть за московскими князьями. На поприще литературы, воспитатели народа в нравственно-аскетическом духе; митр. Макарий, 20 лет без малого трудившийся над составлением великих чети-миней, обнимавших почти всю нашу древнюю письменность, и справедливо названный «дивным во святых». Хотя митрополит имел в виду нравственную цель – дать православным душеполезное чтение на каждый день года: но он создал церковно-историческое направление, оказал огромную заслугу науке, сохранив памятники древней письменности и дорогие сведения для отечественной истории. Для нашей специальной цели он важен тем, что собрал из разных сборников и торжественников учительные и похвальные слова на праздники, послания, грамоты и монашеские уставы. Собственно, из русских сочинений в Великих чети-миней содержится до 25-ти похвальных слов святым; хотя некоторые из них можно назвать житиями²⁵⁶. Митр. ростовский Димитрий, посвятивший около 30 лет на изложение чети-миней, очищение их от легендарного элемента. Но эти великие государственные люди во многом обязаны своими успехами труду своих предшественников. При такой скудости талантов появление самобытного деятеля Петра I, чуждого предрассудков и обнявшего все нужды государства, составляет факт, близко граничащий с чудом.

Кроме указанных неурядиц, составлявших постоянное зло в государстве, мистическое, идеальное направление России порождало и временные бедствия. Главным из них было опасение волшебства, смущавшее дух народа, особенно при

наступлении бедствий. Не зная естественных законов, подозревая во всем сверхъестественные причины, народ вечно тревожился, отовсюду ждал себе несчастий, и как в домашней, так и в общественной жизни все бедствия объяснял чародейством. «Супранатуральное учение, говорит один писатель, заменяло в народном миросозерцании область высших, рациональных теорий. Народ все объяснял готовыми, сверхчувственными идеями. Где разум познает закон, там народный ум представлял какого-нибудь духа, ангела или демона. Где физик видит простое действие природных сил, там чувствам темного народа, при господстве галлюциногенного миросозерцания, мерещатся неземные, сверхчувственные образы и силы»²⁵⁷. Когда, например, поднялась буря, при вступлении Лжедмитрия в Москву, народ смутился, начал креститься и молиться: «помилуй нас Бог!» «При таких убеждениях, говорит наш историк, народ должен был походить на напуганного ребенка и лишиться нравственного мужества. Надобно представить себе жалкое положение русского человека в это время, когда он на каждом шагу, с испуганным видом, должен был озираться на все стороны. Вот злой человек выймет след, или по ветру напустит болезнь. Гибельно должна действовать на нравы эта напуганность, это убеждение, что против человека отовсюду направлены неведомые враждебные силы»²⁵⁸. ... Под влиянием мистического настроения и боязни волшебства народ злополучно относился к общественным бедствиям, которыми переполнена древняя русская история.

Прежде всего народ создавал себе мнимые бедствия своим мрачным и запуганным воображением. Так, он объяснял многие естественные явления мира нравственного и физического действием волшебства и преследовал невинных людей, подозреваемых в чародействе. В мире нравственном он объяснял волшебством необыкновенные успехи и дела умных людей, в мире физическом – разные болезни: икоту, безумие, кликушество и проч. Немногие примеры подобных преследований, занесенные в историю, своим характером ясно подтверждают господство этого жестокого обычая и гибель

многих безвестных жертв. Так прот. Сильвестр и Адашев, на свое влияние на царя и успехи в делах были признаны чародеями и осуждены. «Это дурные люди, чародеи, говорили приближенные Ивана Грозного. Они своим чародейством закрывали тебе глаза. Только допусти их (опять) к себе, тотчас тебя ослепят»²⁵⁹. Самая смерть Анастасии Романовны была приписана их чарам. «Суеверие их свело с царем, говорит Костомаров, суеверие и развело». Чародейством были объясняемы и успехи самозванца. Царь Шуйский в своих грамотах народу объявлял, что расстрига Лжедимитрий «всех прельстил чародейством, ведовством и чернокнижеством, с помощью адской силы». За напущение разных болезней были наказаны следующие лица. 1606 года пермский крестьянин Талев был пытан, жжен огнем, и получил три встряски, за напущение на людей икоты. В Шуе казнили волхва, делавшего женщин кликушами. В Москву писали из разных мест, «что вот-де явился знахарь, который испортил на пиру гостей и новобрачных»; или что «лихой человек наводит да людей скорбь, и они без ума и без памяти кличут». 1227 года новгородцы сожгли четырех волхвов, по одному подозрению в чародействе.

При наступлении действительных бедствий, часто происходивших от неустройств древней Руси, народ являлся беззащитною жертвою их. И это зависело не столько от невежества и неумения справиться с бедой, сколько от преувеличенного страха, слепой веры в волшебную силу и сверхъестественное значение беды. Признавая делом волшебства общественные бедствия, народ принимал против них особенные меры, часто нелепые, увеличивавшие общее зло. Так мы видели, что для отвращения вредной погоды, наводнения и т.п., народ выкапывал из земли удавленников и утопленников. Но особенно в таких случаях народ преследовал знахарей, приписывая их ворожбе и наговорам всякое зло. Преследуя невинных людей, народ бунтовался и совершал страшные зверства. Так, вовремя сильного развития черной смерти во Пскове, 1411 года, жители сожгли двенадцать ведьм или волшебниц. Во время самого ужасного пожара, при Иване

Грозном, истребившего Москву, разнеслась молва о волшебстве Глинской, бабки государя. Говорили, что она вынимала сердца из трупов, настаивала их в воде, и этой водой кропила улицы; а от этого произошел пожар. Народ взволновался, убил дядю государева Глинского, и чуть не убил самого государя.

Вообще, под влиянием суеверия и страха волшебства, народ смотрел на частные и общественные бедствия большими глазами, по пословице: «у страха глаза велики». А от этого он терял лучшую опору против бедствий: присутствие духа, рассудительность, власть над собою и над окружающей средой. Вместо смелых и решительных мер к устранению и облегчению бедствий, он в переполохе терял голову, делал ошибки и напрасно погибал. Каждый пожар, наводнение, голодовка, эпидемия уносили сотни и тысячи жертв суеверия.

Впрочем, страх волшебства, придававший силу общественным бедствиям, был менее тяжок для народа, нежели страх знамений небесных. Страх волшебства умерялся проповедью и здравым смыслом, страх знамений небесных как бы освящался авторитетом веры, ибо основан был на ложном толковании Св. Писания и утверждался апокрифами. По руководству же писания и апокрифов знамения небесные возвещают гнев Божий, наказание и разрушение мира. Поэтому страх знамений был особенно тяжким, и невинные звезды, услаждающие образованное человечество, были грозным бичом для суеверных предков. Какая-нибудь дуга, затмение луны, северное сияние, темная туча, напоминали предкам всемирный потоп, участь Содома и Гоморры, кончину мира и страшный суд. Видя страшную грозу и неотвратимый гнев небесный, верующие предки приходили в отчаяние. Тут-то они припоминали грехи свои и суету жизни, каялись от глубины сердца, молились со слезами о помиловании, и, прощаясь друг с другом, готовились к смерти. И если на какие-нибудь пожары и другие явления земные предки смотрели большими глазами: то тем более – на явления небесные, относительно которых для них невозможны были сомнения, разногласие и перетолкования. В мрачных облаках напуганное воображение видело камни, стрелы, бьющиеся войска, равно как в ясном небе видело особенные

милости; для предков падающая пшеница с неба, или рожь, хотя бы в январе, казались делом естественными, или возможным.

Выражением общего страха, наводимого знаменами неба, служат летописи. Летописи XI–XVII века наполнены описаниями физических явлений и особенно знамений небесных. Описывая знамения неба, летописцы объясняют значение их по руководству Св. Писания. Расплываясь в общих мыслях и выписывая целые главы из писания, они возвещают гнев Божий, кончину мира, и призывают всех к покаянию. «Знамения бо в небеси, или в звездах, или в солнце, или в луне, или в етером (другом) чим не на добро бывают»²⁶⁰. Задавшись такою темою, выражавшею взгляд современников на дело, летописцы изображают переполох, причиненный кометами, северным сиянием, затмением солнца и луны, тучею и грозю, и прочими знаменами. «Явися звезда хвостатая, образом страшным, испущающе от себе лучи велики. От видения сея звезды страх обя вся человеки и ужась. Хитрецы же смотревше, тако рекоша, оже мятеж велик будет в земли»²⁶¹. «Явишася столпове червлени, зелени, синии, и сниде огнь с небеси. Людям всем отчаявшимся своего жития, мняще кончину, целующе друг друга, плачуще горько, возопиша к Богови, со слезами»²⁶². «Бысть знаменье в солнце, огородилося в три дуги. И сия видяще благовернии человецы, со воздыханием и слезами моляхуся Богу, дабы обратил знаменья си на добро»²⁶³. «Туча пришедше, над градом ста огненное видение. Людие же чаючи пламени быти, ужасошася и начаша вопити: Господи помилуй! И обеты приношаху, понеже бо кямение из облака являшеся»²⁶⁴. «В великое говенье 1402 года являшеся некое знамение на небеси. Се же является грех ради наших; прообразует, претит и велит покаяться от грех наших. Убо смею рещи, сбывается слово евангельское, якоже Спас рече: в последняя дни будут знамения велика на небеси, в солнце, луне и звездах. (Следует выписка зачала). Да еже в евангелии Спас глагола, то ныне, в последняя времена сбывается»²⁶⁵. Знамения небесные, часто пугавшие суеверный народ, не оказывали особенно вредного влияния на общественную жизнь. По крайней мере летописи не

представляют на это достаточных свидетельств. Например, 1618 года москвичи не успели разъединить гетмана Сагайдачного и королевича Владислава, подступавших к Москве. Ужас москвичей увеличила комета, стоявшая над самой столицей. Царь и народ, смотря на комету, уверились в успехе Владислава, думали, что он овладеет Москвою²⁶⁶. Впрочем, нельзя умолчать об одном довольно важном обстоятельстве в этом отношении. При вере в знамения неба предки увековечили память страшного нашествия Батыя особым знаком; думая, что это нашествие отразилось на небе, они называли млечный путь «батыевым путем». Память страшного бедствия, увековеченная таким ярким знаком, подновлялась каждым большим нашествием татар и увеличивала испуг, если нашествие совпадало с явлением кометы. «В лето 1382 бысть знамение на небеси: звезда некая, хвостата, копейным образом. Се же знамение проявляше злое пришествие тохтамышево на русскую землю и горькое татар нахождение на крестьяны». Эта слепая вера в знамения неба и запуганность служили предвестниками большой беды, в недалеком будущем.

Одно обстоятельство, стоящее в связи с астрологией и пасхалией, само по себе химерическое, особенно напугало суеверный народ, смущало его несколько веков, и наконец приостановило общественную жизнь в ее течении и многих погубило. Это – верование в кончину мира, выведенное из мистического сближения дней творения с семью тысячелетиями. Возникшее, из апокрифического послания Варнавы и перешедшее к нам из Греции, это верование возвещалось как догмат, с XII века. Оно упомянуто в слове о мытарствах, затем повторено в поучениях м. Кирилла II, Алексия, Фотия, Цамблака, Ионы, Филиппа и других. Смущение народа и расстройство общественных отношений, порожденное этим верованием, начало усиливаться к XV веку. В 1397 году арх. Иоанн склонил новгородцев и псковитян к миру словами: «дети! видите, уже последнее время». Современники Стефана Пермского, по случаю изобретения зырянской грамоты, сделали замечание, в котором проглядывает упадок духа и равнодушие

к делам. «К чему изобретать ее, говорили они, при конце света! Прежде не было грамоты в Перми; зачем замышлять ее в исходе седьмой тысячи лет, за сто двадцать лет до кончины?» Наконец настал роковой 1492 год. Испуг народа достиг высшей степени, и дела общественные остановились. Русские перестали платить подати, выполнять гражданские обязанности и даже не считали нужным вступать в брак. Все благочестивые и заботящиеся о своем спасении, шли в монастыри толпами, постригались в монахи и строгими подвигами готовились к смерти. Люди распутные считали покаяние поздним и исправление свое невозможным, и потому с отчаяния предавались пьянству, грабежу, и даже лишали себя жизни. Большая часть приходов опустела, и духовенство осталось без пропитания²⁶⁷. Не только безместные священники, но и монахи стали искать мест; они направлялись к Москве и к богатым городам, где находили средства к жизни. С окончанием 1492 года общее заблуждение относительно кончины мира рассеялось, но страх, наведенный им, не прошел. Он поддерживался астрологами и мечтателями, которые извлекали свою выгоду из суеверия народа. Астролог Немчин писал, что «в 1524 году будет несомненное пременение странам и царствам, обычаям и достоинствам, скотам, морским белугам и всем земнородным».

Наконец, суеверие имело влияние на потрясение государства реформами. Замедлив развитие народа и его гражданственности, оно вызвало напряженные реформы в жизни гражданской и церковной, стоившие государству тяжких жертв. Реформа гражданская, произведенная Петром, восполнила государственные опущения за семь веков, но совершенно истощила народ чрезмерными работами, повинностями и истязаниями. «На народ возложено было так много работы, говорит один иностранец, что он роптал на чрезмерную обременительность ее». Петру подбрасывали жалобы, в таком роде: «государство свое все разорил (так), что уже в иных местах не сыщешь у мужика овцы. В Питербурхе поморил всяких людей напрасною смертью больше миллиону. Работа великая, служба несносная»²⁶⁸. Из повинностей

особенно тягостны были воинские, так как Петр всю жизнь воевал с соседями, для расширения своего государства. И 1659–71 году было три рекрутских набора; в 1712 году взято рекрут до 110,000 человек; в 1725 году до 200,000²⁶⁹! Народ сильно роптал на эти поборы и повинности. Из полков бежали сотни и тысячи людей, по причине строгой воинской дисциплины. Истязания вызваны были оппозицией народа реформе, на которую он смотрел как на ересь, нарушение православия и дело антихриста. Независимо от суеверного страха, народ и по естественным причинам не мог сочувствовать реформе. Привыкнув к бедной жизни, ограниченной мелкими интересами, он не понимал обширных планов и намерений преобразователя. Поэтому Прокоповичу велено проповедовать с церковной кафедры о пользе европейского образования, необходимости всяких жертв для отечества, и вместе с тем о невежестве и суеверии народа. «Государь, говорили русские, ездил за море и возлюбил веру немецкую. Велит (бороды брить), платье носить немецкое, знатно, что от немки родился». Многие из народа, особенно раскольники, смотрели на Петра, как на антихриста. «Он еретический сын, сказал о Петре Лопухин, и зачался от антихриста»²⁷⁰. Талицкий видел в реформах Петра признаки пришествия антихриста. Начались бунты за старую веру, которую народ смешивал с обыденною жизнью. Стрелецкий бунт поднят приверженцами старины. В Астрахани вспыхнул бунт за старину, причем погибло много народа. Петр, со свойственной ему энергией, жестоко сокрушал народную оппозицию. Ослушникам своих указов он назначал батоги, кнут, пытку, денежный штраф, лишение имущества, каторжную работу и смерть. Для преследования виновных учредил фискалов, застенки, преображенский приказ и тайную канцелярию. Много там пролито крови и – невинной. Роковое: «слово и дело» неумолимо влекло в застенки... «Почти каждый день при дворе Петра слышалось о смертных казнях, изувечениях, сечении кнутом. Император не только отпускал палочные удары собственными руками, но даже исправлял должность палача... Мятежников стрельцов он повесил 2000,

потом казнил еще 5000²⁷¹. Перед казнью стрельцы выносили страшные пытки. Трупы казненных оставались неубранными в течение пяти месяцев, в острастку народу. Главные противники реформы и поборники старины, сообщники царевича Алексея, истреблены, вместе с ним, жестокими казнями²⁷².

Не смотря на эти тяжкие жертвы и конвульсивные потрясения государства гражданской реформой, оно выдержало испытание, перенесло кризис, оказалось благонадежным к умственному развитию и просвещению. Суеверие, мешавшее его росту, со времени реформы начало рассеиваться. Не так вышло с церковною реформой; потрясения ее обошлись государству дороже, в силу естественных причин. В реформе гражданской решался вопрос о жизни временной и царстве земном, об улучшении которых народ, проникнутый аскетизмом, не очень заботился; поэтому, в борьбе его с преобразованием гражданским возможны были сделки, уступки. И хотя суеверие не допускало строгого различия между национальностью и православием, как не допускало его между буквою и догматом: но боязнь наказаний и пыток сломила упорство народа. Упорный и озлобленный, он пошел на сделку, склонился пред железною волею преобразователя, страстно увлекшегося европейскими началами и горячо выполнившего свои великие планы. В реформе церковной шел вопрос поважнее: о спасении души и вечной жизни, и на этой почве невозможны были никакие сделки. Здесь народ чувствовал себя непобедимым, тем более что он уже многим поступился в гражданской реформе. Любовь к вере одушевляла его героизмом, а суеверие делало его фанатиком, неспособным на уступки. В таком одушевлении народ презирал батоги и застенки, как легкую паутину, и с радостью шел на костры, за получением венца небесного.

Реформа гражданская, строго говоря, не была прямым следствием русской жизни. Она вытекала не столько из нравственных потребностей народа, сколько из умственного превосходства над ним соседей европейцев. Русский народ свыкся с христианскою верою, и в своем аскетическом настроении, немного заботился о земном. Европейцы завладели

нашею торговлею, побивали наши войска, и своим умственным превосходством угрожали нашей национальности. Реформа церковная вытекала прямо из жизни и потребностей народа. Она была вызвана религиозным суеверием народа, обожанием буквы религии и формы ее, и противлением всякой реформе, прогрессу. Благочестие народа доселе ограничивается большею частью исполнением обрядов, так как он по большей части не понимает смысла молитв и значения богослужебных действий. Служение духом и истиною ему не доступно. Сходив в церковь, наняв молебен или акафист, да поставив перед иконою свечку, народ считает Бога как бы обязанным исполнить его просьбу, хотя бы несправедливую, и безбоязненно дозволяет себе противозаконные действия. Как более доступная простому смыслу, незнакомому с высшими понятиями и стремлениями, церковная обрядность в своем развитии охватила и домашнюю жизнь народа. Все в жизни русского человека считалось церковным, освященным православною верою, и потому неприкосновенным. «Горизонт русского человека был до крайности тесен, жизнь проходила среди немногочисленного ряда неизменных явлений. Эта неизменяемость явлений приводила к мысли о их вечности, божественном освящении. Они получали религиозный характер, религиозную неприкосновенность; изменение их считалось делом греховным. Так жили деды и отцы; изменение их образа жизни есть греховное, оскорбление памяти их»²⁷³. Вся эта внешняя религиозность, придававшая особенную силу букве закона и обрядам, как утвержденная обычаем предков, называлась старою верою, и потому не допускала никаких перемен и нововведений, непривычных простому чувству. Как личина благочестия, прикрывавшая не христианские обычаи народа, внешняя религиозность вызвала нападки просвещенных людей, заботившихся о развитии народа. Эти нападки, как реакция старой вере, смутили простой народ, неприготовленный к реформе, и породили раскол старообрядчества, отпадение от православия миллионов людей. «Общество преследовало всякое нарушение отцовского обычая, как измену, и так как формы имели религиозное значение, то всякое изменение

внешнего считалось ересью, грехом... Что в самом деле было ересью, нелепое толкование писания, – не казалось ересью. Но страшную ересь являлось нарушение освященного древностью обычая; оно производило могущественное впечатление, нарушало весь строй жизни, порывало священную связь с отцами»²⁷⁴. «Отсюда понятно, почему введение новизны должно было так сильно взволновать общество. Самая продолжительность застоя необходимо условливалась силу упора против перемены»²⁷⁵. Нападки на религиозную замкнутость, обрядность и нравственную несостоятельность народа начались с конца XIV века, со времени постепенного сближения России с Европою и просвещенными людьми. Букву закона, прикрывавшую многие ошибки и заблуждения невежественных писцов, подвергли критике исправители церковных книг, с самого начала XVI века. На обрядность и суеверную религиозность напали русские еретики, и Петр I в своей реформе. Они коснулись и самого монашества, представителя русской религиозности, высшего идеала нравственности, в котором находили недостатки.

Первый исправлял церковные книги, с 1518 года, Максим Грек, получивший заграничное образование, и яснее других понимавший неисправности текста. Неисправности эти, или погрешности, накопившиеся веками, были весьма значительны. Князь Вассиан так выразился о тексте церковных книг: «здешние книги все лживые, а правила (кормчая) – кривила. До Максима по тем книгам хулили Бога, а не славили». Сам Максим в «слове об исправлениях» заявил, что он имел дело с самыми грубыми ошибками. Напр. в Триоди Христос назывался «созданным», в Часослове – «единым человеком»; в каноне великого четвертка – «несущим естеством созданным»; в толковых евангелиях – «бесконечною смертью умершим». Не говорим уже о мелких погрешностях, каковы напр. в символе веры: «рожденна», а «несотворенна», «из Марии», «чаем жизни будущая веки» и т. под. Спустя сто лет, исправлением церковных книг занимался архимандрит Дионисий; он тоже нашел важные ошибки, в роде следующих: «освяти воду сию Духом – и огнем»; «Отец с Сыном воплотился» и т. под. В

третий и четвертый раз книги исправлялись при п. Иосифе и Никоне. Тогда же подняты вопросы о церковном благочинии, живописи, пении и проповеди. Простодушные ревнители старой веры называли все эти исправления хулою на русские книги, по коим спаслись чудотворцы, ересью, гонением антихриста, и отделились от Церкви, 1667 года. «Нам всем, говорили они, подобает умирати за един аз, его же окаянный враг выкинул из символа, иде же глоголется: «рожденна», а« несотворенна». Велика зело сила сокровенна в сем аз» (диакон Феодор)²⁷⁶. «В новых книгах, писали соловецкие монахи, написано Иисус, вместо Исуса, чего нам грешным страшно неточию приложити, но и помыслити».

На обрядность церковную и недостойную нравственность, по крайней мере священников, первые напали стригольники, около 1376 года. Называя священство святокупством, они отвергли его, и вместе с ним – таинства, церковные предания, молитвы за умерших и т. под. Стригольники допускали внутреннее покаяние и свободное толкование писания, по своему разуму. Поддерживая раздражение в беспокойных умах, ересь стригольников как бы возродилась в ереси жидовствующих, 1480 года. Жидовствующие, нападая на существенные догматы христианства, между прочим, отвергали почитание икон, креста, мощей и всю обрядность; особенно – осуждали монашество, высший идеал древней русской жизни. «Такой жизни, говорили они, не преподали Христос и апостолы». Ересь жидовствующих держалась в России тридцать лет и возродилась в ереси Косого и Башкина. Косой прямо отвергал церковную обрядность, внешнее богослужение и добрые дела, говоря, что они несогласны с почитанием Бога духом; для спасения признавал достаточною одну веру и требовал религиозной терпимости. Все эти ереси, вызванные неустроичеством государства, служили предвестием раскола и церковной реформы, совершенной Петром. Петр, для облегчения гражданской реформы и возвышения нравственности народной, коснулся, в своих преобразованиях, самой религии, руководившей воспитанием народа. Он осудил религиозное воспитание народа, в силу которого обрядность и

суеверие брали верх над благочестием, тем более что подобное направление вредило и государственной жизни. Подобный взгляд на воспитание Петр выразил в указе Синоду²⁷⁷, которым предписывал ограничить обрядность и разъяснить народу прямой путь спасения: «понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост, поклоны и тому подобное, к ним же строение церквей, свечи и ладан». Сообразно с таким взглядом издан Регламент, в котором изложены правила относительно религиозного воспитания народа. Регламент есть колкая сатира на простодушную религиозность русских и некоторым образом напоминает протестантские начала. В дополнении к Регламенту предписано проповедовать о главных истинах веры, а также о суеверии, вымышленных чудесах, видениях, снах, устных и письменных заговорах, разделении дней на счастливые и несчастливые. Руководствуясь Регламентом, Синод издал постановления против обрядности – крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах, умножения часовен, годичного хранения артоса, Богоявленской воды и т. под.²⁷⁸. Особенно строго преследовалось законами суеверие. Распространителям вредных государству суеверий назначена смертная казнь; разглашающим чудеса и видения – телесное наказание и ссылка на галеры²⁷⁹. «Излишняя ревность, говорит Соловьев, возбуждала ропот в людях и несуеверных, боявшихся переступления должных границ в стремлении очищать общество от суеверий». Действительно, даже Сенат заметил, в 1722 году, «что от разоренных часовен разбросаны кресты, и главы валяются без призору, от чего происходит большой соблазн; также и крестных ходов не следует отменять»²⁸⁰.

Осудив обрядовую религиозность народа, Петр коснулся, в своих реформах, и монашества, представителя русского благочестия. Мы видели, что жидовствующие первые отвергали монашество – идеал русского благочестия. Вслед затем Максим Грек и его почитатели, например князь Вассиан, осуждали лобостязательность монахов, владевших селами²⁸¹. Последователи Косого, осуждая лобостязательность монастырей, опирались в своем мнении на авторитет Максима

Грека и Вассиана. Преобразователь России, преследуя недостатки монашества, особенно праздничатание, поднял оба вопроса: о нравственности монахов и об имуществе монастырских. Он шел уже по проторенной дороге, и мог не стесняться опасениями в решении столь важного вопроса, задевавшего идеал русского благочестия. Он ограничил число монахов в империи, обязав их стеснительными правилами; а самые монастыри обратил в богадельни²⁸². Наконец, чтобы не встретить противодействия своим планам в церковной власти, по примеру столкновений Алексея Михайловича с патр. Никоном, преобразователь отменил в России патриаршество. Этою мерою, завершавшею церковную реформу, он разом ограничил духовную власть и окончательно смирил монашество, которое в XVII веке достигло высшего почета, в сане патриарха. В этих смелых реформах сказалась, с одной стороны, забота преобразователя о доставлении государству полезных слуг и материальных пособий, а с другой стороны о повороте России от аскетизма к цивилизации, от жизни духовной к жизни земной.

Потрясения в государстве, произведенные церковною реформою, были самые тяжкие, и следствия ее самые печальные. И это тем более справедливо, что преобразователь, круто повернувший Россию к европеизму, задел вместе с религией и житейские обычаи, освященные верою; предписал бранобритие, немецкий костюм, ввел курение табака, народную перепись, и т. под. Между тем как жизнь благочестивого человека доселе устраивалась по церковному и монастырскому уставу; распределение времени, пища, одежда, этикет общежития, отношения членов семейства, все носило печать религии, считалось православным в отличие от басурманского, еретического. Не говорим уже о том, что по случаю разорительных войн царь пользовался церковными доходами, переливал колокола в пушки и т. под. Смущенный и запуганный суеверный народ не мог снести такой повальной ломки своей веры и обычаев; он не на шутку испугался пришествия и царства антихриста. Испуг был тем сильнее, что с XVII века в России утвердилось мнение, будто война есть изобретение

сатаны, напрасно губит христианскую кровь, и противна духу евангельской любви. Испуг этот в значительной степени поддерживался примером и жизнью преобразователя царя, который вел себя не по церковному, как древние цари, а по-европейски, или по-басурмански. Как человек утилитарный, практический, он вечно вращался в житейских суетах, любил пировать, курить и танцевать, брил бороду, одевался по-немецки, дружил с немцами, не держал постов, и пародировал шутовскими играми обрядность, разные процессии, сан патриарха и папы. Пользуясь либерализмом царя, враги раздували о нем дурную молву: «это не наш государь, а немец. А наш царь в немцах в бочку закован, да в море пущен»²⁸³. «Прежние государи по монастырям ездили, Богу молились, а нынешний государь только на Кокуй ездит» ... Общим следствием церковной реформы, преследовавшей внешнее благочестие, было охлаждение к вере, к ее обрядам и внешней форме. В народе появились вольнодумцы, осуждавшие обрядность, по началам протестантским²⁸⁴. Особенно образованное общество, проникшись европейскими взглядами, стыдилось своей прежней простодушной религиозности и старалось спрятать ее. Старое обрядовое направление религиозности подверглось обличениям и порицаниям. Дело дошло до того, что понадобилось опровергать вольнодумство сочинениями, в роде «Камня веры», «Знамения пришествия антихристового», и доказывать в проповедях необходимость веры, добрых дел, почитания святых, мощей, икон, разъяснять догматы о воскресении мертвых, будущей жизни, вечном блаженстве и вечных мучениях. Все эти темы раскрыты в поучениях Яворского и последующих проповедников. Даже со стороны делались внушения местоблюстителю патриаршего престола Яворскому об обличении иностранных учений. Иерусалимский патриарх Досифей писал ему в гневе: «зачем ты опасаясь обличать тех, которые приносят смущение в царствующий град? Св. патр. Иоаким, видя смущения в Церкви, с великим тщанием искоренял их, а ты молчишь!» Наконец, в преследовании ересей, а вместе с ними и раскола, гражданская власть соединилась с духовною. 1700 года вышел указ,

поручавший дела о ересьях и расколе митр. Яворскому²⁸⁵. Начались гражданские преследования и казни еретиков. Частным следствием церковной реформы было не только зарождение, но и усиление раскола и размножение в России духовных сект. Преследуемый Алексеем Михайловичем раскол одушевлялся фанатизмом, но сохранял церковный характер. Вследствие реформ и жестоких преследований Петра раскол распространился и принял политический характер, враждебный государственному закону. Озлобленные и смелые люди, соблазняясь действиями царя, целыми тысячами уходили в леса и за границу и приставали к расколу. Преследуемые воинскими командами, особенно в поморской и олонекской области, поборники старины и беглые крестьяне не редко сжигались в скитах целыми сотнями. Приобретение вольностей и гражданских прав не смягчило и не ослабило энергии староверов. Мир и удаленность от общества содействовали разветвлению раскола на секты и толки. Невозможность добраться до истины посредством людей и толкования писания внушили мысль о прямом общении с Богом. Раскольники, посредством телодвижений, приводящих в восторженное состояние, делают пророками, христами и т. под. Таким образом из раскола старообрядчества развелись в России духовные секты, которым не предвидится конца. Как живучая секта, достигшая ныне 11,000,000 душ, раскол заметно ослабляет гражданское и церковное единство и могущество России. Составляя закоренелую болезнь государства, раскол при сцеплении неблагоприятных причин, может повести к важным замешательствам и угрожать целости России. Из всех зол России, произведенных реформами XVII века, раскол – самое опасное зло, ибо доселе угрожает благосостоянию государства, на подобие вредных соков в крепком, могучем теле. Дальнейшая судьба раскола, как секты вредной государству, неизвестна, равно как симпатии и антипатии к его сектам и разветвлениям не приведены в известность. Но надобно заботиться, чтобы русский раскол постигла участь унии, тем более что не все считают его историческою окаменелостью; очень многие считают раскол сектою прогрессивною, способною

к жизни и развитию. Как бы то ни было, доколе раскол будет существовать; он навсегда останется памятником крутой реформы XVII в. и религиозного суеверия, приверженности к незначительным обрядам, – хождению по солнцу, служению литургии на семи просфорах, поклонению старым иконам, двуперстному знаменю, почитанию осьмиконечного креста, сугубому аллилуия, почитанию старых книг и крюкового пения.

г) Последняя судьба суеверия

Таким образом суеверие предков, сложное в своем существе и укорененное веками, имело весьма вредное влияние на развитие народа, на его жизнь частную и общественную. Оно сделало миллионы людей несчастными, замедлив развитие, отравив их домашний быт, изуродовав их гражданскую и религиозную жизнь. Найдя прочную почву в жизни и нравах русского народа, ослабленное к XV веку и возрожденное в XVII веке, оно оказало вредное влияние и на потомство, на наш век, ближайший к русской старине. В самом деле, суеверие предков, со всеми его разветвлениями, живет доселе на Руси, несмотря на вековые гонения против него. Оно напоминает нам языческие обряды в праздничных играх и переряживании, в подарках родильнице, в праздничном разгуле, особенно на новый год, в видах пожелания нового счастья. Оно напоминает нам древнюю астрологию своими пословицами: «не родись умен, а родись счастлив». «Так ему на роду написано». «Моя счастливая звезда», и проч. Оно напоминает нам непомерную ревность о букве закона и духовную мнительность расколом, с его сектами и неисправимым упорством во лжи. Все это безобразие русской жизни – несчастное наследство темной старины, богатая жатва грехов и заблуждений данного исторического посева. И есть ли хоть одно сословие на Руси, даже с европейским образованием, хоть один человек высокого ума, которые не платили бы дани этому суеверию? И ныне, как и в старину, многие образованные люди не согласятся здороваться через порог, ибо по древнему верованию под порогом живет домовой; не согласятся видеть тринадцатого за столом, чтобы не испортить обеда и т. д. Вера в судьбу, предопределение, можно сказать, присуща всем без различия. Это подтверждают наши поговорки, часто высказываемые бессознательно: напр.: «так ему суждено». «Суженого конем не объедешь». «Чему быть, того не миновать». «Счастливый скачет, несчастный плачет». Особенно сильна эта вера в простом, неразвитом народе, и выражается в

бесчисленных приметах и поговорках. Так, ворон кричит, и собака воет к беде; соль рассыпается к ссоре; стена трещит к покойнику; гусь летит к холоду, а лебедь к теплу. По разным отступлениям природы от обычных ее законов народ заключает о воле и определениях божества. Почитание св. пятницы, а равно среды и пятницы, как бы особых существ, доселе сильно в народе. А как много у нас мечтателей, ясновидящих, претендующих на ложные озарения из мира духовного! И сколько отсюда вреда!.. Одним словом: предрассудки и суеверие густым слоем висят над XIX веком, омрачая ого цивилизацию, просвещение, и отравляя общественную и частную жизнь неурядицами. Всего более мы страдаем от тугости мысли, задавленной предрассудками, и некоторой доли нетерпимости и жесткости, наследованной от предков. И никто не в состоянии перечислить заблуждения, омрачающие современную жизнь, по милости отдаленной старины. Без сомнения, тьма предрассудков и заблуждений будет еще долго тяготеть над нами, пока не исчезнет пред усиленным светом религии и науки, насколько это возможно в человеческой усовершенности. Совершенной свободы от предрассудков и суеверия человечество не достигнет, вследствие ограниченности своей природы. Ограниченность ума с одной стороны, загадочность мира и таинственность веры с другой, – всегда будут вводить человечество в ошибки и заблуждения. Подчиняясь вере вследствие ограниченности ума, человек будет опутываться предрассудками, неразлучными с нею, по причине разных толкований и воззрений на предмет. В этом удостоверяют нас бесчисленные секты не только христианства, но и всех религий. Отрешаясь от веры, он впадает в отрицание и нигилизм, заблуждение опаснейшее, как это подтверждают секты рационалистов. Уму свойственно переступать предел естественного разума; но выдвигаясь за естественную черту созерцания, подобно зрительному стеклу, он неизбежно теряется во мраке сомнений и отрицания. Неправильное отношение к вере и знанию обременяет человечество цепями предрассудков; и каждый век налагает на человечество новые цели, сообразно с его разумением и заблуждениями. Если же

история обязана вразумлять человечество, то уроки ее о реформах XVII века для нас поучительны. Реформа потрясла древние предрассудки, внушила сознательное отношение к вере и жизни, но вместе с тем ослабила веру и благочестие. Для пояснения этого предмета она как бы умышленно противопоставляет темный, тревожный и самый благочестивый XV век образованному XIX-му, знакомому с рационализмом и неверием. Покоряясь законам исторической необходимости, окруженные всякими преградами и заблуждениями, мы все же должны ратовать против суеверия, завещанного предками. Обильная жатва предрассудков и суеверия, наследованная от предков, ждет усердных делателей, ревнующих о благе человечества. И проповедникам нашего времени тем более предстоит труда и искусства на этом поприще, чем менее показали их древние пастыри.

Обличение умственных заблуждений и нравственных недостатков народа вообще

Доселе мы рассматривали отвлеченное, нравственно-аскетическое проповедничество, имеющее главным своим предметом мир духовный, царство небесное. Проповедничество это неизменно в своем содержании, как тот вечный мир, к которому направлены его стремления. Удовлетворяя аскетическим потребностям народа, оно передавалось из века в век и повторялось на один лад. Но с ним тесно связано другое проповедничество – практическое, отличающееся противоположным характером. Проповедничество практическое имеет своим предметом мир земной, царство временное; оно также изменчиво и разнообразно в своем содержании, как сама жизнь с ее явлениями. И хотя практические истины в древнем проповедничестве перемешаны с отвлеченными, не проникнуты единством, логическою связью; но при всем этом они могут быть рассматриваемы отдельно, применительно к тем обстоятельствам жизни, которыми были вызваны. Поэтому, в видах полноты исторического исследования, после отдела нравственно-аскетического проповедничества, необходимо исследовать проповедничество практическое. Простота и безыскусственность практического проповедничества с одной стороны, исторический интерес с другой, – дают нам право на такое деление нашего предмета, как более естественное. Практические истины древнего проповедничества, рассматриваемые в приложении к жизни, распадаются на два вида: истины излагающие умственные заблуждения в вере и нравственные недостатки народа.

Задача древней практической проповеди и малопродуктивность проповедников

Мы ограничиваемся, как покажет дело, общими чертами умственных и нравственных заблуждений предков в деле веры и влияния этих заблуждений на жизнь народную. Подробное исследование этих предметов принадлежит истории русского проповедничества. Но и общие исследования достаточно выясняют обширность задачи древней практической проповеди и несоответствие ее силам проповедников. Если, где и когда проповедь должна быть светочем, живою силою, благотворно действующею на нравы, то именно в древней Руси. В то время, самое неустроенное, скудное просвещением, проповедь оставалась почти единственным врачевством против умственных и нравственных недугов народа, заблуждений и всякого рода беспорядков. Проповедь должна была обличить умственные и нравственные заблуждения, показать их вредное влияние на жизнь и исправить нравы. Но эта задача не выполнена проповедью удовлетворительно. Древняя проповедь не обняла всех умственных заблуждений и нравственных недостатков народа, не выяснила их развития и отношения к вере и жизни, не обнаружила всех вредных следствий для жизни. Скудная формою и выражением, она не менее скудна и содержанием. Древняя проповедь относится к нестроениям жизни урывками, занимается более крупными недостатками народа, объясняет их общими причинами – бесовским нахождением, наказанием за грехи и т. под. И в этом отрывочном, бесцветном направлении практическая проповедь не отличается плодovitостью. Практических проповедей, как уже замечено, в древности написано весьма мало. Скудость практической проповеди, несоответствующей нуждам времени ни качеством, ни количеством произведений, объясняется естественною причиною, малоразвитостью проповедников самоучек.

В самом деле, откуда древние проповедники могли заимствовать знания и средства, необходимые для

практической проповеди? В нравственно-аскетической проповеди они руководствовались достаточными источниками, поучениями св. отцев; но и здесь ограничивались, по большей части, подражанием св. отцам, переделкой готовых поучений, Рукописные сборники, умножавшиеся с каждым веком, составляли тот проповеднический архив, из которого всякий книжник мог брать полезное слово для своих слушателей. Предусмотрительность составителей сборников с веками расширилась. Проповеднические сборники XV века предлагали и епископам готовые поучения не только на весь годичный круг, но и на частные случаи, например: «егда случится епископу прийти в свою епархию» и т. под. Но жизнь – иное дело, она не укладывалась в книгу, в готовые рамки и определения. Изменяясь с каждым веком в своих формах, она требовала от учителей веры новых взглядов и явного современного слова. А если учителя были малопроизводительны в нравственном и аскетическом учении, то тем более не могли быть успешными в практическом, для которого не имели достаточных пособий. Как самоучки и начетчики, в аскетическом духе, они смотрели на жизнь односторонне, способны были поражаться крупными недостатками ее, порицать их и опираться в своем учении главным образом на Св. Писания и св. отцов. Пускаться в анализ явлений, причин и следствий зла, вести обличения в системе, настойчиво, было не их делом; время и жизнь не дали для этого средств, не подготовили достаточных пособий. Действительно, древние проповедники преимущественно обличали грубые недостатки и заблуждения народа, сразу бросающиеся в глаза, напр.: принесение, жертв идолам, языческие обряды, праздничный разгул и т. под. В изображении такого рода недостатков проповедники могли руководствоваться знанием народных обычаев и простым здравым смыслом. Что же касается оценки подобных заблуждений с богословской точки зрения: то в этом отношении проповедники обнаруживали неопытность и неразборчивость, смешивали важное с неважным, обряд и букву с догматом, и потому, как бы из опасения, ограждались в своем слове авторитетом отцев. Обличать русские нравы устами Златоуста,

Григория Богослова и других отцов проповедники не считали странностью и анахронизмом. Для их простого смысла и чувства в области веры и невозможное казалось возможным. Но и такого рода поучения, скудные практически элементом, составляли редкость в древней литературе. На составление подобных поучений, требовавших известной доли оригинальности, решались немногие светлые умы – Феодосий Печерский, Серапион Владимирский и другие. Их практические поучения, как образцы для подражания, вносились в сборники, приписывались св. отцам, переделывались и повторялись на разные лады. Таким образом, малообразованность и малоразвитость русских проповедников была главной причиной скудости проповедничества, направленного против заблуждений языческих и других. Что же касается второстепенных причин этой скудости: то о них, как уже известных, достаточно упомянуть вкратце. Причины эти следующие: аскетическое призвание проповедников, по которому они чуждались мирской жизни, с омерзением смотрели на язычество, и самую проповедь практическую считали недовольно убедительной и как бы недостойной церковной кафедры. Только крайняя необходимость и ревность по вере заставляла их говорить о мирских делах. Первосвятители, присылаемые из Греции, не довольно были знакомы с русскою жизнью и речью; они поражались, как увидим, наиболее грубыми недостатками народа, сразу кидавшимися в глаза иностранцу, и редко касались в своих поучениях нестроений русской жизни. Белое духовенство, всего более обязанное руководить народом, неспособно было к проповеди вообще, а тем более практической, обличительной. Выходя из простонародья, оно само участвовало в суеверных обрядах и праздниках языческих, за что нередко подвергалось осуждению. Образование духовенства, по свидетельству Флетчера, ограничивалось умением читать и петь. Наконец, развитию практической проповеди вообще и в частности – направленной против язычества, вредило общее отвлеченное направление русского проповедничества, подражательное греческому. Важность практической проповеди, не вполне сознанная и ныне, при всех

пособиях науки, тем более не заслуживала должного внимания в аскетической древности.

Обличение умственных заблуждений в вере, и эпохи в развитии проповедничества, направленного против суеверия

Умственными заблуждениями в вере должно признать суеверие и ереси. При всей скудости практического проповедничества, не удовлетворявшего нуждам времени ни качеством, ни количеством своим, в развитии его заметны некоторые грани или эпохи, обозначенные ходом событий, историческою жизнью. В развитии проповедничества, обличающего умственные заблуждения, есть свои эпохи. В общих положениях эти эпохи можно обозначить следующими чертами. Практическое проповедничество, имеющее предметом своим суеверие распадается на три главные вида, из которых каждый имеет свои эпохи или грани. Во-первых: с XI до XVIII века проповедничество главным образом обличает язычество, перерождающееся в своем существе, как наиболее выдающееся заблуждение из среды прочих недостатков народа. А именно: с XI до XV века проповедничество преимущественно обличает язычество, державшееся в центре России и выражавшееся в грубых формах идолослужения. С XV до XVIII века проповедничество обличает, с одной стороны, идолопоклонство инородцев, населявших окраины России и обращавшихся в православие, а с другой стороны – вырождавшееся язычество в центре России. В обличении вырождавшегося язычества можно различать две грани: с XV до XVII века обличаются остатки язычества в празднествах, посвященных богам, и соединенных с христианскими праздниками; в XVII веке обличаются игры и переряживание, утратившие языческий смысл и значение. К усилиям проповедников XVI–XVII века присоединяется содействие гражданской власти в истреблении язычества, или остатков его. Во-вторых, с XV до XVIII века проповедничество обличает астрологию, проникавшую к нам с востока и запада, и верование во влияние звезд на судьбу человека, как бы заменявшее язычество и идолопоклонство. В-третьих, в

продолжение всего первого периода проповедничество обличает, весьма слабо, апокрифическую литературу, служившую главным источником заблуждений в вере, совмещавшую в себе, кроме легенд и заблуждений христианства, предания язычества и астрологи. По этим пунктам мы и рассмотрим проповедничество, направленное против суеверия.

Обличение язычества с XI до XVIII века и значение хронологии в истории проповедничества

И изложении нравственно-аскетического проповедничества не предстояло крайней надобности в хронологии или указании порядка, в каком появлялись на свет произведения проповедников. Нравственно-аскетическое проповедничество, как мы видели, отличалось однообразием содержания. Удовлетворяя аскетическим стремлениям древней Руси и ее духовной жизни, оно также было неизменно в своем направлении, как неизменна эта жизнь. Поучения нравственно-аскетические передавались из века в век, под именем св. отцев, и повторялись на один лад. Нравственно-аскетическое учение утверждалось на вечных догматах, непреложных истинах, не допускающих перемен и разнообразия. Возвышаясь над временными и местными интересами, проповедь обращала внимание на религиозную жизнь, одинаковую для всех стран и веков. И потому, как справедливо замечает критика, наши проповедники в течение семи веков повторяли одно и то же. Они и их проповеди так похожи друг на друга, что нельзя составить понятия об отдельной личности. Совсем иная задача в этом отношении проповедничества практического и особенно обличающего языческие заблуждения. Изменчивое в своем содержании, как и самая жизнь, с ее страстями и волнениями, оно нуждается в указаниях хронологии и строго последовательном изложении. Хронология выясняет постепенное развитие проповеди, ее исторический смысл и те запросы и явления жизни, каким в данное время отвечала проповедь. Без хронологических указаний практическая проповедь лишается исторического освещения и покрывается мраком неведения, толкования, предположений и заблуждений. К сожалению, в истории древнего практического проповедничества невозможно соблюсти строгую хронологическую последовательность. Причиной тому служит недостаток точных библиографических указаний относительно проповеднических сборников и самих практических проповедей.

Большая часть проповеднических сборников, как мы видели, вообще приписывается XIV–XV веку, и появление самого богатого практическими поучениями сборника – «Изумруда» с точностью не определено. Поэтому в изложении практического проповедничества необходимо довольствоваться общими хронологическими указаниями, заключающимися частью в библиографии сборников, а частью в содержании практических проповедей. И тому же незначительное количество практических поучений в древнем проповедничестве облегчает исследования хронологии, тем более что многие из них приписаны известным проповедникам, особенно XVI века.

а) Обличение язычества, державшегося в центре России с XI до XV века

В поучениях, направленных против язычества первых времен, преимущественно обличаются языческие божества, а также посвященные им праздники, обряды, волхвование, скоморошество и разные предрассудки, причем важные заблуждения осуждаются наравне с неважными и даже невинными играми, музыкой, пляской и рукоплесканием. Все это вместе названо кумирным служением, идольскою и бесовскою жертвою. Обличение Рода и Рожаницы, имевших большое приложение в жизни, встречается в поучениях весьма часто. Разбирать порознь древние поучения не удобно, с одной стороны по причине сбивчивого изложения и повторения одних и тех же мыслей, а с другой стороны по причине их выражения, нередко крайне запутанного и темного. Неправильное и часто непонятное изложение практических поучений обличает всю научную скудость проповедников – самоучек, предоставленных собственным силам в трудном для них деле. В изложении содержания практических поучений достаточно подмечать особенные в каком-либо отношении характеристические черты каждого из них.

Слова, в которых преимущественно обличаются языческие божества

Самое древнее поучение, обличающее божества славян, известно под именем слова Григория Богослова X–XI в.). В нем изображается поклонение Дию и Дие (Зевсу и Диане), рекам, колодцам, водяному божеству, речному животному (которому во время голода бросали людей в жертву); обличается гадание по полету птиц, вера во встречу, скандинавская присяга (во время клятвы возлагали дерн на голову), клятва на мощах, на человеческих костях, и делание в праздники²⁸⁶.

Почтение, обличающее разом всех языческих богов, известно также под именем слова Григория Богослова (XIV в.). Это изучение излагает краткую историю славянских идолов, или богов, производя их от вавилонян, греков и римлян; древнейшими из них – признает Род, Рожаницу и Перуна. Остальные боги, которым славяне приносят жертвы, суть: Вилы (русалки), Мокошь, Дива, Хорс, Сварожиц, Упырь (вампир), Навье (мертвецы), Берегиня (русалка, водяное существо) и Переплут²⁸⁷.

С такою же подробностью перечисляет языческих богов слово христороубца, ревнителя по правой вере (XIV в.), присоединяя к ним Волоса и Вил-тридевять сестер. Слово обличает, наравне «с идолопоклонством, принесением жертв (кур и коровая), молением под овином, обряд чеснока, игры на свадьбах и пирах, пляску, гудьбу, сопели, бубны, песни бесовские, и всю жертву идольскую»; обличает священников и книжников, участвующих в пирах и жертвах, и метко называет современных христиан «двоеверными». Слово это было весьма распространено в древности, и заключается во многих сборниках²⁸⁸.

Наконец, богов языческих подробно перечисляет слово, приписываемое Златоусту (XIV в.), и в том числе Дажьбога, Стрибога, Переплута, Артемиду и Берегинь – тридевять сестриц; вместе с тем слово обличает моление колодезям, источникам, огню, деревьям и камню, скакание через огонь,

оклики мертвых; упоминает о чарах и волхвовании, переряживании и масках²⁸⁹. Тоже слово, переделанное, обличает главным образом волхование, зрелища, игры, скоморошество, песни, плескание рук и разные страсти; в заключение – грозит вечною мукою и советует христианам рассуждать о пророчествах и учении святых²⁹⁰.

Слово прор. Исаии, истолковано св. Златоустом, обличает поставление трапезы Роду и Рожаницам. Это слово знакомит нас с толкованиями пророческих книг, которые, как мы видели, были переведены на славянский язык уже в 1047 г. Напр.: «и будет на лугу ограда овцам. Луг – рай; овцы – работающие Богу, а не Рожаницам. И дебрь охорьска в покой волом. Дебрь – нажить Иерусалима; волы – епископы и священники. Забывающие гору святую – ставящие трапезу Роду и Рожаницам», и т. д. Слово это внесено во многие сборники и особенно в так называемые Златоустники. В Златоустнике трапеза Роду и Рожаницам называется второю, т. е. поставляемою после трапезы главным богам, и состоящею из плодов и вина²⁹¹.

К поучениям этого рода надобно отнести и слово Кирилла о злых дусех.

Из приведенных доселе слов можно усмотреть некоторую последовательность в развитии славянской мифологии. Так, из слов Григория Богослова и Христороубца узнаем, что в глубокой древности славяне поклонялись Упырям и Берегиням; после этого стали кланяться Роду и Рожанице. Переменились имена, – значение осталось тоже. Поклонение Роду и Рожаницам сменило поклонение Перуну, и в свою очередь вытеснено христианством. Поклонение Хорсу (богу солнца) долго оставалось в силе и по введении христианства. На все это есть достаточные основания. Напр: Перун редко блистает молнией и напоминает о себе, а солнце светит постоянно; притом, главные праздники языческие были посвящены солнцу и часто возобновлялись в летнее время, возбуждая веселие и жизнь.

Слова обличающие языческие обряды и предрассудки

За словами, обличающими языческие божества, следуют обличения обрядов и предрассудков, соединенных с поклонением божествам. В словах этого рода особенно часто обличаются игры, позорища, скоморошество, пляска, волхвование, приметы, встреча и лечение болезней чарами. Таких слов довольно много помещено в Изумруде, Златоустнике, Паисиевом сборнике и других. Так в Изумруде: 12 слово Златоуста о играх и плясани сильно изобличает пляски. «Проклятие всех игр есть плясание, многовертемое, отлучает людей от Бога». 33 слово св. Нифонта о русалках, собственно, распространяется о пляске и мирских песнях (В Златоустнике тоже слово 87). 130 слово Златоуста главным образом направлено против плясания. Поучение к духовному сыну (XIII в.) Георгия Зарубского черноризца, излагая разные наставления, сильно вооружается против «лихого скомороха, гудца и свирца (свирельника), которых водят по домам ради глама». «Поганско то есть, а не крестьянско»²⁹². В Паисиевом сборнике: слово истолковано мудростью – о позорищах, осуждает слабую жизнь современников, ленивое посещение храмов, не слушание божественного слова, охотное пребывание на игрищах, где идольские сборища, музыка, пляска и забавы. Поучение христианам обличает скоморошество, увещевает почитать праздники не ядением, питием и праздностью, а жизнью подобною святым, не присутствовать на русальных играх, или скоморошеских, на идольских зрелищах, в обществе пьяниц. Слово о клятвах и суевериях направлено против чародейства, исчисляет беззакония, за которые Бог карает Русь бездождем, пожарами, войною, и другими бедствиями. Беззакония эти следующие: жертвы бесам, лечение болезней чарами и амулетами; в числе чар указывает на лечение лихорадки словами писанными на яблоках. В сборнике Изумруде: 10 слово о лечащих болезни волхвованием и о грехах людских между прочим читает: «а мы (лишь) мало

заболим, приводим в свои дома волхвов и зеленников». (В Златоустнике тоже слово 17). – 121 слово св. отец как жить христианам? – обличает разные суеверия. «Болезнь лечат волшебством, амулетами и чарами. От беса еллинского, называемого трясавицей, отгоняют, пища на яблоке слова, и кладут (его) на престоле, во время службы... Господь велит лечить не чарами, ни амулетами, ни верою во встречу, полаз (след животного), чех (чихание»). (Тоже слово в Правосл. Собеседнике 1859 г. апр. 473). – 137 слово св. Ефрема о втором пришествии: русские дополнения о вере во встречу, в чех, полаз, птичий грай (пение). (В Златоустнике тоже слово 44). Слово св. отца Моисея о ротах и клятвах (XIV в.) обличает жертву бесам, лечение болезней и особенно трясавицы чарами, письменами на яблоках, полагаемых на престоле; обличает веру во встречу и заговоры, употребляемые охотниками, людьми, идущими на торг, в суд, к князю²⁹³. В поучении о казнях божиих Феодосия печерского обличаются остатки язычества и вера во встречу. «Не по-язычески ли мы поступаем? Если кто встретит чернеца, или черницу, или свинью, или лысого коня, то возвращается назад. Такого суеверия держатся по наущению от диавола. Иные верят чиханию, которое часто бывает на здравие голове. Но этим обольщает диавол, равно как и другими обычаями и искушениями, удаляющими нас от Бога, волхвованием, чародейством, – скоморошеством, гусями, сопелями и другими играми и непотребными делами». Подобные мысли заключаются в слове учительном о вере во встречу и чох. «Многие люди веруют во встречи, и в чох, и в птичий грай, и во всякие бесовские мечты, и последуют обычаю неверных, не знающих Бога, от коих такая прелесть перешла в православие. Такие (люди) прогоняют от себя Духа Божия, ибо Дух Божий действует в священниках, диаконах, в монашеском чине, в нищих – братии Христовой. Такие чины все благословенны от Бога. Мы же, при встрече, гнушаемся тех чинов, отвращаемся от них, укоряем их при встрече, поносим на пути²⁹⁴. Замечательно, что некоторые обряды языческие, имевшие большое приложение к жизни, пастыри старались заменить христианскими обрядами; особенное внимание они

обращали на лечение болезней чарами, и мулетами и зелием. «Аще кто имать у себе миро св. Богородицы, говорит один христолюбец, или св. миро Димитрия, и аще прилучится болезнь внутри, да повелит иерею пети литургию пресв. Богородице, и миро да будет на св. трапезе. По скончании литургии да вложит поп миро во уста больного, и да поглотит; аще же болезнь очима, тако же, по скончании литургии, помажет ерей малечко»²⁹⁵.

В некоторых поучениях известных проповедников обличаются языческие обряды: сожигание волхвов, выгребание утопленников и удавленников, судебные поединки и т. под. В четвертом слове Серапиона Владимирского обличается сожигание волхвов. «Вы еще держитесь языческих обычаев, верите волхвованию и сожигаете невинных людей, и делаете виновными в убийстве все общество и весь город. Кто и не совершил убийства, но будучи в собрании убийц, соглашался с ними, и тот убийца. Или кто мог помочь, а не помог, тот, как бы сам дал повеление убить. Из каких книг или какого писания узнали вы, что голод на земле бывает от волхвования? И опять, хлеб умножается волхвованием? Если сему верите, то зачем сожигаете волхвов? Молитесь им и почитайте их, приносите им дары, ежели они благоустраивают мир, пускают дождь, наводят теплую погоду, повелевают земле приносить плоды. Вот ныне по три года не родится хлеб не только на Руси, но и в земле латинской; волхвы ли это сделали? Не Бог ли распоряжает свою тварь, как хочет, наказывая нас за грехи?» В пятом слове Серапион обличает обычай выгребать утопленников и т. под. «Ныне, видя гнев божий, вы разузнаете, не погреб ли кто удавленника или утопленника, и выгребаєте их, чтобы избавить людей от пагубы. О злое безумие, о маловерие! Мы исполнены зла, а не каемся. При Ное был потоп, но не из-за удавленного или утопленника, а за людские неправды. О люди, это ли ваше покаяние? тем ли умолите Бога, что выгребаєте утопленника или удавленника? Тем ли думаете утишить казнь Божию? Лучше, братие, отстанем от зла, удержимся от всех злых дел, разбоя» и проч.²⁹⁶. Относительно умерших насильственной смертью, как мы видели, у язычников существовало и другое

верование. Они думали, что не погребение их вредит погоде. Обличение этого верования встречаем даже в XVI веке. Максим Грек написал слово против мнения, «что для непогребенного убитого и утопленника бывает вредная погода»²⁹⁷.

Обличений, направленных против поединков, в древнем проповедничестве находим весьма мало. Несколько мыслей об этом предмете и о волшебстве встречаем в поучениях м. Петра и Фотия. В поучении к попам митр. Петр говорит: «учите их (детей), чтобы не баяли басней, не принимали лихих баб, узов (амулет), наговора, зелья, ворожбы; ибо за это грядет гнев божий. А куда приходят лихие бабы, учите их отставать от этого обычая и каяться; и, если не послушают вас, не благословляйте их. Заказывайте христианам, чтобы баб не держали и бегали от них... Если кто позовется в поле (на поединок) и захочет причаститься, св. причастия ему не давайте; а кто даст причастие, лишен будет сана. Убивший в поле именуется душегубцем, не входит в церковь 20 лет, не принимает св. причастия, ни богородицы хлеба (просфоры). Убитого в поле не хоронить, а выбросить его собакам; а кто похоронит его, лишится сана». В послании к новгородцам митр. Фотий внушал духовенству принимать меры против ворожей и судебного поединка. «Не слушать и не принимать ворожей... Идущему в поле (на поединок) не давать св. тайн. Убийцу отлучить от церкви на 18 лет, а убитого не хоронить»²⁹⁸. Следует обратить внимание на сходство мыслей и выражений в изложенных поучениях; факт, с которым мы часто встречались в нравственно-аскетическом проповедничестве, и еще чаще будем встречаться в практическом. Этот факт свидетельствует о скудости и малопродуктивности древнего проповедничества. Относительно похищения девиц, хождения с невестой около озера и дуба и разных мелких обрядов язычества в древнем проповедничестве мы не находим достаточных указаний. Мелочи этого рода легко ускользали от внимания проповедников. Еще менее находим обличений суеверных снов. Мы видели, что языческие поверья о снах заключались в так называемых «Сонниках». Эти поверья нашли сближение с христианским учением о силе чудесных снов, и

потому весьма укоренились в древней Руси. Чудесные, в том числе и суеверные сны, как видно из предыдущего, особенно волновали народ во времена общественных бедствий, и нередко сопровождались пагубными следствиями. Обращая внимание на это суеверие и происходящее от него зло, один проповедник говорит: «иже веруяй сониям и мечтаниям, осудится с дьяволом, без иного греха, яко его в слуга; ничтоже бо не мерзко пред Богом, точию сия беды, еже веровати в мечтания»²⁹⁹. Во время моровой язвы в народе толковали о разных видениях и откровениях, Патр. Никон рассылал увещания, чтобы «подобным вракам и небылицам не верили».

б) Обличение идолопоклонства инородцев, населявших окраины России с XV до XVIII века

В поучениях, обличающих язычество, не видно ни богатства содержания, ни искусства изложения. Все они вместе составляют довольно краткий и беспорядочный перечень языческих богов, обрядов и предрассудков. Скучность и беспорядочность обличительных поучений дала возможность язычеству держаться в центре России до XV века. Скучность поучений XV и XVI веков, самых темных в нашей истории, еще значительнее. В это время ослабела связь России с Грецией, поддерживавшей у нас слабое просвещение. Необразованные русские пастыри средних веков не могли произвести и таких поучений, какими обладала древность, особенно в обличении идолопоклонства. Вся совокупность этого рода проповедей, в XV–XVI веке, состоит из нескольких посланий, чрезвычайно разнородного содержания, весьма сходных между собою, и даже списанных одно с другого. В посланиях этих сказался практический смысл русских пастырей, чуждый образования. Послания обыкновенно адресуются на имя духовенства, руководившего новообращенными христианами. В посланиях даются наставления священникам, как учить вере новообращаемых; при этом особенно часто говорится о браке, исповеди и причащении, от которых уклонялись новые христиане, не понимавшие значения таинств. Словом, проповедники излагали зараз, без всякого искусства, существенные истины, необходимые для спасения. Эти послания, проникнутые практическим смыслом, важны в том отношении, что они поясняют нам характер устных поучений, которыми пастыри руководили пасомых. История свидетельствует, как видно из статьи о миссионерском проповедничестве, что многие пастыри подвизались в устной проповеди и поучали инородцев истинам веры. Без сомнения, и в устной проповеди они чаще проводили те догматы, которые более соответствовали нуждам времени, и программа которых начертана была в пастырских посланиях. Кстати заметить, что

пастырские послания в отдаленные местности были в то время самой удобной формой проповеди; они вынуждались необходимостью, трудностью пути и неудобством сообщений в древней России. Для нашей цели особенно важна обличительная сторона посланий, направленная против идолослужения. Она сообщает нам любопытные сведения о вере инородцев и обрядах идолослужения. В ряду посланий этого рода первое место по времени занимают грамоты русских иерархов к пермскому духовенству и народу.

Митрополит Симон 1501 г. написал грамоту к пермскому духовенству, в которой обличал нерадение его о новообращенных, незаконные браки последних и разные богомерзкие дела, совершаемые по древнему обычаю. Он же писал послание к новообращенным пермякам, в котором, между прочими наставлениями, обличал их богомерзкие дела: «служение кумирам, совершение тризн идолам, моление болвану Воипелю». В нравственной части грамота и послание митр. Симона, наравне с прочими посланиями этого рода, проникнуты духом нравственно-аскетического проповедничества. Они внушают жизнь по заповедям христианским, посещение храмов, соблюдение постов, неядение в праздники до обеда и т. под.³⁰⁰. В грамоте пермскому духовенству Симон упоминает, что ему (духовенству) неоднократно об этих предметах «посылал грамоты свои пермской епископ Филофей». Епископ Филофей, проповедуя веру 30 лет (1471–1501), часто писал окружные послания к духовенству и зырянам. О содержании их можно судить по мыслям приведенных нами посланий митр. Симона. В окружных посланиях и грамотах древних пастырей особенно заметны повторения и заимствования, нередко буквальные.

Грамота новгород. архиеп. Макария в пятину вотскую сообщает нам любопытные сведения о вере и нравственности племен, обитавших между балтийским морем и ладожским озером. Финские племена: Карела, Чудь, Ижора, благодаря деятельности миссионеров, уже в XIII веке были обращены в христианство; но от недостатка надзора и руководства в вере, придерживались языческих обычаев. Они поклонялись камням и

священным деревьям, приносили жертвы богам своим, и обращались за наставлениями к арбуям или жрецам. Между прочим, у них в обыкновении было многоженство, как и у прочих язычников, странный способ погребения в лесах и курганах. В окружной грамоте к духовенству пятины (1534 г.) Макарий обличает все эти заблуждения и подкрепляет свое слово делом. Он внушает духовенству, при содействии православных, истреблять огнем все языческие божества и молельни; арбуев и их последователей исправлять, или предавать суду³⁰¹. В 1535 г., по распоряжению Макария, снова были приняты меры к истреблению в этих местах язычества. Но язычество снова утвердилось в финских племенах, и спустя 13 лет, архиеп. новгор. Феодосий написал окружную грамоту к духовенству вотской пятины, сходную с грамотой Макария, и подкрепил ее теми же полицейскими мерами. Последствия дела не известны³⁰².

Значение обличительных грамот и посланий

Приведенные нами грамоты и послания, скудные количеством и содержанием, имеют довольно важное историческое значение. Они проливают свет на целый отдел проповедничества миссионерского, малоизвестного нам в его содержании. Понятно, что миссионеры, наставляемые грамотами и посланиями архипастырей, руководились их мыслями в своей проповеди. Они обличали заблуждения язычников и иноверцев, и внушали им те истины вероучения, которые имели ближайшее приложение к жизни, например о браке, исповеди и проч. И если архипастыри списывали друг у друга послания, то тем более простые монахи и священники держались в слове данной им программы. И это тем более справедливо, что проповедь требует научного знания и искусства, которых не доставало в древней Руси; а простая беседа миссионеров, внушенная программой и часто повторяемая, свободно лилась, как и ныне, в подобных обстоятельствах, льется из уст. Этим и подобными фактами объясняется указание на многочисленных наших «философов и книжников», не оставивших поучений, к которым приходили тысячи слушателей для назидания. Этим объясняется и добровольное обращение в христианство целых тысяч дикарей в XV–XVI веке. В XV веке, как мы видели, многие дикари крестились в соловецком монастыре и постригались в монашество. В 1526 г. лопари кандалажские просили себе крещения и священников; в 1532 г. лопари мурманские просили священников и антиминсов; около половины XVI века лопари понойские просили крещения и построения для них церкви; в 1575 г. повторилась та же просьба. Упомянутые послания и грамоты намекают на подобные же опыты или памятники устного проповедничества, которыми руководились миссионеры в обращении татар и азиатов. Так, первому казанскому святителю Гурию дан был «Наказ», как обращаться неверных. О святителе Варсонофии прямо сказано, что он «искусно состязался с татарами о вере, обличал их заблуждения и многих

привлек ко Христу»³⁰³. Подобным образом действовал в Сибири митр. Киприан, руководимый посланием патр. Филарета. По словам летописи, митр. Киприан «многих неверных крестил, и многую слабость в беззаконных женитьбах и духовных делах исправил». Конечно, многие из обличительных посланий, имевших спасительное влияние на инородцев, как видно из предыдущего, не дошли до нас. Эти-то послания, подкрепляемые властью духовною и гражданскою, административными распоряжениями, одушевляли древних миссионеров в подвиге проповеди и значительно влияли на искоренение идолопоклонства, магометанства и разнообразных суеверий в древней Руси; и если, при тогдашнем просвещении, не успели истребить их, то по крайней мере облегчили потомкам совершение этого важного дела.

Обличение вырождавшегося язычества с XV до XVIII века

С конца XIV века язычество в центральной России вырождается: вытесняемое христианством, оно держится в XV–XVI в. не столько духом, сколько формой и обрядом. Имена языческих богов и служение им забываются; остаются в памяти народа – Купало, Ярила, Коляда и Рожаница, но не более, как представители праздников света и рождения, или плодотворной силы природы. Но и эти праздники видимо теряют самостоятельность. Уступая господствующей вере, они прикрепляются к христианским праздникам, совпадающим с ними по времени, напр.: русальная троицкая неделя, Коляда и проч. В XVII веке самая обрядность языческая забывается. Полуязыческие праздники перерождаются в святочные игры, с переряживанием, музыкой, пляской, и обычным пьянством, сквернословием, развратом, дракой, убийством. От самых имен языческих остались исковерканные названия, в виде обломков старины, например: «Овсень, Поревн, Аполовин, Перегиня, Рожденица и т. под.». Христианство, говорит один историк, постепенно брало перевес над язычеством, и по мере усиления его языческие обряды теряли свое значение. В XVII в. они уже обратились в простую забаву и хранились народом по старой привычке. Но эта забава была определена обычаем во всех мелочах, малейших обрядах, нарушить которые никто не решится. И эти обряды получили двойственный характер, являясь на ряду с христианскими торжествами». «Видим множество народа, говорит Феодосий печерский, на играх, так что давят друг друга, желая видеть дело, вымышленное диаволом; а церкви стоят пусты. И когда бывает время молитвы, немногие бывают в церкви». Было бы весьма поучительно проследить историческим путем постепенное вымирание язычества, вытесняемого христианством. К сожалению, главный источник этих сведений, – древнее проповедничество, – весьма скуден. Проповедничество не дает точных указаний, когда и в каком месте пространной России

погибло язычество? Обличительные поучения заносились в сборники и передавались однообразно из века в век; при беспорядочном смешении разных эпох трудно уловить исторические оттенки народных нравов. Можно заметить некоторую разность в общем направлении обличений. В XV–XVI веке обличения направлены против языческих празднеств, совпадавших с христианскими, в XVII – против праздничных игр и разных бесчинств. Вообще, древние поучения проникнуты большим одушевлением и живостью, нежели поздние, нечуждые подражательности и заимствований. Обличительная проповедь, ослабевшая с XV века, нашла поддержку в государственной администрации, и часто выражалась в форме соборных определений, посланий, патриарших и царских грамот. Это объясняется, с одной стороны, возвышением царской власти, преследовавшей вековые нестроения, а с другой стороны сближением этой власти с церковною. Сближение царской власти с духовною достигло высшей степени в XVII веке, при патр. Филарете и Никоне. Грамоты, которыми особенно богат XVII век, исправляли неурядицы междоусобия, и заменяли устную проповедь, между прочим, и по неудобству путей сообщения. Искусства и одушевления в изображении бесчинных праздников мы не видим. Все обличительные проповеди, послания и грамоты проникнуты здравым смыслом, преследуют существо дела и останавливаются на фактах видимых. Они осуждают народные праздники и бесчинства с нравственной точки, как дьявольское наваждение, без отношения к жизни. Анализ праздничного разгула и его следствий заменяют нравственно-аскетические сентенции, но всегда ведущие к делу. Сообразно с программой «Очерка» мы приведем более замечательные обличения народных празднеств, игр и бесчинств.

Мы видели, что в самых древних поучениях XI века уже упоминаются языческие празднества и бесчинства и осуждаются, как дьявольское служение. В поучениях XII–XIII века обличение принимает более практический тон; оно сопоставляет бесчинные торжества с святостью христианских праздников, не намекая еще о сближении и каком-либо

сходстве их. Ясное дело, что сближение языческих торжеств с праздниками христианскими только начиналось, и христианство способствовало этому делу. Внушая грубой толпе духовное празднование, оно поневоле давало ей досуг заняться играми и языческими воспоминаниями. «Многие невежды, говорит древний проповедник, скорее спешат на игры, нежели в церковь, и любят сквернословие и кощунство более книг... Многие козни лукавого диавола, – иных устремляет на позорища и игры, иного на пляску, пьянство и блуд, иного на кощунство, рукоплескание, песни и гусли, а иных окрадывает ленью, чтоб не приходила в церковь», «Не слушают божественных слов, говорит другой проповедник. Но если плясуны и гудцы, или игрец позовут на игрища, или какое-либо идольское сборище, то все идут туда с радостью, и весь тот день проводят на позорищах... На позорищах нет покрова, ни затишья, и ветер шумит, – но все переносим, радуясь; а в церкви покров и затишье, но не хотят идти на поучение»³⁰⁴. Подобных поучений XII–XIII века довольно много; к этому разряду относится лучшее слово Кирилла Туровского, в котором он жалуется на лень своих слушателей к церкви и к поучениям. В поучениях XIV века уже заметно сближение языческих праздников с христианскими; в них обличаются торжества купальские, радуницы, семика, и проч., в них выражается господство христианства над язычеством, и усилия язычества отстоять свою самобытность»³⁰⁵. «Многие христиане, говорит один проповедник, приносят жертвы идолам и бесам... Но всего важнее примешивать к идольской жертве (Рожанице) тропарь Богородицы»³⁰⁶. В поучениях XV века заметно слияние языческих праздников с христианскими. Поводом к тому служили, с одной стороны, строгость церковных обличений, а с другой стороны – желание народа прикрыть свой разгул христианскими праздниками. Обстоятельства благоприятствовали этому желанию народа. Главным обстоятельством в этом отношении было сходство языческих богов, представителей добра и зла (белбогов и чернбогов) с ангелами и демонами. К тому же, богомильские понятия об ангелах мироправителях, занесенные из Болгарии, как раз

подошли под веру в стихийных богов. Дальнейшим обстоятельством – было сходство имен и свойств некоторых богов со святыми и совпадение посвященных им праздников. Мы видели, как и XIV веке почитание Богородицы вытесняло жертву Рожанице. В XV веке видим торжество этого почитания над мифом и осуждение самого сопоставления Богородицы с Рожаницей, как дела преступного. «Еретик Несторий, говорит проповедник XV века, признавая Богородицу человекородицей, научил приносить жертву Рожанице. Святые же отцы лаодикийского собора, вразумленные ангелом, повелели не делать этого, потому что неугодное Богу, неугодно и св. Богородице. Кто послушает заповеди св. отцев, спасен будет; а кто не послушает, да будет отлучен³⁰⁷. В XVI–XVII веке Рожаницы потеряли свое значение и слились с семью планетами, влиявшими на судьбу рожденных.

Поучения XVI века, обличая языческие праздники, нападают на их совместность с христианскими, и показывают все неприличие такого единения. Особенно порицанию в этом отношении подверглись праздники летние, в которых сосредоточена сущность языческой веры. 1505 г. игумен Памфил в послании к гражданской власти просил истребить обряды Купалы, совершаемые во Пскове. Он говорит, что в ночь рождества Предтечи горожане и поселяне празднуют этому богу с музыкой, песнями, пляской и развратом, а также ищут по лугам чародейных трав, на погибель людям и скотам. Он называет этот праздник «поруганием и бесчестием рождества Предтечи, посмеянием и укоризною его дня». Недостаток церковных обличений в этом роде восполняли соборные определения и грамоты.

Наказная грамота митр. Макария, извлеченная из определений стоглавого собора и разосланная по уездам, городам и селам, в руководство священству, обличает все языческие празднества. «Многие неразумные люди, говорит грамота, совершают в праздники, по городам и селам, еллинские игры; а именно: в рождество Предтечи, на кануне рождества Христова и Богоявления, в троицкую субботу, в первый понедельник Петрова поста. В эти дни ходят на игрища,

к рекам, творят неподобные дела и беснование, и тем прогневляют Бога. Священники должны поучать христиан, чтобы впредь этого не было, чтобы игрища благодатию божией и поучением поправы были в конец»³⁰⁸. Конечно, подобные грамоты, подкрепленные авторитетом гражданской власти, имели сильное влияние на истребление остатков язычества. Стоглавый собор определил разослать всюду царские указы и преследовать непослушных начальству гражданским судом. Подобные обличения язычества встречаем в худых номоканунцах XVI века, имевших обширное употребление. И что особенно важно, в них встречается обличение праздника Коляды, совмещавшего в себе почти всю область языческих суеверий и гаданий. Напр. «недостойно держаться еллинских преданий и нечестивых праздников» ... «Нелепо праздновать русальи игры и колядовать». «Идущему 1 генваря на Коляду назначается трех-летний пост – хлеб и вода; игра эта скотская»³⁰⁹.

В поучениях и грамотах XVII века встречаем обличения языческих игр, утративших религиозное значение. «В праздники, писал патр. Иоасаф, вместо духовного веселия затевают бесовские игры; приказывают медведчикам и скоморохам на торжищах, улицах и распутьях творить сатанинские игры, бить в бубны, реветь в сурны, плясать и бить в ладоши. В праздники сходятся многие люди, молодые и старые, ставятся в толпы, и бывают великие кулачные бои, до смертоубийства. В этих играх многие пропадают без покаяния. Умножились всякие незаконные дела, еллинские блядословия, кощунства и бесовские игры; бранят друг друга позорною бранью и всякою бесстыдною нечистотою оскверняют свои языки и души»³¹⁰. Достоин замечания, что патриарх обличает русских за продажу и употребление удавленины, поставляя этот грех наравне с кощунством. Подобные обличения встречаются и у других проповедников, в грамоте митр. Макария, в определениях стоглава и т. под. «Царь, говорит собор, может разослать указ, чтобы удавленных животных не покупали и крови не ели, да не отлучены будут от всякой святыни, и священный чин да не постраждет исвержением»³¹¹. Подобные заметки

свидетельствуют, что проповедники рабски относились к готовым материалам или поучениям, повторяли чужое, и потому смешивали важные проступки с мелочами, не могли возвыситься над буквою письмени оказать существенную помощь народу, в нравственном отношении. Неизвестно, на сколько подобные определения и грамоты содействовали исправлению нравов; во всяком случае, как полумеры, не касавшиеся самого корня зла, они не могли исторгнуть его. Действительно, спустя полвека, встречаем новый указ подобного содержания. 1684 г. патр. Иоаким воспрещал святочные игры, как остатки язычества. «В навечерие рождества Христова, говорит проповедник, (бывают) бесовские дела и игры. Старые и молодые обоого пола ходят по улицам с песнями, пляшут и сквернословят на разжение блудных грехов; преображаются в неподобные создания, надевают бесовские кумирные личины, косматые образы, и такими ухищрениями прельщают православных. Подобные игры совершают в продолжение 12 дней, от рождества до крещения»³¹². В памятниках литературы XVII века можно еще найти несколько обличений подобного рода, далеко не удовлетворявших потребностям времени; и потому мы не распространяемся о них. Но здесь необходимо упомянуть о поддержке обличительного проповедничества гражданскою властью.

Как бы в благодарность за поддержку власти московских князей духовенством, царская власть обратила все свое внимание на церковные неурядицы. На вопросы Иоанна IV о нравственных нуждах народа стоглавый собор отвечал: «благочестивому царю необходимо издать указ, а святителям обнародовать запрещение, чтобы уничтожить в народе бесчиния, позорные обычаи, нечестивые суеверия и непозволительные игры. Священники должны отвращать народ поучениями от непристойных дел и обычаев, а упорных подвергать наказаниям»³¹³. Действительно, определения стоглава, написанные в виде размышлений и поучений, при поддержке царской власти, были рассылаемы по России в XVI–XVII веке; между прочим, эти определения преследовали и остатки язычества. Особенно в XVII веке царская власть

содействовала церковной в истреблении язычества, при чем невинные забавы осуждались наравне с преступлениями. 1628 г., по распоряжению патр. Филарета приказано «бирючу кликать по рядам, улицам, слободам и сотням, чтобы люди не сходились на игрища, не делали смуты православным, не кликали Коляды, Овсеня и Плуги. А кто ослушается царя Михаила и великого государя патр. Филарета, тому быть в опале, запрещении и духовном наказании»³¹⁴. Не смотря на строгость подобных запрещений и обличений, святочные игры крепко держались до ныне. Народу, руководящемуся чувством, трудно расстаться с привычками, укорененными временем, тем более что духовного веселия он не понимает. Спустя почти четверть века, оказалось, что даже в Москве и в Кремле совершались святочные игры, и в них принимали участие духовные лица. И вот 1649 г. издана царская грамота, воспрещавшая подобные игры. «Ведомо учинилось государю (Алексею Михайловичу), что в навечерие рождества Христова кликали Коляду и Усень, а в навечерие богоявления кликали Плугу, пели бесовские песни, собирались на игрища, ходили пьяные по улицам, даже попы и иноки... Бирючу кликать во многие дни, чтобы этого не делали». Между прочим сказано, чтобы не качались на качелях, чтобы не ходили играцы бесовские и скоморохи с домрами, дудами и медведями. А кто ослушается, будет в великой опале и жестоком наказании»³¹⁵.

В конце рассматриваемого периода явился особенный обличитель народных нравов, с новым взглядом на вещи, Симеон Полоцкий. Он не возвышался умом над своим веком. Смешивая важное с неважным, подобно суздальскому живописцу, он все захватывал одною чертою; и пьянство, и песни, и качели, все это называлось «бесовским наваждением». Так проповедовали и предшественники его. Но как образованный человек и ходячая библиотека чужих мнений, Полоцкий коснулся в своих обличениях самого корня зла. Он указал на источник бесчинства – невежество народа и требовал школ, образования; к тому же указывал на нерадение священников о людях, что делали многие проповедники и до него. Подобные указания будили вековую неподвижность умов,

и могли со временем принести существенную пользу. В «Обеде духовном» и в «Вечери духовной» Полоцкий часто обличал недостатки народа: суеверие, ворожбу, гадание, нашептывание, ношение костей, игры, прыгание через огонь, качели и песни. Все эти заблуждения и недостатки он приписывал невежеству и необразованности народа; всем внушал необходимость учения, как причину и основание всякого счастья; просил правительство заводить школы, как источник народного благополучия. Так в проповеди на рождество Христово он обращается к царю и просит его завести училища, как источник народного счастья; особенно в «Вечери духовной» часто распространяется о необходимости учения. Обличая священство, Полоцкий говорит: «умножились злоба и лукавство, волхвование, чародеяние, разбой, убийство, воровство, пьянство и проч. Главная причина всего этого нерадение и неискусство духовных отцов»³¹⁶. Мысли и заметки о зрелищах находим в поучениях Транквиллиона и священника орловского. «Пастырь, говорит Транквиллион, спешит в корчму, а овцы бегут на распутья и зрелища сатанинские; таким образом он и они погибают»³¹⁷. Обличая богатых, священник орловский говорит: «ты проводишь день и ночь, с подобными тебе пьяницами и сластолюбцами, в увеселениях, смотришь на зрелища сатанинские скоморохов, слушаешь гудение, шум труб, служение бесовское, всем этим наслаждаешься и упиваешься распутством своим»^{318, 319}.

Обличения праздника Ярилы, самого буйного и беспутного из всех, не находим в древних поучениях. Вероятно, этот праздник, вследствие обличений и усилий церковной и гражданской власти, слился с подобным ему праздником Купалы и Ярилы, как тождественные. Несомненно одно, что этот праздник долго держался в захолустьях России, куда не проникала церковная проповедь. Напр. в Воронеже был давний обычай праздновать Яриле (богу весны) пред заговеньем Петрова поста. Празднество сопровождалось непристойными играми, кулачным боем и вообще распущенностью. Конец этому празднику положил свят. Тихон. В первый день поста, 1765 г., он явился среди бесчинствующей толпы, с опасностью собственной жизни, и силою одушевленного слова прекратил

навсегда бесчинные игры. «Из обстоятельств праздника, говорит Святитель, видно, что в древности здесь был какой-то идол, называемый Ярилой, которого почитали за бога. А иные называют этот праздник игрищем, которое началось давно, и с каждым годом усиливается. Люди ожидают этого праздника, как годовичного торжества». Не находим также в древних поучениях достаточных обличений праздников Коляды, масленицы и других; и потому эти праздники держатся доселе, – масленица в велико-россии, Коляда в мало-россии. Если и ныне образованные пастыри смотрят на эти праздники и торжества как на забаву, оживляющую будничную жизнь народа; то тем более древние, непросвещенные пастыри не решались расстраивать счастье этих дней своими запретами и обличениями; напротив, они и сами принимали участие в играх. Вообще, древнее проповедничество весьма скудно обличением язычества, проявлявшегося в идолопоклонстве, праздничных играх и суеверных обрядах.

Обличение астрологии с XV до XVII века

Из всех видов русского суеверия астрология представляла проповедникам наиболее затруднений. Она ставила в тупик простых начетчиков сложностью и запутанностью своих положений. В состав ее входили: астрономия, геология, физика, физиология, кабаллистика, мистицизм, смесь языческих преданий, по которым, например, рожаницы обратились в планеты и богинь судьбы. Проповедники – начетчики не имели достаточных сведений для опровержения астрологии, и потому уклонялись от подобных суждений. В обличении идолопоклонства, игрищ и суеверных обрядов им помогала наглядность дела; в обличении астрологии требовалось отвлеченное знание и философское мышление. Поэтому проповедничество, направленное против астрологии, весьма скудно содержанием, несравненно скуднее проповедничества, обличающего язычество. И на подобные поучения отваживались самые крепкие умственные силы древности, разумные начетчики; таков напр. старец Филофей, мыслитель – самоучка (философ на языке летописей), и Максим Грек – европейски образованный. Обличения астрологии начинаются со введения христианства в Россию и проникновения астрологических преданий и учений из Греции и Болгарии. Но эти обличения весьма поверхностны и кратки; большею частью они состоят из отрывочных мыслей, как бы случайно вставленных в нравственно-аскетические поучения. Более серьезные обличения – начинаются с XV века, со времени проникновения в Россию западной астрологии, ставшей в связь с ересью жидовскою, и весьма укоренившейся в России. В обличениях астрологии, как и во всей древней обличительной литературе, замечается крайняя односторонность взглядов, решение научных вопросов преимущественно с богословской точки зрения, с примесью апокрифических мнений и суеверия. Почерпая богословские сведения из толстых сборников, наполненных легендами, проповедники и сами не могли отрешиться от суеверия и заблуждений. Обличая

астрологические мнения, они высказывали ложные мысли, неправильные убеждения, почерпнутые из тех же апокрифов.

Первое учение о звездах, кажется взятое из греческих проповедей, и вообще из апокрифов, находим в 30 слове Златоустника. В этом слове объяснено творение первых четырех дней по Шестодневу и прибавлено рассуждение о звездах, которое само требует обличения. «Звезды, сказано в слове, бывают обращаемы невидимыми служебными силами... Они служат знамением всем человекам, и птицам, и зверям земным». Это апокрифическое учение более подробно раскрыл старец Филофей (около 1628 г.), в послании к Мисюрю, впрочем, с опровержением некоторых астрологических мнений. «Звезды, говорит Филофей, переносятся ангельскими силами. Самовидец сему ап. Павел. Иные (ангелы) носят солнце, другие луну, звезды, иные управляют воздухом, ветрами, облаками, громами... Что же касается влияния звезд на судьбу человека, добрых и злых часов, то все это кощунство и басни. Если Бог сотворил злые дни и часы, то зачем Ему мучить грешных? Он был бы виновник злобы человеческой. Кроме того, от царя рождается царевич, от князя князь, и цари не отдают дочерей своих за земледельцев. Равно перемены в царствах и странах не зависят от звезд, но от Бога». Взявшись за решение непосильных вопросов, Филофей сделал оговорку, которая характеризует своеобразный склад мыслей начетчиков, не знакомых с наукою и правилами речи. «И человек сельский, говорит Филофей, учился буквам; еллинских борзостей не текох, риторских астрономий не читал, с мудрыми философами в беседе не бывал; учуся буквам благодатного закона»³²⁰.

С особенною силою ратовал против астрологи Максим Грек. Он видел вредные последствия астрологии в Италии, и потому хотел предохранить от них православную Россию. Максим Грек написал три слова, в которых опровергает астрологические заблуждения вообще; в третьем из них обличает предсказание всемирного потопа. Кроме того, он написал обличительные послания против астрологии: первое адресовано к Николаю Немчину, распространявшему в России астрологическое учение, второе – к боярину Карпову, третье к некоторому игумену,

увлекшимся астрологией; четвертое к некоему князю. Кроме того, Максим обличал астрологию и в других сочинениях своих. Он преследовал мнения астрологов наравне с предрассудками и суеверием русских: волшебством, чарами, встречами, окликами и т. под.³²¹. Сущность доказательств, приводимых Максимом, состоит в следующем; астрология, наравне с прочими предрассудками и суеверием, ниспровергает учение о божественном промысле, ослабляет нравственность и свободу человека, делает Бога виновником зла, и потому ведет к безнравственности и ввергает в отчаяние. Проповедник подкрепляет свои мысли не только словами Св. Писания и св. отцов, но изречениями светских писателей, философов и поэтов³²².

Вера в кончину мира, с концом седьмой тысячи лет, наделавшая так много тревог и стоявшая в некоторой связи с астрологией, почти не вызвала обличений в древнем проповедничестве. Впрочем, об этом веровании более уместно говорить в истории русских ересей, так как оно стояло в некоторой связи с ересью жидовскою. В древнем проповедничестве изредка встречаем обличение астрологических мнений в связи с языческими преданиями и учением апокрифов. Таково слово Афанасия Великого о науках (амулетах, навязываемых людям на шею, а скоту на рога). Слово перечисляет Стрелки, Топорки громные и подобные сочинения; оно называет их «вещию нечестивою, мерзкою пред Богом»³²³. По причине смешанного содержания и беспорядочного изложения древних поучений нам придется упоминать об астрологических сочинениях и в отделе, направленном против апокрифической литературы.

Заканчивая обзор проповедей, направленных против астрологи, мы поражаемся скудостью их. В самом деле, о таком важном суеверии, коренившемся на Руси веками, в проповедях почти ничего не сказано. Лучшие поучения и послания об этом предмете написаны Максимом, более публицистом, нежели проповедником; притом, послания, адресованные им к частным лицам, не имеют строго проповеднического характера. Что же касается русских проповедей, то они при крайней своей

скудости почти ничего не выяснили, и только ввели в литературу богомильскую ересь о ношении звезд и управлении стихий ангелами. Допустим, что со временем откроют еще несколько поучений, обличающих астрологию; в праве ли мы ожидать от них особенной пользы, зная необразованность древних проповедников? Ведь не один Филофей не читал «еллинских борзостей и риторских астрономий». Этому недостатку подвержены были все древние грамотеи. По свидетельству истории, самые справщики книг XVI–XVII в. «философии в руках не держали, а грамматика им и на мысль не приходила». «Я, говорит один из лучших проповедников XVII в., сочинитель «Статира» (орлов. священник), ничему не учился, кроме букваря, часослова и псалтыри. О грамматике я не слыхал, как ей учатся, а смотря на нее, считал ее иноязычною. Риторики я и не пробовал; философии и в глаза не видел; с мудрыми мужами и по дороге не встречался» (а с кем?) ... Коли такова умственная скудость проповедников, воспитанных на богословских сборниках и легендах: то мы не вправе ожидать от них особенной плодovitости и в обличении апокрифов. Напротив, в этой области предметов, требующей не только учености, но и критики, мы в праве ожидать еще больших несообразностей, нежели какими ознаменованы обличения астрологии. И это подтверждает самый опыт.

Обличение апокрифической литературы с XI до XVIII века

Мы видели, что апокрифы, отреченные книги, служили главным и самым обширным источником народного суеверия. В них совмещались все роды русского суеверия. И во-первых, язычество, с его преданиями о богах-представителях стихий, с различными заговорами, предрассудками и обрядами. Во-вторых, астрология, слившаяся с языческими преданиями, и своим учением о влиянии звезд на судьбу людей вытеснявшая славянских богов. В-третьих, легендарные сказания христианства, слившиеся с языческими и астрологическими преданиями, заговорами, молитвами и обрядами. Сходство белбогов и чернбогов с ангелами и демонами и откровенное учение о знамениях небесных служили основным пунктом для сближения всех этих видов суеверия. Мы видели также, что апокрифы имели огромный успех и обширное влияние на жизнь, убеждения и нравы народа, что они главным образом поддерживали суеверие и безнравственность в народе, особенно в XVI–XVII веке, и были причиной сильных потрясений и переворотов в государстве. Понятно, что при таком жизненном значении апокрифов, проповедь должна была направить против них всю силу обличений. К сожалению, в огромный 700-летний период русская проповедь почти ничем не заявила себя в отношении апокрифов, и в этом разе скудость ее особенно поразительна. Даже в немногих обличениях апокрифов, как и в обличении астрологии, попадают неверные мысли. Смотря на дело с исторической точки, мы и не должны удивляться этому факту. В литературе неразвитой, детской, нет строгой черты между истиною и суеверием, историей и легендой. Палея – сборник легенд о ветхозаветных событиях имеет значение наряду с библией, и относится к числу божественных книг, канонических. Такая скудость проповеди ясно указывает на неспособность древнего необразованного духовенства стать выше предрассудков времени и быть руководителем темного народа. И это надобно сказать не только о белом духовенстве,

расположившем суеверные сказания, но и монашестве, и даже представителях его – иерархах, освятивших многие легендарные сказания соборными определениями. Здесь оправдалась пословица: «если слепец водит слепца, то оба упадут в яму». Крайняя скудость проповеди, обличающей апокрифическую литературу, восполнялась в некоторой степени полемическими статьями и трактатами, и административными распоряжениями властей, относительно апокрифов.

Первое обличение апокрифов или отреченных книг, проникнутое христианским или религиозным суеверием, находим в слове о мытарствах. Сказав о действиях сатаны на человека, что он научил веровать в моря и реки, огонь, деревья и зверей, проповедник назначил 15-е мытарство для верующих в отреченные вещи (книги), наравне с ворожбой и т. под. Подобную мысль выразил митр. Кирилл II в поучении попам; чтение апокрифов он поставил наравне с ересью и чародейством. «Лживых книг не читайте, говорит митрополит, еретиков уклоняйтесь, чародеев бегайте»³²⁴. Самое полное обличение и перечисление апокрифов находим в слове св. Ефрема о книжном учении. В этом слове перечисляются отреченные книги, «астрология, звездочетье, громник, знамение теней, – солнечное и лунное, чарованье, землемерье, зеленник, птичье чарованье, волховник, сонник, колядник и прочие бесовские книги». Из многочисленных апокрифов, обращавшихся в народе, слово указывает на те, которые пользовались, в свое время, особенным вниманием и имели преимущественное влияние на воспитание народа. В слове Ефрема решаются вопросы: в чем состоит правая вера? и из каких писаний должно почерпать истинные знания? Вопросы эти имеют тесную связь с предыдущими обличениями.

Скудость обличительных проповедей, относительно апокрифов, значительно восполнил своими статьями и трактатами Максим Грек. Он направлял свои статьи, в виде слов, и обличительные трактаты против тех апокрифов, которые в XVI в. пользовались особенным вниманием и имели преимущественное влияние на воспитание народа. Так, он написал статьи против апокрифических преданий: а) будто Адам

дал дьяволу расписку на вечное рабство; б) будто не поспевший на литургию к чтению евангелия не должен присутствовать на ней³²⁵, и критически разобрал следующие апокрифы: а) Сказание Афродитиана о рождении Христа и поклонении волхвов³²⁶; б) сказание о том, будто по воскресении Христа солнце не заходило целую неделю³²⁷; в) сказание об Иуде, будто он не удавился³²⁸; г) Люцидарий, излагавший суеверные мысли о мире, Боге, человеке и животных³²⁹; д) толкования Вивеса, излагавшие нелепое учение о воскресении мертвых, рае, аде, а также – астрологические мнения³³⁰. Все эти статьи Максима Грека, неудовлетворяющие современной науке о критике, были необыкновенным явлением в древней русской литературе. В этих ученых критических статьях европейское образование в первый раз озарило Русь, покрытую густым мраком суеверия и невежества, особенно в XVI веке. Ученые статьи Максима были предвестником близкой реформы, зарею умственной жизни и западного образования, разгоняющего суеверие, враждебного деспотизму и насилию человеческих прав.

Запреты церковной власти относительно апокрифов

Важной поддержкой скудного проповедничества, направленного против апокрифов, были административные запреты церковной власти, изданные в разные времена. Подобные запреты или обычаи в первоначальном своем виде перешли к нам из Греции. «Определение о книга истинных и ложных» находится в книге Никона Черногорца; оно помещено и в Сборнике Святослава (XI века). В этом Сборнике, напр., есть статья «о добрых и злых днях». Палея была известна Нестору; хождение Богородицы по мукам известно по списку XII века³³¹. И митр. Кирилл имел основание сказать духовенству: «не читайте лживых книг». В XIV веке является в молитвеннике митр. Киприана список книг истинных и ложных, с различными толкованиями, убеждениями и угрозами, и с тех пор расходится по рукам, копируется и разнообразится. К XV веку подобные списки (индексы) являются в сборниках Паисиевском и Кирилла Белозерского. В этих индексах является не перевод только византийских и болгарских подлинников, не копия книги Никона и сборника Святослава, а домашнее дело, принадлежащее русским составителям, потому что в них есть русские произведения, предметы, взятые из национальной жизни. Индексы разнятся между собою в исчислении апокрифов, конечно, потому, что каждый составитель обращал внимание на более известные ему статьи, бывшие в употреблении. В синодальных сборниках XV–XVI века часто встречаются статьи о книгах истинных и ложных, неодинаковой редакции. В XVII веке индекс отреченных книг разросся до огромных размеров, заключал в себе до 100 названий, хотя обнимал малую долю суеверий, легенд, лживых молитв и заклинаний. К апокрифам стали относить все подозрительное в литературе, еретическое, неблагодарное, даже относящееся к народным играм. Таковы, например лечебники, зелейники, колядники, или: «благоуханная воня, им же в лесе или в поле

человецы венчуются и по удесом тычутся» (хороводы с завиванием венков)³³².

Вывод из предыдущего: заслуга обличительного проповедничества

Мы видели скудость проповедничества, направленного против умственных заблуждений народа, против разных видов суеверия. Это проповедничество скудно количеством своим и качеством; оно не обнимает всей области верований язычества, истории славянской типологии, обрядности и предрассудков; едва касается астрологи и апокрифов; не анализирует этих родов суеверия, не показывает их всестороннего отношения к христианству, не выясняет их связи с жизнью, их вредного влияния на семейное и общественное благо. Проповедничество большею частью ограничивается поверхностным перечнем наиболее выдающихся заблуждений народных и осуждает их безусловно, смешивая важное с неважным, существенное с мелочным. Древние проповедники, подобно суздальским акварелистам, нередко захватывали все предметы на картине одною чертою и одинаковою краской. «Идолы, жертвы, праздники, волшебство, чародейство, плясание, скакание на пирех, плескание руками, песни, гудение, домры, бубны, трубы, сопели, гусли, сурны, хари (маски), загадки, сказки, жмуры, качели, охота с медведями и птицами, и всякие гудебные сосуды, все это – плевелы бесовские, кумирное служение, ногойское дело, отлучает людей от Бога; оно вызывает казни и неумолимый гнев Божий». Этого мало. Обличая суеверие, проповедники высказывали собственные заблуждения и незрелые мысли, почерпнутые ими из апокрифических писаний и преданий. Но и это поверхностное и сбивчивое проповедничество, отзывающееся копировкою и повторениями, иногда дословными, с веками оскудевает и совсем прекращается. С XVI века, когда сформировалась государственная власть, обличительные проповеди заменяются административными распоряжениями, соборными определениями, грамотами, полицейскими преследованиями. Так поддерживалось это слабое проповедничество, не удовлетворявшее потребностям своего времени, почти семь

веков; оно не осилило господствовавшего на Руси суеверия и допустило его существование до позднейших веков, обладающих более надежными средствами для борьбы с заблуждениями и недостатками народа.

Видя крайнюю скудость проповедничества, обличающего суеверие русских, признавать ли нам заслугу древних проповедников обличителей? Жалеть ли, что обличения их дошли до нас в ограниченном количестве, и, может быть, не все наследованы от древности? Если смотреть на это дело с нынешней точки зрения, в духе современной науки: то конечно оно представится нам маловажным. «Одни писатели, говорит современный наш историк, между прочим и о древних проповедниках, были люди грамотные, с самыми ограниченными сведениями, без всякого навыка излагать свои мысли правильно и в порядке. Познания других большею частью поверхностные и сбивчивые, какие обыкновенно бывают у людей без научного образования. Как мало отчетливы и бессвязны были познания в их голове, также неясно и непоследовательно выражались на бумаге... И если известно, что не все писания того времени сохранились до настоящего: то имеем ли мы право слишком преувеличивать число недошедших? Да и заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства»? Совсем иначе представляется нам это дело, когда мы станем смотреть на него историческим взором, с современной ему точки зрения. Бесспорно, что из всех родов практического проповедничества древней Руси, отдел, направленный против суеверия, отличается особенною скудостью. Это – убогая лепта в сокровищнице древней письменности. Но и эта лепта, по обстоятельствам и нуждам времени, была дорогим вкладом в проповедническую литературу.

Мы видели, что обличением суеверия занимались преимущественно подвижники. Как ни кажется скудным их обличение, но оно есть плод больших усилий ума и нравственного пожертвования. При всем отвращении к подобным предметам и обличениям, вынужденные необходимостью и одушевляемые верою, подвижники говорили,

как могли, о предметах, часто превышающих их силы. О языческих обрядах они всего чаще говорили в праздники, поражаясь распушенностью народа. «Мнози неведгласи паче на игры текут, неже к церкви, любят кощуны и блядословия; поистине, таковым недостойно именоватися крестьяны». «Господа ради, послушайте словес моея грубости, вам бо есть держава», писал игумен Памфил начальству об истреблении праздника Купалы. Рассуждать об астрологии и апокрифах они решались в крайности, вынужденные соблазнами и просьбами людей. «Прислал ты государь грамоту (о звездочеты), пишет Филофей Мисюрю, чтобы мне внутренний список истолковать. Я человек сельский, еллинских борзостей не текох» ... И при всей трудности задачи простой начетчик решает се удовлетворительно. Относительно апокрифов проповедники довольствовались перечнем их, запретами и угрозами, не умея исправить и остановить зло. Вообще, они хлопотали, как могли, об истреблении суеверия и народных недостатков, внушали священникам исправлять народ, просили в этом деле содействия гражданской власти. «Благочестивому царю, говорит Стоглав, надобно издать указ, а святителям обнародовать запрещение, чтобы не было места чародеям, скоморохам, лживым пророкам, и другим людям вредным для общественных нравов. Чтобы были уничтожены в народе все бесчиния, позорные обычаи, непозволительные игры и нечестивые суеверия. Равным образом, священники должны отвращать народ поучениями от непристойных дел и обычаев, упорных подвергать наказаниям; тем менее самим священникам дозволяется участвовать в делах народного суеверия»³³³. Указы были разосланы. Таким образом, при всей скудости средств и пособий к проповеди, ревностные проповедники ограничивали, по возможности, всякого рода суеверие и его влияние на жизнь.

Тем более не следует соблазняться суеверными представлениями проповедников о мире и пренебрегать из-за этого их сочинениями, неискусно притом изложенными. Напротив, по этим чертам и надобно дорожить древними поучениями и желать открытия их в возможно большем

количестве. Исключительное уважение к красноречию и поучительному элементу, заключающему в себе обыкновенные истины христианства, есть предрассудок схоластики и отживающей школы.

И в светской литературе когда-то существовало подобное предубеждение. Писателю указывали на чистую мысль, служение идеям и удаление от предрассудков толпы. Ныне самые горячие поклонники художественности и чистых идей оставляют это сухое поле. Проповедничество должно выражать действительную религиозную жизнь и убеждения народа, а не идеальную сторону его; поэтому не следует пренебрегать предрассудками народа и писателей, младенческими и суеверными понятиями их о мире. Напротив, эти-то представления и имеют особенную цену в литературе, ибо они выражают понятия своего времени, служат ключом к уразумению эпохи, ее духа и стремлений. Для нас не столько важны общие представления греха, суеты мирской и похоти плоти, сколько указания проповедников на заблуждения своего времени. Нет ничего поучительнее, как следить волнение умов под влиянием господствующей идеи века. Для митр. Кирилла II было ясно, что с окончанием седьмой тысячи лет настанет конец мира. Для современников митр. Фотия было несомненно, что наступает страшный суд. Для современников Аввакума и раскола учителей было очевидно, что в лице Никона и Петра I явился антихрист, и т. д. Подобные черты, выражающие действительную, а не идеальную жизнь народа, придают особенную ценность практическим проповедям, и с этой стороны заслуга их велика. Здесь нечего бояться за догмат и православие проповедников и народа. Догмат, и как непреложная истина, существует всегда и независимо от того, как его понимают в известное время. Притом же, как говорит один писатель, «православие всегда заключается больше в идеале и нравственном стремлении, нежели в действительном выражении его. Кроме того. Церковь не признает, или, по крайней мере, не должна признавать за ересь естественные недостатки народа и неразвитость понимания его». «Смотря беспристрастно на прошедшее, скажем словами Буслаева,

нельзя не отдать некоторой справедливости обличителям; ибо народ, как свидетельствуют древние писатели, не умел, в глазах их, облагородить своего веселия и поэтического досуга идеями новой религии, не мог искупить своих языческих забав ревностью к тому высокому учению, которое проповедовалось избранными умами той эпохи»³³⁴.

Б) История ересей в России и обличение их

Насколько суеверие укоренилось в древней Руси, вследствие исторических причин, настолько ереси не могли тесно привиться к ней, или к народу. Русские в этом отношении не походили на образованных греков и нынешних европейцев. Глубокое невежество и суеверие русских делало их способными к младенческой вере, но не к мышлению и метафизическим спорам о науке и догматах веры. В самом деле, ереси были редким явлением в древней Руси. Не вытекая, вообще, из жизни народа, и, большею частью, как следствие иноземных учений, они появлялись на Руси быстро и довольно скоро исчезали. Впрочем, все ереси, явившиеся в 700-летний период, имели, как увидим, косвенное влияние на зарождение раскола, упорно отрицавшего всякое движение и развитие в области веры. Как противодействие ересям древней Руси и развитию веры, раскол есть коренное явление русской жизни. Зародившись на исторической почве, он нашел в ней жизненные соки, и потому растет и коренится донныне. При том же, не все то ересь, что признано ересью в древней Руси; таков например католицизм в большей части его обрядовых уклонений, не имеющих догматической важности. Все ереси древней Руси, применительно к понятиям того времени, можно разделить на восемь родов: а) Богомилство, проникавшее к нам из Болгарии, и не имевшее особенно вредных следствий для народа; б) Ересь стригольников, сходная с ересью богомилов; в) Ересь жидовская, отвергавшая христианство и проповедовавшая иудейство; г) Ересь Башкина, сродная иудейству, отвергавшая христианство и проводившая религиозное вольнодумство; д) Ересь Косого, отвергавшая христианство и развивавшая иудейство; е) Католицизм, с порожденною им унией; ж) Лютеранство, сродное с сектами русского раскола: селезневщины, субботников, молокан и другими; з) Русский раскол, как следствие предыдущих ересей, и особенно сродной с ним ереси, или раскола стригольников. Большинство этих ересей, как показывает самое название их,

были произведениями чужой жизни, наносными семенами инородной цивилизации; и только ересь стригольников и раскол были произведениями русской жизни, следствием неустойчивости религиозных и гражданских. Все эти ереси преимущественно направлены были против господствовавшей в древности обрядовой религиозности и церковной иерархии, и в этом отношении проникнуты общими идеями, взаимно подкрепляли и усиливали друг друга. Вообще же, как плод иноземной цивилизации и вероучения, как наносные семена с чужой почвы, ереси были временным, почти мимолетным явлением в русской жизни. Они не оставили по себе глубокого следа, не привились к нравам и убеждениям русского народа, не изменили его народности, проникнутой православием. Исключение составляет раскол, явившийся в конце периода. Русский народ, вообще, не был настолько развит, чтобы сочувствовать иноземным учениям и уклоняться от усвоенного им православия. Самый раскол, вызванный движением мысли в области веры, как противодействие ей и враг усовершенствованности, служит тому доказательством.

Такое отношение древних ересей в русской жизни обуславливало собою объем и свойство полемического проповедничества. В самом деле, русским проповедникам не предстояло всеобщей и крайней необходимости заниматься полемикой, опровергать ереси, так как ереси не были общим злом в России и не поколебали, или не сокрушили русской народности. Да к тому же русские проповедники, неподготовленные наукой, не были довольно способны к догматическим спорам и обличениям. При такой обстановке дела в отношении полемической проповеди, мы в праве ожидать непроизводительности и скудости ее. Действительно, полемическая проповедь, направленная против ересей древней России, крайне скудна. Она ясно показывает несостоятельность проповедников в области богословской полемики. Небольшое количество обличений, и то лишь некоторых заблуждений еретических, отличается однообразием содержания, перечнем заблуждений, компиляцией и повторениями. Недостаток этого рода поучений отчасти восполняли обличительные послания,

окружные и к частным лицам, а также полемические трактаты и книги, нередко составленные из помянутых посланий и бесед.

Прием и способ опровержения ересей в помянутых сочинениях – односторонний и даже мелочный; он заключается в приведении текстов Св. Писания, отеческих мнений, соборных постановлений и т. под. Причем убеждения разума почти не имеют места, и вследствие неразвитости проповедников важные заблуждения обличаются наравне с неважными, искажение догмата наравне с нарушением формы его, обряда. Кроме того, для вящего поражения еретиков, проповедники иногда возводят на них клевету, преувеличивают их проступки, приписывают им небывалые заблуждения. Тон обличения, сообразно с духом времени, грубый и даже бранчивый, отличается ригоризмом и крайнею нетерпимостью.

Скудость полемического проповедничества значительно восполнялась содействием гражданской власти в преследовании ересей. Содействие это становится особенно заметным с XV века, когда царская власть сосредоточилась в руках московских князей. Как бы в благодарность духовенству за содействие его в возвышении великокняжеской власти, московские князья в свою очередь сделались внимательны к нуждам Церкви и духовенства. Обозревая разом нестроения, скоплявшиеся веками в областях, князья с особенною силою преследовали еретиков, как врагов Церкви и государства. Они подвергали их уголовному суду, наказывали ссылкой, кнутом, членотсечением и сожжением. Вследствие означенных обстоятельств, при всей скудости полемического проповедничества, ереси не могли успешно распространяться в России и долго держаться в ней.

а) Обличение богомилов и других еретиков

Русская Церковь с самого начала была в общении с Болгарией. Из Болгарии приходили к нам иноки для жительства, получались славянские рукописи, книги и апокрифы. Вместе с тем проникла в Россию ересь богомилов, связанная с апокрифическими сказаниями, отвергавшая иерархию и церковные обряды. Творцом этой ереси был поп Богомил, в X веке. Вооружаясь против уставов Церкви, Богомил в то же время проповедовал крайний аскетизм. Первым еретиком в России, проповедником богомильства, был монах и скопец Адриан, в 1004 году, он осуждал церковную иерархию, епископов, священников и монахов, и церковный устав. В 1123 году явился второй и злой еретик Димитрий, вероятно принадлежавший к секте богомилов, весьма распространенной в то время в Болгарии; он осуждал все церковные уставы. Учение этих еретиков было подавлено в самом начале. Первый из них был отлучен от Церкви митр. Леонтием и раскаялся, второй обличен и заточен митр. Никитою. В конце XIV века явился в Ростове еретик Маркиан; он осуждал поклонение иконам, называл их идолами, распространял и другие заблуждения. Будучи искусным в слове и сведущим, он увлек своим учением ростовского князя; но наконец был обличен ростовским епископом, св. Иаковом, и выгнан из города. Летописи еще упоминают о еретике Сеите. Основываясь на этих кратких показаниях летописей, можем заключать о существовании и других еретиков, нападавших на иерархию и церковные уставы, так как поводов к тому было много в древней Руси. Такое предположение может находить себе опору и в ереси стригольников, стоящей в связи с ересью богомилов. Но несомненно и то, что краткие упоминания летописей о поименованных еретиках, свидетельствуют о неуспехе их учения. О ересях вредных, наделавших много шума, летописи говорят пространно.

б) Ересь стригольников и обличение ее

Неизвестно, была ли внешняя, фактическая связь между ересью богомилов и стригольников; но внутренняя связь между ними, состоящая в сходстве учения, несомненна. Для нас довольно и того факта, что в России возобновлялась ересь, враждебная церковной иерархии и обрядности; следовательно, она держалась на исторической почве, на неустройствах русской жизни. При скупости русских летописей на подробности, мы не доберемся до последних оснований и корней ереси стригольников. Не получила ли эта ересь, зародившаяся в Пскове и Новгороде, толчка из Литвы, проводившей в Россию религиозное вольнодумство? А известно, что в то время на западе народ весьма тяготился недостатками священства. Составилась пословица, что «духовенство католическое выбирает для себя одни приятности жизни, и избегает всего трудного». «Все, что запад перенес от гонителей и еретиков, говорит Бароний, было игрушкой в сравнении с теми бедствиями, какие он потерпел от недостойных первосвященников». Однородные причины везде сопровождаются свойственными им следствиями. Доказанными причинами ереси стригольников было корыстолюбие духовенства, его нетрезвая жизнь, а также склонность новгородцев и псковичей к самоуправству, к независимости от Москвы и от поборов владык. Осуждая корыстолюбие духовенства (русского и греческого), приобретавшего за деньги самое рукоположение, стригольники отвергали церковную иерархию. А так как без священства нельзя совершать богослужения: то с отвержением иерархии пришлось отвергнуть христианские таинства и церковную обрядность. Начальниками ереси явились два диакона в Новгороде, Никита и Карп, около 1376 года. Может быть, им не удалось достигнуть священства, или с них много требовали за посвящение: как бы то ни было, ересь нашла сочувствие в народе, и несмотря на все меры начальства, держалась в Новгороде и Пскове более 50 лет.

Высказав общие положения о ереси стригольников, мы не излагаем ни подробной истории ее, ни подробного учения, предоставляя эту задачу церковной истории; но за то подробно изложим обличение ереси, выясняющее существо дела. Такого порядка, как более удобного, будем держаться, по возможности, и в изложении прочих русских ересей. Главным побуждением к тому служит многословие и беспорядочность учения еретиков, требующие много места в сочинении. Здесь кстати заметить, что русские еретики не писали сочинений и не излагали в системе своего учения. Иосиф Волоколамский, Максим Грек и Зиновий Отенский подробно разбирали учение русских еретиков; но они не упоминают о их сочинениях. Правда, из грамоты патр. Антония узнаем, что бывший диакон Карп имел еретическое писание, возмущавшее народ против священства; но что это было за писание? В нем, как и вообще в учении еретиков, нельзя найти порядка и последовательности мыслей. Довольно и того, что словами еретиков управляла общая идея: недовольство иерархическою и гражданскою властью.

В первое время, с 1376 до 1416 года, ересь стригольников, по известным причинам, скудости проповедников, оставалась без обличения. Недостаток русских обличений в этом отношении отчасти восполнен грамотами цареградских патриархов. И так как грамоты патриархов о стригольниках написаны по сведениям, доставленным из России, и разъяснение некоторых из этих грамот поручено суздальскому архиеп. Дионисию: то их можно отнести к русскому проповедничеству. Спустя шесть лет по смерти Никиты и Карпа, утопленных новгородцами, патр. Нил прислал в Новгород и Псков грамоты, обличающие стригольников, и поручил арх. Дионисию приводить их к покаянию. В грамоте своей патриарх доказывает, что не должно отделяться от Церкви из-за недостойности некоторых пастырей, и что надобно отличать от взяточничества законную плату за проторы, при поставлении в священство. Патриарх присовокупляет, что он поручил арх. Дионисию подробно научить заблуждающих и обратить их к покаянию³³⁵.

1394 г. другой патриарх Антоний прислал в Новгород грамоту подобного содержания, в обличение стригольников; эта

грамота была препровождена и ко псковичам. Между прочим, опровергая стригольников, которые учили, что должно каяться земле, патриарх говорит: «земли – бездушная вещь, не умеет запретить грешить, и потому нет прощения кающемуся земле». Затем он внушает православным изгонять стригольников³³⁶.

1416 г. митр. Фотий писал послание во Псков, в котором обличал стригольников, и, между прочим, ссылаясь на определения Исаакия Комнина, назначающее пошлыны за поставление в священство; убеждал псковичей вразумлять стригольников и изгонять неисправимых. 1427 г. Фотий писал во Псков подобное послание, не велел сообщаться с виновными стригольниками, и просил отлучать их от Церкви. Вскоре митрополит писал и третье послание во Псков, подобного содержания, и просил псковичей наказывать упорных еретиков³³⁷. Жители Пскова засадили еретиков в темницу, и ересь прекратилась. Впрочем, история упоминает о некотором стригольнике даже в конце XV века³³⁸; это необходимо иметь в виду, для уразумения последовательности в развитии русских ересей.

в) Ересь жидовская и иудейская

Свидетельства истории о ереси жидовской более ясны, нежели о ереси стригольников, хотя не выясняют вполне происхождения ее. Ересь жидовская тоже появилась в Новгороде, около 1470 г. Она насаждена выходцем из Литвы, жидом Схарией, и состоит в проповедовании иудейства и отвержении христианства. Отвергнув божество Иисуса Христа и догматы веры, ересь жидовская отвергла, вместе с тем, обрядовое богослужение и церковную иерархию. В последнем случае она стала на одной почве с ересью стригольников, и поддерживалась недостатками духовенства, на которые жаловались стригольники. Неудивительно, что по этой причине ересь жидовскую или иудейство смешивали с ересью стригольников. Так арх. Геннадий в 1490 г. упоминал о стригольнике (чернце) Захаре. Это был дерзкий последователь иудейства, и укорял духовенство на «поставление на мзде». Неудивительно также, что ересь стригольников, поддерживая брожение умов, подготовляла почву для иудейства. Остается непонятным, как могло привиться иудейство к православному народу в главных своих положениях, в отрицании христианства? Это объясняется, с одной стороны, астрологией, посредством которой еретики действовали на суеверный народ. Так, священники Дионисий и Алексей обольщали народ чернокнижием, которому научились от Схария, искусного астролога. «Протопоп Алексей и Федор Курицын, говорить Иосиф Волоколамский, имели дерзновение к государю, как никто другой; ибо они прилежали звездосказанию, астрологии, чародейству и чернокнижию; поэтому многие уклонились к ним». С другой стороны, это объясняется вольномыслием и распущенностью нрава, которыми еретики обольщали невежд. «Многие, говорит преп. Иосиф, погрязли в глубине вероотступничества, научились укорять божественное писание, впали в сомнения», и проч.

Так как иудейство в своих положениях частью опиралось на астрологию: то оно вооружилось против заблуждения христиан

относительно семи тысячелетнего существования мира, стоявшего в некоторой связи с астрологией. 1492 годом окончилось семи тысячелетие, а с ним и пасхалия. Тогда последователи иудейства начали издеваться над суеверием христиан. «Семь тысяч лет кончились, говорили еретики, и пасхалия ваша прошла; от чего же вопреки ожиданиям вашим не является Христос? Значит, писания апостолов и отцов ложны, особенно Ефрема Сирина, (будто) возвещавших пришествие Христа, по окончании семи тысяч лет»³³⁹.

Ересь жидовская, благодаря чернокнижию, сделала более сильное впечатление на народ, нежели ересь стригольников, и требовала более решительных мер для своего истребления. Но и эта ересь не была всеобщей в России, тем более что, как наносное учение, она не нашла достаточной приемлемости в народе православном и неразвитом. Она коренилась лет 30 главным образом в Новгороде и Москве, где было более образованных людей; и там распространялась не с одинаковым успехом. Как чистое иудейство, ересь принималась невеждами; образованные люди усваивали себе только враждебные взгляды иудейства на христианство, заражались вольнодумством. В этом виде ересь держалась долго, в высших классах, даже после подавления ее внешними мерами. Сочувствие к ереси жидовской долго держалось в страдах заволжских, между иноками вологодскими и белозерскими. Вообще преп. Иосиф выражается о еретиках в «Просветителе», что они «прельстили и отвели в жидовство многих православных христиан»; что «многие научились от еретиков укорять божественное писание, впали в сомнения,» производили прения о вере не только в домах, но и на торжищах».

Ересь жидовская, находившая сочувствие в некоторых слоях общества, поддерживала в России брожение умов и недовольство общественными порядками. Она, как и ересь стригольников, была особенно жизненной в тех положениях, которыми утверждалась на исторической почве, на недостатках священства. Видя недостатки священства, люди свободомыслящие невольно задавались вопросами о силе

благодати, о значении и действии христианских таинств, и решали их по-своему. Поэтому неудивительно, что ересь жидовская, спустя 50 лет после осуждения ее в 1504 году, снова возродилась в двух видах: в ереси Башкина и ереси Косого. Этому отчасти содействовали и брожение умов в XVI веке, проникавшее к нам с запада, через Литву.

г) Ересь Башкина, проводившая религиозное вольнодумство

Ересь Башкина в главных положениях сходна с ересью жидовскою. Башкин (житель Москвы, довольно зажиточный) отвергал таинства и обрядовое богослужение; все божественное писание называл баснословием; Иисуса Христа признал неравным Богу Отцу. Учение его в подробностях не известно. Это учение было принято им от латинян, переселенцев из Литвы, и развивалось под влиянием свободомыслия, порожденного прежними ересями, и под влиянием общественных недостатков, на которые жаловались и прежние еретики. Башкин требовал от священников учения, и, как бы упрекая их за общественные беспорядки, в особенности осуждал рабство и притеснение слуг. «Вам – отцам – надобно посещать нас чаще, говорил он, и наставлять, как нам жить, и как держать у себя людей, и не томить их... Христос всех называет братьями, а у нас кабалы..., иные держат беглых. Держу у себя людей добровольно, кому хорошо у меня – живет; кому не хорошо – идет, куда хочет». Жестокое гонение еретиков жидовствующих, как плод религиозной нетерпимости, тоже возбуждало негодование в мыслящих людях и усиливало другую крайность – либерализм. Единомышленник Башкина Артемий говорил: «не знают, что такое ересь... Сожгли Курицына и Рухового, и сами не знают – за что!» Единомышленники Башкина подкреплялись в своем учении также авторитетом Максима Грека, порицавшего обрядовое благочестие русских, недостатки духовенства и стяжание монастырей. В последнем пункте это учение соприкасалось с известным спором иосифлян и старцев белозерских о монастырских имениях. Последователей или лучше сказать, единомышленников Башкина было весьма много, особенно между старцами заволжскими. Впрочем, учение Башкина, появившееся около 1554 года, вскоре было подавлено внешними мерами.

д) Ересь Косого, развивавшая иудейство

Ересь Косого во многих положениях сходна с ересью Башкина, а вообще с ересью жидовскою, и составляет крайнее развитие ее. Косой (монах, из рабов) признавал иудейство божественною верою, и ветхозаветные книги, раскрывающие эту веру, истинными; вместе с тем он отвергал христианство. Отвергнув догматы христианства, Косой отвергал обрядовое богослужение и церковную иерархию. Бог один, говорил он, и потому не должно допускать учение о Троице; равно внешнее поклонение и богослужение противно учению о поклонении Богу духом и истиною. В особенности он унижал церковные предания и писания отцов, называя их человеческими, ложными; впрочем, иногда подкреплял свои мысли новым заветом, правилами соборов, словами Василия Великого (постническими), Златоуста и проч. Ересь Косого зародилась на Белоозере, между монахами – единомышленниками Башкина, каков напр. Артемий. Она тоже развивалась под влиянием вольнодумства, порожденного прежними ересями, и под влиянием общественных неурядиц и беспорядков. Косой в особенности восставал против властей, так как усиление гражданской власти сопровождалось стеснением общественной свободы и возвышением налогов. «Не должно, говорил он, повиноваться земным властям и начальствам и платить им дань; в христианстве не следует быть властям». Он нападал на духовенство, за преследование еретиков, по которому от них не принимали даже покаяния, за недостаток любви и снисходительности; пастырей он вообще называл ложными учителями и идольскими жрецами. Отвергая монашество, по примеру прежних еретиков, как человеческое установление, Косой осуждал и стяжание монастырей; в последнем пункте подкреплялся авторитетом князя Вассиана и Максима Грека. Учение Косого, появившееся в 1552 году, распространялось в России около трех лет, было подавлено внешними мерами, и, вероятно, вследствие крайности мнений, не нашло много последователей. Кому могло нравиться хоть такое положение

еретика; «не должно почитать родителей, ибо один отец ваш Бог»? Бежав в Литву, Косой и там распространял свое учение несколько лет. В Литве он вероятно имел более успеха, нежели в России, как это можно видеть из слов Зиновия: «диавол развратил восток Магометом, запад – Мартином, а Литву – Косым»³⁴⁰.

Ересь Косого была последним словом антирелигиозного направления, начатого богомилами, раскрытого стригольниками, поддержанного жидовствующими и Башкиным. Сходная в существе дела с предыдущими ересями, она была более опасною по-своему крайне отрицательному направлению. При всем том, подавленная административными мерами, она могла иметь дальнейшее влияние на умы, на недовольство гражданскими и церковными беспорядками, и зарождение раскола. Усилившаяся царская и церковная власть сильными мерами окончательно придавили религиозное вольнодумство немногих просвещенных и мыслящих людей. В XVI – XVII веке особенно много было соборов в России и сделаны важные распоряжения относительно церковного благоустройства. К несчастью, ко времени ослабления русских ересей, усиливается противодействие западного начала греко-восточному. С XV века католицизм и потом лютеранизм начинают проникать в убеждения и жизнь многих русских. Католицизм и лютеранизм поддерживали брожение умов, возбужденное прежними ересями. Подрывая авторитет веры, развивая свободомыслие и недовольство общественными беспорядками, католицизм и особенно лютеранизм, вместе с прочими ересями, содействовали зарождению раскола, враждебного либерализму. Но прежде истории католицизма и лютеранизма изложим скудные обличения приведенных нами ересей.

Обличение ереси жидовской, Башкина и Косого

Изложенные нами ереси еще менее могли встретить противодействия и опровержений, нежели народное суеверие. В самом деле, эти ереси касались существенных истин веры, высоких догматов христианства, и для опровержения своего требовали обширных знаний и богословского образования. Нечего и говорить, что белое духовенство не соответствовало этой высокой цели. Доказательством тому служат известные новгородские священники, которые по незнанию веры увлеклись учением Схариин. Не соответствовало этой цели и монашество, по недостатку правильного образования. В XV–XVI веке явилось три проповедника, которые, вследствие благоприятных обстоятельств, приобрели богословское образование, и могли спорить с еретиками. Проповедники эти – Иосиф Волоколамский, митр. Даниил и Максим Грек. Проповедником – обличителем был собственно Даниил, хотя неудовлетворительным. Митр. Даниил, величайший начетчик, оставил нам сборник слов, для назидательного чтения, из коих многие были произнесены в храме. Слова митрополита проникнуты нравственно-аскетическим тоном и подкреплены свидетельствами св. отцов. Первые восемь слов сборника написаны в обличение жидовской ереси, но по причине общего догматического содержания одинаково могут быть направлены против учения Башкина и Косого. Слова эти имеют предметом своим разъяснение существенных догматов, оспариваемых еретиками; написанные отвлеченно, они могут быть названы практическими по своей цели. В первом слове митрополит раскрывает ту мысль, что веровать должно по руководству писания, а не человеческим мудрованиям. Во втором – что за истину должно подвизаться до смерти. В третьем объясняет церковные предания, за которые должно подвизаться. «А ты, говорит проповедник, слыша говорящих неподобное, презирающих церковные законы и уставы, не заграждаешь скверные уста; и не только не воспрещаешь, а услаждаешься тем, и других на то понуждаешь». В четвертом проповедник

внушает хранить предания писанные и неписанные, и в пояснение этого приводит любимую мысль, которую часто повторяет и в других словах, чтобы все возможно чаще читали божественные книги. В пятом говорит о воплощении и указывает цель слова: «чтобы никто не принял злой ереси, но исповедал Христа совершенным Богом и человеком». В шестом – об искуплении, в котором выразилась неизреченная благодать и любовь Божия. В седьмом – об искуплении, в котором выразилась бесконечная премудрость Божия. Проповедник убеждает православных чаще читать божественное писание, чтобы не увлечься ересями. Последние два слова направлены против мнения еретиков, что недостойно Бога унижаться до смерти. В восьмом говорит о повиновении властям, которые обязаны казнить еретиков. «Покажем праведную ярость, научим хулящих не хулить имени Господня... Будь ревнитель по Боге, вспомни человеколюбие владыки! ... А ты не хочешь злодейственным еретикам, хулящим Его и пречистую Матерь, запретить, пригрозить, с ними есть и пить, покрываешь их и заступаешь! И как наречешься христианином? Не прельщайся... Будем опасно соблюдать православную веру от еретических учений, не дадим волкам и разбойникам входа в стадо Христово, укрепимся быть доблестными и непоколебимыми в православной вере!» Из этого слова, между прочим, видно, что митрополит часто проповедовал в храме. «Мы говорили ныне и вчера о любви к Богу и исполнении заповедей, и опять беседую, насколько возмогаю». Ревность митр. Даниила к вере и его знания заставляют предполагать, что он всегда ограждал своих пасомых от еретиков, и был достойным орудием Провидения на кафедре, не смотря на порицания современников.

В обличение ереси жидовской написал три слова Максим Грек. Слова его не имеют строго церковного, проповеднического характера, так как они написаны в виде статей, для чтения. По причине общего тона или догматического содержания, слова эти одинаково могут быть направлены против учения Башкина, Косого и даже – Лютера.

В слове на рождество и на иудея проповедник доказывает, что Христос есть Мессия; что в воплощении и страдании Его нет

ничего не сообразного; затем, в общих чертах, говорит о распространении христианства и рассеянии иудеев (I, 39). В слове о поклонении иконам проповедник объясняет иконопочитание и доказывает, что оно не противно второй заповеди (1, 485). В слове на хулящих Божью Матерь проповедник изобразил величие Божией Матери, необходимость поклонения ее иконе и иконам прочих святых (1, 495). Последние два слова одинаково могли быть направлены против жидовствующих и лютеран.

В обличительной проповеднической литературе видное место занимает спор о монашестве, который слился с жизненным вопросом о монастырских имуществе. Решение подобных вопросов, стоящих в связи с интересами государства, началось с глубокой древности. Так, в сборнике паисиевом помещено слово: «угодное-ли Богу дело – дарить монастырям села? Кто отдает имение свое братии, говорит проповедник, дает на спасение души; а кто отдает монастырю, тот губит свою душу». Подобный взгляд на монастырские имущества был господствующим в древней Руси, хотя пастыри отстаивали церковные имущества. Защищая монашество, как церковное учреждение, проповедники разошлись во взглядах на стяжания монастырей. Спор этот выразился в словах, написанных Вассианом против Иосифа и Иосифом против Вассиана. Тогда же явилась апокрифическая беседа Сергия и Германа валаамских, в которой порицается стяжание монастырей, роскошь и нетрезвость иноков, и простота вельмож, наделяющих монастыри землями. Беседа написана кем-либо из белозерских иноков, приверженных к жидовской ереси. В этой беседе высказана здравая мысль, что монастыри должны быть обеспечены окладами³⁴¹. Такой взгляд, проведенный в духовной литературе, служил опорой властям в преобразовании монастырей, захвативших почти треть государственных имуществ. В защиту самого монашества написано известное слово «Просветителя». В нем доказано, что монашество согласно с божественным писанием, и что порицание монашества есть древняя ересь манихеев и маркионитов.

Относительно предрассудка о семи тысячелетнем существовании мира почти ничего не находим в древнем проповедничестве. Несколько слов об этом предмете помещено в «Просветителе» Иосифа Волоколамского. «Просветитель» есть собрание посланий Иосифа к разным лицам. Так в восьмом слове Иосиф доказывает истинность отеческих писаний, отвергнутых еретиками, ибо некоторые из отцов писали о скорой кончине мира. (Подобные мысли находим в сочинениях Ефрема Сирина, Григория Нисского, в синаксаре Никифора Каллиста и проч. В XIV веке эти мысли перешли даже в богослужебные книги греческой Церкви). Он перебирает ложные мнения о конце мира и доказывает, что пасхалия, расписанная на семь тысяч лет, не имеет влияния на кончину мира. В девятом и десятом слове Иосиф доказывает истинность апостольских писаний, отвергнутых еретиками, ибо апостолы говорили о пришествии антихриста и называли свое время последним. Из этих трех слов можно усмотреть и фальшивые источники, поступавшие к нам из Греции, по которым предки гадали о кончине мира. Арх. Геннадий составил пасхалию на 70 лет (мистическое число) восьмой тысячи лет и приложил к ней слово, опровергающее несправедливые мнения о скорой кончине мира. Составив пасхалию на восьмую тысячу лет, (пасхалия на восемь тысяч лет составлена в Греции), священник Агафон приложил к ней слова «Просветителя» восьмое, девятое и десятое. Он имел в виду укоренившийся предрассудок, что пасхалия есть божественное произведение, означающее времена пасхи, и потому конец пасхалии указывает на кончину мира.

Поучений, направленных против ересей Башкина и Косого, в древнем проповедничестве не находим, хотя ереси эти возбуждали сильное сочувствие во многих сословиях. Так напр. учение Косого, по словам Зиновия, «было многими приемлемо, любимо, похваляемо и познаваемо яко истинное; и не бысть прежде такового учения, якоже новое являшеся». Источником обличения изложенных ересей служил «Просветитель» Иосифа Волоколамского. «Просветитель» состоит из шестнадцати слов, написанных в обличение жидовской ереси; но им обличали и других еретиков. Так, на соборе 1554 г. «Просветителем»

обличали Башкина; царь весьма хвалил книгу, а собор назвал ее светилом православия. Косой запрещал читать «Просветителя», потому что видел в ней обличение своей ереси. В обличение заблуждений еретиков в первом слове «Просветителя» изложено учение о Троице, во втором о Мессии, в третьем о законе Моисея, в четвертом о воплощении Сына Божия, в пятом, шестом и седьмом о почитании икон, в восьмом и девятом о втором пришествии и неизвестности его. Это, можно сказать, первый опыт богословия на русском языке. Подобные сочинения написаны Зиновием (отенским) в обличение ереси Косого: «Истины показание» в 56-ти беседах и «Многословное послание». При составлении этих сочинений Зиновий пользовался Просветителем.

При всей скудости проповедничества, направленного против изложенных ересей, они не имели особенного успеха и вскоре исчезли. Ереси подавлены были гражданской властью, при содействии духовных лиц, особенно Иосифа Волоколамского и арх. Геннадия. Ересь жидовская осуждена собором 1503 г., еретики заточены, а главные сожжены. Ересь Башкина осуждена собором 1554 г.; еретики разосланы по монастырям. Тем же собором осуждена и ересь Косого. Изложенные полемические сочинения разъясняли сущность догматов и заблуждений в вере; они служили источником догматической проповеди и вводили в сознание народа веру, исповедуемую доселе слепо.

е) Развитие и обличение католицизма в России

В характере католического учения, распространяемого в древней Руси, и способе обличения его проповедниками различают два периода. С X до XV века обличаются религиозные заблуждения католиков пастырями, большей частью присылаемыми из Греции. Обличения эти обыкновенно излагаются в форме посланий к частным лицам и отличаются подражательностью, компилятивным характером. Обличительные послания не имеют прямого отношения к русской жизни и составляют плод ненависти греков к латинянам, порожденной разделением Церквей. По форме своей они по выдерживают характера церковных поучений. При всем том необходимо изложить содержание обличительных посланий, так как под влиянием их образовался взгляд русского народа на латинян и иноверцев, имевший влияние на его судьбу; к тому же, содержание посланий послужило основой обличительного проповедничества на латинян. С XV до XVIII века обличаются заблуждения католиков, проникавшие в жизнь русских.

Обличение католицизма с X до XV века

Митрополиты, присылаемые к нам из Греции, приносили, с религиозными убеждениями, и религиозные антипатии. Вместо того, чтобы исправлять недостатки русского народа, они занимались религиозными спорами, волновавшими восток и запад в IX–XI веке. Митрополиты, присылаемые из Греции, а за ними и русские пастыри, пользовались случаями нападать на латинян, вычисляли их заблуждения, даже и небывалые, и предостерегали народ от католицизма, «веры проклятой и отреченной св. отцами». Религиозная нетерпимость и мелочность в обличении католицизма почти невероятны и необъяснимы! Не имели ли на них влияния войны с поляками и бесчеловечное поведение католиков? При этом допустим, что папы обнаруживали попытки подчинить своей власти Россию и наконец создали унию, как бы оправдавшую подозрительность и ригоризм русских пастырей. Как бы то ни было, только под влиянием обличений католицизма образовалась непримиримая ненависть русских к западным народам, произведшая застой государства и зарождение раскола. При изучении полемической литературы, направленной против латинян, необходимо коснуться главного источника ее, для уразумения подражательного характера ее. Самобытного в обличительных посланиях киевских митрополитов очень мало. Они были проводниками византийских мнений о католицизме, пользовались готовыми сочинениями, переводили и переделывали их. Главным пособием нашим полемистам в обличении католиков служили труды патр. Фотия и Михаила Керуллария.

С IX до половины XI века (окончательного разделения Церквей) главным обличением латинян в византийской литературе служило окружное послание патр. Фотия, вместе с другими его полемическими сочинениями. Патриархи константинопольские обыкновенно рассылали по церквам его окружное послание. Относительно полемических сочинений Фотия необходимо заметить, что в них отличается существенное

от несущественного, догмат от обряда. Так, в послании к папе Николаю Фотий писал: «есть постановления общие, которые все обязаны хранить, и постановления частные... Так, одним позволено брить бороду, другим – запрещено». При таком взгляде на дело, он в своих полемических сочинениях дает значение вопросам догматическим, а нарушение обрядности не считает делом слишком важным. В полемических сочинениях византийской литературы XI века видим иной характер. В различных трактатах, посланиях и сказаниях заметно смешение существенного с несущественным, догматов с обрядами. Таково послание патр. М. Керуллария к антиохийскому патр. Петру, имевшее особенную известность в Греции, в XI веке. Им-то преимущественно пользовались русские полемисты в борьбе с латинянами. Митрополиты из греков руководствовались подлинником, а русские проповедники – славянским переводом, с дополнениями и изменениями. Они также пользовались сочинением Керуллария: «о фрязах и прочих латинянах», делая в нем опущения и вставки.

Обличение латинян началось в России со времен св. Владимира. Греческий миссионер указал Владимиру на одно заблуждение их, – употребление опресноков в причащении. Через два года (в 988 г.) св. Владимиру изложили несколько подобных обвинений; попираие креста, безбрачие духовенства, индульгенции, признание земли матерью, не почитание икон (вероятно, некоторыми)³⁴². Первое обличительное послание латинянам написано митр. Леонтием, по-гречески; формой и содержанием своим оно сходно с византийскими полемическими сочинениями XI века. Послание озаглавлено: об «опресноках», между тем толкует и о других заблуждениях: посте в субботу, совершении литургии во все дни Великого поста, безбрачии священства, употреблении удавленины, искажении догмата о Св. Духе³⁴³. Три главные из указанных обвинений имеют основанием своим сочинения Фотия. Впрочем, в одном из посланий Фотия упоминается употребление удавленины, хотя и не ставится в вину латинянам (Введение опресноков у латинян полагают с 860 года). Частный повод к написанию этого послания неизвестен.

Подобное обличение написал митр. Георгий, под заглавием: «Стязание с латиною». В нем митрополит насчитывает уже 27 заблуждений, между прочим: изображение икон на помостах, хождение епископов на войну, ношение ими перстней, незаконное сожительство священства, разрешение инокам мяса, сала и под. Чтобы судить об оригинальности этой полемики, рассмотрим последний обвинительный пункт. Устраняя нареkanie латинян на иноков, употребляющих яйца и молоко, проповедник укоряет их за употребление сала. «Яйца раздаются от чистых птиц, и потому чисты, молоко – от чистых четвероногих, и тоже чисто. А ваше тучное сало от мяса. Если этому не веришь, латинянин, то вложим яйца в один горшок, а сало в другой, и станем варить их. Вода от яиц бывает чиста, как и невареная; посмотрим же вашу уху; чья заправка толще (жирнее)»? ... При таком характере обвинений число их могло возрасти до более почтенных цифр, а вместе с ними росло раздражение. Поводом к написанию «Стязания» могла служить попытка Григория VII обратить Изяслава в католичество³⁴⁴.

Со «Стязанием» Георгия сходно послание к Изяславу о вере латинской Феодосия Печерского; оно имеет и некоторую долю самобытности. В послании исчисляются и новые заблуждения; латиняне не помазывают крещаемых, но кладут им в уста соль; кладут мертвых головою на восток; едят конину, бобровину и медвежину. Некоторые из обвинений не совсем верны. Затем проповедник внушает князю всеми мерами остерегаться латинян, потому что в их вере нет спасения. Не велит вступать с ними ни в какие отношения, даже не есть вместе, «Просящим Бога ради ясти и пити, дати им, в их сосудех; аще ли не будет судна, в своем дати, потом измывше, дати молитву»; ибо они «всех язык поганейши и злейши»³⁴⁵! Подобную предосторожность внушает митр. Никифор Ярославу. Это послание сохранилось в многочисленных списках, и, следовательно, имело большое влияние на умы, на развитие нетерпимости к латинству и вообще к чужим верам.

Митр. Никифор написал три послания в обличение латинян. Первое послание писал Владимиру Мономаху, в котором исчислил 20 заблуждений, и подражал сочинению митр.

Георгия, заимствуя у него мысли и выражения³⁴⁶. Второе послание писал вероятно князю волынскому, во владениях которого жили латиняне, с целью предохранить пасомых от латинства. В этом послании исчисляет новые вины, напр. «латиняне говорят, что должно хвалить Бога на трех языках: еврейском, греческом и римском»³⁴⁷. Третье послание писал князю муромскому, в том же духе, как и князю волынскому; в послании между прочим замечено: «латиняне не поют аллилуия от среды первой недели до пасхи»³⁴⁸.

Адрес поименованных посланий к князьям дает разуместь, что были серьезные побуждения к обличению латинян, независимо от страсти к полемике. Повод к обличениям давали паны, которые через князей старались подчинить себе Россию. Так, папа убеждал Владимира принять католическую веру. Папы обращались с вопросом о соединении церквей к Изяславу, Мономаху и другим. Особенно замечательно в этом отношении послание Иннокентия III к русским пастырям, клиру и народу. По случаю взятия крестоносцами Константинополя он писал: «хотя вы доселе были удалены от сосцов вашей матери, как чуждые дети, но мы не можем подавить в себе отеческих чувств и не заботиться, чтобы сделать вас, как членов, сообразными вашей главе... О, если бы вы обратились на истинный путь и покорились учительству того, кого Спаситель поставил главою всей Церкви!.. Теперь греческая империя и Церковь почти вся покорились апостольскому седалищу и униженно принимает его повеления; ужели не будет несообразным, если часть (Россия) не станет сообразоваться с своим целым»³⁴⁹?

Обличение католицизма с XV до XVIII века

В XIII–XIV веке папы с особенной энергией пытались подчинить себе русскую Церковь. Это отчасти можно усматривать и из приведенного нами послания Иннокентия III, писанного в 1207 году. По попытки пап, благодаря давним предостережениям русских пастырей, остались бесплодными. Католицизм стал проникать в жизнь русских уже в XV веке, вследствие политических сношений с западом. В северной Руси проводниками католицизма были литовцы и ливонцы, находившиеся в торговых связях с Новгородом и Псковом. Они научили псковитян крестить детей чрез обливание, нарушать посты, признавать истинными католические догматы о Св. Духе, причащении и т. под. Заблуждения католические обнаружались и в Новгороде, в неправильном крещении детей и т. под. В Юго–западной Руси, подчиненной Польше, проводниками католицизма были иезуиты. 1595 года они ввели унию, как переходную ступень к католицизму. Уния возвещала главенство папы и оставляла неприкосновенною церковную обрядность.

Несмотря на усиление папской пропаганды в XIII–XIV веке, мы почти не находим в проповедничестве того времени обличений католицизма. Только в слове Цамблака на великий четверток встречаем обличение обычая – употреблять опресноки³⁵⁰. С XV века усиливаются обличения католицизма, проникавшего в жизнь русских. Источником обличений служили приведенные нами послания, а главною темою – исхождение Св. Духа и опресноки. Учение о Св. Духе разбирал Иосиф Волоколамский³⁵¹; он привел пророчества о Св. Духе и Его свойствах и опроверг мнения католиков об этом предмете. Митр. Фотий предостерегал псковитян посланиями от заблуждений католиков. В послании к народу он внушает остерегаться людей, пренебрегающих предания и правила св. отцов, и покровительствовать гонимым за веру³⁵². В послании к духовенству и народу внушает не крестить детей чрез обливание, не употреблять латинского мира. Предписывает всем подвизаться в добродетелях, ходить в церковь, проводить

посты в покаянии, исповеди и слезах³⁵³. В послании, вызванном недоумением псковитян: можно ли употреблять заграничные припасы? – предписывает освятить их молитвою, и дает наставления о посте и причастии³⁵⁴. Эту многовековую, отвлеченную полемику о некоторых догматических и обрядовых разностях повторил и завершил Максим Грек, обличая Немчина, развивавшего в России католицизм и астрологию. Он написал обличительное слово и три послания к Немчину, два послания к боярину Карпову, и похвальное слово ап. Петру и Павлу.

В обличительном слове Максим доказывает невозможность единения латинян с православными, по причине учения их о Св. Духе, опресноках и чистилище. В первом послании к Немчину опровергает учение католиков об походе Св. Духа. Во втором – обличает четыре заблуждения католиков: о Св. Духе, опресноках, посте в субботу и безбрачии священства. В третьем – убеждает не перетолковывать текстов писания о Св. Духе и не ссылаться в этом на блаж. Августина. В одном послании к Карпову опровергает доказательства Немчина об походе Св. Духа; в другом доказывает, что в учении св. веры нельзя ничего изменять. В похвальном слове ап. Петру и Павлу обличает три большие ереси: об походе Св. Духа, об опресноках и о чистилище³⁵⁵. Наконец, в увещательном слове патр. Иоакима «о звону» осужден и хороший обычай – поклонение св. тайнам. «Яко к словесем Христовым и к совершению тайны св. звонят, тогда начаша людие усерднейше покланятися, кто где-либо был: в церкви, в дому, в пути, на рукоделии, на торжищи, мняще покланятися телу Христову»³⁵⁶.

Обличение унии

Полемика с католицизмом в Северной Руси, как видим, шла очень медленно, однообразно и с перерывами; явный знак, что она вызвана не столько жизнью и необходимостью, сколько теорией и склонностью к спорам. Самый адрес обличительных слов и посланий к князьям и боярам показывает, что ими занимались более просвещенные люди, нежели простой народ. Не то было в Южной России, где искусство иезуитов вводило унию, как переходную ступень к католицизму, и где половина сорокамиллионного населения, в течение 40 лет, отпала от православия. Опасность, грозившая православию, пробудила народные силы, образовала общины и братства, которые выставили проповедников в соборах и монастырях, обличителей унии и католицизма. Здесь образовались полемисты *ex officio*, которые дорожили своим званием, подписывались на бумагах проповедниками, и наперерыв были приглашаемы городами для обличения унии. В истории унии упоминаются многие проповедники, которых произведения до нас не дошли; таковы напр. Карабникевич, Гавалевич, Земка, Монастырский и другие³⁵⁷, упоминаются и такие проповедники, которых самые имена забыты. Замечательнейшим проповедником, обличителем унии признан Стефан Зизаний; он запечатлел свою проповедь исповедничеством. Самые враги дали о нем весьма лестный отзыв: «доколе будут существовать такие проповедники, каков Зизаний, уния не может существовать». Здесь мы с честью должны упомянуть о двух проповедниках, обличителях раскола и протестантизма, Димитрии Ростовском и Стефане Яворском, образовавшихся в школе южных братств. Достаточное количество поучений, направленных против унии и католицизма, сохранилось в проповеднических сборниках XVII века: «Мече духовном» и других. В «учительном евангелии» Транквиллиона нередко защищаются догматы, искажаемые еретиками, напр. догмат об исхождении Св. Духа, о причащении и т. под. Независимо от поучений, проповедники писали трактаты в обличение унии и

католицизма, которые служили источником полемического проповедничества, имели большое приложение к церковной практике. Обзор этих трактатов изложен в «Русском проповедничестве». Замечательный из них «Ответ на фундаменты веры» католикам, Голятовского; к этому же роду сочинений надобно отнести «Остен» патр. Иоакима, состоящий из 25 обличений католицизма.

ж) Распространение на Руси протестантизма и обличение его

Протестантизм распространяли в России немцы, которые со времени Иоанна III поступали в русскую службу и жили в Москве, в особой слободе. По окончании ливонской войны многие немцы были поселены в русских городах. При Феодоре немецкая слобода увеличилась, а в Нижнем явилось евангелическое общество. Наплыв немцев усилился при Годунове. Споры, волновавшие Европу в XV – XVI веке, неудержимо проникали в Россию. В XV веке не только миряне, но и монахи спорили о догматах и не хотели верить в благодать. Протестантизм особенно усилился с преобразованием России. Нередко занимая важные места на службе, протестанты держали себя высокомерно, с презрением и насмешкой относились к старине русской, предрассудкам и самой вере. Правительство строго воспрещало иноземцам проводить свое учение в России, но не могло остановить его. Пастор Фома утоплен 1563 года, за распространение в Полоцке протестантских идей. Сам Грозный увлекался религиозными спорами. Пастору Роките он сказал: «ваш учитель Лютер был лют». В споре с лифляндским пастором царь ударил его по голове, сказав: «иди к бесу с своим Лютером». По свидетельству Маржерета «во время между-царствия многие русские усвоили себе лютеранские убеждения, и явно смеялись над православными обрядами и постами»³⁵⁸.

Развитие протестантства вначале, до преобразования России, было слабо. Оно выражалось в общих чертах, как противодействие западного начала восточному и разума – вере; равным образом и обличение протестантства только что начиналось. Поэтому и обзор проповедничества, обличающего протестантство, должен быть отнесен ко II периоду. Поучений, направленных против возникшего протестантизма, сохранилось немного. Первым обличением в этом роде должно признать некоторые слова Максима Грека. Так, слово его «о поклонении св. иконам» равно может быть отнесено и к иудеям, и к

лютеранам. «Слово на хулящих Божью Матерь», в котором доказана необходимость почитать и святых, и церковные сосуды, составляет продолжение предыдущего слова, и тоже может быть направлено против лютеран. Явное обличение лютеранства, в общих чертах, как противодействия православию и обрядности, встречаем в слове патр. Адриана; причем, наравне с ересью, обличается и употребление табака. «Многие, говорит патриарх, обюроедели от табацких пипок и злоглагольств лютеранских, кальвинских и прочих еретиков. Совратясь со стезей отцов своих, говорят: для чего это так делается в Церкви? Человек это выдумал; нет в этом пользы! Едва лишь узнает имя, или словесный склад, и уже учит архиереев, священников, устрояет церковный чин, правит монастыри». Патриарх требовал, чтобы все учились по-старому, у духовных отцов. В поучении на день Алексия, написанном для патриарха, обличаются, в частности, недостатки современников, их свободомыслие и распущенность нрава. «Многие презирают не только узаконенные в году посты, но и великую Четыредесятницу. Муж и жены, юные и отроки, и люди священного чина всегда упиваются без сытости вином, табаком и всяким питием; снедают не только заповеданные снеди, но и друг друга – завистью и рвением. Обидят, неправосудствуют, грабят, убивают!.. Нынешних времен благородные, простые и юноши молодцы величаются пьянством, бесстыдно возвещая друг другу: я тогда-то был пьян, и похвалился без ума, и в праздники Господни проспал церковное торжество!»³⁵⁹. В том же вольномыслии и распущенности нравов обличают своих современников инок Евфимий и другие проповедники. Мы видели, как Афанасий холмогор. жаловался на вторжение в Россию протестантизма.

Обличая курение табака, как чужеземный обычай, проповедники преследовали курителей наравне с еретиками. В «увещании к разным сословиям» патр. Адриан просит всех «вразумлять преданных шкаредо-мерзкому и злосмрадному табакопийству, наказывать их томлениями, ранами и узами»³⁶⁰. И правительство, по настоянию духовенства, сильно преследовало невинные обычаи – курение табака и проч.

Иностранцы с ужасом рассказывают, как на площади били кнутом мужей и жен, резали им носы, за пристрастие к табаку. Жестокий век! Бесчеловечные правила и обычаи! Жалкие плоды суеверия и векового застоя мысли! Эти плоды достигли того крайнего развития и нравственного безобразия, по которым становились не мыслимы в человеческом обществе, исключали сами себя, и настал конец этой нравственной тьме, царству суеверия, невежества и страданий. Само общество, униженное вековым деспотизмом предрассудков и невежества, вступилось за свои права, волею и неволею отдалось реформе.

Отношение суеверия и ересей к расколу и обнаружение его

Умственные заблуждения в вере – суеверие и ереси предшествовали расколу и содействовали зарождению его. Суеверие и ереси, временные недостатки и недуги в религиозной жизни народа, зародили постоянный недуг, неисправимое зло – русский раскол. Они содействовали зарождению раскола развитием в религии и жизни двух противоположных начал или стремлений – консервативного и либерального. Суеверие развивало религиозный консерватизм, ереси – религиозный либерализм. Поэтому, как основные и первоначальные причины русского раскола, суеверие и ереси необходимо предшествовали его второстепенным и ближайшим причинам, о которых говорит история.

а) Развитие религиозного консерватизма

Из истории русского суеверия, сложного в существе своем, мы усмотрели его вредное влияние на жизнь народа, убеждения и нравы. Суеверие развивало в народе мистицизм, преобладание чувства и веры над разумом, и таким образом поддерживало в нем невежество, застой мысли и действий. Подавленный темною верою в бесчисленных богов и химерических существ, народ смешал религию с жизнью, догматы с обрядами, и руководился в своем бессилии предрассудками и заговорами. С веками предрассудки укреплялись, мысль тупела, жизнь сковывалась обрядностью. Неподвижность мысли и старообрядческий склад жизни предвещали впереди раскол старообрядчества. Появление раскола ускоряли ереси и начавшееся брожение умов, которые возбуждали отпор новшествам и преобразованиям. Отпор был тем сильнее, что все обычаи неразвитого общества освящались верою, и представителем старины было духовенство, руководящее сословие. Раскол старообрядчества, давно созревший в обществе и под влиянием исторических причин, не раз заявлявший себя, открылся формально в 1667 году. В практике иосифовской, в церковной и гражданской жизни того времени поборники старины видели золотой век, наступление совершенного застоя и неподвижности. Они не допускали перемен в установившейся жизни ни на одну йоту, начиная с обрядов и оканчивая крюковым пением, трудным и неприятным. Воспоминание об этом периоде доселе хранится у старообрядцев и единоверцев. Оно так сдавило их мысль, что доселе не дает им уразуметь превосходства современной проповеди пред отеческими поучениями. Закал старообрядчества, созданный вековым суеверием и невежеством, смело столкнулся с наступавшей реформой. Патр. Иоаким в своем завещании умолял правительство «не сближаться с иноземцами, разорить их кирки, не вводить новых обычаев в жизни и одежде». Патр. Адриан жаловался, что «многие совратились со стезей отцов своих», и требовал, чтобы

«все учились по-старому у духовных отцов», несостоятельность которых была ясна. Как сильный представитель старины, он сталкивался по разным вопросам с преобразователем, и не видя ни в чем успеха, должен был убедиться в непригодности отстаиваемых им начал. До какой степени поборники старины, закоснелые в предрассудках, боялись всего нового, и чужого, видно из их отзывов о других верах и их обращения с иностранцами. Все чужие веры – латинскую, армянскую, жидовскую и прочие – русские называли проклятыми; к иностранцам они остерегались прикасаться. Даже русские цари, сравнительно развитые, по свидетельству иностранных писателей, вымывали свои руки после прикосновения к иноземным послам.

б) Развитие религиозного либерализма

В противоположность консерватизму, порожденному суеверием и невежеством, ереси развили свободомыслие, неуважение к авторитетам, либерализм в области веры. И замечательный закон: начало свободомыслия совпадает с высшею религиозностью Руси, с полным господством веры над умами. XV век, ознаменованный покаянием, подвигами благочестия и обилием святых, знаменит и развитием ересей. Это показывает, что к религии и ее влиянию присмотрелись, перестали относиться бессознательно. И умы смелые, критически относящиеся к явлениям жизни, не могли мириться с церковными беспорядками. Недостатки священства и разные неурядицы в жизни дали им повод обвинять религию в бессилии. Раз возникшее брожение умов, подавляемое внешними мерами, неодолимо коренилось на подготовленной почве, изменяясь в форме и названии. С ересью стригольников многими пунктами сроднилась ересь жидовская, а с нею – ересь Башкина и Косого; и кроме того, каждая ересь вносила новые обличения вере и даже отрицание ее. Это своемыслие и критицизм, вносимые в область веры либералами, возбуждали стойкость за веру в людях противного направления, приверженность к обрядам и буквам, и таким образом подготовляли раскол старообрядчества. К несчастью, после подавления самой опасной ереси – жидовской, в жизнь русских стали вторгаться католицизм с унией и протестантизм. Католицизм и протестантизм еще более усилили религиозную подозрительность русских, приверженность к азам, и заставили их ревниво оберегаться от всяких новшеств. До какой степени католицизм, вместе с унией, развил религиозную подозрительность русских, видно из того, что они клеймили всякую новость, отступление от обряда религиозного и житейского латинскою ересью. Так, когда в евфросиновом монастыре стали двоить аллилуия: то псковитяне и новгородцы смутились, видя в этом латинство. Спор об аллилуии отразился в житии Евфросина; троение аллилуии здесь названо

латинством. Все обрядовые исправления патр. Никона признаны латинскою ересью и породили опасение, что православные, чрез, киевских справщиков, породнились с униатами. Москвичи еще более подозрительно смотрели на киевских ученых и их сочинения, боясь латинства. Об «Обеде душевном» патриарх выразился: «этот обед исполнен бед», а «Манну» называл «обманной». Ввоз литовских книг в Россию был запрещен; «Евангелие» Транквиллиона, как сочинение латинянина, сожжено. Наконец брандобрение, перенятое от латинян (при Годунове), названо латинскою ересью. Протестантизм невидимому менее католицизма возбуждал религиозную подозрительность русских и влиял на появление раскола. Он не оскорблял русский нации насилиями и происками и, за исключением шведской войны, почти не оставил в древней русской истории худых воспоминаний. Но, в сущности, протестантизм влиял вреднее католицизма характером своего учения. Католицизм проникнут враждою к русским и к Византии. Искжая догматы и обряды православия, он оскорблял русскую народность, выражающую православие. Протестантизм увлекал независимостью и прогрессивностью своих начал. Он давал перевес разуму и свободе над авторитетом веры и заслонял область богословия вопросами науки, промышленности и социализма. Эти обольстительные начала провозглашались высокомерно, с тоном пренебрежения к русскому варварству. Трудно было устоять «московскому плюгавству», как выражались прогрессисты, против блеска веры, тождественной цивилизации, и гармонизировавшей с русскими ересями. Протестантизм нравился и тем, что он враждовал с католицизмом. Правительство выражало терпимость протестантизму, позволяя строить кирпичи, тогда как воспрещало постройку костелов. Есть сведения, что русские, доселе преданные православию, толпами обращались в протестантство. Князь Голицын в переговорах с поляками сказал: «русским никак нельзя служить вместе с королевскими людьми, ради прелести прослужат год, и половина из них уйдет к королю». И надо заметить, что с легкой руки протестантства, со времени реформы, в России пошла мода на религиозные

направления. Под влиянием цивилизации у нас чередовались: материализм, волтеррианство, масонство, мартинизм, социализм, нигилизм и т. д. Эта обольстительность протестантства и цивилизации внушала поборникам старины особенные опасения против новшеств. На языке их люторская и кальвинская вера были знаменем антихриста. Мы видели, как проповедники жаловались на либерализм и распушенность нравов, порожденные протестантством. «На что это в церкви? Человек это выдумал, нет в этом пользы!» говорил патриарх в проповеди.

Под условием основных причин раскола имеют значение и дальнейшие причины его – исправление церковных обрядов и книг; но сами по себе эти причины не могут дать столь важных следствий. В обществе, чуждом предрассудков, невозбужденном религиозными антипатиями, настоятельные реформы всегда вызовут сочувствие. Так, из временных заблуждений в вере – суеверия и ересей, как следствие из причин, явилось постоянное зло в русской Церкви, неисправимый недуг – раскол старообрядчества. Важное зло, следствие важных исторических причин и неустойчивости государства. Правительство и общество обвиняют духовенство в религиозных нестроениях народа, суеверии, еreseх и расколе. Так, Стоглавый собор и комиссия о преобразовании духовных училищ приписали распушенность народа и отпадение миллионов людей в раскол беспечности духовенства, его недейтельности к неспособности к живой проповеди. Мы не решаем здесь подобных вопросов, равно не излагаем проповедей, направленных против раскола, так как обличения этого рода относятся ко II периоду русского проповедничества. Заметим только, что обличения раскола, при появлении его, были очень скудны, по причинам уже известным.

Заключение

Мы видели господствующее направление греко-русского проповедничества – нравственно-аскетическое. Направление это имело своею целью мир духовный и подвижничество, как средство к достижению неба. Поэтому направлению уже легко заключать о слабом развитии практицизма в греко-русском проповедничестве. Стремления аскетические подавляют суетность житейскую, и трудно согласуются с заботами о преходящем благе. Практический отдел древнего проповедничества вполне подтверждает это заключение. И всего более это видно из рассмотренной нами главы, в которой изложены умственные заблуждения народа относительно веры. Проповедей, обличающих умственные заблуждения, написано весьма мало. Да и в этих проповедях господствует нравственно-аскетический элемент; практические мысли о суеверии и ересь по большей части излагаются кратко, отрывочно, в виде сторонних замечаний и вставок. Подобное изложение практических мыслей мы встретим и в следующей главе, имеющей предметом своим нравственные недостатки народа. Этим аскетическим настроением древнего проповедничества и скудостью его практического элемента объясняется успех суеверия и ересей, в 700 летний период. Найдя удобную почву в невежестве народа, и мало преследуемые проповедью, заблуждения всякого рода укоренились на Руси и породили неисправимое зло в Церкви и государстве – раскол. При другом, более практичном направлении проповеди, эти заблуждения легко могли быть исправлены в столь продолжительное время. Замечательная скудость проповедей, обличающих умственные заблуждения в вере, предвещает важные недостатки и в нравственной жизни народа. Зрелость и правильность убеждений народа и человека всегда ручается за его нравственность, безупречность поведения. Без христианского просвещения и должной оценки суеверных преданий, мог ли народ православный удержаться от языческих обычаев и пороков? Его православие, основанное на

бессознательной вере и безотчетном чувстве, не спасало его от нравственных противоречий. Аскетическое благочестие, неосмысленное знанием, легко подавлялось страстями, увлечением минуты, и уживалось с безобразными пороками. Доказательства на лицо. В следующей главе, изображающей нравственные недостатки народа, мы встретим всевозможные пороки и преступления, во всем их развитии. Увидим, что проповедники не щадили благочестивого народа, и в 700-летний период обличали его не только в общечеловеческих пороках, но и таких, о которых, по замечанию апостола, неприлично упоминать, крайне непристойных христианам. Проповедники особенно часто обличают народ в пьянстве, сделавшемся национальным русским пороком.

Нечего говорить о том, что при скудном обличении умственных заблуждений в вере, не выяснено влияние, их на жизнь. Проповедники-самоучки не имели средств подняться до той высоты взгляда, чтобы судить о влиянии суеверия и ересей на жизнь общественную и частную, и предотвратить их неисчислимы следствия. Подобная заслуга Церкви и государству не по их силам. Поэтому, великие общественные и частные бедствия, порожденные суеверием, приведшие государство к застою и крутой реформе, оставлены проповедниками без внимания. Малейшее предостережение относительно следствий суеверия могло бы смягчить общественные бедствия, сократить жертвы, умалить страдания. Равным образом оставлены без внимания в проповедях и следствия ересей, их влияние на жизнь общественную и частную. Ереси не имели столь продолжительного давления на благо народное, как суеверие; но вред их глубже и следствия – отдаленнее. Ереси отстаивали права человечества, заслоненные правами божескими, во имя вечных благ, и разоблачили церковные неурядицы, прикрытые авторитетом веры. Таким образом они произвели большой соблазн в религиозной жизни народа, охладили веру и благочестие и отторгли многих от православия. Кроме нравственного вреда, ереси произвели и политические замешательства, о которых повествует история. Множество людей, в том числе государственных деятелей,

подверглось казням за увлечение вольнодумством. Особенно тяжким наказанием подверглись покровители жидовской ереси. Некоторые из них были сожжены, другие изувечены, заточены и т. д. Все эти бедствия могли быть предотвращены и смягчены благодетельным внушением и предостережением проповедников. Признавая заслугу нравственно-аскетического проповедничества, допустим, что оно укоренило веру и сделало много для целей горних, приготовления народа к небу, к царству Христову. Это влияние проповеди и веры оказывалось благодетельным и для царства земного, особенно в критические минуты, во времена общественных бед. В это время одна вера одушевляла народ к подвигам самоотвержения и спасала его от гибели. Мы видели, как во время разложения государства вера пробудила в народе патриотизм и скрепила ослабевшие общественные связи. Но пренебрегши земные нужды и общественные вопросы, проповедь не дала благочестию народа твердой опоры, допустила в нем смешение разнохарактерных стремлений, аскетических подвигов и языческих пороков. Таким образом, она ослабила свое доброе влияние на жизнь и нравы народа. Знаменательный урок для наших проповедников, ревнителей богословских отвлеченностей, «византийского догматизма, по выражению прогрессистов, и латинской схоластики». Ревнуя о букве догмата и форме логической, они не примечают бесчисленных заблуждений жизни, и дают возможность разрастаться на русской почве странным, чтобы не сказать, бестолковым сектам и безобразным порокам. Оцеживают комаров и глотают верблюдов, благодаря руководству школы, преследующей теории и не знающей жизни³⁶¹.

Глава вторая. Обличение нравственных недостатков народа

Глава, содержащая обличение нравственных недостатков народа, имеет особенную важность. В ней сосредоточен весь интерес древнего проповедничества вообще, и в частности практического. Доселе шла речь о суеверии и ересях, явлениях умственно-религиозной жизни, отвлеченных по характеру и едва доступных разумению древних проповедников. Эти абстрактные предметы, как бледные образы, тогда только расцветали жизнью, когда становились конкретными явлениями, выражались в фактах, обрядах, жертвах и праздничном разгуле народа. Теперь пред нами настоящая жизнь, со всеми ее достоинствами и недостатками, страстями и пороками, облеченная в плоть и кровь. Кроме жизненности и занимательности содержания, эта глава дает существенные уроки историкам и проповедникам. Она выясняет гомилетический закон, по которому нравственность народа стоит в тесной связи с практической проповедью, особенно – обличением пороков. Процветание нравственно-обличительной проповеди обуславливает улучшение нравов, упадок ее – упадок нравственной жизни. Ни из каких теорий историки и проповедники не вынесут столь ясных понятий о важности практической проповеди, как из рассмотрения нравственно-обличительных поучений и их влияния на жизнь. Исследователя древнего проповедничества эта глава одушевляет и вознаграждает за пройденные труды, теоретические исследования. Очутившись в сфере жизненных предметов, возбуждающих чувства, он теряет спокойный тон повествователя, проникается ораторским пафосом, вдается в описание и объяснения, и наслаждается своим предметом. Сами проповедники – самоучки сознавали важность нравственных обличений и в области этих истин показали значительную плодovitость мысли, и развязность слова. Нравственно-обличительное проповедничество преобладает над прочими родами древней практической проповеди. В этой

области проповедничества самоучки – витии чувствовали себя довольно сильными знатоками дела, проникались патетизмом и даже творчеством. Здесь они менее спутаны рабскою подражательностью греческой проповеди, нежели в других родах проповедничества. Им помогала доступность нравственных истин, пройденных опытно, в подвигах благочестия, и наглядность пороков, обыденных явлений жизни. Они говорили с сердцем о недостатках народа, противоречивших аскетическому идеалу. Их одушевление и своеобразность мысли достигают высокой степени в некоторых поучениях, изображающих гибельные пороки: пьянство, леность, скупость и т. под. В этих поучениях самобытность проповедников сказывается метким словом: сатирой, шуткой, поговорками, обрисовывающими печальные следствия порока. Нет в них принужденности, пестроты, текстов, прерывающих мысль и весьма часто приводимых некстати. Нравственно-обличительное слово достигает высшего одушевления в устах прозорливцев, обличающих пороки мирян, семейный деспотизм, корыстолюбие и скупость. В этих немногих поучениях, проникнутых русскою мыслью и словом, как в зеркале отражаются недостатки древней Руси³⁶². Один недостаток, свойственный всей древней литературе, мешает полному одушевлению и убедительности нравственно-обличительных поучений. Это – вообще нескладное изложение мыслей и запутанность выражений. Нескладное изложение мыслей часто переходит в неряшество и растрепанность, неприличные кафедре. Мысли сталкиваются на бумаге как попало, без плана и единства; неправильная речь и туманный слог еще более затемняют дело. Обличения пороков большею частью вставляются в аскетические наставления и размышления, отрывками, и весьма часто некстати. Язык церковно-славянский, составляющий смесь разных древних наречий, необработанный научно, часто поражает своею грубостью и отбивает охоту к чтению³⁶³. Сказанные недостатки нравственно-обличительной проповеди всего более заметны в одушевленных словах, потому что разрывают и разбрасывают впечатление предмета, затемняют его, и мешают силе убеждения. Но

особенно много вредит впечатлению и убедительности предмета ригористический тон некоторых проповедей. Проповедники-моралисты мрачно смотрят на жизнь, видят в ней одно зло и растление, беспощадно порицают радости жизни, как бесовское обольщение, и сурово казнят мороки. Они не видят в людях ничего доброго и благородного, не примечают нравственной борьбы и усовершенствованности, не хвалят за подвиги, и едва допускают возможность спасения в мире. Во всем древнем проповедничестве встречаются два, или, собственно, один случай одобрения слушателей. Серапион однажды похвалил – было своих слушателей, за их старание исправиться; но тотчас же стал обличать их. Митр. Цамблак хвалил своих слушателей за внимание к его наставлениям и охотное исполнение их. Этот суровый взгляд моралистов на жизнь зависел от односторонности и неразвитости их, – незнания другого идеала жизни, кроме монашеского. Он-то, как увидим, вызвал другую крайность, отрицание аскетизма, как начала враждебного жизни. Этот недостаток мысли, обличающий раболепное подражание греческим проповедям, свидетельствует об односторонности нравственно-обличительных поучений, по которой они не выражают сполна нравов эпохи, и нередко преувеличивают пороки и недостатки людей.

Виды нравственно-обличительных поучений и эпохи в развитии нравственных недостатков народа

Нравственно-обличительные поучения имеют предметом своим страсти и пороки народа, как общие всему человечеству, так и особенно национальные, свойственные древней Руси. В характеристике русского народа мы ознакомились с нравственными недостатками его. Недостатки эти: чувственность, свойственная дикарям, эгоизм и своекорыстие, проявлявшиеся и частнейших пороках, изложенных нами выше. Сообразно с такими недостатками и нравственно-обличительные поучения распадаются на три главные вида: а) обличение чувственных пороков: пьянства, разврата и вообще пресыщения; б) Обличение эгоизма и своеволия, выразившегося в буйстве, забиячестве, сквернословии, семейном деспотизме; в) Обличение корыстолюбия, выразившегося в обманах, взяточничестве, насилии, попрошайстве и скупости; г) Наконец, к нравственно-обличительному проповедничеству должно отнести обличение частнейших пороков и недостатков жизни: ропота на Промысл, увлечения монашеством, лени, неблагодарности, клеветы, недостатка обходительности и т. под.

Эпохи или грани, обозначающие развитие означенных пороков, слабо намечены и определены историческими фактами. При замкнутости и однообразии древней жизни, волнуемой гражданскими неустройствами и возбужденной аскетизмом, трудно подмечать нравственные кризисы, быстрые переходы к добру и усовершенствованию, которыми знаменуется цивилизованная жизнь. Главные народные страсти и пороки, как следствие одинаковых исторических причин, остаются господствующими во весь древний период. Так, пьянство обличается во весь первый период; и, хотя, вследствие неустройств жизни, оно усилилось в XV–XVI веке, но обличения того времени слабее, так как и самая проповедь тогда ослабела. Чувственность, особенно разврат, заметно усилился в XVI веке (времени темного невежества), особенно общения и

сближения русских с татарами. И, не смотря на ослабление устной проповеди, обличения разврата, как нетерпимого беззакония, усиливаются в XVI веке. Буйство, которое отчасти мы следили в рассказе о языческих обрядах, забиячество, сквернословие, семейный деспотизм, обличаются во весь период; эти грубые пороки преимущественно поддерживались войнами и усобицами князей. Обличение корыстолюбия, взяточничества, злоупотребления власти и насилия заметно усиливается к XIV веку, в период высшего ослабления общественных связей, под влиянием дружинного права, междоусобиц и монгольского деспотизма. Частнейшие общественные и семейные пороки обличаются во время зарождения и обнаружения их. Так, например, в XIV веке является обличение ропчущих на Промысл. Видно, многие, не вынося беспорядков, разрушения счастья и поругания достоинства человеческого, роптали на законы и управление мира. Около того же времени часто обличаются стремящиеся в монашество и связанные семейством. Время высшего общественного неурейства почти ровно совпадало с процветанием аскетизма – (XIV–XV век). И если одних это время ожесточало, то других приводило к покаянию и пренебрежению мира. Вообще, применительно к обстоятельствам, в разные времена обличаются: леность, неблагодарность, клевета, недостаток обходительности и проч. Наконец, есть общие поучения, содержащие всевозможные нравственные обличения и наставления, даже касательно поведения за обедом. Долг историка внимательно следить эти характеристические черты нравов, особенно в богатейшей области практического проповедничества, и выставлять их на вид. Тщательно подобранные черты нравов, в нравственно обличительном проповедничестве, подтвердить наш взгляд на аскетическую жизнь древней Руси, опутанную страстями и преступлениями.

**а) Обличение чувственных пороков: пьянства,
пресыщения и разврата**

аа) Обличение пьянства

Обличение пьянства большею частью излагается в связи с обличением других пороков, не только чувственных: пресыщения, разврата, но и духовных: лени, корыстолюбия, зависти, клеветы и проч. И в словах отвлеченного содержания нередко встречаются краткие заметки о пьянстве. Мы обращаем внимание на такие слова, в которых, с одной стороны, содержатся довольно значительные размышления о пьянстве, а с другой стороны – хронологические указания, проливающие свет на нравы эпохи. Вообще же из нравственно-обличительных поучений большая часть направлена против пьянства, и лучшие из них, написанные в чисто практическом тоне, дошли до нас в большом количестве списков. Это доказывает укорененность пьянства в древней Руси и огромную пользу обличительных поучений. Что касается характера обличений, свойства и достоинства доводов, направленных против пьянства: то они большею частью, отличаются односторонностью взгляда и однообразием содержания, как и все почти обличения древних проповедников. И хотя в изображении пьянства, сделавшегося национальным пороком, (по известным причинам) всего легче мог сказаться талант обличителей, но подражательность грекам и незнание положительных наук заставили их держаться общих, рутинных приемов. Большею частью проповедники осуждают пьянство с богословской точки зрения, порицают его наравне с

прочими грехами, грозят гневом Божиим, временами и вечными казнями. Редкие из них, более смысленные, касаются безобразия порока и вредных следствий его, по крайней мере очевидных – потери здоровья, состояния и чести; иные даже дозволяют пить вино в меру. Коротко сказать: хотя проповедники высказались довольно сильно в обличении пьянства, но и в этой богатой области проповеди, они более прибегали к известным доводам богословским, мало убеждающим, нежели к анализу порока и его следствий, могущему пробудить совесть и сознание грешника. Оттого, при всем богатстве обличений пьянства, оно не искоренилось в

течение 700 лет, а в XIV–XV веке, времени общественных нестроений, невежества и суеверия, еще более усилилось. По причине некоторой близости древних веков к нашему веку сила укорененного пьянства сказывается в народе доселе. В этом отделе обличительной проповеди встречается характерная черта предков, вполне выражающая их противоположные стремления, аскетические и чувственные. Например, начиная всякое дело молитвою, они освящали каждый стакан вина пением тропаря, чтобы побольше выпить и не подвергнуться за это осуждению. Впрочем, этот обычай существовал в глубокой древности, и кажется перешел к нам из Болгарии. Здесь же встречаем и другую черту, выражающую аскетический нрав предков. Вместе с питием они освящали и пищу молитвою, богомыслием и молчанием. По внушению аскетов-проповедников этот монастырский обычай глубоко укоренился в народе. Народ доселе смотрит на обед, как на священный обряд. В домах благочестивых людей, как и в монастырях, считается неприличным и греховным говорить за обедом, особенно громко и много. Вообще, на Руси принятие пищи, в начале и конце, сопровождается молитвою. Подобный взгляд относительно пищи выражен и в «Домострое», инструкции древней жизни русской. «Когда едят с благодарением, молчанием и духовною беседою, тогда невидимо предстоят ангелы, записывают добрые дела, пища и питье бывают в сладость». Кстати заметить, что гигиена предписывает обедающим иные условия: говорливость, смех и веселие, что и наблюдается в цивилизованных обществах; а в домах царей и вельмож для этой цели издавна употреблялись шуты, музыка и разные забавы. Серьезность, сосредоточенность мысли и заботы мешают питанию.

В нравственно-аскетическом проповедничестве есть много поучений с общими заглавиями: «о христианском житии», «как жить христианам?» «о постах», и проч. Эти поучения или прямо обличают пьянство, или косвенно трактуют о нем. Кроме того, в древнем проповедничестве находим много поучений, которые свидетельствуют об усердии проповедников, часто предлагавших наставления, между прочим, о пьянстве. Так, в

42 слове Изумруда, приписанном св. Афанасию, а в других списках Златоусту, сказано: «возлюбленные друзья и братия! Я всегда отдаю свой долг, часто учу, надеюсь усекнуть пьянство (пьянственное устремление)». В 67 слове Изумруда, приписанном Златоусту, сказано: «любимые! я часто предлагаю (творю) учение, надеясь возбранить пьянство». В 29 слове Златоустника, направленном против скупости и пьянства, сказано: «братие мои! я часто говорил вам», и проч.

Из поучений, преимущественно обличающих пьянство, кроме исчисленных нами, известны следующие: четыре слова, помещенные в Златой Цепи: слово о постах: Великом, Петрове и Филиппове (об Успенском еще не было слуху). Слово о посте, приписанное Василию Вел., обличает обычай пить тропари при употреблении вина. Слово св. отец о пьянстве. Слово о подвиге душевном и о пьянстве. В Изумруде: слово св. отец 13-е о пьянстве. – 149, послание некоего отца к духовному сыну, убеждает оставить пьянство в наступающий пост. Слова из сборников, рассмотренные в Православном Собеседнике³⁶⁴. – О неделе Иакова брата Господня (праздновании воскресения); в Златоустнике тоже слово составляют 82 и 83 слова. Слово о славе мира и о пьянстве, Златоуста. Поучение ко всем христианам, еже не упиватися. Слово св. Антиоха о пьянстве, сходное с предыдущим. Поучение о пьянстве, из Маргарита. Поучение св. отец о праздниках Господних (праздновании духовном). Слово I. Златоуста поучительно. Его же, подобное, о крепости и разуме. Слово I. Златоуста о не встающих на утреню. (1 часть о лени, 2 – о пьянстве). Все эти поучения принадлежат глубокой древности, и помещены в сборниках XIV–XVI века. В XVII веке напечатаны: слово о многопотопном пьянстве (иеромон.) Антония Подольского, и слово о пьяницах (архимандр.) Гаврила Домецкого. Кроме поименованных проповедников, о пьянстве писали: Феодосий Печерский, Серапион, Павел Высокий и другие. Все исчисленные нами слова отличаются сходством содержания, общими мыслями, и с разными дополнениями и изменениями повторяют друг друга. В них доказывается вред пьянства душевный и телесный, необходимость воздержания, поста, молитвы, покаяния,

строного или «острого» жития христианского. Вообще, как в содержании, так и в изложении, слова эти запечатлены подражательностью греческому проповедничеству; а слова позднейшие проникнуты византийскою напыщенностью и широковещательностью. Образцом византийской напыщенности служит приведенное нами слово «о многопотопном пьянстве», изложенное беспорядочно, на 22 страницах. В нем пьянство определяется 63-мя синонимами, в таком роде: «оно есть бесчинию стена, тщеславию крыло, гордости облак, дерзновению огонь, напастям источник» и т. д. Новое направление мыслей видим в приведенном слове «о пьяницах», Домецкого. В нем, кроме логического распределения частей и ясного изложения, находим жизненные черты и чисто практические доводы. «Размыслим еще, говорит проповедник, что вредит не только душе, но и телу причиняет великие болезни, как-то: подагры, и многие болезни ног, внутренние – бесчисленные головные, кашли, огневицы, падучие и сухотные, повреждение ума и проч. Известно, что от пьянства погибает людей более, нежели от меча!.. Кроме иных бед, от пьянства множество (людей) тонет, ломает (члены), и различными (родами) злой смерти исходит от сего века».

Чисто практическим содержанием отличается поучение Феодосия Печерского об умеренности за столом; оно изображает любопытные черты древних нравов. Это поучение содержится в разных сборниках, и в одном из них приписано св. Панкратию. В поучении, во-первых, предлагаются наставления, как должно вести себя за обедом. «Обедать надобно скромно, не говорить лишнего и пустого, чтобы не отогнать присутствующих ангелов. Во-вторых, за обедом не петь тропарей более трех, во славу Христа, Богородицы и государя». Затем, для вящего убеждения, проповедник выставляет на вид безобразие пьянства, взятое с примеров тогдашней жизни. «Кто много пьет, с тропарями, не в силах (будучи) идти, ползает на коленях. Иные валяются в калу, и блюя, чуть не издохнут. (Они) служат (для всех) посмешищем и поруганием»³⁶⁵. Лучшие практические слова о пьянстве относятся к XIV веку. Таково «слово старца о пьянстве». «Какую муку примем, живя во

льготе, лентясь к церкви, и пропивая вечерню, заутреню и час молитвы! Что делаешь, человече, скаречно живя, любя нравы язычников! Забавляешься питьем, ничего не делая, на пользу душе и телу. Пьянство многие хвалят: то не пьяница, коли ляжет спать; а то пьяница, когда толчется, бьет, ссорится. Я хочу указать, что и кроткий согрешает, хотя бы и лег спать, напившись. К чему его прировнять? Назову ли скотиной? но и того хуже! зверем? но и того неразумнее. Осквернившись много раз, смердит, валяется как болван и мертвец! Пусть же умолкнет говорящий: хоть упьюсь, – не сделаю лиха. Видишь, сколько ты делаешь лиха, пропивая праздники!»³⁶⁶.

Образцом практического слова, проникнутого самобытностью мысли и изображением древних нравов, служит слово Кирилла Философа о высокоумном хмеле и худоумных пьяницах. В слове Кирилла хмель олицетворен, на основании суеверного предания, что он сотворен бесом. Это прекрасное слово было списано бесчисленное множество раз и имело в древности огромный успех. Приводим его в сокращении. «Благослови отче!.. Так говорит хмель ко всякому человеку, священникам, монахам, диаконам, князьям, боярам, слугам боярским, купцам, богатым, убогим, нищим, монахиням, женам большим и меньшим, и всякой жене. – Не дружитесь вы со мною, и добро вам будет! Я силен в корне, велик и многоплоден в племени; мать моя Богом сотворена. Ноги у меня тонкие, утроба не объядливая; руки мои обдержат всю землю; голову имею высокомерную, умом неровен никому. А кто дружится со мною, держится меня, и напивается до пьяна, тому – беда! Я его доспею блудным, Богу не молебным, ночью бессонным. Когда встанет от сна, я положу ему на сердце стенанье, печаль, великую кручину и истязанье. С похмелья голова его болит, глаза не видят света, ничто доброе не идет ему на ум, не хочет есть, хочет пить. Выпив одну чашу, хочет другую и третью, потом выпивает много, и так напивается во все дни. Я раздую в нем телесные страсти, ввергну его в погибель. Сдружится со мною князь, я сделаю его несмысленным; будет он пить всю ночь, спать до полудня. Нет людям управы, бояре обирают, обижают вдовиц и сирот; а те плачут, да вздыхают на князя. Увидев

такого князя, люди разбегутся и лишат – княжения. Сдружится со мною священник, я доспею его не молебным, людям ненавистным, и лишен будет своего сана. Начнет дружиться со мною жена, какова бы ни была, я доспею ее блудну, немолбну, роду и племени ненавистну. Станет пить меня купец, – и начнет ходить в рубище. Станет пить меня слуга, доспею его князю нелюбезным и двора княжеского лишу³⁶⁷».

Неудовлетворительность изложенного проповедничества в приложении к жизни действительной

Проповедничество, обличающее пьянство, при своей относительной плодovitости, далеко не удовлетворяет требованиям жизни. Эта неудовлетворительность бросается в глаза в том отношении, что пьянство есть коренной порок народа, и подрывая его состояние, наносит существенный вред государству. И если, где, то преимущественно в этом отделе практическое проповедничество должно выдерживать свой характер, должно преимущественно исследовать причины и следствия порока, для ограничения общего зла. Между тем и проповедничество, обличающее пьянство, как мы видели, в известной степени страдает тем же недостатком, каким – и прочие отделы практической проповеди. По крайней мере, это должно сказать о большей части поучений, направленных против пьянства. Недостатки эти: наследованные от греческих проповедников, отвлеченность содержания, аскетизм, преобладание вероучения над жизнью, общих истин и известных положений над частными вопросами времени и обсуждением их. Последние истины, практические, излагаемые под руководством веры, более убедительны и надежны к исправлению пороков вообще и в частности пьянства; но за то они требуют развитости ума, вникания в предмет, знания дела, господства самостоятельной мысли над заучонным нравоучением. В пояснение данных положений можно взять современный быт народа, немногим отличный от древнего, и известную склонность к пьянству. Успешное назидание преданных пьянству будет состоять не столько в нравоучении и обличении, сколько в разумном взгляде на дело, в выяснении причин и следствий порока, и указании средств к исправлению его. В таком случае нет нужды воспрещать вино и веселие, вознаграждающие за труды и лишения; а тем более – обременять трудовую жизнь аскетическими правилами. Полезнее будет выяснить вредный обычай, освященный

суеверием, торжествовать всякое событие, выходящее из ряду, вином. Праздники, крестины, именины, свадьба, похороны, сходки и совещания, удачи и невзгоды жизни всегда сопровождаются пьянством. При чем, неразвитость народа, недостаток знания и самообладания делают его жертвою увлечений, расточительности, траты времени и сил, несостоятельности, влекущих за собою расстройство государства. Надобно указать народу средства к самовозвышению, развитию не только физических, но и духовных сил, к заведению обществ грамотности и т. под. Надобно руководить самые общества к практическим целям, так как они увлекаются фантазиями и расточают свои средства на отвлеченные филантропические цели. Дело всякого человека, а тем более священника, не полагаться на одно правительство, и помочь народу выбиться из-под гнета страстей, в видах общего блага. «Человек, говорят, крепок помощью». И если это не сделали древние проповедники, по недостатку знания: то опыт их да послужит уроком нынешним пастырям, более способным к облагорожению народных нравов и ослаблению пьянства.

бб) Обличение пресыщения (неумеренности в пище)

В характеристике народа мы читали строгий приговор истории о недостатках его, из коих главным признано пьянство. Вместе с тем, русские обвиняются и в другом пороке, сродном пьянству, – невоздержании в пище. «Впали мы в объядение, говорит Палицын, в великое пьянство, блуд, лихвы, неправды и всякие злые дела». «Не стану говорить о неумеренном употреблении пищи и напитков, о разврате и плутовстве (русских). Все это, подобно наводнению, разлилось в высших и низших сословиях». Это – слова Буссова. Можно бы и еще привести несколько подобных свидетельств. Не смотря на резкие обвинения русских в чувственности и пресыщении, мы почти не находим в древнем проповедничестве обличений этого недостатка. В русских проповедях изредка упоминается о неумеренности в пище, и то по поводу рассуждений о пьянстве. Это объясняется, с одной стороны, аскетическим направлением проповеди, развивающей подробно учение о посте; а с другой стороны – подражанием греческому проповедничеству, в котором почти не находим изображений пресыщения и его следствий. В греческом изъяснительном проповедничестве есть перифразы слов писания: «смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством» (Лк.21:34) ; или: «беззаконие Содомы, гордость в объядении хлебом и в изобилии вина» (Иез.16:47). Поэтому и в русском проповедничестве встречаются краткие заметки о невоздержании, в виде перифраза текстов, трактующих о пьянстве и пресыщении. Иногда же о пресыщении говорится в связи с другими пороками, напр. обманом и корыстолюбием, к которым оно располагает. Образец такого обличения находим в «слове св. отец, как жить христианам. Относительно питания и пищи апостол говорит: когда едите и пьете, все делайте в славу божию. И св. отцы не запретили нам пить и есть в законное время; они запретили объядение и пьянство. Да и то рассудите: когда человек что-нибудь подымает через силу, больно вредит себе. Подобно тому лишнее ядение и питье – телу немощь, а

душе пагуба. Воздерживайтесь раннего пития и ядения»³⁶⁸. Мысли этого слова встречаются в позднейших словах, обличающих пьянство, напр. в «поучении ко всем христианам, еже не упиватися»³⁶⁹, весьма распространенном в древности; в «поучении св. отец о хмеле» и проч. Подобные поучения, распространенные в сборниках XIV–XVII века, до некоторой степени удовлетворяли слушателям, в период ослабления устной проповеди и умножения пороков, хотя не могли заменить живого слова, по причине своей малодоступности и дороговизны рукописей. Влияние сборников XIV–XVII в. отразилось в словах позднейших проповедников, увековечивших свои произведения печатью. В слове о пьяницах Домецкого обличается чревоугодие и пьянство в духе древних проповедников. «Ныне, говорит проповедник, безмерное число понуряется в одеждах, снедах и питиях; на них вопиют все законы... Бог сотворил тебе чрево и горло малейшее, чтобы более заботиться о душе, нежели о чреве. Стыдись же, ибо вдвое и втрое объедаешься и упиваешься более скота... Моли Бога, чтобы даровал тебе меру в ядении и питии, чтобы ты возлюбил пост и остроту христианского жития, распиная плоть с ее желаниями». Подобные мысли встречаем и в слове о многопотопном пьянстве. «Хочешь ли иметь крепкий разум? воздержись хотя мало от брашен и пития. Возлюби руководителя в горняя – пост и воздержание... Если же без вина не сладка тебе пища, то постись до вечера, весь день. Всякая сладость временная отгоняется горестию, радость покрывается печалью, и только время напрасно тратится».

вв) Обличение разврата

Пьянство и пресыщение возбуждают страсти и ведут к разврату. И мы видели в характеристике народа подтверждение этой истины. Упрекнув русский народ в пьянстве и пресыщении, история с большею строгостью обвиняет его в разврате, хотя не считает разврата господствующим и постоянным пороком его. Разврат русских обнаруживался в многоженстве, нарушении брачной связи и противоестественных пороках. «Русские, говорит история, удивляли иностранцев отсутствием стыдливости и противоестественным пороком, который у них признается шуткою»³⁷⁰. Многоженство и нарушение брачных связей проистекали главным образом из языческих обычаев. Что же касается противоестественного порока, то распространение его во всех сословиях, преимущественно в войске, началось в темном XVI веке, особенно со времени сближения с татарами. Обличая пьянство и пресыщение, проповедники не опускали из виду и разврата, предмета щекотливого, о котором говорили не обинуясь, называя порок его собственным именем. И так как плотские пороки окончательно унижали нравственность и разрушали аскетический идеал жизни: то и проповедники с особенною ревностью восставали против этих пороков. При всей ревности своей к исправлению народа, проповедники не могли стать на надлежащую точку зрения или обличения плотских пороков, и потому не оказали заметного успеха в исправлении нравов. В обличении плотских пороков всего необходимее физиологические доводы, раскрывающие опасные следствия их; но таких доводов проповедники не могли заимствовать из греческого отвлеченного проповедничества, ни из наук, недоступных им. Поэтому, в самой богатой области обличения односторонность нравоучителей всего более заметна. Проповедники обличают разврат, во всех его проявлениях, с богословской точки зрения, и преимущественно со стороны нарушения таинства брака. Отвлеченность и малоприложимость доводов их становится здесь осязательною, особенно по

отношению к грубой толпе; оттого и плоды наставлений и обличений проповеднических едва заметны. О вреде плотских пороков, как увидим, часто проповедовал митр. Даниил, и то, впрочем, в общих чертах; все же обличения его более убедительны и назидательны, нежели обличения прочих проповедников. Применительно к развитию разврата и обнаружению плотских пороков в древности, и в обличительном проповедничестве можно различать особые направления, или периоды. С XI до XVI века проповедничество главным образом обличает нарушение брака, несоблюдение условий его, многоженство, похищение невест и чужих жен, особенно сильными людьми. При сем, в видах исправления нравов и утверждения целомудрия, предлагаются наставления и правила брачным лицам, вдовцам и вдовицам. Обличительное проповедничество упоминает и о противоестественном пороке, но редко, и ставит его в зависимость от пьянства. Видно, что гнусный порок, наследованный от язычества, еще не был всеобщою заразою, не распространился во всех сословиях. С XVI века, и особенно со времени завоевания Казани, проповедничество сильно обличает противоестественный порок, уже распространенный во всех сословиях, и особенно в войске. Не смотря на упадок проповеди в то время, великость зла и общего растления нравов вызвала ревностных обличителей порока. Как добрые врачи, они старались, как умели, помочь нравственному недугу: призывали народ к покаянию, грозили гневом Божиим, указывали на пример Ниневии и Содома, заклинали властителей пресечь великое зло, даже посылали в войско святую воду, для очищения грешников. При обличении разврата проповедники касаются и других пороков, сродных с ним, особенно щегольства, роскоши, расточительности, отчасти лихоимства и грабительства. Обличение разврата, в связи с исчисленными пороками, усиливается во втором периоде, когда с возвышением царской власти умножились удобства жизни и поводы к соблазнам. Подобные обличения особенно развились в южной России, где польское владычество оказало растлевающее влияние на нравы.

Обличение разврата, в смысле миру тетя условий брака с XI до XVI века

Поучений, направленных против блуда, в этом периоде написано очень мало, да и те составляют смесь разнородных истин. Все это, вместе взятое, составляет ничтожную долю наставлений, неудовлетворявших нравственным нуждам народа (на огромном пространстве России), в течение 500 лет. Более замечательные поучения, по силе мысли и назидания, следующие: 126 и 127 слово Изумруда, о супружестве, предлагает правила жизни женатым людям. 57-е слово св. отец – о женитьбе и любодеянии. Слово вооружается против поведения вельмож, внушает правила князьям и властителям, чтобы они не отымали жен у мужей, и не прилеплялись к ним. 87-е Златоуста дает правила жизни и поведения вдовицам и вдовцам. Мысли, относящиеся к нашему предмету, можно найти и в 89 слове св. Ефрема, о мятеже жизни, изображающем развращение нравов. В 61-м слове предлагается сказание о блуднике, который творил милостыню и не оставлял блуда³⁷¹. В «слове Златоуста о славе мира сего и о пьянстве» упоминается и о противоестественном пороке, как следствии пьянства. «Бесы, говорит слово, понуждают нас на похоти блудные, не токмо по естеству, но и чрез естество. Егда мы ум погубляем, пьюще без сытости, приходят (бесы) яко к своим пленникам, кого поучают на евар, кого разжизают на похоть женскую, иного на бой, а иного на отрочата». В «слове о мятежи жития сего»³⁷² сохранилась любопытная черта слабостей предков, свойственная, впрочем, всем людям. Во все времена люди боялись старости, которая, по пословице, «есть беда», и по другой – «есть болезнь, начало смерти;» и потому старались, как и ныне стараются, разными хитростями скрыть разрушение в теле и опустошение на лице, причиняемое годами. Сказав, что «мужья блудят от своих жен», неизвестный проповедник XIII века прибавляет: «старые юнятся»³⁷³... Но особенно сильные обличения в этом отношении, как и следует ожидать, падают на женский пол. Развенчивание в цветущем здоровье и красоте

для женщины бывает мучительнее, нежели для мужчины, и потому она более заботится о прикрасах лица, нарядах и одеждах. Против кокетства и раскрашивания лица направлено 45 слово Изумруда, о разговаривающих в церкви, приписанное Златоусту. Подражая Златоусту, проповедник говорит в слове о разных предметах и между прочим о женах. «Жены, собираясь в церковь, излишне расписывают свои лица и красят красками, да прельстят блудников; вырывают брови... Если кто хочет совещаться о купле, то сходятся в церковь и ссорятся». За неимением достаточного количества собственных произведений в этом роде, наши проповедники пользовались обличительными словами св. отцов. Творение св. отца Иннокентия: «о приправах лица человеческого, иже белыми квасы и червленицами украшающие лица своя»³⁷⁴. (Единственное слово приведено нами из римского проповедничества). Это слово занесено в разные сборники. Как бы в предостережение от сетей женских в сборники внесены слова: «слово Евагрия о целомудрии и воздержании от женских бесед, и о зрении на лица их, чревообъядении и блуде»³⁷⁵. Поучение св. Стефана: «не имей дружбы с женою, да не сгоришь огнем ее»³⁷⁶. «О иже зрящих (паче) на ризы и добрая одеяния, нежели на добродетели»³⁷⁷.

Многоженство било особенно в обычае у инородцев, населявших окраины России, и обращавшихся в христианство с XV века. Многоженство, наравне с прочими пороками инородцев, обличали русские пастыри грамотами и посланиями к духовенству и народу. Митр. Иона в грамоте вятскому духовенству обличал его за разрешение незаконных браков – до пятого, шестого и седьмого и повелевал отлучать таких людей от Церкви. В послании к вятичам обличал их за незаконное венчание четвертым и даже десятым браком, по невежеству священников³⁷⁸. Излагая проповедническую деятельность митр. Ионы, которым начинается ряд русских митрополитов с половины XV в., мы должны короче ознакомиться с характером его поучений, так как с сего времени приходит в упадок живая проповедь. Митр. Иона не получил образования в школах, каким отличались митрополиты, присылаемые к нам из Греции. Те, хотя держались византийского риторства, прикрывавшего

недостаток мысли фразами, многоречием, «добрословесием», но все же были плодовиты и красноречивы, по своему времени, поддерживали живую проповедь, до последнего митрополита Фотия, предшественника Ионы. Получив образование в элементарной школе, которое не простиралось далее «псалтырного и налойного чтения, письма и пения», Иона не мог поддержать живую проповедь на той степени развития, на какой она стоила при его предшественниках. Это доказывается самой формой его наставлений, изложенных в виде писем или посланий. В посланиях митр. Ионы нет никакого искусства и научного приема, это – простые наставления о разных духовных и житейских предметах. Хотя по слову летописи митр. Иона «приял пространное слово паче естества, и многих спас»; но этот, как и подобные преувеличенные отзывы летописей, надобно понимать в самом общем смысле. По крайней мере письменных поучений или слов митрополита, свидетельствующих о его проповедническом таланте, до нас не дошло. Впрочем, после митр. Даниила, митр. Иона самый плодовитый деятель проповедник, в смысле наставлений, изложенных в виде писем³⁷⁹. Он написал 35 посланий, в ограждение церковных и гражданских порядков. Прочие русские митрополиты, за немногими исключениями, о коих сказано прежде, были безгласны в деле проповеди. В пример безыскусственности мыслей и простоты изложения выпишем слова митр. Ионы из послания его к вятичам. «Слышу я, дети, что у вас, в Вятке, творится весьма много дел, противных и ненавистных Богу, на погибель христиан. Многие христиане живут незаконно с женами, без венчания, и проч... Молю вас показать чистое раскаяние. Молю вас священники господни всячески осмотреться и содрогнуться». Далее наставления о причастии и проч. Подобным образом обличал вятское духовенство митр. Геронтий, за допущение браков в сватовстве, кумовстве, до пятого и седьмого брака³⁸⁰. Митр. Симон обличал пермское духовенство за нерадение о новообращенных и разрешение браков в родстве. Самих новообращенных он обличал особым посланием, за то, что у них жена умершего брата обыкновенно выходила за муж за второго и третьего

брата³⁸¹. Подобные обличения рассылал по своей пастве новгородский арх. Макарий. Он писал в вотскую пятину и сопредельные области: «в ваших местах многие люди живут преступно, с женками и девками; а жены их живут с другими людьми, без венчания и молитвы»³⁸². Спустя 13 лет, арх. Феодосий повторил те же обличения. Между прочим, он обвинял духовенство не только в поблажке мирянам, но и в лукавстве. Венчая мирян четвертым и пятым браком, священники признавали их второ- и третье брачными; кроме того, венчали многих в разводах, кумовстве и сватовстве³⁸³. Арх. ростов. Феодосий тоже обличал подведомое духовенство в разрешении незаконных браков, от четвертого до седьмого, и далее³⁸⁴. Не забудем, что многие пастыри исправляли новообращенных устною проповедью и руководственными посланиями к духовенству, каков напр. был Филофей, еписк. пермский.

Некоторые пастыри, знатоки церков. права, не ограничиваясь обличением и запрещением разврата, определяли степени брака, на основании правил соборов, св. отцов, и особенно Василия Великого. Правило 80-е Василия говорит: «о многобрачии, далее третьего брака, отцы умолчали, как о деле скотском, совершенно чуждом человеческому роду; посему подвергать таковых епитимии»³⁸⁵. Так митр. Фотий в своих посланиях обличал двоеженство и троеженство; а в грамоте новгородцам изложил правила законного брака. «Третьего брака да не будет. Если кто молод, не имеет детей от первого и второго брака, вступит в третий брак, с великою епитимией. Да не приемлет причащения и не входит в церковь пять лет. Епитимия может быть смягчена при сокрушении кающегося, посте, молитве, поклонах и милостыне. Вступающих в четвертый брак божественные правила отлучают от Церкви, причастия и всякого освящения, пока не расторгнут сожителства»³⁸⁶. Замечательны в этом отношении три слова митр. Даниила, в которых он доказывает непозволительность развода и второго брака после развода, и что уступка в этом отношении государственной нужде не может служить примером и поощрением для частных лиц. Так, в «слове о втором браке»,

изображая скоротечность мира, уподобляя сладость его дыму, тени и сну, Даниил излагает правила соборов и св. отцов относительно второго, третьего и четвертого брака³⁸⁷. В этих словах митрополит как бы выразил извинение перед своею паствою, по поводу дозволенного им развода (с неплодною женою) и второго брака в. к. Василию. Возвышенный великим князем, он взял на свою душу его грех, в видах услуги государству, и в тоже время взял меры против соблазнительности своего поступка. Что же касается многоженства русских славян, то об нем, как мы видели, проповедники едва упоминают; равным образом не говорят об обычае водить невесту и жениха вокруг дерева, или озера, хотя в правилах соборных об этом упоминается. Так, в деянии Владимирского собора говорится: «в пределах новгород. невест водят к воде; не велим тому быть». Надобно думать, что духовенство, имевшее в древности надзор за домашним поведением мирян, истребляло подобные заблуждения, не столько, словом, сколько властью и полицейскими мерами.

Обличение разврата, противоестественного порока, щегольства и роскоши с XVI до XVIII века

С упадком первоначальных школ и проповеди устной в XVI веке усилился разврат и особенно противоестественный порок. Грозный об этом свидетельствовал на стоглавом соборе. «В народе особенно усилилось нецеломудрие». И этот порок он поставил в связи «с гордостью, завистью и неправдою». Не смотря на прекращение живой проповеди, в то время нашлись ревностные обличители разврата, строгие аскеты по жизни. Против гнусного греха первый возвысил свой голос старец Филофей, псковской книжник. В послании к в. к, Василию он умоляет его искоренить в православном царстве горький плевел содомского греха, и, между прочим, указывает на всеобщее распространение его. «Бог сотворил семя на чадородие, мы же даем свои семена в убийство. Сия мерзость умножися нетокмо в мирских, но и в прочих, о них же помолчу. Како долготерпит о нас милостивый»³⁸⁸! Спустя много времени, против тяжкого порока подал голос другой подвижник, Максим Грек. Он написал «слово на предающихся содомскому греху»³⁸⁹. В слове проповедник показывает всю тяжесть гнусного греха, страшную за него ответственность, и побуждает виновных к покаянию и исправлению. К этому времени должно отнести послание к царю, неизвестного проповедника, об искоренении некоторых плотских пороков, усилившихся в России³⁹⁰. Наконец, против гнусного порока восстал митр. Макарий, который почти не оставил нам поучений, хотя и назван «велегласным проповедником добродетелей». Указание на господство противоестественного порока даже среди детей, Макарий делает в своей наказной грамоте, или послании, как сам называет ее. «Чтобы священники (учители и проч.) наипаче хранили своих учеников во всякой чистоте, и блюли их от всякого растления, наипаче же от скверного греха содомского и рукоблудия, и от всякие нечистоты»³⁹¹. Заповедует также «учить и православных христиан, чтоб жили в чистоте». Узнав, что в свияжском войске усилился разврат, от увлечения казанскими

пленниками и пленницами, митрополит послал в Свияжск поучение. Он внушал воеводам, войску и жителям благодарить Бога, за его милости русскому царству, не прогневать – развратом, за который поражены гневом Содом и Ниневия. Запрещал брить бороды и подстригать усы, в угоду пленникам; грозил виновным гражданской казнью и церковным отлучением. Вместе с тем митрополит послал св. воду для окропления Свияжска и жителей его³⁹².

Всех более обличал противоестественный порок и разврат вообще, митр. Даниил. Он распространялся об этих предметах не только из ревности о благе паствы, но и потому, что многие лица открывали ему свои нравственные недуги и просили врачевства. Митрополит, сведущий в богословии, наблюдательный и словоохотливый, оставил нам, в своих поучениях, любопытные изображения нравов и недугов своего времени. О противоестественном грехе и нечистых помыслах он рассуждал в пяти посланиях к частным лицам, имеющих характер поучений, и особенно ясно в послании к духовному брату. Оно озаглавлено так: «душевредно совокупляться и беседовать с женами и женовидными мужами». В послании проповедник изображает гибельные следствия тяжкого порока и дает советы, как избавиться от него. «Вспомни слезы твои, как ты, плача, говорил мне; «ты должен поучать и укреплять меня», и открыл моему недостойнству весь свой недуг. Ныне же пишешь: «я в скорби великой от обдержавшей меня болезни и горечи сильных страстей, немилосердно воюющих на меня». Я говорил тебе, не только не совокупляться и не беседовать с женами и юными отроками, но даже не смотреть на их лица. А о том человеке я много раз говорил тебе, чтобы не совокуплялся, даже не беседовал с ним, особенно наедине. Отсеки же этого человека, к которому имеешь великую любовь. Если закознишь, страсть возрастет. Уразумей, в каком унынии и скорби бывает человек, впадающий в эту напасть, в какое нисходит безнадёжие и отчаяние! Стыд, поношение и укоризны он должен терпеть от людей. Не лучше ли захочет умереть, нежели находиться в поношении от всех людей?»³⁹³» Остальные послания сходны содержанием с предыдущим, и озаглавлены

более или менее однообразно; «о целомудрии и чистоте», «о целомудренном житии» и проч.³⁹⁴.

Рассуждая о разврате вообще, митрополит рассматривает его в связи с роскошью, щегольством, корыстолюбием и расточительностью; показывает следствия разврата; заразные болезни, ослабление телесных и душевных сил, раздражительность, уныние, отчаяние и позорную смерть; дает советы удаляться женщин и юношей, не говорить с ними, не смотреть на них; предлагает средства против страстей; умеренность в пище и питии, труд, занятие полезными искусствами и ремеслами, молитву, чтение псалмов и пение. «Ум твой, говорит проповедник, никогда не должен быть праздным». В слове, внушающем не делать зла братьям, проповедник описывает роскошь пиров, как бы разжигающих страсти. «Вчера и ныне стекаются повара, острят ножи, накладывают дрова, возжигают огонь, наставляют котлы, сковороды и горнецы. Они готовят пищу к насыщению чрева. Сколько тщания и подвигов требует пища и питье! сколько золота и серебра на это исчезает! Если такое попечение имеешь о брашнах и питиях, тем более должны иметь великое попечение о духовном. Тленные питания отходят в землю, а брашна духовные производят веселие, исходатайствуют жизнь вечную»³⁹⁵. Затем проповедник внушает каяться в грехах, делах, словах и помышлениях, рыдать, пока имеем время. В слове, внушающем исполнять заповеди Христовы, проповедник живыми красками изобразил щегольство современников и разврат. «Великий подвиг совершаешь, угождая блудницам. Переменяешь одежды, надеваешь сапоги весьма червленые и крайне тесные, так что ногам твоим приходится терпеть великую нужду. Волосы не только срезаешь с плотию, но щипцами исторгаешь из корня. Позавидовав женам, мужское лицо претворяешь на женское. Или весь хочешь быть женою? Зачем волосы бороды и ланит щиплешь, не стыдишься исторгать их из корня, лицо твое много умываешь, натираешь и делаешь ланиты червлеными, светлыми? Желая насыщаться блудными сластями, весь ум непрестанно о (в) том имея, истощаешь слугам много серебра и золота на эти блудные деяния. Всегда

стремясь к блудницам, ты сам себя для многих сделал блудницею»³⁹⁶. В слове, определяющем значение мира и возбуждающем к нему ненависть (одном из лучших), проповедник довершает изображение щеголя удивительными чертами, даже для нашего времени. Затем резко изображает расточительность и корыстолюбие, неразлучные с щегольством. «О, юноши! возлюбите чистоту, не уподобляйтесь блудным, которые всегда мудрствуют о красоте телесной, украшаются более жен умываниями, хитрыми натираньями, которых ум всегда плавает в мечтах об одеждах, ожерельях, пуговицах, препоясании под сорочкою, о сапогах, о стрижении головы, повешении косм, намизании ока, кивании головой, уставлении перстов, выставлении ног» ... «Какая же нужда иметь многое, выше меры? Не проторы ли и убытки это приносит многим? Какая нужда покупать многие вещи, давать им сгнивать, погибать от огня, быть похищенными от воров? Какая нужда украшаться во все дни светлыми одеждами, когда другие в господские дни не имеют обычных одеяний? Какая нужда носить сапоги, шитые шелком? Какая нужда сверх меры умывать руки, налагать золотые и серебряные перстни? Какой прибыток изнурять дни над птицами, иметь множество псов, ходить на позорища? Мы имеем сапоги с серебром, золотом, бисером, и другие многоценные одеяния; и под сорочкою некоторые стараются иметь дорогое препоясание, отделанное золотом и серебром. Ради этого мы ищем многих доходов; если чего не достаёт тебе, так как по безумию имеешь многие расходы: ты крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничаешь, занимаешь, и не имея чем отдать, бегаешь, запираешься, преступаешь клятву, совершаешь бесчисленные злодеяния³⁹⁷». В связи с обличением разврата проповедники не опускали из виду и брадобрития, которое признавали грехом, на основании религиозных предубеждений. По преданию, наследованному от греков, предки считали бороду лучшим украшением человека и образом Божиим. «Мужу, яко начальнику, говорит патр. Адриан, Бог израсти благолепие – браду». Стоглавый собор возвел это предание в догмат, назвав брадобритие латинскою ересью и приобщив к неверным бреющих. «Аще кто бреет браду и

преставился, не достоин над ним служить, сорокоустия пети, просфоры и свечи в церковь принести; с неверным да причтется»³⁹⁸. Патриархи, руководившие в своих указах стоглавом, усилили этот предрассудок. Патр. Иов, видя начавшееся брадобритие, при Годунове, из подражания иностранцам, скорбел и «ту недобрую ниву орошал слезами». Патр. Иоаким признавал «брадобритие великою ересью». «Взирайте, говорил один обличитель брадобрития (патриарх), на икону страшного пришествия, и видите праведные в десней стране, имущия брады; на шуйе же стоящие бесермены и еретики, люторы и поляки, имущие едины усы, яко имут кошки и псы, иже творят грех смертный, образ мужеский тляще»³⁹⁹. Независимо от религиозного предубеждения, проповедники видели в брадобритии и действительный повод к греху – угождение женам. «Накладаяще бритву на брады свои, женам угодие творяще». Поэтому, между прочим, и митр. Макарий, обличая свияжское войско в тяжком грехе, воспрещал брадобритие и подстригание усов, под страхом казни и отлучения. Основываясь на этом предубеждении духовенства относительно брадобрития, можем с достоверностью заключать, что оно подвергалось устным обличениям, по мере распространения в народе. В подтверждение этого заключения можно представить факт. Воевода Шереметев велел прот. Аввакуму благословить сына своего (бритого). Ревнитель старины, увидав «блудоносный образ, начал порицать его от писания», и не смотря на многие томления и побои, не исполнил грозного приказа воеводы.

В XVII веке, в пермской области явился обличитель народных нравов, священник города Орла. Со смелостью, свойственною самоучке, он осуждал роскошь, расточительность и разврат высшего сословия, беспечность и невежество священства, как причину развращения нравов. В обличении богачей и священства проповедник самоучка, как увидим, подражал, нередко дословно, Транквиллиону; и потому в его обличениях можно предполагать некоторую долю преувеличений. Обращаясь к русскому барству, проповедник говорит: «ты день и ночь, с подобными тебе пьяницами и

сластолюбцами, проводишь в увеселениях, смотришь на сатанинские зрелища скоморохов, слушаешь шум труб и гудение, бесовское служение, всем этим наслаждаешься и упиваешься распутством своим... Ты сидишь в высоких палатах, в роскошных одеждах, а нищие повержены у ворот твоих, и не даешь им разорванного рубища. Ты во всегдашнем веселии и ешь роскошную пищу, а нищие умирают от голода и жажды; даже стыдишься смотреть на них. Собаки имеют у тебя закрытые помещения, лошадей украшаешь золотом, а члены Христовы умирают с голода. Бесстыдным женщинам платишь тысячи, ласкателям даешь пол имения, а убогому жалеешь рубля. Какая тебе из всего этого польза? Ты собрал много, обогатился всякою неправдою, заставил работать свободных людей, проливал кровь невинных; у тебя множество слуг, ласкателей и тунеядцев без числа; твой дом наполнен драгоценными камнями, золотыми вещами, роскошными одеждами, разными припасами и напитками»⁴⁰⁰. Относительно обличения священства мы ограничимся цитатой, так как оно заимствовано из поучения Транквиллиона, о котором будем говорить⁴⁰¹.

Обличения Транквиллиона

Чувственные пороки, неразлучные с корыстолюбием, и суеверие, господствовавшее в северной Руси, еще с большею силою обнаружилось в южной Руси, под владычеством Польши. Но и там нашелся обличитель современных пороков, резкий не менее митр. Даниила, Транквиллион. В разных местах «учительного евангелия» он часто нападает на недостатки высшего и низшего сословий, и на священников, от нерадения которых зависела распущенность нравов. Весьма резкими чертами изображает он безнравственность и распущенность высшего сословия. «Сановитые люди всецело преданы стяжанию богатства. Они собирают его со своих рабов и являются к ним немилосердие, лютее варваров. Не смотрят на то, что эти несчастные гибнут голодом, скудны разодранного рубища, и всю жизнь трудятся для них, день и ночь проливают слезы, а за все это воздают им злодеяния, побои, раны, досады, узы и темницы; и что всего хуже, они торгуют ими, их женами и детьми, как бессловесными животными. Добытое кровавым потом имение употребляют на себя, украшают золотом и коврами бессловесных шкап (кляч), ослов и мосек; блудницам раздают тысячи, ласкателям пол имения, а убогому ни пенязя; служители христовы лишены у них необходимого»⁴⁰². «В домах их слышны безнравственные беседы, срамные слова блудных жен. Всегда веселятся светло, скачут (и) пляшут под звуки свирелей, утешаются, объедаются и пьянствуют. Множество (у них) тунеядцев, готовых на службу сатанинскую, проливают невинную кровь, обижают сироту. Трапеза их пахнет лихвою, вино смешано со слезами сирот и вдовиц; подданным воздыхание и обида»⁴⁰³. Не менее мрачно проповедник изображает нравственную забитость и развращенность простого народа. «Простые люди по-видимому живут от праведных трудов, но и у них много нечестного. Прельстившись желанием иметь тленное, они отовсюду собирают зло, от продажи и купли, присоединяют неправду к своим неправедным трудам»⁴⁰⁴. «Все (они) предаются объедению и пьянству. Поучаются скокам и

плясанию, петь блудные песни, хулить доброе и лгать. И когда их проклятые отцы и матери видят такие успехи своих детей, утешаются ими и похваляют дело сатаны. Никогда ничего не делают; их занятие составляют корчемство, пьянство, объедение, танцы, шум свирелей и временное веселие. Такое зло находится ныне в христианском роде, хуже нежели в поганском»⁴⁰⁵.

XVII век в истории северной России ознаменован усилением и возрождением суеверия. Но и в южной России в это время усилилось суеверие. К древним русским поверьям и предрассудкам присоединились новые, заносимые с запада. При общем невежестве в народе особенно укоренилась вера в знамение слов, встречи, полета птиц и проч. Обличая нравственные недостатки народа, стоящее в связи с умственными заблуждениями, Транквиллион обличал и суеверие, господствующие предрассудки. Различие снов он объясняет естественными причинами. «Кому часто снится вода, то это означает флегму; а если огонь, то холеру, воспаление жил и желудка; если страхование, то упадок сил; если деньги, то обличает сребролюбивое сердце». Бывают сны по действию свыше, когда Бог открывает будущее своим угодникам и другим людям. «Так, Бог возвестил Иосифу, что он будет царем в Египте; потом (возвестил будущее) Фараону, Навуходоносору, Мардохею, Даниилу, Маккавею, Иосифу обручнику, Богородице, волхвам, жене Пилата и Павлу». Сказав, что вера в сны может подвергнуть нас обольщению, проповедник предостерегает и относительно другого предрассудка – веры во встречу. «Если кого встретит слуга Божий, то тот ожидает себе несчастий, и диавол вредит ему, возбуждая ненависть к учителю и руководителю в царство небесное. А если встретит жида, или свирельника, то ожидает себе счастья, и сатана помогает ему, по вере его. О безумие! кто не посмеется такому зловерию! Поэтому, слово Божие под анафемой воспрещает веру в сны, встречи, предсказания, ворожбу и чары»⁴⁰⁶.

Затем Транквиллион обличает дурное поведение священства, как причину развращения нравов и заблуждений народа. «Пастыри похищают священный сан, чрез жен и

сродников, золото и серебро не для того, чтобы пасти стадо Христово, но, чтобы умножить свое золото и питать свое чрево. (Они) только спешат в корчмы, а овцы их бегут на торжища и в блудилища. В корчмах они многоречивы, шумят языком подобно проходящему ветрилу, связаны бессилием и пленены неразумием. А если кто спросит об обязанностях, то они отвечают: для нас довольно часто читать тропари и кондаки, петь ирмосы, восхваляя (Бога) в простых душах»⁴⁰⁷. Он грозит пастырям судом Божиим. «Пастыри, пребывающие в лени и пьянстве, нерадящие об овцах, услышите страшный голос судии. Какой ответ дадите вы, когда Он спросит об овцах? Скажете: друг пришел ко мне, и я веселился с ним, а твои овцы разошлись по стремнинам, по долам беззакония, и там пожраны львами. Или: меня одолел сон, и я погубил твой талант. Вам ответит Господь: раб лукавый! не слышал ли ты пророка: горе восстающим завтра и гонящим пьянство; и другого: бодрствуйте, ибо диавол, как лев рыкая, ищет кого поглотить. Ты же изгубивший моих овец почему не убоялся и не бодрствовал с добрыми пастырями? Взыщу кровь моих овец от рук ваших. Вот какой ответ ожидает тех, которые сидят в корчмах и блудилищах, без страха Божия, не помышляя о пришествии Господа»⁴⁰⁸.

б) Обличение эгоизма, высокомерия и сродных с ним пороков

Характеристика русского народа показала связь его внешних недостатков с внутренними, чувственных пороков с эгоизмом и прочими страстями; так что внешние недостатки были отражением и вывеской внутренних. В подтверждение этой характеристики достаточно привести несколько свидетельств иностранцев. Конрад Буссов в своей хронике выразился о русских так: «не стану говорить о (их) нестерпимо-глупом высокомерии и презрении к ближним, о плутовстве и разврате, о неумеренном употреблении пищи и напитков». Подобное замечание о русских сделал Ульфелд: «как они горды, видно из того, что все, чтобы ни сказали, считают непреложно-верным, не терпят противоречий, в рассуждениях без всякого порядка бросаются туда и сюда, необдуманно выбрасывают все, что попадет (им) на мысль, перебивают слова и не устаивают выслушать других». Польские послы говорили: «московский народ очень горд и завистлив». Густав-Адольф: «это гордый народ». Типом эгоистического характера, возросшего на почве общественных беспорядков и неурядиц, был Грозный, с презрением попиравший общественное благо, жизнь, права и честь ближних. В обличение эгоизма русских и сродных с ним пороков, Крижанич написал сочинение о России. В этом сочинении он доказывает неосновательность высокого мнения о себе русских и презрения к другим народам, проясняет сознание народных их недостатков. «Главный вред для общего блага зависит от незнания самого себя, от излишней любви к себе, когда люди слишком любят свои обычаи, считают себя мудрыми, сильными, богатыми, не будучи такими на самом деле». Затем Крижанич показывает пороки, проистекающие от эгоизма: «расплодился в русском народе премерзкие нравы, так что Русские являются пред другими народами неверными, обманчивыми, склонными к воровству и убийству; неучтивы в беседе, нечистоплотны». Самоуничижение и заганность народа, выражаемые уменьшительными словами в речи

(людишки, сынишко, Васюк, Мишка), порождены после, господством бояр при царях, и крепостным правом. В древности народ не смел проходить мимо дома начальника в шапке, подъезжать к его лестнице; при встрече боярина кланялись до земли, некоторые становились на колена; проезжающие вылезали из экипажей и кланялись до земли. Этот унижительный обычай воспрещен указом Феодора Алексеевича.

Обличение гордости, эгоизма и сродных с ним пороков встречаем в поучениях митр. Даниила. Он изображает гордость и эгоизм русских теми же чертами, что и иностранные писатели, только с большею подробностью. В слове: «должно подвизаться за истину, стоять за правду», проповедник сперва жалуется на оскорбления от пасомых. «Пастыри везде и всюду приемлют от всех беды и скорби. Когда (пастырь) видит некоторых людей, говорящих неподобное, делающих законопреступное, наставит их и воспретит непослушным: то многую ненависть воздвигнут на него, досаждают, сшивают ложные доносы, клеветы, укоризны, студ, и если бы возможно было, то умертвили бы его. Когда же начнет учить их: о чада! творите, как повелевают заповеди; они отвечают: прежде себя научи. До чего ты доучишь нас! Ты сам по писанию ли хранишь житие? А сей, а оный? Только на нас вооружился, а тех не видишь? а себя забыл? О, отче, как тебе не стыдно! Учитель наш тщеславится как фарисей. Видишь ли, как он о себе думает, гордится! Когда же пастырь строго воспретит; они говорят: это не по-отечески, не монастырски, не учительски; это обычай мучительский. Если же кто, сидя на пастырском седалище, будет прост, тих, кроток (и) смирен, то скажут: этот человек простой, келейный, а не властительский; не его дело учить и запрещать»⁴⁰⁹. В следующем слове проповедник объясняет гордость слушателей честнейшими чертами. «Всех людей называешь безумными и грешными, только себя являешь всем разумным и премудрым; зломыслишь, ненавидишь, завидуешь, лукавнуешь, осуждаешь, клеветешь, и многое злое совершаешь»⁴¹⁰.

Обличение самоуправства, буйства, забиячества мы проследили в описании языческих празднеств, игр, обрядов, и видели крайнюю скудость этого рода поучений. Митр. Петр и

Фотий обличали обычай поля или судебного поединка; патр. Иоасаф – кулачные бои; свят. Тихон – буйство и смертный бой, коими сопровождалось празднество Ярилы. Незвестный проповедник XIII века говорит: «иные предел ради земных (т. е. границ земли) тяжутся и бьются». Скюдость этого рода поучений восполнялась, с глубокой древности, соборными определениями, которые нередко писались в учительном духе, и в виде грамот рассылались по епархии, в руководство священству. Так, на Владимирском соборе постановлено: «участвующего в богопротивных бесчинствах отлучать от Церкви. Убитые на этих празднествах (языческих) прокляты в сей и в будущей жизни. От тех, кои не перестанут посещать такие языческие празднества и после предписания соборного, не принимать никаких приношений (в церковь), ни просфор, ни кутьи, ни свечей. Если бы кто из таковых умер, священники не должны отправлять над ним погребения и полагать тела их около церкви, под опасением отлучения»⁴¹¹.

Остается теперь проследить обличение сквернословия и ругани, неразлучных с буйством и забиячеством, – качества, которыми всегда отличался русский народ. Этими качествами народа поражались не только иностранные писатели, посещавшие Русь, но и пастыри, присылаемые нам из Греции. Об них засвидетельствовал на соборе царь Иван Грозный. «Христиане лаются всякими укоризненными и непристойными словами». Обличения сквернословия и ругательства идут через весь первый период, хотя не в значительном количестве. Поучений, исключительно направленных против сквернословия, написано очень мало; большею частью обличения ссор и сквернословия разбросаны в поучениях разного содержания, и особенно направленных против пьянства и игр. Так, в слове о праздновании воскресного дня, обличающем пьянство, сказано: «кому ссоры и скаредность, кому суд и прение, не пьяным ли? Ибо, погубив ум, не знает, что делает, – в малоумии простирает великий язык, не стыдится говорить студ и срам; лобызает с похотью чужих жен, и чего не желает, не сказал бы по (доброй) воле, то высказывает»⁴¹². «Слово св. отец, о пользе душевной, ко всем православным христианам», направлено против

сквернословия. «Не подобает братие православным христианам лаяти матерны»⁴¹³. Это слово с переменами помещено в разных сборниках, вплоть до XVIII века. Напр. «поучение всем православным христианам. Не подобает православным христианам, братие, матерны бранится»; – все направлено против ругательств⁴¹⁴. В сборниках помещено сказание, в виде слова, о троекратном явлении Божией Матери, повелевающей возвестить народу, чтобы не сквернословили⁴¹⁵. Особенно замечателен взгляд митр. Фотия, как иностранца, на постыдную склонность русских к ругательствам и сквернословию, взгляд, исполненный непритворного удивления. Предписывая мирянам правила относительно брака, митрополит внушает священникам учить своих прихожан, чтобы они удерживались от ругательств и сквернословия. При чем он замечает, что этого зла, сквернословия, развитого до такой высокой степени, он не встречал ни в одном христианском народе⁴¹⁶. Патр. Иоасаф, обличая недостойное проведение праздников, скоморошество и игры, резкими чертами изобразил склонность русских к ругательствам. «На праздники владычни, Богородицы и святых вся противно творим и ругательно, ходяще по улицам, бесчинствуяще, пьянствуяще, восприимше игры и бесовские кощуны; и бывают бои кулачные великие, до смертного убийства. И всякого беззаконного дела умножилось, еллинских блядословий и кощун. Да еще друг друга лают позорною бранью, отца и мать блудным позором, и всякою бсзстудною, самую позорною нечистотою оскверняют свои языки и души⁴¹⁷».

в) Обличение корыстолюбия и сродных с ним пороков: зависти, вражды, клеветы, неблагодарности

Корыстолюбие, как замечено, стоит в связи с эгоизмом, и нередко бывает следствием его. Эгоист, пренебрегающий ближними, считает все средства к своему благополучию и обогащению позволенными. Мы видели, как много поводов было, в неустроенной Руси, к развитию корыстолюбия, и как все сословия, особенно правительственное, были заражены им; а равно, в каких видах и преступлениях обнаруживалась эта общая всем страсть. Даже сословие монашествующее, представитель аскетизма, несвободно было от этой страсти. В толпе нищих и бродяг встречались не только священники, но и монахи, занимавшиеся попрошайством. Они бродили и по причине недостаточного пропитания в монастырях, неравномерного распределения доходов между братией, и расхищения имущества слугами⁴¹⁸. Сообразно с этим, и в древнем проповедничестве находим много поучений, направленных против корыстолюбия, проявлявшегося в обманах, краже, взяточничестве, насилиях и попрошайстве. Особенно много поучений направлено против судей и властителей, злоупотреблявших своею властью. Обличения корыстолюбия весьма распространены в сборниках и продолжались во весь первый период. Из всего этого видно, что корыстолюбие, как и пьянство, было существенным злом древней Руси, и глубоко коренилось на исторической почве государственных неустройств. Мы представим более замечательные обличения корыстолюбия, направленные против народа и против властителей, отличающиеся некоторою целостностью, избегая по возможности отрывочных поучений, смешанного содержания. При этом должно помнить, что в обличении народного корыстолюбия лучшую часть поучений составляют обличения богатых.

аа) Обличение народного корыстолюбия

Мы видели, в какой сильной степени сословия древней Руси были заражены корыстолюбием, вследствие притеснений и общественных беспорядков. В довершение характеристики средних и особенно торговых сословий должно припомнить свидетельство Буссова. «Никто не доверял своему ближнему; цены товаров возвысились неимоверно. Богачи брали проценты больше жидовских и мусульманских. Бедных везде притесняли. Друг друга ссужал не иначе, как под заклад, втрое превышавший занятую сумму, и кроме того брал по четыре процента в неделю; и если заклад не был выкуплен в срок, то пропадал невозвратно». «Впали мы, говорит Палицын, в лихвы, неправды и всякие злые дела». В поучениях, направленных против народного корыстолюбия, проповедники примешивают обличения зависти, вражды, клеветы, грабежа, убийства, и других страстей, сродных с ним; дают наставления относительно займов, процентов, милостыни, пощады слуг и домашних. И все эти жизненные вопросы решаются односторонне, с библейской, нравственной точки, без всякого понимания экономических условий и гражданского нрава; все сводится к аскетизму, самоотвержению и пожертвованию в пользу ближних. Замечательное в этом роде поучение: «правило св. отец о покаянии (XIV века)». «Отрекись неправедного имени; а праведного не храни, не щади раздавать убогим. Отрекись давать деньги в лихву, а дай ради Бога. А что приобрел лихвою, неправдою, клеветою, мздою, грабежом, клятвою, поклепом, присвоением чужого, воровством, разбоем, или награбленным в пожаре, все это возврати по принадлежности. Если нет (владельцев), раздай убогим сторицею. Краденое отдай десятирицею, награбленное и взятое с процентов – сторицею. Праведным именем обогащайся и от него давай милостыню убогим и обретай милость Божию; чти Бога от праведных трудов твоих. А хуже всего прибыль, взятая с искупающихся от рабства; таковые не узрят милости Божией. Не помиловав равного себе человека,

созданного Богом, не насытившись уреченною ценою, не только губят свои души, но и прилагают горе на горе: приводят лжесвидетелей, подкупают злых судей многими дарами. Если кто по неведению обогатился изгойством (продажею рабов), вороти тем же, и не пойдешь в муку. Равно, продающий слугу должен взять столько, сколько дал за него; а если лишнее, то хуже того, который берет наклады, торгует (присолит) живыми душами, с которыми станет пред Богом на суде. Также берущие изгойство на детях, выкупившихся на свободу (лишние деньги за выкуп от рабства), продают кровь неповинную; лучше бы им не родиться, нежели полезти в непроходимые муки. И все верные и смысленные, приобретшие несправедливое имущество, если возвратят (его) назад, избавятся от греха и сподобятся жизни вечной. И ты, сын, если держишь несправедливое имущество, отдай (тому), кого обидел, и приди на покаяние, и Бог простит тебя и спасет⁴¹⁹». В слове «о казнях божиих» подробно исчисляются пороки, неразлучные с корыстолюбием. «Неправда и зависть умножилась в нас, злоба превозмогла, величание надмило ум. Звери насыщаются и скоты, а мы не можем насытиться. Одно доставши, другое собирают неправдами, процентами, грабежом, воровством, разбоем, клеветою, несправедливым судом⁴²⁰» и проч. В этом роде написаны и следующие поучения в Изумруде соловецком: слово Златоуста (о хищении) л. 56. Правило св. отец, направлено против пьянства и несправедливого собирания имений⁴²¹. Поучение о лихоимстве и пьянстве⁴²². Наставление в виде притчи, (направленное) против ненасытного желания богатства⁴²³. «Некоего христолюбца толкования от премудрости», – направлено против желающих богатиться и самонадеянных мудрецов⁴²⁴. Слово Златоуста о берущих много имущества, 35-е в Изумруде (проповедник сознается, что пользуется Златоустым). – 66 слово Златоуста, – подобного содержания.

Обличая корыстолюбие вообще, в связи с разными страстями и пороками, проповедники направляли свое слово и против частных проявлений корыстолюбия, или против людей, промышлявших незаконными средствами к жизни, питавшихся на чужой счет. Особенно сильно они обличали ростовщиков,

лентяев, странников, стремившихся без признания в монастыри, и наконец богачей, притеснявших бедных.

66) Обличение ростовщиков

Относительно ростовщиков находим множество наставлений; но эти наставления разбросаны в бесчисленных поучениях, в виде кратких заметок и советов. Митр. Никифор в поучении о необходимости поста и покаяния говорит: «отпусти должникам долги; если это невозможно, то по крайней мере отпусти большой рост, который подобно змее съедает убогих. Если ты постишься и берешь с брата рост (проценты), то нет никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а ешь мясо, – не мясо овцы, или других животных, но брата твоего, закалая его злым ножом лихоимства, несправедливой корысти, тяжкого роста». Неизвестный проповедник св. Кирилл, в слове о посте говорит о прощении обид и долгов. Это слово, современное введению христианства в стране, указывает на обычай, упоминаемый и в правиле митр. Иоанна. Барышники, купив рабов из язычников и обратив их в христианство, снова продавали язычникам, с выгодой. «Простим повинных пред вами, чтобы Отец небесный оставил и наши грехи; ибо если мы не пощадим единоверцев своих, то какую милость получим от Бога? Я вижу многих, бьющих дружину свою, из-за незаконных накладов, пока биемые не продадутся поганым (язычникам). Окаянный, кого ты вогнал в поганство, ради малого прибытка? Такого же человека, и особенно (и притом) христианина. Сын Божий пришел с небес и пролил свою божественную кровь, спасая человека; а ты, противясь Богу, убиваешь тело и душу человека, освященного крещением. Если не отстанете от своих сатанинских дел, то(вы) не достойны войти в церковь, пока не очиститесь покаянием»⁴²⁵. В Златоустнике 106 слово: «избранно от всех книг, еже имети всякому христианину страх Божий»; дополнения: «денег отнюдь не давай в рост, ибо апостол поставляет лихоимца (наравне) с блудниками». В Изумруде 126 слово подобного содержания.

вв) Обличение ленивых

Мы видели, какое множество нищих расплодилось в древней, неустроенной Руси, и в том числе обманщиков, попрошаек, дармоедов. «Они, подвязав руки и ноги, завеса и зажмуря глаза, будто слепые и хромые, просили милостыни». В дополнение к этому изображению представим честнейшие сведения о нищих и попрошайках. Посошков в свое время насчитывал в России нищих до 30,000⁴²⁶. В конце XVII века их насчитывали в Москве до 1,000 человек⁴²⁷. Эти нищие разгуливали по России, грабили, поджигали, бунтовали, лежали в тележках и на улицах, по указанию стоглава; пели глупые и вредные песни, по регламенту⁴²⁸. А что всего хуже: ослепляли младенцев, ранили их, скорчивали им руки и ноги, чтобы тронуть прохожих⁴²⁹. Этот ужасный промысел в больших городах продолжается доньше. Общественная и частная благотворительность не удовлетворяла нуждам нищих; богадельни при церквях были бедные и дурно управлялись⁴³⁰. Богадельни стали умножаться к концу XVII века. Это множество нищих, готовых на всякое преступление, было настоящим злом древней Руси, особенно в несчастные годы. Оно, как мы заметили, свидетельствовало о неустройствах государства, и, подобно паразитам в больном теле, предвещало его гибель. Не смотря на великость зла, поддерживаемого в государстве размножением нищих, проповедники не обращали на него должного внимания. Напротив, как мы сказали и докажем, они всего чаще толковали о милостыне и вспоможении нищим. Независимо от евангельской заповеди о благотворительности, проповедники видели общественные неустройства, порождавшие нищету, и потому снисходительно смотрели на нищих и их пороки. При всем том, умножение нищих в государстве, дармоедство и бессовестность многих из них, поражали мыслящих проповедников и иногда вызывали их негодование и обличение. Поэтому, в древнем проповедничестве находим несколько поучений, направленных против ленивых, «не желающих делать», «чужими трудами

кормящихся, аки червей, едящих капусту». Лучшее из этих обличений, проникнутое творчеством русского ума и глубоким негодованием, есть: «поучение св. отец к ленивым и не хотящим делать». Оно написано в сатирическом тоне, в виде метких афоризмов и присловий, и потому помещено было в «Пчеле».

«Любимые друзья и братие! не уподобляйтесь ленивым рабам; недолго спите, лежите, рано вставайте, поздно ложитесь, Богу молитесь. Лежа, добра не видать, чести и славы не получить, цветных одежд не носить, медового питья не пить, сладкого кушанья не есть... Беда по голням его (ленивого) бьет, долг в зашею толкает, недостатки в дому сидят, раны по плечам лежат. Уныние на голове, смех на бороде; помысл на устах, оскомина на зубах, горечь на языке, печаль в горле; в печенях сухота, во чреве алкота. Ленивый в долу не господин, жене не муж, детям не отец, добрыми – не знаем; в деревне жить ленится, на посадке не годится. Ходя по улице, как пес голодный в окна глядит, и как свинья об углы чешется. Нищета в пазухе у него гнездо свила, скорбь по бедрам висит, тоска и ноги связала. О, горе! леность привязалась к нему, как милая жена к мужу своему; часто вздыхает, расстаться не хочет. Ему воздают укоры и поношения, и бесчестие, – (все это) как снег на голову летит. И начнет окаянный чужими трудами кормиться, как червь капусту есть»⁴³¹. Показав безобразие лености, с ее нуждами и лишениями, проповедники побуждали ленивых к труду, обогащению и спасению. «Поучение ленивым, иже не делают, и похвала делателем». «Не хотел я об этом говорить вам, но боюсь сказанного: возбуждайте спящих и побуждайте ленивых к деятельности. Делатель подобен иноку, ибо, отрясши сон, идет на дело, в зной и зиму собирает плоды трудов, на спасение души; от них подает неимущим, кормит нищих. Руки прилежных разбогатеют, а делатель пьяница не может быть богатым; ибо леность есть мать злым. Господь обещал вечную жизнь не ленивым, спящим, лихоимцам, пьяницам и ворам, но тем, кои ради Бога труждаются своими руками»⁴³². «И что может быть полезнее, как не похищать чужого, без лености трудиться, и быть довольным от своей силы»⁴³³.

гг) Обличение странников и праздношатающихся

Корыстолюбие народа извлекало выгоду из самой религии, искусно прикрывалось ее духом и предписаниями. В России был целый класс людей праздношатающихся, под видом благочестия и богоугождения. Это, во-первых, были бродячие священники, которые по бедности своих приходов стремились в большие города, особенно в Москву, и нанимались служить в домовых церквях. В Москве они особенно толпились у Спасских ворот (в Кремле), где много проходит богомольцев. Бродячие попы занимались играми, ругались, дрались и торговались с прихожанами за совершение службы. Напр. они держали калачи в руках и говорили: «не торгуйся, а то закушу» (речь об обедне). Многие из них были без местных, запрещенные, готовые на всякое преступление за деньги, венчание незаконных браков и проч. В начале XVIII века в Москве насчитывали бродячих попов до 150 человек. Во-вторых, это были монашествующие обоюбого пола, бродившие по монастырям, городам и селам, заводившие уединенные скиты, собиравшие на построение церквей и проч. Между ними было много бродяг, преступников, беглых, укрывавшихся от податей и кары закона. На стоглавом соборе царь жаловался на попрошайство нищих богомольцев и разных пустынников. К концу XVII века возникло, в 50 лет, до 120 скитов в лесах, кои делались пристанищем раскола, дезертирства, тунеядства, незаконного пострижения и проч. «Большая часть, говорит Прокопович, бегут в монастыри от податей и лени, чтобы даром есть хлеб». В-третьих, это были богомольцы, странствовавшие по России и на восток, не только по обетам, но и ради свободы, дарового пропитания. Живя за чужой счет, занимаясь сплетнями и сказками, бражничеством и воровством, эти люди были в тягость обществу и возбуждали негодование властей. Уже в XII веке столь многие стремились в Грецию, на Афон, особенно в Иерусалим, что пастыри запрещали подобные обеты и путешествия. Св. Иоанн и Нифонт налагали эпитимию на странников, замечая, что их обеты опустошают Русь. Игумен

Варлаам, бывший в Иерусалиме 1062 года, видел там русских богомольцев⁴³⁴. Константинопольский собор (1301 г.), одоблив запрещения еп. Феогноста, изъяснился так: «многие под предлогом путешествия ко св. местам несправедливо наживают имение, хотят жить за чужой счет, и нередко распространяют о чужих землях ложные слухи». Толпа русских странников увеличивалась странствующими греками, которые нередко ходили с подложными гранатами, торговали ложными святынями, и, по свидетельству Крижанича, выдавали себя за епископов и митрополитов. Супруге Петра I они продали за 1000 р. кусок несгораемого холста, вместо ризы Богородицы. Все эти странствования вытекали из аскетических стремлений древней Руси, из благоговения к монашеству и местам, освященным подвигами святых. Но аскетические стремления многих странников и пустынников подавлялись страстями, житейскими нуждами и лишениями, и таким образом, из благих начинаний и целей происходили дурные следствия. «Сие мнози делают свободного ради жития, чтоб от всякой власти удален, возмогл жити по своей воле, на устрояемый скит собирал деньги, и теми корыстовался⁴³⁵». Из бесчисленных странников и пустыннолюбцев весьма немногие могли перенести лишения, труды и подвиги сверхчеловеческие, в борьбе с природою, страстями и людьми. Описание тягостной жизни пустынников северной России, особенно Зосимы Соловецкого и подобных, приводит читателя в ужас и уныние.

В древнем проповедничестве мы не находим поучений, обличающих праздношатание и неразлучные с ним беспорядки. Вероятно, пастыри снисходительно смотрели на странников, из уважения к их обетам и сану. Мы видели, что древние епископы ограничивали путешествия ко св. местам епитимиями. Соборы 1667 и 1681 г. ограничили праздношатание безвестных попов. Особенно важною мерою в этом случае оказалось разрешение службы вдовым священникам. Те же соборы и особенно регламент ограничили построение скитов, пострижение и бродяжничество монахов. Бродящих монахов и монахинь велено ловить и исправлять в заключении. «Многие непостриженные ходят, облекшеся в монашеский образ; от них

всякое зло, на соблазн многим». «Ловить волочащихся монахов, без подорожной, и отсылать к епископу⁴³⁶». Трудно, впрочем, допустить, чтобы в течение 700 лет ни один проповедник не возвысил голоса против праздношатания и соединенных с ним общественных беспорядков, если проповедники обличали менее важные неурядицы жизни. Надобно ожидать, что при дальнейшей разработке проповеднического материала, отыщутся в этом роде какие-либо поучения, к чести проповедников; равно отыщутся в большем количестве обличения других беспорядков, напр. кулачных боев и разных суеверий. Впрочем, мы находим обличительную заметку, относительно странников, в книге игумена Даниила (XII в.) – «Странник». Он вообще отзывался неодобрительно о путешествующих в Иерусалим; говорит, что они ходят туда без всякой пользы, обольщаются своим подвигом, и за возношение ума губят свои труды. Затем дает советы странникам, чтобы они сидели дома и совершали добрые дела⁴³⁷. Наконец, встречаем одно обличительное поучение, вероятно того же Даниила. «Слово св. Даниила о мирской суете и чернецах». «Слышим о (некоторых) наших соблазняющихся женитьбою. Думают, что брачная жизнь незаконна и лишает спасения. Другие оставляют своих жен и незаконно постригаются. (Они) не хотят трудиться и отходят в Иерусалим и в прочие города, ища льготы. Пошатавшись там, возвращаются в свои дома и каются в безумном своем труде... Св. апостолы и сам Бог, ходя в мире, учили уклоняться от неправды и всякой злой похоти, которые губят человеческую душу»⁴³⁸. В поучении раскрывается мысль, которую находим и в вопросах Кирика, что многие, путешествуя в Иерусалим, по склонности к бродяжничеству, «не затворяют уст своих от велеречия, и с прилыганием поведают, иже на оных землях⁴³⁹».

дд) Обличение непризванных искателей монашества

Вследствие аскетического настроения древней Руси, господства монашеского идеала в жизни, все сословия стремились к иночеству. Идеал монашеский, как выражение высшего совершенства, не встречая противодействия в других идеалах и стремлениях общественной жизни, развился до крайностей. Он породил во многих людях превратные убеждения о нравственности и обязанностях христианских. Составилось убеждение, что «живуще в мире, с женою и чады, не можно спастися». Это убеждение доселе держится в раскольничьих скитах, особенно в секте богомилов, порицающих брачную жизнь. Поэтому, в старину многие поступали в монастырь и облачались в монашеские одежды, не из одной корысти, но из убеждения в спасительности самой формы монашества и внешней обстановки его; а тем более при смерти старались облечься в ангельский образ. Многие мужья оставляли жен и детей, а жены – мужей, и поступали в монастырь; даже постригались на дому и дома вели монашескую жизнь. Многие родители обрекали своих детей в монашество и потом принуждали постригаться. Регламент воспретил этот обычай. «Обещанных и принуждаемых не постригать; наблюдати сего накрепко»⁴⁴⁰. Многие жены выпрашивали себе имение у умирающих мужей, обещая постричься в монашество и молиться о душе их. С. этою же целью многие наделяли монастыри имением и погребались в церкви, или в монастырской ограде, чтобы спастись молитвами подвижников. Но замечательно проявление эгоизма и корыстолюбия в самых священных стремлениях древней Руси. Монастырям обыкновенно дарили пустопорожние земли, ничего не стоившие, а при возделывании монастырском приносившие пользу государству. Несмотря на аскетические стремления самих проповедников и их любовь к монашеству, они довольно строго обличали неправильные взгляды мирян на этот предмет и проистекающие отсюда беспорядки. И во-первых, они строго

обличали тех людей, которые, оставив семью, поступали в монастырь, чтобы избавиться от забот и иметь готовое пропитание. «Братие, говорит неизвестный проповедник, послушайте (меня) любовно. Кто отходит в монастырь ради нищеты, или не может кормить детей (своих) и убегает от них, таковой бежит ради угождая чреву, а не из любви и угождения Богу; таковой отрекся веры, хуже неверных, и призывает многие проклятия. Ибо оставленные им дети умирают с голоду, босые и нагие изнемогают зимою, горько плачут, говоря: зачем отец и мать породили нас и оставили нас в великой нужде! И если нам повелено кормить чужих сирот, то тем паче не должно оставлять своих. Ибо Бог везде примет живущего праведно, по закону. И не спасут нас черные ризы, если начнем жить в лености, и не погубят белые, если творим заповеди божии. Ибо не монахам сказано: Я наг был, и вы не одели меня, и прочее. Монахам не велено выходить из монастыря; а если ходят, то сами принимают милостыню. Не пустынножителям сказано: в темнице был, и вы не пришли ко Мне; но все это сказано христианам, живущим в мире, делами (рук), да спасени будем⁴⁴¹». Несколько таких поучений, написанных в чисто практическом тоне, помещено в Православном Собеседнике и в древних сборниках. Поучение св. отец крестьянам; оно сходно с предыдущим словом, почти буквально⁴⁴². Слово к хотящим без вины законные оставлять жен своих и идти в монастырь⁴⁴³. В Златоустнике слово 81-е Златоуста, «от патерика душеполезно». К рассказу, взятому из патерика, прибавлена выписка из слова пресвитера Косьмы против богомилов, порицавших брак; выписка направлена против увлекающихся монашеством и неразумно избирающих подвижническую жизнь. В Изумруде: слово 21-е св. отец к христианам: взято из слова Косьмы на богомилов. Слово направлено против тех, кто оставляет жену и детей и отходит в монастырь. 152-е св. отца Василия Великого. Проповедник внушает отцам семейства разделять при смерти свое имение и объявлять завещание пред семью честными свидетелями; отнюдь не оставлять имение жене, не верить ее обещанию остаться вдовою и постричься в монашество. «Видел я, говорит проповедник, многих жен и

вдов, кои, не смотря на данные обеты, вышли за муж, завещание взяли себе, а детям своим ничего не дали». Подобное слово помещено в Правосл. Собеседнике 1858 г. декабрь.

ее) Обличение богатым

Но всего более, проповедники обливали корыстолюбие богачей, притеснявших бедный народ, порицали их милостыню и приношения в церковь, приобретенные насилием. «Слово о немилостивых богатых» (XII в.). «Богач! ты зажег в церкви свои свечи; но вот сюда же пришли, с воздыханиями к Богу, обиженные тобой рабы, сироты и вдовы. Своими слезами они погасят твою свечу. Лучше тебе не обижать их, нежели освещать храм неправедно собранным воском; помогай лучше тем, кого ты обидел. Это – лютость, а не милостыня, одних обидеть, а других миловать. Ежели рабы твои, пасущие стада, потравили нивы сироты, муками приневолены к работе, босые, нагие, голодные, избитые, истощенные безмерными накладами, лишенные сел и ограбленные тобою, с плачем вопиют к Богу: что и милостыня твоя! Лучше оставь неправды свои и сделай рабов своих беспечальными, нежели приносить Богу неправедно собранное имение. Тот именно милостив, кто дает от своего труда и своей силы»⁴⁴⁴. Некоторые поучения изображают домашний быт древних богачей. Так, в слове о богатом и убогом, изъясняющем притчу о Лазаре, картинно изображен внешний и внутренний быт русского богача. «Тот богато на земле жил, в багрянице и шелке (наволоце) ходил. Кони его тучны, украшены золотою сбруей, седла позолочены. Многие рабы его, в золотых гривнах, в монистах и обручах, в великой славе, шли позади и впереди. На обеде сосуды золотые и серебряные, кушанья многие и различные: тетерки, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, кабаны, дичина, пироги и проч. Многие повара работают до поту (с потом); много (прислуги) на перстах (пърстех) носят блюда; иные с боязнью обмахивают. Великие серебряные чаши позолочены, кубки и котлы, в них разные напитки: вино, мед чистый и квас. Питие всенощное, с гусями и свирельми. Веселие многое – ласкатели, наушники, шепотники (шьпилеве), празднословцы, смехотворцы, плясание, мерзости, вопли (и) песни. Готовят ему одр, насланный шелковыми пуховиками.

Лежащу ему и немогущу заснуть, одни гладят ноги, другие тешат по лядвеям, иные чешут по плечам, иные гудут, балагурят и кощунствуют. Такова была слава богатого»⁴⁴⁵. Слово св. Исихия сходно с предыдущим. Описав роскошь богача, проповедник делает фигуру обращения: «но и ты богатый умрешь и оставишь дом твой, обличающий твои дела. Каждый проходящий скажет: а! это дом того хищника, который облупил сирот; и вот двор его пуст. Не говори мне, что ты боярин, или посадник. Я не порицаю властей, но осуждаю делающих зло». Оба эти слова взяты с греческого подлинника, но переделаны применительно к правам русских богачей⁴⁴⁶.

жж) Обличение корыстолюбия и самоуправства судей и властителей

Выдерживая задачу практического проповедничества, мы показываем развитие идей в каждом отделе его и самую хронологию, насколько это позволяет содержание проповедей и проповеднических сборников. Такое развитие идей, применительное к событиям историческим и явлениям жизни, мы покапали в обличении язычества, разврата и других заблуждений и пороков. В страстях, проявляющихся одинаково во все времена и вызывающих однообразное поучение, каковы например: пьянство, пресыщение и т. под., нельзя подметить развития идей, новых сторон в предмете, прогресса в мыслях и слове. И обличении корыстолюбия богачей, странничества и праздношатания, против которых написано по два, по одному слову, оставалось одно: выписать те строки, замечания и картины, которые наиболее характеризуют дух и нравы эпохи. Чувствуем несовершенство в выполнении этой важной задачи, зависящее главным образом от неполноты и несовершенства проповеднического материала. Но в тоже время утешаемся мыслью, что прагматическая история проповедничества восполнит этот недостаток; а для «Очерка» исторического достаточно наметить те пункты и задачи, от решения которых зависит понимание развития проповедничества. При всем том, приступая к обличению судей и властителей, мы чувствуем необходимость раскрыть эту область обличений в исторической последовательности, хоть в общих чертах. Злоупотребления властителей имеют более важное значение для уяснения исторической жизни, нежели страсти народа. Князья и судьи заправляли государством. Притом же, положение судей, их деятельность и злоупотребления изменялись в своей форме, с течением веков. Дружина удельных князей, ее переходы с места на место, при передвижении княжеских престолов, и беспощадные грабежи, сменены боярством, при возвышении царской власти, оседлым правлением бояр и систематическим взяточничеством, «кормлением». История проповедничества

должна выяснить эту постепенность в развитии правительственной власти и злоупотреблений ее, показать типические черты насилий дружины, князей, поборов бояр, царей, и вредные следствия злоупотреблений, губительно отразившихся в нравах народа, в его лукавстве, лживости, лицемерии, плутовстве, хищности и корыстолюбии, которым так удивлялись иностранцы. Нельзя же в самом деле допустить, что эти вековые насилия властей, особенно стоящих на верху, шпионство и конфискации Годунова, разбои опричнины Грозного, не отразились в жизни народа, или благоприятствовали улучшению нравов. И русским проповедникам в эти бедственные времена предстояли трудные задачи, а их слову и обличению – широкое поприще. Словом: мы сознаем всю важность предстоящей задачи в этом отделе проповедничества и желали бы разрешить ее с возможною полнотою и обстоятельностью. К сожалению, и здесь, как и в других отделах практической проповеди, нельзя дать полного изображения предмета, начертания подробной картины самоуправства и корыстолюбия властей. Каких-нибудь два сборника, завещанные древностью, и в них два-три десятка обличительных поучений, без достаточных хронологических указаний, дают мало пособий к уразумению дела. Притом же, эти поучения отличаются общностью тона, преобладанием нравственных сентенций, подражанием греческим проповедям, компиляцией и повторениями, зависевшими от робости проповедников, неразвитости подчинения чужим авторитетам. В решении предстоящей задачи мы сделаем возможное, насколько позволяют литературные источники и материалы.

Вследствие исторических причин, изъясненных в изображении быта и характера народа, все сословия древней Руси проникнуты были эгоизмом и корыстолюбием. С особенною силою эти страсти сказались в властителях, имевших более средств к обнаружению своих желаний и требований. В обнаружении корыстолюбия и самоуправства властителей должно различать два периода: удельной системы и дружинного начала, правления царей и бояр. И в этих периодах должно отличать пределы или точки высшего

напряжения страстей и беспорядков. В первом периоде таким пределом или пунктом будет XIII век, когда к междоусобиям князей присоединилось нашествие монголов, и частное право взяло верх над законом. В это время, по указанию летописей, актов исторических и проповедей, настало полное самоуправство, полное попрание законов, притеснение бедных, насилие и грабежи. «Сокрушал и погублял всякий, а заступающего не бе». Во втором периоде таким пределом будет царствование Грозного, и следовавшее за ним царствование Годунова и междоцарствие. В это время «царь нача не милостивно раб своих гонити, и кровь их пролияти, грады краснейшие разрушати, христиан, даже до сущих младенцев, убивати. И тако многа лета во дни живота своего провождая, наконец старости пришед, нрава своего никакоже перемены». «А бояре крест целуют, да изменяют; держа города и волости, от слез и крови богатеют, ленивеют. В московском государстве нет правды; люди приближаются к царю не по воинским

заслугам и мудрости. Государь должен собирать доходы со всего царства в одну свою казну»⁴⁴⁷. Особенно в Сибири, вдали от закона и царя, самоуправство и насилие властей достигло последних пределов. Оно выражалось в таких безобразиях и пороках, что с трудом может быть высказано и передано на бумаге.

Слов, обличающих корыстолюбие и самоуправство властей, написано довольно много, и почти все они явились до XV–XVI века, как видно из некоторых указаний хронологии, заключающихся в сборниках, и содержания поучений. Некоторые из этих поучений написаны в XIII веке, во время полного обнаружения беспорядков и самоуправления властей. Поучения эти обыкновенно помещались в юридических сборниках, в руководство князьям и судиям, и тем более оказывали благотворное влияние на нравы, обуздывая корысть и своеволие властителей. Так, в «Мериле праведном», сборнике XIV века, в котором есть указания на монгольское иго, помещены следующие слова, в руководство князьям и судиям; а) пространное поучение в. кн. Василию, об обязанностях его и всех русских князей к их подданным; б) слово на немилостивых

князей; в) слово о гордости властителей; г) слово о судиях и властителях берущих взятки (емлющих мзду); д) слово о судиях и клеветах. «Если судия, говорит слово, кого-либо несправедливо осудить и продать, и на эти деньги купить пищу и одеяние, а вам (князьям) – обеды и пиры; то вы отдали стадо Христово ворам и разбойникам». В Кормчей XV–XVI века помещены слова подобного содержания; а) слово Василия Великого о судиях и властителях; б) слово Сираха на немилостивых царей и князей, которые судят несправедливо; в) слово его же царям, князьям и всем вельможам о гордости; г) слово о судиях и властителях, берущих взятки и несправедливо судящих; д) слово пророка Аввакума на обидящих и насильствующих. В некоторых кормчих книгах эти слова помещались вместе с «Русской правдой»⁴⁴⁸. Чтобы составить понятие о характере и содержании этих слов, достаточно прочесть первое слово Василия Великого о судиях и властителях, помещенное в Правосл. Себеседнике⁴⁴⁹. Это слово пространно, наполнено нравственными наставлениями и текстами, не отличается богатством красок и искусством изложения. Слова подобного содержания встречаются и в других сборниках; например, в Изумруде: слово Златоуста и св. отец, 28-е, чтобы не обижать вдов и сирот. Лучшее в этом роде слово по содержанию и изображению неурядиц XIII века, – св. Ефрема о мятеже жития сего. «Многие из вельмож, как псы, прежде времени сведены во ад, а богатые в последствии обнищали. Судья радуется, осуждая подсудимых; а восплакал, когда потерял власть. И ничто не твердо в людях, но все беспорядочно; один у другого захватил землю, а другой отнял имение. Вот село было за тем, а ныне там дом другого. Другие, не насыщаясь имением, порабощают свободных сирот и продают. Иные крадут и грабят, стараясь больше собрать имения. Нисколько нет правды в мире. Нельзя иметь веры к другому и надеяться на брата, ибо обещает мир, а мыслит зло. Лесть и зависть господствует и ненасытное корыстолюбие. Силу нам дал, (Бог), чтобы правду творить; а мы беззакония совершаем. Богатство дал, дабы подавать неимущим; а мы обидим сирот, причиняем насилие вдовицам, отнимаем у бедных. Власть вручил, дабы

избавляли обидимых, а мы из корысти обвиняем правого. Нет правого пути и суда, погибла любовь, умножилась ненависть, добродетель презрела, почтено высокомерие и гордость, погибла истина и ложь покрыла землю. О широта и глубина долготерпения Божия!»⁴⁵⁰.

При господстве насилий, неправосудия и взяточничества, обличительная проповедь не ограничивалась церковной кафедрой. Могли представляться случаи к обличению судей на всяком месте. И история сохранила нам один из таких поучительных случаев. Полоцкий князь Константин, желая обличить пред всеми своего судью взяточника, спросил епископа Симеона об его участи за гробом. «Владыка! где быть судье (тиуну) на том свете? – Там, где и князю. – Судья, неправедно судит, берет взятки, мучит и продает людей, совершает всякое лихо, – а я что делаю? – Если князь добр и богобоязнен, любит правду, жалуется людям: то он избирает судью, или волостеля доброго, богобоязненного, исполненного страха божия, разумного, праведного, знающего дела (суд) и все творящего по закону божью; тогда и князь в рай и судия в рай. А если князь не имеет страха божия, не жалуется христиан, не милует сирот, не заботится о вдовицах, поставляет судью или волостеля человека злого, не боящегося Бога, не ведущего закона божия, не разумющего суда, и это ради прибыли князя, а людей не щадит: то он как бы бешеного человека пустил да людей, дав ему меч. Такой князь, давший власть человеку губить людей, и сам пойдет во ад и судия с ним»⁴⁵¹. (Но где взять, можно бы спросить, идеального судью, а тем более многих) ?..

В период царей и господства бояр не видим умножения обличительных поучений, так как в это время начался упадок проповеди. Впрочем, в сборниках XV–XVII века встречаем древние обличительные, уже известные нам, нередко переделанные. Эти слова, как мы видели, отличаются преимущественно общими наставлениями о суде и правде, и потому легко удовлетворяли нуждам времени. Таковы напр. следующие поучения: наказание властителям о суете мира сего; слово судиям; слово о судиях и властителях неправедно

судящих и берущих взятки; слово Сираха о немилостивых князьях, несправедно судящих; слово Златоуста о берущих проценты с сирот; слово о том, чтобы сильные не обижали меньших, цари и князи – вдов и сирот; слово о многоимании; поучение – да никтоже уповает на себя, ни на властителя, но на Бога⁴⁵². В синодальном сборнике XVI века содержатся подобные слова: слово, да не обидят сильнии меньших; слово о вдовицах и сиротах, да не обидят их цари и князи и властители; слово Сираха на немилостивых царей и князей, которые судят несправедно; слово о судиях и властителях, берущих взятки и несправедно судящих; слово св. Василия о судиях и властителях⁴⁵³. Есть и в других сборниках слова подобного содержания, напр. слово пророка Захарии к немилостивым князьям, – «творите праведный суд». Некоторые слова озаглавливаются просто: судиям; властителям; сильным мира сего, и т. под. Может быть, некоторые из упомянутых слов написаны в позднейшее время, по готовым образцам⁴⁵⁴. Вообще, исчисленные нами слова проводили в диком обществе благодетельные убеждения, ограничивали жестокость и хищность судей, внушали им милость, снисходительность, чувство долга, правды, законности, честности, бескорыстия, верности службы, и потому они списывались во множестве экземпляров. В XVI веке митр. Даниил в посланиях к боярам изображал их происки и самоуправство, внушал им кротость и воздержание, предписывал осторожность и самообладание в делах, покорность своей участи, довольство службой и общественным положением.

Своеволие бояр, особенно в царствование Грозного, не всегда проходило даром. Многие из них за свои преступления подвергались казням, лишению чинов, имущества и ссылке. Между виновными были и невинные страдальцы, оклеветанные врагами. Многие из ссыльных бояр, особенно невинных, обращались к пастырям за утешением, просили их ходатайства и заступления пред царем. Проповедники не могли оставить страдальцев без утешения и совета. И вот, они написали довольно поучений, в коих раскрыли скоротечность жизни, суетность земных благ, пользу скорбей, необходимость покаяния

и исправления. Подобное увещание писал прот. Сильвестр одному опальному боярину. «Напоминаю тебе, что скорбное (в жизни) бывает не без божия промысла. Ты не малодушествуй, не враждуй, не злословь причинивших тебе скорбь; не осуждай царя, потому что он не без ума носит меч и есть отмститель творящему злое. Не завидуй богатым, ибо они подвержены многим грехам» и проч.⁴⁵⁵. Оканчивая обзор поучений, направленных против судей и князей, обратим внимание на дидактический тон и смелый дух, которым проникнуты они, даже в заглавиях своих. «Слово Сираха на немилостивых князей и царей, которые судят неправедно». Имя Сираха здесь несколько смягчает резкий тон и докторальность поучения. Вспомним беседу владыки Симеона с князем Константином, смело обличающую и грозящую адом. Нас удивила бы эта докторальность и смелость неученых епископов, если бы мы не имели понятия о их правах в древности, гражданском значении, которое делало их советниками князей. Что же касается слова: «царь», часто упоминаемого в древних поучениях, то это свидетельствует о подражании наших книжников греческим проповедям. Иным тоном проповедовали пастыри при царях; они сильно понизили свой голос, как это доказывают речи митр. Макария, обращенные к Грозному, и другие поучения.

Что касается обличения царей, которые нуждались в нем не менее князей, то мы почти не находим их в древнем проповедничестве. Напротив, мы видим уступки и поблажки проповедников державным лицам, конечно, вытекающие из немощи природы и страха пред властью. Немного героев в свете, которые пожертвуют своим счастьем и жизнью за правду и закон. Так, например митр. Даниил, разрешает второй брак кн. Василию при живой жене; и что еще удивительнее: собор пастырей разрешает Грозному четвертый брак. Впрочем, нашелся в то время пастырь великий духом, который осмелился обличить самоуправство и хищность Грозного. Это был митр. Филипп⁴⁵⁶. Впрочем, Филипп не исправил обличением царя и опричников, не облегчил участи гонимых, и за свою смелость поплатился заточением и жизнью. Среди общего уничижения пред царем, он своим великодушием оправдал на себе

пословицу: «один в поле не воин». Слушая обличения митрополита, царь сказал: «только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой! – Наше молчание, отвечал Филипп, полагает грех на твою душу и приносит смерть. – Мои ближние восстали на меня, ищут мне зла. Какое тебе дело чернецу до наших царских советов? – Я пастырь стада Христова. – Не прекословь державе нашей, чтоб тебя не постиг гнев мой, или оставь митрополию. – Я не просил митрополии, не искал чрез других, не действовал подкупом для получения сана. Зачем ты лишил меня пустыни»? ...

Максим Грек написал два послания к царю Иоанну IV, в которых напоминает о его обязанностях и предостерегает от пороков. «Истинный царь управляет подданными правосудно и старается господствовать над бессловесными страстями. Он должен избегать сребролюбия, славолубия, сластолюбия, гнева, пьянства, украшаться чистотою, кротостью, милосердием. Царь должен признавать лучшим советником того, кто внушает миролубие с соседями, а не того, кто возбуждает на войну. Он должен исправлять недостатки священников и пастырей, которые употребляют вклады, жертвуемые на нищих и сирот, на свои нужды, своих племянников и сродников»⁴⁵⁷. В другом послании учит царя правосудию, заботливости о подданных; внушает почитать епископов, беречь и награждать князей, бояр, воевод и воинов, миловать убогих, вдовиц и сирот. Подобное послание он писал и к великому князю (вероятно, Василию Иоанновичу). В послании проповедник, между прочим, упоминает о необходимости достоинств советников великого князя, князей и бояр, правосудии, прилежании, единомыслии и миролубии.⁴⁵⁸

г) Обличение семейного деспотизма

Мы видели, что эгоизм и корыстолюбие народа, развитые общественными неурядицами, выразились в домашнем быту семейным деспотизмом. Семейный деспотизм всю тяжестью своею пал на незащищенные существа: жену, детей и слуг.

аа) В отношении к жене

Деспотизм в отношении жены выражался в грубом обращении с нею, в притеснениях и жестокости⁴⁵⁹. По домострою, отец – господин дома, в котором все делается с его разрешения. «Достоит мужу свою жену наказывать, и наказав пожаловати. И дети, и слуги так же наказывати и раны возлагати, да наказав пожаловати. Ино плетью постегать, на едине; никакоже не гневаться жене на мужа». Допустим, что грубые нравы века и злоупотребление свободой вынуждали подобное обращение с женою, детьми и слугами. Но из житий святых видно, что женщина в старину часто страдала и невинно, вследствие предрассудков, и, между прочим, религиозных. Так напр. муж бил свою жену, когда она не рожала детей, или рожала одних девочек. В этом удостоверяет нас житие Александра Свирского. Вообще, по домострою, жена – забитое существо, она «должна быть трудолюбивая, послушная и молчаливая». В древних поучениях мы не находим сочувствия к женщине. Немногие проповедники высказались в защиту ее прав, и то слегка; напротив, многие высказались враждебно, считая женщину как бы опечаткой природы, орудием греха, соблазна и дьявола. Все это объясняется аскетическим строем древней проповеди и жизни, наследованным от греков, и неустройствами общественной и семейной жизни, о коих сказано выше. Сочувственное наставление об обращении с женою встречаем в словах митр. Даниила. Так, в слове 14-м, воспрещающем мужу разлучаться с женою, митр. Даниил учит любить своих жен и не обижать их. «А ты, говорит проповедник, непрестанно грызешь ее, до того, что она с ума сходит от твоего свирепства. О, человек, перестань так поступать». Затем советует не позволять женам, во избежание соблазна и больших расходов, лишних украшений, наблюдать во всем меру, в пище, питии, одеждах, сапогах, умовении. Патр. Адриан, как сказано, обратил внимание на самую причину семейных раздоров, – насильственные браки, и именем религии воспрещал их. К удивленью, духовенство не обратило должного внимания на

этот предмет, в течение 700 лет. Патриарх воспрещал «супружествовать нелюбящихся между собою». «Житие тех мужа и жены, говорит проповедник, бывает бедно, и друг друга наветно, и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно». Скучность поучений, ограждающих достоинство женщины, восполнялась в древности устными наставлениями подвижников, к которым обращались супруги со своими недоумениями, тайными просьбами и жалобами. Примеров тому – достаточное количество в житиях русских святых, и самые назидательные – в житии Александра Свирского.

Однажды обратился к преп. Александру боярин, с жалобой, что у него рождались одни дочери, за что он бил и оскорблял свою жену, и просил помолиться Богу о даровании ему сына. Преподобный отвечал: «и ныне жена твоя носит во утробе своей дитя, опять женского пола. А ты не скорби и не печаливай жены твоей. Не во власти твоей родить мужеский или женский пол. Вспомни Авраама и Сарру, не первее ли они умилиствовали Бога, и в старости сподобились чадородия? Вспомни Иоакима и Анну и других святых: не постом ли, молитвою и милостынею они преклонили Бога? Рассуди и то, что если сеятель сеет рожь или ячмень, то не думает жать пшеницу. Так и тебе о рождении дитяти должно просить Бога. Если хочешь умилиствовать Бога, то тебе следует быть милостивым к нищим, сиротам, вдовам, насыщать и одевать неоскудно домашних своих. Они для вас ходатаи царствия небесного; и такими делами преклонишь Бога и полнит твое желание». В другой раз к преподобному обратился богатый новгородский купец с жалобой, что у него рождались слабые дети и умирали. «О чадо! отвечал святой, не нам давать, чего хочешь, и не все можешь получить, чего желаешь; это – божие дело. Прежде ты имел детей, и все они в юности отошли от жизни этой, и последнего сына, которого имеешь, скоро погребешь. Все это за многие грехи твои. Бог вразумляет вас лишением чад, а вы не перестаете делать худое. Отныне перестань налагать проценты на проценты, будь милостив к нищим и убогим, сиротам и вдовицам, насыщай заключенных в темницах, и особенно не требуй от должников лихвы. Такими делами умилиставишь Бога; он подаст тебе чад,

которые будут утешением и наследниками твоими. И ты хорошо поживешь на земли, а по исходе души твоей погребен будешь пред чадами своими; и не только этого сподобишься, но и наследуешь царство небесное». Даже в болезнях рождения подвижники давали скорбным родителям утешение и советы. К одному святому, подвизавшемуся за рекой Москвой, князь Василий Данилович обратился за помощью по случаю тяжких родов кн. Софи. Святой отвечал: «о княгине не тужи – будет здрава, и в сей вечер родит тебе наследника». Эти и подобные наставления подвижников, исполненные мудрости житейской и прозорливости, оказывали спасительное влияние на нравы. Они разносились по окрестности в рассказах, записаны современниками на память потомству, обуздывали страсти и, вероятно, принесли более пользы человечеству, нежели собрания наших слов, поучительных бесед и размышлений, большею частью холодных произведений школы и бездушной схоластики. Относительно ранних браков, служивших причиной домашних неурядиц, проповедники тоже умолчали и не оставили нам поучений. Они довольствовались в решении этого вопроса соборными определениями, допускавшими ранний брак, по примеру греческих узаконений. Уже в 1830 году государственным законом определено: «для предотвращения вредных следствий несовершеннолетия, дознанных опытом, жених должен быть не менее 18 лет, а невеста – 16 лет».

В древнем проповедничестве, как сказано, мало поучений, ограждающих достоинство и счастье женщины; за то довольно поучений, враждебных ее счастью. В статье о влиянии суеверия на жизнь народа мы ознакомились с мрачными взглядами книжников на женщину. В дополнение к оскорбительным изречениям «Пчел» и «Слова Даниила заточника», можно привести выдержки из других сборников, дававшие повод проповедникам нападать на женщину. «Что есть злее и сильнее сна? Лихая жена; понеже – закона не ведает, Бога не боится, суда не страшится, срама не имать, хулима бесится, хвалима высится»⁴⁶⁰. «Жена есть сеть, прельщающая человека в сластях – светлым лицом и высокими очима намизающе, ланитом склаблящимся, языком поющим, словесы чарующи, ногами

играючи, дела убиваючи. Жена – источник злобы, сокровище нечистоты, сердцу копие, покоище зминно, хоругвь адова, диавол цвет, домовая буря, неукротимый зверь, украшенная ехидна»⁴⁶¹. Сообразуясь с такими определениями, проводимыми в литературе, и проповедники высказывали мрачные взгляды на женщину в своих поучениях. «Бежи, говорит митр. Даниил, женского упестрения и ломления, червлёных ее ланит, белости и мягкости тела, топкого гласа и мягкости словес, яко удицею уловляющая человека». И вот явился ряд поучений, ложно приписанных Златоусту, порицающих женщину, как неотвратимое зло и опечатку природы. И вместо ограждения счастья женщины поучения еще более расстраивали ее домашнее положение. Слово Златоуста о злых женах. «Лучше жить в пустыне со зверями, нежели со злою женою. Лучше болеть лихорадкой, нежели быть обладаему злою женою; лихорадка потрясет и перестанет, а злая жена сушит до смерти»⁴⁶². В слове предложен рассказ о поступке Евдоксии с Златоустым. Слово об Иродиаде и злых женах, и т. под.⁴⁶³

66) В отношении к детям

Телесное или так называемое «здоровое наказание» в древности преимущественно назначалось для детей. Домострой, как мы сказали, положительно предписывает сокрушить ребра юноше, в видах нравственного преуспевания его. «Казни сына своего от юности, и не ослабляй, бия младенца. Любя сына своего, учащай ему раны, не дай ему власти в юности, но сокруши ему ребра». Не должно удивляться педагогической методе предков XVI века. В средние века, особенно в XVI веке, этот метод воспитания господствовал во всей Европе и преимущественно в Германии⁴⁶⁴. В России, при аскетическом воззрении на нравственность человека, по природе грешника, жестокий метод воспитания был делом уместным и даже извинительным, при грубости нравов. Этот метод по своей неизысканности и простоте особенно укоренился в крестьянском быту. В актах встречаем жалобы начальству крестьянина или посадского человека, «что ему не вмоготу стало бить своего сына, а он не слушает отца». Впрочем, теоретические воззрения предков на воспитание детей редко оправдывались на опыте. Страх, угрозы и побои охлаждали сыновнюю любовь и нередко ожесточали детей против родителей. Порицание и оскорбление детьми родителей в старину было делом обыкновенным.

Уже в уставе Владимира находим статью о побоях, нанесенных детьми родителям и родителями детям. Стоглав, толкуя о воспитании детей, подтвердил заповедь о почитании родителей и изрек угрозу на непокорных детей. «Иже бьет отца или мать, да отлучится от Церкви». В древнем проповедничестве, как и следует ожидать, не находим светлых взглядов на воспитание детей, не видим ограничения побоев бесполезных, унижительных и вредных. Напротив, видим подтверждение взглядов домостроя; ибо сам домострой есть нравственно-аскетическая программа, извлеченная из проповеднических сборников, особенно Изумруда и Златоустника, о чем будет речь. Таково например «слово о

наказании, к родителям». «Человецы! внимлите о глаголемых, наказывайте своих детей измлада. Если твои дети не слушают тебя, то не щади их, как и премудрость Божия говорит. Сыну или дочери дай 7 – 12 ран, плетью; а если преступление велико, то 20 ран»⁴⁶⁵. Но за то находим и обличение детей, непокорных родителям, оскорбляющих и бесчестящих их. Обличения эти большею частью разбросаны в разных поучениях, в виде советов и замечаний. Так, в поучений Ефрема о мятежи жития сказано: «дети бесчестят своих родителей, а отцы отрекаются от своих детей». 55-е слово Изумруда о почитании родителей направлено против непокорных детей. Чаше встречаются в поучениях общие наставления о воспитании детей. Так, в 13-м слове митр. Даниил говорит: «о отцы! имейте попечение о ваших чадах, всегда воспитывайте их в наставлении и учении Господнем, бояться Бога и поучаться в законе Его день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословия и блуда, не красть, не лгать и бегать всякого зла... О юноши! возлюбите Бога, да наследуете живот вечный, не уподобляйтесь блудным, которые всегда велемудрствуют о красоте и проч... О отроки и девицы! возлюбите смиренное житие в целомудрии и чистоте, трудясь в хитростях, сколько по силе», и т. д. Конечно, и эти общие наставления могли иметь благодетельное влияние на воспитание, на облегчение участи детей, на возвышение их нравственности, если бы чаще повторялись.

вв) В отношении слуг

В изображении домашнего быта древней Руси мы ознакомились с бедственной участью рабов. В дополнение того изображения представим некоторые подробности, окончательно выясняющие участь древнего раба. По положению «русской правды» и «уставной грамоты» раб или холоп в древней Руси был признан товаром, вещью, которую можно украсть, продать, заложить, уничтожить, убить. Так называемые ушкуйники (разбойники, плававшие на лодках) ловили крестьян и рабов по селам, по дорогам, и продавали их в чужие земли, на подобие скота. Раб не смел жаловаться на господина, не имел права собственности и семейной жизни. Все, что он наживал тяжелым трудом, было собственностью его хозяина; а сам он оставался оборван, бос, голоден, готов на всякое преступление. Раб лишался прав христианина: быть благочестивым, ходить в церковь, получать назидание, исповедоваться, и часто умирал без крещения⁴⁶⁶. Так было при князьях. С возвышением нынешнего благосостояния России при царях, с развитием сословия бояр, заменивших древние княжеские роды, рабство на Руси увеличилось. По свидетельству Котошихина, в XVI–XVII веке принадлежностью богатой жизни считалось множество рабов. Бояре и ближние люди держали при себе от 100 до 1000 дворовых людей обоего пола. По свидетельству Крижанича, и прочие сословия на Руси подражали знати в расточительности и притеснении слуг. «Природный недостаток нашего народа – многое пирование и тщеславие в угощениях, за которыми следует расточительство и убожество. А за тем неизбежна жестокость в обращении с подданными. У нас нет счету людям, которые считают за честь много пировать и без толку раскидывать свое имение; а когда не станет средств на издержки, нещадно притесняют и прижимают бедных людей, своих подданных». Рабство в наше время составляет жизненный вопрос, в решении которого принимают участие европейские народы, под руководством веры, права, законодательства, истории и политической экономии. Невольно

представляется уму, что этот живленный вопрос, столь близкий образованному человечеству, не чужд был и древним людям, руководившимся верою – что возвышенные идеи о свободе и рабстве, созданные новейшею литературою, зарождались, хотя смутно, в лучших умах древности, – что эгоизм и корысть, унижавшие рабов до скотского состояния, возбуждали в благонамеренных людях отвращение и негодование. Действительно, лучшие люди древности, проповедники-аскеты поражались унижением рабов, столь несогласным с духом евангельской любви, и ратовали словом за их права и свободу. Мы сказали, что в древней практической проповеди всего чаще проводилась мысль о милостыне, причем упоминалось о рабах и несчастных. Редкое древнее поучение не содержит в себе наставлений об этих предметах. Но, независимо от этого, проповедники написали довольно много поучений в защиту рабов, в практическом тоне. Эти поучения, написанные в продолжении почти 700 летнего периода, не заключают в себе никаких научных взглядов и развития новых идей; напротив, они отличаются однообразием содержания и повторением одних и тех же нравственных наставлений. В поучениях, проникнутых, по обычаю, аскетизмом, проводятся следующие положения: рабы – те же люди, искупленные Христом; их надобно удовлетворять в необходимых потребностях жизни; надобно учить благочестию и христианской жизни. Затем изображаются следствия дурного обращения с рабами; и в этой статье проповедники жизненны, говорят с силою, заимствуют краски для своего слова из действительной жизни. «Если, говорят они, ты не удовлетворишь раба, особенно усердного, не научишь благочестию, станешь притеснять его, то он воздохнет и восплачет на тебя, начнет воровать, разбойничать, развратничать, или убежит в другую землю, продастся язычникам, или утопится, повесится. Грех и гибель его падет на твою ответственность пред Богом». Опуская из виду отрывочные наставления о рабах, разбросанные во многих поучениях, мы займемся словами, посланиями и устными беседами, направленными в защиту рабов. Наибольшая часть поучений, написанных в защиту рабов, надает на XIII–XIV век,

время крайних беспорядков и особенного притеснения рабов. О рабах часто упоминается в обличении судей и богачей и в епитимиях священников. С XV века, времени упадка живой проповеди, в сборники заносятся древние поучения о свободе рабов. Живую проповедь относительно этого предмета заменили, отчасти, послания подвижников к вельможам, и особенно устные наставления их о миловании рабов. Об устных наставлениях подвижников и влиянии их на нравы часто упоминается в житиях русских святых. Впрочем, устные наставления подвижников о миловании рабов и подобных предметах не заключают в себе ничего нового; они содержат повторение известных нравственных истин, проводимых в древних поучениях и посланиях. Так, владыка Симеон высказал кн. Константину о судье те сведения и замечания, которые заключались в «Мериле праведном» и других проповеднических сборниках. Димитрий Вологодский высказал одному вельможе о рабах те истины, которые повторялись и до него многими проповедниками.

Самое древнее поучение о рабах, полное практических наставлений, относится к XIII веку. Оно озаглавляется: «слово Церкви к тем, кои имеют челядь». «Кто из вас имеет рабов и рабынь, учите их, побуждайте к крещению, покаянию, наставляйте в закон божий грозою и ласкою. Ты – игумен в своем дому; если не учишь их, то дашь ответ вред Богом. Корми их довольно, снабжай одеждою и пищею, и чего просит, давайте, чтоб не скорбели. Не бесчестите их, ибо они такие же люди, данные вам Богом в услужение. Если же не дадите им одежды и пищи, а они начнут красть и разбойничать, не стерпев голода и наготы, вы ответите пред Богом. Позаботимся братие о спасении слуг наших, чтобы они были добры и богобоязненны. Если рабы будут наставлены в страхе божием, то они будут тебе помощниками в добре. Не оставляй их праздными, ибо праздность ведет ко многому злу; равно и не отягчай раба и рабыню, чтобы они не воздохнули на тебя Богу. Бог услышит их вопль и прольет на тебя гнев. Господа! удовлетворяйте своих рабов, да не опечалются и скорбят из-за телесной скудости; делайте всех довольными. Учите их закону; если не послушает

тебя, накажи его, не чрез силу, (и) так спасешь его душу и сохранишь от человеческих пороков. Если имеешь доброго раба, имей его как брата и сына; а если озлобишь его, (особенно) когда хорошо работает на тебя, то он убежит в другую землю»⁴⁶⁷. Слова подобного содержания; в Изумруде: 54-е слово Златоуста об обращении со слугами. «Если раб не послушает тебя, то накажи его плетью, не чрезмерно, но как велит божия премудрость, до 6 ран или до 10; а если преступление весьма велико, то до 20 ран, а более не велим». – 127-е ап. Павла, о супружестве. «Дайте займы и не отягощайте лихвою, чтобы не подпасть осуждению. Насилование должника, наказание слуг не по вине, чрезмерным трудом, наготою и голодом, есть душегубство; а они удавятся, или утопятся, или убегут к поганым (язычникам)». – 109 и 110-е слова о немилостивых богатых, резкого содержания, направлены против притеснений. «Ты зажег в церкви свои свечи, говорит проповедник, (взятые) от обиды бедных, и твоя свеча погасает (от их слез)». В Златоустнике: 16 и 98-е слова направлены против богачей, притесняющих бедных.

Из наставлений о рабах, писанных к частным лицам, замечательно послание Иосифа Волоколамского к одному вельможе. Оно резко обличает скупость вельможи и внушает ему заботу о рабах, под опасением вечных наказаний. «Слышал я, говорит проповедник, от божественных писаний, как они повелевают (о слугах) не рабов иметь в них, но миловать как братию, довольно питать и одевать, заботиться о спасении их душ, наставлять на все благие дела, чтобы поставить души их пред Богом чистыми и непорочными. А твои жалкие сироты (сирота- несчастный, последний нищий) в такой тесноте живут, что им не только нельзя совершать добрые дела, а тают голодом и не могут удержаться от злых обычаев. Великая беда и бесконечное мучение тем, кто не печется о домашних сиротах»⁴⁶⁸. Из устных наставлений о миловании рабов наиболее важно по-своему содержанью поучение Димитрия Вологодского некоему вельможе. С одной стороны, оно знакомит нас с двоедушным поведением вельмож и богачей, угнетавших рабов и заглаждавших свои грехи приношениями в

церковь, а с другой стороны – с благотельным влиянием подвижников на нравственность этих людей. Ибо, как замечает биограф Димитрия, «преподобный был смиренным учителем не одному этому вельможе, но и всем; паки же и учитель на покаяние, его же учение многим на пользу велию и на память, доныне». Некто вельможа, из окрестных жителей Вологды, принес в монастырь Димитрия, для братии, много брашна. Святой не принял дара и кротко обличил принесшего. «Чадо! что ты приготовил для нас, то возьми и отнеси назад. Сперва напитай живущих в твоём доме сирот и работников, чтобы они не гибли от голода и жажды; а остатки принеси нашей нищете. Да будет совершен венец твоей милости и да вменится тебе в оправдание». Вельможа с радостью выслушал кроткое обличение преподобного и обещал поступать по его учению. Зная грубые нравы рабов, мы вправе ожидать поучений и наставлений, обличающих их действия; но таких поучений не находим в древнем проповедничестве, по крайней мере в достаточном количестве. Для примера можно указать на послание митр. Даниила к в. кн. Ивану. В этом послании проповедник обличает слуг князя, за их пороки и преступления⁴⁶⁹.

д) Нравственные недостатки жителей Сибири, и обличение их

Все нравственные недостатки, какие мы видели в жителях древней Руси, были свойственны и жителям Сибири, как русским поселенцам; но недостатки эти были развиты в высшей степени, вследствие особого положения Сибири. Завоеванная в 1582 году, населенная идолопоклонниками и магометанами, она сделалась еще местом ссылки русских преступников и раскольников. Русское население в древней Сибири было незначительно; но с ним трудно было управиться, так как оно было раскидано на 300,000 квадратных миль. Осужденное законом, смешанное с идолопоклонниками, магометанами и раскольничьими сектами, разбросанное на громадном расстоянии, вдали от царя, закона и просвещения, население Сибири предалось всевозможной безнравственности и распушенности поведения. Сибирь, получающая и ныне, ежегодно, до 10,000 поселенцев, искушенных всякого рода беззакониями, в старину была настоящим моральным кладбищем. Государство стало высылать своих нравственных мертвецов в обширную Сибирь, и без того наполненную язычниками и преступниками. Чтобы не возмущать лишней раз нравственного чувства изображением грязных пороков древней Сибири, мы предоставим говорить о них самим проповедникам, и то вкратце, без разъяснений. В первом периоде, с XVI до XVIII века, немногие проповедники занимались просвещением Сибири, обличением безнравственности христиан, заблуждений раскольников и обращением в христианство идолопоклонников и магометан; а при тогдашней скудости средств для умственного и нравственного образования, и эти немногие ревнители добра не могли сделать многого для обширной неустроенной страны. Первые пастыри – проповедники Сибири были вместе и миссионерами. Разъезжая по обширным епархиям, они наставляли народ в добре, строили церкви и монастыри, как школы христианского образования. Затем, применяясь к условиям местности, они рассылали окружные

грамоты или поучения народу и предписывали священникам и инокам заниматься его нравственным воспитанием. Уже к концу первого периода явились в Сибири образованные проповедники, которые занимались составлением поучений, по правилам искусства, и оставили нам свои произведения. Говоря о миссионерском проповедничестве, мы упомянули о первых миссионерах, проповедниках Сибири, и знаменитом арх. тобольском Киприане. Исчисляя его подвиги, мы заметили, что он «исправил многую слабость в незаконных и крестил многих неверных». Он устроил также в своей епархии несколько монастырей и церквей. Другим знаменитым миссионером-проповедником, в конце XVII и начале XVIII века, был митр. тобольский Филофей. Он часто путешествовал по Сибири, со своими священниками, и обратил в христианство до 40,000 инородцев; построил до 37 церквей. 1703 г. во всей Сибири было 160 церквей⁴⁷⁰. В деле обращения раскольников сибирских трудился инок Михаил, посланный патр. Иоакимом, и особенно митр. тобольский Игнатий. Игнатий путешествовал по своей епархии, для вразумления и обращения раскольников. Он написал три обличительные послания против раскола; в отношении содержания особенно важно первое. И нем митр. раскрыл ту мысль, что надобно остерегаться руководителей, которые внушают самосожжение, как мученический подвиг, отвергают таинства и обрядность церковную. Из многих грамот пастырских мы ознакомимся с грамотою или поучением арх. тобольского Симеона, писанною в 1653 г., к миру (в якутский острог). Эта грамота, проникнутая нравственно-аскетическим учением, хорошо знакомит нас с пороками сибиряков. Она написана в древнем тоне, беспорядочно, тяжелым языком, и от того, при всей благонамеренности своей, лишена силы и убедительности. Повторив несколько раз наставления о посте, молитве, хождении в церковь, исповеди, страхе божием, сокрушении, умилении, слезах, милостыне и вообще покаяния, проповедник изображает беззакония народа, навлекающие гнев божий. «Смиримся пред Богом, отвратимся от всех злых дел: блуда, прелюбодейства, содомства, пьянства, гнева, всякие нечистоты, осуждения, клеветы, грабежа, лихоимства, зависти,

скверных слов и ругательств, губящих душу. Слышится в вас пагубное и скверное блуждение. Некоторые из вас бесчинники живут с татарками (язычницами) и прижитых детей морят и бросают. Кроме того, берут в плен (язычниц) татарок, или покупают, крестят их, живут с ними два-три года, и потом продают их ради корысти»⁴⁷¹. Кстати заметить, что проповедник советует всем ежедневно ходить в церковь и особенно соблюдать среды, пятки и великий пост. Митр. Филофей свидетельствует о необыкновенном количестве детоубийств, совершавшихся в его время, в Сибири. Кроме исчисленных пороков, общих всем сословиям древней Сибири, каждое из них отличалось частными недостатками. Особенного внимания в этом отношении заслуживают судьи и правители. В дали от царя и закона они позволяли себе самоуправство и насилия, превосходящие всякое вероятие. Сибирские летописи наполнены жалобами на неправосудие и жестокость судей; но проповедники боялись обличать их⁴⁷². В начале XVIII века в Сибири явился образованный проповедник, бывший префект московской академии, св. епископ Иннокентий. Он оставил нам собрание своих слов, не раз списанное почитателями его памяти. В словах свят. Иннокентия обличаются все пороки сибиряков: невнимание к христианским обязанностям, преимущественно пьянство, разврат, сквернословие и корыстолюбие; обличаются пороки сословий и самых судей; излагаются нравственно-аскетические наставления о добродетелях, покаянии, пренебрежении земною и приготовлении к небесной жизни. Между прочим, святитель внушает всем ежедневно ходить к утрени, обедне и вечерне, соблюдать домашнее правило, пост, есть и пить в меру, в определенное время. Особенно сильно проповедник изображает превратность славы и счастья судей и необходимость подвигов христианских. «В мире все изменно. Ныне в чести и славе, завтра в темнице и заключении; ныне не может счесть богатства, завтра алчет крупичицы и не обретает; ныне на свободе, завтра в неволе; ныне господствует и повелевает, завтра издыхает». «Мы грешные, нечистые, всегда грехи творим, а не раскаиваемся, в церковь не ходим.

Безленостно приходите к вечерни, утрени, обедне, к началу: слушайте со вниманием, в молчании, и до отпуста не выходи. Если далеко от церкви, можешь дома исправить свое правило, пение и поклоны по силе; и не ленись. Посты и праздники почитай честью. Некоторому царю, имевшему семь дочерей, люди поклонились и шесть дочерей почтили дарами, а седьмую презрели; и царь прогневался на них, зачем не почтили меньшую. Так почитайте небесного Царя дарами, ов молитвою, ов постом со слезами, и св. пост, семь недель, почитайте, яко седмь дщерей царя небесного; седьмую, яко последнюю, не презирайте»⁴⁷³. Мы высказали общий взгляд на проповедь в Сибири, ради полноты и всесторонности плана сочинения; между тем эта проповедь, по важности и обширности своего содержания заслуживает особого отдела в истории русского проповедничества⁴⁷⁴. Проповедничество в Сибири, изображающее разлитие пороков, вдали от закона и руководства религии, объяснит нам благотворное влияние проповедников на нравы и опасность удаления от их руководства. Какая противоположность в нравах жителей европейской России, руководимых законодательством и верою, и поселенцев Сибири, предоставленных самим себе и влечениям грешной природы! Там – сдержанность и постепенная усовершенствованность народа в 700 лет, при всей недостаточности руководства законов и веры; здесь – растление нравов, достигшее последней степени, в каких-нибудь 100 – 150 лет!

Глава третья. Увещание и утешение в бедствиях, как следствие греха

В изображении древнего быта русского народа мы показали его неурейства и бедствия. Причём мы обратили внимание на самые причины этих неурейств и бедствий, общие и частные. Предмет – очень важный для уразумения характера древнего проповедничества; ибо, как увидим, древние проповедники объясняли все бедствия и неурейства народа общею причиною: грехами и гневом Божиим. Главные из этих бедствий были: а) раздоры и войны князей и городов, дававшие пищу всевозможным страстям и преступлениям; б) нашествия варваров на Россию и особенно монголов; в) бедствия физические, особенно от голода и мора, черной смерти в XIV и чумы в XVII в. На все эти бедствия пастыри, как воспитатели народа, должны были отозваться словом увещания и утешения. И они отозвались на них, вообще, не как отцы утешители, а как блюстители нравственности, признававшие все бедствия наказанием за грехи. Таким тоном увещания пастыри, строго говоря, недостаточно утешали народ в бедах и, может быть, в тяжких случаях усиливали его смущение и страдание, хотя делали это невольнo, по искренности убеждения и вследствие религиозных предрассудков. Мы не причисляем к бедствиям убеждение в близкой кончине мира, хотя проповедники и этот предрассудок считали карою Божией, и своими мрачными предсказаниями смущали народ в продолжение 300 лет. В проповеди о бедствиях, продолжавшейся чрез весь период, пастыри не касались ближайших причин бедствий, чем много облегчили бы страдания народа. Они всегда руководствовались библейским взглядом на этот предмет, общею причиною – грехом и гневом Божиим. Такой взгляд на бедствия народа наши проповедники заимствовали из греческого проповедничества, в котором, как мы видели, все бедствия государства тоже объяснялись грехом и гневом Божиим. Особенно они считали несомненным признаком гнева божия войну, голод и мор. И ни в одном отделе проповедничества

наши проповедники не отличаются такою подражательностью грекам, как в учении о бедствиях; в этом отделе они теряют всякую самобытность мысли, все повторяют одно и то же. Общая мысль и содержание всех поучений о бедствиях – призывание к покаянию, посту, молитве, слезам, исповеди и вообще добродетелям, умиловляющим Бога за грехи. И замечание критиков о бесцветности и безличности древних проповедников в этом отделе имеет полное приложение. «Они так похожи друг на друга, что нельзя составить понятия об отдельной личности. Развития в их идеях никакого; чем начал один в XI веке, тем кончил двадцатый в XVII веке». Действительно, около половины XI в. св. Феодосий в поучении о казнях божиих, написанном едва ли не по случаю нашествия половцев, говорил, что причиною казней божиих: «нашествия иноплеменников, голода и проч. наши грехи». В XV веке, по случаю общественных бедствий, эту мысль всего чаще повторял в поучениях митр. Фотий. В половине XVII века патр. Никон, как увидим, повторил те же мысли и доказательства, по случаю моровой язвы. Нельзя совершенно отрицать сказанного взгляда на бедствия; но справедливость его может быть допущена только в обширном и общем смысле, при недостатке частных, неопровержимых обстоятельств. Определение божие о грехе, как нарушении закона, таково, что грех всегда наказывает нас дурными своими следствиями. Но от естественных следствий греха, которые можно предусмотреть и отвратить, должно отличать необыкновенные наказания, напр. всемирный потоп, плен вавилонский, которые не могут быть предусмотрены и отвращены, при нераскаянности людей. Принимая во внимание отвлеченный, нравственно-аскетический характер поучений, сказанных по случаю бедствий, мы не можем назвать их практическими в строгом смысле, а разве в смысле цели, к которой они направлены; цель поучений состояла в облегчении бедствий, утешении и успокоении народа⁴⁷⁵.

а) Обличение междоусобий и раздоров князей, бояр и вольных городов

Междоусобие удельных князей было главным бедствием древней Руси. Оно грозило совершенным разложением государства, подчинило его монголам и породило бесчисленные неурядицы. В это неурядичное время, обнимающее XI–XIV века, спасителем государства явилось духовенство. С одной стороны, оно ограничивало междоусобия обличением и назиданием, с другой стороны, подкрепило свое слово делом, возвысило царскую власть в лице московских князей и содействовало уничтожению уделов. Прямых, официальных обличений раздоров князей мы почти не находим в древнем проповедничестве. Это объясняется благоговением пастырей к властям, наследованным от греков, основание которому лежит в писании, а равно политической зависимостью их от князей. К тому же, пастыри понимали, что раздоры князей за наследство глубоко коренятся в государственном строе и что их обязанность по возможности ограничивать непобедимое зло. Пастыри обуздывали самоуправство князей большею частью домашним увещанием и посланиями. К такому увещанию их обязывало гражданское право, по которому они были советниками князей, и духовное, как отцов духовников, руководителей в вере. Известно, что духовниками и руководителями древних князей большею частью были игумены, славные по жизни и уму; они нередко возвышались до сана епископа и митрополита. И редко духовниками князей и царей были протоиереи, тоже известные по своим услугам. Только в крайних случаях, когда того требовало общее благо, пастыри оставляли свойственный им спокойный тон, прибегали к угрозам, обличениям и запрещением. В таких случаях они большею частью действовали по поручению высшей иерархической и гражданской власти.

аа) Увещание и обличение князей

Пастыри Церкви, как учителя веры и советники князей, нередко писали к ним послания, по разным случаям и обстоятельствам. В этих посланиях они обыкновенно побуждали князей к благочестию, внушали им заботливость о подданных, внимательность к службе и правосудие. Этими мерами пастыри достигали важных целей и приносили не малую пользу государству. Настраивая князей на добро, они обуздывали их страсти, ограничивали влияние клеветы, вражды, разделений и смут. В критические минуты пастыри нередко одушевляли князей на подвиг самоотвержения для блага государства. Так, митр. Никифор в послании к Мономаху, писанном по случаю поста, дает наставления князю об обязанности его. Как грек и ритор, усвоивший византийское образование, он осторожно идет к цели, прикрывает свои наставления разными умствованиями, фигурами и изворотами слова. Он учит князя вникать в дела правления, не доверять окружающим его людям, особенно клеветникам; ибо по их проискам многие подвергаются незаслуженным наказаниям и изгнанию. В заключение, советует князю помнить и петь псалом: «милость и суд воспою тебе»⁴⁷⁶.

Подобным образом Кирилл Белозерский в послании к в. князю Василию убеждает его быть внимательным к своим обязанностям, по той причине, что «если он удостоился великой государственной власти, то должен более всех трудиться». Такое же наставление дает игумен Филофей московскому князю. «Царствующему надлежит держать свое царство с великим опасением. Убойся Бога, давшего тебе все это; не надейся на золото, богатство и славу, ибо все это здесь останется. Богатство заключается не в сокровищах, но в помощи нуждающимся»⁴⁷⁷. В этом же духе писал послание митр. Даниил к в. князю. «Великому государю надлежит исполнить добродетель и правду, заботиться о том, чтобы привести находящихся в твоей власти в разум истины; ибо государь есть глава своим людям. Не хвались сильным своею силою, ни богатый богатством, но о том хвались, чтобы

разуметь и творить суд и правду»⁴⁷⁸. Из посланий, имевших влияние на участь государства, заслуживает внимания послание преп. Сергия к Димитрию Донскому, побудившее его переправиться за Дон, перед куликовской битвой. «Иди, господин, писал преп. Сергий; поможет тебе Бог и св. Богородица». Подобным образом митр. Геронтий побуждал Иоанна III сразиться с Ахматом, для освобождения отечества. «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу. Мужайся и крепися, духовный сын, как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает свою душу за овцы. Избави врученное тебе стадо от грядущего зверя»⁴⁷⁹. В этом отношении замечательна грамота к Иоанну III духовника его Вассиана. По свидетельству одних, эта грамота ободрила Иоанна и его войско к битве с Ахматом; по свидетельству других, она не имела влияния на ход дела (но вовремя прибыла). Но как памятник проповедничества, свидетельствующий о необыкновенном патриотизме и ревности ко благу отечества, грамота заслуживает внимания. Между прочим, эта грамота служит доказательством того, что наши пастыри щедро расточали московским князьям царские титулы, и чрез это содействовали их возвышению. В грамоте Вассиан изобличает крайнюю осторожность Иоанна III, по которой он уклонялся от сражения с татарами, и трусливость бояр, склонявших Иоанна к отступлению. «Что тебе советуют? повергнуть щиты, предать христианство и отечество сыроядцам, и после скитаться по чужим странам! Государь, помысли, из какой славы до какого бесчестия хотят они довести твое величество! Сколько чрез это погубишь народу, сколько церквей оставишь разоренными! Убойся, Бог взыщет от тебя кровь русских людей. И куда хочешь бежать, где воцариться, кому оставить царство свое? Оставь свое намерение. Если скажешь: мы под клятвою прародителей не поднимать рук против царя... Боголюбивый царь! когда клятва дана по нужде, нам велено прощать и разрешать от нее. Святейший митрополит, и мы, и весь собор, прощаем, разрешаем и благословляем тебя идти не на царя, но на разбойника и хищника. Лучше солгавши получить жизнь, нежели погибнуть, истинствуя»⁴⁸⁰. Действуя на князей посланиями,

наставляя их в добре и благочестии, пастыри тем с большим дерзновением и вместе с осмотрительностью обличали их в преступлениях и раздорах. Приписывая князьям царские титулы, пастыри не хотели обличать их публично, чтобы не унизить Богом поставленной власти. Они только намекали в церковных поучениях на раздоры и междоусобия князей, и потому поучений этого рода до нас дошло мало⁴⁸¹. Обыкновенно пастыри обличали князей в домашней беседе, наедине, редко посланиями, и склоняли их к примирению. Обличая раздоры князей, пастыри говорят о зависти, неблагодарности, нехранении тайны, нарушении клятвы, и других низких страстях, питаемых междоусобиями. О подобных страстях и пороках они упоминали и в обличении судей, богачей и властителей.

Так, в Златоустнике 33-е слово св. отец о смирении направлено против вражды и раздоров. Другое слово, под тем же номером, Златоуста, направлено против злобы (здесь между прочим сказано, что Сампсон погиб от пьянства). 110-е сходно содержанием с предыдущими словами и распространено дополнениями. В поучении, произнесенном на владимирском соборе, сказано: «20-е мытарство назначено для тех, которые своею враждою погубили Россию». В Изумруде 46-е слово Златоуста (историч. повесть) учит не верить клеветникам. Мысли о нарушении клятвы, данного слова и вероломном целовании креста разбросаны во многих поучениях. «Ничего нет хуже и грешнее, говорят проповедники, как целовать крест криво; за это Бог насылает разные казни». Встречаются также наставления о хранении тайны. «Дела божии поведать, а тайну цареву хранить». «Кто хранит тайну, блюдет свою голову», и т. под. О благодарности написано поучение Кириллом арх. ростовским (XIII в.). «Имей всегда в памяти своего благодетеля и молись за него. Не смей забывать того, кто помог тебе в беде, выкупил из плена, простил долг и проч. А кто не помнит своего благодетеля и злословит его, тот подобен голодному и замерзшему псу. Быв согрет и накормлен, он лает на своего благодетеля и хочет укусить его»⁴⁸².

Из многочисленных домашних бесед и обличений князей, отчасти и посланий, мы обратим внимание на те, которые сопровождались важными следствиями, ограничивали кровопролитие, восстанавливали общественный и семейный мир. Из житий печерских подвижников видно, что они благотворно действовали на князей киевских своими беседами, располагали их к миру и взаимной уступчивости; особенным успехом в этом деле пользовался Феодосий печерский; он писал обличительные послания к кн. Святославу. Но самую обширную деятельность в примирении князей показал митр. Кирилл I-й, часто посещавший неустроенную Русь, при начале монгольского владычества. Он тем более имел успех в своем деле, в бедственное время России, что был «великий философ», по выражению летописи, «смышлен в божественном писании, искусен в учении и весьма учителен»; поучения его не дошли до нас. Достойны упоминания в этом отношении и другие пастыри. Митр. Петр увещевал Святослава поделиться землею с племянником, или оставить ему все, выйти из города и не сражаться. Митр. Феогност принудил князя Александра, принятого псковитянами, удалиться из Пскова, и тем предотвратил войну с Иоанном Калитой. Подобным образом св. Сергей примирил князей Олега и Димитрия. «Сей чудный старец кроткими и тихими речами беседовал с Олегом о мире, любви и душевной пользе, и кн. Олег переменял свирепость, утих, умилился душою, устыдясь такого св. мужа. Он заключил с Димитрием вечный мир, и скрепил его женитьбой своего сына на дочери Димитрия». Это один из многих примеров и доказательств столкновения двух сил, – моральной и материальной, и превосходства первой над последнею. Митр. Фотий предостерегал князя Василия от замыслов дяди его Юрия. Игумен вологодский Григорий обличал князя Юрия и просил его уступить престол племяннику Василию; он также обличал Шемяку, грозя ему гибелью за обиды, причиненные христианам. Митр. Иона смело ходатайствовал за князя Василия перед Шемякой. «Ты сделал неправду, ввел меня в грех и стыд, обещал выпустить великого князя, а вместо сего посадил и детей с ним. Ты дал мне честное слово, и они

послушали меня, а теперь остаюсь пред ними лжецом. Выпусти его, сними грех с своей и моей души; что тебе может сделать слепой и малые дети? Если боишься, укрепи его честным крестом и нашею братией – владыками». Это ходатайство имело влияние на освобождение Василия и на дело московского государства. Епископы, руководимые Ионою, поддерживали и защищали в. кн. Василия, убеждали Шемяку примириться с ним, грозили ему отлучением от Церкви и проклятием. Арх. Вассиан действовал успешно в южных областях России, по поручению митр. Ионы, утверждая князей, епископов и народ в вере и добродетели. Митр. Иона устроил и домашний мир князей. Строгим посланием он обличал детей кн. Юрия, не покорявшихся своей матери. «Прослави всем сердцем отца твоего и не забудь матернего рождения. Вспомни, яко от того родился еси. Что воздашь им за дар их? можешь ли их родить? Чтущий отца и мать сам возвеселится о чадах»⁴⁸³. Собственно, посланиями часто примирял князей Кирилл Белозерский; он увещевал и располагал к миру братьев великого князя Андрея и Юрия. К князю Василию он писал: «мы слышали, что между тобою и сродниками – суздальскими князьями идет великое смущение, из-за вас христианам кровопролитие. Рассмотрим, где правда? и если ты виноват, уступи. Слышно, что ты стесняешь их; окажи им любовь и милость»⁴⁸⁴.

66) Усмирение вражды князей и вольных городов

При раздробленности древней России и медленной организации царской власти, поводы к войнам и общественным неустройствам подавали, кроме князей, вольные города. Города эти – Новгород, Псков, Пятка, Пермь и другие. Больные города, особенно Новгород и Псков, управляемые вечем, ограничивали власть своих князей, нередко изгоняли их, сносились с иностранными государствами и своеволием раздражали московских князей. Все это порождало столкновения вольных городов между собою и с князьями, раздоры и войны. Кроме того, своеволие городов часто порождало внутренние смятения и кровопролитие; в этом отношении особенно известен неурядицами и дурною славою вольный Новгород. Укрощая междоусобия князей, пастыри усмирили вражду их с вольными городами и внутренние волнения городов. Укажем на более замечательные подвиги пастырей в этом отношении. Арх. новгородский Иоанн примирил князя Андрея с Новгородцами. Митр. Кирилл II руководил своими советами Ярослава Ярославича и примирил его с Новгородом. Войну Донского с Новгородом предотвратил новгородский владыка, обещав наказать новгородцев, виновных в разбоях. Новгородский архиепископ отклонил заговор новгородцев на жизнь Василия темного и его младших сыновей; он доказал, что от этого не будет пользы Новгороду, так как в Москве остался мститель, старший сын князя Иоанн. Епископы весьма часто укрощали раздоры и волнения городов; укажем важнейшие заслуги их в этом отношении. Новгородский епископ Нифонт в 1156 году своим посредничеством прекратил войну, начавшуюся между киевлянами, черниговцами и новгородцами, и нередко усмирять волнения Новгорода. О частых волнениях Новгорода и усмирении их владыками дает понятие кровопролитная схватка, бывшая в начале XV века. Некий Степанко, схватив боярина Божина, закричал: «помогите мне на этого злодея»! Толпа, вероятно недовольная боярами, бросила Божина в Волхов и разграбила боярские дома. Вооруженные бояре бросились на

мятежников. Ударили набат; поднялся весь город; на мосту завязалась драка, от которой погибло много народу. Владыка новгородский Симеон, окруженный духовенством, с крестами и иконами, стал на мосту, осенил народ крестом и прекратил драку, сказав: «идите с Богом и с миром, в дома свои»; Арх. новгородский Феодосий в послании к царю Иоанну доносил о грабежах и убийствах, совершавшихся в Новгороде, просил у него помощи и защиты. В 1397 году арх. Иоанн склонил новгородцев и псковитян к миру представлением ожидаемой кончины мира. «Дети, говорил он, видите, уже последнее время».

вв) Укрощение боярских смут

Медленное организование власти и закона, к довершению бедствий отечества, сопровождалось раздорами бояр; ибо всякая физическая и духовная сила, не сдерживаемая законом, распускается и бушует. Русские бояре тоже были силою и притом дикою, оставившею разрушительные следы в истории. В звании дружинников они занимались грабежом, наездами, поборами и притеснением слабых; за это они подвергались осуждению в словах, направленных против судей, богачей, притеснителей народа, вдов и сирот. С возвышением московских князей бояре утратили прежнюю свободу, стали считаться знатностью рода, породили нескончаемые раздоры и местничество. Раздоры и самоуправство бояр достигли высшей степени в малолетство Иоанна IV и продолжались 10 лет. Преследуя личные интересы, бояре губили друг друга, грабили и притесняли народ; во главе крамольников стояли Шуйские, Бельские, Глинские, и низвергали друг друга. Во время этих беспорядков некоторые иностранцы, опасаясь за свою жизнь и имущество, выехали из России. Местничество бояр, грубый политический предрассудок старины, сопровождалось особенно вредными следствиями для государства, до 1682 г. Соображаясь с этим предрассудком, правительство раздавало должности людям знатного происхождения, большею частью без заслуг и способностей. При отступлении от принятого обычая, бояре, оберегая родовую честь, нередко делались послушниками царя; они не соглашались даже сесть за столом ниже своего соперника, и твердили одно: «готов ехать на казнь», или: «вели государь казнить, а мне меньше такого-то не бывать». В самое тяжкое время боярских смут и разделений явился обличителем их митр. Даниил; он и сам пострадал от бояр, лишился своей кафедры. В слове 9, 10, 12, 13, 15 и 16 проповедник стороною касается самоуправления бояр, предостерегает их от зависти, гордости, гнева, сребролюбия, клеветы, и наговоров, посевающих вражду, изображает лукавство и непостоянство мира, учит любви, правосудию,

милосердию и снисхождению к ближним. В побуждение к исполнению этих добродетелей, украшающих общественную жизнь, напоминает о страхе Божиим, о скоротечности жизни, о неизбежности смерти, о суде, вечных наградах и наказаниях. «Все изречения Христовы наставляют нас на благое, а мы, христиане, держимся обычаев язычников, друг друга укоряя и понося, друг друга кусая и пожирая, как рыбы. Мстя за себя, ты ссоришься, творишь поединки, убиваешь. Что ты скрежещешь и свирепеешь на меня, как бы хочешь убить?.. Возненавидим мир, и князя его, и вещи его. Мир, это – молва, лукавство, зависть, вражда, горесть сокрытая в сладости, пристрастие к мимотекущему, лицемерие, неправда, грех, ненависть, желание славы, гордость, воровство, разбой, любодеяние, которыми диавол прельщает и губит людей. Поэтому мы должны ненавидеть мир и суету его... Обуздаем возлюбленные язык наш, удержим несмысленные вещания, проживем кротостью, смирением и любовью, да сподобимся настоящего жития во славу Божью и будущих благ». В последнем слове, писанном за месяц до отречения митрополита от кафедры, изложены наставления относительно общественных раздоров и неустойств. Обращаясь ко всем духовным чадам, проповедник говорит: «примите слово о смирении, союзе, согласи и любви». Затем внушает слушателям жить смиренно, избегать недуга разделений, излагает учение о любви и плодах ее; учит не лгать друг на друга, прогонять клеветников, посевающих раздоры, и молиться друг за друга; наконец оговаривается в резкости слова. «Да не поропщет кто-нибудь на нас за такие слова; мы не имели в виду никого и не назвали по имени, а только учили себя и слушателей»⁴⁸⁵.

Максим грек, с живостью отзывавшийся на современные общественные вопросы, не оставил без внимания и раздоров бояр. Он написал в обличение современных неустойств два слова и одну аллегорическую статью в обличение властей вообще. В слове о победе над крымским ханом внушает сынам России быть благодарными Богу, жить в любви и согласии, повиноваться князю и епископам, и прославлять Бога доброю жизнью⁴⁸⁶. Во втором слове обличает людей в нечестии и

неблагодарности Богу, судей и властителей в неправосудии и корыстолюбии, пастырей в любостязании, убеждает всех жить праведно и благочестиво⁴⁸⁷. В аллегорической статье, изображающей царство, Василию, окруженное зверями, проповедник с приторным чувством оплакивает неправды властителей. Здесь он вполне обнаружил склад греческого ума, мечтательного, склонного к мистицизму, риторству, фантастическим натяжкам и преувеличениям, так неприятно поражающим здравый, практический ум. Василия, одетая в траур и назвавшаяся дочерью царя небесного, плачет о том, что современные ей властители славлюбивы и корыстолюбивы, враждуют и терзают друг друга и своих подданных, как дикие звери⁴⁸⁸. Обличая раздоры и смуты бояр, проповедники умалчивают о местничестве, вероятно потому, что оно ограждено было государственным законом. Местничества коснулся в одной из своих речей митр. Макарий. Благословляя царя и войско в поход на Казань, проповедник сказал боярам: «царь идет на свое дело к Казани. А вы бы господа послужили царю. Не гордитесь друг пред другом. А розни и мести между вами (чтоб) не было. Если случится кому с кем неприхоже, вы бы предали то забвению, а дело государево делали, и не яростно, но любовью взирали друг на друга. Кто захочет с кем посчитаться об отчестве, как придете, государь даст счет». Но когда Феодор Алексеевич спросил на соборе: «уничтожить, или оставить местничество, вредное особенно на войне?» – патриарх изобразил вред местничества, назвал его источником зол и неудач в государственных делах, и заключил, что «не может достойно восхвалить царя за его мудрое намерение». Разрядные книги были тотчас сожжены, и члены собора воскликнули: «да погибнет братоненавистное местничество и не помянется во веки!».

гг) Возвышение власти московских князей

Усмирение князей, вольных городов и бояр было временным облегчением зла, но не искореняло его совсем. И проповедники, не ограничиваясь увещанием, подкрепили слово делом, приняли решительную меру к истреблению междоусобий, истощавших государство. Мера эта состояла и в возвышении московских князей и сосредоточении царской власти в их руках. С возвышением московских князей произвол партий, городов, князей и бояр ослабел, страсти утихли и водворилось общественное спокойствие. В этом важном деле не следует преувеличивать заслуг проповедников, приписывать им политическую проницательность и дальновидность государственных планов. Напротив, в возвышении московских князей, пастыри водились расчетом, желанием временных выгод и указанием текущих обстоятельств; они даже не предвидели того унижения, которое неизбежно вытекало для них из неограниченной царской власти московских князей. Только некоторые пастыри высокой святости выказали при этом духовную прозорливость о величии Москвы и политическом значении России. Пастыри – проповедники разными способами содействовали возвышению московских князей, и, во-первых, частым провозглашением царственных титулов.

Расточая царственные титулы, пастыри сначала не имели в виду собственно московских князей. Руководясь греческим проповедничеством, в котором до высшей степени развито учение о повиновении властям и божественном происхождении царской власти (помазании), проповедники иногда приписывали царские титулы и удельным князьям. Так, в поучении Феодосия об умеренном питии сказано: «третье государю» (т. е. третью чашу – за здоровье князя). В поучении Никифора Мономаху княжеский титул смешивается с царским: «и той есть царское и княжеское» ... Пастыри в своих посланиях и проповедях щедро расточали царские титулы московским князьям, заметив их политический такт, внимание к духовенству, и происходящие отсюда выгоды. Особенно неумеренно и подобоострастно

расточались эти титулы со времени куликовской победы, когда власть московских князей стала возвышаться. Так, например, послание Стефана пермского к победителю Мамаю озаглавлено: «послание учительное к православному царю и великому князю Димитрию, всей России самодержцу и победоносцу». Мы видели, как громко величал Вассиан Иоанна III в своей грамоте, увидим, как проповедники величали Василия Иоанновича и других князей. Вообще, у русских проповедников вошло в правило величать московского князя «царем и государем всей России, столбом Церкви, богоизбранным, превысочайшим и вседержавным». Такое благоговение духовенства пред московскими князьями возвышало их в глазах народа и собственном сознании, и вместе с тем принижало удельных князей. Иоанн III принял герб византийских императоров – двуглавого орла; в вольном Новгороде он громко произнес: «я ваш государь! даю мир, не бойтесь»... Василий Иоаннович, по свидетельству Герберштейна, «властью над подданными превосходил всех монархов в свете». Со времени этих князей бояре стали подписываться уничижительными именами: «холоп, Васюк», и тем с большим напряжением стали считаться родовой честью, спорить о местах.

Возвышая московских князей титулами, пастыри еще более возвышали их сосредоточением духовной власти на севере России, сначала во Владимире, а потом в Москве. В этом случае они руководились чувством личной безопасности от нашествия монголов и заботой о сохранении церковных имуществ.

Древнее духовенство, преимущественно монашеское, владело богатым имуществом. Оно состояло большею частью из земель, жертвуемых князьями и боярами, на помин души, постройку монастырей и церквей, содержание духовенства и вспоможение бедным⁴⁸⁹. При общественном гражданском неустройстве духовенство брало на себя опеку государства в тех статьях, которые и для современных правительств служат бременем. Но эти имущества, при раздорах князей, терпели ущерб и переходили из рук в руки. Поэтому для духовенства

было выгодным сосредоточение государственной власти в одних руках. А так как московские князья отличались большим тактом в управлении: то кроме граждан, отовсюду стекавшихся под их защиту, к ним тяготело и духовенство. Кроме того, они понимали, что духовенство составляло на Руси единственную правильно организованную власть, придававшую значение и гражданской власти, и потому привлекали к себе митрополитов, в видах собственного блага. Да и вообще московские князья располагали к себе духовенство благочестием, милосердием к нищим, аскетическими стремлениями. При одном из князей, особенно отличавшемся такими свойствами, митр. Петр поселился в Москве. «Начат пребывати в Москве больше иных градов; видяше бо Ивана Даниловича богоугодно живуща и добрыми делами украшена, милостива к нищим, честь велию подавающа служителем церквей и тех учению внимающа: его же зело возлюби великий чудотворец Петр». При таких взаимных выгодах, расположениях и расчетах русские митрополиты, с XIV века, поселились в Москве, и чрез это утвердили господство московских князей над удельными. С сосредоточением церковного управления в Москве, внимание всех останавливалось на московском князе, с которым митрополит согласовался в делах правления. Утвердив таким образом господство московских князей, митрополиты продолжали расширять ее зависящими от них средствами. И во-первых, они мужественно поддерживали власть и господство московских князей при слабых наследниках Калиты. Величайшие услуги в этом отношении оказали два митрополита: св. Алексей и св. Иона. При слабом Иоанне II, брате Симеона гордого, и малолетнем Димитрии Иоанновиче (донском), удельные князья, суздальский и тверской, всеми силами добивались старшинства. В случае успеха они погубили бы возникавшее самодержавие и возродили бы междоусобия. Но кроме бояр московских, защищавших Иоанна и Димитрия, непобедимым защитником их явился митр. Алексей. Алексей известен был своими заслугами и пользовался большим уважением в Орде. Сознвая свое влияние, он смело действовал в пользу Иоанна и Димитрия, и сделал много для

поддержания их власти и достоинства. Напр.: он отлучил смоленского князя от Церкви, за помощь, оказанную им Литве против Москвы; проклял князей, которые обещали помощь Москве против татар, и не исполнили своего обещания. Митр. Иона оказал важную услугу Василию темному, освободив его из заточения успешным ходатайством за него перед Шемякой. Следствием освобождения Василия было поражение Шемяки и окончательное утверждение великокняжеского достоинства в роде московских князей. И не напрасно москвичи так героически отстаивали господство своих князей и не любили чужих, удельных князей. Этот факт пояснил летописец отзывом о Калите. «С тех пор, говорит он, как московский князь Иоанн Данилович стал великим князем, по всей русской земле настала великая тишина и татары перестали воевать ее». При Иоанне III настала совершенная тишина в государстве, и народ питал к нему полное сочувствие, так как свобода, имущество и жизнь каждого человека были, по возможности, обеспечены. Когда же московские князья укрепились, стали круто поступать с уделами и вооружили против себя вольные города, митрополиты и в этих обстоятельствах явились опорой московских князей, защитниками их власти. Они рассылали послания в вольные города, внушали духовенству учить народ покорности великим князьям, грозили отлучением и проклятием за неповиновение. Особенно важную услугу в этом отношении оказал митр. Иона, великий патриот, горячо любивший свое отечество и понимавший его нужды. Митр. Иона более всех пастырей написал посланий, утвердивших господство московских князей. Так, он написал послание к русскому народу, в котором увещевал всех покориться великому князю московскому и грозил запрещением непокорным. «Если же не признаете власти великого князя, то будете чужды Божией милости, молитвы и благословения нашего смирения; не будет на вас благословения всего Божия священства. Если и кровь прольется, то не будете христианами, священники не будут священствовать у вас, и по указу нашего смирения в вашей земле затворятся все Божии церкви»⁴⁹⁰. Митр. Иона писал несколько посланий, подобного содержания, в Новгород и

Псков, убеждая жителей покориться московскому князю. Епископам тех городов он пастырски внушал удерживать народ от кровопролития и раздоров и учить его покорности великому князю. При этом он дал новгородцам особое наставление против вражды. «Как сладко покаяние! оно – корень жизни. Бог постоянно жаждет нашего покаяния, веселится о слезах кающегося, радуется о исповеди нашей, с великим терпением ожидает нашего обращения, не оставляет последнего, наблюдая, умолая, призывая каждого из нас, чтобы обратились к Нему от неприязненных дел. Хорошо слушаться божественного писания; послушание есть жизнь, преслушание – смерть»⁴⁹¹. Подобные послания Иона писал в Вятку, убеждая народ покориться великому князю. Как бы подражая св. Ионе, и прочие митрополиты посылали в вольные города послания, уча народ покорности великому князю⁴⁹². Так, митр. Филипп писал несколько посланий в Новгород, в коих убеждал новгородцев покориться великому князю, и, между прочим, прекратить сношения с католиками⁴⁹³. Митр. Геронтий писал послания в Вятку, сходные содержанием с посланиями вятичам митр. Ионы; между прочим, он внушал вятскому духовенству, чтобы оно склонило народ к покорности великому князю⁴⁹⁴. Митр. Симон писал послания в Пермь, убеждая народ быть преданным великому князю⁴⁹⁵. Неизвестно, насколько все эти послания имели успеха; частая рассылка их показывает, что самоуправные города долго не подчинялись великим князьям; но все же, как внушение высшей церковной власти, перед которою народ всегда благоговел, они облегчили Москве покорение вольных городов.

Наконец, пастыри-проповедники завершили свои услуги московским князьям последним благодеянием, предсказанием будущего величия их и обещанием им помощи Божией и благословения. Чрез это они придали своим услугам высшее значение, непреложный авторитет, на подобие пророков, освящавших еврейских царей. Вместе с тем, они доказали, что успехи жизни гражданской обусловлены благословением Божиим и всегда достигаются благочестием народа.

Пророчество о величии Москвы и России

Первый из святителей пророчествовал о величии Москвы и славе князей ее митр. Петр Иоанну Калите. «О боголюбезнейший и великий княже! Аще совета моего послушаеши и поставиши каменную церковь во имя Богоматери, тебе самого имать Бог благословити и прославити паче иных князей; распространити град сей паче иных градов; имя его сугубо прославится в нем; не оскудеют державные от семени твоего, обладая и царствуя местом сим, в роды и роды; руки их взыдут на плеча врагов их; еще же и святители поживут в нем, и кости мои zde имут положены быти»⁴⁹⁶. «К сим же, прибавляет летописец, мнози в повестех обносят чудно сказание (объяснение святителем сна, виденного Иоанном). «Разумно ти да будет, чадо, яко превеликая гора, юже видел еси, образует подобие твоего благородия, исправление высочайших добродетелей, и державу русского царства, дарованную тебе Богом. Снежный верх горы являет кончину моего жития. Якоже снег на горе скоро скрыся от очию твоею, на долзе сих сматряющу ти, – и гора бысть невидима, тако мне прежде тебя отъити жития сего; потом же и ты, яко гора превелика, довольно и богоугодно царствовав, благородная чада породив, в добре воспитав, егда услышишь пришедшего к тебе старца, уразумей совершение жития и к Богу отшествие»⁴⁹⁷. Мы увидим, что и другие святители, притом соименники, пророчествовали о славе Москвы, величии России, и обещали ей избавление от власти монголов. Эти пророчества сильно действовали на народ, склонный к чудесному и таинственному, благоговевший пред словами святителей подвижников, и возвышали в его глазах значение московских князей. «Мнози, говорит летописец, обносят в повестях чудное сказание». Если даже признать легендой видение горы, покрытой снегом, так как одни признают его явным видением, а другие сновидением: то и тогда предсказание ничего не теряет; оно сделало впечатление на умы современников и потомства. И

мало ли подобных назидательных сказаний в древних сборниках, чуждых критики и цензуры!..

Видя быстрое возвышение московских князей, совпадавшее с мировыми переворотами (падение Константинополя, реформа Лютера, окончание седьмой тысячи лет), русские книжники вообразили их вселенскими царями и не находили слов для определения их царственного величия. В этом заблуждении поддерживали наших книжников ложные толкования апокалипсиса Ипполита, Андрея Кесарийского и проч. При вере предков и грамотеев во всякую строку, носящую название божественного писания, они часто впадали в религиозное суеверие и проводили ложные мнения в своих беседах и поучениях. Такой, суеверный взгляд на московских князей ясно выразил псковской книжник Филофей в своих посланиях к Мунехину и в. кн. Василию Иоанновичу. И кстати, чтобы пояснить свойства речи наших книжников, пропишем слова его, по возможности, без сокращений и перевода. «Изречем словеса, говорит автор в послании к Мунехину, о нынешнем православном царствии пресветлейшего и великостолпнейшего государя нашего, иже по всей поднебесной единого христианом царя и браздодержателя святых Божиих престол, святых вселенских Церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасенном граде Москве, святого и славного Успения пресвятыя Богородицы, иже едина во всей вселенней паче солнца светится! Яко вся христианская царства преидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя; по пророческим книгам, то есть российское царство. Два убо Рима падоша, а третий (Москва) стоит; а четвертому не быти. Многажды апостол поминает Рима в посланиях; в толковании (на послание) глаголет Рим весь мир» (!), и так далее проводит странные мысли о царе и падении Церквей, воспринятые потом расколом⁴⁹⁸. Под пророческими книгами автор понимает во-первых «толковый апокалипсис Андрея кесарийского», в котором сказано: «шестой царь скифского острова на Руси, потом седьмой, а осмой антихрист»; во-вторых: «толкование Ипполита», в котором сказано: «когда увидим Рим, осаждаемый персами и скифами, тогда неблаженно познаем, яко той есть

антихрист». В послании к великому князю Филофеей расточает те же царские титулы и суеверные предсказания, и излагает жалобу на княжеских наместников, которые грабили и убивали псковичей. «Сия писах ти, взывая и моля щедротами Божиими: да премениши скупость на щедроты и немилосердие на милость. Утеши плачущих и вопиющих день и ночь, избави обидимых из руки обидящих. Аще добре устроиши царство свое, будеши сын света и граженин вышнего Иерусалима»⁴⁹⁹. Около того же времени кем-нибудь из новгородских книжников доставлено подложное пророчество Исаи о бедствиях последних времен. В пророчестве предсказываются бедствия, взятые с печальной действительности. «Князья будут немилостивы, судии неправедны. Восплачутся сироты и вдовицы, и не будет избавляющего от руки сильного»⁵⁰⁰.

Собственно поучений и речей, изображающих доблести и величие князей и царей и обязанности к ним подданных, почти не находим в древнем проповедничестве. Относительно удельных князей это объясняется их поведением, но коему они чаще заслуживали порицание и нуждались в советах и обличениях. Относительно московских князей и царей это объясняется упадком живой проповеди с XV века. Впрочем, в древних поучениях изредка встречаются краткие наставления о повиновении князю, напр. «князя чтите, мы – рабы во-первых Бога, а потом государя». «Князю земли своей покоряйтесь и не желайте ему зла. Служите ему головою, мечем и всею своею мыслью, и не возмогут противиться вашему князю, и ваша земля обогатится... Кто мыслит зло о князе и передается другому, тот подобен Иуде, который был любим Господом и замыслил продать Его князьям иудейским». Митр. Петр завещал священству ежедневно совершать молебны о благополучии княжеского дома. Как бы в восполнение недостатка поучений этого рода, в сборниках помещались переводные слова и статьи о почитании властей. Напр.: «слово от пандекта, яко подобает покоряться властителем и честь воздати им». Усиление царской власти, неразлучные с нею реформы, отмена старых порядков, многим не нравились. В XVI веке явилось учение о бегстве, в видах освобождения от рабства и податей. Последователи

Косого отвергали всякую власть, основываясь на изречении: «не нарицайтесь наставницы» ... И вот, являются в переводе статьи Анастасия Синаита, в которых изложено учение о почитании властей и отношении к ним подчиненных. Некоторые важные события царствования Грозного митр. Макарий почтил речами. Одна речь, которую по причине обширности можно назвать словом, сказана по случаю брака царя. В ней изложены во-первых нравственные обязанности, какие обыкновенно излагались в древних проповедях, о покаянии, посте, молитве, хождении в церковь, соблюдении праздников, милостыне и проч. «В среду, пяток, великую Четыредесятницу пребывайте в посте, молитве и чистоте телесной; приходите к отцам духовным на покаяние; от пречистых тайн не удаляйтесь; святую неделю и праздники проводите духовно, а не телесно; церквам и убогим подавайте милостыню». Во-вторых – обязанности царские о правосудии и милосердии по всем подданным и обязанности супружеские. Другая речь сказана по случаю взятия Казани, в духе современных торжественных речей. В ней проповедник хвалит добродетели и мужество Грозного, сравнивает его с св. героями, напр. Александром Невским, и продолжает: «на тебе, благочестивом царе еще более явилась благодать Божия»⁵⁰¹. Подобные речи иногда говорили патриархи, по случаю венчания царей, побед и других торжеств.

Самостоятельность московских князей в делах правления

Упоенные победами, вниманием духовенства – представительного сословия, пророчествами, суеверными предзнаменованиями и благоговением народа, московские князья сделались самоуправны и недоступны. Иоанн Калита за свою политику и самостоятельность в делах назван собирателем русской земли; Симеон, за пренебрежение к удельным князьям, назван гордым; Донской порастил народ самовластием, казнив Вельяминова, сына первого русского вельможи; Иоанн III назвал себя царем и ввел торжественное венчание на царство; Василий Иоаннович решал дела «сам третей у постели», не терпел противоречий и устранил от себя бояр. Что же выиграло духовенство, помогшее московским князьям достигнуть царской власти? Оправдались ли его надежды на покровительство московских князей? Упрочены ли его честь, имущество и спокойствие?

Отношение духовенства к царской власти, и протест относительно церковных имуществ и привилегий

Сблизившись с верховною гражданскою властью, духовенство по-видимому выиграло много, возвысилось и утвердилось вместе с возвышением московских князей. Действительно, оно много выиграло в историческом деле, в государственных заслугах, в благодарности потомства; но в собственных интересах много проиграло. Правда, на короткое время оно возвысилось больше прежнего, в лице патриархов покрылось блеском царственного величия; но этот блеск был вспышкой угасающего огня или светила. И это зависело, главным образом, не от наветов врагов и столкновений с властями, а от естественного развития общественной жизни, по которому все отжившее упраздняется, и устарелые формы правления заменяются новыми, соответствующими духу времени.

С XV в. и до реформы Петра, духовенство, не смотря на разные запреты, постоянно увеличивает свои поместья и доходы; монастыри и архиереи выпрашивают разные льготы, освобождающие их от многих государственных повинностей, торговых пошлин и проч. Имения митрополитов и патриархов становятся богатыми поместьями. Так, великий князь Василий Дмитриевич утвердил за русским митрополитом деревни и монастыри, разбросанные в киевской, владимирской и московской области, освободил его от своего суда, податей, таможенных сборов и проч.⁵⁰² При Никоне патриарший дом обогатился новыми поместьями; вместо прежних 10,000 дворов стал владеть 25,000!⁵⁰³ По свидетельству Котошихина, во владении духовенства находились 118,000 дворов крестьянских; по свидетельству иностранцев – треть государственной земли! Кроме имуществ, духовенство удержало за собою и другую важную привилегию, неподсудность церковного ведомства гражданской власти; архиереи и монастыри и в этом отношении выгадывали себе разные льготы. Патриаршая область при Никоне получила

подтверждение прежних привилегий и независимость от вновь учрежденного монастырского приказа. Вследствие этих привилегий, духовенство выделялось из общего строя государственной жизни, чрезвычайно усложняло делопроизводство, и как бы составляло особое государство в государстве. С половины XV в. русская митрополия, при содействии князей, освобождается от иноземной патриаршей зависимости и делается самостоятельной. Этого мало: за сто одиннадцать лет до реформы Петра, церковная власть достигает степени патриаршей, с правом второго места после иерусалимской патриархи. Власть патриаршая на Руси приравнивалась к царской власти. Патр. Филарет и Никон имели титул великого государя, так что в России, в это время, было зараз по два великих государя! Никон, впрочем, не хотел быть номинальным государем; он окружил себя царской пышностью (около митры, или в форме митры его была корона), и, по выражению современников, «стоял высоко, ездил широко». Наконец, цари, в благодарность духовенству, за его гражданские услуги, оказали ему взаимные услуги по устройству Церкви и улучшению нравственности народа. Никогда в России не было столько соборов, как в XVI–XVII веке. Постановления соборов и распоряжения церковной власти подкреплялись гражданской, и нередко рассылались в грамотах, утвержденных собором, или патриархом и царем. Справедливость требует сказать, что русское духовенство, достигшее при царях апогеи величия, не поддавалось тщеславию и соблазнам мирского величия. Проникнутое аскетизмом, духом смирения и отрешения от мира, оно держало себя в должных границах к той власти, которую само взлелеяло. Этим достоинством русское духовенство резко отличается от католического. Правда, оно хлопотало об имуществе и привилегиях суда, но имело на это основание и право. При Михаиле Феодоровиче видим небывалое в мире согласие церковной и гражданской власти. Патр. Никон, вышедший из простонародья, на высоте церковного и гражданского величия, пал за свои увлечения, впрочем, извинительные в его обстоятельствах.

Одним словом: древнее духовенство вышло с честью из своего искусительного положения и не запятнало двоедушием и коварством важных услуг отечеству. Сам Никон сделал более других иерархов на пользу Церкви и отечества. Но в самый период возвышения церковной власти началось ослабление ее, предвещавшее близкий упадок. Ослабление началось с ограничения церковных имуществ и церковного суда гражданскою властью, против чего духовенство не замедлило протестовать, опираясь на свои церковные законы. Столкновение новых начал правления со старыми формами жизни без борьбы нигде не проходит, и кризисы обыкновенно переживаются с трудом, оплачиваются тяжкими жертвами; исключения в этом отношении весьма редки. Дело ограничения церковной власти возникло и раскрылось своим чередом, исторически, последовательно и неуклонно.

С возвышением царской власти государство окрепло, сделалось сосредоточенным, способным управиться со своими нуждами и запросами жизни. Оно подвело итог вековым нестроениям русских областей, взяло в свои руки почти все государственные доходы, и заботилось о равномерном распределении выгод и преимуществ между сословиями, по мере их значения и настоящих услуг государству. Вследствие этого, духовенство теряло свою опеку над государством, уступало ему свои имущества и юридические права. Необходимость таких уступок вынуждалась и частными соображениями. Деревенское государство, бедное финансами, не иначе могло обеспечить служивые сословия, как наделом земли, захваченной духовенством; притом же, имущества монастырские и архиерейские издавна распределялись неравномерно. Обители и кафедры, пользовавшиеся вниманием властей, постоянно обогащались; не заслужившие их внимания – терпели нужду во всем. С наращением богатства монашество опуталось суетою и житейским попечением, возбуждало зависть и ропот гражданских сословий. Наконец, неподсудность духовенства гражданскому суду тормозило государственное законодательство, раздражало правительственный совет и бояр, уже тронутых европейским

духом. Вследствие этого, с XV века, времени сосредоточения гражданской власти в руках Иоанна III, подняты государством вопросы о имуществе и нравах духовенства. Вопросы эти, по самой важности и новости своей, при осторожности Иоанна и уступчивости некоторых преемников его, не могли пройти без колебаний и поворотов назад; но важно то, что они были поставлены на очередь. Иоанна смутил резкий ответ митр. Симона по вопросу о церковных имуществе. «Отец твой, Симон, митр. всей России, епископы и собор говорят, что святители везде держали монастыри, города и села. При самых предках твоих святители имели монастыри, города, власти, слободы, села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковные. Не Владимир ли и Ярослав сказали в Уставе: «кто преступит его из детей или потомков моих, захватит церковное достояние и святительские десятины, да будет проклят в сей и будущий век». Самые ординские цари боялись Господа, щадили собственность святительскую и монастырей. Не дерзаем и не благоволим отдать церковное стяжание, ибо оно есть божие и неприкосновенное»⁵⁰⁴. Мысль Иоанна III, которая казалась смелой, спустя 265 лет, вполне осуществила Екатерина II. Возвратив в казну церковные имуществе, она назначила духовенству жалованье. Что же касается вольных городов Новгорода и Пскова, то они ограничивали власть местного духовенства, усчитывали и присваивали себе церковные имуществе. Духовенство, как и следует ожидать, подняло протест против притязаний светской власти на церковные права, и имело на это свои основания.

Духовенство разработало дарственные земли и пустоши собственным трудом и само содержало себя, поддерживая в народе распространение веры и не требуя жалованья у царя. Оно платило, наравне с прочими сословиями, государственные подати, а в военное время делало добровольные и принужденные пожертвования, весьма значительные. Не вдаваясь в высшие государственные соображения, которыми руководила теперь верховная власть, духовенство опиралось в своих правах на давность обычая, на номоканон и кормчую, освященные, так сказать, божественным авторитетом. На этих

основаниях поднят протест духовенства, словом и делом, против разных притязаний светской власти. Впрочем, духовенство в своих протестах главным образом опиралось на церковность или божественность и неприкосновенность своих прав.

Сильный протест против захвата, собственно, митрополичьих имений боярами, епископами и даже великим князем Василием Дмитриевичем, начал митр. Фотий. Нашед, по смерти Киприана, имение и казну митрополичьи расхищенными, Фотий издал увещание к похитителям. В увещании он умолял виновных возвратить принадлежащее Церкви и грозил отлучением⁵⁰⁵. Вслед затем он написал два поучения или послания к великому князю о возврате церковного имущества. В первом поучении, сославшись на постановления Константина великого и русских князей, проповедник говорит; «родитель твой знал, что царь не спасется многою силою, прибегал к руководству святителя и являлся победоносцем. Пребывая всегда в правилах св. отцов, он охранял права Церкви. После него Бог поставил тебя, чтобы ты прогнал всякую неправду, хищение, лукавство и лихоимство». Не получив ответа, он написал другое, резкое поучение, и вооружил против себя почти всех сильных людей. Сославшись на постановления Константина, Феодосия в. и Мануила Комнина об имуществах церковных, проповедник продолжает: «но ныне все древнее молчит и велеречит новое! Меня порицают... Человеку, предающемуся во всем воле Божией, не на что более смотреть. Тебе же да будет ведомо, что ты уничижаешь Церковь Божию, захватывая насильно не принадлежащее тебе»⁵⁰⁶. Имущества были возвращены. Около того же времени начались протесты духовенства и в вольных городах. Арх. новгородский Симеон сказал подобное в этом роде поучение псковитянам. Сделав наставление о повиновении священству, самоосуждении и покаянии, проповедник под страхом гнева Божия воспрещает захваты церковного имущества и вмешательство в духовные дела. «Не похищайте чужого. Не обижайте Церкви; не вступайтесь и во что церковное, ни в земли, ни в воды, ни в суды, ни в печать, ни во все церковные пошлины. А кто

вступится, вы устранитесь от того, чтобы не подвергнуться ответственности, по правилам св. апостол и отец»⁵⁰⁷. Подобное послание писал к новгородцам митр. Филипп I. Он убеждал новгородцев покориться велик. князю, а князя – простить мятежных новгородцев, и, между прочим, увещевал их не вмешиваться в церковные дела, не отымать имений, не обижать церквей и монастырей. Таковы протесты относительно захвата церковных имуществ. Протесты относительно контроля и отнятия имуществ и привилегий духовенства начались с Иоанна III.

Мы видели, что вопрос о церковных имуществах при Иоанне III решен был в пользу духовенства. Такое решение экономического вопроса, во вред государству, при возрастающих нуждах его, и мнения, высказанные в возникшем споре, что напр. монастыри должны быть на окладах, давало повод к возобновлению жизненного вопроса и дальнейшему развитию его. Действительно, Иоанн IV, превосходивший энергией Иоанна III, воспретил увеличение и прикуп церковных имуществ. Уложение Алексея Михайловича решительно воспретило увеличение церковных имуществ, подчинило духовенство гражданскому суду, создало монастырский приказ, заведовавший сборами с церковных имений, составлением описей и распоряжений по церковному ведомству. Это дело велось Одоевским и другими боярами, представителями духа нового времени.

При Феодоре Алексеевиче сделана подробная и тщательная опись церковных имений, на основании которой требовались от архиереев и монастырей отчеты и подати. Но прежде реформы Петра, усилившей распоряжения Феодора Алексеевича относительно церковных имуществ, духовной власти еще раз удалось затормозить государственное право и контроль. Еще в сане архимандрита Никон часто внушал царю, что учреждение монастырского приказа противно канонам; в сане митрополита он настаивал на уничтожении приказа и выпросил грамоту, по которой духовенство новгородской епархии в делах духовных и гражданских подчинилось суду своего митрополита. В сане патриарха Никон убеждал царя вовсе

оставить Уложение и заменить его кормчей. Не успев в этом, так как Уложение было крепко духом времени, он издал дополненную кормчую и подложную грамоту Константина в. Сильвестру, в защиту церковных прав и имуществ. В угодую Никону были разосланы судьям выписки из номоканона, ограничивавшие новые законы, в пользу духовенства. Последний голос в защиту церковных прав подал патр. Адриан, в 1700 году. Он издал статьи о святительских судах, содержавшие выписки из номоканона, устава Владимира и Ярослава, ханских грамот, и умолял правительство охранять эти постановления. Но в это время уже составлялось новое Уложение, разграничившее церковное и гражданское право; оно безусловно подчинило духовенство гражданскому суду по мирским делам.

У духовенства оставалось еще право печалования за опальных. Мы видели, как это право дорого обошлось митр. Филиппу, столкнувшемуся с новою царскою властью. Духовенство помнило этот урон и поспешило защищать опальных; однако ж обстоятельства подчас вызывали его на этот подвиг. Народ сильно роптал на митрополитов безгласных, особенно во времена великих князей. Так, некоторые роптали на митр. Даниила, что он не печалится об опальных и бережет себя. Столкновения между высшею духовною и гражданскою властью становились неизбежны, особенно во время государственной реформы. Настали казни стрельцов; народ громко роптал на бездействие патриарха. «Какой он патриарх? живет из куска (хлеба), бережет мантию и белый клобук, затем не обличает». Адриан вспомнил обычай печалования и явился с иконой Богоматери ходатайствовать за стрельцов, староверов, неукротимых бунтовщиков. Можно представить чувства двух человек, противных убеждений, столкнувшихся на таком опасном вопросе! «Зачем эта икона, вскричал гневный царь? Разве твое дело приходить сюда? Поставь образ на свое место! Быть может, я больше тебя почитаю Бога и его пречистую Матерь. Я исполняю свой долг, когда защищаю народ и казню злодеев, против него злоумышлявших». Непригодность патриаршей власти при таких новых порядках и гражданская

незначительность ее для всех были явны, даже прежде закрытия патриаршества. Это сознавал Адриан, всегда защищавший старые порядки против европейских нововведений; он замолчал с этих пор, и жил последнее время за городом, не принимая участия в новых делах. Так кончилось высокое политическое значение древнего духовенства. В преобразованной России оно низошло в ряд прочих подданных сословий, с скромным именем воспитателя веры, теряя прежние, очень значительные, гражданские преимущества.

б) Увещения по случаю нашествия врагов

Междоусобие князей было постоянным внутренним злом древней Руси. Мы видели, с какою ревностью проповедники ограничивали это зло и какою мерою подавили его, жертвуя отечеству собственными выгодами, хотя не по своей воле. Но кроме междоусобий, как сказано в изображении быта народа, древнюю Русь отягощали и временные бедствия, часто сменявшие одно другое. Бедствия эти: нашествие врагов, разрушительные действия стихий и смуты междоусобия. На все эти народные бедствия проповедники отзывались словом участия и принимали меры к облегчению их. Меры эти при всей их чистоте и благонамеренности, не вполне практичны. Объясняя все бедствия наказанием за грехи, проповедники призывали слушателей к покаянию, к умилоствлению гнева Божия подвигами добродетели, и на этих условиях предсказывали милость Божию, возвращение счастья и спокойствия. В увлечении аскетическою ревностью они нередко приписывали гневу Божию самые обыкновенные и невинные явления природы, чем, конечно, напрасно смущали народ. И во-первых, пастыри отзывались словом увещения и посильного утешения на все бедствия, причиненные нашествием врагов.

Первое поучение, в этом роде написанное Феодосием, вероятно по случаю нашествия половцев, «о казнях Божиих». Оно сходно со словом о ведре, помещенном в Златоструе царя Симеона. В слове проповедник доказывает, по руководству Златоструя, что все бедствия посылаются в наказание за грехи, призывает всех к покаянию и обещает мир. «Если какая страна согрешает, Бог наказывает ее смертью, голодом, нашествием иноплеменников, бездождем и другими казнями. Если бы мы пребывали в заповедях Божиих, то и здесь удостоились бы получить земные блага, и по отшествии – жизнь вечную. Потому Бог затворяет небо, не дает дождя, посылает град, губит плоды морозом, томит землю зноем, за наши беззакония. А если покаемся, то Бог подаст нам все блага. Придите на покаяние,

обратимся любовью к Господу, постом, рыданием и слезами омывая грехи»⁵⁰⁸.

Из бедствий, причиненных России врагами, самым тяжким и продолжительным было нашествие монголов. Разрушение и кровопролитие, обозначавшие дикую власть, невольно вызывали на размышление о непостоянстве сего мира, и, как говорят, строгости и жестокости его законов. Во все времена люди впечатлительные относились критически к бедствиям мира, разрушающим иногда все наши планы и заботы о счастье. Во времена общественных беспорядков самые благородные люди нередко теряют мужество и ожесточаются; они не могут спокойно выносить сцены разрушения и попрания человеческих достоинств. Статистика, несомненно, убеждает, что во времена государственных замешательств нравственность народная понижается, число преступлений увеличивается, болезни нервные и умственные, ожесточение и убийства становятся явлением обыкновенным. Каковы бы ни были причины политических бурь, выворачивающих с корнем общественные порядки, человеколюбие требует утешить пораженных бедствием, поднять их силы для борьбы с несчастьем, обличение грехов, особенно неправильно понятое, и наложение очистительных подвигов еще более растравляет общественные раны. Обличение и епитимия по крайней мере не должны быть главным средством против всех бед в мире и господствующим приемом в проповеди. Достаточным обличением и епитимией для страдальцев служат постигшие их бедствия. Но если обличение и епитимия служат исключительным врачевством против всех несчастий, то они теряют свою убедительность и могут возмутить слушателей. По крайней мере развитое общество смотрит так на дело; неразвитое может не уважать гуманных правил, или лучше – не понимать их. Это самое мы и видим в проповедях, сказанных по случаю нашествия монголов. И этих проповедях трактуется не только о монголах, во и вообще о современных бедствиях – землетрясении, затмении солнца, голоде, море и даже кончине мира; затем обличаются современные грехи и предлагаются средства к умилоствлению Бога: покаяние, страх Божий и вообще подвиги добродетели. В

них нет практических советов к облегчению бедствий и весьма мало утешений, притом большею частью ненадежных, с трудом достижимых. Иногда же проповедники самые бедствия народа и кровопролитие называют выражением любви Божией. В отделе нравственно-аскетического проповедничества, о сокрушении сердца и покаянии, мы достаточно ознакомились с характером этих поучений, однообразием мыслей и подражательностью греческим источникам.

После слова Кирилла II, упоминающего о монголах, внимание обращают на себя пять слов Серапиона Владимирского, сходные с поучением Феодосия о казнях. В этих словах, скудных содержанием, изложено учение о грехах и покаянии, по поводу современных бедствий и особенно нашествия монголов. В третьем слове живо начертано разрушение государства, причиненное монголами. Чтобы судить о неумеренности древних обличений и напрасном смущении народа ложным изъяснением физических законов, достаточно сослаться на Серапиона, пространно высказавшего свои убеждения и давшего повод другим проповедникам смущать народ. Так напр. естественные явления; затмение солнца, луны и звезд, и землетрясение проповедник объясняет гневом Божиим; этого мало: на основании данных признаков он предвещает кончину мира. «Сказанное Господом сбылось ныне, при последних людях. Сколько раз мы видели солнце затмившимся, луну померкшею, перемены в звездах, землетрясение. Земля колеблется от грехов наших, не может носить беззаконий»⁵⁰⁹. По примеру других проповедников, Серапион обещает слушателям милость Божию, под условием покаяния. «Прибегните к покаянию, гнев Божий прекратится и милость излиется на нас. Мы будем жить на земле в радости и наследуем царство небесное»⁵¹⁰. В древних сборниках есть слова, сходные содержанием с поучениями Серапиона и как бы составляющие подражание ему. В Златоустнике; слово Златоуста 85-е в виде послания или речи епископа, обличительного характера, с примесью суеверия. «Я послал на землю письмо, и вы не поверили. Я потряс землю, и не поверили; пустил на вас измаильтян, и сколько они пролили

вашей крови! Я это сделал, любя вас. Ибо пришли последние годы. Вы не забываетесь. Будете добры, прибавлю вам (благ); будете злы, – отыму» (намекает на монголов и кончину мира). 109-е Златоуста, о казнях Божиих и страстях. В Изумруде: слово Златоуста 91-е, о казнях Божиих. «Ради ваших злоб Я послал морозы, холод, язвы на ваших детей и рабов, явил казнь на скотах. Поганый язык пустил на вас; дети ваши в расхищении и плену, иные побиты немилостиво». – 142-е, св. Ефрема, о кончине мира. Изобразив нестроения земли, проповедник говорит: «убоимся, ибо предсказанные знамения сбываются, и уже мало остается пашей жизни и века. Кто хочет спастись, подвизайся в смирении, воздержании и милостыне. Доколе есть время покаянию, потщимся жить в добродетели. Если же казнимые не каются, то еще большие томления и вечные муки ожидают их»⁵¹¹. Учение о войне, как наказании за грехи, приобретает убедительность тогда, когда подтверждается несомненными доказательствами. Так напр. Иосиф Волоколамский в день поражения турок под Оршею, 1514 г. 8 сент., сказал: «ныне, за грехи наши, под Оршею побито много православных». Война, как и ссора, может быть следствием неразумных поступков, ошибок. Единственное и вполне практичное утешение относительно монгольского владычества подали два святителя – соименники. По случаю двукратных нашествий на Россию хана Мазовши и произведенных им опустошений, Иона митрополит московский и Иона архиепископ новгородский, святые, обещали испросить у Бога освобождение России от татарской власти, предсказали разорение Орды, распространение русского царства и самодержавие великих князей. Они высказали эти утешительные истины, оправданные опытом, великому князю Василию. Какое побуждение хранить в чистоте веру, как оплот государственного величия, особенно когда иноземные нравы поучения колеблют ее! В этих утешениях открывается перст Провидения, направлявший бедствия России ко благу ее, и величайшее из них, владычество монголов, к самодержавию России. Это владычество, причинившее много бед, было врачеством, живою обличительною проповедью разделений России; оно же и

исцелило ее от этого недуга. Покровительствуя духовенству, стоявшему за московских князей, и обольщаясь их богатством, ханы содействовали уничтожению уделов и развитию царской власти. Когда Орда выполнила свое назначение, исцелила Русь от междоусобий, утвердила самодержавие, она тотчас распалась, по предсказанию соименных святителей. Действительно, со времени Иоанна III, приобретшего все права на звание русского государя, Орда слабеет и Русь возвышается. Судя по намерениям Провидения, бедствия России были живою обличительною проповедью, восполнявшею недостаток и несовершенство церковной проповеди.

в) Бедствия физические

После междоусобий князей и нашествия врагов, из внутренних бедствий древней Руси обыкновенными были: голод, с засухой и бездождем, или проливными дождями, холод, мор и пожар. Голод и пожар, как сказано, чередовались в древней Руси с некоторою правильностью. Поучений, имеющих предметом своим эти бедствия, написано немного, гораздо менее, нежели сколько их сказано по поводу нашествия монголов. Видно, что скоропреходящие бедствия не оставили по себе глубокого следа и скоро изглаживались в народной памяти. Что же касается опустошений, причиненных язвою, то на этот предмет отозвались два проповедника: митр. Фотий и патр. Никон.

аа) Черная смерть

После владычества монголов самым тяжким бедствием для России были эпидемии, и особенно черная смерть. Черная смерть возобновлялась в России с половины XIV до половины XV века, и была тем ужаснее, что совпадала с другими бедствиями: засухой, голодом, холодом и ожиданием конца мира. В княжение Дмитрия засухи, великие пожары и небесные знамения были весьма обыкновенными. Долговременная засуха произвела туманы и тьму, продолжавшиеся два месяца. Люди и скот умирали от голода. Воды испарились, леса и земля горели. Густой дым стеснял дыхание. Звери, птицы и рыбы издыхали⁵¹². Совместность этих бедствий усилила общую веру в светопреставление. Вообще, время черной смерти – самое печальное в нашей истории. Эпидемия, голод и холод губили людей тысячами; трупы валялись везде и пожирались птицами. Ожидание конца света отравляло жизнь, наводило тоску и могильные думы. Потребность назидания и утешения вызвала проповедника, отразившего в себе скорбный дух времени. Это был Фотий, превзошедший самых ревностных

проповедников покаяния: Феодосия, Серапиона, Даниила. Указывая на современные бедствия и мнимую кончину мира, он постоянно твердил о покаянии и подвигах, умиляющих Бога. Однообразный, вялый и часто непонятный в изложении, он становится живописцем в изображении бедствий, одушевляется предметом, берет краски из жизни. Пораженный сценами разрушения и смерти, он изливается в скорби, плачет подобно Ефрему и наводит на слушателей уныние. Словом: Фотий – самый печальный проповедник древности, и все, что твердили общим хором другие проповедники о покаянии и подвигах, он повторял чаще всех. Без сомнения, этим тоном проповеди и излишними устрашениями он еще более усилил общую скорбь; а утешения не преподавал почти никакого. Но и ему нелегко переживались общественные бедствия России, как это видно из его духовного завещания. Фотий написал три слова по случаю черной смерти и упоминал о ней в своих

посланиях к разным лицам. В «слове о находящих на ны гнева и ярости ради» проповедник выразил вполне свой скорбный взгляд на современные бедствия и язву. Пояснив, в нравственно-аскетическом тоне, намерения Божии о человеке и действия бесов, он указывает на современные бедствия и побуждает всех к умилоствлению Бога подвигами добродетели.

«Сам (Бог) знает, что если устрашит грешника, приведет его в отчаяние, и, если ублажит праведного, сделает его слабым в добродетели; поэтому одного милует, а другого устрашает. Человек-же, погружающийся в сладости житейские, прилепляется бесам; ибо все страсти, по действию лукавых духов, совокупляются на погибель душ. Поэтому воспрянем от неправды, ибо видите, как Бог в гнев и ярости нещадно пустил на нас бесчисленную смертность. И вот приближается конец летам и последний день! И если теперь не обратимся в покаянии, что ответим страшному Судии, проводя жизнь в небрежении, не внимая казням Божиим? И в этом глубина суда Божия, что Он взимает свое создание в покаянии и христианской кончине, даже в подобии ангельского образа. Хотя я сокрушаюсь о разлучении их, исчезли очи мои от слез, но радуюсь духом, что они отошли к вечной жизни, и надеюсь на человеколюбие Божие. Поэтому молю вас, очистите свои души, омывая грехи слезами, покаянием, исповедью, ибо нерадивые будут мучимы безотрадно и бесконечно. По долгу настоятельства я часто говорю об этом и внушаю отрешиться от мало временного и делать дела вечной жизни»⁵¹³. В другом слове проповедник тоже распространяется о черной смерти; говорит, что такой бедственной казни еще не было, и прежде о ней никогда не слыхали. Чувствительному пастырю особенно прискорбно то обстоятельство, что мертвые братья валяются повсюду, съедаемые зверями и птицами. Подобные наставления проповедник изложил в послании во Псков и в Литву, по поводу черной смерти. В этих посланиях он убеждает всех покаяться, угрожая гневом Божиим за нераскаянность. В посланиях митрополит дает наставления разным сословиям, приличные их званию, особенно судиям и богатым⁵¹⁴. В одном

из посланий в Киево-Печерский монастырь, о коих сказано прежде, Фотий тоже упоминает о казнях божиих, поражавших Россию, призывает всех к покаянию и исправлению. Известный старец Филофей в одном из своих посланий обличает правителей Пскова за то, что они не позволяли священникам напутствовать умиравших от язвы. Подобно Фотию, патр. Никон обличал народ в беззакониях и призывал к покаянию, по поводу чумы, опустошавшей Россию 1656 года. В своей окружной грамоте он писал: «священники и люди! Все мы отступили, уклонились и стали непотребны; нет творящего суд и правду. Вот о чем мое слово и страх! Согрешихом, беззаконновахом, нечестновахом»⁵¹⁵. Затем следует молитва к Богу и призывание чад русской Церкви к нравственному очищению. Мы видим, что патриарх не прибавил ни одной мысли, не сказал ничего нового о язве, чего бы не повторяли до него в течение многих столетий. А между тем губительная язва – самый жизненный предмет, вызывающий оригинальное слово. Как много пользы может привести слово, проникнутое не одними общими истинами о грехе, но и естествознанием, гигиеническими советами! Но Русь древняя была скудна мыслью и знанием, не доросла до этой широты взгляда. И ни один отдел проповедничества не убеждает нас так осязательно в неподвижности русской мысли и проповеди, как обличение грехов в общественных бедствиях и по случаю эпидемий. Расширила-ли взгляд свой на этот предмет современная проповедь? Напротив, она идет по старой, торной дороге, узкой колее.

бб) Голод, бездождие, засуха

Голод в древней Руси условливался атмосферическим влиянием суровой природы и невежеством народа, отсутствием науки, искусств, земледелия. Мы указали на страшный голод 1601 года, произведенный проливными дождями и жестоким морозом. В дополнение ко всему этому можно упомянуть и о других подобных бедствиях, напр. о голоде, произведенном раннею зимою, 1419 года. В этом году, в половине сентября, когда хлеб не был убран с полей, выпал глубокий снег. Вследствие этого настал голод во всей России и продолжался до трех лет. К всеобщему голоду присоединилась жестокая зима 1422 года. Люди умирали тысячами от голода и холода. Голод, сопровождавший черную смерть, произошел от засухи и бездождия. К разрушительным явлениям природы летописцы относят страшные бури, зимы без снега и каменные дожди (!). На эти новые бедствия отозвался сердобольный Фотий, искренно полюбивший новое отечество, за его благочестие. Он написал два слова на бездождие и голод, в которых изобразил виденные им бедствия. «Засохшая земля изменилась, расщедается, и в глубину ее входит солнечное сияние. Видел я бразды неплодные и прослезился. Одни семена засохли в земле, другие увяли и сгорели от зноя. Земледельцы плачут, смотря на детей своих

и жен, осылая иссохшую траву... Наши места не одождены; перемешались времена года, зной и холод. Нет ли тому причины в нас самих? Неужели у Бога отнялось что? Мы оставили братолюбие, любовь иссохла, голос молящихся расходится в воздухе.... Голод есть болезнь, иссушает мокроту, охлаждает теплоту, утончает толстоту, иссушает телесную силу, как паутина облежит кости. Румянец пропадает, кровь оскудевает, тело чернеет, колена влекутся. Голос немощной и тонкий, глаза от изнеможения углубились, живот тощий и упавший». Еще известно поучение о бездождии Пафнутия Боровского, проникнутое чувством, богатое картинами. О

голоде, засухе, бездождии упоминали и другие проповедники, начиная с Феодосия, рассуждавшие о казнях Божиих.

вв) Холод, и вообще разрушительные действия стихий

В древней России, покрытой болотами и лесами, неводеланной и малонаселенной, стихии проявляли свою силу в разрушительных явлениях. Летописи XIV и XV века особенно часто упоминают об них. В суровом климате такие явления – не редкость; но в XV веке люди наиболее внимательно присматривались к ним. Ожидая кончины века, суеверные предки применяли необыкновенные явления природы к пророчеству о последних днях мира. «Христос сказал, что в последние дни будут знамения на небе, голод, язвы, войны и неурейства. Все (это) видим ныне»⁵¹⁶. Говоря о голоде, мы упомянули, как с XIII века летописи наполнялись сказаниями о неслыханных бурях, снегах, морозах, дождях, зиме без снега, засухе и проч. Остается упомянуть о зиме среди лета и других бедствиях, записанных летописцами XIII–XV века. Так, они говорят о большом снеге и сильном морозе, поразивших новгородскую область в июне; о наводнении, затопившем Новгород 1421 года; о горении лесов и болот, густом дыме, убивавшем птиц и рыб. На величайшее бедствие – безвременную зиму, угрожавшую голодом, отозвался словом утешения Варлаам Хутынский. Слово или утешение Варлаама, подобно слову Александра Свирского о чадах боярина, имеет особенную доказательность и значение в истории проповедничества. Оно убеждает пророчески в наказании за грехи, и этим признаком отличается от слов общих, грозящих гневом Божиим по поводу затмений и других естественных причин. Такими словами, лишенными силы и убеждения, духовная литература обогащается доныне. Преподобный Варлаам утешил смущенных новгородцев и архиепископа следующим наставлением. «Если бы Бог не дал снега, то поистине все люди погибли бы с голоду. Корни семян и плодовых деревьев были наполнены червями. По молитве Божией Матери Бог умилился над своим созданием, произвел сверхъестественный снег и мороз, чтобы черви

вымерли. Завтра рано, по действию солнца, будет зной; мороз прекратится, снег растает и напоит землю, вместо дождя». Предсказание святого исполнилось в точности; урожай вышел хороший, (Архиепископ приказал нарвать растений, и в корнях их увидел множество червей замерзших).

В XV веке, когда народ особенно смущался необыкновенными явлениями природы, Кирилл Белозерский оказал ему услугу редким в то время естествознанием. Он рассеивал общественные предрассудки и успокаивал народ точным объяснением физических явлений и законов природы. Кирилл написал «книгу правил против суеверных примет», поместив в ней выписки из Галена о стихиях⁵¹⁷. Вот, например, как он объясняет падающие звезды. «Люди говорят, что звезды падают; а иные думают, что (падающие звезды суть) лукавые мытарства! Но это не звезды и не мытарства, а отложение небесного огня; по мере падения он разливается в воздухе. Поэтому никто не видел на земли падшего огня. Что же касается звезд, то они никогда не падают, и только (падут) во второе пришествие»⁵¹⁸. Потребность знания природы, в XV веке, сказалась в переводах космологических сочинений, которые заменяли, в известной степени, практическую проповедь. Так, в это время, переведены на русский язык: «книга о мире Косьмы Индикоплова», «златая матрица» и «безымянный сборник, содержащий объяснения физических явлений»⁵¹⁹.

гг) Пожар

Пожары составляли обыкновенное явление в древней Руси; они – не редкость и в новой. Мы указали на губительный пожар, причиненный Девлет-Гиреем; но могли бы указать и еще несколько подобных. Таков пожар 1547 года, истребивший большую часть Москвы, множество народа (1700 человек), и произведший бунт; или пожар 1637 года, истребивший большую часть Твери, множество церквей и кафедральный собор, богато украшенный епископом Акакием. О пожаре, обыкновенном бедствии, не более двух поучений осталось от древности, и одно из них экспромт; но поучения эти имеют особенную историческую важность. Первое из этих поучений сказано свящ. Сильвестром Иоанну Грозному, по случаю бедствий, причиненных пожаром Москвы в 1547 г., и сказано кстати, так как пожар этот устрасил царя и расположил его к покаянию. Сказав обычную мысль о гневе Божиим и наказании за грехи, проповедник заклинал царя Богом оставить праздность и защитить народ, бедствующий под гнетом бояр. Он подкреплял свои мысли писанием, причем рассказал о некоторых чудесах и явлениях с неба. Мы видели, что общественные бедствия на Руси почти всегда сопровождались видениями и откровениями, и большею частью ложными, Курбский по этому поводу заметил: «не знаю, правду ли говорит Сильвестр о чудесах, или выдумал их, чтобы напугать Иоанна, ради его неистовых нравов». Сам Иоанн, впоследствии, отзывался об этом предмете с пренебрежением: хотят напугать меня «детскими страшилы» ... Как бы то ни было, но ни одна проповедь в мире не имела таких последствий государственных, как упомянутый экспромт Сильвестра. В этом случае оправдалась пословица: «слово сказанное кстати сильнее письма и печати». Устрашенный пожаром, народным возмущением и как бы пророческим обличением Сильвестра, Иоанн изменил дикий нрав свой, обнаружил большую деятельность, проницательность, справедливость, и в продолжение 13 лет благоразумного царствования возвысил Россию славными

подвигами. Другое поучение, вполне образцовое, написано Максимом греком, по случаю пожара, истребившего Тверь и богато украшенный собор, под заглавием: «слова Божии к тверскому епископу Акакию», и подобное: «слова от лица Богоматери к лихоимцам». Чтобы оценить важность этих слов, необходимо коснуться свойств народного благочестия и религиозного движения мысли в XVI веке. О свойствах благочестия предков замечено выше, что оно отличалось формализмом, преобладанием обряда и внешних подвигов над духом и развитием нравственности. Младенчествуя мысль и чувство предков обращались не к сущности веры, а к внешней форме ее, более доступной простому смыслу. Летописцы и путешественники русские, начиная с послов Владимира, всего более интересовались внешним богослужением и описанием церковных обрядов и принадлежностей. Русские соборы в своих постановлениях главным образом определяли внешнюю форму богослужения, обрядность, и мало касались догматов веры. Этот формализм усложнялся и аскетическим настроением древней Руси, усвоенным от монахов. Известно, что аскетизм, раскрытый в монастырских уставах, всегда опирается на обряды и строгое соблюдение малейших форм, правил и постановлений церковных. С XV века лучшие люди стали сознавать неудовлетворительность внешнего благочестия, прикрывавшего тяжкие нравственные недуги. Мысли об этом изложены в одном сборнике XV века. «Какая польза в богатстве церкви, погибающем от огня, воров и ратников? Украшать церковь не запрещено, а не миловать убогих (грешно); за это обещана огненная мука»⁵²⁰. Нападки на обрядность и религиозный формализм усиливаются с XVI века, под влиянием протестантской философии, опрокидывающей, вместе с формою, обрядом, и дух христианства, особенно аскетизм. В поименованных словах Максим Грек обличает внешнее благочестие русских, прикрывающее всякие беспорядки и преступления. Как иностранец, озлобленный врагами, которых сам накликал неумеренностью обличений, Максим судит о русских неспокойно, с раздражением; и потому слова его надобно принимать с осторожностью.

В первом слове проповедник представляет Акакия жалующимся на пожар, истребивший плоды его усердия к богослужению; и отвечает устами Бога о неудовлетворительности внешнего служения. «Не для доброшумных колоколов, песнопений и многоценного мира сошел Я на землю; но ради вашего спасения. Для того Я велел написать мои заповеди, чтобы вы знали, как угождать Мне. Вы же книгу мою украшаете серебром и золотом, а заповедей моих не исполняете. Установленные праздники, для исправления жизни, вы делаете поводом к пьянству и бесчинию»⁵²¹. Во втором слове проповедник устами Богоматери осуждает любостяжателей, искупающих свои грехи канонами. «Часто воспеваемое радуйся, тогда будет мне приятно, когда увижу, что ты исполняешь заповеди, удаляешься гордости, злобы, лжи, лести, блуда, несправедливого хищения. Ужели думаешь угодить множеством канонов и стихир, громко воспеваемых, когда пребываешь в беззаконии, как волк расхищаешь имения, обижаешь бедных и вдовиц, играешь в зернь, упиваешься, веселишься гусями и скверными песнями?»⁵²² Подобные мысли о недостаточности внешнего благочестия изложены проповедником в двух статьях – о разрешении постного обета и о необходимости исполнять обеты на деле. Здесь есть преувеличения в мыслях, так часто встречающиеся в греческом проповедничестве, украшенном фигурами и риторическим лаком. Они могут смутить мыслящего человека и охладить усердие к посту. «Воздержание от брашен не приносит пользы, но более осуждает и уподобляет бесам, как сказано: воздерживаясь от брашен, ты, душе, оскверняешься страстями. Напрасно радуешься о неядении и уподобляешься злейшим бесам, никогда неядущим»⁵²³.

г) Укрощение раздоров и смут междоусобиц

Последним внутренним бедствием России было междоусобие, продолжавшееся 10 лет. Это время, так сказать, подвело итоги неурядицам России, успевшей выработать, в продолжение веков, только внешнюю власть, царскую; когда же эта власть пресеклась, сословия, не связанные внутренней силой закона, разошлись в своих интересах, и государство, ослабленное враждою партий, начало разлагаться. «И прозвали это время лихолетьем. То было такое лютое время гнева Божия, что люди не чаяли впредь спасения; чуть не вся земля опустела». Но в это опасное время обнаружилась внутренняя сила, служившая основой русской народности, скрепившая слабые гражданские отношения; это – вера, поддерживаемая духовенством, в ее высоком, аскетическом направлении. Эта сила, как сказано, при обыкновенном течении дел оставалась незаметною, допускала обнаружение общественных беспорядков; в минуты опасности она объединяла народ в одну православную семью, вызывала его на жертвоприношения, спасала от гибели и подчинения чужой национальности. Но время смут и разделений, духовенство, представлявшее стройную иерархическую власть, служило центром объединения враждовавших партий. Возвысившаяся в то время патриаршая власть как бы заменяла собою царское достоинство и придавала особенный вес делам духовным. Силою проповеди духовенство возбуждало в народе нравственное чувство и вызвало неимоверное напряжение его сил для спасения государства. Вера и духовенство еще раз сослужили отечеству добрую услугу, собрали распадавшееся царство, помогли восстановить царскую власть, от древнего корня, и тем оградили самобытность и величие России.

Патр. Гермоген первый оказал России важные услуги, за которые и пострадал. Он своими грамотами поднял народ на защиту государства, разрешил его от присяги Владиславу, благословил ополчение Пожарского и проклял поляков, замучивших его. «Да будут благословенны те, которые идут на

очищение московского государства, а вы изменники будьте прокляты». Но особенную услугу России оказал архимандрит Дионисий и келарь Палицын. В 1611 году Дионисий своими грамотами поднял народ и ополчение Пожарского на защиту государства. Он действовал именем веры, и народ, одушевленный верою, спас отечество. Грамоты, которыми города пересылались между собою, указывают на общее религиозное одушевление. «Идем все головами на помощь государству, прося милости у Бога;» или: «за православную веру хотим помереть», и проч. По всем городам определили поститься три дня и в два дня сухоядение, молились со слезами, дали обет построить три храма. Религиозное одушевление народа поддерживалось видениями. Сам Минин объявил, что ему «явился св. Сергей и приказал будить уснувших»⁵²⁴. «Православные христиане, писал Дионисий, вспомните христианскую веру, возложите упование на силу креста, молитесь служивых, чтоб быть всем христианам в союзе и стать сообща против предателей... Пусть служивые спешат к Москве. Всякому делу одно время, безвременное же начинание суебно. Хотя бы и были какие неудовольствия, отложите все это, чтобы сообща потрудиться для избавления веры, пока врагам не пришла помощь. Сделайте это поскорее, помогите казною и ратными людьми, чтобы собранное под Москвою войско не разошлось от скудости»⁵²⁵. Палицын служил в полках молебны, примирял войска, направлял их к общей цели и, чтобы удержать под Москвой, предложил им церковную ризницу, за недостатком денег. «От вас, говорил он буйным казакам, началось доброе дело, вы крепко стали за православную веру и во многих государствах прославились своею храбростью; а теперь, братья, хотите погубить зараз такое доброе дело». Общему делу помог митр, ростовский Кирилл; он разбирал ссоры в войсках, примирял воевод и укреплял ратников. Неимоверными усилиями духовенства и народа спасена Москва и Россия. Обеднею и молебном в Успенском соборе кончилось великое торжество народа, подобное которому видели наши отцы через два века. «Это были, говорит Соловьев, последние люди московского государства, коренные, основные

(религиозные). Когда ударили бури смутного времени, то (они) потрясли и свеяли много слоев, находившихся на поверхности; но когда коснулись общественных оснований, то встретили основных людей, о силу которых напор их сокрушился».

Увещание о любви к ближним, милостыне и сострадании

Утешая народ в бедствиях, по мере сил своих, проповедники изыскивали средства к облегчению его страданий. Общею мерою в этом отношении, как сказано, они признавали покаяние, умилоствление Бога за грехи; частною – любовь и сострадание к ближним. Внушая любовь и сострадание к ближним, проповедники укрощали вражду, сдерживали страсти и ограничивали общественные бедствия. Впрочем, поучений о любви, снисхождении и сострадании к ближним написано немного, и мысли об этом предмете излагаются отрывочно. Так, в слове «о уставе человеческого жития» между прочими правилами предложен совет никого не презирать. «Видели вы, сколь мал паук? Растягивая паутину, он ловит мух, и часто воробей и иные птицы получают корм от этой худой ловитвы. Подобно и мы приемлем обилие Божие от немощных, безродных, худых и убогих (людей). Богу необходим всякий человек: богатый и убогий; поэтому не презирайте никого»⁵²⁶. В век особенного или крайнего угнетения народа своеволием бояр, митр. Даниил часто обличал нелюбовь к ближним, зависть, клевету и другие страсти, нарушавшие общее спокойствие; особенно подробно он говорит о любви к ближним в 9 и 10 слове. Он показывает превосходство этой добродетели, не дозволяющей гнева, ярости, тщеславия, гордости, клеветы, осуждения ближних, и вообще неправды и всякого зла; внушает водиться страхом Божиим, быть кроткими, незлобивыми, милостивыми, чтобы получить милость Божию. За то, в древности много написано поучений о милостыне и сострадании к бедным. Поражаясь существенными недостатками жизни общественной и семейной, множеством бедных и страждущих людей, проповедники постоянно говорили о милосердии и сострадательности к ближним. Они распространялись об этом предмете кстати и некстати, так что в большей части древних слов можно найти хоть краткое упоминание о милостыне. При этом следует заметить, что учение о милостыне чаще

предлагается в самых древних поучениях, вследствие особенной неустроенности общественной жизни. Так, в 12-ти кратких поучениях, помещенных в Прологе, в которых рекомендуется день и ночь ходить в церковь, постоянно упоминается о милостыне. Напр.: «братие, когда видим нищего, или странного, или алчного, или нагого, не отойдем, не сделавши (ему) добра, чтобы не лишиться вечных благ, зная, что милуем самого Христа. Ибо не свое имеем что-нибудь, но Божие. Дадим от своего довольно, ибо не просит у нас имения, или чего-нибудь тяжкого, но пищи и простой одежды»⁵²⁷. О милостыне упоминается и в словах славянского проповедника X–XI века,⁵²⁸ пользовавшегося творениями св. отцов. Напр.: «отвергнем от себя житейские заботы, зависть, клевету, памятозлобие и проч. Богатые преимущественно пред прочими днями (теперь) творите милостыню, чтобы, причастившись тела (Христового), получить вечную жизнь. Воздайте благодарение убогим, которые непрестанно молятся Богу за всех. Сии требования не тяжки, если захотим исполнить их»⁵²⁹. Замечательная тирада о милостыне есть в одном слове Златоуста: «Зачем вы затворяете свои двери пред нищими? Так говорит Господь чрез пр. Исаию: колесам и телегам, и саням есть место в ваших дворах, а Мне, скитающемуся по улицам, негде и голову приклонить»⁵³⁰. Слова, главным образом трактующие о милостыне, находятся в известных нам сборниках. В Изумруде: слово 20-е, Златоуста; в нем приведены свидетельства о пользе милостыни из сочинений Василия Великого и жития Филарета милостивого. 44-е, Афанасия, о милостыне. «Бог дал нам богатство для искупления (грехов)»; приведен рассказ о мирянине, угодившем Богу, – наравне с монахами. 23 и 108-е, св. Нифонта. Приведены отрывки из житий св. Нифонта и Иоанна милостивого о богатом и скупом. В Златоустнике: 96-е о милостыне. Милостыня названа голубицею, возносящею к Богу щедрого подателя. Недостаток поучений о милостыне в позднейшие века мог в некоторой степени восполняться словами св. отцов, помещенными в разных сборниках. Так, в сборнике XVII века, № 334, помещено много слов отеческих о милостыне; в том числе Златоуста 4

слова. В сборнике № 321, слово Златоуста учит разборчивой милостыне: «яко подобает творити милостыню прежде своим домашним»⁵³¹. В пандектах Никона черногорца помещено более пяти слов о милостыне. Эта проповедь о милостыне, ублажающая Христа в лице нищих, повторяемая из века в век, кстати и некстати, имела самое благотворное влияние на нравы предков. Она обуздывала эгоистические и корыстолюбивые стремления богачей, украсила многих иерархов и вельмож добродетелями странноприимства, облегчила участь бесчисленных бедняков; влияние ее заметно доныне в народе. Даже иностранцы, нередко удивлявшиеся набожности русских, хвалили их особенно за сострадание к бедным. Но об этом скажем подробно в статье о влиянии практического проповедничества на жизнь народа, или об отношении его к жизни.

Увещание ропщущих на промысл и бедствия жизни

Не все страдальцы древней Руси безропотно переносили свою горькую участь; не все, поучаемые терпению, возлагали надежду свою на Промысл. Тогда, как и ныне, люди разнились в своих привычках и убеждениях; и несчастья всегда вполне открывали свойства людей, степень их веры и мужества, неверия и малодушие. Люди кроткие и благочестивые в бедах обыкновенно предаются воле Провидения люди пылкие, гордые, мыслящие и безнравственные нередко ожесточаются. Несчастья XV века и ожидание кончины мира обнаружили удивительное различие нравственных характеров. Тогда как благочестивые люди стремились в монастыри, для очищения и успокоения совести, бесчинные предавались пьянству и грабежу, и с отчаяния налагали на себя руки⁵³². Неудивительно, что при таком различии людей всегда были недовольные жизнью и ее кажушимися беспорядками, несовершенствами. Это недовольство становится особенно заметным к XVI веку, когда под влиянием ересей началось движение мысли, критическое отношение к вере. Облегчая бедствия словом утешения, внушая любовь и сострадание к ближним, проповедники обличали вольнодумцев, ропщущих на Промысл. Так, в одном сборнике находим «поучение ко всем православным христианам» в котором осуждаются недовольные миром и возвещается горе тому человеку, который все злое относит к Богу⁵³³. Митр. Даниил в своих поучениях нередко касается этого опасного вопроса. Так, в 14 слове, сказав о необходимости приготовления к будущей жизни, проповедник учит «быть смиренными, не испытывать судеб Божиих, не роптать на Промысл, когда видим, что одни возвышаются, другие падают, грешники благоденствуют, праведники страждут, одни умирают рано, другие живут долго». Подобные мысли он проводит и в 11 слове. «Не должно испытывать непостижимое существо Божие и судьбы его. Если видим, что для нас недомыслимое, должны славить и благодарить Бога, не укорять и не бесчестить благодати Божией.

Неразумны те, которые любят прения о судьбах Божиих: почему такой-то получил помощь, освободился от бед, а такой-то не получил избавления?» и проч.

Глава четвертая. Общие меры против умственных и нравственных заблуждений и бедствий народа

При всем усердии к исправлению пасомых и смягчению общественных бедствий, пастыри чувствовали недостаточность своего слова и для подкрепления его употребляли вспомогательные общие меры. Во-первых, они рассылали окружные послания и грамоты, в коих предлагали нравственные и практические наставления, сообразные с нуждами пасомых, пастырей и народа. Эти послания, по причине разнообразия содержания их, нельзя причислить ни к одному из рассмотренных отделов проповедничества, а должно назвать общими. Рассылая такие послания, пастыри подкрепляли их действие собственным надзором и распоряжением. При посещении епархий они предлагали народу необходимые наставления и делали распоряжения по устройству Церкви. Во-вторых, признавая священство учительным сословием, они постоянно внушали священникам руководить народ в вере, указывали на недостатки их самих и народа. Некоторые же пастыри усердно заботились о возвышении и исправлении духовенства и за свою ревность подвергались большим неприятностям. При этом, считая наказание действительным средством для обуздания греха и смягчения гнева Божия, пастыри требовали налагать епитимии на грешников, особенно богачей, притеснителей бедных. В тоже время, желая оградить и возвысить учительное сословие, далеко не удовлетворявшее своему духовному званию, пастыри внушали народу воздавать всякое почтение священству и монашеству. В-третьих, при содействии гражданской власти, пастыри делали административные распоряжения о поддержании церковного благочиния и благочестия в народе.

1) Рассылка окружных посланий и грамот общего содержания

Мы обратим внимание преимущественно на главные послания известных пастырей, обходя, по возможности, малоизвестные, так как все они более или менее сходны содержанием. Главное внимание обращает на себя «поучение детям», Матфея, епископа саранского, которое, как думают, было разослано им по своей епархии. Поучение Матфея известно в двух редакциях, краткой и пространной. В обширном виде оно разделено на 18 глав, из коих в последних 8 главах кем-то прибавлены новые статьи. Это поучение служит совершенным типом произведений греко-русского проповедничества: оно в кратком виде содержит в себе почти все главные истины рассмотренного нами проповедничества, нравственно-аскетического и практического; отличается беспорядочностью изложения и простотою выражения.

«Имейте веру в Бога, любовь ко всем, к богатому и убогому. Пост имейте чистый, когда следует поститься, да просветлеете подобно Моисею. Милуйте убогих и немощных, лежащих и сидящих на улицах; посещайте находящихся в темницах, нагих одевайте. Домочадцев не бейте, не морите голодом и наготою, но больше милуйте. Убогий выпросит себе в другом месте, а они смотрят в твои руки. Правым помогайте, грешных милуйте. Станных вводите в дом и напайте. Вдовиц призирайте, сущих в бедах избавляйте, старцев, попов и диаконов чтите. Челядь милуйте, наставляйте на путь покаяния; старых отпускайте на свободу, юных учите добру. Соседа не обижайте, не отымайте у него земли. Монастыри любите, то суть дома святых (описывает подвиги монастырские). К св. местам приходите, просите благословения у подвижников, приводите к ним своих детей, вводите их в дома свои для благословения и поучения. Епископа чтите, он есть молитвенник всего мира; не вступайтесь в церковные дома, в суды и земли. Если пригласите чернеца или причетника, то более трех чаш не принуждайте пить (далее следует известное учение о

повиновении князю). Покоряйтесь друзьям малым и великим. Позовут вас на пир, садитесь на последнем месте. Тогда позвавший тебя скажет: друже, сядь выше, и будет тебе пред всеми честь и слава. Имейте в сердцах страх Божий; ибо начало премудрости страх Господень. Вера и страх Господень повелевает на всякий час помнить смерть и страшный день суда. Если кто сотворит грех, по внушению диавола, в тот же день да покается, опасаясь внезапной смерти (повторение о почитании духовенства и миловании рабов опускаем. Проповедник называет хозяина апостолом дома и велит учить домашних ласкою и грозю, под опасением ответственности. За слушание велит наказывать рабов 4–30-ю ударами). Милость Божия, св. Богородицы и мое благословение да будет с вами»⁵³⁴.

Поучения митр. Алексия. а) Поучение или послание ко всей пастве. В нем, кроме объяснения притчи о семени и винограде, изложены наставления о любви, страхе Божиим, покаянии, милостыне, хождении в церковь, праведном суде, почитании пастырей, и вообще о добрых делах. Между прочим, проповедник говорит, что «домашняя молитва без церковной не может иметь никакого успеха»⁵³⁵. б) Поучение христианам нижегородской области, сходное с предыдущим. Проповедник внушает духовенству учить народ страху Божию, любви, исповеди, милостыне, правде. Указывая на нестроения области, говорит: «от чего бывают удары на города, нашествия, голод, мор, пожары? Все это за грехи пред Богом». Наконец обличает пьянство и внушает всем сословиям повиновение священству⁵³⁶. в) Послание или грамота в червлёный яр. Внушая духовенству и мирянам подсудность рязанскому епископу, проповедник учит их тем же нравственным истинам, какие изложены в предыдущих посланиях, между прочим – странноприимству. «Покайтесь, научитесь творить благое, поминайте смерть, воскресение, страшный суд, вечный покой, вечную муку, и не согрешите»⁵³⁷.

Слово 84 Златоустника, древнее, содержит различные правила и наставления. Напр.: «отцы установили приходить на молитву со свечю и поститься; горящая свеча прообразует

Троицу. Не носящих на шее креста (мы) проклинаем в церкви. Заупокойную литургию должно служить на 4 просфорах; принесший должен положить их на кутье и поставить 4 свечи».

Слово ко всему миру (XIII–XIV в.) обращено к духовенству и мирянам, от лица Бога, и содержит в себе разные наставления и обличения. Между прочим, проповедник говорит: «без любви неприятны мне ваши молитвы и службы. Напрасно трудитесь, совершая службу в гневе; зачем (в таком расположении) идете в церковь, оскверняете ее и св. ангелов? Возглашаете: станем добре, со страхом, а сердца ваши удалились, содержа гнев и злобу». Далее воспрещает принимать просфоры от злых людей. Это же слово, в виде послания или речи епископа, приписано Златоусту и известно вам по некоторым отрывкам, приведенным выше⁵³⁸. Следует заметить, что оно отличается требовательностью, граничащею с ригоризмом, и крайнею оригинальностью мыслей. Напр.: «вы должны оставить имение и идти в церковь; колесам есть место в ваших дворах; я послал вам письмо» и проч.⁵³⁹.

Наказная грамота митр. Макария содержит разные наставления, преимущественно о христианской нравственности и обрядности, между прочим, обличает религиозное суеверие. – Священники держат на престоле, до 6 недель, мыло и детский послед (сорочки). «Чтоб впредь таковые мерзости на престоле не клали. Чтоб просвирни не наговаривали ничего над свечами, кутьей и просфорами, кроме молитвы Иисусовой»⁵⁴⁰. Патриарх Иосиф в окружном наказе христианам повелевал, чтобы в воскресные и праздничные дни ничего не делали, упражнялись в делах благочестия, ходили в церковь на молитву. В субботу, с благовестом вечерним (за три часа до ночи) лавки запирают, ничем не торговать, в бани не ходить. Утром до пятого часа дня лавки не отворять. Во время крестных ходов лавки запирают, пока кресты не принесут в собор⁵⁴¹. К этому же отделу надобно отнести грамоты патриархов общего содержания, отрывки из которых приведены выше, и особенно увещание патр. Адриана к разным сословиям, в 24 пунктах.

Ревизия епархий. Мы не имеем достаточных сведений о деятельности пастырей относительно ревизии епархий. Заметим

только, что эта ревизия, при неустройстве государства, была сопряжена с большими затруднениями, и тем более оказывалась благотворною, при усердии деятельных и неугоминых пастырей. До какой степени оказывалась благотворною ревизия епархий в древности, видно из следующего обстоятельства. С перенесением русской митрополии на север, митрополитам неудобно было посещать южные области России, присоединенные к Польше. Пастыри действовали на народ одними посланиями, которые, без личного надзора их, не оказывали влияния на нравственность. От этого духовенство южной России нравственно опустилось, не радело о своих обязанностях и просвещении народа. Об нем все отзывались с презрением. «Недостойство восседало на митрополичьих и епископских престолах. Пресвитерство дошло до такого бесчестия, что доброму человеку стыдно принять священности типографии, которая могла облегчить заботы о просвещении духовенства и народа и положить предел порче книг, распространению суеверия и заблуждений. Но невежественный народ, считавший всякую новостъ ересью, сжег типографский дом. Во всяком случае, напоминая священникам об обязанности учительства, пастыри успокаивали свою совесть исполнением законного долга. Действительно, редкий из митрополитов не писал послания духовенству о долге учительства, или не упоминал об этом в своих поучениях. Особенно часто об этом говорил и писал митр. Фотий. Как митр. Даниил всего более распространялся о пользе чтения книг, так Фотий – о важности и страшной ответственности священного сана. Все этого рода послания, идущие почти через весь первый период, отличаются однообразием и подражательностью; развития в них, равно как и в поучениях о наказании за грехи, – никакого.

Древнейшее поучение священникам, или правило, принадлежит митр. Кириллу II; оно разослано было по всем епархиям. В правиле Кирилла различают три части. В 1-й части он говорит об обязанностях святителей, неустройствах Церкви и Божиих казнях; во 2-й излагает правила Владимирского собора; 3-я часть озаглавлена; «поучение к попом», и с вероятностью

приписана Кириллу⁵⁴². В изложено учение о важности и страшной ответственности священ. сана, об обязанности священников к пастве и к самим себе в учении, служении и управлении⁵⁴³. Со времени Кирилла, сколько известно по дошедшим до нас памятникам, вошло в обыкновение рассылать духовенству это поучение. Самое поучение к попом, состоящее из обыкновеннейших мыслей, епископы начали рассылать по своим епархиям.

С поучением к попом сходно послание к духовенству митр. Петра. Между прочим, проповедник внушает духовенству заниматься чтением день и ночь, учить народ страху Божию, покаянию, смирению, любви, милостыне, под опасением вечной муки⁵⁴⁴.

Митр. Киприан, по примеру предшественников своих, написал послание к духовенству и христианам⁵⁴⁵.

Подобное послание к духовенству писал митр. Фотий; кроме известного учения об обязанностях священства, он излагает правила о постах, исповеди, крещении и елеосвящении⁵⁴⁶. Это же учение Фотий повторил в слове на неделю православия, богатом нравственно-аскетическими наставлениями⁵⁴⁷.

Есть еще послание кг духовенству, сходное с посланием Фотия к новгородцам; в нем изложено учение о строгом соблюдении поста, хождении в церковь, таинствах, и обличение священства, преданного торговле⁵⁴⁸.

Митр. Симон (XVI в.) писал послания: пермскому духовенству о его обязанностях;⁵⁴⁹ во Псков о вдовых священниках, и еще: назидательное поучение священнослужителям⁵⁵⁰.

По примеру митрополитов и епископы иногда писали подобные поучения. Напр. арх. новгородский Евфимий (XV в) в послании псковскому духовенству убеждал его воспитывать народ в страхе Божиим и, между прочим, не позволять службы священникам из других епархий⁵⁵¹.

Есть поучения священству и неизвестных проповедников. Напр. а) наставление духовным учителям как следует учить (народ) заповедям Божиим (вероятно русское)⁵⁵². б) Слово о

том, какая беда предстоит иерею, неучащему и не наказывающему людей⁵⁵³. в) Поучение от иерея духовным детям, после исповеди⁵⁵⁴.

Наконец, слово Златоуста: как священникам учить людей, рекомендует настойчивую проповедь. «Хотя бы поучаемые не слушали (нас), но мы не перестанем учить»⁵⁵⁵.

2) Обличение недостатков духовенства

В видах успеха проповеди, пастыри нередко указывали на недостатки самого духовенства и заботились об исправлении его. «Слово Златоуста» обличает священников в недеятельности. «Надлежит учить (народ) непрестанно; а мы, священники, всегда пребываем дома; от священства имеем одежду и пищу, (но) по небрежению не имеем книг, готовых не читаем, а только приобретаем различные одежды. Как не признать это злом? И учащих нас ненавидим, а пропитание и честь получаем от священства»⁵⁵⁶. Митр. Фотий в слове на Сретение, изложив любимое им учение о важности священства, рекомендует ему трезвость и предостерегает от пьянства⁵⁵⁷. Митр. Феодосий написал прекрасное послание о нерадении беломорского духовенства⁵⁵⁸. Митр. Даниил, с свойственной ему наблюдательностью, изобразил частные недостатки духовенства Успенского собора, в Москве. Изложив нравственно-аскетические наставления о приготовлении к будущей жизни, проповедник учит всех, особенно духовенство, заботиться о внутреннем благочестии и внешнем благочинии, чтобы никого не соблазнять. «Есть некоторые из священных лиц, пресвитеры, диаконы, иподиаконы, чтецы и певцы, которые играют в гусли, домры, смыки, зерны, шахматы, тавлеи, и проводят время в бесовских песнях, премномом пьянстве, любят плотское наслаждение более духовного, и таким образом служат себе, и другим в великий вред»⁵⁵⁹. Но всего более поучений об обязанностях и недостатках священства находится в Кормчей XV века. Это большею частью поучения Златоуста. Григория Богослова, Василия Великого, Ефрема и Афанасия, с вариантами, а некоторые – русские. Напр. поучение св. Григория Богослова. «Слышите, священники, что говорить Господь! Жатва многа, а делателей мало. Некому проповедовать истину; сами не исполняете истины, а потому и не возвещаете ее. Священников уже полон мир, а на дело Божие редкий обретается. Многие и грамоты не знают, а вошли в священный чип ради льготы и чести». За дурное поведение и

соблазны поучение грозит вечною мукой. Слово Златоуста о покаянии содержит наставления о том, с каким опасением надобно совершать исповедь, наставлять людей и учить их страху Божию. Поучение попом и всем людям излагает нравственные обязанности тех и других, и за неисполнение их грозит вечною мукой⁵⁶⁰. Подобное поучение: наказание и заповедь св. отец о покаянии. Обличения и наставления духовенству, изложенные в предыдущих поучениях, в кратком виде содержатся в следующих словах: «слово Златоуста попом и простым людям»; «слово божественно о покаянии и исповеди грехов». Мы обратим внимание на одно любопытное правило, содержащееся в последнем слове и свидетельствующее, между прочим, о благочестии предков. «В великий пост не велите непраздным женам кланяться до земли; пусть кланяются в пояс, или вместо поклонов дают милостыню; а если убогие, да хвалят Бога; а то они извергают младенцев, и если мы не воспретим, то в этом наша вина»⁵⁶¹.

Деятельные меры к исправлению священства

Ревностные пастыри не ограничивались учением и обличением священства; иногда они принимали деятельные меры к исправлению его, и за это подвергались большому нареканию. Феодосий, арх. ростовский, XV в., жаловался на нерадение духовенства к своим обязанностям, созывал его на собор, побуждал к исправлению жизни и пастырской деятельности. На митрополии московской он обнаружил такую же ревность к исправлению духовенства, и возбудил против себя общее недовольство. Геннадий, арх. новгородский (XVI в.), обнаружил большую ревность к исправлению духовенства и нажил себе многих врагов. Как бы в оправдание своей пастырской ревности, он изобразил грубость и невежество ставленников, – которые указывают на жалкое состояние народа; ибо грубые ставленники и попы едва в состоянии были исполнять церковные требы. «Приводят мужика, говорит Геннадий, ему приказываю читать апостол, а он ступить не умеет; приказываю дать псалтырь, – и по той едва бредет». Ставленники отвечали: «мы учились у своих отцов и мастеров, а виде нам учиться негде! Земля господине такова, не можем добыть, кто бы умел грамоте»⁵⁶²... Необходимость заставляла посвящать и сельских невежд, чтобы «церкви не остались без пения, а христиане не умирали без покаяния», как заметил Стоглав.

Наставления мирянам о почитании духовенства

Действуя на духовенство учением, обличением и личным руководством, пастыри желали возвысить его в глазах народа. Хотя духовенство не поддавалось пастырским мерам, оказывалось несостоятельным в слове и деле, ненадежным в своем звании и унижало его пороками: все же пастыри продолжали, по голодом, наготою, (пока) не покается. Прочих духовных детей исправляй, и по мере грехов наказание возлагай, – истязуй, запрещай, непокорного отлучай, от себя отжени. Коли другой примет такового, без твоего благословения, скажи епископу, да повелит соборно проклинать не покоряющегося, а принявший (его) лишен будет священства»⁵⁶³. Поучений подобного содержания в древних сборниках довольно, напр. в Изумруде соловецком, л. 296, в рукописи академич. библиотеки, № 858, л. 20. Слово св. апостол и отец о церковном приношении». Кормч. XV в.

Некоторые поучения пастырей излагают подробные правила о исповеди и епитимиях. Митр. Киприан в послании к Афанасию предписал исследовать на исповеди всякое дело, и сообразно с этим налагать епитимии, применяясь к состоянию грешника. «Иначе должно рассуждать о молодом, иначе о возрастном, иначе о согрешившем в старости, иначе о смышленном и несмысленном, иначе о согрешившем волею и неволею, иначе о свободном и рабе. Духовному отцу все надлежит испытывать и обо всем рассуждать». Сказав о священниках, что они «смотрят ко взятию,» Киприан взыскивал с них за послабление и отпущение епитимии. «Поучение и наказание попом, как следует учить духовных детей и давать им епитимии, по заповедям и правилам св. отец». Кормч. XV в. «Слово о епитимиях и отлучении, даваемых иереями»; Сборн. «№ 339, л, 266. В некоторых поучениях доказывается польза и спасительность епитимии, – епитимия уподобляется лекарству, а духовник – лекарю, врачующему раны души. Поэтому рекомендуется всем не таить греха, чтобы не погибнуть, подобно птице, пойманной в силоч, за ногу, или один ноготь»⁵⁶⁴.

В «слове Златоуста попом и простым людям» и в «слове о покаянии и исповедании грехов» изложены, в смеси, разнообразные наставления, священникам и мирянам, относительно исповеди и епитимии. Здесь, между прочим, обличаются духовники, нерадящие о епитимии и наказании грешников. «Если отец духовный не положит (кающемуся) епитимии, противу согрешения, то предаст душу его злой муке, и ждут их неразрешимые узы, в день страшного суда. Многие пастухи просмрадили виноград мой и осквернили часть мою, поэтому примут большее осуждение. Подобаает нам отцы и братия блюсти себя со всяким опасением, испытывать согрешения со всяким прилежанием. Поп, не дающий епитимии исповедующим грехи свои и прощающий грешника самоволием, есть противник Божий, попиратель закона, и проклят св. отцами. Ибо писание говорит: если слепец водит слепца, то оба впадут в яму»⁵⁶⁵.

В пособие к поучениям этого рода мысли о исповеди и епитимиях подробно изъяснены в церковных правилах; некоторые из этих правил, современные началу христианства в России сообщают любопытные сведения о нравах предков. «Приказываем иереям и всем грамотным, чтобы они пред исповедью записывали свои грехи на хартии и подавали ее духовнику. А простые люди говорят на исповеди по одному слову». «Женам повелеваем исповедоваться в притворе церковном, и внешние двери иметь отверстыми, ради соблазна». «Жена на исповеди не должна открывать головы своей»⁵⁶⁶.

Из иноков особенно благотворно действовал на народ епитимиями и нравственными наставлениями Иосиф Волоколамский. Он говорил о себе: «сень духовный отец многим князьям, боярам и простым людям». Сохранились 4 послания его «о епитимиях к детям духовным»⁵⁶⁷. К Иосифу часто обращались за наставлениями многие люди и князья, особенно волоколамские, и открывали ему свою совесть. Князь Борис часто посещал преподобного и руководствовался его советами. Князь Андрей Голени, руководясь правилами Иосифа, постригся в монахи. Вельможи и садовники почитали

за счастье удостоиться его беседы, и избирали его своим духовником. Женщины, не имея возможности получить лично наставления Иосифа, спрашивали его советов чрез своих духовников, или письменно. Пользуясь своим влиянием на народ, преп. Иосиф благодетельствовал окрестной стране не только словом, но и делом. Он примирял князей, учил их миловать рабов, кормить несчастных, и сам питал до 700 человек во время голода, надеясь на помощь Божию и князей. «И имя Иосифово, говорит жизнеописатель его, яко некое священие, обносилось во всех устах. Вся страна волоколамская прилагалась к доброй жизни, наслаждалась тишиною и покоем»⁵⁶⁸. Не менее благотворное влияние на народ имели и другие подвижники, подобно Иосифу привлекавшие к себе всех святостью жизни и равными благодеяниями.

3) Административные распоряжения о благочинии церковном и благочестии народа

Проповедь, не удовлетворявшую всем нуждам Церкви и потребностям народа, пастыри восполняли правительственными мерами относительно церковного благочиния и благочестия народа. Меры эти были двояки. Во-первых, это были грамоты, правила или постановления митрополитов, относящиеся к церковному благоустройству; во-вторых, соборные определения пастырей. Те и другие часто излагались в форме поучений и рассылались по церквам, или вручались принимающим священство, для руководства в жизни. Учительные грамоты преимущественно употреблялись до XV века, так как при неустройстве русской земли трудно было созывать соборы. Владимирский собор 1274 года вызван был крайними неустройствами в Церкви, причиненными нашествием монголов. Соборные определения относительно церковного благочиния собственно начинаются с XV века, со времени объединения России и развития русского законодательства. Правила и постановления митрополитов, при благоговении предков к их сану, принимались наравне с определениями вселенских соборов и заносились в кормчую книгу, тем более что они часто заимствовались из писаний св. отцов. Определения русских соборов служили источником церковного учения и управления, хотя нередко были отменяемы, по указанию опыта и церковной практики. Так, московский собор 1667 г, сделал отзыв о стоглаве, что он многое решал простотою и невежеством, и вменил его в ничто: «яко не бысть». Между тем, патриархи Филарет, Иоасаф, Иосиф, Адриан, в своих указах часто делали извлечения из стоглава, вносили определения его в богослужебные книги. Извлечения из стоглава находятся и в царских грамотах XVII века. Любопытно следить, на какие вопросы больше обращают внимание грамоты митрополитов и определения соборов, какие недостатки чаще обличают, и какими следствиями сопровождалось все это для жизни общественной. И так как эти грамоты и определения

вызывались нуждами Церкви (и потребностями века: то для ясности дела необходимо следить развитие их в хронологическом порядке. Нечего и говорить, что, при обширности данного вопроса, для нас достаточно коснуться существенных сторон его, выяснить отношение грамот и соборных определений к церковному благочинию и благочестию народа, обходя, по возможности, каноническое содержание их.

При скудном проповедничестве в древности, богослужение и обрядность, можно сказать, были главною школою христианского воспитания. В чтении, молитвах и песнях Церкви народ почерпал знание веры, в обрядах богослужения видел, по возможности, осуществление догматов и правил христианской деятельности. Поэтому, богослужение не менее, если не более, проповеди и всей древней письменности влияло на общественные нравы; и пастыри, заботясь о благочестии народа, по необходимости заботились о церковном благочинии. Устраивая благочиние Церкви, пастыри обратили особенное внимание на положение и недостатки учительного сословия, – духовенства. Их грамоты и определения в этом отношении служат продолжением церковной проповеди и обличений духовенства. Но как вообще распоряжения пастырей относительно благочиния, так и, в частности, относительно духовенства не были достаточны, ибо неурядица Церкви, невежество и пороки духовенства, а с ним и народа, в XVI – XVII веке достигли крайней степени. Что могли значить несколько десятков грамот нескольких митрополитов, епархиальных архиереев, и определения 5 – 6 соборов, на протяжении громадного государства, при 10 – 12,000 церквей, в 700 лет! Они далеко не обнимали всех нужд Церкви в неурядице государстве, не удовлетворяли нравственным недугам грубого духовенства и народа. Все эти меры могли иметь заметное значение в связи со скудным проповедничеством, как дополнение к нему. Но и самое древнее проповедничество тоже далеко не удовлетворяло нравственным нуждам народа и духовенства.

Грамоты митрополитов относительно церковного благоустройства

Определения Владимирского собора (1274 г.) и цареградского (1301 г.) почти все относятся к богослужению и совершению таинств. Правило или слово, в котором Кирилл II изложил постановления Владимирского собора, и дополнительное поучение к попам нам известны. В них изложено учение о важности священного сана, епитимиях, и, между прочим, обличаются недостатки духовенства, неисполнение им святых обязанностей в отношении к пастве. «И безгрешный священник пойдет в муку, за грехи пасомых, если не учил и не наказывал их». Говоря о епитимиях, митрополит не позволяет отпускать грехи за деньги и дары. Знай, что невежественным священникам трудно выполнять все предписания, он повелевает им обращаться к себе, в случае каких-либо недоумений. «Я сам обличу и отлучу». Слово это было разослано по епархиям, для руководства духовенству. Митр. Максим, заботясь о благоустройстве Церкви, созывал в Киеве собор 1284 г.; последствия его неизвестны. Он издал правило, в котором обличал уклонения народа от церковных постановлений относительно поста и брака. В правиле означены времена постов Успенского, Петрова и Филиппова, а также – в среды и пятки, совпадавшие с праздниками. В обличение языческого обычая похищать жен правило внушает совершать брак по уставу Церкви. Против этого обычая еще прежде восставал митр. Иоанн, и также сделано постановление на Владимирском соборе. Митр. Петр написал постановление, в котором обличает недостатки священства: лихоимство, занятие торговлей, нетрезвость и незаконное сожителство. Преданного пьянству митрополит не признает священником. Митр. Фотий штрафовал пьяных лишением церковного облачения. Вдовым священникам позволяет служение, под условием вступления в монастырь. Строгость этих постановлений свидетельствует о распущенности невежественного духовенства, соблазнявшего народ своею недостойною жизнью. Митр. Киприан, как отличный

канонист и ревнитель благочестия, с охотой отзывался на все вопросы и нужды Церкви, и оставил много канонических правил относительно благоустройства Церкви. Самое замечательное сочинение его в этом отношении, по множеству канонических определений, – послание к игумену Афанасию. Относительно богослужения, Киприан объясняет обрядовые действия, предписывает читать толковое евангелие, а на трапезе – Ефрема, Дорофея, Василия, Златоуста, и недочитанные на утрене праздничные чтения; чтобы каждый священнослужитель исполнял свое дело, священник не служил вместо диакона; разъясняет таинства крещения, брака, покаяния, причащения, в совершении которых допускались неисправности. Относительно богослужения и обращения со священнослужителями Киприан дал канонические определения в грамоте псковитянам, в ответах псковскому духовенству, и других (между прочим замечено: после воды, освященной крестом, мирянину разрешается мясо, иноку – молоко)⁵⁶⁹. Относительно поведения духовенства указывает качества церковнослужителей и обличает некоторые злоупотребления. Избираемые в клир должны быть непорочны, подобно новорожденным. Даже пономарь и просвирня должны быть девственники, или однобрачные. Если же клирик замечен будет в каком-либо пороке, то ему до смерти воспрещается служить. Подобная строгость объясняется соблазнительным поведением вдового духовенства, на что жаловались митрополиту псковитяне. Относительно неурядиц иноческой жизни Киприан обратил внимание на праздношатательство монахов⁵⁷⁰. Он определил пребывать инокам в том монастыре, где пострижены, в повиновении начальству, и в хранении своего чина; переходить в другой монастырь с увольнительной грамотой; оставивший монашество, если вере укоризна и поношение»⁵⁷¹. Причиной неблагоговения народа к церкви собор поставляет бесчиние духовенства. «Попы и причетники в церкви всегда пьяны, на божественном пении бесчинно стояли, лаялись, сквернословили и бились до кровопролития». «Попы по церквам пели бесчинно, вдвое и втрое, миряне в то время говорили праздные речи, глумление; зря на их бесчиние, также творили». «Пастыри и

овцы вкупе заблудиша и погибоша». «Бесстрашие вошло в люди. В соборных и приходских церквях стоят в шапках и тафьях, с посохами, как на торжище, на позорище, на пиру, в корчме. В глумлении не слышат божественного пения; беседы, смрадные слова, говор, ропот и всякое прекословие»⁵⁷²! Собор распространился о важности священства, ответственности его пред Богом и людьми, отрешении от всего земного и благоговейном житии. Он подкрепил свои резкие обличения и наставления правительственными мерами, которые освящались авторитетом высшей власти. Для исправления нравственных недостатков и суеверных обычаев народа собор разослал повсюду запретительные царские указы, подвергавшие преступников гражданскому суду. Важные меры приняты и для исправления духовенства. Протоиереям внушено избирать честных священников, для надзора за поведением духовенства; по городам и селам с тою же целью учреждены старосты и десятские священники. Архиереям вменено в обязанность, во-первых: рассылать грамоты к протоиереям и игуменам, которые давали им право надзора за старостами и десятскими священниками; во-вторых, посылать соборных священников на ревизию церквей. «Сии священники дозируют, чтобы церковный чин и божественное пение были по уставу, да и весь народ должны пользоваться духовно»⁵⁷³. Учреждение поповских старост, «исполненных разума и украшенных добродетельми», было известно и раньше. Вообще, стоглав есть сильный протест на тяжкие грехи народа. Этот протест высказал в своей речи, на соборе, Иван Грозный. «Какие грехи не сбылись в нас? и чем Господь не наказал нас? Все злое мы пострадали от великого Божия наказания». И сам оратор был типом своего века, совмещал в себе его достоинства и недостатки, внешнюю набожность и величайший эгоизм, неуважение чужих прав. В отношении учения веры собор оказался не совсем правым, даже покровителем раскола и суеверия, и потому «яко не бысть» !..

Со времени стоглава прошло более 100 лет, и казалось-бы заботы пастырей о благе народа должны увенчаться успехом. Между тем, к концу XVII века, церковная и гражданская власть

заявила об упадке народной нравственности, и причиной этого признала недостойную жизнь духовенства. Безнравственность народа явно сказывалась в крайнем неблагоговении к церкви. Русские церкви в XVII веке представляли плачевное зрелище. В алтаре и на клиросе, вперемежку с перебранками, шла непостижимая суматоха в чтении и пении. Богослужение совершалось зараз несколькими голосами. Один говорил ектению, другой пел, третий читал, четвертый произносил возгласы. Священники, нередко, вычитав молитвы дома, в церкви стояли спокойно и произносили одни возгласы. «Народ со всяким бесстрашием и небрежением творил беседы неподобные, с смехотворением⁵⁷⁴. По церкви бродили иноки с образами и блюдьми, нищие, попрошайки, пустосвяты и юродивые, бранились между собою и дрались. «От них в церквах великая смута и мятеж, смрадная лая и драка до крови»⁵⁷⁵. Усердные богомольцы, смотря в разные стороны, молились каждый своей иконе; дети бегали и шалили. Среди общего шума, крика и писка, не было слышно чтения и пения. Соборы, патриархи и лучшие люди постоянно жаловались на беспорядок богослужения и бесчинство народа в церкви⁵⁷⁶. Особенно сильно жаловался на это патр. Гермоген (1610 г.): «христоролюбивые люди поведают нам со слезами, а иные приносят и писание, что в церковном пении великое неисправление, великая слабость и нерадение в священническом и иноческом чине. Говорят голоса в два, три, четыре, инде в пять и шесть! Вем многих собирающихся в храм не Бога ради; овех зрю дремлющих, овех озирающихся сюду и сюду, иных глаголющих»⁵⁷⁷. Собор 1666 – 67 года замечает, что духовенство служило проводником суеверия, предрассудков и пороков, и общество, признавая его наемником, охладело к церкви⁵⁷⁸. Признав общий упадок нравственной жизни, особенно в высших классах, зараженных лютеранством, что и служило причиной волнений в обществе, собор обратил главное внимание на недостатки духовенства и устройство богослужения. Он преследовал в духовенстве корыстолюбие, неприличные промыслы, праздношатание и оставление приходов, нетрезвость, срамословие, кощунство и нерадение о

своих обязанностях. Корыстолюбие простиралось до того, что за самое причащение взималась плата. Относительно вдовых священников собор ограничил прежние определения, подвергнув запрещению только нецеломудренных. В неприличных промыслах, нетрезвости и в праздношатании собор обвинял и монашество. Иноки держали лавки, отдавали в наем постоялые дворы. Нетрезвость, общая всем сословиям, проникла тогда в самые знаменитые монастыри. Многие бродили по монастырям, ночевали вне обители, или в женском монастыре, а инокини в мужском. Преследуя своими определениями означенные беспорядки, собор предписал предавать скитающихся иноков гражданскому суду. Общєю мерою для восстановления веры и исправления нравов собор признал поучение или церковную проповедь. Патр. Никон исправлял духовенство казнями (плетьми и цепями). К мерам церковной власти об улучшении нравов присоединились заботы и гражданской власти. Алексей Михайлович издал грамоту 1660 года, в которой обличал нерадение христиан о своем спасении. «Есть православные, которые нисколько не имеют попечения о своих душах, не имеют духовных отцов, и всегда пребывают без покаяния. Многие в совершенных летах, в 30 – 50, а иные до старости дошли, а к покаянию не пришли и отцов духовных никогда не имеют»⁵⁷⁹.

Историческое значение грамот митрополитов и определений соборов

Все означенные меры к исправлению нравов были полумерами, и потому не достигали своей высокой цели. Далеко ли простиралось просветительное действие грамот и определений митрополитов? Их определения и правила вносились в кормчую книгу, служили основой церковного суда и распоряжений соборов относительно благочестия и благочиния. С XV века соборы часто ссылаются на грамоты митр. Петра, Киприана, Фотия, особенно в вопросах о поведении духовенства. И при всем том некоторые из этих грамот впоследствии были изменены и совсем отменены, применительно к нуждам времени и Церкви. Предполагать же всеобщее влияние их на духовенство трудно. Одинаковой участи с грамотами митрополитов подвергались определения и грамоты соборов, вследствие той же причины, невежества и грубости духовенства. Самые энергические распоряжения стоглава о назначении поповских старост и ревизии церквей не приносили всей ожидаемой пользы. Легко сказать: «избрать священников искусных, исполненных разума, украшенных добродетелями, могущих пользоваться духовно и народ». Много ли таких обреталось в невежественной стране? А какими пособиями располагали они к возвышению нравственности русского духовенства и народа? Не говоря уже о моральных средствах, были ли они обеспечены материально для частых разъездов и распоряжений по приходам? Поэтому и не видим особенных плодов от всех регламентаций властей об устройении благочиния и возвышении народной нравственности. Словом: аскетическое воспитание, располагавшее назиданием, обличениями и предписаниями, оказалось бессильным к исправлению народа и возвышению государства. Требовалась крутая реформа для исправления вековых недостатков государства и обновления русской жизни новыми законами, обнимавшими не одни духовные, но и материальные нужды народа. Определение отношения практической проповеди к

жизни народа и вообще влияния греко-русского проповедничества на жизнь вполне выяснит нам этот предмет. Грамоты и определения церковной власти, по большей части утратившие каноническое значение, служат историческим памятником нужд Церкви и пастырской заботливости о благе общем.

Отношение практического проповедничества к жизни

Мы видели одностороннее отношение нравственно – аскетического проповедничества к жизни. Оно развило в народе благочестие и религиозные качества, которые не имели прямого приложения к земным целям, успехам гражданственности и образования. Религиозное чувство оказывалось благотворным в критические минуты, когда ослабевали связи государства. Оно пробуждало в народе сознание долга, нравственного закона, и самопожертвования для блага отечества. Религиозное чувство оказалось благотворным и в смысле колонизации бедного государства. Возбуждая тысячи иноков на подвиг уединения и миссионерства, оно осветило дикие племена божественною верою, насадило монастыри и церкви, – школы христианского просвещения. Озаряя верою концы России, благочестие возвысило и политическое значение ее. Оно привлекло к монастырям население, помогло возделывать необитаемые земли, и скрепило разнородные племена в одну православную Русь. Особенно важную услугу в этом отношении оказали знаменитые монастыри, лавры. Лавра киевская, Сергиева и местные обители ежегодно привлекали тысячи богомольцев, служили центрами религиозного и политического сближения народа. Здесь встречались люди всех званий, из отдаленных концов России, совершали общественные сделки, сроднились мыслями и верою, празднуя память святых. В прочих отношениях заслуги нравственно – аскетического проповедничества не полны и даже не чужды порицания. Направив мысль и деятельность народа почти исключительно к целям духовным, оно не благоприятствовало науке, держало народ в бедности и невежестве, создало предрассудки, вредные государству, искупленные тяжкими жертвами. Особенно вредным в этом отношении оказалось аскетическое убеждение в неприкосновенности обрядов, освященных стариною, самых азов, буквы закона и описок. Нельзя одобрить излишнюю ревность аскетов в обличении греха, запугивание слушателей

знамениями и несчастьями, как выражением гнева Божия. Подобные угрозы и пророчества, особенно о разрушении мира, оказывались ложными и производили соблазн, напрасно смущали угнетенный народ, в продолжение столетий. Конечно, эти предсказания вытекали из религиозных предрассудков и сопровождались благом – умножением монастырей и подвижников, особенно в XV веке: но все же цель не оправдывает средства. Аскетический ригоризм останется навсегда памятником заблуждений и уроком витиям – не пускаться в разглагольствования и объяснения непонятных явлений общими мыслями. Особенно в наше испытующее время необходима твердость мысли и убедительность слова. И в своем отвлеченном направлении нравственно-аскетическое проповедничество оказалось не вполне приложимым к жизни. Развивая в грубом обществе идеальную нравственность и опираясь на монастырские уставы, выдерживающие формализм, оно создало внешнее благочестие, малознакомое с духом христианским. Под внешними подвигами благочестия и монастырской дисциплины в обществе скрывались всевозможные страсти и пороки. Эгоизм и аскетизм жили на Руси под одной кровлей. На это внешнее благочестие, чуждое христианства, жаловались все просвещенные умы. Само собою понятно, что в требованиях идеального совершенства проповедничество не удовлетворялось наличными добродетелями века и не замечало их. Оно исключительно карало грех, возвещало гнев Божий, покаяние, умилоствление правосудия постом, молитвою, слезами и прочими подвигами. Таким односторонним отношением к жизни проповедничество сузило свой объем или программу, сделалось малопродуктивным в важнейшем отделе – практическом. Оно не может быть точным зеркалом современной жизни, ее общественных и семейных явлений. Этого мало. Мы увидим, что самое аскетическое воспитание народа создано не одним проповедничеством. Оно совершалось под влиянием разных источников богословской литературы, в которых сама проповедь находила поддержку. Таким образом, даже с точки

отвлеченного направления, влияние проповеди на народ оказывается ограниченным.

Практическое проповедничество, подавленное аскетическим содержанием, оказалось скудной прибавкой к отвлеченной проповеди. Оно редко выражалось в самостоятельных поучениях, полных житейского смысла и назидания. Большею частью оно разбрасывалось отдельными мыслями в нравственно-аскетических поучениях, вторгалось в них неожиданно, без отношения к предмету, последовательности и доказательности. Поэтому практическое проповедничество оказалось еще более скудным в своем развитии и приложении к жизни, нежели проповедничество нравственно-аскетическое. При всей поддержке администрации, содействии церковных и гражданских властей, оно не истребило, в 700-летний период, всех заблуждений и недостатков народа, и отчасти содействовало укоренению предрассудков, нетерпимости и раскола. В отделе практического проповедничества мы показали, по частям, степень соответствия его нуждам времени. Необходимо собрать сделанные указания в одну статью, чтобы видеть общее отношение и приложение к жизни практической проповеди.

Практическое проповедничество, вследствие малообразованности и аскетизма проповедников, оказалось малопродуктивным в обличении умственных заблуждений относительно веры. В обличении язычества, важнейшего источника заблуждений, проповедники довольствовались перечнем богов и обрядов, без достаточного разъяснения этих предметов, их отношении к вере и жизни. Они обращали особенное внимание на главные языческие торжества, сопряженные с буйством народа, развратом и соблазнами. В этом деле проповедникам помогала наглядность предметов, близость их к жизни и столкновение с христианскими обрядами. Дельных обличений в этом роде написано мало, так как шумные торжества языческие редко показывались на улице. Если проповедничество оказалось успешным в истреблении язычества в центре России и идолопоклонства на окраинах ее, то в этом отношении ему помогло время, изгладившее

языческие воспоминания, – религия, с ее богослужением, законодательство, объединившее племена России в один народ. Еще большая скудость произведений заметна в обличении астрологи, требующей научного знания. Связанная с астрономией и физиологией, астрология ставила в тупик неучей моралистов. Незнакомые с естествознанием, они не могли опровергнуть науку, обольщавшую всех химерами, основанными на физических законах. Выказанные моралистами обличения отзываются односторонностью, общими богословскими мыслями, с примесью заблуждений. Особенная скудость произведений заметна в обличении ересей и апокрифов. В обличении ересей и апокрифов требовалось критическое исследование, которое дается наукою, всесторонним образованием; а такого образования не доставало начетчикам, особенно в XV – XVI веке. Самый сильный враг еретиков жидовствующих Иосиф Волоколамский поражал их сводом текстов и выписками из св. отцов, тогда как еретики не обращали особенного внимания на эти авторитеты. Зато в обличении католиков можно было ограничиться богословской полемикой, созданною греками. Эта ожесточенная полемика, вызванная преданием, принесла более вреда, нежели пользы. Она оградила православие от происков пап, кои могли не удасться, и задержала просвещение. Все латинское, западное, сделалось для народа богоненавистным, еретическим. Следствия этой нетерпимости были самые печальные. Особенно важная задача предстояла проповедничеству в обличении религиозного суеверия, вытекавшего из крайностей аскетизма. Следовало ограничить обожание обряда и внешней формы монашества, излишнее построение церквей, в возмездие неправд, скитов-пристанищ раскола, бессознательное пострижение и проч. Эти вопросы едва были затронуты проповедью. Наши проповедники не были настолько развиты, чтобы успешно бороться, так сказать, с благочестивыми предрассудками. Да это было и небезопасно по тому времени. Зато реформа окупилась тяжкими жертвами невольные опущения проповедников. Она отнеслась крайне строго к обрядности, аскетизму, избытку часовен, скитов,

иноков. В обличении апокрифов проповедникам была доступна простейшая сторона дела: обуздание сельского духовенства, с выгодой промышлявшего фабрикацией легенд. Но проповедники не обратили внимания и на это дело, по непривычке ли к подобным занятиям, или по неумению отличить вымысел от истины. По этим причинам ереси больше преследовались полицией, а апокрифы – индексами и запретами, мало приносящими пользы. Невозможно истребить апокрифы, удовлетворявшие религиозной любознательности, прозаическими индексами и запретами: «не читайте лживых книг, засеянных на пагубу душ!» От того, не смотря на индексы и запреты, апокрифы необыкновенно разрослись к концу периода. Не понимая обширного значения ересей и апокрифов, проповедники тем более не понимали воспитательного влияния их на жизнь общественную и семейную, не пускались в рассмотрение следствий зла, и не спасли государство от потрясений, созданных ересями и суеверием.

В исправлении нравственных недостатков проповедничество оказалось более производительным, так как нравственные правила и уклонения от них доступнее уму, нежели догматы и отвлеченные созерцания. Особенно важную услугу в этом отношении проповедь оказала возвышением царской власти, подавившей междоусобия, спасением государства в смутное время, и внушением милости к бедным, которых было великое множество. Против главных пороков народа, – эгоизма и корыстолюбия, особенно властителей и судей, написано довольно поучений, хотя нельзя доказать, что все они принадлежат русским писателям, и что влияние их на нравы было очень заметно. Против пьянства написано довольно много поучений, лучших в своем роде, хотя действие их на нравы тоже не было слишком ощутительно. Корыстолюбие и пьянство во весь период остались господствующими пороками в народе. Против чувственности вообще, пресыщения, разврата и буйства написано поучений очень мало, недостаточно для исправления столь укорененных пороков. Равным образом слишком мало написано поучений против топких, второстепенных страстей, вытекавших из главных недостатков

народа и отравлявших общественную жизнь. Страсти эти: гордость, зависть, клевета, неблагодарность, коварство, расточительность, праздношатание, ханжество, бранчивость, сквернословие, ропот в несчастьях и проч. Все эти страсти проявлялись в бесчисленных видах и преступлениях, которыми наполнена древняя история. По всему видно, что их слабо сдерживали закон, религия и проповедь.

На неурейства семейные проповедники еще менее обращали внимания, нежели на недостатки общественной жизни. Безмолвные скорби домашней жизни ускользали от их аскетического созерцания. Правда, в облегчение участи рабов написано довольно поучений о милости и сострадании к бедным; ибо несчастий рабов, как и вообще нищих, сирот, изгоев, поражали всех. Но зато проповедники ничего не сделали в облегчение участи жен и детей, не смягчали сурового произвола домовладыки. Следуя греческим убеждениям, они нападали на жен, виновниц греха, и на детей, испорченных в своей природе. Между тем главную причину зла, – насильственные браки, опустили из виду; в течение 700 лет они не обратили внимания на этот жизненный вопрос, конечно, потому что между аскетизмом и браком ничего нет общего. Замечательно также упорное предубеждение в пользу сечения детей. Самые просвещенные люди XVII века держались этого убеждения. Полоцкий, ходячая библиотека чужих мнений, наравне с суровыми аскетами древности, проповедовал сечение детей. Подобно Домострою Сильвестра, он с охотой распространяется об этом предмете в своих поучениях. Полоцкий начертывает недосигаемый идеал нравственного воспитания, в силу которого отец должен быть чист как солнце, мать как луна, дети как звезды. Они должны молиться утром и вечером, ходить ко всем службам, исповедоваться и приобщаться. Для этого нужны побуждения. Воспитание надобно начинать жезлом, с малых лет. Юноши подобны деревьям; что примут в начале, – покажут в старости; что будет написано жезлом на молодых деревьях, то сильнее обозначится в старых. «Аще чад не биеш, не сподобишь радости, не приимешь сытости и сладости. Снопа аще не млатиши, не

возьмешь хлеба; ореха еще не разбиешь, (не возьмешь) ядра»⁵⁸⁰. Строгими поучениями, нечуждыми предрассудков, проповедники внесли в домашний быт лишнее горе и слезы. Все эти суждения о женской злобе, о пользе плетей для юношества, о грозе домовладыки и аскетизме домашнего быта не обещали отрады угнетенным; они утверждали предрассудки темного времени и произвол деспотов. Скудость практического проповедничества становится особенно заметною с половины XV века, со времени упадка живой проповеди. И хотя с этого времени стали умножаться сборники проповедей, но они не могли заменить живого слова, как по своей малодоступности, так и по отвлеченности содержания, общности мыслей, теряющих силу от частого повторения. Скудость практического и отвлеченного проповедничества становится особенно заметною в южной России, где, по свидетельству Транквиллиона, под владычеством Польши, развращение нравов достигло крайних пределов. Недостаток проповедничества замечен на восточных окраинах России, где, по свидетельству священника орловского, царствовали невежество и грубость, а проповедь сочтена ересью. Недостаток проповедничества особенно чувствителен был в Сибири, где, по свидетельству арх. Симеона, митр. Филофея и свят. Иннокентия, царствовали произвол и разврат. Крижанич, относительно недостатка проповеди в России, в XVII веке, сделал некоторое исключение; а в Сибири вовсе не нашел проповедников. «В великом русском государстве много пастырей, мужей книжных и учительных (незамеченных историей); а в Сибири (нет) ни одного такого». В это-то время крайнего оскудения проповеди усилились заблуждения и предрассудки, страсти и пороки, особенно на окраинах и отдаленных концах России. Заблуждения и пороки до того укоренились на Руси, что их не могли истребить законы, усилия церковной и гражданской власти. Умственные и нравственные недостатки предков перешли в потомство несчастным наследством, и наш просвещенный век считается с ними.

Коротко сказать: проповедничество нравственно – аскетическое и практическое не обнимало всех сторон жизни общественной и семейной, не отвечало всем нуждам и

требованиям данного времени. И если оно оказало доброе влияние на церковную и гражданскую жизнь народа: то не само собою, а в связи с другими источниками, из коих заимствовало свое содержание. Эти источники – произведения греко-русской литературы вообще, и в частности греческое проповедничество. Поэтому русское проповедничество не может служить единственным мерилom при оценке народной жизни, и должно быть рассматриваемо в связи с прочими источниками, влиявшими на аскетическое воспитание народа.

Общее влияние греко-русского проповедничества и литературы на жизнь народа

а) Произведения греко-русской литературы, влиявшие на проповедь и аскетическое воспитание народа.

Влияние греко-русской литературы на проповедь и жизнь условлено не только богословским и нравоучительным содержанием, но и самой формой, тоном изложения. При недостатке системы в древней литературе, стройного изложения наук, нравственное учение и назидание вторгалось во все отрасли ее, и проповедническая форма считалась лучшим проводником богословских знаний в жизнь. «Под руководством ее (греко-русской литературы), говорит некто, происходило все образование древнего человека. Под ее влиянием воспитались русские писатели и по ее образцам составляли собственные сочинения. Особенно некоторые произведения переводной словесности были настольными книгами, своего рода учебниками, воспитавшими склад понятий и стремлений, который выразился в древне-русской жизни и словесности»⁵⁸¹.

Библия и богослужебные книги

Основанием греко-русской литературы и проповедничества служила библия. Библия приведена в полный состав в XV веке, по поводу обличения жидовской ереси; до того времени она обращалась в народе отдельными книгами. Книги Св. Писания употреблялись в двояком виде: одни без толкований, и назначались для церковного чтения, другие с толкованиями св. отцов, и назначались для домашнего чтения. В особенном употреблении были: евангелие, апостол (послания и деяния), отчасти апокалипсис, с толкованием Андрея Кесарийского; из ветхого завета – псалтырь. Все эти св. книги, за исключением апокалипсиса, были вместе и богослужебными книгами. Они переписывались тщательно, во множестве экземпляров, в заголовках расписывались золотом; в знатных домах нередко оправлялись в золото и жемчуг, и даже приковывались к стене цепью. Наибольшим уважением предков пользовалась псалтырь, выражающая покаянные чувства. Она была богослужебною книгою, молитвенною и учебником. Многие благочестивые люди вычитывали ее ежедневно, утешались ею в скорбях, делали ее предметом ворожбы и богословских диспутов⁵⁸². Псалтырь чаще употреблялась толковая, с объяснением Афанасия Великого, Феодорита, Брунона, и следованная. В одной следованной псалтыри писец воспеет благотворность ее. «Подобно светильнику, озаряющему пещеру, молитва псалтыря разгоняет мрак греховный. Как железо разжигаемое преобразуется в огненный блеск, так просвещается ум зарею благодатного огня»⁵⁸³ и проч. Большим уважением предков пользовались притчи, премудрость Соломона и Сираха, как по назидательности содержания, так и по простоте формы. Многие изречения этих книг вошли в народные поговорки и пословицы. Были еще в употреблении паремейники, избранные места Св. Писания, читаемые в праздники; благочестивые люди читали их и дома. В книгах Св. Писания положено основание аскетическому направлению греко-русской литературы и проповеди. В них вообще осуждается чувственный мир и

любовь к нему, как помеха к нравственному совершенству, предписывается самоотвержение, несение креста: подвигов, лишений, скорбей. И вообще пояснено, что путь в царство небесное труден, и только усиленные искатели достигают его. Причем, в книгах ветхого завета (особенно пророческих) изъяснено растление человека, осужденного Богом; в книгах нового завета (особенно в евангелии) указаны средства к нравственному обновлению. Что же касается земного счастья, удобств жизни, о которых хлопочет человеческая мудрость: то Св. Писание почти не занимается ими, как несовместными с самоотвержением. Блага земные обещаны подвижникам. «Ищите прежде царства Божия и правды его, и сия вся приложатся вам». Кроме нравственного содержания, Св. Писание оказало важное влияние на литературу фигуральной речью, символизмом пророческих книг и евангелия. Фигуральная и символическая речь сделалась принадлежностью и украшением богословской литературы.

Богослужбные книги, наравне с Св. Писанием, были в употреблении с X века; они поступали в Россию в болгарском и сербском переводах. Существенно необходимые книги, между прочим, служебник и октоих, были переведены на славянский язык Кириллом и Мефодием. Над переводом и исправлением книг трудились также митр. Алексей, Киприан и другие. Рукописные богослужбные книги, в полном составе, были достоянием соборных церквей; в сельских церквях, бедных, служба ограничивалась небольшими книгами; евангелием, апостолом, часословом, служебником; о месячных минеях, при дороговизне письма, не могло быть и речи. Истреблению книг и церквей содействовали войны и набеги врагов. Проповедники жалуются на истребление св. книг, «которых Бог не щадит в гневе своем». Богослужбные книги, изъясняющие дух Св. Писания, проникнуты строгим аскетизмом. Церковные песни, молитвы и каноны, писанные аскетами, усвоившими дух евангелия в теории и практике, проникнуты чувством покаяния и страхом суда Божия. Эти чувства сильно выражены в канонах великого поста, с частым восклицанием: «помилуй мя, Боже!» В каноне Иисусу на 25 страницах выражается страх неумытного

суда, по видению прор. Даниила. «Река огненная пред судищем влечет, книги разгибаются, тайная являются... Господь грядет судити – кто стерпит видение Его? Вострепещи, душе окаянная и уготови дела твоя!»⁵⁸⁴. Утренние и вечерние молитвы, писанные аскетами, особенно Макарием и Златоустом, тоже проникнуты страхом суда Божия и вечной муки. С особенною определенностью в богослужебных книгах изложены правила аскетической жизни, взятые из монастырских уставов и вошедшие в древние сборники. Правила предписывают всем христианам ежедневно, во всю жизнь, совершать подвиги, из любви к Богу и в ожидании небесных наград. Приводятся и частные побуждения или доказательства из Св. Писания: «молитесь непрестанно»; и еще: «да не явишия предо мною тощ». Всякому христианину предписывается совершать церковные службы, с молитвами и поклонами, и еженедельно вычитывать псалтырь. Немогушим посещать церковь и неграмотным полагаются сотни поклонов за каждую службу, канон, кафизму, с краткою молитвою Иисусовой; всех поклонов на день приходится, по меньшей мере, 1200. Молитву Господню, Богородицы и символ веры надобно читать по несколько раз в день. Кроме того, читать молитвы во всякое время, за делом, и не развлекаться суетными делами и помыслами. Желаящему не возбраняется усиливать свои подвиги и научать других тому же. Правила эти изложены в конце следованной псалтыри и служебника. Нигде в древней литературе аскетизм не заявил своих прав на жизнь общественную и семейную с такою силою, как в приведенных правилах. Не смотря на кажущуюся неприложимость данных правил к жизни, мы увидим, что они исполнялись в древности усердно; и что многие люди, даже высшего общества, пренебрегая общественными и семейными обязанностями, налагали на себя чрезвычайные, удивительные подвиги. Остатки или следы аскетического направления древней Руси приметны доселе в простом народе. Мещане и купцы в городах ежедневно ходят к ранней обедне, иногда и к поздней; и вообще народ соблюдает денно-нощную молитву с поклонами, держит пост и в понедельник, и совершает другие подвиги, часто

добровольные. Образованное общество пошло другим путем, под влиянием европейской цивилизации. Богослужебные книги, бывшие в постоянном употреблении, оказали огромное влияние на дух церковной проповеди и жизнь народа как содержанием, так и выражением своим. Скорбные чувства покаяния, греховности, умилоствления Судии постом, молитвою и слезами, приобретали особенную выразительность в цветистом слоге. В богослужебных книгах расточено богатство фигур, примеров, сравнений, аллегорий и диалогов. Фигуральною речью и диалогами наиболее проникнуты акафисты, службы святым и каноны. Каноны Дамаскина, изучившего диалектику Аристотеля, равно и проповеди его, отличаются особенно цветистым слогом. Скорбные чувства покаяния, изображенные в богослужебных книгах, выраженные, по вкусу времени, цветисто и освященные практикой Церкви, сделались источником мысли и слова для проповедников⁵⁸⁵. Мы знаем, что похвальные слова святым писались в форме акафиста, оканчивались молитвою к ним и к Богу. Из русских проповедников особенной подражательностью церковным песням отличались: митр. Иларион, Кирилл Туровский и Цамблак; эти проповедники даже содержание для своих поучений брали из библии. Свидетельства из богослужебных книг особенно часто приводил в своих поучениях митр. Даниил.

Так, Иларион слово свое о законе и благодати, проникнутое символизмом, оканчивает обширную молитвою к Богу, от русской земли. Кирилл Туровский, подражая церковным песням и канонам, влагает в уста библейских лиц длинные и довольно скучные речи. Слово по пасхе, в 3-ю неделю, представляет в этом отношении как-бы некоторую драму. Богоматерь произносит плачевную речь у креста: «увы мне, чадо мое! свете!» и проч. Затем говорит Иосифу аримафейскому речь: «потрудись, благообразне, сходить к беззаконному судии Пилату, и испроси позволение снять тело со креста» и проч. Иосиф произносит пред Пилатом весьма длинную речь и получает просимое. Снимая тело со креста, опять говорит речь, и больше словами песней: «солнце незаходимое! какими плащаницами обвью Тебя, покрывающего землю мглою и небо

облаками? Или какое благовоние возлию на твое тело?» и проч. Ангел произносит мироносицам весьма длинную речь. Слово оканчивается обширной похвалою Иосифу и молитвою ему. Слово Цамблака на Преображение есть подражание церковной песни и подобному слову Дамаскина, – заканчивается похвалою Фавору. В слове на усекновение проповедник обличает Ирода и Иродиаду словами церковных песней. В похвальном слове Петру и Павлу тоже заимствует мысли и выражения из песней. «Петр, камень веры, троекратным изъявлением любви искупил троекратное отречение» и проч. Нравственно-аскетическая проповедь, освященная духом богослужебных книг, настроила предков к благочестию и аскетизму. Слова Кирилла Туровского заносились в прологи и сборники XIII – XV века, наравне с отеческими, и составляли назидательное чтение. Слова Илариона тоже заносились в проповеднические сборники; а похвала его Владимиру служила образцом для составителей похвал князьям, в назидательном тоне. За церковное назидание, выраженное, по духу времени, цветисто, предки почтили Илариона, Кирилла и Цамблака высокими титулами.

Сборники нравоучений и сентенций

После книг Св. Писания и богослужебных, давших аскетическое направление литературе и жизни, большое влияние на проповедь и жизнь имели нравоучительные сборники, называемые «Пчелами». «Пчелы» заключали в себе нравственные изречения и практические истины из Св. Писания, особенно притчей Соломона и Сираха, из св. отцов и светских писателей. Сентенции «Пчел» были сокращением истин, изложенных в нравственно-аскетическом и практическом проповедничестве. Своим разнообразным содержанием, приложимым к жизни, и простою формою «Пчелы» напоминали предкам о их христианских общественных и семейных обязанностях и знакомили их с светскою литературою. Если предки, при своем аскетизме, допускали в сборниках изречения философов и поэтов: то только потому, что эти изречения поверялись и освящались церковным авторитетом. Между тем, суждения светских писателей о жизни и природе расширили взгляд предков на мир, часто односторонний, воспитанный исключительно верою и затемненный предрассудками и суеверием. В этом отношении «Пчелы» послужили зерном светской литературы, подавленной в древности богословием и самостоятельной со времени реформы. Нравоучительные изречения и сентенции, любимые предками, указывали на младенческое образование их, как указывали на подобное состояние древних народов. Сентенции и афоризмы, не удовлетворяющие европейцев, удовлетворяли древних людей, не владевших систематическим образованием и богатством знаний, собранных в наших общественных и частных библиотеках. При скудости наук в древнем мире, удобопонятности и анекдотическом характере сентенций, они по необходимости были любимым чтением и заправляли воспитанием народа. Поэтому евреи высоко ценили изречения Соломона и Сираха, греки – семи мудрецов, китайцы – Конфуция, и т. д. Изречения Соломона о проходимости счастья памятны доселе. С целью назидания древние народы любили

писать нравоучения на памятниках (египтяне), на зданиях (римляне), на мебели (персы), на сосудах (индийцы).

Основую русских сборников, называемых «Пчелами», были подобные греческие, называемые антологиями. Антология или сборник Максима исповедника, (VII в.) включает в себе 71 главу. Два сборника Антония (монаха), – первый сборник содержит 76 глав, второй 100 глав. Списки «Пчел», с русскими дополнениями, становятся известны с XIII века, умножаются в XV веке и значительно восполняются русскими статьями и пословицами в XVII веке. Краткие статьи «Пчелы» по списку XIII века и проч., в нравоучительном и практическом тоне, следующие: о благодати; о житейской добродетели и о злобе, или дерзости, – злоба неискоренима; о правде; о мужестве и крепости; о дружбе и братолюбии; о милостыне; о целомудрии и чистоте; о клевете и лжи; о печали, – сушит сердце; о ласкательстве, – ласкатели обирают; о мудрости, разуме, или самопознании; об учении, – порицает невежество; о безумии, – глупому неприличны украшения; о женах – свойства злой жены; о власти и княжении и проч. В статье о дружбе приведены слова Сократа: «сколько кто имеет друзей, столько очей и ушей, столькими владеет мыслями, на пользу». В статье о мудрости приведены слова Диодора: «мудрый лучше крепкого, и умная дума сильнее многих рук»; и Пифагора: «коня без узды не удержать и богатства – без ума». Некоторые изречения весьма остроумны. В «Пчеле» XV века изречение Плутарха: «отцы более любят дочерей, ибо они требуют их помощи; а матери – сыновей, ибо они могут помогать им»⁵⁸⁶.

«Пчелы», пользовавшиеся уважением предков, имели влияние на составление других нравоучительных сборников. «Златая цепь» (XIV века) составлена под влиянием «Пчелы» и содержит в себе краткие поучения о добродетелях. Добродетели эти: пост, молитва, страх господень, нестяжательность, милостыня, и особенно смирение. Слово отца к сыну о смирении, сокрушении сердца, суете жизни внушает унижаться пред всеми. Поучение о правой вере, или добродетелях, в коем сказано: «не отлагает свет заутрени, ни тьма – вечерни. Все должно исполнять в уставленное время.

Только ангелы непрестанно служат Богу». Статья о правой вере, или 100 назидательных изречений о добродетелях; подобные находим в стоглавнике патр. Геннадия. Некоторые из этих изречений вошли в слово Даниила Заточника, впоследствии переделанное⁵⁸⁷. Практические наставления. Слово о повиновении князьям, а также о храбрости, о челяди, о тайне (кто хранит тайну, блюдет свою голову); о снах (не должно верить им), и проч. Списки «Златой Цепи», как сказано, различны по составу своему. Слово Даниила Заточника составляет ряд размышлений, наставлений, пословиц, взятых из разных книг, между прочим, из премудрости Соломона и Сираха, и особенно из «Пчелы». Размышления Заточника бессвязны; они касаются нравственных и житейских предметов: мудрости и глупости, богатства и бедности, щедрости и скупости, свойств злой жены, междоусобий князей, злоупотреблений бояр, судей, иноков. «Станешь посылать умного, не много говори; пошлешь глупого, и сам не ленись идти... С добрым советником князь высокого стола додумается, с дурным и малого лишится». «Богатый везде известен и имеет друзей, а бедный и между своими незаметен. Заговорит богатый, все замолчат и превознесут его до облак; заговорит бедный, все закричат на него». Князь щедрый – река без берегов; князь скупой – река с высоким берегом, – ни напиться, ни коня напоить. Не имей двора и села близ князя. Его судья – огонь, а чиновники – искры... Кто служит доброму господину, дослужится свободы, кто – злему, дослужится большей работы». Далее следует описание злой жены, частью известное нам из приведенных выше примеров. «Что есть злая жена? Ослепление ума, поборница греха, печаль лютая и погибель дому. Лучше варить железо и долотить камень, нежели учить злую жену. Она учения не слушает, Бога не боится, людей не стыдится, все осуждает и укоряет». Все эти нарекания взяты из греческих сочинений, изображающих византийскую, порочную женщину. Подобные нарекания находим в греческих поучениях, в «Златоструе» и сборнике Святослава, в повести о Соломоне и проч. Все эти сочинения воспитали в грубом обществе предубеждение к женщине, как виновнице соблазна, унизили ее

достоинство и отравили семейное счастье. «Слово» Заточника, отразившее недостатки древней Руси, в простой, анекдотической форме, пользовалось большою известностью, и дошло до нас во множестве списков. Известны два списка слова XII – XIII века; в XIII веке оно было переделано. Составитель слова, подобно Даниилу, жалуется на свою бедность. «Был я в великой нужде, испытал все зло. Заработный хлеб часто у меня как полынь во рту, и питье свое плачем растворяю». Историки относят «слово» Даниила к домостроям или домашним поучениям. Но, применяясь к изложению «слова», мы признаем его переходным звеном к домашним поучениям⁵⁸⁸. Бессвязное изложение сентенций «слова» Заточника напоминает своею формою «Пчелу», а нравственно-практическое содержание – домострой, нечуждые последовательности в мыслях.

Домашние поучения или домострои

Сентенции рассмотренных нами сборников имели влияние на умножение домостроев или домашних поучений. В домостроях, кроме нравственных наставлений, изложены правила относительно хозяйства, домашней экономии, обращения с людьми, и вообще житейской мудрости. Сказка об Акире, или поучение отца сыну, взятое из греческого или болгарского языка, хорошо выражает дух домостроев. Отец в особенности рекомендует сыну смирение. «Имей ум высокий, а голову пониженную; мысли устремляй на небо, а взор на землю; сердцем вопий к Богу, а уста смыкай». «В печали и напасти не укоряй Бога». «Не будь без меры сладок и горек, чтобы не отвернулись от тебя». В других сборниках этот афоризм читается иначе: «не будь без меры сладок, чтобы не проглотили тебя, и – горек, чтобы не выплюнули». «Дары ослепляют судей». «Легче поднять камень и железо, нежели тягаться с законником», и т. д.⁵⁸⁹ Сказка об Акире невольно напоминает различные наставления детям, помещенные в сборнике Святослава и «Златой Цепи». Таковы поучения: св. Василия юношеству, св. Феодоры своему сыну, поучение Ксенофонта своим детям (нравственные наставления о любви к ближним и указание на собственную жизнь, как образец для подражания). Лучшим выражением нравственно аскетического духа домостроев служит «поучение о правой вере». В нем исчисляются добродетельные подвиги: смирение, кротость, послушание, покаяние, пост, молитва, любовь к ближним, милостыня и бодрость. В сборнике XVI века это поучение составлено не только из назидательных изречений, сходных со «словом» Заточника, но и из притчей Соломона. Поучение о правой вере сходно с поучением детям Владимира Мономаха. Поучение Мономаха есть подражание поучению св. Василия юношеству. Оно не только выражает аскетический дух домостроев, но и примиряет обязанности подвижника с долгом мирянина, как общественного и семейного деятеля. Мы увидим,

с каким сочувствием взглянули на это поучение либералы, преследующие аскетизм, как начало, враждебное жизни.

В поучении своем Мономах предписывает покаяние, слезы, постоянную молитву, даже на пути («зовите беспрестанно в тайне: Господи помилуй»); ночные поклоны и пение, которыми побеждается диавол; хождение в церковь до восхода солнца («так делали все добрые люди»); укрощение страстей, особенно гордости, помыслов, внешних чувств и языка, порабощение тела; терпение напастей и перенесение обид («лишаем не мсти, ненавидим и гоним терпи, хулим молись»). В основу и довершение подвигов автор полагает страх Божий, причину всего доброго, и вообще советует избегать лени и понуждать себя на подвиги, ради Господа. «О, Владычице! отыми гордость и буешь от убогого сердца моего, да не возношуся суетою мира сего, в пустошнем житии». Не ограничиваясь аскетизмом, которого требовала древняя литература, проповедь и жизнь, автор признает важность мирских обязанностей, общественных и семейных. Он внушает детям правосудие, соблюдение данного слова и крестного целования, внимательность к домашним и общественным делам, особенно на войне, милосердие к бедным и обходительность со всеми; советует угощать послов и гостей, так как они разносят добрую и худую славу. Милостыню автор предпочитает посту, признает ее достаточною для спасения. «Малым делом можете заслужить милость Божию. Это не то, что чернечество, или голод, которые терпят добрые люди». В пример добродетелей века Мономах изображает свою жизнь, дневные занятия, военные подвиги и приключения на охоте; говорит, что против одних половцев совершил 83 больших похода, а малых не помнит, взял в плен до 300 князей, заключил 19 договоров⁵⁹⁰. Между дельными наставлениями нельзя не заметить увлечения общими местами, которые всегда расточают моралисты. Так, в подражание слову Василия: «старейшим покаятися, с меньшими любовь имети», автор говорит: «старые чти, яко отца, молодые яко братию», или советует детям жить в мире и согласи, любить своих жен, не давать им власти и проч. Это увлечение общими местами тем более кажется бесплодным, что одинаково повторяется всеми,

без видимых хороших последствий. Почти все русские князья и цари, начиная с Ярослава, завещали своим детям мир, а следовала война. Особенно ясно подтверждает эту мысль завещание Грозного, обильное сентенциями, несогласными с его жизнью⁵⁹¹. Не распространяемся о так называемых «вождях по жизни», в которых нравственные сентенции и правила хозяйства излагались пространно. «Вожди» составляют достояние житейской мудрости прежних веков, слагались постепенно, и переходили от поколения к поколению. Это подтверждают слова одного «обрядника» или «вождя по жизни». «Всему тому (правилам жизни) есть обычай из покон века, да и дело то неписанное, а уложено не даром старыми людьми»⁵⁹². Все эти сочинения, вместе с проповедническими сборниками, создали замечательный домострой Сильвестра. В этом сборнике, как увидим, отразилась аскетическая жизнь предков, со всеми ее достоинствами и недостатками.

Патерики, прологи и чети минеи

Жития святых составляли любимое чтение предков. Изображая христианские правила в живых примерах, жития действовали вдвойне на умы читателей, теорией и практикой. Убеждение в необходимости подвигов казалось тем сильнее, что жития написаны цветисто, в панегирическом тоне, с идеализацией пустынночества. Идеализация пустынночества художественно выражена в житии Варлаама и Иосифа. Это житие, признанное наукою поэтическим произведением, пользовалось такою популярностью, что отразилось в народной поэзии⁵⁹³. Жития святых наиболее поражали предков описанием загробного мира, с его мытарствами, раем и адом, картинами вечного блаженства и мучения. Этими изображениями жития св. оказали большое влияние на литературу и аскетическое настроение предков. Они тем более влияли на жизнь, что перемежались аскетическими наставлениями, поучениями и похвальными словами святым. И кто из нас не испытал чарующего влияния житий, особенно в молодости, под влиянием чувства! Как любимое чтение предков, жития святых появились на Руси в начале христианства, весьма размножились к XVI веку и дошли до нас в большом количестве списков. Замечательные памятники в этом отношении следующие. Жития святых, с похвальными словами некоторым из их (с греческого языка). Жития святых, за март, и слова св. отец, помещенные в супрасльской рукописи XI века (с болгарского). Сборник житий – рукопись Успенского собора, XII века. Патерики синайские, XII и XIII века, содержат деяния и поучения синайских подвижников (переведены с греческого на болгарский). Были у нас патерики скитские, содержащие жизнь египетских подвижников; иерусалимские, излагающие жизнь палестинских подвижников, азбучные и другие. Пролог XII–XIII века содержит отрывки и сказания из житий святых, истории библейской и церковной, по порядку дней каждого месяца; назначался для ежедневного чтения подвижникам. В русских прологах помещались и поучения на дни святых (Славянский

пролог, синодальный, заключается в 2-х частях). Сборник XV века содержит египетский патерик, отрывки из скитского и других патериков, жития святых и поучения. По образцу указанных сборников на Руси составлялись жития святых отечественных.

Патерик печерский, составленный по образцу греческих патериков, состоит не только из житий, но и из посланий. Основание патерику положено перепиской епис. Владимирского Симона с иноком Поликарпом. В посланиях их, проникнутых аскетизмом, изображены подвиги и чудеса печерских иноков. «Они, говорит Поликарп о составителях житий, видели сами препод. мужей, слышали о их жизни, чудесах, и составили патерик, котируй читая, наслаждаемся духовными словами. Я ничего такого не видел, не обходил св. мест, ни Иерусалима, ни синайской горы, а следуя слышанному от епис. Симона, написал это. Не хочу хвалиться ничем, как только монастырем печерским и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами»⁵⁹⁴. Замечательный сборник житий, составленный митр. Макарием, Великие Чети минеи. В чети-минейях собрана почти вся древняя литература, как видно из слов Макария: «я дал 12 великих миней, и в них евангелие, апостол, послания и деяния, с толкованием; три псалтыри разных толковников; Златоструй и Маргарит; Златоуст, Василий и Григорий Богослов, с толкованием; великая книга никоновская, с прочими посланиями; и прочие св. книги, в них – праздничные и похвальные слова; всех св. отец жития; все патерики: азбучные, иерусалимские, египетские, синайские, скитские, печерские; и все св. книги, которые обретаются в русской земле»⁵⁹⁵. Чети-минейи заключают в себе много поэтических сказаний, так как составитель их не отличался даром критики, смешивал истинные сочинения с подложными. Впрочем, и ложные сказания, в роде легенды о Меркурии Смоленском, о князе Петре и супруге его Февронии, необходимы для характеристики нравов. И потому Чети минеи служат одним из главных пособий для истории проповедничества. Вообще в житиях святых, особенно русских, заключаются сведения о жизни предков, их благочестии и пороках, суеверии и заблуждениях. В поучениях и

похвальных словах находим доказательства проповеднической деятельности пастырей, перемен в судьбе проповеди, ее процветания и упадка. Изучая этот сборник хронологически, мы можем следить развитие древней жизни и проповеди, в занимательных чертах, малодоступных современной науке.

Летописи, странники и сборники легендарного содержания

После житий святых летописи, странники и сборники легендарные пользовались особенным вниманием предков и развивали в них аскетические стремления и предрассудки. Летописи русские составлены под влиянием греческих хронографов, палеи и рассказов богомольцев или странников. В древности появлялись местные летописи, обнимающие жизнь отдельных княжеств. Такова летопись пр. Нестора, имеющая предметом своим насаждение в России христианства и доведенная до 1110 года. Ипатьевская летопись изображает события южной России и главным образом раздоры князей, до XIII века; событий северной России она касается со времени Боголюбского. Лаврентьевская или суздальская летопись изображает события южной и северной России (суздальские и новгородские дела), до исхода XII века. Не упоминаем о летописи новгородской, псковской и других. С XV века, времени сосредоточения московского государства, появляются летописные сборники, обнимающие события государства, разных областей его. К концу первого периода, с упадком слабого просвещения, в летописях умножились суеверные предания, повести о волшебстве, каменных дождях, гласах животных и проч. В Никоновской летописи много невероятных сказаний. Густынская летопись преимущественно отличается суеверным характером. Поводом к составлению летописей было ведение пасхальных таблиц и дневников, и особенно поучительный тон греческой литературы, желание грамотных иноков поделиться своими знаниями, поучить людей добродетели.

Летописи, составляя любимое чтение предков, подобно Чети минеям, развивали в них аскетические стремления. В изображении жизни летописцы обращали особенное внимание на церковные события: построение монастырей и церквей, прославление угодников, различные откровения. Самые житейские события они освещали библейским взглядом.

Изображая подвиги князей, они хвалили их за благочестие, покровительство иноков, милосердие к нищим, построение церквей, и вообще утверждение веры. Осуждая пороки современников, летописцы показывали всю несообразность их с званием христианина. Сказания свои летописцы оживляли текстами, библейскими примерами и сравнениями, часто некстати, размышлениями в проповедническом тоне, особенно при описании бедствий. Так, суздальский летописец, излагая неважные обстоятельства из жизни князей, ставит ряды нравоучений, текстов, библейских сравнений. «Константин освятил церковь, которую украсил иконами, как говорит пророк: желанье сердца моего дал еси ему, и хотенья уст его неси лишил его... Как Соломон на освящение церкви сотворил пир, и люди благословили царя, так и блаженный Константин угостил людей, и люди благословили (его), говоря; даст Господь премудрость Соломону и Константину многу зело, и разлитие сердца, яко песок при мори... Константин встретился с отцом и поцеловался, как сказал приточник: сын разумный, чтяй отца, возвеселит душу свою». (Этот летописец любил книги и в храме записывал поучения пастырей)⁵⁹⁶. Нестор объясняет народные бедствия; войну, засуху, голод, мор, наказанием за грехи⁵⁹⁷. Изображая нашествие татар, новгородский летописец делает обращение к читателям. «Видя Божие попущение на всю русскую землю, отцы, братия и дети, кто из нас не плачет? Кто остался в живых? Видя это, о если бы мы устрашились и восплакали о своих грехах день и ночь, забыв про имение и братскую ненависть»! Софийский временник, 1240 г., описывая нашествие Батыя, изображает плач земли русской, в поучительном тоне. «Русские сыны! зачем вы ходили пред Богом в похотях сердец? Или не слышали пророка говорящего: если хотите и послушаете Меня, снесите благая земли, а если не хотите и не послушаете, оружие пояст вас. Вижу, как праведным судом впадаете в немилостивые руки. Мое вдовство – опустение городов, монастырей, церквей, потеря детей, учителей, священников, властителей и народа». Вообще, все бедствия в мире и необыкновенные явления летописцы приписывали гневу Божию и наказанию за грехи, вражду и

злодеяния – искушению от дьявола, успехи и счастье – благословию Божию, за добро. В происшествиях мира везде у них очевидные следы Промысла и непосредственное участие высших сил. При таком взгляде на мир, исторические задачи решаются легко, сомнения рассеиваются, тайны исчезают. Не находя ничего трудного в разрешении задач общественной жизни, летописцы думают устроить земное счастье нравственным исправлением. Поэтому они, в духе проповедников, преподают всем нравственные уроки, делая обширные выписки из Св. Писания. Они внушают людям покаяние, братолюбие, повиновение старшим и родителям, верность присяге и крестному целованию, веру в Промысл, и благочестивые чувства. Они предлагают, наиболее, духовные средства к земному счастью, недостаточность которых пояснил вековой опыт и особенно крутая реформа. Вообще, в убеждениях летописцев, как и проповедников, царствует невозмутимый покой, свойственный младенческой мысли, неразвитой наукою. По этой причине в летописях уживаются с историческою истиною невероятные сказания, ложные взгляды и грубые предрассудки. Так, Ипатьевская летопись причислила убитых крестоносцев к лику мучеников. «О сих (немцах) Господь знамения прояви; по трех днях тела их ангелом взяты из гробов; и прочие, видя это, теснились пострадать за Христа»⁵⁹⁸. Летописи дошли до нас во множестве списков, особенно летопись Нестора (временник), служившая образцом для позднейших летописцев.

Паломники

«Паломники» наравне с летописями составляли любимое чтение предков. Насколько летописи знакомили народ с жизнью и святынями отечества, настолько «паломники» знакомили его с жизнью и святынями востока. Знакомство со святынями востока окончательно утверждало народ в православии и аскетизме. Там все места освящены жизнью Основателя христианской веры и подвигами Его учеников и апостолов. В Иерусалиме гробы пророков, Голгофа и святой крест; в Египте, Палестине и на Афоне древние монастыри, образец подвижничества, и мощи великих угодников. В Царьграде школа православия, сокровища литературы, источник богословского образования. Вот та духовная сила, которая притягивала к себе русский народ, с самого начала христианства, и проповедником которой служили странники или паломники. Замечательнейший «паломник», служивший образцом для позднейших сочинений этого рода, игумена Даниила. Как любимейшее чтение предков, «паломник» Даниила дошел до нас во множестве списков. Даниил описал свое путешествие в Иерусалим (около 1115 г.) в назидательном тоне. «Из любви к св. местам я описал все, что видел, для верных людей, чтобы иной, услышав о св. местах, поревновал мыслью и удостоился получить награду, равную с ходившими (туда)». В своем путешествии автор сообщает любопытные сведения о некоторых чудесных явлениях: о схождении небесного света (огня) на гроб Господень, в великую субботу, о самовозжжении ламп над гробом Господним, о видимом схождении Св. Духа на Иордане⁵⁹⁹. Путешествие арх. Досифея (в начале XIII в.) назидательно сведениями об Афоне и жизни иноков. «Братия, живущие (на Афоне) в келиях, держат правильно (во всю жизнь): каждый день прочитывают половину псалтыри и 600 молитв (молитвы Иисусовой); полагают от 300 до 500 поклонов; и всякий час, делая рукоделие, беспрестанно, с воздыханием говорят: Господи Иисусе Христе!.. Неграмотные, кроме церковного правила и поклонов, совершают молитв Иисусовых 7000. Старым внушается умное внимание,

совершение молитвы Иисусовой, – поклепов по силе. Святогорцы весьма любят молчание, удаляются бесед мирских, молвы и мятежа. В келли надобно иметь иконостас, или крест, и пред ним совершать правило. Неграмотный должен служить рукоделием, повиновением, отсечением своей воли»⁶⁰⁰. Достоин внимания паломник арх. Антония (сказание о св. местах Царьграда, в начале XIII века). Автор упоминает о блюде княгини Ольги, с изображением Спасителя на драгоценном камне, и проч.⁶⁰¹. Путешествие инок Стефана в Царьград, 1350 г., любопытно не только изображением святынь, но и памятников искусства, каменных соборов, колонн и статуй. «О святой Софии ум человеческий не может сказать. София имеет 365 дверей и столько же престолов; окованы весьма хитро». Подобно Даниилу, автор сообщает разные предания о святынях и оказывает полную веру своим проводникам. Так, в одной церкви он видел каменную чашу, в которой, на браке в Кане, вода превратилась в вино; на столпе Константина видел Ноев топор и проч. «Много и иных столпов по граду, от мрамора, (и) на них писание от верху до низу». И конце XIV века описали свое путешествие в Царьград и виденные святыни диакон Игнатий и дьяк Александр. В XV веке иеродиакон Зосима описал святыни Афона, Царьграда и Иерусалима. В XVI веке Коробейников и Греков (купцы) описали свое путешествие в Иерусалим, Египет и на Синай: наполненное удивительными рассказами, оно часто переписывалось, печаталось и имело многих читателей⁶⁰².

Не распространяемся о сборниках легендарного содержания: «палеях», «хронографах», «жемчугах» и проч., о коих упомянуто выше. Служа источником естествознания и прикрасой библейских сказаний, эти сборники, наравне с апокрифами, имели важное влияние на образование предков. Они распространяли в народе нелепые предрассудки и особенно религиозное суеверие, весьма упорное и опасное. Оно тем более опасно, что прикрито личиною благочестия, перемешано со статьями назидательными и враждебно всякому просвещению, движению мысля. Таков, например Странник XVI века, к коем изложены некоторые суеверные понятия о природе,

Георгий Писида. Подобные сведения содержит Матица Златая, в коей помещены: слово св. Феодосия о тропарях и поучение человека верна к духовному брату о злобе мачихи. В трактате о птицах здесь сообщено оригинальное сведение о финиксе, о ней же Давид рече: праведник яко финикс процветет» ... В Жемчуге, сборнике XV века, энциклопедии естествознания, сказано: «веруем в птиц; коли где хотим поити, то станем послушающе: которая (птица) поиграет впереди, – правая или левая». Предоставляя подробное исследование о легендарных сборниках истории проповедничества, мы ограничимся относительно этого вопроса общим замечанием современного нам историка. «Не подлежит сомнению, что умственное и нравственное воспитание предков совершилось под двумя влияниями, совершенно противоположными: под влиянием отеческих и вообще православных писаний, доставлявших здоровую пищу, и под влиянием писаний еретических и вообще ложных. Оба эти влияния неизбежно должны были отразиться и отразились в произведениях нашей духовной литературы»⁶⁰³.

б) Влияние греческого проповедничества на русскую проповедь и жизнь

Самое обширное влияние на русскую проповедь и жизнь имели проповеднические сборники, переведенные с греческого языка, и отчасти пополненные, в позднейшее время, русскими статьями. Они служили настоящим складом слова и мысли для русских проповедников-самоучек. Строго говоря, русские проповедники почти не сказали ничего самостоятельного, в 700 летний период. В нравственно-аскетическом проповедничестве они ограничились повторением и переделкой отеческих поучений. В чисто аскетической проповеди, требующей глубокого отвлечения и анализа, почти буквально повторяли учение греческих аскетов. Достойное благоговения учение о помыслах, Нила Сорского, заимствовано из сочинения Нила Синайского и других аскетов, на которых ссылается автор. Правда, наши проповедники оживляли греческую проповедь замечаниями о русской жизни; но и в этом отношении они подражали грекам. В поучениях Златоуста, Василия вел. и других отцов, есть краткие указания на недостатки их современников. Многие слова о пьянстве и корыстолюбии судей переделаны с греческого языка. Влияние греческого проповедничества на русскую проповедь и жизнь определяется сборниками, о коих упомянуто выше. Мы исчислили проповеднические сборники, взятые с греческого языка, или составленные на Руси, и ограничились общим замечанием относительно содержания их. Мы сказали, что все сборники греческого проповедничества своим духом предвещают нравственно-аскетическое направление русской проповеди. Вникая в связь этих сборников с наследованною нами проповедью и богословскою литературой, мы можем показать честнейшее отношение их к проповеди и жизни.

Относительно сборников, взятых с греческого языка, предлагаем более важные замечания. Состав их пополняется и количество умножается с XIII по XVI век. Этому содействовало сравнительное спокойствие государства, начавшееся с

половины XIII века, и умножение монастырей. Медленность рукописного дела, отличавшегося тщательной отделкой, до XVII века, и дороговизна книжного материала требовали нескольких столетий для приведения этих сборников в надлежащий вид. Преобладание аскетических статей в сборниках, и особенно Лествицы, переводимой в каждое столетие, согласовалось с покаянным духом народа и ожиданием конца миру. Особенно важное значение к этому отношению имел сборник Никона Черногорца (пандекты и тактикон), заключавший в себе 103 слова. Этот сборник, трактующий о добродетелях и пороках, особенно монашеских, предлагал статьи догматические, канонические и обрядовые, уяснявшие нравственность в теории и практике. Множество отрывков, изложенных в сборнике, расширяло взгляд предков на всю область богословия и знакомило их с такими сочинениями, которые не были переведены на славянский язык. Этим объясняется значительное количество списков обширного сборника, дошедших от XIII–XV века. Беседы св. отцов, особенно Златоуста, и толкования Св. Писания, вместе с житиями, тоже содействовали уяснению догматов и нравственности христианской. Вообще, в сборниках, взятых с греческого языка, заметны тревога, сосредоточенность духа, отрешенность от мира, ожидание суда, приближение кончины века, – мрачные предсказания и приготовление к вечности.

Несколько иным характером отличаются сборники, составленные в России. Преобладающее содержание их тоже нравственно-аскетическое. В словах св. подвижников выдающаяся тема – покаяние, спасение души и подвиги. Некоторые слова аскетов высоко поднимают эту тему. Напр. слово св. Ефрема: «блаженны возлюбившие Бога, и ради Его любви вознерадившие о всяких вещах»; или Василия Великого; «о суетном житии (сем)», и проч.⁶⁰⁴ Но этот тон начинает ослабевать. Вместе с словами отцов появляются русские статьи смешанного содержания, расширяющие область богословия; пытливость и ученость значительно усиливаются к концу периода. Вообще, в этих сборниках более широты взгляда, исследований, рассуждений и спокойствия мысли. По всему

видно, что напряженное ожидание конца света прошло и жизнь понемногу начала вступать в свои права; внимание богословов обращено на житейские предметы, близкие к вере.

Мы познакомились с двумя главными сборниками, в коих преимущественно выразился дух русского проповедничества, Златоустником и Изумрудом; займемся – второстепенными. Второстепенных сборников можно насчитать до 20-ти. 11 из них XVI века (№ 316, 318, и остальные по 325 включительно, а также 330 и 331) ; 8 – XVII века (№327, 333, и остальные по 339-й включительно). Некоторые сборники, не важные содержанием, опущены. Дать точное и раздельное понятие о перечисленных сборниках весьма трудно, и главным образом потому, что в них нет системы. Недостаток логики и последовательности мыслей, который мы видели в проповедях, с большею ясностью обнаружился в сборниках, как деле более сложном. Статьи разного содержания свалены в кучи и сплочены посредством наслоения. Вообще же в сборниках можно различать некоторую общность идей, повторяемых на разные лады, в разных формах. Эта общность идей выражается не только в словах подвижников, известного направления, но и в житиях святых, в рассказах о чудесах, в правилах монашеских, в назидательных сентенциях, коими пополнены все сборники. В сборниках часто приводятся изречения «пчел» и целиком списываются «пчелы». Некоторые сборники, напр. «Цветник», XVI века, № 326, разделенный на 190 глав, краткостью статей, особенно о нравственных предметах, напоминает содержание «пчел». Во множестве поучений, не надписанных именами св. отцов, можно подозревать русских авторов, но доказать это трудно. Такого рода поучений особенно много в сборниках XVII века. Поучений чисто русских авторов, или с вероятностью приписываемых им, весьма не много, и почти все они приведены нами в своем месте. К этому общему содержанию сборников надобно присоединить изъяснение книг Св. Писания и отдельных мест его, в виде вопросов и ответов; перечисление апокрифов, изложение обрядов, церковных правил и гражданских законов, и полемических статей. Полемические статьи направлены против еретиков греческих и русских, и особенно против католиков.

Полемика против католиков, отчасти – униатов и лютеран, усилена в сборниках XVII века, и здесь она облеклась в артикулы, литические приемы. Не упоминаем подробно о канонах, службах святым, посланиях, легендарных повестях, многочисленных ошибках, ересь и противоречиях, коими наполнены бессвязные сборники. О правописании, слоге, коверкании имен, нескладице предложений неприятно говорить. Выдающиеся ошибки ставим на вид. В числе аскетических правил есть указ о епитимиях, проникнутый суеверием. Определив количество литургий, заглаждающих грехи нескольких месяцев, указ говорит: «то ти год до года; а самому (кающемуся) пост на 6 недель. Сей подвиг назначен князю и боярину; священник и простолюдин да постится трегубо»⁶⁰⁵. Нередко встречается проклятие на тех, кои не следуют двуперстному крещению. Особенно поражают несогласием аскетические правила разных сборников. Так, в одном сборнике правило грамотным и неграмотным внушает следующий подвиг. «Подобает умеющим грамоте пети на всяк день утреню и часы, вечерню, повечерие и полунощницу, и ничего не оставлять, не отправив. Аще кто не умеет грамоте, пети ему 50-й псалом; аще и того не умеет, да поклонится пред Богом, по силе, и речет: Господи помилуй, 300 (раз)⁶⁰⁶. И тоему пети за утреню, и за часы, и за вечерню, и за повечерие; и тако творите по вся дни». В другом сборнике правило неграмотным внушает; «за кафизму полагать- 300 поклонов, за полунощницу 600, за утреню 1300, за часы 1300, за вечерню 600»⁶⁰⁷.

Исчисленные проповеднические сборники имели образовательное влияние на наших проповедников. Они давали направление их мыслям, содержание для слова и самое выражение. Пользуясь готовым материалом, неопытные проповедники ограничились компиляцией и переделкой отеческих поучений. Подражательность и компилятивность русских поучений доказана разбором Изумруда и Златоустника. Влияние проповеднических сборников, даже со стороны их формы, отразилось вполне в словах митр. Даниила, доктора закона божия, воспитанного на бессвязных сборниках. От него самого осталось до трех сборников поучений, «собранных от

божественных писаний», проникнутых аскетизмом. В расположении слов нет связи. И каждое слово, очень обширное, делится механически на три части. В 1-й части, как мы видели, излагается предмет слова; во 2-й – доказательства из Св. Писания, богослужебных книг, св. отцов, учителей, аскетов, церковных правил, житий святых, патериков, разных сборников, без всякой внутренней связи; в 3-й – нравственные наставления. И этот план не соблюдается точно. В 1-й и 3-й части автор предлагает обличения и наставления, перебегают от предмета к предмету, пускается в общие соображения, нравственные увещания, коими всегда одушевлен. Нередко в одном поучении, даже в одной части его, он повторяет сущность нравственно-аскетического учения. Так, в 3-й части 11-го слова (о судьбах Божиих и умирающих младенцах) учит хранить веру, исполнять обеты крещения, все предания, заповеди, каяться в грехах, ходить в церковь, помнить краткость жизни, суетность блат, близость смерти, суд и воздаяние⁶⁰⁸. В одном сборнике можно насчитать до 50 писателей, особенно аскетов. Сборники Даниила, лучшего витии, сжато отразившие свойства древнего проповедничества, со стороны его содержания и формы, пояснили законченность его. Они свидетельствовали о неподвижности религиозной мысли и жизни народа, необходимости просвещения и реформы для дальнейшего развития народа. Со времени Даниила наши проповедники, подобно греческим компиляторам средних веков, повторяют одно и то же. Притом эти давние повторения, принявшие официальный вид, облеклись в форму указов, предписаний. А известно, какое впечатление производят указы; в них казенная форма вытесняет чувство и одушевление, необходимые оратору. Таковы грамоты матриархов и царей, излагавшие нравственные обязанности. Последним словом в этом роде можно назвать увещание патр. Адриана ко всем сословиям, в 24 пунктах, о хранении заповедей и таинств, удалении от грехов и иностранных обычаев, четырехкратном говении и проч.⁶⁰⁹. «Сия увещания, говорит патриарх, от св. отец собранная и ко спасению наставляющая, повелех напечатать». Неудивительно, что такие грамоты и увещания, взятые из сборников, сделались

программой для проповедников XVII века. О постах, особенно великом, четырехкратном говении, ежедневном хождении в церковь, хранении заповедей и таинств, говорили везде. Подобные наставления мы находили в грамотах миссионерам, в поучениях Донецкого, Подольского, Полоцкого, Транквиллиона, священника орловского и проповедников Сибири. Словом: в XVI веке, пред концом периода, сборниками митр. Даниила подведен итог древней проповеди, как подведен итог древней жизни стоголавом, церковно-повествовательной литературе – Великими чети минеями. Нового от них ждать было нечего – закон, вечно повторяющийся в отживающих литературах. Подобный итог начал блаж. Иероним своим каталогом церковных писателей, кончил патр. Фотий своею библиотекой.

Окончательный итог проповедническим и вообще письменным сборникам, проникнутым аскетизмом, влиявшим на проповедь и жизнь, подведен Домостроем Сильвестра. Все нравственно-аскетические наставления, по коим сложилась древняя жизнь, взяты Домостроем из Св. Писания, богослужебных книг, житий святых, проповеднических сборников, особенно Златоустника и Изумруда (первые 25 глав).

Все практические наставления о домохозяйстве и обращении с людьми взяты из пчел, премудрости Соломона и Сираха, вождей по жизни, домостроев, рассмотренных нами, особенно – поучения Владимира Мономаха (последняя 38 глав). Последняя глава – письмо к сыну тоже состоит из нравственных наставлений. Не только мысли, но и самые выражения этого Домостроя заимствованы из указанных нами сборников. Домострой Сильвестра, как выражение благочестивой жизни предков, подвергался многим переделкам и дошел до нас во многих списках. В позднейших списках он принял характер общего руководства и озаглавливался различно. Даже первая глава Домостроя озаглавливалась различно, напр.: «поучение и наказание от отцов духовных ко всем православным христианам»⁶¹⁰.

Оканчивая обзор древней письменности Домостроем⁶¹¹, мы сознаемся, что не видим других источников, более влиявших на аскетическую проповедь и жизнь, как те, кои рассмотрены нами.

Поэтому, все добродетели предков, напоминающие учения сборников и богословской литературы, можем приписать влиянию этих источников, хотя бы без прямых и очевидных доказательств. А для возможного уяснения данного предмета необходимо коснуться вопросов: а) о центрах богословского образования на Руси и б) о сравнительном влиянии на жизнь литературы вообще и проповеднических сборников в частности. Оба вопроса рассмотрим в совокупности.

Центры просвещения на Руси

Центрами просвещения были главные города России: Киев до XIII века и с XIV века до конца периода; Владимир с XIII века; Москва с XV века; Новгород, Псков, Вильно. В этих городах, центрах духовного и гражданского направления, сосредоточивались лучшие умы древности, книжные таланты и письменная деятельность. Здесь, в соборных церквях, по праздникам, во время постов и бедствий, каждый день, читались поучения народу. Здесь списывались литературные и особенно проповеднические сборники, в пособие архиереям и духовенству. Смешанные литературные сборники заменяли наши руководства по богословию и обращались преимущественно в духовенстве; проповеднические сборники главным образом оказывали просветительное влияние на народ. Центрами образования отчасти служили и епархиальные города. Возвышение и упадок образования в епархиальных городах условливался степенью просвещения и деятельности епископов. Просветительное влияние этих городов было незначительно, как по малочисленности епархий в древней Руси, так и по малообразованности епископов. Епархии открыты в 992 году, между прочим, в Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире волынском; число их возрастало постепенно⁶¹². В начале XIII века русских епархий было 16; в начале XV века 19 (между прочим, сарская и пермская), в том числе 9 юго-западной России. В деле просветительного влияния на народ заслуживают внимание: Ростов, Чернигов, Нижний, Острог. В епархиях, особенно управляемых просвещенными епископами, каких мы встречали не мало, могли иметь влияние на народ и священники, более разумные и усердные, особенно при совершении таинств, назначении прихожанам епитимии, крещении иноверцев и т. под. Само собою разумеется, что соборные, приходские и монастырские церкви, с частым богослужением, были первою школою христианского просвещения. Это просветительное значение церкви хорошо понято древними проповедниками. «По вся дни, говорит

проповедник XIII века, ходите к церкви». «В церковь вернии приходят слышати божественные учения, отеческие сказания, житии свитых и мучения. Та вся слышавше просвещают души своя». «Вонми в церкви божественная учения, и еже слышасте, внесете в дом свой, да дом ваш церковь творится»⁶¹³. Впрочем народ мог усвоить из богослужения простейшие чтения евангельские, жития, молитвы ектении, канонов и проч. Церковнославянский язык богослужебных книг, составленный из разных наречий, темный перевод книг (особенно псалтыри) и отделение разговорного языка от книжного делало богослужение маловразумительным. Настоящим учением в церкви были уставные чтения и особенно живая проповедь. В этих соображениях необходимо представить общие сведения о количестве церквей в древних епархиях. В XVII–XVIII веке в европейской России было свыше 12,000 церквей; в Сибири, как сказано, – 160 церквей⁶¹⁴. В больших городах – Киеве, Москве и Новгороде церквей (в том числе домовых) были сотни; не смотря на опустошительное действие пожаров в древней Руси, церкви возобновлялись скоро, даже в большем количестве. В Новгороде, с 1054 по 1229 год, построено 69 церквей (деревянных не более 15) ; в 1417 году в нем было семь соборов. В 1124 году в Киеве сгорело 600 церквей (вероятно (60) ⁶¹⁵. Количество церквей Москвы издавна выражено пословицей; «сорок сороков»⁶¹⁶. К приходским и городским церквам надобно присоединить тысячи монастырских церквей, которые всегда посещались народом. Впрочем, не все исчисленные церкви приносили пользу. Предки наши строили много церквей по частным побуждениям и причинам, по обетам, в избавление от бед, и в возмездие неправд и грабежей. «Мы всякий день видим, говорит Крижанич, утиски, выдоры и грабежи. На прилику, кто тысячу рублей выдерл, мнит свои расчеты добро быть справлены, аще даст 10 рублей в милостыню». Эти церкви, не обеспеченные вкладами, оставались праздными. Многие церкви мало посещались, вследствие неточного распределения приходов. Приходы были часто небольшие, дворов в 15, и разбросаны на расстоянии 50 – 100 верст; вследствие этого прихожане не бывали в церкви по

целым годам. По причине свободного перехода крестьян, до XVII века, и богатые церкви пустели. Стоглав воспретил строение лишних церквей, которые не были обеспечены материальными средствами и вкладами строителей.

Общие сведения о количестве монастырей в России и их просветительном значении изложены выше. Здесь сообщаются частные сведения, выясняющие этот предмет с большею определенностью. Важное просветительное влияние на народ имели первоклассные монастыри; Киево-Печерский, Сергиев, Волоколамский, Кирилловский, Чудов, Соловецкий и другие. Некоторые новгородские монастыри тоже заслуживают внимания. Здесь списывались, в большом количестве, проповеднические сборники и составились богатые библиотеки. Здесь, по руководству настоятелей: Феодосия, Сергия, Кирилла, Иосифа, читались поучения братии и народу, иноки обязывались учить друг друга Св. Писанию. Отсюда рассылались учительные послания в города, к вельможам, народу и вообще духовным детям. Здесь скоплялись богатства и вклады жертвователей, а также многочисленные иноки, вследствие чего многие монастыри назывались лаврами. О количестве иноков находим общие сведения, напр.: «в монастырях было множество братства». Впрочем известно, что в суздальском Евфимиевом монастыре находилось 300 иноков. Здесь собирались лучшие люди всех сословий и духовные дарования. Отсюда выходили аскеты, пастыри и миссионеры, просветители народа. Следует заметить, что эти влиятельные монастыри счастливо расположились в пустынной России. Наибольшая часть их основана в северной России, где господствовало невежество, суеверие и идолопоклонство. Важнейшая по своим заслугам Киево-Печерская лавра, оплот православия, процветала на юге. В этом деле виден Божественный Промысл, спасительный всем человекам. И не напрасно о киевских горах возвещены утешительные обещания. Оттуда воссияла великая благодать для России: ограждение православия и народности нашей от католицизма и иезуитов. Что касается просветительных пособий, коими владели монастыри, то они отличались религиозным характером.

Монастырские библиотеки были наполнены книгами библейскими, богослужебными и отеческими. Так, в библиотеке кирилловского монастыря, из 1938 книг рукописей, по Св. Писанию было свыше 250, богослужебных книг до 560, отеческих творений почти столько же. Некоторые творения были во множестве экземпляров, напр. Лествица в 26 экземплярах, Шестоднев в 13 и проч. В библиотеке Соловецкого монастыря, из 1378 книг, по Св. Писанию – 197, богослужебных – 489, отеческих 425. В Сергиевом монастыре – 800 рукописей церковных и 3000 старопечатных книг⁶¹⁷. Большая часть русских монастырей не имела сильно значительного влияния на народ. Это были монастыри малые, состоявшие из 2 – 7 иноков. Не отличенные собственными заслугами и жизнью своих настоятелей, они мало имели доходов и напрягали силы свои для поддержания существования. Так было до преобразования монастырей в XVI веке митр. Макарием, и особенно в XVII веке, когда в первые 50 лет число обителей возросло до 100! Их целыми десятками приписывали к большим монастырям и архиерейским домам. По поводу споров о церковных имуществах Зиновий Отенский описал труды и лишения бедных монахов. «Видел я некоторых иноков из тех монастырей, которых осуждают за деревни. Руки у них скорчены от тяжких страданий, кожа как воловья истрескалась; лица осунувшиеся, волосы растрепаны. Истязатели (сборщики) бьют и волочат их без милости. Ноги и руки посинели и опухли. Иные хромают, другие валяются. Имения у них так много, что и нищие более их имеют. Обыкновенная пища их – овсяный не веяный хлеб, ржаные толченые колосья, и такой хлеб без соли. Вода – их питье, овощи – рябина и калина. Об одежде что и говорить!» Кроме бедности и незначительности своей, многие монастыри были пристанищем соблазна и пороков. С XI века встречаем частые жалобы на неурядица монастырей, особенно устроенных князьями и боярами близ городов. Обогащенные вкладами, не связанные уставом общежития, они, по свидетельству летописей, не знали подвижничества. И пастырям нашим, особенно св. Сергию и митр. Макарию, стоило многих трудов ввести общежитие и ограничить беспорядки

иночества. Жалобы на эти беспорядки шли издалека, даже в период высшего развития монашества. Константинопольский патриарх в послании к преп. Сергию называет Русь «дикою и невежественною землею, где иноческий образ равен мирским людям,» и учит иноков послушанию и единомыслию⁶¹⁸. Со времени Грозного монастыри пришли в большее расстройство, ибо они наполнялись опальными боярами, привыкшими к разгулу. А по замечанию Стоглава многие постригались «покою ради телесного, чтобы всегда бражничать»⁶¹⁹, занимались «праздношатанием, строением пустынь, с 2 – 3 чернцами, в соблазн православным»⁶²⁰. В послании в Кириллов монастырь Грозный обличает нестроения знаменитых монастырей, Симонова и других, в коих многое делалось по мирскому. Регламент обличает размножение скитов, бродяжничество и другие недостатки иноков⁶²¹.

На основании данных сведений и соображений о пространстве и населении России, можем составить приблизительное понятие о влиянии на жизнь просветительных центров. Много ли значили, в деле образования, 6 – 7 центральных городов, до 20 епархий, почти столько же влиятельных монастырей и 12,000 с лишним церквей, в 700 летний период? И эти центры просвещения были раскиданы на 40 – 50,000 квадратных миль европейской России, 300,000 квадратных миль Сибири, с 10 – 12.000,000 населением. А главное, что эти центры не опирались на школы и общее образование, а потому зависели в действиях своих от многих случайностей. Об элементарных школах древней Руси, поддержанных частными лицами, не распространяемся. В XV веке обучение грамоте перешло в руки мастеров, коих лекции оплачивались кашей и другими припасами. Естественное дело, что десятки и сотни тысяч людей, на окраинах России, в целые столетия не знали таинств, не бывали в церкви, не видели монастыря, не слышали божественного учения. О невежестве и безнравственности их нечего толковать. Все это бедное человечество, опутанное грехами, не освященное таинствами, так и ушло в могилу! Но и в центре России для большинства людей христианское просвещение было не многим доступнее. В

актах часто встречаем жалобы на холодность людей к церкви, на уклонение их от таинств и других обязанностей, которых они не понимали. С XVIII века назначаются штрафы и принудительные меры, обязывающие всех ходить в церковь, говеть и проч. Ясное дело, что религиозное просвещение вообще было доступно жителям центральных и областных городов, соседних с лаврами, соборным прихожанам, особенно духовенству и знати. Причем, сборники смешанного содержания служили пособием к проповеди и удовлетворяли любознательности грамотных горожан. Проповеднические сборники вообще действовали на неграмотных людей, часто приходивших издалека в собор, для слушания проповеди (Кирилла ростов., Серапиона, Никона и других). И просветительное действие сборников не могло быть обширным, особенно до XV века, по причине их дороговизны и редкости. Древние сборники, заключавшие в себе сотни листов, писались на пергаменте, крупным полууставом, и доступны были состоятельным лицам. Владимир Галицкий заплатил 11 рублей (8 гривен кун) за молитвослов. Влияние сборников расширяется с XV–XVI века, времени изобретения бумаги (получалась из заграницы) и введения книгопечатания. Вследствие этого полууставный почерк уступил место скорописи, и сборники в XVII веке размножились. По надписям сборников видно, что они не редко принадлежали и людям среднего сословия. Встречаются сведения и догадки, что священники и иноки иногда проповедовали в церквях по книгам⁶²². В XVI и даже XVII веке главными покупателями книг были священники и иноки. Но эти отрадные явления не составляли общего правила. Итак, при скудных способах просвещения, церкви с их богослужением и сборники богословские были главными просветительными орудиями. Причем сборники смешанного содержания служили руководством богословия и основой проповедничества; сборники проповеднические оказывали самое обширное и благотворное влияние на народ. Проповеднические сборники, под влиянием богослужения, воспитали аскетические нравы и убеждения предков, которые удивляют нас строгостью, при всех своих недостатках. Эти нравы и убеждения послужат уроком и

просвещенному потомству, не столько страстному, как грубые предки, но за то, слабому телом и духом, неспособному к аскетизму.

Аскетические нравы предков, воспитанные греко-русским проповедничеством и литературой

Мы ознакомились с характером и недостатками русского народа из светских сочинений и обличений проповедников. Недостатки эти важны и неоспоримы. Отрицать их, или затенять панегирическими возгласами старине, значило бы искажать историческую правду, обмывать, как говорится, не замачивая. Но и преувеличивать недостатки народа, не видеть, из-за их, добродетелей и достоинств – другая крайность. Недостатки эти не столько черны, чтобы им не ужиться с добродетелью, и не столько ответственные, чтобы не заслужить пощады пред судом истории, особенно, если они искупаются аскетическими подвигами. В вопросе об отношении проповедничества к жизни сказано, какие чувства и стремления насадила проповедь в народе. Посмотрим плоды этих чувств, подвиги и добродетели, в каких выразились благочестивые стремления предков. При этом не забудем ограниченности человеческого ума и слабости воли, вследствие которых добро и зло перепутывается в нас неразрывно, и наше совершенство состоит более в стремлении к святости, нежели осуществлении ее. Нет ничего труднее, как взвешивать дела людей и производимое на них впечатление словом. Слово, и особенно проповедь, не подчиняется выкладкам статистики, дело это неуловимо в своих подробностях и отдаленных следствиях. Сами слушатели не дадут отчета в принятом впечатлении и не знают, какими следствиями оно обозначится в жизни. Можно только вообще сказать, что благодетельность слова, как принятой пищи, не подлежит сомнению. Все эти замечания вполне приложимы к нравственно-аскетической проповеди. Трудно взвесить влияние ее на жизнь, потому что жизнь эта духовна и скрытна. Кроме того, аскетическая проповедь, односторонняя в своих требованиях, не замечает наличных достоинств и добродетелей века, не довольствуется ими, а только казнит грехи, возвещает гнев Божий и требует исправления. Если ограничиться свидетельствами проповедников, видевших всюду зло и

беззаконие, преувеличивавших грехи и меру наказания, то следовало бы осудить наших предков на вечный позор. Между тем таже строгая проповедь, видевшая в людях одни недостатки, незаметно для нее самой воспитала в них многие добродетели, достойные похвалы. Словом: русское проповедничество, как и всякое другое, не может служить надежным пособием для изучения добрых свойств народа. Оно дает нам относительно этого вопроса самые скудные сведения. Добродетели предков могут быть усмотрены из свидетельств истории; и если они своим характером напомнят аскетическую проповедь, то дадут право заключать о влиянии ее на жизнь.

Нравы предков, при всех их недостатках, были монашеские. Они утверждались более на обрядности, доступной чувству, нежели на духе религии. Приняв веру в смысле нравственных предписаний и усвоив ее чувством, предки не вдавались в религиозные споры, подобно грекам, в рационализм, и – материализм, подобно римлянам. Они держали веру свято, всецело, не отделяя буквы от догмата. До какой степени они держали веру непоколебимо, свидетельствуют польские и вообще иностранные писатели. Кромер: «Русь упорно держится греческих обрядов». Стрыйковский: «все русские народы пребывают твердо и непоколебимо в вере, по обрядам греческим». Сарницкий: «русский народ стоит твердо в исповедании (христианском)». Герберштейн: «Русь как начала, так до сего дня пребывает в вере по обряду греческому». Иовий: «русские с непоколебимою твердостью сохраняют учение и обряды, принятые от греческих наставников». Гванины: «русские, как приняли веру христианскую, до сего дня крепко и единодушно держатся ее. Хотя некоторые бояре, подвластные польскому королю, следуют лютеранскому и Цвинглиеву учению, но весь народ, большая часть вельмож и дворян твердо содержат веру по закону греческому. И все области России, подвластной князю московскому, крепко и единодушно стоят в вере, принятой от греков»⁶²³. Для нас особенно дорого свидетельство митр. Фотия, строгого проповедника покаяния. Он любил Русь, новое отечество, за

ее веру и благочестие, восхищался успехами миссионеров и говорил, что Бог совершает «чудные дела в этом народе».

До какой степени эта вера, усвоенная чувством, была малосознательна, привязана к букве и форме, видно из наивных вопросов и недоумений предков относительно веры. Вопросы эти становились иногда опасными в применении к практике. «Можно ли колоть (животных) в неделю, которая назначена для молитвы»? «Целовав крест, можно ли есть мясо и сыр»? «Можно ли постучать яйцом в зубы до обедни? – раз можно, а многожды нельзя» У Иоанна III произошла размолвка с митр. Геронтием за то, что митрополит, при освящении успенского собора, ходил не по солнцу: «за такие дела, говорил в. князь, приходит гнев Божий». Много об этом спорили, и ничего не решили. Митр. Геронтий посадил архим. Геннадия в ледник, в оковах, за то, что он «обесчестил Богоявленную воду», дозволив пить ее после обеда. При такой внешней, младенческой вере, предки не могли углубляться в догматы ее и скоро освоиться с духом христианским. Их не поражали ошибки, преувеличения и противоречия в словах проповедников. Один говорил: «будь ты постник, всегда трезв и нищ, проводи ночи без сна, но если не переносишь оскорблений, не спасешься». Другой: «нашествие врагов – гнев Божий». Третий: «любя вас, я пролил вашу кровь» и т. д. Мыслящий человек соблазнился бы этим разногласием. Предки спокойно уживались с нравственными противоречиями и даже хитрили пред вечною правдою. Проповедь учила: «награбленное отдай с лихвою, иначе не спасешься». Они раздавали ничтожную долю нищим из всего награбленного и закрывались мантией от вечного суда, жертвою в монастырь на помин души. Конечно, эти противоречия вынуждались условиями жизни. Отзываясь единодушно о крепкой вере русских, явно младенческой, иностранные писатели не объясняют частных свойств ее. Русские писатели достаточно объясняют аскетический характер и частные свойства ее.

Из рассмотренных нами проповедей, особенно митр. Даниила, посланий и похвальных слов святым, отзывов летописи о малоизвестных проповедниках, писем патр. Никона

и других святителей, видно, что все сословия на Руси руководились в жизни наставлениями иноков. Но кроме частных свидетельств есть общие указания и доводы относительно руководства народа иноческим уставом и теми правилами, кои проводились в древних проповедях. Некто (инок) составил иноческий устав в руководство мирянам; этот устав напечатан в следованной псалтыри (острожской, 1596 г.). Составитель устава объяснил побуждения к написанию его. «Я сделал это не по собственному желанию и не по какому-либо человеческому помыслу (тщеславию), но был принужден к тому. Многие христолюбивые, желающие спасения, иноки и мирские, и особенно благоверные жены, боящиеся Бога, требовали и просили нас (об этом), и наскучили нам. И мы написали от божественных правил, желающим, только не монастырским, а внешним (мирянам); ибо мы знаем, что монастыри имеют свои божественные уставы, повеления и правила, в типиках. И не наше дело писать типики»⁶²⁴. Судя по этому руководству, можем предусматривать жизнь предков, проявление веры их в чисто монашеских подвигах. Действительно, предки усвоили себе всю монастырскую обрядность и по ней устроили свои действия. Сильная природа их и могучий характер выносили монашеские подвиги твердо, до последнего часа жизни. Не обо всех подвижниках благочестия свидетельствует древняя история. Она обращает особенное внимание на князей и бояр, стоявших на виду у всех. Но общая среда, выдвигавшая подвижников в палатах и дворцах, убеждает в том, что их было неисчетное множество во всех сословиях и в простом народе. Для краткости слова мы будем указывать на более замечательные подвиги и примеры благочестия.

Следуя монастырскому уставу, предки всего более любили молитву, очищающую душу и возносящую ее к небу. Если в мире, по действию соблазнов, они увлекались страстями, пересудами, бранью и сквернословием; то дома и в церкви каялись в своих согрешениях, молились Богу долго и усердно, с поклонами и часто со слезами. «В комнате, где стояло наибольшее образов, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном. Хозяин читал

вслух утренние молитвы, иногда заутреню и часы, смотря по досугу, умению и степени благочестия; умевшие петь пели. У знатных людей и у князей были домовые церкви, и все домашние сходились в церковь, где молитвы, утреню и часы служил священник, а после богослужения кропил, предстоящих св. водою. Затем все расходились для своих занятий. Приступая к занятию, считали необходимым сделать пред образом крестное знамение, с земным поклоном, а если можно, то и принять благословение священника»⁶²⁵. «Вставали и ночью на поклоны, особенно в посты» (напр. Владимир Мономах, Андрей Боголюбский). «Михайло (кн. тверской) измлада имяше и никакo измените правила своего: в нощи пояше псалмы. А како пойде из Владимира, от недели до недели пощашеся, причащашеся тела и крови господни. Отнеле же ят бысть, вся ночи не даде сна очима, да не вздремлет, но паки славяше Бога, с многими слезами, и глубоким вздыханием исповедаяся ему: Господи! услыши молитву мою и вопль мой к тебе да придет. И егда стражи забиваху в колоде руце его, ни тако озлобляем, пояше непрестанно псалтырь, а един от отрок сядяше, перекладывая листы. Он же прилежно глаголаше: Господи, не отврати лица твоего, яко скорблю! И тако на всяк час моляся Богови»⁶²⁶. С домашнею молитвою предки соединяли церковную. Максим Грек с упреком заметил, что «русские каждый день поют каноны и песни святым, и считают довольство земное наградою за свое благочестие». Молитвы церковные были продолжительны в посты, при исповеди, особенно в Великий пост. Алексей Михайлович в Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов, и этим удивлял иностранцев. Флетчер, осуждая многое в русской церкви, черня русские и особенно монастырские нравы, сознается, что «набожность господствовала в России»⁶²⁷.

С усердием к молитве и богослужению предки соединяли любовь к построению храмов, сооружению монастырей, скитов, часовен, икон в дорогих окладах, доброшумных колоколов. Иконы часто подымали, носили их для освящения полей и домов, и пред началом пиршества служили пред ними

акафисты и молебны, с водоосвящением. Во время войн, которые были часты, иконы и кресты носили среди полков, а по окончании войны прославляли Бога. В начале христианства в России храмов и монастырей было уже много. В Киеве построено до 600 церквей и 13 монастырей; Никоновская летописи возводит число церквей до 700! Церкви, как дом божий, строили без печей, чтобы не равнять их с домом обыкновенным, хотя при зимних холодах нередко замерзали св. дары. Так было до XV в. Мы видели, что церкви строились иногда по корыстным побуждениям; а бояре нередко заводили домовые церкви из тщеславия, чтобы на молитве не смешаться с толпою. Были случаи, что больший боярин в церкви сводил с первого места жену меньшего боярина, и ставил на это место свою жену. Как бы то ни было, но предки, особенно богатые люди, не щадили денег для построения и украшения церквей. Это благочестивое усердие можно объяснить малообразованностью предков. Они сознавали, что церкви и монастыри служили для них единственными школами вероучения. Самые дома свои они украшали иконами, в виде иконостаса, на подобие церкви. К иконам делали привески из золота, серебра, дорогих камней и жемчуга. В богатых домах иконостас закрывали завесою, сметали с него пыль крылом и вытирали губкой. С особенным великолепием украшались священ. изображениями хоромы боярские и царский палаты. Вошедший в дом делал поклоны перед иконами, кланялся и домашним⁶²⁸. Максим Грек заметил, что «русские строят великолепные храмы». Курбский подтверждает подобные свидетельства. «Вся земля русская от края до края, подобно чистой пшенице, держится верою в Бога. В ней божии храмы числом подобны звездам небесным; в ней множество монастырей, которых никто не в силах перечислить, и бесчисленное множество преподобных монахов».

Об украшении домов иконами свидетельствует Маржерет: «иконы весьма в большом количестве украшают жилище каждого русского»⁶²⁹. Иконы и священ. изображения нередко украшали наружность храма, сени архиерейских покоев, выставлялись на домах и на воротах, особенно в обителях. С

особенною роскошью и великолепием украшалась икона Божией Матери. На ней изображали венец с короною, металлический, с сиянием и лучами. К венцу привешивались жемчужные ожерелья и цаты. К иконе прилагался убрус и лентий, низанный жемчугом; концы его и рясны опускались по сторонам; еще привешивались зарукавье и ожерелье, жемчужные. Кресты на престольные украшались серебром и золотом. На престольные евангелия и апостолы тоже украшались богато; доски оклеивались толком и бархатом, металлическою каймой и цатами по углам⁶³⁰. В богатых приходах евангелие оковывали чеканным серебром и золотом и осыпали камнями. Благоговение предков к иконам, кресту и домашнему иконостасу было так велико, что они не допускали здесь присутствия женщины. Проникшись убеждениями византийцев о женщине, как виновнице греха и соблазна, они считали прикосновение ее к святыне предосудительным. «Достойно ли быть с женою своею в клети, спрашивал книжник, идеже иконы и честный крест? Своя жена, отвечал другой, не в грех». «Можно ли служить в платье, к которому пришит женский лоскут? – Разве жена погана?»⁶³¹. Так было на Руси до XVII и даже XVIII века. С XVII века бояре стали расписывать свои палаты на европейский лад. Боярин Матвеев украсил свои комнаты картинами, зеркалами и часами; иконостас домово́й церкви расписал итальянскою живописью. Петр I дозволил изобразить в своих покоях мифологические сцены, а на доме выставил статуи богов. Указом 1722 г. запрещено украшать иконы привесками монет и серег, ходить с иконами из церквей и монастырей⁶³². Вообще, Русь поражала иностранцев своею церковностью и особенно наружным благочестием. «Внешний вид русского города и селения показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри и снаружи на церковный лад. По городу постоянно слышался звон доброшумных колоколов; на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились пред каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. Здесь можно было

встретить духовенство с иконами, крестами, пением и св. водой. Торжественные крестные ходы совершались весьма часто»⁶³³. Самая одежда русских своим покроем напоминала влияние Византии и носила отпечаток церковный. Многие миряне носили монашеские одежды и принимали на себя вид пустынников. Облачение бояр, кафтаны (ферязи), с широкими поясами, напоминало одежды духовенства. Праздничное платье бояр и царей походило на церковные ризы; оно делалось из дорогих материй, яркого цвета, украшалось золотом, серебром и множеством пуговиц. Бояре надевали на шею тяжелые золотые цепи с крестами. Кафтан царский, в виде саккоса, и шапка, в виде митры, украшались жемчугом, образками и крестами, на подобие одежды греческих царей.

При несложности древней жизни многие ходили в церковь ежедневно. «Первое к церкви, да не застанет солнце на постели; тако бо деяше отец мой и вси добрии мужи»⁶³⁴. В праздники, которых в году набиралось до 100, предки особенно усердно ходили в церковь и посещали монастыри. «Просвещени людие светло праздноваху воскресение, праздники и посты»⁶³⁵. Смотря на праздники, как на живые существа, полные благодати, предки проводили их благоговейно. Они украшали дом (в богатых домах полы устилались коврами), приготавливали лучшие блюда, наряжались, и в полночь отправлялись в церковь; остальное время дня проводили в посещениях и благотворениях. Ежедневное посещение церкви, особенно в праздники, входило и в придворный этикет. Поздоровавшись с боярами, царь вместе с ними отправлялся к обедне, в домовую церковь; в большой праздник – в собор, или в монастырь. После полудня снова отправлялся к вечерне, с синклитом. В эти дни праздничные, все, не исключая рабов, освобождались от работы. Перед большими праздниками цари и знатные люди посещали тюрьмы, богадельни, и раздавали милостыню. Соборы определили порядок празднования. Владимирский собор постановил: «христианские праздники почитать благоговейно; не совершать бесчинных игр и поединков; убитых на них не отпевать». Стоглав, перечислив св. дни, повелел праздновать воскресение и субботу, проводить их в молитве и

богослужении, пении псалмов, поучении и благоговейном размышлении⁶³⁶. Многие старожилы, особенно в Москве, доселе вспоминают эти древние обычаи и сознаются, что они чувствовали праздник на душе, которого не могут дать модные увеселения. Духовная награда дается за подвиг⁶³⁷. Мы, впрочем, видели, что праздники очень часто не обходились без соблазнов; особенно масленица, столь привлекательная для крепких сил, разнуздывала все страсти народа.

Вместе с праздниками предки соблюдали посты, которые в совокупности составят полгода. С особенным усердием они проводили Великий пост и посты, назначаемые по случаю общественных бедствий. Многие налагали на себя произвольные посты в понедельник, обетные пятницы и проч. Если предки любили пьянство и пресыщение, коими бесчестили праздники: то умели и обуздывать свою природу подвигами поста. До какой степени пост в древности был повсеместен и строг, видно из слов летописца. «Россияне миряне в великий пост питаются редькою, капустою и хреном, вареное едят в субботы и недели; от рыбы воздерживаются всячески, кроме благовещения и недели вайй. Благоговейнейшие постятся, за грехи свои, (строже); только хлеба кусок съедают по полудни, обмакнув его в пепел. А монахи, неравно мирским, держат жестокое житие; всегда, когда постятся, съедают только кусок хлеба с водою в сутки»⁶³⁸. Многие принимали пищу в два и три дня раз, в первую и последнюю неделю поста по разу. Многие, из детства, чувствуя призвание к аскетизму, изнуряли себя постом. Иоанн юродивый до того чувствителен был в греховности своей природы и измождал себя постом, что заставлял родителей опасаться за его здоровье. «Какие у тебя, чадо, грехи? Ты еще не виновен», говорили родители его⁶³⁹. Многие от излишнего поста заболевали и делались неспособными к занятиям. Митр. Даниил обличал непомерно ревностных постников, объяснял им значение поста, нравственную цель его, определял разумные границы подвига, с нарушением которых пост терял свою силу. О том, что многие отказывались от мяса и рыбы на всю жизнь, воздерживались от них в известные дни, нечего и говорить. Особенно строгому

посту предавалась в монастырях. В житиях святых говорится, что многие настоятели обуздывали стремительных постников, боясь за их жизнь и нравственное состояние. Действительно, многие подвижники решались на неслыханные подвиги воздержания, особенно в Великий пост. Некоторые впадали в исступление ума, и даже умирали в болезнях. Но подвижники, богатые силами, выдерживали во всю жизнь необыкновенные подвиги. Некоторые из них, по примеру Богочеловека, решались на 40-ка дневный пост. Феодосий Печерский в Великий пост обыкновенно уходил в пещеру, выдерживал 40-ка дневный пост, доказывая опытом, что человек может жить «не одним хлебом». Послабления в старину не допускались, и высшие лица подавали пример в подвигах воздержания. Алексей Михайлович в недели великого поста по три дня не ел ничего (пн., среда, пят.), в остальные дни обедал. Во времена общественных бедствий пастыри налагали на всех трехдневный пост, в коем участвовали и дети. Детям до обедни не давали есть; на кормилиц, приносивших детей к причастию, тоже налагали пост до обеда⁶⁴⁰.

В посту, наиболее по субботам, предки молились за умерших. «Жены, говорит Кирик, наиболее кланяются до земли в субботу, говоря: кланяемся за упокой»⁶⁴¹. В завещаниях пастырей и князей и в домостроях находим увещания о поминовении родителей. Грозный в завещании к детям пишет: «не забывайте нас родителей своих в литургиях, панихидах и милостынях, понеже нам и себе велику пользу приобретаете, здесь и в будущем веке»⁶⁴². И памятником этой заботливости об умерших он оставил синодик в 2-х томах. Синодик послан в Кириллов монастырь, с приложением 2200 рублей, на вечное поминовение 3470 человек, убитых царем. Царь записывал их итогами: «помяни Господи 1505 убиенных новгородцев, их же имена сам веси», и проч. На помин души предки делали вклады в монастыри, строили и обогащали церкви. Вклады увеличивались во времена эпидемий, черной смерти, и в конце XV века, когда десятки тысяч людей обращались к Богу с покаянием. Опускаем из виду второстепенные качества народа, насажденные нравственно-аскетическою проповедью. Главное

внимание следует теперь обратить на две добродетели, слабо внушенные древнею проповедью, целомудрие и честность, или правдивость в делах.

Сознаемся, что рассмотренные нами добродетели выражают более внешность христианства, нежели дух его, а последние две – могли бы придать внешним подвигам внутреннюю силу. К сожалению, мы не находим достаточно фактов для оправдания наших предков с этой стороны, или в этом отношении. Весьма немного можно сказать в похвалу их целомудрию и честности, хотя некоторые предполагают, что аскетизм внушал им эти свойства и обуздывал их страсти. Относительно целомудрия предкам вменяют в заслугу то обстоятельство, что они привыкали к святости брака, вследствие чего, с каждым веком, выводилось многоженство, и нарушение брака становилось реже. В истории XII века находим доказательство ревности народа к святости брака и целомудрия. Жители Галича 1174 года сожгли Анастасию (попадью), за предосудительное сожительство ее с князем Ярославом, а князя обязали присягою к законной брачной жизни. Подобный пример встречаем в XVII веке. Князь Шаховской просит разрешения у патр. Филарета в незаконном сожительстве с женою, и указывает на многих подобных ему людей, постригающих своих жен и вступающих во второй брак. «Но ты прехитрый врачу исцели мя, да не впасти мне, от уныния, в руце дияволи, понеже юн есьмы и не могу одолети плотского сладострастия»⁶⁴³. Относительно честности предков можно сказать, что она не имела прочного основания в самой обстановке жизни, и развитие этою начала предоставлено позднему, лучшему времени. За то предки имели некоторые доблести, отчасти восполнявшие недостаток совести, правды и честности в делах.

Предки наши особенно отличались милосердием к бедным и гостеприимством, за что хвалили их иностранцы. Относи милостыню к лицу Спасителя, предки благодарили нищим, особенно в пасху, рождество и на поминках. Князья и пастыри часто служили примером милосердия. О многих из них летописи выражаются так: «беше милостив паче меры, нищия милуя,

сироты и вдовицы заступая, обидимыя изимая». Князь Иоанн получил название Калиты за то, что носил мешок с деньгами для раздачи бедным. Патр. Филарет содержал в Москве, на свой счет, богадельни, больницы и сиротские дома. Патр. Никон устроил в Новгороде четыре и в Москве две богадельни. Митр. Иов выстроил в Новгороде дом для странников, другой для подкидышей, и три больницы. Митр. Феодосий взял в свою келью расслабленного, служил ему и омывал струпы⁶⁴⁴. Вообще, в домах царских, бояр и купцов, содержалось множество нищих и странников, для коих были особые помещения. Святители и проповедники милосердия служили для всех примером этой добродетели, столь необходимой в древности. Милосердием к бедным предки отчасти заглаждали свои неправды, так как «милостыня очищает многие грехи».

Предки совмещали и другие добродетели, сродные милосердию, вытекавшие из одного и того же источника – любви к ближнему. Добродетели эти: самопожертвование для блага общего и покорность царю, устройтелю общества. Если в обыкновенное время предки позволяли себе неправду и насилие, условленные духом времени; то в критических обстоятельствах они вознаграждали эти недостатки самопожертвованием для блага общего, по одному слову царя. Этими высокими свойствами, вытекающими из религиозных убеждений, предки не раз спасали Церковь и отечество. Гражданские свойства народа, выражающие его покорность высшей воле, и способность к жертвованиям, издавна определены пословицами: «про то ведает Бог и государь», «на то воля Божия и государева». В этих пословицах оказался общий смысл русского народа, возвышающий его над всеми славянскими племенами и восполняющий его частные недостатки.

Представителями и образцами аскетизма были монастыри, давшие направление общественной и семейной жизни народа. Руководимые строго аскетическою проповедью, они в высшей степени развили те добродетели, которые внушали народу. Высшего аскетизма монастыри достигли в XV веке, времени общественных бедствий и ожидания конца миру. Ревностные

настоятели того времени, не довольствуясь обычным уставом, обходили разные монастыри, заимствовали их предания и заводили строгие общежития. Замечательные монастыри того времени: волоколамский, основатель которого Иосиф руководился уставом Кирилловой обители, и сорский, основатель которого Нил руководился уставом афонской горы. Оба настоятеля, строгие аскеты, разошлись во взглядах на устройство обителей и дух монашества. Иосиф придавал большое значение дисциплине, формальностям устава, и смотрел на монастыри с государственной точки зрения. Нил обращал внимание на внутреннее развитие духа и совершенно отделял монастырь от мира. По некоторым обычаям иноков Иосифова монастыря можно судить об обиходе прочих монастырей. Братия проводила большую часть времени в молитвах. Кроме богослужения, в будни и праздники требовавшего 6 – 10 часов, и келейного правила, каждый монах полагал в день от одной до трех тысяч поклонов; некоторые прочитывали по 77 псалмов в день, и проч. Посты соблюдались по уставу; некоторые вкушали хлеб с водою, иные принимали пищу через день и проч. Для измождения плоти сокращали сон, исполняли черные работы, носили вериги и власяницы. По окончании дня исповедовались духовнику в грехах и помыслах⁶⁴⁵. Многие, не вынося этих строгих правил, оставляли монастырь. Иные обители строгостью устава и продолжительностью молитв превосходили устав Иосифа. Об игумене и братии Ефросинова монастыря заметил очевидец: «это железный с железными!»

Проникнутые евангельским духом милосердия и самоотвержения, монастыри выполняли и общественные добродетели, которые имели особенное значение в неустроенной Руси. Кроме заслуг миссионерства и колонизации страны, монастыри служили олицетворением заповеди о милости и сострадании к бедным⁶⁴⁶. При монастырях устраивались богадельни, больницы, сиротские дома и школы. В голодные годы монастыри служили житницами для народа. В продолжение голодного года Иосиф волоколамский кормил более 700 человек, а для бедных детей построил гостиницу. В

праздники, особенно храмовые, в монастырях угощали нищих. В храмовой праздник Успенского собора кормили до 2500 нищих. Подражая, обителям, и миряне, в праздники, угощали нищих, при чем нередко дьячки пели духовные канты. Нищих рассаживали на дворе, в сенях, иногда за столом с гостями, а после обеда оделяли милостыней; им прислуживали бояре и святители (Димитрий рост.). Нищих нередко питали во дворце, и государи давали им милостыню из собственных рук. Монастыри своего проповедью подымали дух народа для спасения государства, восстановления царской власти, утверждения общественного порядка, и частыми вспоможениями поддерживали успех народных предприятий. В этом отношении неоцененную заслугу государству оказала Сергиева лавра. По выраженью патр. Иоакима, она «утвердила общий разум в вере и государстве». В столь высоких практических добродетелях сказался не только обрядовый смысл подвижничества, но и дух христианства.

Завершением аскетических нравов и добродетелей века было странствование предков по свят. местам. Люди всех званий отправлялись на восток, особенно в Иерусалим, поклониться местам, освященным Богочеловеком; некоторые проводили остаток дней своих на Афоне и в Иерусалиме (Евфросиния Полоцкая). Путешествия в Палестину до того усилились, что еп. Нифонт запрещал их, а арх. Иоанн назначал епитимии давшим обет идти в Иерусалим⁶⁴⁷. Многие благочестивые люди принимали на себя необыкновенные подвиги: ношение вериг, пребывание в затворе и на столбе, юродство. Доселе сохранились вериги Кирилла Белозер., Димитрия Прилуцкого, Евфимия Суздальского, Савватия Тверского, Моисея и Евфимия Новгородских. Евфросиния (бывшая супруга Донского) изнуряла себя постом и тяжелыми веригами, а в обществе являлась богато одетою. В затворе спасались многие печерские подвижники: Антоний, Исаакий, Агапит, Афанасий и проч.⁶⁴⁸. Столпническую жизнь проводили Кирилл (еписк. туров.) и Никита, бывший полицейский чиновник. Замечательнейшие юродивые: Михаил, из рода московских князей; он принимал пищу раз в неделю и спал на земле; Иоанн

Вологодский носил вериги с крестами, ходил полунагой; Никола Салос Псковский ездил на палочке. В юродстве сокрыта глубокая тайна христианства, намекающая на первобытную гордость человека; в нем, по воле Провидения, заключается укори́зна надменному уму. Отказываясь от ума естественного, лучшего украшения человека, эти подвижники прикрывают своим уничижением высшую, божественную мудрость, и дают уроки гордым, заносчивым людям. Иоанн Вологодский в слух обличал Годунова. Салос, подъехав на палочке к Грозному, несколько раз сказал: «Иванушко! покушай хлеба, а не крови», и предложил ему в Великий пост сырое мясо. На ответ Грозного: «я христианин, и в пост не ем мяса», Салос возразил: «ты делаешь хуже! питаешься кровию, забыв Бога». Михаил предсказал рождение Иоанна III и падение Новгорода.

Аскетические характеры в жизни монашеской, семейной и общественной

Среди общества, проникнутого аскетизмом, являлись необыкновенные характеры, вполне усвоившие дух самоотвержения и покаяния мира. Эти характеры являлись во всех сословиях, и замечательнейшие из них – перед концом первого периода, когда Русь покрыта была густым мраком невежества и суеверия. Само собою разумеется, что наибольшее количество аскетов являлось в строгих монастырях. Об них встречаем в летописях общие одобрительные отзывы. Напр.: «иноки имели одно попечение: превосходить друг друга смирением, любовью, усердием к церкви, исполнением работ со страхом Божиим. Не было между ними мирских бесед, празднословия; говорили только от писания, на пользу братии». «Иноки Кирилловой обители сияли великими добродетелями; они имели такое попечение о посте и до того преуспели в любви Божией, что никогда не занимались земным, всегда возносились умом к божественному свету»⁶⁴⁹. «Иноки Чудова монастыря так жили духовно, так были честны и боголепны, что все приходили к ним за назиданием»⁶⁵⁰. Встречаются общие отзывы и об отдельных иноках. «Варсонофий, после 5-ти лет игуменства, провел в пустыне 10 лет, в молитве и богомыслии. Многие иноки и миряне приходили к нему отовсюду, для назидания, объяснения писания и разрешения недоумений. Сам митр. Фотий отправлял к нему послов с этою целью»⁶⁵¹. «Григорий Полонинский (в Галиции) был такой святой, какого не было прежде, и после не будет»⁶⁵². Но для истории важнее и поучительнее характер Дионисия, настоятеля Сергиевой лавры. Дионисий обнаружил свой аскетический нрав в водовороте житейских отношений, в самое бурное время. Он показал высшую степень бесстрастия, подчинения разума и свободы заповеди о самоотвержении, и, что особенно важно, страдал невинно за правду.

В первый раз Дионисий показал свой мягкий характер на московском базаре, при покупке книг. Оскорбленный буяном, он

отвечал: «если б я был настоящий монах, то не бродил бы по рынку. Прости меня грешного! (Ты) послан от Бога на мое утверждение». Такую же мягкость он обнаружил в обращении с подчиненными. Он отдавал приказы в таком тоне: «если хочешь, брат, то сделай то-то». Монах обыкновенно не обращал внимания на подобные приказы, облеченные в гуманную, непривычную для него форму. Когда другие спрашивали: «от чего не исполняешь воли настоятеля?» тот отвечал: «архимандрит дал мне на волю: хочу делаю, хочу нет». Этого святого и умного человека невежды предали суду, за исправление книг, за то, что «имя Св. Троицы велел в книгах марать, и Св. Духа не исповедует, яко огонь есть». Грубая толпа бросала в него грязью, с криком: «вот еретик! хочет вывести из мира огонь». Дионисию присудили наказание: бить по 1000 поклонов в день. Митр. Иона велел приводить Дионисия, в праздники, на патриарший двор, и там заставлял его бить поклоны. «Он же, принимая все это с благодарением, глагола сице: то правило ему не свое, но повелением (дано). Должно убо мне имети свое (правило) и за себя приносить молитву Богу. И приложи от своего усердия, сверх повеленного, по другой тысяще»⁶⁵³. Но этот мягкий человек, уступчивый в делах личного интереса, являлся необыкновенно твердым в делах общественной пользы. Он всегда находился подле патр. Гермогена, на сходках; увещевал толпу к повиновению, и был виновником спасения отечества. Усвоенный им дух подвижничества делал его неодолимым в подвигах. Подчинение одной личности правилам самоотвержения и аскетизма в жизни гражданской не имеет особенного значения. Более важным представляется этот вопрос в приложении к жизни семейной и общественной. Представителем аскетизма в жизни семейной является слабая женщина, боярыня XVII века, Иулияния Лазаревская. Она своим примером доказала, что можно и в мире спастись и угодить Богу в семейной жизни, хотя бы с этим угождением неразлучны были опущения по дому. Из детства Иулияния предалась строгому посту; 15-ти лет вышла замуж и прижила десятерых сыновей и три дочери. Всю жизнь она потом скорбела, что не могла остаться девою, и находила отраду в

иноческих подвигах. «Она молила своего мужа, чтобы отпустил ее в монастырь. Но тот не соглашался, читал ей книги блаж. Косьмы и прочих отцов. Не спасут нас черные ризы, и не погубят белые, если творим богоугодное. Кто отходит в монастырь, не заботясь о детях, тот ищет отдыха, а не любви Божией. Она оставила свое намерение, но умолила мужа не иметь с нею общения, и сделала отдельные постели. Отвергшись от всего мирского, всею душою обратилась к Богу, Пост и воздержание восприняла паче меры. По пятницам вовсе не вкушала, затворялась в клети и упражнялась в молитвах. В субботы и воскресенья ставила трапезу попом, вдовам, сиротам и слугам. Блаженная всего более пеклась о нищих, по слову Спасителя: когда творите пир, не зови родню, ни соседей богатых, чтоб они тебя не позвали. Но зови нищих, и создастся тебе в воскресение праведных. Сна употребляла 1–2 часа, ложилась без постели, и тело свое удручала, под головы и к телу подстилала дрова острием, под ребра клала ключи. Не желала покоя, не ложилась, пока не засыпали рабы; потом вставала и всю ночь, до заутрени, молилась Богу со слезами; шла к заутрене и литургии. Не любила гордости и величания. Хотя не умела грамоте, полюбила слушать божественное чтение, и всегда со слезами говорила; как подражать житию прежних святых, и какими делами можно умолить Бога? С тех пор как разлучилась с мужем, не мылась в бане. Иных добрых дел ее невозможно пересказать»⁶⁵⁴. «Каждый вечер полагала по 100 поклонов, а в обувь клала ореховую скорлупу. Заработанное раздавала нищим, и даже отдавала свою долю хлеба; ходила за больными и лечила заразительные язвы. Ко смерти мужа постриглась в монашество, 1604 года»⁶⁵⁵. В жизни Иулиянии находим свидетельство о проповеди сельского священника Потапия. «Этот священник научил ее, вместе с мужем, страху божию, по правилам св. отцов, и прочим добродетелям; молитве, посту, милостыне. Потапий в иноках назван Пименом»⁶⁵⁶.

Особенно важно, в историческом смысле, аскетическое поведение на престоле Феодора Иоанновича, которого отец признал неспособным к управлению государством. Для

разъяснения этого вопроса довольно начертать дневной обиход царя. «Он был тих, милостив и чрезвычайно набожен. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, приходит к нему отец духовный с крестом, к которому царь прикладывается. Затем крестовый дьяк вносит в комнату икону святого, празднуемого в тот день, перед которою царь молится около четверти часа. Входит опять священник со святою водою, кропит ею иконы и царя. После этого царь посылает к царице спросит, хорошо ли она почивала? и чрез несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между его и ее покоем; отсюда идут они вместе в церковь к заутрене, продолжающейся около часу. Возвратясь из церкви, царь садится в большой комнате, куда являются на поклон бояре, находящиеся в особенной милости. Около девяти часов цари. идет к обедне, которая продолжается два часа; отдохнувши после службы, обедает; после обеда спит обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется в баню или смотреть кулачный бой. После отдыха идет к вечерке и, возвратясь оттуда, большею частью проводит время с царицею до ужина. Тут забавляют его шуты и карлы мужеского и женского пола, которые кувыркаются и поют песни; это самая любимая его забава; другая забава – бой людей с медведями. Каждую неделю царь отправляется на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. Если кто на выходе бьет ему челом, то он, избывая мирской суеты и докуки, отправляет челобитчика к большому боярину Годунову»⁶⁵⁷.

Общее заключение и приложение сказанного к современной жизни и науке

Оконченные исследования, под именем «Очерка», необходимо выразить в общих положениях, как для ясности и определенности настоящего труда, так и для уразумения цели его. История выясняет теорию минувшей жизни для уразумения настоящих явлений, так как прошедшее живет в настоящем, хотя и не может защищать себя. Это приложение исторических исследований к современным вопросам, явлениям жизни и науки, придает особенную занимательность первым и несомненную важность последним. Без отношения к жизни ученые исследования делаются мертвым, непроизводительным капиталом. Сущность учения о характере древней проповеди и ее влияния на жизнь сводится к немногим точным положениям.

Древнее проповедничество не имеет самостоятельного характера. Оно отличается рабскою подражательностью, как в своем содержании, так и в изложении, проповедничеству греческому. Из отвлеченной греческой проповеди истолковательного направления русская проповедь усвоила одну отрасль ее – нравственно-аскетическую, как более подходящую к условиям русской жизни. Эта проповедь имеет своим предметом истины нравственные, в высшем развитии их называемые аскетизмом, труженичеством, подвижничеством. Нравственно аскетическая проповедь, опиравшаяся на чистый аскетизм, развитый уставами монастырей, находила поддержку в изъяснительных беседах и церковно-исторических, особенно похвальных, словах. Изъяснительные беседы или слова побуждали к аскетизму развитием учения о смерти, суде, вечной муке и вечном блаженстве; церковно-исторические – описанием подвигов святых, их самоотвержения и небесного воздаяния. Под влиянием отвлеченного проповедничества, аскетического, практическая проповедь не достигла полного развития; и в этом отношении сказалась подражательность наших проповедников св. отцам. Практическая проповедь, изложенная в виде сентенций, отрывочных наставлений, не обняла всех явлений

жизни, подлежащих руководству веры, всех умственных заблуждений и нравственных недостатков народа; и потому мало содействовала устройению жизни, общественного и семейного блага. Общею основою проповедничества была греко- русская литература, проникнутая аскетизмом, с примесью апокрифических вымыслов, заблуждений и суеверия. Скучное содержанием нравственно-аскетическое проповедничество ослаблялось еще неудачным, беспорядочным изложением. Церковная речь, слитая из разных наречий и идиотизмов, чуждая литературной отделки, разъединенная с живым словом, не могла оказать большой услуги русской проповеди, возвысить ее предметы, усилить и облагородить мысли. Напротив, церковно-славянская речь, отстаиваемая книжниками как священная принадлежность слова, вредила успеху проповеди; нескладными выражениями и запутанными периодами она затемняла смысл речи и охлаждала впечатление предмета. Неряшливое изложение мыслей, чуждое логических приемов, – анализа, синтеза, последовательности и доказательности, окончательно роняло проповедь. Рассеивая ум по многим предметам, набросанным в кучу, без всякого плана, оно лишало проповедь целостности, определенности, оригинальности, и утомляло бесполезными повторениями, обширным разглагольствием. О декламации, искусном произношении, скрывающем недостатки содержания и изложения, в древности не могло быть и речи. Аскетизм проповедников, преследовавший выказность и «упеменение истины», не допустил бы такой роскоши на кафедре. Внешняя обстановка или почва историческая не благоприятствовала успеху и развитию проповеди. Недостаток школ, необразованность духовенства, скудость просветительных пособий, при обширности земли и ценности письменных произведений, делали назидание недоступным для большей части населения России. И только свидетельство летописей о проповедничестве многих аскетов и миссионеров дает право заключать о большей распространенности проповеди и влияния ее на жизнь, нежели как это поясняют литературные памятники. Впрочем, скудость и малодоступность проповедничества значительно восполнялась

жизнью аскетов, пояснявших свое слово добрыми делами, подвигами добродетели. При таком направлении и обстановке проповеди ее высокое учение не могло вполне привиться к грубому чувственному народу. Оно привилось к нему внешнею, обрядовою стороною, понятною чувствам, а не духом христианским, едва постижимым и трудно уловимым, особенно без помощи науки. Поэтому в народе уживались всевозможные противоречия, – с подвигами благочестия соединялись предосудительные пороки, недостаток честности и самообладания. Предрассудки и суеверие, освященные преданием и духовными книгами, окончательно сбивали с толку и извращали нравственность.

При всех заблуждениях и недостатках, православная Русь, под влиянием аскетизма, взлелеянного проповедничеством, выполнила свои задачи, которые имеют отношение к современности и служат указателем дальнейшего развития русской жизни и науки. Указания истории, как завещание старины, обязательны для новой России, поворотившей, с XVIII века, на путь европейской цивилизации, сглаживающей нашу народность и православие. А этот вопрос заслуживает полное внимание, если мы не желаем безгранично увлекаться новизною учений, отречься от своей народности и быть «недостойным орудием Провидения» в назначенной нам цели. Тяжело гадать: не сделается ли Русь когда-нибудь из православной либеральною? По крайней мере древняя Русь не была такою.

Древняя Русь, под влиянием аскетизма, была хранилищем православия и нам передала его в целости, – в этом отношении заслуга ее неоспорима. Русь держала веру, как залог спасения, лучший дар Божий. За эту веру она пролила много пота и крови. Все претензии чужих национальностей на Россию мужественно отражались во имя веры, освящавшей общественную и семейную жизнь народа. Все войны с соседями начинались во имя расширения и защиты православной земли. Держась за веру со всею крепостью здоровой, хотя и грубой силы, предки естественно увлеклись ригоризмом, нетерпимостью, привязанностью к азам, букве закона. Мудрено было бы

поступить иначе, при их невежестве и ревности к благочестию. Этою ревностью к закону Русь оправдала свое, призвание, объявила себя достойным орудием Провидения, в простоте ее смысла и сердца. Не даром же она удивляла иностранцев своею твердостью в вере, и заслужила название «святой, православной». Самые аскетические характеры, выступавшие на всех поприщах жизни и удивлявшие крайностью своего направления, были следствием аскетического строя жизни общественной и семейной, плодом общего одушевления божественною верою. И эти аскеты, стоявшие на всех ступенях жизни и на верху общественной лестницы, подавали всем пример благочестия. В этом случае религиозное общество на наличный нравственный капитал получило законные и богатые проценты. Эту веру, дорого стоившую предкам, соблюденную невредимо в течение 700 лет, мы должны хранить свято и передать потомству. Мы должны делать это, пока в силах, или вернее: пока Бог не сдвинул светильника веры с места своего. Притом же, под словом: «мы», в особенности разумею цивилизованное общество, отшатнувшееся от церковных уставов. Простой народ доселе держится древнего благочестия. Печать аскетизма не сглаживается в нем никакими реформами. Люди среднего и низшего сословия доселе живут по указанию Домостроя. Древняя набожность у них проявляется на каждом шагу. Те же молитвы и посты, иконы в переднем углу, лечение болезней водою с икон и проч. А в среде раскольников мы находим самую букву Домостроя; здесь даже говорят языком Домостроя. Отступление, от его правил, освященных древностью, почитается своеволием и беззаконием. Реформы и гонения только усиливают обязательность Домостроя. Остается воспользоваться этим обрядовым благочестием народа, дать ему более разумное направление.

Древняя Русь, под влиянием аскетизма, сделалась провозвестником христианства и цивилизатором диких племен. В этом отношении заслуга ее еще выше; обязательность продолжения начатого ею дела не подлежит никакому сомнению. Выполнив с успехом задачу миссионерства, Русь довершила свое благочестие, показала отличную ревность к

вере. Она принесла бесчисленные жертвы в пользу христианства и православия. Без средств, без поддержки обществ и правительства, она провозгласила евангелие до пределов восточного океана, освятила тысячи народностей, улучшила их быт и состояние. Невозможно исчислить всех жертв, принесенных нашими аскетами, в пользу христианства. Пример главных миссионеров – Стефана, епископа пермского, и Филофея митр. тобольского, жертвовавших собою для спасения ближних, убеждает в трудности этого служения. Приблизительный итог душ, обращенных в древности в христианство, свидетельствует об энергии и заслугах древних миссионеров. Из смешанного населения России, показанного в начале XVIII века в 12,000,000 душ, к концу века числилось 4,000,000 инородцев, – почти треть населения. Только аскетизм, одушевлявший проповедников на подвиги самоотвержения, мог одолеть преграды, поставленные судьбою, к объединению и освящению народностей России. С XVIII века правительство и общество взяли на себя миссионерское дело, и оно ведется с большим успехом.

Выполнив с успехом свои задачи, под влиянием аскетизма, древняя Русь завещала и нам продолжение их, как дело неоконченное, нам, водящимся европейскими началами об улучшении жизни, предпочитающим практические цели внушениям аскетизма. И мы должны выполнить завещания старины, не смотря на иные руководственные начала, чтобы не отказаться от своего призвания. Мы должны соблюсти православие, поскольку западные народы считают нас хранителями чистой веры, и передать его потомству. Мы должны благодетельствовать верою и цивилизацией восточные народы, угнетенные суеверием и нищетою. И дома, внутри России, предстоит много забот в этом отношении. Надобно поднять нравственность народа и на готовом основании, религиозности внешней, воздвигнуть дух христианства. Только ныне, при успехах просвещения и перемене всего строя общественной жизни, можно внушить народу, что внешняя религиозность, без самообладания, честности, исполнительности христианского долга, не приносит большой

пользы, и подвергается осуждению. Ныне время искоренить заблуждения и предрассудки, угнетающие дух народа и вредящие его нравственности. Науки естественные и приложение их к жизни не напугают никого и окажут содействие религии⁶⁵⁸.

При этом деле возьмем в руководство приговоры литературы относительно недостатков древнего благочестия и суеверия народа. «Вековое развитие религиозно-нравственного чувства, укоренение одной веры, сверхъестественного учения, были причиной того, что народ погрузился в вредные предрассудки и суеверия. Без умственного развития и самая нравственность, воспитанная византийской иффикой, являлась большею частью бессмысленной (?!) формальностью. Издавна русские люди, вследствие неразвитости ума, позволили себе всякие пороки: воровали, грабили, делали насилия слабым, нагло обманывали в торговле и контрактах, плутовали, постоянно стремились нажиться неправдами на счет чужого труда, – и все это прикрывали формальной наружностью византийской нравственности, успокаивали свою совесть тем, что усердно ходили в церковь, в праздники гуляли и пьянствовали, в церкви и дома усердно клали земные поклоны, ставили свечи перед образами, делали щедрые вклады в церкви и монастыри. Вообще, при неразвитости ума, в одежде византийской нравственности, сплошь и рядом открыто, азиатски-чванно господствовало наружное благочестие, извращенное всякими пороками»⁶⁵⁹. «Постом и милостынею многие ограничивали свою праведность, и оставляли без внимания правду, целомудрие, воздержание, терпение и кротость. Соблюдая пост, не думали воздерживаться от грубых страстей. Принимая в дом странников, больных, нищих, делая пожертвования в церкви и монастыри, многие позволяли не малые обиды и несправедливости»⁶⁶⁰. Самые церкви многие созидали по тщеславию, обольщаемые откровениями⁶⁶¹. «Привязанность к форме, обряду, отразилась в жизни общества. Добродетелями времени были: частое присутствие при богослужении, строгое соблюдение постов, почитание икон, мощей, вклады в монастыри, построение церквей, раздача

бедным пищи и денег, путешествие к св. местам. Но истинное религиозное чувство, которое оживляет обряд, преобразует нравственную жизнь, было мало развито»⁶⁶².

Так сложно и обширно приложение нашего исследования к современной жизни. Оно не менее сложно и в приложении к науке о проповедничестве, как в его содержании, так и изложении. Древнее проповедничество дает нам поучительный урок относительно направления проповеди в ее содержании. Содержание проповеди было нравственно-аскетическое, как более подходившее к нуждам времени. Этот опыт служит указателем направления и духа современной проповеди. Так как народ недалеко ушел от древних обычаев, то и ныне чувствуется потребность в нравственном учении; только это учение необходимо поставить в условные границы, применимые к жизни, чуждые ригоризма и аскетизма. При возникающем сознании общества дисциплинарность, опутывающая каждый шаг человека, может убить религиозное чувство, иссушить сердце. Нет нужды из любви к Богу проводить мрачный взгляд на жизнь. С этой любовью совместны добрые отношения к миру и людям, к благам земным и к самому себе. Со смирением и самоотвержением можно согласить уважение к себе и своим достоинствам, заботу о чести, мнении людей, общественных преимуществах и счастии. Догматическая проповедь, ознакомляющая с курсом богословия и поощряемая ныне конкурсами, оказалась непригодною. Народ, не привыкший к богословским отвлеченностям, тяготится ими, и, кроме того, не посещает церкви методически. Это сознано духовенством и заявлено в печати.

Древняя проповедь с нравственными учением соединяла практические истины; и в этом отношении она служит для нас примером, хотя несовершенным. Практическая проповедь требует ныне полного развития. Полагая в основание, проповеди нравственные истины, учение об обязанностях, добродетелях и пороках, надобно исправлять недостатки нашего времени и общества. Недостатки эти состоят в умственных заблуждениях относительно веры, охлаждении к церкви и добродетелям христианским, и особенно замечаются в

цивилизованном обществе. Эти недостатки бесконечно разнообразятся по областям, приходам, и особенно по сословиям, как это замечено в «Очерке». В простом народе преобладает чувственность, греховность плоти, упрямство, буйство, суеверие; в чиновничестве – преступления по службе – кляузы, взяточничество, подделка документов, растрата имущества; у купечества – фальшивые обороты в торговле, подделки, утайки, контрабанда, плутовство; у дворян и военных – препирательства о чести и правах, ссоры, наезды, обиды, грабежи и насилия, у духовенства – корысть и святотатство. В нынешнее время в дворянстве, под влиянием европеизма, развиваются вольнодумные взгляды на религию, добродетель и порок, неуважение к обрядам и постановлениям Церкви, кощунство, страсть к наслаждениям, игре и расточительности. Вследствие чувственного направления общества, под влиянием европейской цивилизации, и как симптом начинающегося материализма, ныне проявляется ненависть к аскетизму и сословию монашества. «Мы видим, говорит некто, столкновение идеалов монашеских с идеалами светских людей, которые селятся отстоять за собой права на жизнь в вольном свете, а не в монашеской келье. Советы духовных лиц были полезны князьям, по некоторые из этих советов были в высшей степени непрактичны. Князья не могли исполнить их, не сделавшись монахами. Положение князя делало для него неудобною созерцательную жизнь в слезах и посте. Он (Владимир Мономах) примиряет обязанности княжеской жизни с требованиями христианскими. Указывая на ночь, как на удобное время для земных поклонов, князь оставляет за днем добрые дела, поставляя их на первый план»⁶⁶³. Уступая времени в его разумных требованиях, в должном применении христианского закона к условиям жизни, мы должны быть строги в обличении крайних взглядов. По примеру старины мы должны отстаивать аскетизм и представителя его – монашество, как противоядие материализму, противовес философским увлечениям. Хотя монастыри изолированы с обществом, но они нужны, как школы благочестия, завещанные древностью. Поддержанный ими аскетизм пригодится против модных обычаев, разложения

нравов, и особенно в критические минуты, для подъема народного духа, по старой доброй памяти. Кроме того, монастыри имеют общественных представителей и полезных деятелей в лице ученых монахов. Монашеством в особенности поддерживается тип святой, православной Руси. С уничтожением монашества на Руси, по образцу европейских держав, она утратит свой тип и сделается земным обществом, лишенным благодати.

В отношении внешней логической формы древняя проповедь не может служить образцом; но она дает хороший урок относительно школьного предрассудка, опутывающего современную проповедь схоластикой. Древняя проповедь, не умея справиться с мыслями, их внешним расположением, соблюдала логику здравого смысла; она говорила зараз о многих предметах, существенно необходимых для слушателей. Этим предпочтением содержания форме она обличает нынешнюю проповедь, жертвующую существом дела логической форме. Нынешняя проповедь, следуя латинским образцам, в основание проповеднического искусства полагает тему, взятую по приказу, или на удачу, Развитие темы, условленное подразделениями, не заботится о жизни, ее стремлениях и недостатках. Представляя стройное сочинение по форме, такая проповедь отличается бессодержательностью, однообразием, утомительными повторениями и неприложимостью к жизни. Самый обыкновенный логический прием, уронивший нынешнюю проповедь, состоит в раскрытии евангельских повествований и притч, всем известных, в перифразировке и разбавлении их обилием синонимических речений. Множество слов, поучений и бесед, составленных по логической форме, носят печать школьной фабрикации, на подобие стальных перьев. Нет в них оригинальности, самобытности и жизни. Необходимо соединить практический смысл древней проповеди с логическою формою новой. Правильное сочетание состоит в выборе одного или нескольких предметов, относящихся к жизни, и в последовательном развитии их. В этом случае жизненный предмет дает естественную форму, а не форма логическая дает искусственное содержание. Учение о темах и разъяснениях

повествований надобно бросить. Школа, погруженная в теории и системы, не имеет возможности, досуга и привычки заняться действительною жизнью. Пока она не сблизится с миром, она не может быть истолкователем его нужд и стремлений.

Древняя проповедь дает нам урок и относительно слововыражения. Созданная книжниками, она не могла получить надлежащего развития в своем выражении, как не получила его и в других отношениях. Как разъяснение божественного учения, проповедь, по понятию книжников, должна облекаться в церковнославянскую речь. «Я думаю, говорит Зиновий Отенский, что это лукавое умышление христорборцев (!), или грубых смыслом, чтобы уподоблять или низводить книжные речи от общих народных речей. Гораздо приличнее, я думаю, исправлять общие народные речи книжными речами, а не обещивать книжные речи народными. Поэтому не следует говорить: жду, а чаю воскресения мертвых»⁶⁶⁴. Подобные взгляды на славянскую речь инок Вишневского, порицавшего науки, известны. Этот предрассудок темных веков держится доныне. Многие желают соблюсти славянскую фразеологию, поддерживающую отрешенность мысли от живых предметов, как святыню. Сведения об этом предмете, как и вообще о недостатках русской проповеди, изложены в «Русском Проповедничестве»⁶⁶⁵. Но церковная и житейская практика вытесняет подобные предрассудки. Заменяя славянские формы живою речью, она показывает, что выражение, как и изложение проповеди, подлежит усовершенствованию. В самом деле, родной язык, лежащий в основе образования, должен быть господствующим и в проповеди. Он один даст нам не только формы речи, но и знаки вещей, со всеми их оттенками, понятными из детства. Живой язык даст нам в своих оборотах логическое и художественное содержание вещей, вложенное в них гением народа. Как бы ни был богат чужой и мертвый язык, он не может заменить языка живого, как не заменят опавшие листья живой зелени, сияющей цветами.

История древнего проповедничества, греко-русского и латино-русского (о коем речь впереди), выясняет нам религиозную жизнь народа, в связи с гражданскою, возвышение

и упадок ее под влиянием церковного слова, и начертывает путь к дальнейшему совершенству, развитию общественной жизни. Вместе с тем она выясняет судьбу проповеди, постепенную усовершенствость ее содержания, формы и выражения; предохраняет от заблуждений и предрассудков школы и партии относительно неприкосновенности состава проповеди, освященного церковной практикой. Важнейшая заслуга истории проповедничества состоит в изъяснении нравственных обязанностей христианина, отсечении ригоризма и применении нравственного закона к практическим целям, возвышающим общество. Ибо заметно большое различие в поведении людей, руководимых слепой, или разумной верой. Залог высокой нравственности заключается в свободе исследования. «В различных областях одного народа примечается великое противоположение в общежитии людей по мере того, как просвещение покровительствуется, или утесняется. Между тем как в католических областях немецкой земли народные понятия омрачены грубостью невежества и суеверия, протестантские земли, где царствует разумная свобода в разбирательстве мнений, отличаются общим распространением просвещения и благонравия»⁶⁶⁶. В этом смысле, как продолжение истории проповедничества и вывод из него, необходимо специальное сочинение «о недостатках современного проповедничества в его теории и практике»⁶⁶⁷.

Примечания

¹ - Рецензии на книгу «Русское Проповедничество» высказаны в духовных журналах следующие. – В «Христианском Чтении» за август 1872 г. Этот обширный труд есть первый опыт в нашей литературе исторического обозрения русского проповедничества. Автор внимательно изучал памятники церковного учительства, и собранный таким образом материал он располагает по–своему, весьма удачно составленному плану. Трудность задачи и новизна дела, громадная масса материала, который надлежало переработать, служат причиной, что историческое обозрение иногда переходит в беглый, и общий обзор, иногда о предметах важных автор говорит вскользь и мимоходом и распространяется о мелочах... Со многими замечаниями его можно не соглашаться, и вообще нельзя сказать, чтобы вопрос был решен вполне и окончательно; но в тоже время есть не мало замечаний вполне удачных и верных. В «Воскресном Чтении» за январь 1872 г. «В гомилетическую литературу нашу внесен замечательный вклад книгою, заглавие которой написано («Русское Проповедничество»); и тем замечательнее, что она представляет первый и единственный опыт – по истории проповедничества. В недавнее время введено в систему семинарских наук преподавание истории проповедничества, и вот уже мы имеем почтенную книгу, специально трактующую об этом, представляющую исторический обзор русского проповедничества и взгляд на современное его направление. Книга представляет довольно удачную попытку привести в некоторую систему еще мало разработанные и довольно скудные материалы русского проповедничества. Историю русского проповедничества с таким же правом можно разделить на четыре, на пять и даже больше периодов, с каким она разделена на три. На основании того же материала одинаково справедливо можно говорить и об отсутствии всякого влияния русской проповеди на народ и, как представляет автор преувеличенно, видеть все доброе в русском народе, как

следствие благотворного влияния проповеди. Тем не менее большой спасибо автору книги за его труд, полезный во многих отношениях для специалистов сего дела, для проповедников и читателей, ищущих назидательного чтения. Кроме решения современного жизненного вопроса о проповеди (попыток к решению), автор справедливо замечает, что читатели найдут в истории русского проповедничества нравственные уроки. В «Страннике» за октябрь 1871 г. «Автор, как специалист гомилетики, увлекающийся своим делом, не строго отнесся к своей задаче. Допустивши неопределенность и произвольность в понимании проповеди, он не дает строгой, последовательной системы, в которой части и отделы представляли бы неуклонное развитие основного понятия, стройное целое. Он больше следит за внешними, гомилетическими достоинствами проповеди, чем за отношением ее к жизни. А как с этой стороны проповеди представляют весьма много достоинств, а у некоторых проповедников прекрасные образцы ораторского искусства: то автор невольно придает им великое значение для жизни народа. В конце книги автор посвящает целый отдел вопросу о современном направлении проповеди. Эта весьма обстоятельная и дельная компиляция является в книге, как отдельное, самостоятельное исследование. Труд почтенный и довольно полный с той стороны, с какой посмотрел на дело автор. С гомилетической стороны обзор сделан обстоятельный; в некоторых местах книги являются интересные очерки времени, и материалом книга весьма богата. При этом рецензент сделал весьма дельное разъяснение программы истории русского проповедничества, чем значительно облегчил труд историка. Намек его на аскетический идеал жизни древней Руси и таковой же характер проповеди составляет заслугу науке. В «Руководстве для сельских пастырей» за февраль 1873 г. «Не спорим, что проповедь в общем своем виде должна быть такою, какою представил ее автор очерка проповедничества; но полагаем, что в известные времена она должна принимать особое направление. Церковная проповедь может также изменяться в своем направлении, как изменяется общество в умственном и нравственном развитии. Эти-то изменения автор

и должен был отметить в своем очерке. К сожалению, автор, задавшись, целью собрать проповеднический материал и свести литературные отзывы о нем, опустил из виду эту живую сторону своего очерка. Из замечаний, мимоходом высказанных (им), при внимательном отношении к делу, он мог бы составить целую историческую картину развития русской проповеди. Кроме главного недостатка допущено довольно (и других). – При начале; обзора III периода внутренним признаком его автор поставил то, что «проповедь в нем излагала нравственное учение и утверждала народ в христианских добродетелях»; а в заключении обзора периода говорит, что в III периоде русские проповедники почти нисколько не занимаются нравственными недостатками народа. О недостатках подобного рода не станем распространяться. В последнем обвинении мы видим недоразумение. Нравственное учение о добродетелях составляет отвлеченную проповедь; учение о недостатках народа, противных христианским добродетелям, – практическую проповедь. Это же и объяснено на 386 странице «Русского Проповедничества»; «если кто из проповедников и заговорит о корыстолюбии, обмане, краже, сквернословии, пьянстве и т. под., то как-будто невзначай, урывками, в конце слова, без надлежащего анализа и разъяснения народу всего безобразия порока». Во всяком случае рецензия полезна в том отношении, что выяснила важность изложения внутренней жизни народа в истории проповедничества. В «Церковной Летописи» за ноябрь 1871 г. «Появление Русского Проповедничества» вполне современно, и по своей задаче отвечает самым настоятельным потребностям духовной литературы. План сочинения совершенно естественный... Автор коротко резюмировал свои первоисточники; но в большинстве случаев читатели найдут достаточно данных, чтобы судить о приемах, которыми пользовался какой-нибудь проповедник... О свойствах практической проповеди он не говорит подробно, но сгруппированные им мнения различных писателей достаточно уясняют этот вопрос, и могут быть существенно полезны для многих наших молодых проповедников, которые не успели развить в себе хорошего навыка к проповеди. Здесь же

читатели найдут много дельных соображений о лучшей постановке нашего проповедничества, со стороны содержания, формы и языка. Мы сильно сомневаемся, чтобы автор настоящим трудом мог предохранить русское проповедничество от застоя и ложного направления. Тем не менее рассматриваемое сочинение может быть очень полезно множеством фактов и мнений о реформе русской проповеди, которые старательно сгруппированы в этом труде. Наши молодые пастыри могут извлечь из этого сочинения много полезного. Каковы бы ни были отзывы этих и многих других рецензентов, во всяком случае разнообразие их суждений и требований показывает, с одной стороны, крайнюю потребность исторического руководства по русскому проповедничеству, с другой стороны – трудность выполнения этой задачи, особенно при новизне ее и не разработанности, и с третьей стороны содействует к установке правильного взгляда на предмет. Такое сочувствие современной литературы, а вместе с нею и жизни, к истории отечественной проповеди, вызывает полезных деятелей на это новое поприще науки.

² - В приведенной рецензии «Странника» (стр. 80) сказано: «деление проповеди на догматическую и практическую нам кажется не весьма существенным; догмат и нравственность в христианстве неразрывно связаны между собою». Под догматом разумеют и правило веры и правило деятельности, следовательно учение теоретическое, отвлеченное (θεωρεω взвешиваю, θεωρία созерцание, теоретическое знание, θεωρημα теорема, правило). Теории противопоставляется жизнь, с ее явлениями (πρασσω поступаю, πραξις дело, польза, πρακτικος действительный, практичный). Конечно и ереси – явление жизни. Но пока ересь вращается в отвлеченной сфере догматического учения, напр. в неправильном толковании таинства брака, она – произведение умственной жизни, отвлеченное учение, теория. Если же ересь сопровождается фактами действительной жизни, – гражданские браки, – она делается, так сказать, предметом реальным, и обличение подобных фактов составит практическую проповедь.

³ - Труды киев. Акад. 1870 г. июнь, 665.

⁴ - Замечательнейшие ереси в греческой Церкви, особенно с IV века, должны быть известны каждому образованному человеку.

⁵ - Уже во время первых крестовых походов быт Константинополя и его смешанное население произвели на европейцев неблагоприятное впечатление. Спутник Людовика VII Одон, человек много видевший и непохожий на путешественников, которые все хвалят, или порицают, оставил любопытную заметку о тогдашнем Константинополе. «Город грязен, вонюч и во многих местах постоянно темен, так как дворцы богатых покрывают улицы, оставляя бедным и иностранцам грязь и потемки. Во тьме совершаются убийства, грабежи и другие преступления. В городе столько господ, сколько богатых; столько воров, сколько бедных. О законе петь и речи, и ни у кого нет ни страха, ни совести, так как порок не наказывается и даже не выходит на свет». В. И. Шлос. VII, 150.

⁶ - Войдем в жилище их, где они живут вместе, и предположим сначала, что сестра из бедных. По бедности она должна трудиться сама, а возле нее священник; у них общее жилище, общая комната, общая мебель. Скажите же, какое зрелище представит вам такое жилище человека, призванного к уединенному созерцанию? По стенам висят женские одежды, пояса и головные уборы, в комнате виднеются прялка, веретена и станок для тканья, по углам стоят корзины с запасами шерсти и льна, тут же разбросаны гребни и щетки... вот обстановка и украшение жилища священника! Сюда прибегают поработать или поболтать с его сожительницей соседние женщины или служанки, раздается грубый смех, в нем принимает участие сам хозяин, толкуя с ними о льне, веретене и пряже, уподобляясь им; иногда приятельницы побранятся, или слуга забудет уважение к своей госпоже, – священник бежит восстановить тишину и порядок... Как хорошо идет такая жизнь к заботам о спасении души! Предположим теперь, что духовная сестра богата: для священника настанут другие условия, для его жилища другая обстановка, для его жизни другая, беда. Светская матрона менее требовательна и взыскательна в комфорте, чем эти богатые девы, –и священник должен между

тем угождать им. Вот он сначала бежит к серебряных дел мастеру узнать, – готов ли сервиз, хорошо ли трюмо, поспеет ли вовремя амфора для вина или сосуд для масла; от него он спешит к парфюмеру, так как подобные девственницы очень любят разные дорогие мази, и объясняет ему, какие нужны именно для его дамы; отсюда он торопится к продавцу тканей, к башмачнику, к фабриканту полотен и ковров. Везде он бегают, торгуется, спорит о цене, расточает мелкие хитрости покупателя перед продавцом ..., – и вот целый день для него проходит в такой беготне из лавки в лавку, душа его не в церкви, она вся на рынке. Но вот время идти в церковь... Сколько и здесь новой хулы, новых скандалов! Священник толчется у дверей, в ожидании своей дамы и, когда она приходит, проводить ее вперед, подобно ее евнуху или слуге, встречая на пути всеобщие улыбки; иногда он не только не стыдится, но даже гордится этим. Во время совершения высочайшей службы священник оборачивается к ней, разменивается с ней взглядами, –и все это происходит пред лицом Бога и верных. Наконец эти женщины имеют страсть мешаться во все, смело касаясь церковных вопросов и повсюду рассевают смуты. Сколько добрых дел и святых мыслей пропало чрез них! Пусть напр. посмотрит кто-либо на них косо, –тотчас чело священника хмурится от гнева и сердце его исполняется злобою. О, братья мои, прошу и умоляю вас, –оставим это постыдное рабство, возвратим свое самообладание, как следует священствующим лицам, придем наконец к сознанию той высокой чести, какой удостоил нас Бог, сподобив быть его служителями. Ап. Павел сказал: «не будьте рабами людей», а я вам скажу: перестаньте быть рабами женщин, увлекающих вас с собою к гибели. Спаситель хочет, чтобы Его воинство состояло из мужественных и крепких воинов; Он дал нам духовное оружие не для того, чтобы мы становились прислужниками этих жалких дев, с их прялками и веретенами! Наше призвание бороться, при помощи неба, с таинственным могуществом и воинством духа тьмы; для этой-то борьбы Бог дал нам оружие правды, препоясал наши чресла препоясанием истины, возложил на нашу голову шлем спасения, на наши ноги сандалии апостолов, и сказал нам:

«идите и проповедайте народам». Представьте напр., что вдруг слышится шум, неприятель делает приступ к нашему городу, и труба сзывает защитников на стены; все бегут туда, кроме одного воина, который запирается в своем жилище, сбрасывает свое оружие и садится у ног женщины. Как бы вы посмотрели на такого воина? Не разломали ли бы вы его двери и не поразили ли бы вы его своим оружием? Такое-то именно чувство испытываю я, смотря на вас; нужно торопить вас, так как сообщество женщин быстро изнеживает человека. Свиристый лев, если ему остригут гриву, вырвут зубы, обрежут когти, становится постыдным и смешным, его ведет ребенок и он только напрасно рычит: так и священник, разоблаченный от своего духовного оружия, становится женщиной, живя среди жен. А что же будет, кроме того, если священником овладеет любовь к этой девице, которая день и ночь пред его глазами, день и ночь с ним? если его станет мучить ревность и борьба страсти с долгом? Что будет, если долг уступит страсти, ибо можно предполагать все? Тогда он не посмотрит уже ни на что, и в этом приюте священника и девственницы может появиться скоро повивальная бабка» ...

⁷ - Теплота, вызывающая богатство растительной и животной жизни, возбуждает нервную систему, развивает воображение, роскошное слово, богатое метафорами и нежными звуками, с преобладанием гласных литер. Холод производит обратные действия на жизнь, воображение и слово; в языках северных народов преобладают жесткие звуки, согласные литеры, в проза. Простая фраза: «я промок» выражается, по мере приближения к экватору, более энергично, цветисто и нежно, на разных языках: «я промок до кожи», – «до костей», и т. д.

⁸ - Сам Лютер сознавался, что понимать Св. Писание – трудное и великое дело. Что может быть понятнее и проще следующим слов: «сие есть тело мое». Но Беллярмин насчитал до 200 толкований на эти слова!

⁹ - Т. стр. 125.

¹⁰ - Русск. Пропов. стр. 400.

¹¹ - Всем. истор. Шлос. IV, 433, 455. V, 2–14.

¹² - Рассказы из ист. хр. Церкви. III, 74.

¹³ - По уставу афонскому, Феодора Студита и друг., за порчу казенной вещи—книги, посуды, за разрешение рыбы в пост и т. д. назначались продолжительные посты, сотни поклонов и проч. Уставы западного монашества, отличались чисто военной строгостью. «Самым обыкновенным наказанием было телесное, которое присуждалось за самые ничтожные проступки, – Кто во время обеда забывал, перекрестить ложку, получать шесть ударов; кто ронял лампаду, – двенадцать; забывал зажечь ее, – двадцать пять» Вс. И. Шлос. V, 235.

¹⁴ - Жизнь Даниила столбника в Четьи-минеи, 11 декабря; жизнь Симеона столбника 1 сентября, и в книге «Боголюбцев» – Феодорита, епископа кирского.

¹⁵ - Ист. Росс. Солов. XVIII, 203.

¹⁶ - Татищ. Ист. Рос. 1, 38, 11, 79.

¹⁷ - Ист. Христ. в России.

¹⁸ - Ист. рус. Церк. пр. Мак. 1

¹⁹ - Ист. рус. Цер. пр. Фил. 1.

²⁰ - Ист. рус. Цер. пр. Мак. II, 207. III, 219. V. 246 и дал.

²¹ - Прав. Соб. 1855. 1, 34.

²² - Ист. Рус. Слов. Порф. 153. На многих проповеднических сборниках древней России остались надписи, свидетельствующие об именах их владельцев, цене книг и перепродаже их в разные руки. Из этих надписей видно, что владельцами подобных книг была люди духовные и светские. Писатели, часто упоминаемые в Очерке: Никон черногорец, грек, инок, постригся на Черной горе, близ Антиохии. Составил Пандекты по примеру Пандект Антиоха, в руководство братии, при императоре Константине Дуке... Олеарий, посланник Фридриха герцога голштинского, собрал точные сведения о Московии, в 1634 г. Сочинские его, верно воображающее политическую жизнь московского и персидского государств, имело 4 издания, и переведено почти на все европейские языки... Котошихин, дьяк посольского приказа, написал «повествование России», около 1665 г.; в нем верно

изобразил почти все стороны русской жизни, со всеми ее недостатками... Крижанич – серб, католический священник, написал: «Русское государство в половине XVII в.». В 1660 году сослан в Тобольск. В сочинении своем он подробно рассмотрел политическую и частную жизнь России, причины ее недостатков, и указал средства к исправлению их. Прав. Обзор. 1870 г., январь, февраль.

- 23 - Путеш. Стеф. и Игнатия. Хр. Чт. 1853 г. II
- 24 - Приб. К Твор. Св. отцов 1853 г.
- 25 - Ист. Росс. Солов. XIII, 131–133; XVI, 17.
- 26 - Там же VII, 193.
- 27 - Рук. для сельск. паст. 1873 г. № 18.
- 28 - Ист. Росс. Сол. VII, 131. XI, 65–67.
- 29 - Ист. Гос. Росс. Карам.
- 30 - Ист. Росс. Сол. IV, 246.
- 31 - Ист. Гос. Рос. Карам. IV, 166–167, V, 143–144.
- 32 - Ист. Росс. Сол. IV, 249.
- 33 - Ист. Росс. Сол. XIV, 312.
- 34 - Всем. Ист. Шлос. XIII, 399, 400.
- 35 - Ист. Карам. IV, 27.37.
- 36 - Ист. Росс. Сол. III, 209
- 37 - Там же. III, 363, 364.
- 38 - Там же. VI, 301.
- 39 - Там же. VII, 190, 191.
- 40 - Там же. VIII, 439.
- 41 - Там же. IX, 101.
- 42 - Там же. VII, 418.
- 43 - Там же XIII, 98, 301.
- 44 - Ист. Рос. Сол. XI, 272.
- 45 - Там же. IX, 412.
- 46 - Ист. Рос. Сол. XIII, 12.
- 47 - Ист. Рос. Сол. XIII, 159.
- 48 - Там же. XIII, 157, 158.
- 49 - Котош. 125.

- 50 - Ист. Рос. Сол. IX, 95.
- 51 - Всем. Ист. Шлос. XIV, 167.
- 52 - Ист. Росс. Солов. VIII, 439.
- 53 - Ипат. лет. 206–219. Акт. юрид. I, № 86.
- 54 - Ист. Карам. I, 34. Ист. Росс. Сол. III, 54.
- 55 - Ист. Росс. Сол. I, прим. 71.
- 56 - Рус. проп., стр. 70.
- 57 - Ист. Рус. Цер. Знам. 289.
- 58 - Рус. проп. 204, 203.
- 59 - Ист. Рос. Сол. V, 345.
- 60 - Ист. Карам. I, прим. 121.
- 61 - Истор. Росс. Сол. I, 54.
- 62 - Пол. Собр. зак. № 5761.
- 63 - Полн. Собр. Закон. № 4939, 5023.
- 64 - Князь долгорукий жаловался, что князь Ромодановский бил его и скверно лаял. Кулачные схватки вельмож часто случались в нетрезвом виде... 1743 г. подана жалоба на Ломоносова, что он пьяный бесчестил профессоров академии и показывал поносный знак – кукиш... И.Р. Сол. XVIII, 185. XXII, 296.
- 65 - Полн. собр. зак. № 1489.
- 66 - Акты истор. V, № 75
- 67 - Ист. Росс. Сол. VII, 254.
- 68 - Там же. X, 266.
- 69 - Педаг. усл. разв. рус. нар. 24.
- 70 - Die Russen. Moritz Masson. 1865.
- 71 - Педаг. усл. разв. рус. нар. стр. 130.
- 72 - Густын. лет. 344–345.
- 73 - Ипат. лет. 202.
- 74 - Истор. Очерк. Буслаев. 34–45.
- 75 - Сборн. Гр Строгон.
- 76 - Отеч. Записк. 1869 Сент., 113.
- 77 - Ист. Росс. Сол. XI, 342.

- ⁷⁸ - Там же, XVII, 211.
- ⁷⁹ - Прав. Соб. 1853 г., Февр. 210. 1859 г., Апр. 395.
- ⁸⁰ - Всем. Ист. Шлос. VII. 145.
- ⁸¹ - Там же. VI, 67.
- ⁸² - Там же. V, 317–320.
- ⁸³ - Впрочем, о форме и произношении древнего проповедничества мы имеем сведения очень скудные.
- ⁸⁴ - Опис. славян. рукопис. II, 5.
- ⁸⁵ - Ист. Очерк. Бусл. II, 231.
- ⁸⁶ - Основание мнению о 7000-летию мира находится в послании Варнавы, апокрифическом. В этом послании время существования мира сравнивается, символически, с днями творения. Мир, сотворенный в 6 дней, должен закончить свою историю в 6000 лет. В 7-е тысячелетия назначен суд миру и покой, и затем должна наступить новая жизнь. Это мнение породило два ожидания кончины мира, по истечении 6 и 7 тысячи лет. Греческие отцы (св. Ириней, Григорий Нисский) число 8 считали символом или началом вечной жизни. Поэтому греческие пасхалии оканчивали счисление лет 7000 годом, и в одной пасхалии за последним годом написано; «горе тем, которые доживут до конца веков». Подобное верования существовало на западе, в X веке. Католические богословы учили, что на основании XX главы апокалипсиса (в 4–6 ст.), в конце 6 тысячи лет настанет последний суд; и в это время в Европе ожидали конца миру (Ист. рус. Сл. Шевыр. IV, 79. Правое. Собес. 1860 г, III). По свидетельству Геннадия и в русской пасхалии за 1492 годом кто-то написал: «зде страх, зде скорбы!» Продолжатели пасхалии, опасаясь конца мира, выказали робость в дальнейшем расчислении годов; митр, Зосима продолжил ее на 20 лет, арх. Геннадий на 570, свящ. Агафон на 8000.
- ⁸⁷ - Допол. А. ист. 1, № 41.
- ⁸⁸ - Педаг. усл. разв. рус. народа. 24–27.
- ⁸⁹ - Опыт. культ. значения Византии, 61. 225. 336.
- ⁹⁰ - Из проп. Павла высок., неизвестного проповедника XIII в., и других.

⁹¹ - Ист. Карамз. 1, 62.

⁹² - Рус. Ист. Устр. II; 95.

⁹³ - Количество слов древнего славянского языка с точностью определить невозможно; но, по примеру всех первобытных, неводеланных языков, оно не могло быть значительным (языки диких народов обыкновенно имеют от 2 до 10,000 слов; чувашский, напр., 1500 слов). Древние словари Беринды и подобные не объемисты. Азбучный словарь – 1822 года – содержит, в себе 51,388 слов, т. е. такое количество, которое равняется словарям главных европейских языков. Но надобно наметить, что это количество совмещает два языка. – славянский и русский. Церковно-славяно-русский словарь Соколова – 1834 года – включает в себе 63,432 слова. Академический словарь церковно-славянского и русского языка – 1867 года – содержит 114,749 слов. Наконец Толковый Словарь Даля – 1864 года – обещает 200,000 слов (стр. XIII). взяв в расчет и некоторые областные наречия. Не распространяемся о словах иностранных, вводимых в русскую речь, коих накопилось до 60,000. Это громадное богатство славяно-русского языка, превосходящее все новые и древние наречия, не противоречит мнению о бедности древнего языка славянского, ибо оно скопилось веками, особенно в XVIII–XIX веке, вследствие европейского образования. Грамматические формы, установившиеся в период литературного развития славянского языка, свидетельствуют о скудости его развития и небогатом строе. Таковы, например неправильные формы склонений (разносклоняемые имена, коих окончания принадлежат разным склонениям) и спряжений (употребление будущего вместо настоящего и т. п.). Не говорим уже о музыкальности и благозвучии языка, которые зависят от его богатства и тщательной разработки; примером сего служит латинский, или даже русский язык. Благозвучию, а равно и стройности славянского языка, много вредят двойственные числа склонений и особенно спряжений. Для пояснения означенных свойств языка достаточно привести следующий оборот речи; в сердце наю горе бе в наю; или: хоцева, еже просива ваю.

- 94 - Рук. для сел. наст. 1853 г. № 23.
- 95 - Ист. Рос. Сол. XIII, 149.
- 96 - Пекар. 1, 3.
- 97 - Рум. муз. № 411,39.
- 98 - Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V, 242.
- 99 - Памятн. стар. р. лит. IV, 194–199.
- 100 - Прав. соб. 1859 г. сент., окт.
- 101 - Там же стр. 111 и 235.
- 102 - Доп. ист. акт. I, №221, 369.
- 103 - Ист. Росс. Сол. XI, 300.
- 104 - Ист. Росс. Сол. XIII, 148.
- 105 - Чт. М. общ. ист. III, №5.
- 106 - Рук. нов. соф. биб. №1,456.
- 107 - О препод. рус. словес. Стоюнина, 25, 47.
- 108 - Обзор истор. славян. литер. Пыпина. 172.
- 109 - Ист. рус. словес. Галах. 1, 83.
- 110 - Рук. сел. паст. 1858 г. № 23.
- 111 - Рук. новг. соф. биб. №1424, л. 114. 1491, л. 160–167.
- 112 - Торжественник; рук. М. Д. Акад.
- 113 - Ист. рус. цер. пр. Мак. V 242.
- 114 - Рус. проп. 107–110; разн. летописи.
- 115 - Устав св. Иос. Волок.
- 116 - Ист. рус. цер. пр. Мак. IV, 121–126.
- 117 - Рук. каз. биб. № 188.
- 118 - Жит. св. Стеф. перм., Зос. и Сав. Соловец.
- 119 - Наставление о правиле молитвенном взято из слова митрополита Фотия, в неделю православия, о посте и молитве.
- 120 - О вариациях этого слова Прав. Соб. 1859 г. генв.
- 121 - Обзор. № 72.
- 122 - Нов. соф. биб. № 49. Рук. Тол. II, № 86–269.
- 123 - «Пчела» – сборник нравственных сентенций.
- 124 - Акт. ист. 1, № 22.
- 125 - Сборник XVI в., № 322.

- 126 - Бусл. II, 62.
- 127 - Из поучений св. Кирилла Туровского.
- 128 - Ист. пр. Мак. III, 211.
- 129 - Словар. дух. писат. 11, 96.
- 130 - Пол. собр. рус. лет. 1, 79. Сбор. солов. библ. № 805. Прав. собес. 1858 г. апр. 499–500.
- 131 - Слово апостола Павла, истолк. Златоустым.
- 132 - Слово Златоуста – не лениться читать книги.
- 133 - Из слова святого Кирилла Туровского.
- 134 - Изреч. св. митр. Петра.
- 135 - Изреч. арх. св. Евфимия.
- 136 - Слово св. Григория папы Римского.
- 137 - Опис. рум. муз. 269.
- 138 - ασκησις – образ жизни, труженичество, подвижничество.
- 139 - Рум. муз. 618, 626. Царск. 153, 408.
- 140 - Подобный факт замечен и в проповедях митрополита Димитрия Ростовского. Поучение о пользе душевной помещено в прологе, 21 октября, как подходящее дню.
- 141 - Ист. Р. Цер. пр. Мак. II, 118–130.
- 142 - Сочин. Мак. Грека 1859–1862 г. II, 220, 394.
- 143 - Памят. рос. слов. XII в Толст. 215.
- 144 - Дополн. Акт, ист. I, № 180.
- 145 - Сп. слово о иноч. житии митр. Цамблака.
- 146 - Слова 11 и 12.
- 147 - Акт. Истор. 1, № 293.
- 148 - Типик определяет, вместе с церковным благочинием, правило благочестия, для монахов, духовенства и вообще христиан; за нарушение этих правил угрожает тяжкими наказаниями. «Правила св. апостол и отец, которые всякий христианин должен опасно хранить: 1) в среды и пятки целого года соблюдать пост точно так же, как и в Великий пост, кроме праздников и немощи. 2) В понедельник, среду и пяток Рождественского поста, Петрова и Успенского – пост до 3 часа

по полудни и сухоядение (хлеб, вода и подоб.). 3) В Великий пост не следует есть вовсе в первый и второй день первой недели, до среды; после обедни разрешается... Не могущие поститься первых двух дней разрешают хлеб и квас во вторник после вечерни; так поступают и старые. 4) В прочие недели Великого поста поститься по пяти дней в каждую неделю, до вечера, до 3 часа; при чем соблюдать сухоядение. В субботы и воскресения разрешается масло и вино; рыба – в благовещение и цветоносную неделю. 5) В страстную неделю должно поститься до среды, – могущим до пятка (Типик афонской горы разрешает по 1 ф. хлеба, с солью и водою, во вторник, среду и четверг). 6) Вообще во вторник, четверг, субботу и воскресенье разрешается кушать дважды, в прочие дни однажды; обед назначается в 11, 12, и 3 часу дня; кушаний от 1 до 3. 7) Готовящийся к причастию должен провести всю неделю в молитве и посте. Исповедь должна быть подробная, во всех грехах; в легких грехах должно каяться ежедневно. Количество дневнощных поклонов полагается 300, кроме полунощницы; и каждый, по силе, полагает их дома (Тип. Стр.31,32,311, 315). 8) Не слушающие предания и правил св. отцов, по правилу VII вселенского собора, подвергаются анафеме и повинны вечной муке. Не постящиеся в среды и пятки всего года, кроме немощи, а также в Великий пост, мирянин да отлучится на время от причастия, клирик да извержется сана. Монах, за нарушение поста и неурочное лакомство рыбою, кается две недели; поклонов на день и на ночь – 300». Впрочем разные уставы во многом разнятся.

¹⁴⁹ - Царск. № 185.

¹⁵⁰ - Девять поучений и посланий об иночестве. Ист. русск. церкви I, 104. Устав в житии Кирила Белозерского.

¹⁵¹ - Духов. вестник 1862 г. (рукопись XIV в.)

¹⁵² - Преп. Нила сор. Предание учеником, 1849 г.

¹⁵³ - Ист. Русск. Церк. пр. Макария IV, 215.

¹⁵⁴ - Ист. Рус. Церк. пр. Мак. IV, 85.

¹⁵⁵ - Ист. Рус. Цер. пр. Мак. IV, 59.

¹⁵⁶ - Полн. собр. летоп. V, 254.

- 157 - Ист. Акт.
- 158 - Опис. воронеж. епархии.
- 159 - Ист. Карам. IX, 741 примеч.
- 160 - Ист. Рус. Цер. пр. Мак. IV, 224.
- 161 - Жит. пр. Антония Римского правосл. собес. 1858 г.

июнь.

- 162 - Правос. собес. 1859 г. май.
- 163 - Акт. арх. эксп. 1, 258.
- 164 - Чет.-минья соловец. 23 мая, Правос. собес. 1858 г. мар.
- 165 - Сбор. солов. библи. № 826.
- 166 - Правос. собес. 1859 г. авг.
- 167 - Правос. собес. 1859 г. окт.
- 168 - Правос. собес. 1859 г. ноябр.
- 169 - Памят. стар. р. литер. IV, 119.
- 170 - Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V, 237.
- 171 - Излед. Погод. VII, 406.
- 172 - Собр. лет. V, 182.
- 173 - Правос. собес. 1859 г. июнь, 211.
- 174 - О похвальных словах русским святым, с житиями их, содержащих намеки на гражданские неурядицы, особенно в малолетство Грозного, сказано выше. Здесь достаточно повторить относящиеся к этому предмету цитаты: Рукоп. новгор. соф. библи. № 1424, л. 114. № 1491, л. 165 л. 167.
- 175 - Киевлян. III, 143.
- 176 - Румянц. № 434, 435. XI в.
- 177 - Подобное слово на перенесение мощей его, – рассказ о перенесении, о чудесах и самом празднике.
- 178 - Собран. Летоп. VI.
- 179 - Разбор слов: Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V.
- 180 - Злат-ка 57-е.
- 181 - – 55-е.
- 182 - – 41-е.
- 183 - Пролог 30 ноября.
- 184 - Там же.

185 - Разбор слов: Ист. Русск. Цер. пр. Мак. III, 127. Слова
изданы Сухомлиновым.

186 - Правосл. собес. 1859 г., февр.

187 - Ист. Русск. Цер. пр. Мак. V, 193.

188 - Ист. Русск. Цер. пр. Мак. V, 244.

189 - Ипат. 110. IV новг. 56. I иск. 181.

190 - Ипат. 47. I иск. 182. I новг. 46

191 - II иск. 55; ипат. 28, 63. I новг. 60. II новг. 227.

192 - Прибав. к твор. св. отцов, 1858 г.

193 - Изумруд, слово 95.

194 - Сбор. № 330.

195 - Сборн. Паисеев.

196 - Комч. XVI в., № 232.

197 - Приб. к твор. Св. отцов V, 30

198 - Правос. Собес. 1859 г. февраль.

199 - Румянц. XV в. № 406.

200 - Пролог.

201 - Злат-ник, слово 32.

202 - Чет.-минеи Макария 14 сент.

203 - Румянц. муз. № 437.

204 - Летоп. рус. литер. Тихонрав. V, отд. III, 91.

205 - Запис. Акад. Наук VII.

206 - Рукоп. солов. библи. № 875, л. 151.

207 - Злат-ник, слово 23.

208 - Лавр. лет. 173.

209 - Древ. Русь Солов. «Рус. Вест.». 1856 г. 1.

210 - Степен. Книга. Похвала в. кн. Василию.

211 - Handbuch Kirchen gesch. Kurtz. I, 408

212 - Странник, 1875 г. ноябрь.

213 - Странник, 1871 г. окт. с. 80.

214 - Воскр. чт. 1850 г. Твор. Св. Отц. 1863 г. II. 252.

215 - Странник, 1875г. ноябрь.

²¹⁶ - Подробное исследование об этом предмете изложено в книге «Русское проповедничество» (400–408) .

²¹⁷ - Рук. д. сел. наст. 1873 г. № 28.

²¹⁸ - Руковод. хр. богосл. Мак. 1869 г. 3–4. Догм. богос. Мак. I, 8–15. Догм. богосл. Антон. 34–35.

²¹⁹ - Сборн. соф. библ. XIV–XV в. № 94; в обширном виде изд. Розовым; в кратком – Калайдов.

²²⁰ - Суеверие мы понимаем в обширном смысле, как совокупность ложных верований, не оправдываемых добрыми целями. Так определяется суеверие в литературе и в жизни. В сочинениях церковно- исторических суеверие принимается в обширном смысле, как совокупность религиозных заблуждений. На языке житейском суеверие принимается в тесном смысле, как выражение умственных и нравственных заблуждений, называемых предрассудками. Сюда относятся предчувствия, приметы, ложные предсказания, суеверные обряды, заговоры, чарование и проч. Вообще, слово «суеверие» всегда употребляется как общее родовое понятие; поэтому язычество, астрология и апокрифы, как источники ложных верований, не оправдываемых нравственными целями, справедливо назвать общим именем «суеверия».

²²¹ - Русское язычество: Странник 1875 г. июнь, июль, сентябрь. И. Р. Сол, 1,64–71. Примеч. 74–90. Правос. собес. 1865 г. борьба христианства с язычеством.

²²² - И. Р. Солов. I, 62–70. Примеч. 83–103.

²²³ - Жит. св. Ниф. Рус. празд. и обряд. Снегир. 95–192. И. Карам. 1, прим. 205. Правос. собес. 1860 г. 341.

²²⁴ - И.Р. Сол. 1, 49–72. И. Карам. 1, прим. 216, Рус. дост. 1,94.

²²⁵ - Правос. Собес. 1859 г. II, 98.

²²⁶ - Правос. Собес. 1857 г. 236.

²²⁷ - Снегир. р. прост. праздн. 11, 118.

²²⁸ - И. р. слов. Шевыр. IV, 79.

²²⁹ - Palaeograph. graec. lib. IV,269.

²³⁰ - И. Р. Ц. пр. Мак. 1, XVI.

²³¹ - Хожание Богородицы по мукам (XII в.). «Восхотела Богородица (на горе Елеонской) видеть адские муки. И отверзся ад; и было тут множество мужей и жен. И увидела Святая железное дерево, с ветвями и отраслями и с железными крючьями. И было тут множество мужей и жен, повешенных за языки. Прослезилась Святая и спросила архангела Михаила о грешниках. Архистратиг отвечал: «это клеветники и сводники, которые разлучали братьев, мужей и жен». И увидела Святая жен, повешенных за ноги; пламень исходит из уст их, а из пламени – змеи. И кричали: «помилуйте нас! Мы мучимся больше всех! Прослезилась Святая и спросила о грешниках: Архистратиг отвечал: «это – попадьи, которые не почтили своих попов, а по смерти их вышли за муж». (Изв. Акад. наук. X, 551–573. Хожание Богородицы по мукам доселе распространяется в народе в бесчисленных вариантах).

²³² - Памят. Отреч. литер. Тихоир. 11, 338.

²³³ - И.Р. Сол. VII, 110, 436. VIII, 327. IX, 449. XIV, 55. И. р. Ц. Знамен. 290.

²³⁴ - Рецензию книги «Оглашения», написанной прот. Зизанием, патр. Филарет поручил игумену Илию и типографскому справщику Гришке. Рецензенты: «у тебя написано о кругах небесных, планетах, Зодиях затмении солнца, грома и молнии, тресновении, шибании, Перуне, кометах и звездах; эти статьи взяты из астрологии, а книга астрологии от волхвов еллинских и православию несходна». Зизаний: «почему не сходна? Я не написал колеса счастья и рождения человеческого; не говорил, что звезды управляют нашею жизнью, писал для знания, пусть человек знает, что – это тварь Божия». – «Зачем из астрологии ложные имена звездам выбирал»? – «Какие имена»? – «Говорилось: облака надувшись ударяются, и от того бывает гром, огонь и звезды называешь зверями (т.е. именами животных)». – «Как же писать о звездах?» – «Мы веруем, как Моисей написал: сотворил два светила великие и звезды, и поставил их Бог на тверди небесной светить по земле и владеть днем и ночью, а зверями Моисей их не называл». – «Как же эти светила образуются?» – «По повелению Божию, ангелы служат, тварь вода» ...

- 235 - Педаг. усл. умст. раз. р. нар. с. 124.
236 - Летоп. густый. 344–349.
237 - П. с. лет. VI, 133.
238 - Там же, VI, 125.
239 - Памят. отреч. литер. II, 338.
240 - II, 352.
241 - И.Р. Сол. VII, 432.
242 -
243 - И.Р. Сол. IX, 445.
244 - И.Р. Сол. IX, 449.
245 - И.Р. Сол. V, 251.
246 - И. Р. Сол. XII, 254. IV, 357.
247 - И.Р. Сол. VII, 436.
248 - И.Р. Сол. XIII, 112.
249 - Сбор. Сол. биб. № 925, л. 66–68.
250 - Сбор. Сол. биб. № 172.
251 - Педаг. усл. умств. раз. рус. нар. 125.
252 - Этн. сб. V, 85.
253 - Педаг. усл. раз. р. нар. 122.
254 - И. Р. Сол. XXIII, 207.
255 - Соч. Ломон. 1803 г. III, 1–7.
256 - Издание Чети-миней митр. Макария начато
Археографической Комиссией 1868 г.
257 - Педаг. усл. умст. разв. р. народа 126–127.
258 - И. Р. Сол. VIII, 327. 115.
259 - Истор. моногр. Костомар. XII, 124.
260 - П. с. л. I, 176.
261 - Лет. ипат. 202.
262 - П. с. л. I, 193.
263 - П. с. л. I, 117.
264 - П. с. л. VI, 141.
265 - П. с. л. IV, 105.
266 - И. Р. Сол. IX, 143.

267 - Допол. акт. истор. I, № 41.

268 - Чтен. общ. истор. 1860 г. III, 61. II, 27–30.

269 - Тамже; дополн. VIII, №40.

270 - И.Р. Сол. XV. 140.

271 - В.И. Шлос. XVI, 86–87.

272 - И. Р. Сол. XVII, 210–227.

273 - И. Р. Сол. XI, 277.

274 - IX, 470–471.

275 - XI, 278.

276 - Правос. Собес. 1859 г.

277 - Пол. соб. закон. № 4493.

278 - И. Р. Сол. XVIII, 217–220.

279 - Относительно обрядового благочестия и религиозного суеверия в Регламенте сделаны следующие, весьма важные замечания: 1) Разыскать вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны, суть ли они писанию согласные? 2) Эти многочисленные моления не суть всякому должные, наедине, а не в соборе церковном употреблять их, дабы не вошли в закон, и совести не отягощали. 3) Смотреть истории святых, не суть ли ложно вымышленные? Напр. в житии Ефросина спор о двойственном аллилуия ложный от некоего бездельника вымышленный. Не подобает, вместо здоровой духовной пищи отраву людям представлять, наипаче, когда простой народ не может рассуждать, но что видит написанное в книге, того крепко и упрямо держится. 4) Прилежно разыскивать вымыслы, которые образ ко спасению лестный предлагают. Напр. не делать в пяток и празднованием проводить, и сказуют, что пятница гневается на не празднующих и с великим угрозением наступает. Тако ж поститься неких 12 пятниц; тако ж аки важнейшие службы почитати: обедню благовещенскую, утреню воскресенскую и вечерню пятидесятницы. 5) Могут обрестися некие церемонии вредные. В полку стародубском, в ходе церковном водят простоволосую женку, под именем Пятницы. Тако ж попы с народом молебствуют пред дубом, и ветви этого дуба поп раздает на благословение. 6) Разыскивать о мощах святых, где какие явятся сомнительные, много бо и о

сем наплутано. 7) О иконах смотреть; понеже иецыи, для вспоможения убогих церквей и построения новых повелевали проискывать явления иконы, и оную свидетельствовали быть чудотворную. 8) Вельми срамное и это: молитвы людям далече отстоящим, давать через посланников их в шапку. 9) Словом рещи, что-либо именем суеверия может нарещися, это лишнее, на интерес от лицемеров вымышленное, простой народ прельщающее, и аки снежные заметы правым путем идти возбраняющее». (Дух. Реглам. стр. 16–20) .

²⁸⁰ - Ист. Рос. Сол. XVIII, 217–220.

²⁸¹ - И. Р. Сол. VIII, 235.

²⁸² - И. Р. Сол. XV, 121–122.

²⁸³ - И. Р. Сол. XV, 132, 137.

²⁸⁴ - И. Р. Сол. XII, 336–345.

²⁸⁵ - Полн. собр. закон. № 1818. И. Р. Сол. XV, 119.

²⁸⁶ - Изд. Акад. Н. II отд. 1855 г.

²⁸⁷ - Лет. р. лит. Тихонр. IV, 97–101. Паис. сбор.

²⁸⁸ - Лет. литер. Тихонр. IV, 93. Паис. сбор. Злат. цепь.

Рукоп. соф. библи. № 1285. Златоустник 1523.

²⁸⁹ - Лет. литер. Тихонр. IV, 105. Злат. цепь.

²⁹⁰ - Тихонр. IV, 110.

²⁹¹ - Архив истор. юрид. свед. 2, I отд. I, 100–101. VI, 66.

Златоустник, слово 47.

²⁹² - О малоизв. и неизв. памят. Срезнев. I, 54–57.

²⁹³ - Изв. Акад. Н. X, 703.

²⁹⁴ - Рукоп. новгор. соф. библи. № 1428, л. 520.

²⁹⁵ - Пам. стар. лит. 4, 216.

²⁹⁶ - Ист. Рус. Церкви пр. Мак. V, 138. Прибав. к твор. св.

отц. I, 92.

²⁹⁷ - Пам. стар. р. литер. в. 4. 186.

²⁹⁸ - Акт. эксп. I, 369.

²⁹⁹ - Пам. стар. лит. 4, 214.

³⁰⁰ - А. Истр. т. I. № 112. Епарх. волог. вед. 1865 г.

³⁰¹ - Допол. А. И. I, № 28.

- 302 - Допол. А. И. I, № 43.
303 - Прав. Собес. 1868 г. II, 23.
304 - Изумр. сб. № 270. Очерк. Бусл. II, 69. Паис. Сбор.
Слово истолк. Мудр. Св. апостол.
305 - Злат. цепь. Очерк. Бусл. II, 125. Прав. собес. 1868 г. I.
306 - Летоп. литер. IV, слова против язычества.
307 - Тамже.
308 - Прав. собес. 1863 г. I, 210.
309 - Памят. отреч. Литер. Тихонр. II.
310 - А. эк. III, № 264. Прав. собес. 1865 г. II, 288.
311 - Стогл Гл. 91.
312 - Прав. собес. 1865 г. II, 286.
313 - Прав. Собес. 1860 г. III, 254, 264, 267, 269.
314 - А. ист. III, № 92.
315 - Москвит. 1843 г. № 1, 237.
316 - Вечер. Душев. 163.
317 - Поуч. в нов. лето.
318 - Поуч. в нед. 26.
319 - Поуч., ин, мел., 26,
320 - Прав. собес. 1861 г. II, 84.
321 - Сочин. Макс. II, 52, III, 505.
322 - Сочин. Макс. Грека. Казань 1858–1862 г. Ист. пр. Мак.
VI, 157–278. Христ. Чтен. 1872 г. апр.
323 - Сборн. XVI в., № 322. л. 102.
324 - Паис. сборн.
325 - Соч. Макс. I, 53, III, 98.
326 - III, 125.
327 - III, 164.
328 - III, 150.
329 - III, 226.
330 - III, 205.
331 - Паис. сборн. Истор. очерк. Бусл. I, 15.

332 - Подробный разбор апокрифов, бывших в употреблении на Руси, изложен в истории рус. словесности Порфирьева. (Стр. 178–212) .

333 - Прав. собес. 1860 г. III, 254.

334 - Очерк. II, 69.

335 - А. И. I, № 4.

336 - А. И. I, № 6.

337 - А. И. I, № 21, 33, 34.

338 - А. Эксп. I, 482.

339 - Просвет. 47.

340 - Ист. показ. 49.

341 - Чтен. истор. общ. 1859 г. 10.

342 - Нельзя думать, чтобы латиняне были иконоборцами; по нельзя сказать и того, чтобы полемисты делали упрек к не почитанию икон без основания. Известно, что Карл Великий не принял определений VII Вселенского Собора об иконопочитании, и по своим целям составил особый собор (794 г.) во Франкфурте. По определению этого собора иконам не должно воздавать чести и поклонения; иконы могут быт в церкви для напоминания разных событий христианских и для украшения храма. Для распространения этого учения составлены были Алкуином libri Carolini, направленные против иконопочитания. Определение, франкфуртского собора подтверждено было потом собором парижским (825 г.), при Людовике благочестивом. (Ларенца Ист. II, 362–365). Поэтому на западе стали смотреть на иконы, как на украшение или картины. В храмах становилось икон меньше, при чем главное внимание обращалось на художественность их отделки. Потом в храмах появились и статуи, каких не знала древняя Церковь. Подобный взгляд на иконы впоследствии дошел до крайности, особенно—когда на западе пробудился вкус к древним искусствам. Памятники древнего христианского искусства подверглись насмешке и презрению, церкви переделаны в настоящие театры, стены их украшались мифологическими картинами соблазнительного характера.

343 - Времен. м. ист. общ. V, 1–18.

- 344 - И. пр. Мак. II, Прилож. № 8.
- 345 - И. пр. Мак. II, Прилож. № 5.
- 346 - Пам. рос. Слов. XII в. 153.
- 347 - И. пр. Мак. II, Прилож. № 9.
- 348 - И. пр. Мак. II, Прилож. № 10.
- 349 - Hist. Russ. Monum. I, № 3.
- 350 - И. пр. Мак. V, 218.
- 351 - Просвет. 331.
- 352 - И. А. I, № 20.
- 353 - И. А. I, № 35.
- 354 - И. А. I, № 82.
- 355 - Соч. Мак. I.
- 356 - Остен.

357 - Особенною ревностью в обличении унии и католицизма прославился Леонтий Карпович. По словам Смотрицкого он часто говорил проповеди; сеял в народе семена добра и был славен, как церковный учитель. Нам известны два слова его: на Преображение и Успение, сказанные в 1615 году. Проповеди написаны в тогдашнем риторическом вкусе.

358 - Либеральное поведение князя Хворостинина поясняет нам дух свободомыслия и религиозной независимости, впущенные протестантством во время междоусобицы. Около 1632 г. князь И. Хворостинин получил внушительный указ. Князь! известно всем людям московского государства: как ты при расстриге впал в ересь, православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил, и был за то сослан под начало в Иосифов монастырь. После того опять начал приставать к польским и литовским попам, и в вере с ними соединился, книги и образа их держал в чести. Многие в православной вере и о людях московского государства непригожие и хульные слова в письмах твоих объявились, в жизни твоей многое к христианской вере не исправленье. Ты не велел людям своим ходить в церковь, а которые пойдут, тех бил и мучил; говорил, что молиться не для чего и воскресение мертвых не будет. Про христианскую веру и святых угодников говорил хульные слова.

Жить начал не христианским обычаем, беспрестанно пить; в 1622 году всю страстную неделю пил без просыпу, накануне светлого воскресенья был пьян, и до света за два часа ел мясо и пил вино; к государю на праздник воскресенья не поехал, к заутрене и обедни не пошел. Говоришь, будто на Москве людей нет, все глупый люд, жить тебе не с кем, чтоб тебя государь отпустил в Рим и Литву. Да будто московские люди сеют землю рожью, а живут ложью, и иные укоризненные слова писаны (в стихах). – Государево именованье написано не по достоинству; государь назван деспотом русским; но деспота слывет по-гречески – владыка, а не царь. А ты не иноземец, московский человек, и тебе так про государское именованье писать непристойно». (Труды К. Д. А. 1862 г.2:446). Как ни поразительны были для москвичей эти отрицательные взгляды, особенно в отношении будущей жизни, для которой подвизалась древняя Русь, но они не были новостью. Подобные взгляды проводили жидовствующие. «А что такое царство небесное, говорил м. Зосима, и второе пришествие, и воскресение мертвых? Ничего этого нет. Умер кто, так умер; дотоле был». Просв. 58.

359 - Собран. разн. поучен. XVII в. № 261.

360 - № 295. л. 64.

361 - Этот важный урок мы еще раз напомним, в своем месте, более пространно...

362 - Мы представим эти самобытные поучения сполна, в своем месте.

363 - Мы выставим на вид, в своем месте, наиболее шероховатые фразы, как это делали доселе.

364 - Прав. собес. 1862 г. I, 263–398.

365 - Прав. Собес. 1858 г. окт.

366 - Рус. Вест. 186 г. № 13.

367 - Злат. цепь. Пам. стар. лит. I, 447.

368 - Изумр. Солов. № 270.

369 - Изумр. № 270, 271, 272.

370 - Олеарий: «nous avons vu à Moscou des hommes et des femmes sortir des etuoës publiques tout nuds, des `approcher de

notre jeunesse, et exciter leur passion par des mots sales et lascifs. Ils sont parresseux et abandonnes a la luxure».214. Котошихин порицает нравы женщин XVII века.

³⁷¹ - В Москве, в домике Романова хранятся принадлежности боярского дома, XVI века, и между прочим рукопись или сборник назидательных статей для дневного чтения, с раскрашенными рисунками. В этом сборнике мы читали подобную статью о милостыни, спасшей блудника. Сборник требует описания.

³⁷² - Прав. собес. 1862 г. 1,270

³⁷³ - Прав. Соб. 1858 г. Июль.

³⁷⁴ - Сбор. № 334, XVII в.

³⁷⁵ - Там же л.582.

³⁷⁶ - Л. 394.

³⁷⁷ - Л.570.

³⁷⁸ - А. и. I, 408.

³⁷⁹ - А. эк., А. и.; Допол. а. и., перв. Тома.

³⁸⁰ - А. и. I,141.

³⁸¹ - А. и. I,168.

³⁸² - А. и. I, № 267.

³⁸³ - А. и. I,513.

³⁸⁴ - А. и. I,115.

³⁸⁵ - М. м. Макар. 31 июня.

³⁸⁶ - А. арх. экс. I, 461.

³⁸⁷ - Сборн. м. Д. слова: 14, 15, и 16.

³⁸⁸ - Прав. собес. 1863 г. I, 345.

³⁸⁹ - Соч. Макс. II, 251.

³⁹⁰ - Сбор. № 321, л. 308.

³⁹¹ - Прав. собес. 1863 г. I, 203.

³⁹² - Ник. лет. VII, 66. А. И. I, № 159.

³⁹³ - II сборн. 3 послание, или слово 10.

³⁹⁴ - II сборн. слова 11, 12, 13; III сборн. 3 послание.

³⁹⁵ - 1 Сборн. слово 10.

³⁹⁶ - 1 Сборн. слово 12.

³⁹⁷ - 1 Сборн. слово 13. Ом. Дан. Изв. II отд. Ак. Н. V,204.
Христ. Чт. 1872 г. окт.

³⁹⁸ - В запрещении брадобрития собор сослался на апостольские правила; нов этих правилах нет нисего подобного; еще сослался на книгу Левит (19:27) и Числ (6:5). «Вы же се творяще (брадобритие), ради человеческого угождения, ненавидимы будете от Бога, создавшего нас по образу (своему). Последние слова находятся и в книгах апостольских постановлений. При всем том, повеление не брить бороды, изложенное в книге Левит, не было религиозным законом. Оно направлено против языческого обычая – брить бороду в знак скорби по умершим. В книге Числ сказано только: «постризало да не въздет на главу вашу»; притом, это правило относилось к назореям, посвящавшим свои волосы Богу. Патр. Фотий справедливо заметил: не должно смешивать обрядов и мелочей, напр. брадобрития с догматами.

³⁹⁹ - Сборн. граф. Строган.

⁴⁰⁰ - Поуч. нед. 26 по пятд.

⁴⁰¹ - Поуч. нед. 16 по пятд.

⁴⁰² - 1, 142 и другие.

⁴⁰³ - 1, 96 и другие.

⁴⁰⁴ - 1,260.

⁴⁰⁵ - 11,57.

⁴⁰⁶ - 11,78.

⁴⁰⁷ - II, 130. II,3.132.

⁴⁰⁸ - I, 890.

⁴⁰⁹ - I Сбор. слово 2.

⁴¹⁰ - Слово 3.

⁴¹¹ - Опред. влад. Соб. 29 прав. св. апост.

⁴¹² - Прав. Соб. 1862 г. 1,266.

⁴¹³ - Сборн. № 327, л. 333.

⁴¹⁴ - Сборн. XVII в. № 334, л. 566.

⁴¹⁵ - № 334, л. 334.

⁴¹⁶ - Дополн. фкт. ист. I, № 181. Ак арх. Экс. I, № 369. 461.

- 417 - Прав. Собес. 1865 г. II, 288.
- 418 - Сборн. № 260, лист. 20.
- 419 - Изв. ак. н. X, 645. Москвит. 1851 г. VI.
- 420 - Изумр. соловец. № 270 л. 202.
- 421 - Извест. акад. VI, 237.
- 422 - Рум. № 186.
- 423 - Сборн. № 327.
- 424 - Златоустн. сл. 19-е.
- 425 - Слово в I нед. поста.
- 426 - Соч. Посош. 105.
- 427 - Ист. цар. Феодора, Берха. I, 86.
- 428 - Регл. III, п. 12.
- 429 - Ист. цар. Феодора, Берха. I, 86.
- 430 - Регл. III. п. 12.
- 431 - Прав. Собес. 1861 г. III.
- 432 - Изумр. солов. л. 86.
- 433 - Изумр. сол. поуч. 66.
- 434 - Памят. XII в. 176–203.
- 435 - Реглам. 127.
- 436 - Реглам. 123.117.124.
- 437 - Л. 387.
- 438 - Рукопис. кормчая XV.
- 439 - Пам. XII в. 176.
- 440 - Регл. 117.
- 441 - Изумр. солов. л. 33.
- 442 - Прав. собеседник 1858 года, декабрь.
- 443 - Сборн. № 191, л. 488.
- 444 - Изумр. солов. № 270 л. 187. Подоб. Поучения л. 32, 35,
199 и 223.
- 445 - Изв. ак. X, 548.
- 446 - Изв. ак. X, 550.
- 447 - И. Р. Сол. VI. 226. Прим. 85.
- 448 - Кормч. солов. биб. № 477.

⁴⁴⁹ - Прав. собес. 1864 г. I, 368.

⁴⁵⁰ - Изумр. сол. № 270. Прав. Собес. 1858 г. июль.

⁴⁵¹ - Прав. Собес. 1864 г. I, 366.

⁴⁵² - Сборн. новг. соф. библи. № 1317, 1319, 1321, 1468, 1471 и другие.

⁴⁵³ - № 322. Обзор. кормч. Розенк.

⁴⁵⁴ - В XVI веке чувствовали особенную надобность в словах подобного рода, и некоторые из них принадлежат известным авторам. Как увидим, старец Филофей в послании в князю Василию жаловался на неслыханные грабежи и убийства княжеских наместников во Пскове. Часто сменяемые, для скорой наживы они прибегали к возможным уловкам: опутывали народ клеветой, секли, подбрасывали трупы и брали окуп с кварталов и всего города. Но особенно резко обличал корыстолюбие властей Максим Грек. В своих нравоучительных сочинениях он часто осуждает неправосудие и корыстолюбие судей и происходящие отсюда, разбои, грабежи и всякого рода насилие. В одном и том же слове он нередко обличает корыстолюбие и раздоры князей и бояр (как увидим). Образцом подобных обличений служат два слова: «о неизглаголанном божием промысле и на лихоимцев», и «слово, излагающее нестроения и бесчиния царей и властей последнего жития». В первом слове автор, между прочим, говорит: «страсть иудейского сребролюбия и лихоимства до того овладела правителями и судиями, посылаемыми в города благоверным царем, что они позволяют своим слугам выдумывать всякие неправедные обвинения против богатых, делать ночью подкидывания в дома их, или подбрасывают труп среди улицы, чтобы явиться мстителями, наложить обвинение на целую часть города, и собрать корысть от этих неправедных и богомерзких (проделок). Кто слышал о таком богомерзком виде (корыстолюбия, лихоимства) между неверными народами, какой выдуман нашими правителями? Разжигаемые ненасытным сребролюбием, они лихоимствуют, обижают, расхищают имение вдов и сирот, выдумывают обвинения против невинных, не боясь Бога, страшного мстителя за обидимых. (Они) не

стыдятся людей, вокруг живущих, ляхов и немцев, которые хотя (еретики) латиняне по ереси, но управляют делами подвластных по установленным законам, со всяким правосудием и человеколюбием». (II, 199, 206). Во втором слове проповедник изображает бедствия России и самоуправство бояр в аллегорическом тоне. Мистическая жена Василия (царство, Россия) жалуется на свои неописанные и неисцельные бедствия. «Я одна из благородных дочерей Владыки. Все славолюбцы стараются подчинить меня себе. Весьма мало у меня истинных (слуг) рачителей, которые заботились бы о делах людей, живущих на земле, достойно моего имени. Большая часть (из них), одолеваемые сребролюбием и лихоимством, морят подвластных лютейшим образом, всякими истязаниями... Пренебрегая (угрозы божии), властители пируют беззаконно, с гусями, смехотворством, сквернословием» (II, 319–337). (Моск. 1843 г. VI, 412) .

⁴⁵⁵ - Рук. новг. соф. библ. № 1456, 857. Сбор. пр. Сильв. № 1281.

⁴⁵⁶ - К сожалению, как строгий аскет, Филипп, подобно Златоусту, карал преступления духовенства, без лицепрятия, и этим повредил своему делу. Он не побоялся подвергнуть запрещению царского духовника, придворного протоиерея Евстафия, и нажил в нем неумолимого врага. Видя неистовства опричников, совершаемые ими убийства на площадях, по 10–20 человек в день, и осаждаемый просьбами несчастных о заступлении пред царем, Филипп решился действовать смело, самоотверженно. Выставив строгого обличителя против необузданного тирана, Провидение хотело еще раз обратить его к покаянию, как обратило Давида через Нафана, или того же Иоанна через Сильвестра. Отказавшись от мысли ходатайствовать об уничтожении опричнины, митрополит оставил за собою право увещания и совета царю. С этой целью он отправился к царю просит о милости к подданным и обуздании опричников. Содержание тайной беседы с царем неизвестно. Не видя плодов от своего ходатайства и тайного увещания, Филипп решился обличать царя публично. 1568 г. 22 марта царь пришел в собор, и Филипп обратился к нему с

грозным увещанием. «О, державный царь! Ты облечен от Бога самым высоким саном, и более всего должен чтить его. Тебе дан скипетр земной власти, чтобы ты соблюдал в людях правду и по закону царствовал над ними. Правда для того, кто ее стяжал, (есть) самое драгоценное сокровище. По естеству ты подобен всякому человеку, а по власти – Богу. Как смертный, не превозносишься; как образ божий, не увлекайся гневом. Властелином, по правде, может назваться только тот, кто обладает собою и (не подчиняется) не работает постыдным страстям. Не слыхано от века, чтобы цари благочестивые (смущали) волновали свою державу; и при твоих предках не было того, что ты творишь; у самих язычников не случилось ничего такого». (Ист. Кар. IX, 60. Прим. 180. Пол. Собр. рус. лет. III, 162). Было и еще несколько подобных обличений царю. В воскресение царь снова пришел в Успенский собор, с опричниками, в черных одеждах и штыках, и просил благословения. Филипп, взглянув на Иоанна, сказал: «благый Царь! Кому ты поревновал, приняв на себя такой вид, изменив свое благолепие? Убойся суда божия. Ты полагаешь на других закон, а сам нарушаешь его. У татар и язычников есть правда; в одной России ее нет. Во всем мире можно встретить милосердие, а в России нет сострадания к невинным и правым. Здесь мы приносим Богу бескровную жертву, за спасение мира, а за алтарем проливается невинно христианская кровь. Ты просишь прощения пред Богом в своих грехах: прощай других, согрешающих пред тобою... Суетна была бы вера наша, напрасны и заповеди божии о добродетелях. Скорблю не о тех, которые невинно предаются смерти, как мученики; скорблю о тебе, пекусь о твоём спасении... Я пришлец на земли, и за истину благочестия готов потерпеть лишение сана и всякие муки».

457 - Соч. Макс. II, 157.

458 - II, 346.

459 - Народные песни, изображающие семейный быт, проникнуты скорбью и жалобой на произвол родных. Ступишь-ли ногой, : Поглядят все за тобой. : Махнешь-ли рукой, : Засмеются над тобой. : Молвишь-ли словечко, :

Передразнивать начнут. : Сядешь-ли за стол, : Все куски во рту сочтут. : Станешь-ли молчать, : Станут дурой величать ... : Соизволил так сударь-батюшка, : Похотела так моя матушка; : В чужих людях жить умеючи, : Держать голову поклонную, : Сердце ретиво-покорное. : Ах, ввечор больно свекор бил, : А свекровь ходя, похваляется. : Где твое белое девалось тело? : Где твой алый румянец? : Белое тело – на шелковой плетке; : Алый румянец на правой руке ... : Плеткой ударит, тело убавит; : В щеку ударит, (краски) румянцу не станет. (Сказ. Сахар. 1, III. 149. 212. Христ. Филон. II, 40) .

460 - Сборн. сол. библ. № 923.

461 - Там же, № 913.

462 - Изумр. слово 52-е.

463 - Сборн. паис.

464 - В XVI веке Германия волновалась богословскими спорами и рассуждениями о прирожденности греха; разъяснение подобных вопросов создало строгую методику воспитания. Розга сделалась принадлежностью школы и возбудителем дарований. Кальвин был сильным приверженцем этого метода учения. В своей проповеди о воспитании детей он доказывает, что «детей надобно сечь, сечь больно, сечь беспрестанно, сечь во веки веков».

465 - Изумр. слово 53.

466 - Ак. арх. экс. I, № 13. Рус. Прав. ст. 58–108.

467 - Изумр. солов. № 270. Прав. собес. 1859 г. генв. 54.

468 - Допол. ак. ист. I, № 213.

469 - Румянц. № 889.

470 - Татищев очень дурно отзывался о миссионерах своего времени, за их нерадение о своей обязанности, незнание туземных языков и притеснение инородцев. Одного архимандрита, собиравшего белок и лисиц, сибирские инородцы погрузили в прорубь (трижды), говоря: купая нас в воде, сказывали, что будешь лучше. А ты делаешь не хорошо; посему купаем тебя, чтобы ты жил лучше». О самом обращении остяков м. Филофеем он выражается так: «только их купали, кресты

надевали, лисиц обирали, и по-прежнему оставляли в невежестве».

⁴⁷¹ - Археогр. ком., иркут. отдел.

⁴⁷² - Иркут. Лет. 1695–1701 г.; летоп. Пежемск. 1717 г.; истор. Сибири Словцова, I, 407.

⁴⁷³ - Поуч. нед. 6 по пасхе; поуч. на введение; поуч. в нед. Цвет.

⁴⁷⁴ - Пособиями к истории проповедничества в Сибири могут служить сочинения: Начало христианства в Иркутске; О проповедничестве св. Иннокентия; Биография тобольских святителей, прот. Сулоцкого; Очерки русских нравов в старинной Сибири; Отеч. Зап. 1867 г. сент. окт.; Историко-статист. описание камчат. церквей; Извест. сибир. отдела геогр. общ. III, № 3, 1872 г.

⁴⁷⁵ - Эпидемии подчинены физиологическим законам, на основании которых могут быть предотвращены и ослаблены. В австро-прусскую и франко-прусскую войну падали десятки тысяч людей и лошадей (при Гравелотте до 60,000) и порождали тиф, который губил сотни тысяч людей. При искусном действии медицины тиф значительно ослабевал. Чума, губившая и Африке сотни тысяч людей, прекратилась, вследствие мер правительства относительно зарывания трупов и скопления богомольцев в Мекке, доходившего до 500,000. Эпидемии обуславливаются миазмами, поражающими легкие, слизистые оболочки, и инфузориями, находящими в крови почву для своего развития. Восходя от частных причин к общим, мы и эти явления можем признать наказанием за грехи. И наука не противоречив тому. Она признает закон, по которому на земле лишний процент населения подлежит исключению. Опыт и знание заграждают пути смертности, но смерть пересиливает наше искусство.

⁴⁷⁶ - Русск. дост. I, 71.

⁴⁷⁷ - А. и. I, № 12.

⁴⁷⁸ - Прав. собес. 1863 г. март.

⁴⁷⁹ - А. и. I.

⁴⁸⁰ - Сбор. соф. библи. № 1454, л. 421.

⁴⁸¹ - До нас дошло одно поучение неизвестного проповедника XII века, резво облачающее раздоры князей. Резкость обличения должно объяснить крайним развитием междоусобий, с 1125 года, когда, по смерти Мономаха, родственные отношения князей донельзя усложнились и запутались, и бедствия народа увеличились. «Слово на память св. Бориса и Глеба. Послушайте князя, противящиеся старшим братьям, возбуждающие брани, призывающие неверных на помощь против братьев! Ужели не знаете, как св. Борис и Глеб стерпели от брата не только отнятие власти, но и лишение жизни? А вы не можете стерпеть от брата одного слова, и за малую обиду подымаете смертную вражду и призываете неверных на помощь против братьев. Подумайте о своем величии и чести. Вы имеете дедом Владимира, приведшего к Богу тысячи тысяч праведных. Братьев имеете великих чудотворцев Бориса и Глеба. От них научитесь, с них берите пример. Если враг возбудит вражду, пусть помянут святых, как они пожелали лучше умереть, нежели враждовать. Кто из вас отклонит вражду и первый подастся на мир, получит от Бога равную с ними награду. Укажу еще пример. Давид Святославич (умер 1123 г.) не враждовал ни с кем. Если кто подымал войну, он прекращал ее своею покорностью. Если кто из братьев делал ему несправедливость, он все переносил; крест ли кому целовал, никогда не преступал клятвы. Никого не обидел, никому не сделал зла. А братья, видя его таким, все слушали его как отца, и княжение его было в великой тишине. Постыдитесь враждующие на братьев! Вострепещите и восплачте пред Богом, что злопамятством лишаете себя славы».

⁴⁸² - Прав. собес. 1859 г. февр.

⁴⁸³ - Дополн. а. и. I, № 11.

⁴⁸⁴ - Сбор. соф. биб. № 1281, л. 282.

⁴⁸⁵ - Пам. стар. литер. IV, 194.

⁴⁸⁶ - 11, 277.

⁴⁸⁷ - 11, 185.

⁴⁸⁸ - II, 319.

489 - Источниками доходов белого духовенства, особенно соборного, были земли, леса, рыбные ловли и хозяйственные промыслы. Этого рода доходы были жертвуемы белому духовенству в незначительной мере, сравнительно с монашеством, и приходским церквам в меньшей мере, сравнительно с соборными. Но богатые вкладчики, князья и частные лица, почти одинаково жертвовали в монастыри, соборные и приходские церкви. Они нередко отказывали соборам целые деревни, с землями и всеми угодьями.

490 - А. и. I, № 43.

491 - А. и. I, № 45.

492 - А. и. I, № 261.

493 - А. и. I, № 281.

494 - А. и. I, № 97,98.

495 - А. и. I, № 112.

496 - Стен. кн. I, 404.

497 - Тамже.

498 - Прав. Собес. 1861 г. II, 95.

499 - Прав. Собес. 1863 г. I, 311.

500 - Сбор. солов. № 913 л. 49. 104. Изумр. слово 161-е, подложное пророчество Исаии о несчастьи последних времен. Златоустник: слово 97-е того же содержания.

501 - Разбор соч. митр. Мак. Хр. Чт. 1873 г. апр.

502 - А арх. Эк. I, № 9.

503 - А. и I, № 215.

504 - И. Карам. VI, прим. 662...

505 - И. а. I, № 258.

506 - Сборн. волоколам. № 414.

507 - П. с. л. IV, 118.

508 - Уч. зап. ак. н. 2 отд. II.

509 - 1-е слово.

510 - 2-е слово.

511 - Прав. Соб. 1858. июль.

512 - И. Карам. V, гл. II–III.

⁵¹³ - «Прав. Собес.» 1860 г. III.

⁵¹⁴ - А. и. I, № 30. Доп а. и. I, № 183.

⁵¹⁵ - Начертание жит. Никона, Аполлоса, 136.

⁵¹⁶ - И. Карам. V, 244–248.

⁵¹⁷ - Иностранные писатели, изобразившие в своих записках допетровскую Русь, нравы народа, характер проповедничества, и упоминаемые в «Очерке». Квинтилиан родился в Испании, умер около 118 г.; был учителем красноречия и в Риме и написал по этому предмету руководство; оно послужило основанием риторики, преподаваемой в Европе, особенно во Франции и Италии. Гален римский врач, родился в Пергаме, в 131 году; соединил медицину с философией, естествознанием и красноречием. Лучшее сочинение его о побуждении к умственным занятиям». Ливаний родился в Антиохии, около 314 года, был учителем в Константинополе, Никомедии и на родине. Он написал риторические упражнения для своих учеников и софистические – в форме речей; пользовался огромною известностью в древнем мире. Прокопий, византийский историк VI века, писал о нравах славян. Маврикий, греческий император VI века, знаменитый полководец, написал стратегику, в которой говорит о славянах и их обычаях. Козьма Индикоплов, греческий писатель VI века, написал книгу о мире, в которой доказывает четырехугольную форму земли, окруженную океаном, а на оконечностях – небом. Ибн-Фадлан, мусульманин, посланник в Болгарию 921 года, оставил сведения о руссах, пользующиеся славою. Аль-Масуди, мусульманский путешественник, посетивший славянские земли в 957 году. Плано-Карпини, минорит, посланник Иннокентия IV в Монголию, посетил Россию 1245 г. Контарини путешественник, и венецианский посол при Иоанне III. Барон Герберштейн, германский посол при в. к. Василии; его записки о Московии «*Commentarii*» капитальное сочинение, в котором нередко изображает Русь черными красками. Алекс. Гванини, итальянец, был на службе у Батория, оставил сведения о Москве, проникнутые пасквилем, в отношении Ив. Грозного «*Moscoviæ descriptio*». Павел Иовий, епископ ноцерский, историк (первой половины XVI века), оставил сочинения о Москве. Иоган Кобенцель, посланник

императора Максимилиана, при Грозном. Ульфельд, датский посол, при Грозном, написал «Странствования». Горсей английский посол при Грозном и Феодоре Иоанновиче, написал «Сказания»: (Отеч. Запис. 1859 г. № 9). Флетчер, английский посол при Феодоре Иоанновиче; его записки о России проникнуты черными красками, особенно порицаются монастыри. Петрей, швед, современник Годунова, написал «Chronic moscovit». Конрад Буссов, современник Годунова, тоже написал «Хронику» (по-немецки). Маржерет, французский офицер, служил в войске Годунова; при самозванце делал зло русским. Коллинс, английский врач при Алексее Михайловиче. Самуил Пуффендорф род. 1632 г., написал «Введение в историю европейскую». Он сделал естественное и международное право предметом академического изучения. Всех иностранцев, посетивших древнюю Русь, насчитывают до 270. Русские, в свою очередь, чуждалась латинского, еретического запада, и путешествовали на восток, из любопытства и для науки. Записками иностранцев о России надобно пользоваться с осторожностью, так как они не чужды преувеличений, незнания дела, ошибок и лжи. См. «Библиотеку иностран. писателей о России».

518 - Поезд. Шевыр. в кирил. монастырь 24.

519 - Рум. муз. MCCCLVIII.

520 - Руск. север. народопр. III, 430.

521 - II, 260, Прав. Собес. 1863 г. II.

522 - II, 241.

523 - II, 246.

524 - И. Р. Сол. VIII, 442.

525 - VIII, 440.

526 - Злат. слово 23.

527 - Слово на рожд. Богород.

528 - Приб. твор. св. отц. 1858 г. 35.

529 - Слово 1 нед. в. поста.

530 - Злат. слово 85.

531 - Л. 282.

- 532 - Доп. а. и. I, № 41.
- 533 - Царс. № 179.
- 534 - И. Рус. Цер. пр. Мак. V, 161.
- 535 - Приб. к твор. св. отц. V, 30.
- 536 - Душеп. Чт. 1861 г. I, 449.
- 537 - А. и. I, № 3.
- 538 - Рум. муз. 1419 г. № 451.
- 539 - Златоустник, слово 85.
- 540 - Прав. собес. 1863 г. I, 202.
- 541 - Ак. Экс. IV, № 324. л. 19
- 542 - Рус. Достопам. I, 106.
- 543 - Приб. к твор. св. отц. I, 428.
- 544 - Приб. к твор. св. отц. II, 85.
- 545 - П. собр. лет. IV, 99.
- 546 - Допол. а. и. I, № 181.
- 547 - И. пр. Мак. V, 200.
- 548 - Пам. стар. лит. IV, 186. А. экс. I, 369.
- 549 - А. экс. I.
- 550 - А. и. I.
- 551 - А. и. I, № 31.
- 552 - Сбор. XVI в. № 321. л. 163.
- 553 - Сборн. № 339. л. 259.
- 554 - Сборн. № 338. л. 38.
- 555 - Изумр. слово 92.
- 556 - Изумр. слово 41
- 557 - Прав. собес. 1860 г. II, 457.
- 558 - А. и. I.
- 559 - III сбор. слово 2-е.
- 560 - Прав. собес. 1860 г. II, 203, 306.
- 561 - Прав. собес. 1860 г. I, 444.
- 562 - А. и. № 105.
- 563 - Рукоп. акад. библи. № 826. л. 320. А. и I, № 109.
- 564 - Рукоп. акад. библи. № 858, л. 26.

- 565 - Прав. собес. 1861 г. I, 444.
- 566 - Собор. Правила св. апостол, гл.4.
- 567 - Толст отд. II, № 68.
- 568 - Приб. к твор. св. отц. 1847 г. 225.
- 569 - А. и. № 7. 8. 9. 11.
- 570 - Поуч. духовен.
- 571 - Гл. 33.
- 572 - Гл. 5.
- 573 - А. арх. экс. I, 81. 176.
- 574 - Вивлиоф. XVII, 101.
- 575 - Доп. а. и. V, № 102. А. экс. III, № 264. IV, № 321.
- 576 - А. экс. III, № 264. А. и. IV, № 151. Соборы 1667 г. и 1681

г.

- 577 - Прав. собес. 1866 г. III, 245.
- 578 - Доп. а. и. V, № 102, 459.
- 579 - А. экс. IV, № 115. 188. 321. Доп. а. и. V, 471.
- 580 - Слова: в нед. блуд., в день св. Никол., в день св.

Марфы.

- 581 - И. рус. словес. Порфир. 155.

582 - Уважение предков к псалтыри, как источнику богословия, выражено в книге голубиной: «книга псалтырь всем книгам мати.» В среде грамотеев господствовало и ныне господствует убеждение, что в псалтыри заключена вся человеческая мудрость. Не удивительно, что разумные люди в важных случаях обращались к псалтыри за утешением. Владимир Мономах говорит, что однажды «в печали разгнул псалтырь, и открылось следующее: вскую печалуеши душе и вскую смущаеши мя!» Князь Михаил Тверской, после долгого томления в орде, сказал: «дадите ми псалтырь, вельми бо прискорбна душа моя. И разгнув псалтырь, обрете псалом: внуши Боже молитву мою! Сердце мое смутися и страх смертный прииде на мя. И рече потом: что молвит псалом сей? ...» Не отвергая возможности благодатного утешения, заметим, что трудно не найти покаянных стихов, коими наполнена псалтырь. С XVII века псалтырь перелагается в стихи.

Стихотворная псалтырь Полоцкого пользовалась известностью и пробудила талант Ломоносова.

583 - Употреб. псалт. в древности: Прав. собес. 1857 г. IV.

584 - Служба по вся дни, каноник, л. 177.

585 - Митр. Иларион, Кирилл Туровский и Цамблак, отличавшиеся риторическим слогом и заимствовавшие фигуры из церковных песней, обязаны своим, направлением византийскому богословию. Как полемические сочинения против католиков были подражанием греческих преданий, так и напыщенные сочинения сказочных проповедников были подражанием современному византийскому богословию. Сравнение проповедей Кирилла Туровского с символическими представлениями византийских богословов сделано в следующих книгах; *Mifologie und Simbolik der Christlich. Kunst-Paper. Christliche Simbolic*, Menzel.

586 - О Пчелах, Сухомлин. Изв. ак. н. 1853 г. II

587 - Отрывки из злат. цепи: Христом. Буслаева, 478–504.

588 - О компиляциях «слова» Заточника Христ. Бусл. с. 631–642.

589 - Отеч. Зап. 1855 г. № 2.

590 - П. с. л. I, 100.

591 - И. Карам. IX, прим. 741.

592 - Сказан. рус. нар. Сахар. 11.

593 - Аскетический идеал, развитый проповедничеством, литературой, и особенно житиями святых, отразился в словесных произведениях и стихах. Таковы религиозные повести, легенды, духовные комедии или драмы, поучительные стихи. В этих сочинениях, изображающих действительную жизнь, преобладает нравоучительный элемент. В них излагается учение о добродетелях и пороках, искушениях, падениях, чудесах и торжестве веры. Такова повесть о горе злосчастия, легенда (повесть) о Грудцыне, давшем диаволу расписку, комедия о блудном сыне, драма – кающийся грешник, стихи о страшном суде и проч. В повести о горе злосчастия представлена судьба юноши, доведенного несчастьем до иночества. «Спамятует молодец спасенный путь, и оттоле

сошел в монастырь постригаться; а горе у св. ворот остается». Сентенция комедии блудный сын та же, что и в повести о горе злосчастия. «Дабы Христовым словам в сердцах быти глубже писанным, чтобы не забыти, ее образ юным старейших слушати, на младый разум не уповати». В поучительных стихах изображаются: страшный суд, антихрист, конец мира, блаженство праведных, и особенно мучения грешных. Грешным назначаются: внешняя тьма, глубокие погреба, лютые морозы, медные котлы, неусыпающий червь, разные огни, сосущие змеи, кипучая смола, вытягивание языков, повешение на крючьях над калеными плитами, гвоздие, смрады великие, плачь и скрежет зубов. (Ист. рус. слов. Порф. стр. 215. 532). Аскетический идеал особенно выражен в стихах об «Осафие», составленных под влиянием повести о Варлааме и Иоасафе. Повесть эта, обильная притчами, восточного происхождения, распространена в сборниках XIV–XV века; в XVII веке дважды напечатана. : Во дальней долине : Стояла мать прекрасная пустыня. : Приходит ли во пустыню : Младый царевич Иосафий. : От юности прелестный : Научи меня мать пустыня, : Как Божию волю творити. : Достави меня пустыня : Ко небесному царствию. : Не хочу я зреть на вольный свет, : На свои каменны палаты, : На свою казну золотую. : Я рад на тебя работати, : Земные поклоны исправляти, : До своего смертного часу.(Чтен. Общ. 1848 г. IX, 181. Цып. с. 124. Безсон. Калек. I, 206) .

594 - Жит. пр. Марк.

595 - Предисловие к Чети mineям.

596 - Сузд. лет. с. 183. 181. 195.

597 - Л. I, 122. 64.

598 - Ипат. с. 139.

599 - Путеш. Русс. людей по св. земле, Сахар. 1839 г.

600 - Приб. твор. св. отц. VI, 134.

601 - Древ. пам. русс. письма с. 171.

602 - Порслед. 4 путеш. Сказ. Сахар. 11.

603 - Ист. Мак. V, 254.

604 - Сбор. № 319. л. 245. 38.

⁶⁰⁵ - Сборн. № 321, л. 266. № 323, л. 74.

⁶⁰⁶ - № 231, Златоустник, поуч. рус. л. 80.

⁶⁰⁷ - Сбор. № 322, л. 290.

⁶⁰⁸ - 1 сборн.

⁶⁰⁹ - Сборн. № 338, л. 64.

⁶¹⁰ - Исслед. о Домострое Сильвестра, Прав. собес. 1860 г. III, 279.

⁶¹¹ - Учение Домостроя, нравственно-аскетическое и практическое. Каждый христианин должен исполнять свои обязанности. Дом его на подобие иконостаса украшается иконами. Здесь он должен зажигать свечи, курить ладан, и со всею семьей совершать молитвы и церковные службы. «По вся дни в вечере, муж с женою, детьми и домочадцы, отпети вечерню, повечерие, полунощницу, с молитвою и поклоны. А в полунощи, всегда, встав тайно, молиться Богу со слезами». Пред отходом ко сну полагать три поклона. «Утре молиться, отпети заутреню и часы, в неделю и праздник – молебен». Как можно чаще ходить в церковь. «А в церкви стояти со страхом, не озираяся, не приклоняться на стену и к столпу, не стояти с посохом, не переступати с ноги на ногу; руце согбенни, крестообразно; прийти к началу, до отпетия не исходи». Постоянно читать молитву Иисусову и всем носить четки. «Аще кто глаголет молитву сию, аки из ноздри дыхание, по первом лете вселится в него Христос, по втором – Св. Дух, по третьем – Отец». Слуг заставлять молиться дома, ходить в церковь, исповедоваться и приобщаться, хранить целомудрие. При входе в чужой дом они творят молитву и ждут аминя. В трудных обстоятельствах обращаться за советом к духовенству. В болезнях святить воду с икон и крестов, петь молебны, совершать обеты, путешествия ко св. местам. Соблюдать посты и милостыню. Кушания распределять применительно к праздникам и постным дням. Носить подаяние в церковь, монастырь, лазарет, темницу, особенно в праздники. «Страннии и пришельцы всегда бы в дому твоём питались». Наделять деньгами и слуг, чтобы они давали милостыню. Основание воспитания – страх Божий и знание писаний. Сильвестр учил

сына своего «страху Божию, божественному писанию и всякому христианскому закону». В отношении к обществу необходима осмотрительность и угодливость, хотя бы соединенная с неправдой. «Аще случится с кем брань, и ты своих брани; а кручиновато дело, то удар, хотя твой и прав. Тем брань утолишь, не будет вражды и убытка. Рассудительный слуга, слышав брань, скажет мир; где клянут, он похвалу и благодарение поведает. От таковых слуг сводится любовь и вечный мир». Применяясь к людям, прощать обиды, сносить несправедливости, никого не осуждать, даже в совести, ни о ком не говорить дурно. Лучшее средство к доброму обхождению гостепримство; угощать надобно так, чтоб все были довольны; пьяного гостя беречь, чтобы не избился. «Аще сия твориши, везде тебя встречают, от всякого лиха берегут, на стану не продадут, на дороге не разобьют. От гостей похвала во всех землях». В обществе необходимо оказывать уважение старшим, духовенству, родителям, воздерживаться от несправедливого стяжания, лихоимства, неумеренности. (Трапеза с благоговением). Кушанья надобно хвалить. Не подобает глаголати: «гнило, кисло, солоно, горько, или какую-нибудь хулу; но подобает всякое брашно похваляти, как дар Божий, и с благодарением вкушати». Особенно необходимо воздерживаться от пьянства. «Не мози упиватися до пьянства и долго сидети; зане во мнозе пьянстве бывает брань, свары, бой и кровопролитие. И ты, быв туто, аще не бранишися, не дерешися, будеши не последний, зане долго седиши. И в том пьянстве платье изгряднишь, шапку истеряешь; аще ли будет в мошне денег, то выймут». В отношении семейства необходим страх, который поддерживается властью домохозяина и наказанием. «И увидит муж, что непорядливо у жены, умел бы жену наказывати; такожде, смотря по вине, дети и слуги наказывати и раны возлагати. А про всяку вину не бити по уху, ни по видению, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ни каким железным или деревянным не бить. Кто с сердца бьет, многи притчи от того бывают. А плетью бережно бити, –разумно: и больно, и страшно, и здорово». Жена должна быть послушная, трудолюбивая, молчаливая, все делать с

дозволения мужа. «Сама бы государыня, опричь немощи, без дела не была; сама бы слуг будила. А не слушает, ино плетью постегать. А велика вина, ино плеткою вежливенько побить, за руки держа... Казни сына своего измлада, и порадуешься о нем в мужестве; воспитаи детище с прещением, и обращаи о нем покой и благословение. Не смейся к нему, игры творя; в мале бо ослабиши, ввелице поболити. Дщерь ли имаши, положи на ню грозу свою, да в послушании ходит». Следуют подробные и мелочные наставления о хозяйстве. В Домострое есть наставления относительно чародейства и проч. Представляя себя в образец своему сыну, Сильвестр говорит: «видел еси, чадо, како в житии сем жихом, во всяком благоговении и страхе Божии, в простоте сердца и церковном прилежании, со страхом и божественным писанием пользуясь всегда». Извращение житейских правил, заметное в Домострое, порождено веком Грозного, когда необузданный произвол, подавлял законы. Следует заметить, что автор Домостроя окончил жизнь в иночестве с именем Спиридона. (Археолог. значение Домостроя, Афанасьева, Отеч. Зап. Т. LXXI).

⁶¹² - Сведения: Ист. рус. ц. Добронр., прим. 31; Ист. пр. Мак. IV, Прилож. № XVI.

⁶¹³ - Изумр. сол. № 270, поуч. 127, 139, 138.

⁶¹⁴ - Раскол. Щапова, с. 433.

⁶¹⁵ - И.Р. Сол. III, 37.

⁶¹⁶ - И. пр. Мак. IV, 228–236.

⁶¹⁷ - Прав. Собес. 1858 г. апр. 503. Мы не перечислили всех проповеднических сборников, даже главных. Напр. кроме поименованного нами Златоустника, два списка подобного сборника принадлежат г. Григоровичу, из коих один XV, а другой XVII века. Равно и в синодальных сборниках мы не перечислили всех слов. Так в Изумруде опустили до 70 слов, в Златоустнике до 40, по большей части усвоенных св. отцам. Многие из этих слов написаны в форме аскетических рассказов, или статей разного содержания, или изъяснительных бесед, и никому не усвоены. О русском происхождении их можно догадываться по скудости мыслей и бессвязному изложению. Так некоторые

беседы состоят в перифразе евангельских сказаний, а слова сшиты из разных выписок, соединены и разделены произвольно. Напр. в Златоустнике¹⁰⁷ слово, о премудром устройении твари, приписано Златоусту; а в Изумруде это самое слово составляют два слова: 68-е о твари Божией, покаяния и смертной кончине, и 70-е о том, чтобы не плакать много о умерших младенцах. Оба слова приписаны Златоусту; в мыслях – мало связи. В Златоустнике слово 75, в неделю всех святых, приписано Златоусту; между тем проповедник пользовался мыслями Златоуста; в 68 слове, в 5 неделю по Пасхе, кажется, заимствованы некоторые мысли из бесед Златоуста. В Златоустнике слова: 66 о расслабленном, 67 в 4 неделю по пасхе (важность преполовления), 69 в 6 неделю по Пасхе (о слепом), тоже приписаны Златоусту; но они содержат в себе краткое объяснение евангелий, или простой пересказ их. Впрочем, опущенные слова не заключают в себе важных признаков для уяснения нашего предмета. Относительно слов Изумруда и Златоустника, рассмотренных нами, тоже необходимо сделать оговорку. Немногие из этих слов, приписанных св. отцам, особенно Златоусту, потребуют сравнения с подобными словами других сборников; при незначительных вставках, или сокращениях, сделанных неискусною рукою, они могут быть приписаны Златоусту. Ибо известен прием составителей сборников. Если в начале слова попадалось имя напр. архиеп. Кирилла и подобное, то они озаглавливали: «слово святого Кирилла философа, и проч. Иногда самородное слово озаглавливали именем св. Василия, и так далее, на том основании, что оно начиналось фразой: «Василий рече».

⁶¹⁸ - Прав. собес. 1860 г. 1, 459.

⁶¹⁹ - Гл. 5, вопр. 8. 37.

⁶²⁰ - Гл. 85.

⁶²¹ - О монашестве; Ист. пр. Мак. V, прил. № 22; Ист. р.ц. Добронр. Прим. 331–335.

⁶²² - Татищ. 1, 38. 11, 75. Волын. лет. II. с. р. л. 11, 222. 1, 66.

- 623 - И. пр. Мак. 1,250–252.
- 624 - Сбор. № 330, гл. 5.
- 625 - Грам. Перевлес. II, 184. III, 151.
- 626 - П. с. р. лет. VII, 188.
- 627 - И. Карам. X, 161.
- 628 - Отеч. зап. 1851 г. № 2 и 3.
- 629 - Сказ. о самозв. III, 36.
- 630 - Зап. арх. общ. V, 48.
- 631 - Пам. XII в. 195.
- 632 - П с. зак. VI, № 8913.
- 633 - И. р. ц. Знамен. 163.
- 634 - Поуч. Моном.
- 635 - П. с. лет. I, 65.
- 636 - Гл. 95.
- 637 - Воспомин. В Моск. ведомостях.
- 638 - Катих. Булгара, № 266, л. 143.
- 639 - Пролог.
- 640 - Пам. XII в. 173.
- 641 - Там же.
- 642 - И. Карам. IX, прим. 741.
- 643 - Соч. Шахов. № 327. л. 96.
- 644 - Ист. р.ц. Добронр. 186.
- 645 - Приб. к твор. св. отц. 1847 г. 225.
- 646 - Ж.М. Нар. Пр. 1849 г. LXI.
- 647 - Степ. кн. 1,279. Пам. р. слов. XII в. 176.
- 648 - Киев. патерик.
- 649 - А. и. I, № 5.26.
- 650 - Сказ. о св. отц. Иосиф. Волок.
- 651 - Тамже.
- 652 - П. с. лет. 11, 201.
- 653 - И. Р. Сол. IX, 435–439. Осада Серг. мон. Жит. Дион. рук.
№ 608.
- 654 - И. очер. р. слов. Бусл. II, 257.

- 655 - И. р. ц. Знамен. 166.
656 - Бусл. 253.
657 - И. Р. Сол. VII, 273.
658 - В захолустьях доселе крестьяне выходят на железную
дорогу с иконами, против нечистой силы.
659 - Педаг. услов. умств. разв. народа, 30.
660 - Прав. Собес. 1860 г. III, 310.
661 - Стогл. гл. 84.
662 - И. р. ц. Знам. 163.
663 - Препод. р. лит. Стоюнина, 65.
664 - С. 966.
665 - Стр. 433–442.
666 - Соч. Мурав. 1856 г. 1, 343.
667 - И оно готовится.